ISSN 1561-7793

Вестник
Томского государственного университета

№ 376 **Ноябрь** **2013**

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- ХИМИЯ

Томский государственный университет
2013

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слижов Ю.Г.**, канд. хим. наук., доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 376 Ноябрь 2013

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме 7
Иванцова Е.В. Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной языковой личности 14
Нестерова Н.Г. Интернет-радио как новый тип медиа и основа новых дискурсивных практик 20
Поплавская И.А., Шумилина Н.В. Очерк Каролины Павловой «Двойная жизнь» как прозиметрический текст 25
Скрипник А.В. Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н.В. Гоголя 32
Старикова Г.Н. Информативно-рекламный потенциал имен с колористическим компонентом (на материале названий заведений общественного питания) 37

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Замятина В.С. Сфера действия «паблик рилейшнз» в современном обществе 43
Карпова А.Ю., Карпов Д.А., Крючков Ю.Ю. Старый новый тренд в определении инженерных компетенций 47
Кириленко Ю.Н. Историко-философские основания социальной онтологии ритуала 51
Нехаева И.Н. Конфронтация опыта и репрезентации в контексте языковой привилегии: критика трансцендентализма в искусстве 55
Пирогов С.В. Контуры визуальных исследований города 59

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Панова О.Б., Белова А.Н. Гёте и мир Востока: к вопросу о мировоззренческих универсалиях Культуры 64
Прядуха Н.А. Музыкально-звуковые закономерности в организации культурного ландшафта Демидовской площади г. Барнаула 76

ИСТОРИЯ

Бабаев Э.А. Основные направления внешней политики Канады в 1984–1993 гг. (по материалам Архива внешней политики РФ) 81
Гефнер О.В. Театральная деятельность военных в культурной жизни городов Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) 85
Нам Е.В. Миф и архетип как основа шаманского мировоззрения 90
Полежаева Т.В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) 96
Рузаев С.В. Городской комитет обороны в системе органов власти г. Севастополя (октябрь 1941 г. – июнь 1942 г.) 101
Савосичев А.Ю. Проблема происхождения дьяков и подьячих XIV–XVII вв. в современной историографии 104
Тарасенко И.А. Эффективность работы Харьковского цементного завода во второй половине 1950-х гг. в контексте перехода на массовый тип строительства в СССР 110
Тарасов К.Н. Проблема взаимосвязи власти и общества через процесс формирования политической элиты во взглядах умеренных консерваторов (Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин, евразийцы) 114
Турушева Н.В. Особенности финансирования культурной сферы КНР 121

ПРАВО

Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика тональности как структурного элемента устной речи 124
Заварыкин И.Н. История возникновения и развития российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за изнасилование, а также его роль в защите прав женщин на половую неприкосновенность и половую свободу 126

ЭКОНОМИКА

Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кантор О.Г. Диагностика реализации социального потенциала регионов Российской Арктики с позиций устойчивого развития 132
Голованов А.И. От производительности к эффективности труда 137

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Быкова А.В. Разработка характеристики понятия субъекта как носителя причинности для обеспечения развития личности в образовательном процессе …… 142
Калачикова О.Н. Исследование содержания и опыта использования понятия «управленческая поддержка» в управлении образованием …… 149
Лукьянов О.В., Щеглова Э.А., Неяскина Ю.Ю. Современный психологический образ трудоголика – человека, извращенно представляющего место и роль труда в его жизни …….…. 153
Шансков М.А., Пономарев Г.Н. Типологические особенности социального поведения студентов факультета физической культуры …... 157
Шульгина Е.М., Обдалова О.А. Организация управляемой самостоятельной деятельности студентов посредством технологии веб-квест как условие успешности формирования иноязычной коммуникативной компетенции ……..... 162

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Анникова И.Ю., Владимиров А.Г., Смирнов С.З., Уваров А.Н., Гертнер И.Ф., Гаврюшкина О.А. Геология и минералогия сподуменовых пегматитов Горной Шории …… 168
Журавлев Г.Г., Задде Г.О. Оценка ветроэнергетического потенциала Кемеровской области ……. 175
Курьина И.В., Филандышева Л.Б., Бокова (Булатова) У.А., Сапьян Е.С., Климова Н.В. Исследование климатических сезонов года и их влияния на живые компоненты болотного биогеоценоза (на примере олиготрофного болота подтаежной подзоны Западно-Сибирской равнины) ……. 182

ХИМИЯ

Алексеенко К.В., Баталова В.Н., Мокроусов Г.М., Мартынова Д.Н. Вольтамперометрическое определение гидразина на стеклоуглеродном электроде в водных растворах ……. 192
Бабкина О.В., Сарычева Г.А., Вайтулевич Е.А. Синтез и исследование сополимеров на основе гликолида, dl-лактида, пропиленкарбоната и ε-капролактона …….. 195
Чуркин Р.А., Жук В.В., Яновский В.А., Третьяков А.Н. Исследование термодеструктивной переработки отходов производства стирола …… 198

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 202
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 206

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE UNIVERSITY BULLETIN
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL
№ 376 November 2013
Certificates of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Brinyov K.I. Forensic linguistic expertise in trials on religious extremism 7
Ivantsova Ye.V. Text variability as a dialect language personality speech culture manifestation 14
Nesterova N.G. Online radio as a new type of media and the basis of new discursive practices 20
Poplavskaya I.A. Karolina Pavlova's essay "A Double Life" as a prosimetrical text 25
Skripnik A.V. Phenomenon of the puppet and puppet theatre in N.V. Gogol's story "Nevsky Prospect" 32
Starikova G.N. Informative-advertising potential of names with a colour component (from the data of eating facilities names) 37

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Zamyatina V.S. PR coverage in modern society 43
Karpova A.Yu., Karpov D.A., Kruchkov, Yu.Yu. Old new trend in determination of engineer's competences 47
Kirilenko Yu.N. The historico-philosophical basis of the social ontology of the ritual 51
Nekhaeva I.N. Confrontation of experience and representation in the aspect of language privilege: criticism of transcendentalism in art 55
Pirogov S.V. Contours of visual studies of a city 59

CULTUROLOGY

Panova O.B., Belova A.N. Goethe and the Orient world: on the worldview universals of the culture 64
Pryadukha N.A. Music and sound patterns in the organization of the cultural landscape of Demidov Square in Barnaul 76

HISTORY

Babaev E.A. Basic directions of the Canadian foreign policy in 1984-1993 (on materials of the Archive of foreign policy of the Russian Federation) 81
Gefner O.V. Theatrical activity of the military men in the cultural life of the cities of Western Siberia (late 19th – early 20th centuries) 85
Nam Ye.V. Myth and archetype as a basis of the shamanic worldview 90
Polezhaeva T.V. Language as a factor of national unity (debates between the Archaists and the Karamzinians in early 19th century) 96
Ruzayev S.V. The City Defence Committee in the system of government agencies in the city of Sevastopol (October 1941 – June 1942) 101
Savosichev A.Yu. Problem of the origin of clerks and assistant clerks in 14th – 17th centuries in modern historiography 104
Tarasenko I.A. Kharkov Cement Plant efficiency in late 1950s in the context of USSR transition to mass construction 110
Tarasov K.N. Problem of interrelation of the power and the society through the process of political elite formation in the views of moderate conservatives (L.A. Tikhomirov, I.A. Ilyin, representatives of the Eurasian ideology) 114
Turusheva N.V. Features of financing China's contemporary cultural sphere 121

LAW

Alekseeva T.A. The criminalistic description of vocalicity as a structural element of oral speech 124
Zavarykin I.N. The history of the evolution of Russian and foreign criminal law on the responsibility for abuse and its role in protecting women's rights to sexual immunity and sexual freedom 126

ECONOMICS

Gainanov D.A., Kirillova S.A., Kantor O.G. Diagnostics of social potential realisation of the Russian Arctic regions from the positions of sustainable development 132
Golovanov A.I. From productivity to labour efficiency 137

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Bykova A.V. On the notion of the subject as an agent of causality for personal development in the educational process ……..... 142
Kalachikova O.N. Using the concept of "management support" in the management of education …… 149
Lukyanov O.V., Shcheglova E.A., Neyaskina Yu.Yu. A modern psychological portrait of a work addict – a person with perverted ideas about the role and the place of work in their life ……..... 153
Shanskov M.A., Ponomarev G.N. Typological characteristics of social behaviour of of the Physical Education Faculty students ……..... 157
Shulgina Ye.M., Obdalova O.A. Organisation of students' operated independent activity by means of webquest technology as a successful condition of the foreign language communicative competence formation ……..... 162

SCIENCES ABOUT EARTH

Annikova I.Yu., Vladimirov A.G., Smirnov S.Z., Uvarov A.N. Gertner I.F., Gavryushkina O.A. Geology and mineralogy of spodumene pegmatites from Mountain Shoriya …… 168
Zhuravlev G.G, Zadde G.O. Assessment of wind power capacity of Kemerovo Region …… 175
Kurina I.V., Filandysheva L.B., Bokova (Bulatova) U.A., Sapyan Ye.S. , Klimova N.I. Research of the climatic seasons of the annual cycle and its influence on the living components of peatland biogeocoenosis (by example of oligotrophic peatland in subtaiga of Western Siberia) ……. 182

CHEMISTRY

Alekseenko K.V., Batalova V.N., Mokrousov G.M., Martynova D.N. Voltammetric determination of hydrazine on glassy carbon electrode in aqueous solutions ……..... 192
Babkina O.V., Sarycheva G.A., Vaytulevich Ye.A. Synthesis and analysis of the glycolide, dl-lactide copolymers, propylene carbonate and ε-caprolactone copolymers …… 195
Churkin R.A., Zhuk V.V., Yanovskiy V.A., Tretyakov A.N. The study of thermodestructive processing of styrene production wastes …..... 198

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS …… 202
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH …….... 206

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7–13 DOI: 10.17223/15617793/376/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 340.113(082)

К.И. Бринев

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Статья посвящена описанию состояния судебной лингвистической экспертизы религиозных текстов в части выявления в них признаков экстремизма. Выявляются неэффективные теоретические презумпции, которые лежат в основании анализа религиозных текстов (эссенциалистская теория определений, концепция критериев). Утверждается, что теория определений и концепция критериев приводят к тому, что лингвистический анализ спорного текста подменяется принятием юридических решений, что выходит за рамки компетенции лингвиста-эксперта. Отдельно обсуждается целесообразность привлечения психологов и религиоведов к проведению экспертиз религиозных текстов. Также обсуждаются выводы возможности, которые часто встречаются в экспертных заключениях по делам о религиозном экстремизме, данные выводы характеризуются с точки зрения их эмпирического содержания.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; лингвистическая экспертиза; компетенция эксперта по делам о религиозном экстремизме.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам об экстремизме в настоящее время представляет собой едва ли не самый спорный класс экспертных исследований. Очень часто приходится наблюдать ситуацию, когда экспертные оценки одного и того же текстового материала являются прямо противоположными[1].

Цель данной статьи – обсудить некоторые проблемные вопросы как общего, так и частного характера, от решения которых, на наш взгляд, зависит эффективность судебной лингвистической экспертизы по делам о религиозном экстремизме.

Концепция критериев. Эта концепция достаточно распространена в лингвистической экспертизе и является одним из вариантов лингвистического эссенциализма[2]. Согласно этой концепции при производстве судебной лингвистической экспертизы невозможно добиться удовлетворительного результата, не разработав шкалу критериев того или иного лингвистического явления. Например, невозможно в тексте выявить призыв, утверждение о фактах, не выделив предварительно критерии призыва или утверждения о фактах, или – невозможно оценить текст как разжигающий социальную рознь, не выделив критерии социальной группы. Поэтому представители концепции критериев считают, что первоочередной задачей теоретических изысканий в области судебной экспертизы являются поиски критериев ключевых понятий или явлений экспертной деятельности («призыв», «сходен до степени смешения», «социальная группа», «факт», «оценка» и т.п.). Универсализм такой теории достаточно очевиден[3], проблема критериев переходит из работы в работу, однако не видно, как и когда она решится. Отметим, что этого не видно потому, что данная проблема неразрешима и, более того, не является настолько важной, как это кажется представителям концепции критериев. Проблема критериев – сугубо конвенциональна, представляет собой проблему решения, а не факта.

Существует полная аналогия между концепцией критериев и проблемой определения терминов или поиском сущности конкретного явления. Поиск критериев тоталитарной секты, экстремизма, социальной группы, дозволенных форм речевого поведения не является вопросом эмпирической науки, он не связан с описанием какого-то положения дел, но полностью находится в плоскости соглашений (конвенций) об употреблении языка. Постановка проблем такого рода в экспертных исследованиях приводит к подмене фактов решениями[4]. Две различные экспертизы, в одной из которых произвольное объединение лиц признается в силу каких-то критериев социальной группой, а в другой в силу иных критериев это же произвольное объединение группы лиц не признается социальной группой, просто разделяют различные соглашения об использовании словосочетания «социальная группа», т.е. они различны в решениях о том, что должно быть поименовано данным словосочетанием, хотя может иметь место впечатление, что в них решаются какие-то весьма значимые эмпирические вопросы.

Из этого следует, что поиск критериев должен полностью находиться в плоскости решений, а не фактов, критерии – это ответ на вопрос «Что называть словом X?» (конвенциональный словесный вопрос), который в юридическом аспекте трансформируется в вопросы «Что запрещено?», «С чем необходимо бороться?» «Почему с этим необходимо бороться?» (мораль, этика и право), а не в ответ на вопрос «Что происходит?» (эмпирическая наука).

Чтобы сказанное было максимально ясным, отметим, что не существует в эмпирическом отношении критериев разжигания религиозной розни, критериев направленности речевого произведения на разжигание межрелигиозной вражды, критериев подрыва уважения к произвольной религии и др. Проблема критериев (как она ставится и решается в лингвистической экспертизе) – это проблема конвенции, а не эмпирической науки, вопрос «Каковы критерии..?» не разрешим в эмпирической плоскости.

Проиллюстрируем данные тезисы на примере спора о критериях понятия «тоталитарная секта», или критериях тоталитарных сект.

Термин «тоталитарная секта» является центральным в работе А.Л. Дворкина «Сектоведение» [2].

Один из аспектов проблемы связан с вопросом о научности или ненаучности данного понятия. Еще раз отметим, что споры относительно понятий, в том числе споры об их научности, не имеют никакого познавательного значения, они способны лишь тормозить рост научного знания (о росте научного знания см. [3]). И в этом отношении как те, кто защищает понятие «тоталитарная секта», так и его противники, которые говорят о его ненаучности, на наш взгляд, пытаются решить лишенную содержания проблему. Если рассматривать словосочетание «тоталитарная секта» лингвистически, то объем его эмпирического содержания, безусловно, нечеток, что в принципе свойственно всем словам русского языка, в том числе и так называемым научным терминам. На эмпирической составляющей высказываний с термином «тоталитарная секта» мы остановимся позже, сейчас же необходимо отметить, что данное словосочетание содержит еще и оценочный компонент, или – в другом аспекте – деонтический или директивный, он может быть сформулирован следующим описанием: «так не должно быть, такие организации недопустимы, в отношении таких организаций необходимы санкции». Из этого следует, что выражение «Х – тоталитарная секта» в лингвистическом отношении больше напоминает вердиктив (а точнее – приговор), но не собственно констатив (= утверждение о факте). А если это так, то выражения с данным словосочетанием включают в себя аспект решения, т.е. аспект оценки фактов с точки зрения их недопустимости. Любое решение конвенционально, оно не выводимо из фактов, не может быть никаких так называемых критериев решения, которые находились бы в натуралистском смысле в самой природе вещей – в данном случае в самой природе религиозных организаций. А потому невозможны натуралистские критерии так называемых тоталитарных сект, и в этом плане необоснованна позиция как самих сторонников понятия «тоталитарная секта», которые полагают, что существуют такие критерии, так и противников, которые упрекают первых за отсутствие четких критериев.

Приведем конкретный пример: факт массового самоубийства сам по себе не является ни порочным, ни благим (сам факт заключается именно в том, что в таком-то месте, в такое-то время, по таким-то мотивам имело место массовое самоубийство). «Плохим» или «хорошим» этот факт делают наши решения, а отсюда вопрос о том, делать ли критерием недопустимости религиозной организации наличие в ней пропаганды или сознательного или бессознательного допущения массового или одиночного самоубийства – это вопрос наших решений, но не фактов. Допускать ли такие факты или запрещать их – вопрос, скорее, законодательный, но не религиозный. Таким образом, вопрос критериев не так уж сложен, научен и запутан, как это может показаться. Более того, этот вопрос не имеет к науке никакого отношения (за исключением, вероятно, юриспруденции или этики), но имеет прямое отношение к качеству действующего законодательства. Разработка таких критериев не представляет собой трудности, так как полностью зависит от того, какие решения общество готово принять по этому поводу (мы опускаем в данном случае саму технику принятия таких решений).

Таким образом, с номиналистской точки зрения квалификация религиозной организации как тоталитарной секты не имеет эмпирического значения, а вопрос «Является ли Х тоталитарной сектой?» имеет по большей части оценочное, а не дескриптивное значение. Более значимы с нашей точки зрения вопросы следующего вида: «Допустимо ли отрицать существование Троицы или значимость Рождества?», «Допустимо ли иметь несколько жен?», «Допустимо ли пропагандировать идею о том, что под воздействием определенных процедур и чтения конкретного текста человек излечивается от рака?».

Ответ на данные вопросы предполагает либо наличие определенных решений, либо обсуждение и выработку таких решений, при этом выражение-вердиктив «это тоталитарная секта» не является ни необходимым, ни достаточным для оценки религиозного направления.

В этом аспекте целесообразно сосредоточиться на установлении конкретных фактов, связанных, например, с возможностью добровольного выхода из общины или характеристикой последствий выхода из нее, пропагандой самоубийства, фактами мошенничества и т.п. Перечень таких фактов-критериев приведен в ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Некоторые частные вопросы судебной лингвистической экспертизы спорных речевых произведений по делам об экстремизме

Направленность речевого произведения на разжигание ненависти и вражды. Несмотря на разъяснения, которые даны в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29 июня 2011 г., лингвисты до сих пор отвечают на вопрос о направленности / ненаправленности спорного речевого произведения на разжигание межрелигиозной вражды. Напомним, что согласно указанному Постановлению «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды».

Мы уже отмечали ранее [4, 5], что реконструкция некоммуникативных намерений не может быть осуществлена при помощи лингвистического исследования, так как речевые произведения способны употребляться неискренне, потому описание иллокуции более напоминает формулу «Говорю, как если бы хотел, чтобы Х» (говорю, как если бы хотел призвать, оскорбить и т.п.), из которой напрямую не выводятся некоммуникативные цели, а потому вывод о направленности, который в юридическом сознании тесно увязывается с категорией «умысел», является некорректным, а давая положительный ответ на подобный вопрос, лингвист

фактически сразу выносит приговор. Таким образом, ответ на вопрос о направленности требует корректировки, которой, как правило, в лингвистических исследованиях нет.

Все это не значит, что реконструкция иллокутивных целей сама по себе не представляет никакого интереса, илллокутивные цели представляют собой значимые, хотя и косвенные факты, которые способны соотноситься с составом преступления / правонарушения. Однако эти косвенные факты должны соотноситься и не противоречить каким-то другим внетекстовым фактам, только при таком условии возможно установление совпадения / несовпадения некоммуникативных и коммуникативных целей речевого произведения. Строго говоря, некоммуникативные цели – а в данном случае умысел на разжигание – не могут быть получены напрямую, но выводятся из фактов, которые способны косвенно обосновать наличие ментального состояния «Я хочу».

Ответы возможности. Весьма интересны в экспертизах по религиозному экстремизму так называемые ответы возможности. Они представлены высказываниями вида «высказывание способно подорвать уважение к традиционному христианству», «высказывание способно разжечь межрелигиозную ненависть и вражду». Данный тип высказываний асимметричен: такие высказывания неопровержимы, но верифицируемы. Это их свойство порождает интересные следствия.

Их неопровержимость влечет то, что они при любых условиях истинны. Предположим, что в результате экспертного исследования дан ответ, что класс высказываний, которые присутствуют в том или ином источнике, способен подорвать уважение к традиционному христианству. Этот ответ сформулирован настолько в общем виде, что он истинен и при условии, что количество человек, потерявших уважение к христианству, равно одному (достаточно одного человека, который потерял уважение к христианству после прочтения текста, чтобы искомый вывод был истинен). Более того, также он истинен, если не зафиксировано и никогда не будет зафиксировано ни одного примера утраты уважения к традиционному христианству в результате прочтения данного текста. Истинен потому, что такая возможность остается при следующем прочтении данного текста. И так до бесконечности: если каждое следующее прочтение не принесло постулируемый результат, то он остается возможным при следующем прочтении. Если подходить к данному вопросу логически, то предрасположенностью подорвать уважение к традиционному и нетрадиционному христианству обладает любая фраза русского языка, и этот вывод справедлив, так как данное утверждение нельзя опровергнуть никаким возможным опытом.

То, что описано выше, может показаться схоластичным и не имеющим отношения к производству реального экспертного заключения, но, на наш взгляд, это, напротив, показывает, что в решении определенных экспертных задач эксперты-лингвисты основываются не на логике и специальных лингвистических познаниях, но на своих субъективных и бытовых представлений о положении дел в области экстремизма вообще и религиозного экстремизма в частности.

Думаем, несложно представить себе, как методически выглядит принятие подобного решения: эксперт ставит себя на место верующего и отвечает на вопрос «Оскорбило ли меня выражение о том, что все остальные религии, а значит и моя – ложные?». Естественно, он получает положительный ответ на поставленный вопрос. По нашему мнению, такой ответ и такая процедура ответа основаны не на специальных лингвистических познаниях, но – еще раз отметим – на субъективистских представлениях экспертов. Эксперт в данном случае основывается на фоновых знаниях и прибегает, как нам кажется, к такой логике: «Люди склонны обижаться, если кто-либо считает их убеждения неверными, их ценности ложными или незначительными. Православные христиане почитают крест. В спорном тексте присутствует утверждение, что крест не нужно почитать. Православные христиане могут обидеться на данное высказывание».

Ценность таких выводов для суда растет прямо пропорционально количеству лиц из группы тех, кто может обидеться на спорное высказывание, так как вывод о способности подрывать уважение, оскорблять, разжигать межнациональную рознь непосредственно верифицируется в судебном заседании (напомним, что данные высказывания способны быть верифицируемыми). Приведем конкретный пример из судебного решения по делу о признании экстремистской местной религиозной организации «Свидетели Иеговы» г. Таганрог: А) «Выводы экспертов подтверждаются показаниями свидетелей. Так, свидетель Балов Л.С. показал, что у него литература вызывает негативные эмоции и навязывание и оскорбляют его как православного»; Б) «В ходе проведения по жалобе проверки были опрошены граждане И., Д., Б., которые в своих объяснениях пояснили, что на улицах города постоянно подходят Свидетели Иеговы и навязывают свою религиозную литературу, несмотря на объяснения граждан о том, что они являются православными христианами. Взяв и просмотрев распространяемую литературу, они обнаружили в ней много клеветнических высказываний в адрес различных религий, в том числе в адрес православия, что затрагивает их религиозные чувства».

Таким образом, вывод, который формулируется со словом «способен», «застрахован от неудач»[5], так как в худшем случае он останется голословным, но при этом истинным, а в лучшем – еще и найдется несколько человек, которым спорное речевое произведение не нравится. Однако является ли достаточным основанием для признания материалов экстремистскими наличие конфликта по каким-то соображениям между двумя религиозными группами? Нетрудно представить себе ситуацию судебного разбирательства, где эти же группы поменяются местами и обиженные станут экстремистами. Так, на наш взгляд, вполне возможно, что текст работы А.Л. Дворкина «Сектоведение» по критерию возможности подрыва уважения к другим религиям является экстремистским.

Отметим, однако, что теория, включающая вероятности, и ее применение в лингвистической экспертизе являются объективно сложными и нам бы не хотелось, чтобы наши предыдущие высказывания интерпретиро-

вались как отрицание способности лингвистики поставить и решить названную проблему, мы хотели только показать, что в настоящее время лингвистические представления о возможности и вероятности неудовлетворительны и не могут применяться в экспертном исследовании.

Неудовлетворительны они потому, что современная лингвистика – лингвистика детерминистского типа. Но в паре «речевое произведение – реакция» нет детерминистской связи, так, вопрос может вызвать ответ, молчание, оскорбление и т.п. Детерминистская лингвистика не в состоянии в настоящее время описать реальные механизмы взаимодействия говорящего и слушающего. Требуются новые модели описания речевого воздействия и его результатов, эти модели должны учитывать индетерминистский характер речевого взаимодействия, в частности учитывать то, что модель взаимодействия не построена по принципу стимул – реакция, слушающий свободен в своем поведении, поэтому речевые действия говорящего могут быть как успешными, так и неуспешными.

Несмотря на то что это достаточно очевидно и, скорее всего, разделяется всеми лингвистами, это почему-то не учитывается при производстве экспертизы, а также не учитывается и в фундаментальных исследованиях. Особенно заметно это при описании речевой манипуляции, где способ построения высказывания (наличие технических приемов воздействия) отождествляется с успехом речевых актов. Другими словами, если в речевом действии применен так называемый прием навешивания ярлыков, то имеет место манипуляция – скрытое воздействие на сознание слушающего. Это, на наш взгляд, свидетельствует об эмпирической бедности теорий взаимодействия, их неприменимости при производстве реальных экспертных исследований. Поэтому мы позволим себе не согласиться с некоторыми авторами в том, что «концептуальные основы и эпистемология судебной лингвистики заключены в различных разделах и направлениях современного теоретического языкознания и необходимо лишь выбрать оптимальные концепции» [6].

Большинство фундаментальных теорий (не все!) в силу их эссенциалистского характера просто не могут применяться на практике, потому что не имеют или имеют весьма опосредованное отношение к эмпирической науке. Особенно ясно это стало при производстве лингвистических экспертиз по делам об оскорблении, при так называемом разграничении фактов и оценок, призывов и «непризывов», этот ряд можно продолжать: любая лингвистическая проблема разграничения, которая заканчивается поиском критериев, не носит эмпирического характера.

О религиоведческой и психологической составляющей в экспертизе религиозных текстов

В настоящее время, на наш взгляд, остается непонятным, какие значимые факты может установить религиоведческое исследование спорного материала. Сразу необходимо отметить, что этот вопрос нуждается в детальном обсуждении. Вполне возможно, что религиоведческая составляющая экспертного исследования способна устанавливать значимые по делам о религиозном экстремизме факты. Однако, на наш взгляд, необходимо все-таки ответить на вопрос, каковы конкретно эти факты.

Если цель религиоведческой составляющей квалификация «безвредности» / «полезности» идеологии, организации и т.п., то очевидно, что это не факт, а решение по поводу фактов, и вряд ли такая цель может быть приемлема, экспертиза при таком подходе из действия, направленного на установление и описание фактов, превращается опять-таки в вынесение вердикта, что, на наш взгляд, может быть оценено как выход за пределы компетенции эксперта. Допустимость или недопустимость религиозных идей, на наш взгляд, не может иметь отношения к самой религии, т.е. не может касаться вопросов «Как верить?», «Во что верить?», «Какова модель мира?», «Каково положение человека в мире и каковы его отношения с богом?», «Какие праздники праздновать и что чтить, а что не чтить?». Безусловно, религиовед способен ответить на все эти вопросы, включая историю возникновения религий и историю межконфессиональных отношений между какими-то конкретными религиями, однако встает вопрос о том, какое это отношение имеет к установлению фактов по делам об экстремизме. Даже такой, казалось бы, сугубо религиоведческий вопрос «Является ли данная группа религиозной?»[6] представляет собой вопрос решения, а не факта, другими словами, это вопрос критериев, а значит не носит эмпирического характера. Выработка же конвенции ради самой конвенции, даже если в этом участвуют ученые, на наш взгляд, не обладает ни научной, ни практико-юридической ценностью.

Еще раз отметим, что вопросы, которые связаны с возможностью религиоведческой составляющей в проведении экспертизы, требуют критического обсуждения, и мы не преследуем в этой статье цели – отбросить религиоведческую часть в качестве лишней (предположим, что консультация религиоведов на стадии разработки и принятия законов будет весьма ценной, вероятно также, что может представлять ценность обнаружение искажения фактов межконфессиональных отношений, возможно, и каких-то иных историко-религиозных фактов). Однако складывается впечатление, что религиоведческое исследование в настоящее время во многом дублирует лингвистическое исследование или в определенных случаях подменяет факты решениями; решения же, на наш взгляд, прерогатива юристов.

В качестве предположения и с целью обсуждения выскажем тезис о том, что более уместным было бы привлечение специалистов в области идеологий, которые могли бы дать оценку идеологической системы с точки зрения степени авторитарности идей, которые характерны для той или иной религиозной группы или религиозной системы. Однако еще раз отметим, что все это требует критического обсуждения.

Остается также открытым вопрос о целесообразности привлечения психолога к исследованию спорных текстов по делам о религиозном экстремизме. Особенно требует обсуждения ценность результатов, которые получает психолог при опросе информантов (нам встречался, например, опрос, который был направлен

на так называемый факторный анализ выборки). Создается впечатление, что в такого рода исследованиях выясняется не конкретные факты, которые значимы с точки зрения констатации наличия / отсутствия состава правонарушения, но исследуется устойчивость среднестатистической нормы социальных оценок речевого поведения говорящего.

Поясним этот тезис. Если психологическое исследование проходит в форме опроса, то психолог, пытается доказать, что с точки зрения восприятия спорный текст / фраза вызывает негативные эмоции или реакции, которые можно интерпретировать на шкале «признаки возбуждения межрелигиозной розни». Однако предположим следующую ситуацию: в результате экспериментирования с фразой «Давайте вырежем… (на месте многоточия имя последователей любой религиозной организации)!» мы получили в репрезентативной выборке ответ «безразлично», количественно равный ста процентам[7]. Что следует из этого факта? По нашему мнению, ничего. Это не свидетельствует ни о том, что реципиенты не поняли речевое действие, ни о том, что они разделяют ценность «Необходимо вырезать представителей такой-то религиозной организации». Возможно себе также представить, что в выборку попадут реципиенты, которые разделяют такую ценность, и что в результате экспериментирования у ста процентов опрошенных возникнут положительные эмоции после прочтения данной фразы, но и из этого факта ничего не следует относительно отношения данной фразы к составу конкретного экстремистского правонарушения, такие ответы не делают искомую фразу «неэкстремистской», они просто характеризуют выборку информантов и не более того.

Еще раз отметим, что все тезисы, которые изложены в этом фрагменте статьи, требуют широкого научного обсуждения, тогда как научное сообщество (как нам кажется) более склонно к созданию методик проведения экспертизы, что является, по нашему мнению, несколько преждевременным.

Экспертные задачи

На наш взгляд, в настоящее время лингвистическая экспертиза способна устанавливать лишь следующие факты:

1. Описывать речевое поведение говорящего.

На данном уровне описываются иллокутивные цели, которые реализуются в тексте. В религиозных текстах, как правило, доминирует[8] цель распространения учения или пропаганды религиозных ценностей, которая может быть описана следующей структурой:

Верю (я убежден), что X

Хочу, чтобы ты верил (был убежден), что X

Говорю тебе, что X, для того, чтобы ты верил (был убежден), что X

Здесь X – пропозициональные функции или классы пропозиций, которые описывают:

1. Космогонию. Компонент, который сообщает информацию об устройстве и происхождении мира. Данный компонент имеет форму утверждений о фактах, которые, как правило, носят неэмпирический характер (другими словами, не могут быть опровергнуты ни при каких условиях – «Бог существует»).

2. Дозволенные или недозволенные формы поведения. Этот компонент включает в себя нормативные высказывания, которые определяют дозволенные / недозволенные линии (формы) поведения. Такие высказывания, как правило, обосновываются тем, что нормы поведения установлены самим Богом либо вытекают из авторитетных источников. В любом случае нормы требуют авторитетности источника их происхождения.

Начнем описание именно с этих классов пропозиций, затем прейдем к характеристике самого речевого поведения.

Очень частотны в религиозном тексте высказывания второго типа, так называемые высказывания-решения. Эти высказывания представляют собой высказывания-решения, высказывания-нормы, другими словами, деонтические высказывания. Эти высказывания имеют вид «Необходимо (нужно), чтобы X», «Запрещено / разрешено X». Необходимо больше молиться, необходимо приходить в церковь, причащаться, не нужно поклоняться иконам и т.п.

Очевидно, что данные высказывания могут содержать противоречащие действующему законодательству ценности, так, высказывание «Необходимо физически уничтожать такую-то нацию» является недопустимым. Сразу, однако, отметим, что вопрос о допустимости тех или иных ценностей не входит в компетенцию лингвиста, это вопрос решений, но не фактов. При этом также отметим, что в большинстве случаев не имеет никакого значения, побуждают ли или способны ли побудить данные высказывания к конкретным действиям.

Остановимся на характеристике речевого поведения, которое было описано выше. Само по себе данное речевое поведение, вероятно, совместимо с любым юридическим решением. «Верить» и «хотеть, чтобы кто-то верил» не являются признаком состава правонарушения, однако тексты с такой иллокуцией могут распространяться с умыслом на разжигание, равно как и без такового.

Мы уже не раз отмечали, что условие искренности речевого поведения (выше отмечено буквой А) не равно юридической конструкции умысла, скорее, этот компонент можно более точно описать высказыванием «Веду себя как если бы верил (был убежден), что X», однако установление фактов иллокутивного порядка имеет значение, хотя и косвенное, для установления умысла. Так, при отсутствии искренности данная коммуникативная структура способна трансформироваться в структуру, которая может иметь самые разнообразные цели, включая те, которые могут интерпретироваться как умысел на разжигание.

2. Описывать некоторые семантические характеристики текстов или высказываний.

А) В центре семантических описаний по делам об экстремизме, в том числе и религиозном, находится такая семантическая категория, как образ врага. Это создающееся в спорном речевом произведении негативное представление о ком-либо, как правило о группе лиц, которые объединены по какому-либо признаку (расовому, национальному, социальному и т.п.). Образ

врага создается как оппозиция двух групп – «свои» и «чужие».

Как правило, образ врага создается на фоне так называемой «теории заговора» (К. Поппер), в которой какой-либо группе людей приписываются сознательные волевые действия, которые направлены на достижение преимуществ и благ для своей группы в ущерб всем иным группам лиц. Наиболее ярко теория заговора реализуется в идеях антисемитизма, согласно которым евреи – нация, которая стремится к мировому господству любыми средствами и способами. В данном случае «чужие» – это агрессоры, а «свои» – жертвы.

Менее идеологизированные способы создания данного образа сводятся к идеям:

– чуждости характера, культуры и т.п. группы «чужие» (в данном случае реализуется идея «чистоты» группы «свои»);

– порочности и низменности национального характера или национальных черт группы «чужие» (в данном случае «свои» исключительно моральны и праведны по природе);

– вырождения (дегенерации) или изначальной природной неполноценности «чужих» (в данном случае «свои» по природе или в силу активных действий превосходят «чужих» по каким-то параметрам).

Часто данные идеи облекаются в научную форму, что затрудняет экспертное исследование и требует привлечения специалистов из иных областей знания (вероятно, политологов, социологов).

Б) Лингвист способен также установить наличие / отсутствие утверждений о фактах относительно какой-либо группы лиц (данная экспертная задача имеет как прагматический, так и семантический аспект, распространение утверждений о фактах относительно какой-то религиозной группы может также являться элементом создания образа врага).

Организационные аспекты и методическое обеспечение. Едва ли не каждая статья и монография по судебной лингвистической экспертизе содержит указание на необходимость создания общепринятых методик проведения экспертиз. На наш взгляд, общепринятость не является и не может быть самоцелью методических разработок, но в лучшем случае является следствием выполнения некоторых («в лучшем случае» – потому что более удовлетворительная методика может быть менее признанной) методологических презумпций, которые способны обеспечивать качество методики.

Первое требование, которое, на наш взгляд, должно быть предъявлено к методике, заключается в том, что методика должна быть основана на удовлетворительной теории – теории, которая описывает непротиворечивым и полным образом все известные факты. Так, например, методика, которая основана на теории критериев, которую мы описывали выше, не может быть эффективной, она не способна удовлетворительным образом описывать факты (отметим, что подход от критериев в настоящее время весьма распространен).

Второе требование, которое должно быть предъявлено к методике (это требование справедливо и относительно теории, которая лежит в основе методики), заключается в том, что методика и/или теория должны выдержать (выдерживать) попытки их опровержения [3], что предполагает широкое обсуждение этих методик, включая критическое их обсуждение.

К настоящему времени ни первое, ни второе требование, на наш взгляд, не выполняются.

В данной статье остановимся на втором требовании (первое подробно рассматривалось нами в [5]). Нет необходимости обосновывать то, что традиция критического обсуждения методических приемов или даже части методических разработок, которые представлены в некоторых работах по лингвистической экспертизе, в настоящее время весьма слаба. И эту традицию еще больше ослабляют методики, которые разработаны в настоящее время в государственных экспертных учреждениях и которые получили гриф «Для служебного пользования». Такие методики попросту защищены от критики – базового инструмента роста научного знания. В этой связи они имеют все шансы стать общепринятыми, но не в силу того, что они эффективны или способны адекватно описывать факты, а в силу того, что они приняты как методики и ими реально руководствуются. Встает вопрос: каким образом обоснована их эффективность и адекватность? Вероятно, те, кто разрабатывал данные методики, и те, кто заказывал их разработку, предполагают, что названные характеристики методик проведения экспертизы по религиозному экстремизму вытекают из авторитетности и – что, конечно, более важно – непогрешимости конкретных ученых или группы ученых, которые эти методики разрабатывали. Нет никаких сомнений, что при таком подходе к методическому обеспечению судебной лингвистической экспертизы на современном уровне ее развития суггестивный аспект, который связан с магическими словами «типовая методика», «для служебного пользования» и т.п., окажется более значимым, чем объяснительные и описательные возможности любой произвольной теории или методики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Особенно ярко это проявилось в последние годы в оценке текстов религиозной организации «Свидетели Иеговы».

[2]Принцип эссенциализма на примере оскорбления подробно описан нами в [1].

[3]Проблема критериев очень распространена в фундаментальной лингвистике, достаточно вспомнить вопрос о том, каковы же критерии текста, чтобы убедиться в этом. Лингвистическая экспертиза не внесла ничего нового в концепцию критериев, но является всего лишь продолжением темы критериев, которая имеет огромное значение в фундаментальной лингвистике.

[4]Так как в производстве экспертизы системно смешиваются решения и факты, экспертиза как деятельность становится зависимой от социальной, моральной и даже религиозной точки зрения эксперта.

[5]Эмпирическая бессодержательность таких выводов особенно понятна, если мы попробуем конкретизировать поставленные вопросы. Так, на вопрос «Потеряет ли уважение к данной религии после прочтения текста конкретное лицо, скажем, Петров?», вероятно, можно ответить только фразой (причем тавтологически истинной): «Либо потеряет, либо нет». Если конкретизировать вопрос относительно группы лиц и поставить вопрос «Если текст прочитают 20 человек, то потеряют ли они уважение к негативно оцениваемой в тексте религии?», то мы уже вероят-

но можем ответить: Некоторые, вероятно, потеряют, а некоторые из 20 не потеряют, либо все не потеряют, либо все потеряют». Другими словами, ответ на поставленный вопрос сводится к утверждению «Все может быть». А если это так и все варианты возможны, значит, пока не существует удовлетворительной «теории подрыва уважения» и вряд ли целесообразно давать ответы на подобные вопросы.

[6]Отметим также, что вопрос «Что такое религия?» с эмпирической точки зрения также лишен содержания.

[7]Например, по данным психологического исследования одной националистской листовки, были получены интересные «парадоксальные» результаты. По результатам факторного анализа характеристик восприятия образца № 2 (женщина и ребенок) был выделен 1 значимый фактор, в который вошли следующие значимые показатели: не вызывает чувства унижения собственного достоинства (0,821), невражебный (0,876), социально приемлемый (0,789), нешокирующий (0,757), неагрессивный (0,792), невызывающий (0,856), непровокационный (0,797). В целом данный образец воспринимается респондентами с позитивных позиций.

[8]Это не означает, что в религиозных текстах не могут употреблять речевые акты угрозы, оскорбления, утверждения и т.п., выявление которых является значимым по делам о религиозном экстремизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринев К.И.* Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. № 12. С. 394–412.
2. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2002.
3. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
4. *Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул : Изд-во Алт. гос. пед. акад., 2009. 252 с.
5. *Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2010.
6. *Мишланов В.А., Салимовский В.А.* К теоретическим основаниям судебной лингвистики : Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. URL: http://www.siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-195

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 14–19 DOI: 10.17223/15617793/376/2

УДК 81'271+81'282.2

Е.В. Иванцова

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕКСТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается вариативность порождения текста как одно из проявлений высокого уровня народно-речевой культуры. Вариативность проявляется в реализации общего замысла повествования, его структурировании, изменении деталей и объема текста, мене коммуникативных регистров и способов представления субъекта речи, характере поясняющих комментариев, использовании разнообразных по форме и семантике языковых средств. Выявляются субъективные и объективные факторы создания вариативного текста в спонтанной речи диалектоносителя.

Ключевые слова: народно-речевая культура; диалектная языковая личность; текст; вариативность.

Проблемы речевой культуры, отражающей духовную культуру народа, всегда находились и находятся в центре внимания исследователей и пользователей языка. Особенно возрастает интерес к этим проблемам в наши дни, когда много говорится о падении уровня речевой культуры в современном социуме. Заинтересованность общества в сохранении и развитии культурных традиций породила закономерный интерес языковедов и к реальному многообразию проявлений означенного феномена, и к его эталонным проявлениям как образцам для подражания.

Хотя мысль о существовании в рамках национальной культуры различных типов речевой культуры была выдвинута Н.И. Толстым [1] более 20 лет назад, в данном аспекте лингвистами рассматривается, как правило, только речь носителей литературного языка. В.Е. Гольдиным и О.Б. Сиротининой [2] предложена классификация типов речевой культуры в среде образованных горожан. Активно исследуются элитарный тип литературной речевой культуры и его представители − элитарные языковые личности. Эти достаточно редкие феномены интересуют ученых в качестве эталона овладения языком как важнейшей частью национальной культуры (см. работы Н.И. Белуновой, С.М. Дрокина, И.А. Иванчук, Г.Г. Инфантовой, И.С. Кондратьевой-Фишер, Т.В. Кочетковой, А.П. Романенко и др.).

Вместе с тем понятие речевой культуры в современной лингвистике пересматривается. Отходя от узко нормативного понимания данной категории, ученые начинают рассматривать речевую культуру как систему качеств речи, свидетельствующих о ее совершенстве (О.И. Блинова, А.Н. Ксенофонтова и др.). С этой точки зрения нелитературные формы существования языка почти не изучены. Особого внимания в обозначенном аспекте заслуживает народно-речевая культура – основа всех типов национальной культуры.

Слабая степень исследованности речевой культуры местных говоров порождает ее неоднозначные оценки. Наряду с признанием высокой степени образности, выразительности народной речи, более пристального, чем в городской среде, внимания к этической стороне общения встречаются также утверждения о низком уровне текстовой организации диалектного дискурса. Отмечается, что диалектоносители могут лишь воспроизводить фольклорные тексты, что для них «характерна неспособность отвлечься от конкретной ситуации, как-то обобщить ее, поэтому вместо организованного текстового построения (с началом, развертыванием темы и ее завершением) речь формируется на основе возникающих в сознании ассоциаций, отсюда бесконечные повторы, вопросы к непосредственному слушателю, если это устный рассказ, постоянные уточнения, фактически ничего не поясняющие» [3. С. 3–4]. Таким образом, умение создавать текст связывается только с достаточно узким кругом элитарных языковых личностей, хорошо усвоивших нормы литературного языка [Там же].

Приведенная точка зрения обусловлена, с одной стороны, взглядом на текст в целом с позиций кодифицированной разновидности общенародного языка, с другой – отсутствием достаточного материала, отражающего реальную дискурсивную практику различных по типологическим характеристикам индивидов.

В рамках многоаспектного исследования феномена диалектной языковой личности, осуществляемого лингвистами Томской диалектологической школы, изучаются в том числе и особенности текстов представителя русских старожильческих говоров Сибири. Наши наблюдения свидетельствуют, что носители данного типа культуры, вопреки высказанной точке зрения, не только способны к текстовой организации повествования, но и демонстрируют ее высокий уровень. Проявления развитой речевой способности многообразны; статья посвящена одной из форм этого проявления – способности к созданию вариативного текста.

Объектом анализа послужила речь сибирской крестьянки В.П. Вершининой, жительницы с. Вершинино Томской обл., 1909 г., русской, малограмотной. Наблюдение над информантом осуществлялось методом включения в языковое существование говорящего в течение четверти века (57 экспедиционных выездов за 1981–2004 гг.). Источником материала является текстовый архив автора – около 10 000 страниц дешифрованной с магнитной ленты звучащей речи, записанной в условиях непринужденного общения.

Включение в языковое существование носителя диалекта позволило пронаблюдать ряд ситуаций, когда одно и то же событие несколько раз служило предметом обсуждения с различными партнерами по коммуникации. Сравнение таких фрагментов дискурса показало, что диалектоноситель обладает способностью к созданию высоковариативного текста в спонтанной речи[1]. Под вариативностью в данном случае понимаются ситуативные видоизменения как формальной, так и содержательной сторон текста на фоне инвариантно-

го ядра. Как отмечает Л.И. Скворцов, вариативность речи (наряду с ее целесообразностью) являются сердцевиной речевой культуры [5].

Неоднократно зафиксирован, например, рассказ о большом пожаре в Вершинино, когда в результате неосторожного обращения односельчанки с огнем сгорел и дом информанта, и значительная часть родного села. Повторяемость этой темы в дискурсе диалектоносителя не случайна: дом – одно из ключевых понятий русской национальной культуры, особо значимое в культуре крестьянской. Утрата дома поистине трагична и воспринимается как одно из судьбоносных событий в жизни диалектной языковой личности.

Три текста на эту тему записаны с интервалами 2–3 года (1988, 1991 и 1993 гг.) и различаются по объему (238, 325, 832 слова). Рассматриваемые фрагменты дискурса выдержаны в монологической форме, с единичными вкраплениями вопросов слушателей. Все рассказы прозвучали в доме информанта в присутствии автора статьи, воспринимаемого говорящим в качестве человека близкого, не постороннего. Приведем зафиксированные тексты[2]:

1

А тут в тридцать девятом году тридцать первого мая сгорели. Тоже Степан [муж] на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была. Пришли – вся деревня сгорела. Не вся деревня сгорела, а знашь, откэ'дова? Где вот Физа живёт, подальше Физы ешо один дом, вот этот дом загорелся. Двадцать четыре дома сгорело. Вот эта Татьяна Лексе'вна, – я тебе говорила, однако? – она пришла домой, только вза'муж вышла, молода', ну лет 18 ей было, 19, может, было. Постирала, а раньше угли замачивали, таки' чугу'нки были больши', в чугу'нку угреба'ют из русской печки – ка'жный день печку топили (у меня голосу нет, перехва'тыват, мне грудь стеснило), – угли угреба'ют, ну сковородо'й ли чем складу'т туды', самовар грели угля'ми, и закроют сковородой ли чем-нибудь так, они там потухнут. А Татьяна-то пришла домой да и сду'мала постира'ться. А там корьзина стояла, большу'ча така' корзина, называ'тся «двухру'шна», – она у ей стояла в кладо'вке, они угли ссыпа'ли туды', как вот у меня же кладовка, там окошечко, и половик тут висе'лся. Она вы'сыпала чугу'нку-то, а ветерок-то подул, раздул их. Они вроде бы чёрны изде'лались-то, а горя'чи были. Ну, она пока попарила, постирала, пошла полоска'ться, пришла домой, а уж дом-то догора'т у ей. Там снутра' загорелось всё. Все сгорели. И вот мы тоже тода' сгорели. Там – ой! Сколько хлеба было. Степан трактористом работал, сколь хлеба у нас было – дак, наверно, до сех пор всё это… Рожь-то как сгорела, пашени'ца, зёрнышки-то как сгорели, они долго-долго всё были там.

2

Ой!.. Я горела. Всё гыт: два раз сгореть, чем раз обгореть. А… мы тоже там жили подальше. Тут от… ну, сколько там? Ну, не так далёко тут жили. Домик хоро-ошенькый был у нас. Такой… ну, только крытый так на' два ската. Как у Лексе'й Николаича, такой от был дом. Ага. Наличники были, всё, окна хоро'ши были… А потом это… Мы только пять лет прожи'ли. Кухня больша-а была! Комнатка-то поменьше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано. И там одна женшына – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы – на горке, там, де Пана Кузина-то жили, – пришла домой она, да и сду'мала постира'ться. А раньше ить всяко жили, тоже... А у их така' чугу'нка больша' была, чугун такой большу'чий, угли туды' накладу'т, потом их это, зальют там, да и закроют, сковородой либо чем-нибудь, какой крышкой. А она пришла домой-то, да и сду'мала постира'ться, взяла да эти угли-то вывалила, там в корзинку вываливали. Корзинка была больша'. А над корзинкой гыт половики висе'лись. Она в эту корзинку-то – они чё-орны, угли-то, она молода' была… Ну, ей сколько? лет 18 было, наверно. Ли побольше, может, было. Может, 20. Вот она двадцать первого году, а это было в тридцать девятом году. Ну, она вза'мужем была, долго уж жила. И она взяла да эту корзинку-то и вывалила, в кладо'вку. А в кладо'вке-то окошечко, ветер-то стал поддувать, и всё загорелись: эти угли, и корзинка загорелась. А она ушла на' реку полоска'ться, идёт – уж там пыл, всё пыла'т. И всё сгорело. И вот 24 дома, 25 сгорело. И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то. И всё сгорело. И он был… в Луча'новой был, а я на Ела'ни была. Приходим – только пеньки одни. Всё сгорело. Всё сгорело. Ага. И картошки-то, и хлеб-то сгорел… Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс да это… А мы жили, де Анна Григорьевна живёт. Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…» [жить к нам] – [село] Магада'ево знашь где? У меня там подруга, от она тут жила.

3

Дак а от я тоже так же [сгорела]. Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля. А потом это, все спят, а мне пошто'-то не спится. Я говорю: «Давайте, порабо'тамте пораньше, да… побольше, да это, не будем долго итдыха'ть», – всё равно всё с меры да со шшоту было-то, хоть чё делали, – я говорю: «Да домой подёмте пораньше». Много нас там женшын было! – «Ну, чё! Ну да, чё да… Давайте, итдохнёмте!» Ну мне не спится! Ну не я одна, много там сгорело так баб-то. А от эта са'ма Татьяна-то Лексе'вна наду'малась тоже… Вышла вза'муж – ну лет ей 18 было, кода' она уходила, может, не было ешо восемнадцать-то? Она с двадцать первого году, а пожар был в тридцать девятом, весной. Ешо, наверно, восемнадцать ей не было. Ага. А раньше это, – она вышла тут, на Горке, де Пана Ку'зина, ты бува'ла у ей раньше тут-то, а'ли нет? Как де загорело… Ну, Физа де жила, Василия Егорьича живёт-то, – мале'нько подальше туды', через… ну, через один дом, один дом только рядом с Физой. Она тут в этот дом выходила вза'муж. А раньше это, чигу'нки были таки' больши' – ну он у меня в бане есь одна чигу'нка… угли замачивали, самовары-то грели. Она взяла да это… пришла, из госсорфо'нд-то, а угли эти – корзинка стояла, гыт, тут двухру'шна така', плетёна, из прутьев, в кладо'вке. А тут спичка, гыт, така'. А на спичке полови'чка висе'лась, половик, видно… так, как раньше это всё было, я всё знаю. И она вы'сыпала в корзинку эти угли-то. Они вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать. И это, угли-то разгорелись, как бы от так от, как в печке

бы разгорелись. И половичка тут-ка как-то спы'хнула, нагрелась. И корзина, корзинка-то загорелась. И всё загорелось, она пока выпарила бельё-то, да пошла полоскать, и оттэ'дова-то идут – а там уж дом-то догора'т! Тоже всё сгорело. Дак её – ой, её так срамили её, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить. Угу. Ругали, ши'бко её ругали. [Не били?] Нет. Да она пряталась, кто будет бить её, она пряталась. [Где?] Бегала куды'-нибудь, спрячется да и всё.

А я-то… И я – с полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт! А у нас домик-то был в тридцать девятом только… В тридцать девятом сгорели, а мы перешли в тридцать пятом. Хороший домик был! От как рядом с этим от – Лексе'я Николаича, Каря'кина дом такой… Напро'ти Поли мы жили-то. Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили. Он бежит меня, стреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни…» – угова'риват меня. А чё «не мы одни»? – прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была и, мука и… – всё сгорело! Анба'р сгорел, коню'шна сгорела, курицы… – и всё погорело. А поросята… свиня' с поросятами была – кто-то куды'-то выташшыли, выгнали. [Спаслись?] Спаслись, ага. Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тода' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёмте к нам!» От письмо-то [от неё получила]. Мы с ей подруги были. Вместе работали. Вязали помно'го. Больше меня дак нихто' не навязывал, ей-богу, Катя! А я это она от и счас [в письме] помяну'ла: «Тысячу снопов нихто' не навя'зыват».

Вот сколько тода', я не знаю, домов… Двадцать с чем-то сгорело. Ну-ка, счас я пошшытаю. Это, так: Кара'мышев – раз, Андрей Иваныча – два, Василия Егорыча – три, Миха'л Егорыча – четыре, Прокофий Степанычев – пять, Лексе'я Ларионыча – шесь, Иван Афанасьича – семь, Иван Миха'лыча – восемь, Кири'лин – девять, Марьи Матве'внин – десять, Михаил Степанычев – одиннадцать, наш – двенадцать, наш последний. На нашем пожар остановился. Наш – двенадцать… [Далее считает дома по другой стороне улицы:] Трифон Афанасьичев – тринадцать, Миха'л Гаврилычев – четырнадцать, сельсоветскый дом был – пятнадцать, тут Пётра Михалыч… Пётра Дими'трич – семнадцать… винопо'лка была…. здесь винопо'лка была – восемнадцать… Марьи Мефодьевны – девятнадцать, Василь… как его? пошто' я забыла-то? Фёдор Васильич, ли как ли его? – двадцать. Двадцать, двадцать, двадцать… Забыла, как?.. Ланпе'й, о'бшем, был – баба-то [его], ши'бко уж она ругалась! О'бшем, двадцать три ли чё ли дома сгорело.

[Что такое винополка?] Ну, вино продавали, винопо'лка была. Там сколько вина-то было? [Там только продавали, не делали вино?] Продавали только, привозили. Ликёры вся'ки, и четвертя'ми, и буты'лкими, и литровыми, и шкалики, и каки'-то ма'леньки таки', чету'шки и вся'ки… Каки' только не было. Всё сгорело.

У меня сколько половиков было, сгорело. Яшшык [сундук] от спасся, выташшыли. У нас бы… много выташшыли так бы всё… ну хлеб-то не ута'скывали. Муку-то там не'кода было. А это, на зады выташшыли. А там стоял анба'р у нас, и коню'шна. А как – они выташшыли, трюмо большо' было, это… модно было тода' всё… Всё повытаскали.

…сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила. Да говорят, «худа' да ши'бко ста'ра» – небось, соста'рисся, будешь!.. Ешо дюжила как-то, терьпела. Не дай бог.

Как можно видеть, все рассматриваемые тексты имеют общую ядерную часть, посвященную собственно пожару. С незначительными различиями обозначается хронотопная рамка события (текст № 1: называется год и точная дата; № 2: только год; № 3: год и время года; место происшествия указывается как через топоним *на Горке,* так и через соотнесение с усадьбами односельчан), даются сведения о виновнице несчастья (во всех случаях упоминаются ее имя и возраст, подчеркиваются молодость и недавнее замужество как косвенное смягчение вины; в двух текстах назван год рождения) и причине пожара (описаны действия женщины, предметы утвари, связанные с происшествием, и ситуация появления открытого огня).

Все три фрагмента дискурса содержат характерные для диалектной языковой личности особенности [6. С. 181–195]. Дискурс диалектоносителя ярко отражает типичный для всех форм разговорной речи коммуникативный антропоцентризм и эгоцентризм: тексты сосредоточены на теме «человек» и воплощаются как «я и событие», «событие в моей жизни», «событие моими глазами» [7. С. 47; 8. С. 196]. Осознание себя частью крестьянского социума проявляется через местоимение *мы* (*мы* – семья, *мы* – жители Вершинина), вербализованное или подразумеваемое при употреблении глагольных форм *сгорели, прожили, хотели, перешли, остались* и т.п. Рассказы отличаются фактичностью, большим количеством деталей. Несмотря на наличие ситуативных отвлечений от темы (в тексте № 1 – *у меня голосу нет, перехва'тыват, мне грудь стеснило,* в тексте № 3 – упоминание о только что полученном письме от подруги и пояснение о *винополке* в ответе диалектологу), повествование развивается логично, последовательно: в каждом случае можно вычленить завязку рассказа, развитие темы, кульминацию и развязку. Соблюдается общий для языковой личности принцип создания связного текста посредством служебных слов *а, ну, и, и вот, и это, а это, ага, угу, вот* и повторов одних и тех же лексем в смежных высказываниях: *Пришли – <u>вся деревня сгорела</u>. Не <u>вся деревня сгорела,</u> а знашь, откэ'дова?; <u>Корзинка</u> была больша'. А над <u>корзинкой</u> гыт половики висе'лись; Я'шшык от спасся, <u>выташшыли</u>. У нас бы… много <u>выташшыли</u> так бы всё…* и т.п. В каждом из текстов имеют место многократно повторяющиеся ключевые слова раскрываемой темы: *сгореть* (8, 8 и 12 раз соответственно), *дом / домик* (4, 5, 10), *всё / все* в обобщающем значении (4, 6, 4), *угли* (4, 3, 4). Кроме указаний на точное время и место происшествия, все варианты рассказа содержат большое количество онимических, пространственных и количественных конкретизаторов: упомянуто в общей сложности 27 поименованных персон и 4 топонима; обозначаются место нахождения рассказчицы и ее мужа в момент события, место расположения нескольких

домов односельчан и сгоревшего дома повествователя, место работы виновницы происшествия и теперешнее место жительства подруги, когда-то позвавшей погорельцев пожить у неё; указываются число сгоревших домов, год постройки своего утраченного дома и прожитое там время. Тексты включают модально-вводные и служебные слова, маркирующие характерную для диалектного дискурса некатегоричность повествования: *однако, может, ли, ли чё ли, наверно*.

В содержательном плане эти фрагменты достаточно близки; однако налицо и ряд существенных различий в объеме повествования, композиции, деталях, используемых говорящим языковых средствах.

Часть особенностей, определяющих вариантность текстов, связана с их структурно-композиционными характеристиками.

1. В более кратких вариантах (тексты № 1 и 2) описание события является лишь одним из звеньев общей канвы повествования о пережитом.

В первом случае воспоминания начинаются с темы «кража в начале войны» (*Война началась, а девятнадцатого сентября меня обокрали. <…> До капельки всё уташшыли, в чем была, в тем осталась*), продолжаются темой пожара и завершаются темой «приобретение и достройка нового дома без ушедшего на войну мужа» (*В тридцать девятом сгорели, а в сорок первом война уж началась, мало пожи'ли. <…> А он кода' ушёл тут – я не знаю, в каки'м году, – ну он ушёл, я перестроила её [избу], всю…*).

Во втором случае и состав тем, и их порядок меняются: «пожар в доме из-за неисправной печи» (*Я открыла дверь-то – тут ничё не видать. А у меня уж – и постель горит, подушки все сгорели, половина подушки, на'волоки – всё сгорело!*) – «пожар в деревне» – «покупка нового дома» (*Ну и вот, и мы сгорели. И перешли тут-ка. Дом купили, Николай Васильичев мы купили дом-то, Степан купил…*) – «уход мужа на фронт» (*А он ешо в сороковы'м ушёл на фи'нску. Год служил тоже в арьмии, был на войне там. А тут это, война в сорок первом-то*) – «неоднократные кражи» (*Ой, у меня так обворовали тут-ка – не дай бог! С берега прям захо'дют тут и всё… Да сколько раз прям… <…> У меня эти шеися'т мешков уташшыли, капуста была в кастрюле, больши' таки' кастрюли-то, кастрюлю эту капусты уташшыли, и это, бутылки эти все уташшыли. Угу. Прямо от… А но'нче сколько раз – но'нче светы' только рвали всё в огороде…*). Попутно заметим, что частная тема кражи тоже варьируется, наполняясь описанием разных эпизодов.

Наиболее развернутому описанию сельского пожара (текст № 3) предшествует рассказ о жизни соседей и их городских родственников, в квартире которых произошло короткое замыкание (*Сгорели они прошлого'д. <…> С того угла загорелось, де телеви'зер шёл…*). По ассоциативной связи (*Дак а от я тоже так же [сгорела]*) возникает повествование о пожаре в собственном доме, неразрывно связанное с трагическими событиями для всего села. Данная тема не дает толчка развитию новых, являясь завершающей в дневном дискурсе информанта (разговор ведется перед сном, общение заканчивается репликой *Иди ложись давай* в адрес собеседника), но в резюмирующей части намечены оставшиеся не раскрытыми в рассказе другие эпизоды нелегкой личной судьбы: *…сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила.*

Таким образом, степень развернутости рассказа о событии связана с его **ролью в общей структуре коммуникации** с собеседниками. В зависимости от общего замысла говорящего выстраивается сценарий повествования с порядком переходов от эпизода к эпизоду и «масштабирования» при описании событий в тексте (максимально крупный план в данном случае представлен в третьем варианте рассказа).

2. Сопоставляемые тексты отличаются также **составом частных подтем**, развивающих и дополняющих ядерную часть с собственно описанием пожара.

В наиболее лаконичном варианте рассказчица завершает описание пожара упоминанием о сгоревшем семейном запасе зерна (*сколь хлеба у нас было… рожь-то как сгорела, пашени'ца…*). Значительное место в преамбуле второго текста занимает аксиологически выделенный образ утраченного дома (*Домик хорошенькый был у нас. Такой… ну, только крытый так на' два ската. <…> Наличники были, всё, окна хоро'ши были… <…> Кухня больша-а была! Комнатка-то поменьше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано*), а в развязке намечается подтема «помощь односельчан» (*Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс…; тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…» [жить к нам]*). В третьем случае сюжет начинается с предыстории пожара (описание предчувствия беды, разговора крестьянки с деревенскими женщинами и их отказа закончить работу раньше положенного); намечаются подтемы «отношение погорельцев к односельчанке» (*Дак её – ой, её так срамили, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить…*), «взаимоотношения рассказчицы с мужем» (*Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили…*), дается картина села после пожара (*Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым!*). Получают детальное развитие подтемы «личный ущерб» (*…прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была. И мука и… – всё сгорело!..*) и «ущерб для села» (с полным перечислением владельцев сгоревших домов). Таким образом, при сохранении подтем ядерной части повествования второстепенные подтемы в сжатом варианте рассказа могут опускаться, в развернутом – вербализуются.

3. Еще более низкий уровень содержательной вариативности появляется на уровне **детализации повествования** в границах обозначенных тем и подтем. Несовпадение текстов в данном случае проявляется посредством:

а) замены обобщенных названий конкретными и наоборот. Так, местонахождение рассказчицы варьируется от наиболее неопределенной номинации (№ 3: *Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля*) до лексических маркеров, разными способами уточняющих близость повестовователя к родному селу (№ 2: *И он [муж] был… в Луча'новой был, а я на Ела'нщ была*; № 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была*); виновни-

ца происшествия в тексте № 2 *пришла домой, с работы,* в тексте № 3 упоминается название склада, где хранились семена зерновых культур (*пришла, из госсорфо'нд-то*);

б) обозначения деталей / пропусков деталей. В тексте № 1, например, героиня *пришла домой* (ср. № 2: *пришла домой, с работы;* № 3: *пришла, из госсорфо'нд-то*); только в одном случае упоминается такая деталь старого деревенского быта, как *спичка* – деревянный штырек, на котором висел загоревшийся половик; во всех трех текстах с разной степенью детализации обозначаются этапы процесса стирки (№ 1: *вздумала постираться, постирала, попарила, пошла полоска'ться;* № 2: *сду'мала постира'ться, ушла на' реку полоска'ться,* № 3: *выпарила бельё-то, да пошла полоскать*) и др.;

в) изменения отдельных деталей. В рассматриваемых рассказах они касаются числовых данных и вызваны временной отдаленностью передаваемых событий. В одном из текстов утверждается, что Татьяна Алексеевна *только вза'муж вышла,* а во втором – *вза'мужем была, долго уж жила;* варьируется ее возраст (18–19 лет / 18–20 лет / ещё не было 18 лет) и число сгоревших при пожаре домов (25 / 23).

Все названные выше проявления вариативности обусловлены, очевидно, как общими закономерностями мыслительной деятельности человека по свертыванию / развертыванию смысла в процессе создания текста [9], так и реализацией авторского замысла повествования. В то же время ряд параметров вариативного текста определяется коммуникативными условиями его порождения.

4. В рассматриваемых эпизодах прослеживается определенная зависимость между степенью близости собеседников и **объемом создаваемого спонтанного текста**. Самым кратким является рассказ, обращенный к трем молодым диалектологам, двое из которых встречаются с информантом впервые. Наиболее развернуто описание пожара при общении с собирателем материала, включенным в языковое существование говорящего в течение многих лет. Промежуточный случай представлен рассказом, адресованным пожилой собеседнице, родственнице собирателя.

5. Отношения языковой личности с участниками коммуникации определяют также **коммуникативный регистр повествования** (по Г.А. Золотовой) и связанный с ним **способ представления субъекта речи**.

В тексте № 1 преобладает информативный регистр, характерный для дистанцированного общения. Говорящим используются нейтральные фонетические, лексические и грамматические средства. Эмоциональное начало очень незначительно (встретились лишь единичные *ветерок*, междометие *ой!* и усилительный повтор *долго-долго*). Повествование отстраненное, рассказчик ретуширует свое присутствие за неопределённо-личными конструкциями (*тридцать первого мая сгорели; раньше угли замачивали; ка'жный день печку топили…*), лишь однажды появляется *и вот мы тоже тода' сгорели.* Рассказ «погружен» в прошлое, однако в одном из высказываний рассказчица переносит повествование в настоящее: *пришла домой, а уж дом-то догора'т у ей.*

В тексте № 2 ядерная часть во многом напоминает первый вариант, однако в обрамляющих его фрагментах поддерживаются регистры, только намеченные ранее. Особенно усиливается субъективная окрашенность повествования, связанная с подтемой утраченного дома: она проявляется через частотные формы положительной рациональной оценки (*окна хоро'ши были; хороший дом был; всё хорошо было сделано*), диминутив *домик*, протяжку гласных, восклицательные конструкции (*домик хоро-ошенький был у нас; кухня больша-а была!*). Здесь доминирующим является мы-повествовование (*мы тоже там жили подальше; Мы только пять лет прожи'ли; И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то; А мы жили, де Анна Григорьевна живёт*), в котором рассказчица, мысленно объединяя себя с мужем, передает ситуацию от имени семьи. Конец рассказа отмечен возрастанием доли глаголов настоящего исторического времени (*идёт – уж там пыл, всё пыла'т; приходим – только пеньки одни*), появлением высказывания с чужой речью (*Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…»*).

В тексте № 3 типичное для данной языковой личности сочетание информативной доминанты со сдержанным эмоциональным началом (рассказчиком по-прежнему умеренно используются диминутивы и восклицательные конструкции) дополняется резким усилением репродуктивного регистра, при котором «говорящий из хронотопа происходящего воспроизводит средствами речи сенсорно воспринимаемые действия в их конкретной длительности или последовательной сменяемости, предметы и признаки – в их непосредственной наблюдаемости» [10]. Доверительное общение один на один вызывает передачу обстоятельств, произошедших более полувека назад, так зримо, как будто всё случилось только вчера. Возрастает доля глаголов в настоящем историческом времени, высказываний с прямой речью – имитирующих как реплики отдельных субъектов, так и диалог: *«Да домой подёмте пораньше». <…> – «Ну, чё! Ну да, чё да… Давайте, итдохнёмте!» Ну мне не спится!; С полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт!; Он бежит меня, стреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни…»; Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тода' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёмте к нам!».* Текст открыто личностный, преобладает обозначение субъекта через местоимение 1 лица: *Дак а от я тоже так же [сгорела]; Я говорю: «Давайте, пора-бо'тамте пораньше…»; Ну мне не спится!; И я – с полей-то иду, а тут пеньки…; От сколько я пережила.* «Мы»-семейное здесь тоже имеет место, но встречается реже: *Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля; Напро'ти Поли мы жили-то; От мы тода' к Нюре Ко'лчиной…*

6. Поскольку представителем народно-речевой культуры всегда учитываются различия в фоновых знаниях участников общения, тексты отличаются также характером **комментариев, выравнивающих эти знания** и предотвращающих коммуникативные неудачи. Так, рассказы 1 и 3 с участием молодых горожанок порождают более развернутые пояснения относительно реалий деревенского быта (*чугу'нка, двухру'шна корзина*) и условий этого быта в прошлом (*ка'жный день печку топили; угли замачивали, самовары-то грели*) – ср. в тексте 2 краткий комментарий для пожилой собе-

седницы, касающийся только употребления *чугунки.* Поясняющий характер имеет также предваряющее антропоним словосочетание *одна женшына* во втором тексте (*И там одна женшына – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы*).

7. Вариативность текста проявляется также в **использовании средств различных языковых ярусов, имеющих формальные различия при смысловом тождестве или близости.** Отмечено интонационное (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то;* № 2: *они чё-орны, угли-то*), морфологическое (№ 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове;* № 2: *И он был… в Луча'новой был*) и синтаксическое варьирование (№ 1: *Она вы'сыпала чугу'нку-то, а ветерок-то подул, раздул их [угли];* № 2*: ветер-то стал поддувать, и всё загорелись: эти угли;* № 3: *Они [угли] вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать*). На лексическом уровне наиболее широко представлены формальные лексические варианты (№ 1: *чугу'нка;* № 2: *чугу'нка / чугун,* № 3: *чигу'нка;* № 1, 2: *половик,* № 3: *половичка, половик;* № 1: *корзина,* № 2: *корзинка,* № 3: *корзина, корзинка;* № 1, 2: *полоскаться,* № 3*: полоскать;* № 1 *постирать / постираться,* № 2: *постираться*), встречаются отдельные синонимические пары (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то;* № 2: *они чё-орны, угли-то*; № 3: *Они [угли] вроде тёмны*). В каждом из текстов тема пожара, наряду с ключевыми словами, также поддерживается менее частотными лексемами с семантикой горения (№ 1: *загореться, догорать*; № 2: *обгореть, загореться*, *пыл, пылать*; № 3: *пожар, спы'хнуть, нагреться, догорать, огонь, дым / дымочек, погореть*).

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, с одной стороны, о наличии константных признаков диалектного дискурса, типичных для представителя народно-речевой культуры, с другой – о высоком уровне вариативности текстов, порождаемых диалектоносителем в условиях спонтанной речевой деятельности.

Вариативность текста проявляется в реализации способности говорящего к выстраиванию повествования в соответствии с замыслом представления события в ряду других, регулированию степени развернутости рассказа, структурированию текста на частные подтемы (с возможностью выбора порядка их подачи и эллиптизации второстепенных тематических линий); изменению деталей и объема текста, мене коммуникативных регистров и способов представления субъекта речи, наличии / отсутствии поясняющих комментариев, использовании разнообразных по форме и семантике языковых средств.

Вариативность текста обусловлена многими факторами. В числе объективных причин, которые дают говорящему возможность создавать вариативные фрагменты дискурса, – устройство языковой системы, допускающей передачу смысла множеством различных способов, и общие закономерности мышления человека при порождении речи. К субъективным факторам относится степень развития речевой способности homo loquens, позволяющая автору текста реализовывать замысел повествования с учетом коммуникативно-прагматической ситуации (в первую очередь – умение чутко реагировать на фактор адресата) и опорой на разнообразие ресурсов, усвоенных из общенародного языка. Поскольку реализация этой способности обусловлена коммуникативной целесообразностью и базируется на богатстве языковых ресурсов диалектной языковой личности, вариативность порождения текста можно считать одним из проявлений высокого уровня народно-речевой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Текст рассматривается как «целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла», единство которой определяется категориями темы (предмета речи), композиции, субъекта (автора), локации, тональности и др. [4. С. 352–353].

[2]Тексты даны в упрощенной орфографической записи с отражением некоторых произносительных особенностей. Полужирным шрифтом отмечается эмфатическое ударение. Пояснения диалектолога или его реплики в диалогическом общении с информантом приведены в квадратных скобках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстой Н.И.* Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
2. *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 9–19.
3. *Сиротинина О.Б., Беляева А.Ю., Нагорнова Е.В. и др.* Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 3–9.
4. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта ; Наука, 2003. 432 с.
5. *Скворцов Л.И.* Язык, общение и культура // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 10–15.
6. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
7. *Матвеева Т.В.* Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 46–54.
8. *Юнаковская А.А.* Детерминанты частной языковой картины мира (на примере общерусского просторечия) // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1998. Вып. 2, ч. 2. С. 195–196.
9. *Новиков А.И.* Алгоритмическая модель смыслового преобразования текстов : автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1973. URL: http://www.childpsy.ru/dissertations/id/19272.php (дата обращения 17.07.2013).
10. *Золотова Г.А.* Композиция и грамматика // Язык как творчество : сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 284–296. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zolotova-96.htm (дата обращения 2.07.2013).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 20–24 DOI: 10.17223/15617793/376/3

УДК 81 42 + 070

Н.Г. Нестерова

ИНТЕРНЕТ-РАДИО КАК НОВЫЙ ТИП МЕДИА И ОСНОВА НОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Становление интернет-радио рассматривается как условие появления новых дискурсивных практик в сфере радиокоммуникации. В радиодискурсе исследуется характер изменений, обусловленных развитием Интернета. К числу основных статусных и дискурсивных изменений отнесены следующие: расшатывание признака институциональности; репрезентации радиопродукта (радиотекста) посредством технических возможностей разных СМИ и совмещением различных семиотических систем; трансформация радиотекста в гипертекст; утрата таких признаков традиционного радиодискурса, как линейность, одномоментность; расширение возможностей ориентации на адресата и реализации интерактивности. К анализу привлечены материалы анкетирования радиожурналистов и радиослушателей.

Ключевые слова: радиокоммуникация; новые медиа; интернет-радио; мультимедийность; интерактивность; дискурсивные изменения; дискурсивные практики.

Интернет, завоевав особое положение как средство коммуникации и превратившись в одно из важнейших СМИ [1], обеспечивает, с одной стороны, дополнительный канал для распространения информации, а с другой – поступление разнообразных данных для других СМИ. Развитие Интернета привело к организации сайтов радиостанций. Техническая возможность использования радиовещания в Интернете появилась в преддверии нового тысячелетия, и с каждым годом растёт число не только интернет-сайтов, но и интернет-радиостанций. Как и в ситуации с другими видами сетевых СМИ, точно установить «дату рождения» интернет-радио и радиостанцию, на которой впервые оно было реализовано, по замечаниям исследователей в области журналистики, достаточно сложно, но с уверенностью заявляется, что в России это произошло в Москве в 1996 г. [2. С. 103]. Истоки современного интернет-радио восходят к «Internet Talk Radio» (США, 1993 г.). Среди первых российских интернет-радиостанций называют «Европу Плюс», «Серебряный дождь», «Радио 101» [3].

«Web-радио», «версия радиостанции в Интернете», «страница радио в Интернете» – это уже не специальные термины, а хорошо известные адресату понятия. Радиовещание в Интернете также давно является «обязательным атрибутом уважающей себя (и своих слушателей) станции» [2. С. 103]. Так стремительно развиваются коммуникационные технологии, что для временн***о***го периода в 10 лет обоснованным является наречный квалификатор «давно». Сегодняшняя ситуация такова, что «в каталогах Сети можно найти уже тысячи профессиональных радиостанций – как собственно Net-станций, так и сетевых версий эфирного радио. Это говорит о том, что вещатели видят в Интернете одну из перспективных технологических новинок» [4. С. 150].

Сегодня интернет-радио как сетевой сервис может быть открыто и известными радиостанциями, и интернет-сообществами, объединившимися на основе интереса к определённой теме общения. Отмеченное положение дел является свидетельством изменений в таком значимом факторе радио, как институциональность: есть основания говорить об утрате этого признака радио.

Теоретиками и практиками журналистики исследуется своеобразие сайтов разных радиостанций. Так, на примере радиостанции «Эхо Москвы» анализируется устройство «навигации» сайтов, которое формируется с учётом целевой аудитории, т.е. с учётом возраста адресата и его владения современными технологиями. В числе важных ставится задача «не утратить, а подчеркнуть “радийность” сайта» [5. С. 118]. Сайт должен продвигать радиопрограммы с помощью специфических интернет-инструментов: подкастов, видеопрезентаций, интерактивных анонсов и пр. [Там же. С. 116].

А.А. Суворовым [6] осуществляется сравнительный анализ традиционных СМИ и Интернета как новой формы массовой коммуникации. Для настоящего исследования значимым является акцент на семиотических особенностях традиционных СМИ. Одни из них, осуществляемые посредством типографских технологий, в основе имеют печатное слово, текст воспринимается адресатом зрительно. Другие осуществляются благодаря технологии передачи радиоволн, текст воспринимается адресатом как звук. В реализации третьих задействованы два информационных канала, текст воспринимается как изображение и звук. Интернет же совмещает все возможности традиционных СМИ [6. С. 66]. Результат этого сопоставления подводит к значимому научному заключению о том, что интернет-радио демонстрирует совмещение возможностей разных семиотических систем.

Ещё около десяти лет тому назад в оценке интернет-радио журналистами и специалистами в сфере Интернета отмечались противоречивость и неопределенность [2]. Ярким подтверждением сказанного являются высказывания двух авторитетных специалистов в области СМИ и информационного общества: *«На мой взгляд, радио умирает, и скоро, лет через пять-шесть, его не будет в том виде, в котором оно существует сейчас. Могильщик радио – Интернет»* (Матвей Ганапольский[1]); *«Благодаря Интернету радиовещание переживает ренессанс, действительно превращаясь в самое распространенное средство связи на земле»* (Мануэль Кастельс[2]) [7]. При этом В. Колодкин, описывая особенности организации и функционирования сетевого радио, уже в 2004 г. с уверенностью заявлял, что «сетевое радио в России есть, и развивается оно с небывалой скоростью» [2. С. 12].

Пониманию ситуации, связанной с взаимодействием Интернета и радио, способствует анализ функцио-

нирующих в Интернете радиостанций, представленный в работе И.И. Карпенко [4], в которой предлагается типологическая дифференциация радиостанций по типу их вещания в Интернете. Выделяется три типа радиостанций: 1) станции, на сайтах которых представлены лишь аудиофайлы эфирных программ; 2) станции, которые ведут трансляции и в традиционной форме, т.е. в эфире, и в Интернете; 3) станции, существующие только в Интернете. Наряду с этими основными типами репрезентации радио в Интернете отмечаются сайты, выполняющие лишь функцию самопрезентации. (О типологических основах новых медиа см. [8].)

К числу заметных плюсов организации веб-сайтов следует отнести возможность, которую используют рекламодатели, когда они размещают «рекламу на страницах сайтов, визуализируя ее» [4. С. 150], тем самым в какой-то мере освобождают эфир от рекламы. В плюсе оказываются как рекламодатели (обеспечивая больше возможностей привлечь потенциальных клиентов, так как клик по рекламной картинке (даже случайный) переводит пользователя на сайт рекламируемого продукта), так и большинство радиослушателей, которые включают радио не ради рекламы.

При подготовке данной публикации с целью получить мнение адресанта и адресата о современных тенденциях в СМИ и об интернет-радио как новом медиа был проведен опрос радиоведущих (адресанта радиокоммуникации) и студенческой аудитории (адресата радиокоммуникации). Для проведения опроса было задействовано два канала связи с респондентами: контактно-визуальный и опосредованный Интернетом.

В числе респондентов, откликнувшихся на просьбу ответить на вопросы анкеты, оказались редакторы и ведущие новостных программ, ведущие информационных программ, ведущие утреннего шоу, корреспонденты, диджеи – всего 24 работника радио. Опыт работы на радио у принявших участие в опросе от 2 до 20 лет. Респондентами стали представители центральных и региональных радиостанций: «Радио России – Томск», «NRJ» (Москва), «Маяк», «Маяк Томск», «Радио Рекорд», «Радио Ваня», «Радио Сибирь», «Эхо Москвы» в Томске, «Милицейская волна Томск», «Кнопка FM» «Русское радио Томск» «Кузбасс FM», «Русское радио Кемерово», «МИР – Черногорск», БГТРК (Бурятская государственная телерадиокомпания).

В ответах на вопрос «Как проявляется мультимедийность на радио?» респондентами прежде всего отмечается, что *сегодня каждая радиостанция имеет свой собственный сайт* (здесь и далее курсивом выделены дословные высказывания или фрагменты высказываний участников опроса). Мультимедийность на радио видится *во взаимодействии визуальных и аудиоэффектов с использованием современных технических и программных средств, которые объединяют текст, звук, графику, фото, видео в одном цифровом представлении. На порталах часто представлены видеоматериалы, отражающие акции, которые проводят сотрудники станции, размещаются фотографии ведущих, музыкальные новинки*.

В осуществлении этих составляющих современного радио задействовано много специалистов, работающих на радио: *тексты пишут как диджеи, так и редакторы, информацию доносят до слушателей диджеи или ведущие. Фото и видео, а также телефонная связь, интернет-порталы, странички в Интернете, сайты – все это помогает работе радио.* Отмечается фактор универсальности современного журналиста: *Журналист одновременно готовит материал и для Интернета, и радийный, и делает видеоматериал.*

Расширилась *интеграция с социальными сетями, в студиях все больше камер. Появились игры, интегрированные с контентом на сайтах*. Включённость современного человека в социальные сети расширяет возможности интерактивности радио: *моментальное включение в жизнь соцсетей – тут же, во время прямого эфира* (т.е. в режиме онлайн), как отмечается в анкетах, *является значимым фактором для реализации радио своих задач как медийного средства. Интернет предоставляет возможность ведущим общаться со слушателями, организовывать интерактивные игры и шоу, где идет взаимодействие ведущих с радиослушателями.*

В качестве важнейшей особенности современного радио отмечается возможность выходить в эфир из любой точки мира: *интернет-радио значительно расширяет аудиторию. Иногда любимые станции не доступны в тех или иных регионах, здесь-то и приходит на помощь Интернет.*

Опрос показал, что на разных радиостанциях привлечение современных технических средств, которые характеризуют новые медиа, реализуется не одинаково. Ср.: *Радио, на котором я работаю («Милицейская волна») – самое обычное радио. Мультимедийности тут как-то не замечено. Зато могу назвать один интернет-портал – «Подстанция», вот там прямо-таки все признаки мультимедийности радио есть. Это, скорее, прерогатива интернет-радио».*

Мультимедийность на радио нацелена на взаимодействие и воздействие: *Есть слайдкасты – сочетание фото и звука, есть многообразное использование шумов – всё это оживляет человеческое восприятие. Плюс к этому ещё и использование речи как инструмента воздействия на слушателя, музыка, текст. Моё же радио – диджейское, развлекательное, музыкальное.*

Видеовозможности радио, как отмечается в ответах респондентов, совмещают промоушн-функцию и контактоустанавливающую. *Ср.: Многие радиостанции вещают в Интернете, где могут размещать видеозаписи новостей, программ. Например, на «Русском радио», где я стажировалась, установили веб-камеру. На сайте можно посмотреть на диджеев непосредственно за работой, что делает популярнее и интереснее радио. Но это для продвинутых слушателей.*

Интернет-радио расширяет возможности восприятия его радиослушателем: *Радио сейчас не только на волнах, но и в Интернете. Можно послушать звук, можно прочитать текст*. Также к мультимедийности относятся *фоновые заставки, рекламные блоки, фоновая музыка. Всем, особенно молодым ребятам, приятно слышать в радиоэфирах любимую, популярную му-*

зыку, которая поднимает их настроение. Фоновая музыка создает атмосферу, непринужденную обстановку, что очень важно на радио.

Мультимедийность радио направлена на адресата: *Как правило, любая радиостанция имеет свой сайт, открытый для любого пользователя. Там могут быть различные видео, фото ведущих, аудиозаписи, записи программ, архивы. Кроме того, там можно пообщаться с ведущими. В прямом эфире это могут быть прямые включения, использование различных средств, так сказать, украшения радиоэфира (музыка, заставки и т.п.).*

В качестве резюмирующего можно привести следующее высказывание: *Без Интернета современное радио уже обойтись не может. Все материалы, которые выходят в эфире, обязательно появляются в Интернете*.

В ответах на вопрос «Какой вариант представления радиоматериалов в Интернете сегодня является приоритетным?» отмечаются моменты, значимые для сохранения сущности радио как аудиального средства массовой коммуникации. Приоритетным вариантом представления радиоматериалов в Интернете радиожурналисты считают аудиоформат: *это различные архивные записи материалов. Они удобны тем, что любой пользователь Интернета может скачать их и послушать программы, которые он пропустил, в любое удобное время.* При этом отмечается перспективность радио именно как аудиального средства массовой коммуникации. *Конечно же, самые востребованные – это аудиоматериалы. Телевидение уже изживает себя, а радио находится в более выгодном положении. Большой плюс, что всё радио скоро станет цифровым. Это вопрос ближайших пяти лет.*

Наряду со звучащими записями значимость приобретают подкасты – контент, который прозвучал на радио, а затем выкладывается для скачивания на сайте: *Подкасты и только подкасты; Форма подкастов очень хорошая. Обязательно форма аудио должна сохраняться; В Интернет, мне кажется, приоритетней выкладывать аудиозаписи эфиров или видеозаписи из студии. Чтобы люди могли не только послушать, но и посмотреть на ведущего; Это интересные материалы, которые создают драматургию при помощи звука, слова и шума; В представлении утреннего шоу или новостей объем аудиоматериалов может быть довольно значительным.* Некоторые журналисты считают достаточным для репрезентации в Интернете *краткой информации в сочетании с короткими цитатами из эфира и фото, качество которого не принципиально, главное – скорость.*

Фактор адресата потребовал актуализировать следующий вопрос: «На кого ориентировано интернет-радио? Насколько оно востребовано?». На этот вопрос получены разные, с точки зрения оценки этого нового медиа, ответы. Примером низкой оценки является мнение, что *интернет-радио интересно как средство коммуникации узкому кругу «фанов».* Единичны в ответах на этот вопрос мнения о приоритете в данный период традиционного радио: *Думаю, пока новые медиа не особо востребованы. Все, что нужно, у аудитории уже есть: и информационные, и аналитические, и разговорные, и музыкальные программы. Но жизнь постоянно меняется и движется вперед, посмотрим, что будет через несколько лет.*

Многие радиожурналисты ограничивают адресата интернет-радио определёнными целевыми группами, подчёркивая, что оно рассчитано *на молодежь в основном; Пока небольшой процент. В основном это молодёжь; Современная молодежь стала очень интересоваться интернет-радио.* Закономерно мнение, в соответствии с которым интернет-радио *ориентировано на интернет-пользователей. В 2005 поговаривали, что 70% – слушатели в Интернет, 30% в машине; Интернет-радио с музыкой востребовано в офисах, но это только тематические станции или те, что не напрягают (радио французское FIP, главный тренд интернет-радиостанций в этом сезоне).*

Б*о*льшая часть ведущих считает интернет-радио безусловно востребованным. Выдвигаются два убедительных «за» интернет-радио: *Если подразумевать трансляцию FM-радио в сети, то, конечно же, это будет интересно слушателям, которые в силу определенных обстоятельств не могут включить приемник (на работе, дома). Если брать в расчёт интернет-радио как отдельно взятую единицу, то у слушателей есть возможность прослушивания архива, создания своей собственной музыкальной базы*. Приводятся следующие доводы в пользу положительной оценки интернет-радио: *Для меня Интернет – просто способ передачи данных. С 3G-покрытием, WiMAX, есть возможность подключаться к интернет-станциям даже в машине – а это очень ценная аудитория для радио. Плюс – интернет-радио все-таки позволяет выбирать передачи «по заказу» и не зависеть от эфирной сетки.*

Отмечается динамика в развитии нового медиа: *интернет-радио постоянно развивается; Интернет-радио сейчас очень востребовано. Радиостанции сейчас даже разрабатывают коммуникаторы для отображения вашей любимой волны.* Радиожурналистами отмечается, что *расширение количества новостных сайтов привело к усилению конкуренции между радиостанциями*, а это может стать залогом улучшения качества современного радио во всех его формах существования.

Обоснования приоритета интернет-радио предлагаются следующие*: во-первых, это очень удобно и быстро, во-вторых, это современно, что довольно важно. Интернет-радио позволяет слушать любимую музыку или радиоэфиры не только в режиме онлайн, но и повторять и выбирать, что слушать. Такое радио ориентировано на молодых ребят, живущих в бешеном ритме жизни; Интернет-радио, конечно, востребовано. Иначе бы оно недолго бы просуществовало. Ориентировано, в первую очередь, на тех, кто по каким-то причинам не может прослушать радио в привычном смысле, по приемнику. Тогда у них есть возможность послушать программу в записи в любое время; В основном оно ориентировано на занятых людей, которые помимо своей работы параллельно могут слушать интересующие их радиостанции.*

При обсуждении вопроса о востребованности нового медиа важен акцент на жизненной необходимости

интернет-радио для выживания радио как средства массовой коммуникации: *Появление новых медиа – это освоение новых технических возможностей, или востребованный формат медиакоммуникации; Радио наравне с другими новыми медиа. Все к смерти не идет. И все офлайновые станции имеют сайты в Интернете.*

Не менее значимы в этом контексте мнения журналистов, из которых следует, что интернет-радио даёт дополнительные возможности для самовыражения радиоведущих: *Лично я считаю, что интернет-радио, которое я себе представляю (и снова я говорю о «Подстанции»), – это радио для самих журналистов. Радио, где можно выразить себя. Я вот диджей, а и какое там самовыражение, какая журналистика? А вот на портале «Подстанция» журналистика есть, и даже нетрадиционная.*

Опрос, направленный на выявление востребованности интернет-радио, был проведён и среди потенциальных интернет-радиослушателей. Он дал следующие результаты: из опрошенных 54 студентов факультета журналистики и филологического факультета ТГУ не слушают интернет-радио – 18, слушают регулярно – 30, слушают редко – 5, периодически – 1. Слушают студенты по интернет-радио *обычно эфирные записи*. Отмечается интерес к конкретной радиостанции, к конкретному радиоматериалу: *слушаю музыкальную волну; RAK FM, BBC*, *иногда ищу программы, которые мельком слышала в автобусе или на улице; слушаю французские радиостанции, потому что сама говорю; радиоэфиры отдельных ведущих, чаще всего это эфиры Доренко*. Привлекают внимание адресата видеотрансляции радиопередач: *смотрю прямые эфиры из студий радиовещания*. Для ряда слушателей однозначен приоритет интернет-радио: *Единственное радио, которое я слушаю, это интернет-радио*. В качестве технических средств восприятия интернет-радио используются разнообразные гаджеты: телефоны, смартфоны, айфоны, MP3-плееры, айпады, планшетные компьютеры и др.

Изучение специальных работ исследователей и практиков журналистики, данные опроса профессионально занятых в радиокоммуникации специалистов и представителей слушательской аудитории – всё это даёт основания к выходу за рамки обсуждения вопроса о новых медиа, об их роли и векторах развития и актуализирует проблему дискурсивных изменений в радиодискурсе (постановка данного вопроса заявлена в [9]). Не беря на себя ответственности за квалификацию ситуации, связанной с положением интернет-радио как нового медиа, не делая выводов относительно того, можно ли расценивать интернет-радио в качестве состоявшегося уже конкурента традиционному радио, обратим внимание на то, как сказывается развитие интернет-радио на дискурсивных практиках.

Прежде всего, подчеркнём принципиальные дискурсивные изменения, которые проявляются в репрезентации радиопродукта (радиотекста) посредством технических возможностей разных СМИ и совмещением разных семиотических систем. Традиционное аудиальное средство массовой коммуникации Интернет превратил в мультисредство, обеспечив возможность воспринимать радиокоммуникацию не только аудиально, но и визуально, а также посредством напечатанного (наверное, неточно было бы сказать «печатного») слова и других средств графики.

С развитием интернет-радио устраняется признак линейности радиотекста, так как интернет-радио даёт возможность адресату определять последовательность воспринимаемой информации, музыки и любого другого контента, позволяет открывать практически одновременно несколько информационных окон. Это меняет представление о радиотексте, расширяет основания для квалификации его как гипертекста сложной структуры. Размещение в информационно-коммуникационном пространстве Интернета архивов программ устраняет такой признак традиционного радио, как одномоментность сообщения.

Постоянное расширение опций, предлагаемых адресату, становится основанием для появления новых дискурсивных практик [10], обусловленных возможностью обратной связи с радиоведущими через блог, возможностью увидеть их за работой через сетевизор, включением аудитории в голосование на сайте и др.

Дискурсивные изменения, обусловленные появлением интернет-радиостанций, связаны с расширением аудитории. Этот фактор связан с целым рядом позиций. Прежде всего, Интернет расширил доступ радиокоммуникации, сделал реальным осуществление такого признака радио, как всеохватность, так как интернет-радио может проникать туда, куда радиосигнал не доходит. Интернет в обсуждаемом контексте выступает как посредник, обеспечивающий радиокоммуникацию со слушателями, которые находятся вне зоны приема радиостанции, и делает возможным приём радиопередач в любой стране мира.

В условиях развития новых информационно-коммуникационных технологий существенно изменился характер реализации интерактивности: теперь в их числе «проведение опросов в режиме on-line, создание дискуссионных групп, проведение форумов по актуальным вопросам» [5. С. 157]. Важную роль при этом играет подкастинг, который, будучи новой весьма востребованной формой использования радиоматериала, делает слушателей активными участниками коммуникации. Интернет обеспечивает возможность объединения поклонников радиостанции.

Результаты проведённого исследования позволяют к заключить, что современная радиокоммуникация реализуется на качественно новом уровне. Благодаря интернет-радио появились новые возможности для удовлетворения разнообразных запросов адресата на получение информации, просвещения, развлечения, рекламы и т.п., вследствие чего интернет-радио становится условием для появления новых дискурсивных практик в сфере радиокоммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Ганапольский Матвей Юрьевич (р. 1953, Украина), журналист, режиссёр; работает на российском радио и телевидении.
[2]Кастельс Мануэль (Castells, Manuel) (р. 1942, Испания) – социолог-постмарксист, ведущий исследователь информационного (постиндустриального) общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Печко В.* Интернет как СМИ // Деловая газета «Взгляд». URL: http://www.vz.ru/society/2006/7/13/41330.html (дата обращения: 03.07.2013).
2. *Колодкин В.* Радио в интернете // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 103–110.
3. *Денисова В.* Новый этап в жизни радиостанции «Интернет 101». URL: http://www.telemultimedia.ru/art.php?id=208&print (дата обращения: 03.07.2013).
4. *Карпенко И.И.* Радиовещание в интернете: формы вещания, специфика профессиональной деятельности журналистов, новые направления развития // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 150–158.
5. *Телень Л.О.* Радио в Интернете: новая жизнь старого СМИ // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010. С. 106–126.
6. *Суворов А.А.* Интернет: масс-медийные характеристики // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия Филология. Журналистика. 2009. Вып. 3. С. 64–70.
7. Современное радиовещание в оценках журналистов и исследователей. Сборник материалов заседаний круглых столов в рамках конференции «Журналистика» (2004–2011) / под ред. Л.Д. Болотовой. М. : Факультет журналистики МГУ, 2011. 152 с.
8. *Карякина К.А.* Актуальные формы и типологические модели новых медиа // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 128–137.
9. *Нестерова Н.Г.* Радиодискурс в аспекте дискурсивных изменений // Вестник Сургутского педагогического университета. 2012. № 5 (20). С. 50–55.
10. *Иссерс О.С.* Люди говорят… Дискурсивные практики нашего времени. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 276 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 25–31 DOI: 10.17223/15617793/376/4

УДК 681.161.1.09. 1-3

И.А. Поплавская, Н.В. Шумилина

ОЧЕРК КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ «ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ» КАК ПРОЗИМЕТРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Представлена рецепция очерка К. Павловой «Двойная жизнь» в русской критике, упоминаются его возможные претексты. Анализируется прозиметрическая природа произведения, диалог поэзии и прозы в нем. Детально рассмотрены поэтика сна, хронотопа, сюжет, метасюжет, композиция, нарративные стратегии, жанровые особенности. Предметом специального изучения становятся философия судьбы и философия творчества автора.

Ключевые слова: прозиметрия; проза; поэзия; онейрическое пространство; композиция; жанр; философия судьбы; философия творчества.

Очерк Каролины Павловой в стихах и прозе «Двойная жизнь» вышел отдельным изданием в 1848 г. Два фрагмента из этого произведения публиковались ранее в журнале «Москвитянин» в 1845 г. и в «Московском литературном и ученом сборнике» в 1847 г. Прозаическая часть первой главы в несколько сокращенном виде и стихотворение «Вот – засиял звездами свод небесный» были напечатаны в журнале «Москвитянин» (1845. Ч. III. № 3. С. 1–7) за подписью «К. Павлова». Другой отрывок, взятый из стихотворной части («И между тем опять носился шум нестройный»), завершающей пятую главу очерка, с предшествующим ему извещением от редактора о замысле и композиции романа в целом, увидел свет в составе «Московского литературного и ученого сборника» (1847. С. 689–700).

Появление отдельного издания этого произведения вызвало многочисленные отклики в русской периодике. Все они так или иначе касались трех проблем: 1) место поэзии и поэтических переводов К. Павловой в ее творчестве 1830–1840-х гг.; 2) соотношение содержания и формы очерка «Двойная жизнь»; 3) жанровые особенности произведения. Так, анонимный критик журнала «Современник» высоко оценивает особенности звуковой и ритмической организации стиха в творчестве К. Павловой, видя в нем «что-то мужественное, энергическое – качество, редкое в женщине» и сближая его в этом отношении со стихом Н.М. Языкова [1. С. 47]. В очерке «Двойная жизнь» автор рецензии отмечает «замечательность содержания», связанного с вопросами «воспитания светских девушек, их положения в обществе, их условных браков, наконец, их взрослого детства», и «оригинальность формы», в которой «уединенные, полуночные думы Цецилии автор передает стихами» [1. С. 47, 54]. Говоря о жанровой природе произведения, критик акцентирует внимание на том, что его «можно назвать скорее поэмою, хотя автор и дал ей скромное название очерка» [1. С. 54].

Анонимный автор рецензии в журнале «Библиотека для чтения» отмечает в очерке К. Павловой «эпиграмматический стиль», с одной стороны, и «эфирную мечтательность» – с другой. Эти два стиля воспринимаются как отражение дневного и ночного существования человека в мире. Жанровое же своеобразие этого произведения определяется им как «одиссея таинственного странствования души русской барышни в этом мире и в другом» [2. С. 3].

Другой анонимный рецензент из журнала «Отечественные записки» видит основную проблему данного произведения в двойственности существования современного человека. Обыгрывая саму номинацию романа, он пишет: «Жизнь каждого мыслящего человека распадается… на две жизни». Мыслящая личность «…в своем я видит два существа, в одной жизни различает двойную жизнь. Роль Гамлета есть как бы олицетворение двух сторон человеческого существования: высокой и пошлой» [3. С. 4]. Выделение «гамлетовского» начала в произведении К. Павловой позволяет осмыслить особенности его социально-философской и психологической проблематики, а также вписать его в контекст не только русской, но и западноевропейской литературы. Важная особенность этого отзыва видится в стремлении связать содержание и форму романа, увидеть эстетическое соответствие между ними. Автор пишет в связи с этим: «Каждая глава состоит из двух частей: прозаической и стихотворной – форма, соответствующая идее сочинения: возвышенная сторона жизни требует и выражения поэтического, а для будничных дней пусть останется будничный язык» [3. С. 5]. В мечтаниях героини романа критик склонен видеть «первый момент пробуждения душевного», которое должно послужить прологом к другому сочинению, в котором будет рассказана уже жизнь женщины после замужества.

Наиболее эстетически ценной представляется рецензия С.П. Шевырева, появившаяся в «Москвитянине». Автор начинает ее с определения жанра «Двойной жизни». Для него это «довершенная поэтическая дума, нашедшая язык, это поэма – плод многих наблюдений жизни и заветной душевной мечты» [4. С. 2]. Отмечая в качестве конструктивной особенности произведения диалог прозаической и стихотворной частей в нем, Шевырев рассматривает это как выраженное эстетически соответствие содержания и речевой формы. Так, в бытовой части «холод и чопорность материала отозвались и в самой прозе изложения», в которой только «затаенная ирония автора одна оживляет и дает душу безжизненной картине» [Там же. С. 4]. Стихотворную часть очерка рецензент оценивает достаточно высоко. Он отмечает музыкальность стихов К. Павловой, которая «играет ими по прихоти своего мечтательного чувства». Автор видит в стихах проявление психологической мотивации характера главной героини, поскольку «эти видения, эти сны служат к тому, чтобы разоблачить черты той внутренней, прекрасной и бессмертной Психеи, которая незримо живет в этой куколке, оцепенелой в атмосфере света» [Там же. С. 13]. Вместе с тем сновидения героини являются одновременно «изъяснителем и выразителем того, что

покоится в ней бессознательно» и проистекают из «германского настроения мысли» самой К. Павловой [4. С. 14, 15]. Такова синхронная оценка проблематики и основных особенностей поэтики очерка «Двойная жизнь».

Обратимся теперь к возможным источникам этого произведения. Комментаторы романа К. Павловой выделяют целый круг литературных текстов, преимущественно связанных с изображением онейрических (сновидческих) образов в нем. Среди них книга немецкого мыслителя и писателя-романтика Готтхильфа Генриха Шуберта (1780–1860) «Die Symbolik des Traumes» («Символика сновидений») (1814). Как отмечает Е. Казанович, «по теории Шуберта построена двупланная форма романа Павловой с его двумя языками: прозаическим языком бодрствующего состояния и стиховым языком сна, выражающими двойную жизнь героини наяву и во сне, и средним между ними – языком ритмической прозы, выражающим ее постепенный переход от одной жизни в другую, т.е. состояние засыпания» [5. С. 439]. Сходные представления о семантике сна встречаются и в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802), который тоже рассматривается в качестве одного из претекстов «Двойной жизни». В нем устами Генриха автор обосновывает свою «философию» сна в первой главе романа. Ср.: «Сновиденье… обороняет нас от жизни, удручающе размеренной и привычной, освобождает узницу-фантазию, чтобы та отдохнула, разбрасывая вперемежку все зарисовки жизненного опыта, веселой детской игрой рассеивая всегдашнюю взрослую деловитость. Если бы не сновиденья, старость приходила бы гораздо скорее. Даже если греза – не откровение свыше, я склонен полагать, что она – Божественное напутствие, доброжелательная проводница в нашем паломничестве к Святому Гробу» [6. С. 10–11]. Представления Новалиса о сне как возможности «прозрения» другой, высшей реальности, как состоянии, предшествующем творчеству, как способе самообнаружения целостного «я» получают отражение и в очерке К. Павловой.

Если современные представления об образах сновидений (З. Фрейда, А. Адлера, К.Г. Юнга, Э. Эппли, Э. Юнгера, М. Луркера, И. Карузо и др.) связаны в основном с восприятием их как знаков, соотносимых с определенными культурно-историческими символами, то в романе К. Павловой сны становятся особым пространством «претворения» действительности в сознании, «преломлением» внешнего мира во внутреннем, а также пространством самосозерцания другого «я» героини, пророчеством о ее будущей судьбе. В этом смысле сны героини «лишь частично имеют своими корнями сознательную сферу психики человеческой личности» и, следовательно, не формируются по произволу, а скорее «поднимаются вверх» из «глубинных слоев», содействуя расшифровке «другой действительности» [7. С. 250]. Об этой диалектике «одной» и «другой» действительности, об «автономности» сновидческой реальности пишет, в частности, Байрон в своем известном стихотворении «Сон» (1816). Ср.:

Жизнь наша двойственна; есть область Сна,
Грань между тем, что ложно называют
Смертью и жизнью; есть у Сна свой мир,
Обширный мир действительности странной.
И сны в своем развитье дышат жизнью,
Приносят слезы, муки и блаженство.
Они отягощают мысли наши,
Снимают тягости дневных забот,
Они в существованье наше входят,
Как жизни нашей часть и нас самих [8. С. 90].

Первые три стиха из этого произведения, как известно, становятся эпиграфом к очерку К. Павловой. В самом же этом стихотворении представлено в редуцированном виде основное семантическое и структурное ядро романа русской писательницы, в котором сны «в существованье наше входят», выражая многомерность нашего подсознания и нашего внутреннего «я». Они воспринимаются как своего рода «фиксированные точки интенсивности» сознания, созидающие вторую реальность и изменяющие наше представление о мире и о самих себе [9. С. 32].

Уже номинация произведения «Двойная жизнь» акцентирует внимание не только на двойственной природе самой жизни и человека, на двойственной природе сна, но и на способах передачи этой двойственности в литературе. «Двойная жизнь» – сложное в содержательном, нарративном и жанровом отношении произведение. Не случайно оно получает особое определение: «очерк-поэма-роман», которое раскрывает синтез различных тем, мотивов, образов и жанрово-стилевых тенденций в нем. Об этой синтетичности романа пишет и современная исследовательница творчества К. Павловой Н.А. Табакова. Она отмечает, что «Двойная жизнь» заключает в себе светскую повесть, семейную физиологию 1840-х гг. и романтическую поэму (сны Цецилии) [10. С. 17–18]. По ее мнению, такая переходная форма была выбрана для отображения авторского, а также историко-культурного сознания эпохи и раскрывала полемику романтизма с реализмом в русской литературе 40-х гг. XIX в. На наш взгляд, очерк Павловой представляет собой образец оригинального прозиметрического текста в русской литературе первой половины XIX в., полифоническому содержанию которого соответствуют разные жанрово-речевые стили: бытовая проза, с одной стороны, сны и пророчества, изображенные стихами – с другой, и промежуточная сфера между явью и сном, переданная ритмизованной прозой, – с третьей.

Фабула прозаической части довольно традиционна: это история о том, как молодую девушку, восемнадцатилетнюю Цецилию фон Линденборн выдают замуж за человека, которого она плохо знает и в чувствах к которому не успевает разобраться. Но мать подруги Цецилии Наталья Афанасьевна Валицкая ведет активную интригу в пользу собственной дочери – Ольги. Мать же главной героини Вера Владимировна фон Линденборн озабочена только светскими формальностями, а сама Цецилия не привыкла задумываться о своей судьбе, в результате совершается «обыкновенная история»: девушку, «спутанную, обессиленную, неведающую, непонимающую», приносят в жертву «узам Гименея». Внешне все выглядит прилично, но на самом деле совершается жертвоприношение: отдавая молодую жен-

щину в полную власть мужа, случайного человека, ее обрекают, по мнению автора, на «душевное, безвестное, немое страдание».

Роман начинается с диалога двух молодых людей о состоянии семьи фон Линденборн, и это показательно. Диалог как миромоделирующая, символическая и жанрово-речевая категория становится конструктивным элементом этого произведения К. Павловой и во многом раскрывает его прозиметрическую природу. Диалог поэзии и прозы как эстетическая основа прозиметрии пронизывает здесь не только бытовую и сновидческую стороны жизни, но и многие содержательно-структурные элементы. Так, в частности, хронотоп романа оказывается принципиально двойственным. Он включает в себя московские реалии, «большой дом на Тверской», принадлежащий родителям Цецилии, Петровский парк, прогулки в Останкино, а также время действия – три месяца: со второй половины мая до второй половины августа. Очерковая составляющая хронотопа представлена прежде всего описанием салона Веры Владимировны с его «безымянной мебелью», ее суббот, на которых присутствовало «…человек с тридцать. Иные говорили между собой вполголоса, другие прислушивались, другие прохаживались, но на всех как будто бы тяготела какая-то обязанность, по-видимому, довольно трудная, и им всем, казалось, было немного скучно забавляться» [11. С. 232]. Эта своего рода имитация живой жизни и подлинного общения, акцентируемая авторской иронией, как будто «одушевляется» описанием городской природы. Ср.: «Между тем разливанье чая кончилось, и Цецилия вышла с молодыми девушками на балкон. Там сияла всеми своими созвездиями великолепная майская ночь. Недавно позеленевшие липы перед балконом шумели так тихо, так созвучно-печально, так таинственно, как будто бы они стояли не на Тверском бульваре, а в свободном просторе девственной пустыни» [Там же. С. 234]. Встречающиеся в этом отрывке эпитеты «великолепная», «созвучно-печально», «таинственно» как будто «преломляют» в себе внутреннее состояние героини, ее задумчивости «бог весть о чем» и служат своеобразной прелюдией к другому хронотопу, хронотопу снов героини.

Показательно, что образы звезд, шум листьев в прозаической части как будто удваиваются в стихотворной части первой главы, связывая их между собой и воссоздавая в онейрическом сознании героини единство внешнего и внутреннего миров, их совершенную гармонию, порожденную созвучием цветовых, светоакустических (звучащий в листьях свет луны) и ольфакторных образов. Ср.:

Вот – засиял звездами свод небесный…
Слетел туман… повеял аромат…
<…> И все миров полночные сиянья,
И вздохи все, скользя сквозь тишину,
И все весны душистые дыханья
В гармонию сливаются одну [11. С. 236].

Важно отметить, что уже в первом стихотворном фрагменте сон героини так же, как и хронотоп романа, обнаруживает свою двойственность. В нем конструктивную роль играют такие дуальные образы, как «покой воздушный и чудесный», «предел неведомый» и «светлолунный сад»; «зерцало дум» и «зерцало вод»; «слово» и «пенье дальних струй». Отсюда сама идея двойственности «материализуется» не только в действительном мире, но и в снах.

При этом следует отметить, что если в стихотворных частях романа, в образах снов эта двойственность раскрывается преимущественно в лирико-философском ключе, то в прозаических фрагментах она приобретает сатирико-бытовую окраску. Ср.: «…Вера Владимировна отправилась с Цецилией… к старой тетке. <…> Там все было еще по-старинному: грязная передняя, болонки, лакеи в нанковых сертуках и горничные босые; все одно к одному, все в удивительно гармонической связи, внешнее и внутреннее, тело и душа» [11. С. 238]; «Он (молодой поэт. – *И.П., Н.Ш.*) был до того молод и неопытен, что читал свои стихи при этом аристократическом обществе с тем же жаром, с каким говорил их в своей скромной комнате, наедине с самим собой; он был до того закален в огне поэзии, что не чувствовал веющего от всех этих лиц светского холода» [Там же. С. 245]; «Сами кустики около дома красовались с какой-то парижской чопорностью, сами цветы, усаженные и уставленные где только можно, принимали какой-то вид хорошего тона, сама природа делалась неестественна» [Там же. С. 252]; «Дмитрий Ивачинский был добрый человек, даже благородный человек в обыкновенном значении этого слова; но почему доброму и благородному человеку не желать быть вдобавок и богатым?» [Там же. С. 255]; «На столике перед ней (Валицкой. – *И.П., Н.Ш.*) стояла чашка шоколада и лежал новейший из бесчисленных романов Александра Дюма. <…> Валицкой было теперь не до шоколада и не до сказок: она сама готовила развязку пролога одного для нее очень интересного жизненного романа» [11. С. 277].

Надо заметить, что светский мир изображен в романе почти исключительно как женский, мужские же персонажи, кроме жениха Цецилии – Дмитрия Ивачинского, являются фоновыми фигурами. Некоторые исследователи, в частности А. Уиллоу [12. С. 12], предполагают, что такое внимание именно к женским персонажам обусловлено зарождающимся феминизмом, однако это объяснение не вполне соответствует смыслу произведения.

По мнению П.П. Громова, замысел повести основан на стихотворении «Есть любимцы вдохновений», которое является «ключевым, определяющим в поэзии К. Павловой 40-х годов» [11. С. 30]. Строки из этого стихотворения воспринимаются во многом как типологическая характеристика «поэтической» части человечества, к которой и относится героиня романа Павловой. Ср.:

Но проходит между нами
Не один поэт немой,
С бесполезными мечтами,
С молчаливыми очами,
С сокровенною душой [11. С. 79].

Цецилия, являясь поэтом в душе и будучи эстетически отзывчивой, не подозревает об этом, но каждую ночь чувствует странное томление духа, обостренное восприятие мира и себя в нем.

Стихотворные фрагменты романа К. Павловой воспроизводят один из вариантов известного теософского метасюжета, чаще всего используемого в русской романтической балладе. Это сюжет «о пробуждении души в урочный час, ее соединении (браке) со своим избавителем-искупителем и мистическом преображении мира» [13. С. 37–38]. Классическим произведением русского романтизма с таким сюжетом, как известно, является баллада В.А. Жуковского «Вадим», входящая в дилогию «Двенадцать спящих дев». Балладный субстрат стихотворных фрагментов в «Двойной жизни» К. Павловой включает в себя и томление души героини, и ее встречу во сне со своим спасителем («В ней помнит мысль о небывалом, // Невстреченного узнает: // Он отражен в ней дум зерцалом, // Как блеск звезды зерцалом вод»; «Я вновь с тобой! тебе я верен буду; // Я ждал тебя, – я призванный, я твой»), и ожидание перемен в своей судьбе.

Важно отметить, что диалог героини с безымянным существом во второй главе романа воспринимается как интертекстуальный и соотносится с диалогом Тамары и Демона из второй части поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». В романе К. Павловой чужое сознание воспринимается как отражение подлинного «я» героини через узнавание себя в другом, как своего рода трансцендентный двойник ее. Ср.:

– «Кто ж ты?»
– «Я то, что ты искала
В сиянье звездной высоты;
Я грусть твоя средь шума бала,
Я таинство твоей мечты,
Чего умом не постигала,
Что сердцем понимала ты.
<…> Поймешь ты тайну вдохновений,
Жизнь духа проживешь вполне;
Что наяву узнает гений,
Узнаешь ты, дитя, во сне…
<…>
И неведомо приду я
С дивным сном к тебе в тиши;
Тайной силой поцелуя
Цепь сниму с твоей души…»
[11. С. 242–244].

В этом фрагменте пространственная оппозиция «там» и «здесь» меняет свою привычную семантику. «Здесь» становится миром сна и неземных существ, «там» ассоциируется с социумом, с «людским краем». Предчувствие героиней высшего «здесь-бытия» передается через образы «вечного наследства», «свободы чувств», «тайны вдохновений», «жизни духа», «святого пенья». Земное же «там» связано с «жалкой суетой», с «ярмом железным века», со «страной слепых». Неземное существо воспринимается в контексте теософского сюжета романа как избавитель героини от власти «суетного света».

В поэме же Лермонтова «Демон» главный герой сам ищет спасения в любви земной женщины, которая смогла бы возвратить его Небу. Ср.:

Т а м а р а
Но молви, кто ты? отвечай…

Д е м о н
Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне [14. С. 390].

Здесь важен и мотив прощального поцелуя, который образует межпарадигматические соответствия между обоими произведениями. Поцелуй дарует героине К. Павловой во сне внутреннюю свободу, освобождение от суетных «оков света», а героиня Лермонтова гибнет и впоследствии обретает спасение лишь ценой покаяния. Ангел говорит о ней:

«Дни испытания прошли;
С одеждой бренною земли
Оковы зла с нее ниспали.
<…>
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои…
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви!» [Там же. С. 402].

Таким образом, можно сказать, что известный мистический метасюжет получает в произведении К. Павловой оригинальную авторскую интерпретацию. В онейрическом пространстве героиня романа переживает пробуждение души через встречу с неизвестным ей героем-избавителем. Итогом этих встреч должно стать внутреннее преображение Цецилии, ее новое отношение к самой себе и к социуму. В действительном же мире душа героини как будто спит, и герой ее романа – Дмитрий Ивачинский – выступает по отношению к ней не спасителем, а искусителем, претендующим на ее молодость и состояние. В результате героиня обречена на то, чтобы повторить обычную судьбу женщин своего круга.

Главная героиня очерка К. Павловой в прозаической части текста является весьма заурядной личностью, и не случайно автор иронически изображает ее бытовой облик. Ср.: «…Цецилия, вместо того чтоб мечтать о маркизе Позе, об Эгмонте, о Ларе и тому подобном, могла мечтать только о прекрасном бале, о новом наряде и о гулянье первого мая» [11. С. 248]. Упоминание в романе героев драм Ф. Шиллера «Дон Карлос», И.В. Гете «Эгмонт», поэмы Д.Г. Байрона «Лара», романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», а также имен Шекспира, Данте, Александра Дюма раскрывает и позицию автора по отношению к светскому воспитанию героини, и во многом литературоцентрическую эстетику самого произведения. Так, например, в третьей главе описывается субботний вечер в доме Веры Владимировны, на котором молодой поэт читает свой перевод «Песни о Колоколе» Шиллера. Ср.: «Он провел перед ними тот ряд волшебно сменяющихся картин: мирное детство, бурную юность и восторги любви, и спокойствие счастия… и потом, вдали, поляны в блеске вечера, с медленными возвращающимися стадами, тихо сходящую ночь, и благодатный порядок, и внезапный ужасный мятеж» [Там же. С. 245]. В этом отрывке, носящем ме-

татекстуальный характер, «сменяющиеся картины» радостей жизни и бедствий становятся символом индивидуальной и мировой жизни в их взаимной связи и текучести, процессуальности. Соединение прозаического пересказа и заключительного стихотворного отрывка из песни Шиллера в этой главе уже на внутритекстуальном уровне воспринимается как структурная модель всего романа К. Павловой, как намеренное обнажение приема через его удвоение. Наконец, цитируемые в романе строки Ж.Б. Руссо о времени как центральном образе песни Шиллера и как «изменчивом образе неизменной вечности» во многом определяют концепцию времени в данном произведении. Время осмысляется здесь через характерное «двойное преломление»: преломление «игры земного бытия», преходящего мира в вечном и вечного в «подлунном», сиюминутном. Подобная концепция времени во многом передает и философию судьбы главной героини, и своеобразие образной системы, и содержательно-композиционные особенности произведения. В этой связи не случайно в стихотворных частях очерка важная роль отводится образу реки, воспринимаемой как метафора времени, изменяющейся жизни, земного пути человека, звучащей поэтической речи. Ср.:

Река несется, и, шепча, льется
В реке струя.
Несется мимо неутомимо
С рекой ладья.

Навстречу девы скользят напевы
Средь тишины,
Как отзыв дальный, как музыкальный
Аккорд волны [11. С. 249].

Показательно, что в сновидениях героини принципиально значимым становится и мотив отзыва как возможности узнавания себя в другом и другого в себе, как способности восприятия мира в его изначальной бытийно-бытовой целостности, созидательной коммуникативности. Эта целостность маркируется, в частности, такими дуальными образами из стихотворного отрывка третьей главы, как мечта – действительность, бесконечное – конечное, святость – греховность, «дары священные» – «дары земные», «луч» – «мрак».

Как уже отмечалось, во сне героиня превращается в «немого поэта». Превращение это тесно связано с мотивом припоминания, с поиском Цецилией необходимого слова как условия преображения мира и ее внутреннего «я». Ср.: «…Мысль странная и неизъяснимая… что будто бы ей должно было разгадать какую-то загадку, найти какое-то слово, вспомнить имя, которое ей не давалось» [11. С. 236]. Отсюда противопоставление «явь – сон» в романе К. Павловой актуализирует, по мнению современного исследователя, его второй, символический план, выявляющий соотношение действительности и художественного образа [15. С. 52]. Именно в снах Цецилия осознает, что служит причиной ее немоты в реальном мире, осознает фальшь общества и всю глубину своих чувств. В ней постепенно просыпается «внутренний человек», раскрывается ее лучшее «я», неотделимое от жизни духа. Поэтому «формула творчества» в данном произведении может быть схематично представлена как движение от действительности к художественному образу, под которым понимается «идеализированный, не до конца осознаваемый образ действительности» [15. С. 57]. Отсюда мотив «немоты» и скованности, присутствующий в «дневной жизни», сложно и многократно отражается в «ночном мире». Только в сумеречном состоянии перехода от яви ко сну, от социальной жизни к жизни природной и жизни духа она преодолевает немоту, и в ней начинает звучать ее «внутренняя речь» – стихи.

При этом и внутренняя речь героини в мире ее снов тоже оказывается диалогичной, как бы вновь акцентируя внимание на основных особенностях прозиметрической поэтики произведения. Так, например, в четвертой главе «напоенные тоскою» «слова души» героини вызывают в «посетителе роковом» сердечные «отзывы». Эти «отзывы» воспринимаются как предчувствие ее будущей судьбы, как тайное знание о том земном женихе, которого она любит и который в действительности является лишь прекрасным призраком, сотворенным ею. И гость ночной как отражение жизни ее подсознания прямо говорит об этом:

И наряди его в твои мечтанья,
И счастья жди, упрямое дитя!
На пыл души, на сердца излиянья
Ответит он, скучая иль шутя [11. С. 259].

В форме драматического диалога двух голосов построена стихотворная часть и в пятой главе. Являясь откликом на смерть молодой женщины, эти голоса воспринимаются как преломление в сознании главной героини возможных вариантов ее собственной будущей судьбы, как переплетение «дневной» и «ночной», «земной» и «небесной» ее сторон, как поиск личностью своего «слова жизни». В этом смысле метафора жизни как созидаемого, творимого «своего слова» воспринимается как основа философии творчества автора романа.

Итальянская исследовательница Розанна Казари полагает, что фабула поэтической части «Двойной жизни» есть переработанный миф об Амуре и Психее. Она пишет: «Ночью пробуждается ее (героини. – *И.П., Н.Ш.*) душа, Цецилия (как и Психея) находит собеседника и покровителя в тайном, невидимом, ночном посетителе. Только ночью Цецилия живет настоящей, духовно богатой жизнью» [16. С. 167]. Но не только миф об Амуре и Психее послужил основой для поэтической фабулы произведения. Новозаветная притча о девах, ждущих жениха, как и отголоски мотива воскресения присутствуют в мифопоэтическом сюжете стихотворной части романа. Ср.: «Да, это ты! – живой ты встал из гроба! // Возможно ли? Иль сплю и брежу я?». Ночной гость Цецилии становится вестником нового мира, знаком внутреннего существования для нее. Поэтический мир называется им Эдемом, что, в свою очередь, отсылает к образу обретенного и утраченного рая.

Одной из содержательно-структурных особенностей романа К. Павловой является проблема повествования, соединения прозаической и поэтической частей в нем. Н.Я. Берковский писал об этом: «Роман Павло-

вой тоже двойной: каждая глава, проведенная прозой, к концу впадает в стихи. <…> …Проза у самого устья, накануне стихов, размывается, начинаются поэтические перестановки слов, лексика становится стиховой, появляются намеки на стиховой ритм, подчас ритм осуществлен полностью. Две жизни – из них одна назначена для прозы, другая – для стихов» [17. С. 286]. В произведении К. Павловой наиболее интересными в нарративном плане оказываются фрагменты ритмической прозы, которые маркируют переход от яви к сну, от «дневной» жизни к «ночной». Так, например, в шестой главе этот «переход» оказывается самым репрезентативным. После своего дня рождения, когда Цецилии показалось, что Дмитрий Ивачинский искренне любит ее, она засыпает «с роскошной радостью». Автор пишет: «И успокоительно спускалась на нее томная дремота. Сквозь безмолвие носились будто бы еще отголоски оркестра – созвучия дальные, полупечальные, то утихали, то запевали снова, и в говоры сливались странные, – в слова таинственных бесед, во звуки чудные, желанные, в Его призыв, в Его привет» [11. С. 275]. Современный исследователь видит в этом фрагменте «настоящую стихотворную строфу из четырех стихов с перекрестной рифмой», которую можно с полным основанием «считать началом стихотворения, его первой строфой» [15. С. 55]. Встречающаяся здесь конечная рифма «странные» – «желанные», «бесед» – «привет» дополняется внутренней рифмой («дальные» – «полупечальные»), инверсией («созвучья дальные», «говоры странные», «звуки чудные»), лексическим повтором («его, его»), синтаксическим параллелизмом («и в говоры сливались странные», «во звуки чудные, желанные»). И далее в тексте следуют стихи, представляющие собой обращение таинственного посетителя к героине с использованием трехстопного и двустопного ямба. Ср.:

«Звезда далекая
Давно зажглась
<…>
Злым сном томимая
В чужбине той,
Проснись, любимая,
В стране родной» [11. С. 275].

Встречающаяся здесь амбивалентная метафора «жизнь как “злой сон” и «сон как пробуждение “в стране родной” оказывается принципиально важной и для понимания диалектики яви и сна, внешней и внутренней жизни героини, и для раскрытия философии творчества автора, где сон воспринимается как преображенный отголосок действительного мира, как слабый отсвет «жизни земной». Изменяющийся затем ритм стихотворения – четырехстопный ямб с перекрестной рифмовкой – передает самое сокровенное в сознании героини. Это ее любовь к неузнанному жениху как отражение ее стремления и к идеальному миру, и к эстетической идеализации действительности. Ср.:

В меня ты веруешь душою,
Меня ты любишь, не его.
Но я, средь суеты превратной,
В житейском бытии твоем
Тоской останусь непонятной
Несбыточным сердечным сном
<…>
Ты бесконечность полюбила,
Неизмеримости ты ждешь [11. С. 276].

В восьмой главе, в которой речь идет о подготовке к свадьбе Цецилии, соотношение общей тональности и ритмической структуры прозаической, «переходной» и стихотворной частей оказывается почти тождественным. Ср.: «Желания ее исполнились, тайные сны сбылись; вокруг нее было светло и прекрасно, она достигла этих волшебных часов жизни, когда занавес чудесной близкой будущности ежеминутно чуть-чуть приподнимается, позволяя девственному взору мгновенно взглянуть, чуткому сердцу радостно содрогнуться» [Там же. С. 289]. Центральные образы в этом отрывке – образы «тайных снов» и «занавеса близкой будущности» – получают и конкретный, и символический смысл. Эти образы представлены в окружении эпитетов «светло и прекрасно», «волшебные часы», «чудесная будущность», «чуткое сердце», которые передают новое мировосприятие героини, переживающей чувство внутреннего преображения под влиянием любви. Встречающиеся здесь эмоциональная лексика («желания», «часы жизни», «сердце»), синтаксический параллелизм, ряды однородных членов, глаголы с семантикой, передающей неполноту действия («приподнимается») и психологическое состояние героини («радостно содрогнуться»), повторяются и усиливаются потом в «промежуточном» эпизоде отхода героини ко сну. Ср.: «И она продолжала сладостно бредить, молодая счастливица. Уже мысли подернулись туманом, и мечты блуждали, перепутанные дремотой; но блаженство в душе сияло сквозь полусон. Ее голова наклонялась медленно и коснулась подушки… длинные ресницы опустились… и сладко засыпающая вдруг содрогнулась, как в нежданном испуге; взор ее блеснул и снова погас. И луна шла высоко и глядела в окно… и внезапным взрывом, издалека, чрез простор полет промчался бурный, и вершины сонные дерев в темноте мгновенно зашумели и опять умолкли, чуть дыша…» [11. С. 294]. Эмоциональная лексика в этом фрагменте («сладостно бредить», «молодая счастливица», «блаженство в душе»), выступая на фоне предложений с многоточием, передает длительность, протяженность «дневных» впечатлений героини, которые диссонируют с «внезапным взрывом» и «полетом бурным». Важно отметить, что здесь антиномия душевных состояний молодой женщины получает параллельное воплощение в описании природных явлений («вершины сонные дерев… зашумели и опять умолкли»), которые затем удваиваются в начальных стихах поэтической части. Ср.:

Стихло все; фонтана только слезы
Падают незримо в тьме аллей
<…>
Что же вдруг, как бы с покоем споря,
Слышится в безмолвии ночном?
Бьется ли глухая бездна моря?
Ропщет ли вдали грозящий гром? [Там же].

Эта природная метаморфоза становится своеобразной прелюдией к внутреннему преображению мира и человека как возможности услышать «вещий глас» бесконечности, как способности обретения душой своего «слова» («Но божества душа коснулась, // Но тайны в ней нашли язык, // Но бесконечность распахнулась, // И взгляд в нездешнее проник»). Итак, можно сказать, что очерк К. Павловой «Двойная жизнь» – это произведение об овладении героиней «словом», о пробуждении в ней души и «отзывных дум» через встречу с Другим. При этом сам процесс овладения «словом» предполагает продуктивное взаимодействие здесь разных миров: вещного, природного, психологического, ментального, трансцендентного, что получает отражение в тройственной речевой (проза, ритмическая проза, стихи) и жанровой (очерк, роман, поэма) форме.

Завершается произведение поэтическим фрагментом, имеющим автометатекстуальный характер. Это размышление автора о процессе творчества, о своем переживании творческого акта на разных его этапах. В реконструированном виде он может быть представлен следующим образом. Поэтическая греза, которая становится затем предметом длительной авторской рефлексии («взлелеянная дума»), обретает, наконец, свой «язык», материализуется в «слове» и живет уже своей, независимой от создателя жизнью («Взяла свое взлелеянная дума, // Нашла язык, в мир внешний перешла; // Давно жила среди людского шума // Она во мне, свободна и светла»). Творцу же остается только вторичное переживание и своего эстетического чувства, и созданного им произведения.

Итак, очерк К. Павловой «Двойная жизнь» представляет собой образец прозиметрического текста. Важнейшая особенность этого типа текста видится в изначальной подвижности, вариативности отношений автора к герою, что получает отражение в использовании в данном произведении разных точек зрения, эстетической игры ими, дуальной образности, в продуктивном синтезе различных речевых и жанровых форм. «Двойная жизнь» как прозиметрический текст создается на основе внешнего, кумулятивного принципа и одновременно внутреннего принципа структурно-семантического переключения, благодаря которым формирующиеся в произведении поэтическая и прозаическая художественные картины мира находятся в состоянии динамики и взаимопреображения [18. С. 175–176]. Отсюда появляется дополнительный смысловой и эстетический «резерв» в очерке К. Павловой, раскрывающий его связь с предшествующей литературной традицией («Евгений Онегин», «Повести Белкина» Пушкина, поэмы и роман «Герой нашего времени» Лермонтова) и ее органическое развитие в русской литературе конца 1840-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Современник.* 1848. № 3.
2. *Библиотека* для чтения. 1848. Т. LXXXVII. Февраль.
3. *Отечественные* записки. 1848. Т. LVIII. Май.
4. *Москвитянин.* 1848. Ч. 2. № 3.
5. *Павлова К.К.* Полное собрание стихотворений. Л., 1939.
6. *Новалис.* Генрих фон Офтердинген. М., 2003.
7. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
8. *Байрон Д.Г.* Собрание сочинений : в 4 т. М., 1981. Т. 2.
9. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М., 1993.
10. *Табакова Н.А.* Творчество Каролины Павловой : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1999.
11. *Павлова К.К.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
12. *Heldt B.* Feminism and the Slavic Field // The Harriman Review. Nowember. 1994.
13. *Виницкий И.Ю.* Нечто о привидениях: истории о русской литературной мифологии XIX века. М., 1998.
14. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. Л., 1980. Т. 2.
15. *Власов А.С.* Философия творчества и композиция произведения (На материале очерка Каролины Павловой «Двойная жизнь» и романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго») // Слово в словаре и дискурсе : сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006.
16. *Казари Р.* «Прекрасная сказка» об Амуре и Психее в творчестве Достоевского // На меже меж Голосом и Эхом. М., 2007.
17. *Берковский Н.Я.* О прозе Мандельштама // Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. М., 1989.
18. *Поплавская И.А.* Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. Томск, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 32–36 DOI: 10.17223/15617793/376/5

УДК 821.161.1.09

А.В. Скрипник

ФЕНОМЕН КУКЛЫ И КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА В ПОВЕСТИ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» Н.В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются кукольные аллюзии повести Гоголя. Особенно значимыми становятся такие аспекты семантики образа куклы, наиболее востребованные романтиками, как мертвенность, пустота внутреннего содержания, автоматизм и отсутствие человечности при внешнем дублировании человеческого облика. Кроме того, Гоголь актуализирует традиции народного кукольного театра (райка и театра Петрушки), строя по образцу кукольного спектакля повествование о Пискареве и Пирогове.
Ключевые слова: кукла; манекен; кукла-автомат; кукольный театр; раек; театр Петрушки.

История создания «Невского проспекта» демонстрирует постепенный отход Гоголя от романтизма и усиление в его произведениях реалистического начала. Непосредственно связанная с неоконченными романтическими замыслами Гоголя «Страшная рука. Повесть из книги под названием: Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16 линии» и «Фонарь умирал», повесть заимствует сюжеты из творчества писателей французской «неистовой школы», в частности Ж. Жанена, считавшего, что в реальной действительности можно найти немало фантастических происшествий, поэтому не стоит выдумывать их [1. С. 646–647].

Следует также добавить, что установка на необычное с обязательной опорой на известное, традиционное была характерна для городских зрелищных форм. Поэтому в них сильна тяга к неслыханному и невиданному. Особенность зрелищного фольклора в том, что новое в нем часто перерастало в необычное, даже в жульничество и обман, а традиционное – в штампы и безвкусные повторы. На наш взгляд, в «Невском проспекте» Гоголь синтезировал традиции «неистовой школы» и зрелищного фольклора, особенно в понимании традиционного как пошлого (например, традиционно-чинное поведение гуляющих в начале повести воспринимается как высшее проявление безжизненности и пошлости) и вплетении необычных сюжетов в полотно реальной, обыденной жизни.

Если сравнить последнюю редакцию «Невского проспекта» с черновыми вариантами, то можно проследить процесс отхода от романтических штампов. Значимо, прежде всего, само изменение фамилии героя (Пискарев вместо романтического обозначения человека согласно его профессии – Палитрин), которое подчеркивает прозаичность и незначительность личности начинающего художника в огромном столичном городе. Описание снов Пискарева сокращается для придания действию динамизма. Кроме того, «Страшная рука» и «Фонарь умирал» все еще нацелены на создание романтического мирообраза. В этих замыслах присутствуют некие надличностные, возможно инфернальные, силы, управляющие судьбой человека. В «Невском проспекте» тоже есть инфернальное начало, однако оно отодвинуто на второй план, а в центре повествования находятся вполне прозаические события, которые получают романтическую трактовку в сознании романтика Пискарева и пошло-реалистическую в сознании поручика Пирогова. Однако повесть, несомненно, все же содержит рудименты романтизма. Романтическую струю в повествование вносит использование кукольных образов в наиболее репрезентативном для романтиков аспекте: мертвенность, бездуховность и автоматизм.

В современных гуманитарных изысканиях кукла как феномен культуры все чаще становится объектом пристального внимания исследователей различных сфер искусства (культурология, теория и история театра, искусствознание, литературоведение). Сам термин «кукла» полисемантичен и может употребляться для обозначения различных (иногда мало связанных друг с другом) явлений. Проанализировав значение термина в разных словарях, можно сделать вывод, что семантика слова «кукла» включает в себя ядерные и периферийные компоненты. К ядру можно отнести следующее значение: подобие человека, животного, сделанное из какого-нибудь материала для забавы детей или для театральных представлений (куклы на нитях (марионетки), тростевые (на тростях), перчаточные (надеваемые на руку), механические, верховые куклы (перчаточные или тростевые, играющие над ширмой), теневые куклы (плоскостные тростевые куклы, проектируемые на экран как тени или силуэты)) [3. С. 213–214; 4. С. 267; 5].

В контексте нашего исследования хочется заострить внимание на следующих содержательных компонентах: живость или мертвенность куклы. Данные смыслы также важны для понимания специфики феномена куклы, но однозначного определения указанного критерия в словарях нет. С одной стороны, отмечается живость куклы: *живая кукла, автомат; механическая, что сама бегает, живая* (Даль), с другой – мертвенность: *перен. бездушное, безжизненное существо. Мертвая кукла* (Ушаков). Таким образом, живость куклы связана с формальным, механическим признаком: возможностью ее самостоятельного передвижения, а мертвенность – с отсутствием внутреннего, духовного наполнения. Ниже, анализируя повесть Гоголя, мы будем понимать под живостью и мертвенностью куклы указанные смыслы.

Периферийный набор компонентов в разных словарях содержит разные составляющие: *анатомическая или повивальная кукла; болван, форма; в конном вороте, куклы, брусья, на коих висит беседка погонщика; насекомое, в предпоследней степени развития своего* (Даль)*; фигура, воспроизводящая человека в полный рост; пачка листов бумаги, подделанная под пачку бумажных денег* (Ожегов). Из перечисленных смыслов для нас значима трактовка куклы как фигуры, воспроизводящей человека в полный рост. В таком понимании термин «кукла» сближается с термином «мане-

кен»: истуканчик, деревянная кукла со всеми сгибами членов, употребляемая живописцами для списывания одежды и складок ее; болванчик [3. С. 297]; фигура из дерева или папье-маше в форме человеческого туловища для примерки платьев [5]; фигура в форме человеческого туловища для примерки и показа платьев [4. С. 290]. Если обратиться к словарям синонимов, то в них также увидим тождество между терминами «кукла» и «манекен» [6].

И, наконец, еще одно определение куклы, важное для нас, – марионетка: кукла для представлений на детском или маленьком театре, вертепе [3. С. 300]; кукла, которая приводится в движение при помощи чего-нибудь. О человеке, политическом деятеле, слепо действующем по воле другого [4. С. 291]; кукла с приводящим ее в движение механизмом, употребляется в кукольном театре для исполнения ролей. Человек, слепо действующий по воле другого [5]. Термин «марионетка» содержит два основных содержательных компонента: кукла и человек, следовательно, в марионетке ярче всего отражается взаимозависимость и взаимообусловленность этих двух субъектов.

Обобщая все вышеизложенное, отметим, что в связи с исследуемой нами проблематикой уместным представляется понимание феномена куклы в широком смысле: как собственно куклы (в том числе механической), манекена и марионетки, причем частичное сходство этих понятий, отмеченное выше, не подразумевает их полного тождества.

Если рассматривать феномен куклы сквозь призму семиотики и культурологии, то кукла – это знак, фиксирующий накопленные модели окружающей действительности, в ней отражается представление человека о себе самом, о мире, о происходящих в нем процессах. Кукла сама может стать моделью создавшего ее социума, так как она всегда соотнесена с ценностями этноса или социального слоя, нации или культуры. Функционал куклы, изначально связанный с ритуалом, на современном этапе (как, впрочем, и в исследуемый нами период) включает в себя украшение (салонные куклы и их близкие родственники – манекены) и игру (театральная кукла и детская кукла-игрушка). Кроме того, современная кукла, по мнению Т.Е. Карповой, имеет два полюса: с одной стороны, кукла – это подобие человека, оживляемое движением, с другой – кукла является выражением абсолютного обмана, недоверия, пустого содержания, т.е. симулякром [7]. Е.О. Змеева справедливо отмечает, что «дихотомия “кукла – человек” связана с важнейшими основаниями культуры, ее константами. В оппозиции живое / мертвое, одухотворенное / бездушное куклу нельзя причислить ни к той, ни к другой стороне» [8. С. 3].

На эту оппозицию в понимании куклы указывал и Ю.М. Лотман в статье «Куклы в системе культуры». Кукла изначально биполярна: с одной стороны, своим игровым аспектом она связана с патриархальностью и детством, с другой – ее нежизненность и автоматизм ассоциируются с псевдожизнью и смертью в контексте взаимосвязи с машинной цивилизацией. (Но в то же время, как доказала О.М. Фрейденберг, мертвенность куклы усугубляется и тем фактом, что она издревле использовалась при похоронных обрядах [9]). Называя игровую функцию основной для куклы, Лотман противопоставляет традиционную неподвижную куклу заводной кукле-автомату: «Движущаяся кукла, заводной автомат, неизбежно вызывает двойное отношение: в сопоставлении с неподвижной куклой активизируются черты возросшей натуральности – она менее кукла и более человек, но в сопоставлении с живым человеком резче выступает условность и ненатуральность. <…> Особенно наглядно это в отношении выражения лица: неподвижная кукла не поражает нас неподвижностью своих черт, но стоит привести ее в движение внутренним механизмом – и лицо ее как бы застывает. Возможность сопоставления с живым существом увеличивает мертвенность куклы» [10. С. 378]. Мертвенность и автоматизм, своеобразное «мертвое движение», как мы увидим ниже, присущи «кукольным» персонажам Гоголя.

Впервые кукольные аллюзии в повести возникают при описании прогуливающихся по Невскому проспекту. Наше «таинственное общество, в многолюдной массе пользующееся самою бесцветною славою, заставляющею даже подозревать и сомневаться в его существовании» (как писал Гоголь в черновом варианте повести) [11. С. 339. *Другие редакции. Невский проспект*] показывается лишь на Невском проспекте. «Но живописец характеров, резкий наблюдатель отличий, лопнет с досады, если захочет его изобразить в живых огненных чертах. Никакой резкой особенности! никакого признака индивидуальности!» [Там же]. В окончательной редакции повести Гоголь переработал начало и убрал эти строки, однако ощущение отсутствия индивидуальности, живого чувства и, наконец, самой человечности осталось за счет усиления кукольного элемента. Прежде всего это касается описания внешности персонажей. Подробно описывается их одежда, прическа, усы, бакенбарды, их жесты и аристократичные манеры, но сведения о внутреннем мире скудны или вообще отсутствуют. Внешняя мишура замещает внутреннее содержание: «раскланиваются благородно и непринужденно», «улыбку верх искусства», разговаривающие «о концерте или погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства» [11. С. 13]. Все эти чувства неискренни, наиграны, движения заучены и автоматичны, а «главная выставка всех лучших произведений человека» (щегольской сюртук, греческий нос, перстни, шляпки, бакенбарды), по выражению А.С. Грибоедова, скрывает «слабодушие, рассудка нищету» своих хозяев. Таким образом, персонажи сочетают в себе две кукольные концепции: манекен и автомат.

О манекенной специфике можно говорить, так как на первом плане оказываются одежда и аксессуары персонажей. На Невском проспекте люди уподобились манекенам, выставленным в витринах магазинов, и стремятся затмить их и друг друга совершенством своего облика. Поэтому живописец характеров не сможет найти ни одной яркой индивидуальной черты в скоплении манекенов, употребляемых художниками, как мы уже упоминали выше, для списывания одежды и складок ее.

Манекены неподвижны, хотя и могут иметь сгибаемые конечности, поэтому для более полной характеристики персонажей необходимо их сопоставление с механической куклой-автоматом. Как отмечает А.Г. Погоняйло, «заводные игрушки, как экспонаты в музее, –

большие недотроги: их всего лишь заводят и смотрят на них. Но, как выясняется, смотреть особенно не на что: посмотрел раз-другой нехитрый спектакль – и все ясно. <…> Машинная жизнь есть голая повторяемость, следовательно, в ней нет подлинной событийности» [12. С. 25]. Отсюда ироничный призыв Гоголя держаться подальше от тоненьких талий дам, чтобы «как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем» [11. С. 12], более того, нельзя даже дышать в присутствии подобной заводной куклы, «чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства» [Там же. С. 13]. Заводные куклы, как, впрочем, и манекены, не предназначены для игры. Их функция – украшение интерьера. Выполняя эту функцию, персонажи демонстрируют постоянный набор «благородных» жестов, поэтому данное украшение не может радовать глаз вдумчивого зрителя, так как по форме прекрасное, содержательно оно мертво, потому что машинная жизнь не есть собственно жизнь, на ней всегда лежит отпечаток мертвенности.

Если говорить об отсутствии подлинной событийности в жизни механизма, то мы можем проследить по тексту, какими «довольно важными домашними занятиями» наполнены дни персонажей: разговоры «о погоде и о небольшом прыщике», «о здоровье лошадей и детей своих» [11. С. 11], чтение афиш, питие кофе, чая, прогулки, чтение газет по кондитерским. В этом мире есть только видимость жизни, видимость событий и действий, поэтому сам мир иллюзорен, призрачен, почти мираж, и это ощущение миражности усиливается к концу повести.

В этом же мире оказывается в своем сне Пискарев на балу в доме красавицы. Немыслимый калейдоскоп безумно-иллюзорного мира ослепил героя: «…столько почтенных стариков и полустариков со звездами на фраках, дам, так легко, гордо и грациозно выступающих по паркету… молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства… так искусно умели показывать отличные руки» [Там же. С. 24]. И при всей внешней красоте в высшем обществе нет ни одной настоящей, живой личности, все являют собой какое-то красивое, но жалкое своей бездуховностью подобие человека, способного лишь бросать «легкие замечания о многотомных трудах поэта-труженика» [Там же. С. 27].

В описании бала возникает еще одна тема, которая получит развитие в конце повести, – тема демонического наваждения: «ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» [Там же. С. 24]. Отметим, что этот мир манекенов-автоматов почти лишен слова. В связи с этим снова возникают аллюзии с образом черта, который в кукольном театре является персонажем, почти лишенным вербального оформления. Он изъясняется с помощью невербальных средств коммуникации (играет пантомиму). Этот аспект акцентирует наше внимание на неправдоподобно-демонической структуре высшего общества.

Помимо манекенных и механических образов, в повести возникают образы зрелищного фольклора – театра Петрушки и райка – в гоголевском переосмыслении. В.В. Гиппиус отмечал наличие в повести традиции вертепа – народного балагана, к которому Гоголь прибегал «по существу приема» [13. С. 47]. Исследователь понимал под вертепом кукольный театр вообще, поэтому герои повести воспринимались им как персонажи кукольного театра, управляемые чьей-то рукой. Кроме того, Гиппиус отмечал следование традиции народного фарса в сцене «секуции» Пирогова. Для наших целей мы считаем уместным охарактеризовать следующую группу понятий, близких друг к другу, но не тождественных: вертеп, театр Петрушки, раек.

Вертепные представления, имевшие в истоке своем европейскую религиозную семантику, с течением времени превратились в подлинно народный театр. Традиционный вертеп связан с религиозными сюжетами: как правило, куклы разыгрывали евангельский рассказ о рождении Иисуса Христа. Но в русской традиции вертепа религиозная часть вообще не занимала большого места, а с течением времени она оттеснялась разрастающейся светской, комедийной половиной, где в свободном порядке следовали бытовые и исторические, шуточные и сатирические сценки, иногда демонстрировались просто танцы кукол разной национальности или марширующие солдаты [2].

В XIX в. популярность русской народной кукольной комедии достигла пика, ее стали замечать в образованных, литературных кругах, о ней писали Д.В. Григорович, Ф.М. Достоевский, В.С. Курочкин, Н.А. Некрасов и др. Впервые в отечественной литературе о русской народной уличной кукольной комедии, ее герое и сюжете подробно написал Григорович в очерке «Петербургские шарманщики», указывая на итальянских кукольников как на один из источников развития русской кукольной комедии XIX в. [14]. Изначально имея итальянские корни, театр Петрушки в 30–40-е гг. XIX в. становится уже собственно русским, поэтому наряду с главным героем представлений – Пульчинеллой – начинает появляться, а затем и полностью вытесняет итальянца его русский аналог – Петрушка. Состав персонажей театра Петрушки разнообразен: барин, солдат, квартальный, невеста, цыган, доктор, немец. Все герои, кроме Петрушки, являются типическими, вбирая в себя наиболее характерные черты воспроизводимого образа. Петрушка же не имел реального прототипа, его образ восходит к европейским фольклорным шутам, обладающим общими чертами во внешнем облике [2]. Представление, как правило, состояло из цепочки сценок, в которых Петрушка встречался с разными персонажами. Не связанные друг с другом сюжетно или логически, сценки могли идти в любом порядке, хотя традиция этих представлений выработала определенную последовательность основных сцен. Например, Петрушка встречался с невестой – обсуждал с музыкантом-шарманщиком, зрителями ее достоинства и недостатки; встречался с цыганом – покупал у него лошадь, расплачиваясь «березовыми деньгами» – палочными ударами; упав с коня – звал лекаря-немца. После комической сцены лечения, как правило, убивал лекаря, затем следовала сцена пародийных похорон. Подобным образом Петрушка обходился и с барином, бравшим его в услужение, и с отцом убитого им лекаря или капрала, и со многими другими. Заканчивалась комедия чаще всего тем, что появлялся черт, который хватал Петрушку и волок за ширму. Этот чисто формальный, композиционный прием обычно об-

ставлялся как веселая смерть, «невсамделишная», – ведь Петрушка «воскресал» в начале следующего представления и сам напоминал об этом в своем «заключительном слове» [2].

В течение полувека в Петербурге сложился свой вариант комедии. Он отличается гораздо более свободным, чем на юге или в центре России, порядком расположения сцен; имеются и типично петербургские эпизоды, например сцены с барином, с немцем; по-иному разыгрывается и сцена с невестой, где перед зрителями выступает не просто суженая Петрушки, а вполне определенный, актуальный для Петербурга тип девушки [Там же].

Раек близок вертепу, но, как правило, лишен религиозной тематики. Это небольшой, аршинный во все стороны ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри него перематывается с одного катка на другой длинная полоса с изображениями разных городов, великих людей и событий. Представление дополняется комментариями и шутками раешника [Там же].

На наш взгляд, в «Невском проспекте» Гоголь поочередно использовал указанные виды народных представлений. Начинается повесть с райка, в котором демонстрируются метаморфозы Невского проспекта: «Сколько вытерпит он перемен в течение одного только дня!» [11. С. 10]. Автор описывает временной интервал с раннего утра до поздней ночи, и за это время перед нами проходит несколько картин: «нужный народ» сменяется гувернерами с детьми, затем «нежными их родителями», затем чиновниками, а вечером все окутано заманчивым, таинственным и обманчивым светом. Невский проспект выступает лишь декорацией для описываемых персонажей, в связи с чем можно говорить о появлении образа живой «механической» картины. Являясь причудливой выдумкой XVIII в., небольшие картины в роскошных рамах снабжались скрытыми механизмами, приводившими в движение персонажей и вещи, изображенные на них. Однако, по мнению А.Г. Погоняйло, «главная несуразность всех этих картин состояла в том, что как только встроенные люди и вещи начинали двигаться, впечатление правдивости, сходства с натурой как раз и улетучивалось» [12. С. 13].

Таким образом, Невский проспект сближается с райком в аспекте быстрой смены декораций, а с механическими картинами – в аспекте заученности и нежизненности движений персонажей. Синтезируя русские и французские традиции, Гоголь создает свой кукольный театр, в котором прототипами действующих лиц являются персонажи либо лубочных картинок райка, либо механических картин. Автор живописует средствами языка свою картину будничной жизни Невского проспекта.

Если продолжить сопоставление персонажей повести с куклами, то двух приятелей – художника Пискарева и поручика Пирогова – можно сопоставить с Пульчинеллой и Петрушкой. Пульчинелла – одна из самых необычных и загадочных масок театра дель арте, он выделялся из остальных масок своей неоднозначностью. На сцене Пульчинелла выступал в разных обличьях, выражая разные характеры и психологию различных слоев неаполитанского населения. Он мог быть торговцем, огородником, сторожем, художником, солдатом, контрабандистом, вором, бандитом. Несмотря на то, что часто он изображался глупым, в других вариантах комедии он мог быть представлен умным, ловким и хитрым [15]. Выше мы уже говорили о том, что Пульчинелла был прообразом русского Петрушки, но если Петрушка является воплощением только сниженного пародийно-шутовского начала, то Пульчинелла – фигура более сложная. Поэтому Пискарев может быть соотнесен с Пульчинеллой, представая в повести как трагический вариант итальянской маски.

Часть «Невского проспекта», в которой описывается история Пискарева, можно назвать итальянской: сопоставление с Италией вводится с появлением героя, который сравнивает мимо проскользнувшую красавицу с мадонной, изображенной на фреске «Поклонение волхвов» итальянского художника XV–XVI вв. Пьетро Перуджино. Однако, по мнению Р. Джулиани, «перуджинова Бианка» оказывается не аллюзией на обозначенную фреску, в гоголевские времена еще не известную, а указанием скорее всего на юную «кукольную» жену Перуджино, что добавляет элемент кукольности в обрисовку образа гоголевской героини [16. С. 30].

Далее образ Италии возникает при сравнении петербургских художников с итальянскими, причем первые, по мнению Гоголя, являют собой довольно странное явление в петербургском северном климате. Обладая истинным талантом, они скромны и непритязательны, не похожи на гордых сынов Италии, взращенных ее свободным воздухом. Петербург не способствует развитию таланта молодых художников. Это меркантильный город, который обуяла адская сила денег, способная погубить талант, превратить его в пошлое малеванье востребованных картинок («Портрет»). Лишь благотворный воздух Италии способен спасти талант от гибели, дать ему возможность распуститься в полную силу. Но в «Невском проспекте» сам художник, а вместе с ним и его талант, гибнет, не выдержав несовершенства «отвратительной действительности», которая ничто против мечты.

Итальянские и античные мотивы сопровождают все повествование о Пискареве. Нельзя не отметить упоминания античных мифологических существ («увидите вы иногда нарисованную вниз головой нимфу», «гипсового Геркулеса» [11. С. 17]), арфы, которая также может трактоваться в античном контексте как атрибут Терпсихоры. (В описании пошляка Пирогова античные образы отсутствуют, за исключением сниженного образа «чухонских нимф», проживающих на Мещанской улице.) Само восприятие красоты, присущее Пискареву, также родом из Античности. Древние греки считали, что человек, прекрасный внешне, не может быть уродливым изнутри, и, наоборот, внутренняя красота обязательно найдет способ воплотиться во внешнем облике человека. Отсюда непонимание и неприятие гоголевским героем того факта, что его божество, прекрасное внешне, на самом деле оказывается глупой, пошлой и развратной женщиной: «Такая красавица, такие божественные черты – и где же? в каком месте!», «Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить что-то, но все это было так глупо, так пошло» [Там же. С. 21–22]. Поэтому в снах героя она предстает совсем в другом, как ему кажется, истинном виде, и Пискарев решается спасти погибающую красоту, восстановить гармонию между внешним и внутренним наполнением образа девушки, вернуть миру «прекраснейшее его

украшение». Но реальная действительность снова оказывается не похожей на мечту. В ней трудно воспроизвести утраченный много веков назад античный идеал.

Жилище богини Пискарева также можно трактовать в русле Античности – Древнего Рима периода империи, про который Ювенал писал, что роскошь оказалась для римлян губительней войн. Конечно, такая трактовка несет элемент условности, но подобные аллюзии все же возникают в контексте общего итальянского звучания повести. Синтез роскоши (хорошая мебель, лепной карниз) и беспорядка (паутина, пыль), красоты и разврата создают атмосферу предвестия грядущей беды. Во сне же красавица живет в доме с мраморными колоннами, намекающими на древнегреческий ордер.

Традиционный для зрелищного фольклора сюжет с невестой приобретает здесь не шутовское, а трагическое звучание: красота гибнет в пучине разврата – неминуемом плоде цивилизации.

Еще один сюжет, характерный для театра Петрушки, – сюжет с лекарем-немцем, в качестве которого предстает персиянин, давший Пискареву опиум. Этот сюжет, за счет фигуры самого персиянина, наиболее комичен в контексте остальных сюжетов о Пискареве. Но мнимое лечение в итоге приводит к гибели героя.

Что касается поручика Пирогова, то он являет собой Петрушку со всем присущим данному персонажу набором характеристик. Сюжетная линия, связанная с Пироговым, строится по стандартной схеме представлений театра Петрушки: автор описывает сцены встречи поручика с разными персонажами. Герой Гоголя проходит основные стадии развития кукольного персонажа: после презентации Петрушки следовала сцена с невестой (которая положена в основу повествования о Пирогове), затем шли встречи-столкновения героя с имевшимися у кукольника персонажами (в том числе и с немцами), где Петрушка, как правило, побеждал их в драке. У Гоголя, наоборот, ремесленники устраивают Пирогову фарсовую «секуцию», после чего тот, снова выворачивая наизнанку традицию кукольного театра, напутствуемый «праведным» гневом, стремится наказать обидчиков, доложив об их поступке в высшие инстанции. Но фарсовое повествование получает ироническую развязку: пирожок, «Пчелка» и мазурка нивелируют гнев героя. Отметим, что петрушечная комедия была насыщена музыкальными вставками, в том числе танцевальными. В этот контекст вписываются гавот и мазурка в исполнении Пирогова.

Представление обычно заканчивалось веселой смертью Петрушки: собака, домовой или черт утягивали его вниз, организуя тем самым финал комедии. Этот формальный финал кукольного представления использовал и Гоголь, но придал ему не фарсовый, а трагический смысл. Разделив роль Пульчинеллы-Петрушки между двумя героями, он выбрал гибель не для фарсового Пирогова, а для трагического Пискарева. Его смерть связана также с чертовщиной: демон, искрошивший весь мир на множество кусков, красавица, которая силою адского духа была вовлечена в разврат, демон, зажигающий фонари на Невском, определили неминуемую гибель героя. Попав во власть призрачных миражей Невского проспекта, Пискарев оказался не в силах изменить пошлую действительность или принять ее в истинном виде.

Подводя итог, подчеркнем, что феномен куклы в контексте повести приобретает различные знаковые коннотации. Во-первых, кукла трактуется в романтическом ключе как символ мертвенности, бессмысленности и опустошенности существования «нашего таинственного общества». Во-вторых, демонстрируя игровой аспект образа куклы, персонажи не живут подлинной жизнью, а лишь играют в жизнь, заменяя основные человеческие чувства, эмоции и жесты наигранными и пошлыми шаблонными движениями. В этой связи возникают аллюзии с образом куклы-автомата. В-третьих, прогуливающиеся по Невскому проспекту больше напоминают ожившие воплощения манекенов, а не людей. Используя в повести приемы райка и французских механических картин, Гоголь ставит в центр внимания традицию кукольного театра Петрушки-Пульчинеллы, что еще раз акцентирует не только кукольные, но и итальянские традиции повести.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельгардт Б.М.* Комментарии к «Невскому проспекту» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938.
2. *Голдовский Б.П.* Историческое развитие и сценическая жизнь русской драматургии театра кукол XVIII–XX вв. : автореф. дис. … д-ра искусствовед. СПб., 2007. 46 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Русский язык, 1998.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1984.
5. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov
6. *Словарь* русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims
7. *Карпова Т.Е.* Феномен куклы в русской культуре: историко-культурологические аспекты : автореф. дис. … канд. культурол. наук. СПб., 1999. 24 с.
8. *Змеева Е.О.* Искусство куклы в России и Германии конца XIX – начала XX в.: художественные и культурно-исторические смыслы : автореф. дис. … канд. искусствовед. Ярославль, 2006. 22 с.
9. *Фрейденберг О.М.* Семантика постройки кукольного театра // Фрейденберг О.М. Миф и театр. М. : ГИТИС, 1988. С. 13–35.
10. *Лотман Ю.М.* Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 377–380.
11. *Гоголь Н.В.* Невский проспект // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
12. *Погоняйло А.Г.* Философия заводной игрушки, или апология механицизма. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1998. 164 с.
13. *Гиппиус В.В.* Гоголь // Гиппиус В.В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь. СПб. : Logos, 1994. С. 9–188.
14. *Григорович Д.В.* Петербургские шарманщики // Григорович Д.В. Избранное. Л. : Лениздат, 1981. С. 4–28.
15. *Дживелегов А.К.* Искусство итальянского Возрождения. М. : ГИТИС, 2007. 503 с.
16. *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 286 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 37–42 DOI: 10.17223/15617793/376/6

УДК 81′09

Г.Н. Старикова

ИНФОРМАТИВНО-РЕКЛАМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН С КОЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ (на материале названий заведений общественного питания)

Рассматривается использование колористических определений при номинации заведений общественного питания в русскоязычном пространстве. Представлено исследование названий типа «Белая река», «Оранжевое», «Red» и подобных, которые рассмотрены в функциональном аспекте с позиций реализации в имени его информативно-рекламного потенциала. Ходом анализа доказывается, что подобные названия занимают заметное место в составе эргонимии данной группы, выполняя типичные для имен идентифицирующую, классифицирующую, аттрактивную, адресную функции.

Ключевые слова: ономастика; эргонимия; колористическая лексика; символические значения.

Одной из древнейших категорий осмысления мира является цвет: у каждого народа существует колористическая система, с которой связана накопленная в ходе исторического развития этноса важная социокультурная информация. На денотативно-понятийном уровне она выражается предметными символами (черные одежды готов, зеленые шарфики служащих Сбербанка России), часть из которых носит универсальный характер для большинства культур: белый флаг – знак поражения, красная дорожка – символ торжества, почета, зеленый свет светофора – разрешающий движение сигнал. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что цветовая символика сопровождает жизнь современного человека от бытовой (различная цветовая маркировка кранов с горячей и холодной водой, цвета формы любимой спортивной команды) до религиозно-политической сферы (цветопись иконы, вид государственного флага). При этом каждая культура характеризуется специфическими чертами как в составе цветообозначений, их системной организованности, так и в наборе различных символических значений у цветов и разной степени нагруженности последних символикой.

Поэтому не случайно колористические системы издавна привлекают внимание представителей разных наук, в том числе лингвистов, которых эта небольшая по объему группа слов интересует возможностью многоаспектного изучения: «Система обозначений цвета настолько закрыта и структурно четко организована в силу относительного характера значений ее членов, что служит ныне классическим примером строгой структурной организации» [1. С. 19]. Многообразные направления лингвистических исследований данной группы лексики представлены библиографией в заключительном разделе монографии «Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ» [2. С. 279–314].

На фоне хорошей проработанности вопросов происхождения цветовой лексики, выявления ее деривационного потенциала, степени участия в идиоматике языка и некоторых других исследовательской лакуной остается вопрос об использовании этих слов в нейминге – присвоении имени собственного различного рода объектам природного мира, деловым объединениям людей, продуктам их деятельности и т.п. Результатом номинации в этих случаях выступают топонимы (речка Черная, Красное Село), эргонимы (супермаркет «Оранжевое небо», агентство развлечений «Зеленая лошадь»), прагматонимы (духи «Красная Москва», конфеты «Белая акация») и др.

Представляется, что использование на вывесках заведений богато нагруженной символическими смыслами колористической лексики должно еще явнее, ярче подчеркивать национальную специфичность эргонимии, поскольку традиции именования у народов также складываются в конкретных социально-исторических условиях и потому уникальны для каждой культуры. Например, с именем ресторана «Красное и белое» носители русской культуры связывают названия типов алкогольных напитков, тогда как китаец может увидеть в нем философское указание на изменчивый характер бытия: фразеологизм hóng bái xiāng wèi (счастье и несчастье сменяют друг друга) буквально переводится как «красное и белое чередуются», поскольку в китайской культуре это противопоставленные по символике цвета.

В соответствии с задачами исследования к анализу были привлечены эргонимы, в состав которых входят цветообозначения в форме прилагательных («Черная борода» – Чита, «Красное колесо» – Москва) и субстантиватов («Оранжевое» – Ставрополь, «Пурпур» – Москва) русского языка и их иноязычных эквивалентов («White Tiger» – Москва, «Red Grot» – Иркутск, «Greenterracce» – Уфа). Помимо традиционно выделяемой хроматической лексики в статье анализируются названия с компонентами *золотой, серебряный* (*gold*, *silver*), поскольку их переносные значения активно используются при обозначении цвета: «Золотой колос», «Серебряный Колизей» (Москва), «Златобир» (Пермь). Сбор материала осуществлялся с городских справочных сайтов ряда областных центров РФ: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Екатеринбурга, Иркутска, Красноярска, Челябинска и многих других, а также приемом свободного поиска в сети Интернет по запросу на цветообозначения, что расширило географию анализируемых имен за счет бывших республик СССР, где те же традиции именования, что и в современной России.

Материал показал, что колористическая тематика особо привлекательна для данной группы заведений, о чем свидетельствуют названия кафе «Акварель» в Перми и Екатеринбурге, «Цvет», «Цвет ночи», «Цветение сакуры», «Ночное небо», «Ванильное небо» в

Москве, «Радуга» в Волжском, Томске, Челябинске. Хроматическая лексика постоянно упоминается в рекламных текстах городских сайтов resto.ru, иллюстрацие чему может служить презентация одного из мурманских кафе: *«Лето» – это воспоминание: о беззаботном времени отдыха, о ярких красках цветущих растений и сочной зелени, о вкусных сочных плодах и освежающем нектаре ягод.*

И хотя доля собственно «цветовых» названий в общей системе эргонимов этого типа составляет 1–2% (65 из 3 204 в Москве, 37 из 1 739 в Санкт-Петербурге, 5 из 446 в Новосибирске – на конец 2012 г.), масштабы страны позволили выявить более 300 таких имен, большинство из них при этом многократно повторяется. Например, «Алые паруса» – название кафе и ресторанов в Бердичеве, Казани, Калининграде, Калуге, Москве, Санкт-Петербурге, Тольятти, Тюмени, Ульяновске, Чите и многих других городах.

Всего в российской эргонимии данной группы отмечено 28 колористических определений, включая *темный* («Темно-лиловое» – Харьков) и *светлый, золотой и серебряный*, три последних из которых, помимо цвета, передают оценочную семантику: «Светлое прошлое» (Челябинск), «Золотая вобла» (Москва), «Серебряные родники» (Калининград). Список наиболее востребованных в русскоязычной эргонимии наименований цветов представлен в таблице, где при названии в силу технических причин указан лишь один локал.

Цвет	Примеры названий	Количество названий	Доля, %
Золотой	«З. Русь» (Челябинск) «З. фундук» (Москва) «З. карась» (Тюмень)	65	22
Белый	«Б. медведь» (Саранск) «Б. аист» (Курск) «Б. росы» (Магнитогорск) «Б. рояль» (Омск)	43	14
Зеленый	«З. дорога» (Архангельск) «З. луг» (Вологда) «З. море» (Брянск) «Green Bee» (Москва)	40	13
Красный	«К. мельница» (Москва) «К. солнце» (Санкт-Петербург) «К. лев» (Новгород)	31	10
Черный	«Ч. кардинал» (Н. Новгород) «Ч. гусь» (Тюмень?)	25	8
Серебряный	«С. ручей» (Киров) «С. Колизей» (Москва)	25	8
Оранжевый	«О. лето» (Пенза) «Orange Club» (Санкт-Петербург)	15	5
Синий	«С. борода» (Томск) «С. иней» (Новосибирск)	11	3,5
Желтый	«Ж. река» (Ярославль) «Ж. слон» (Волгодонск)	11	3,5
Голубой	«Г. дельфин» (Санкт-Петербург) «Г. волна» (Подмосковье)	10	3
Розовый	«Р. пантера» (Владивосток) «Р. фламинго» (Калининград)	9	3
Рыжий	«Р. чуб» (Санкт-Петербург) «Р. конь» (Ялта)	7	2
Серый	«С. лошадь» (Хабаровск) «С. волк» (Ростов)	6	2
Всего		298	97

Цветовые компоненты *алый, бордо, бурый, коричневый, лиловый, лазурный, меланж, пестрый, пурпур, светлый, сивый, сиреневый, темный, фиолетовый* зафиксированы в названиях заведений питания от 1 до 5 раз. Например, «Алые маки» (Казань), «Бурый Лис и Ленивый Пес» (Москва), «Сиреневый туман» (широко), «BrownBar» (Пермь) и др. Встретилось также несколько имен, в состав которых вошли по две колористические единицы, причем обязательным в этих парах является прилагательное черный: «Красное и черное» (Москва), «Черно-белое кино», «Черная кошка, белый кот» (Санкт-Петербург), «ЧерноеБелое» (Владивосток), «Black & White» (Пермь), «Red & Black» (Волгоград).

В наименовании заведений общественного питания наиболее востребованной оказалась модель атрибутивного сочетания с препозицией прилагательного, постпозиция определения единична: «Kalina красная», «Богатырь красный» (Москва), «Город золотой» (Челябинск). Сочинительная связь в названиях исчерпывается практически списком представленных выше названий, исключительно редки и имена усложненной структуры типа «Жизнь в розовом свете», «Белое солнце пустыни» (Москва), «Дом оранжевой коровы», «Ляля-Муму в красной жабе» (Санкт-Петербург), поскольку столь длинные названия нельзя признать удачными для коммуникации.

Существительные, используемые в этой подгруппе эргонимии (всего их около 200), весьма пестры в тематическом отношении, но преобладает лексика природной сферы: «Белые ночи» (Якутск и др.), «Голубая лагуна» (Тольятти), «Black Berry» (Москва), «Черный лебедь» (Дубна), «Golden Night» (Волгоград). Среди названий животных широк круг представителей кошачьих: «Белый тигр», «Черная пантера» (Москва),

«Красный лев» (Ульяновск), «Серебряный лев» (Рязань), «Черная кошка» (Уфа и др.). Наиболее же частотными в составе субстантивной лексики оказались *слон* («Белый слон», «Голубой слон», а также «Синий», «Желтый», «Розовый», «Серебряный»), *кот* (*кошка*), *корова* («Голубая корова», Рига), *солнце* («Белое солнце», Санкт-Петербург), *река* («Белая река», Уфа), *море* («Синее море», Сочи), а также номенклатурное для этой группы слово «кафе»). В незначительном количестве в названиях присутствуют имена артефактов («Красная мельница» – Москва, «Оранжевый экспресс» – Домодедово, «Зеленая пирамида» – Мурманск), единично – лексика лица («Черный рыцарь» – Новомосковск, «Зеленый король» – Санкт-Петербург).

Коммерческое имя обычно представляет собой результат серьезной работы нейминговых агентств, рекламных служб по его подбору. Оно призвано выполнять ряд функций для достижения главной цели номинатора – выделиться в конкурентном ряду, привлечь к заведению внимание потенциальных клиентов, подчеркнув собственную уникальность. Безусловно, все они могут номинировать (дифференцировать) «точки питания», но их специфика проявляется в способности выполнять и другие функции. При этом задействуется информативно-рекламный потенциал имени в целом.

На первый взгляд, идентифицировать (указывать на род деятельности заведения) в этой группе эргонимов в состоянии лишь те, что включают в свою структуру номенклатурное имя («Желтое кафе», «White Cafe» – Москва, «Грин Cafe» – Воронеж, «Розовое кафе» – Тольятти, «Красный кабачок» – Краснодар, «Золотая кофейня» – Севастополь). Этой же цели служат названия, где идентифицирующими компонентами выступают названия продуктов, специй, столовых приборов: «Золотой марципан» (Тюмень), «Зеленая горчица» (Оренбург), «Серебряная ложка» (Пермь) и подобные. Но долгое «блуждание» в сети Интернет, знакомство с «Желтыми страницами» многих городов утвердило нас во мнении, что «Зеленый дворик» (Москва), «Розовая пантера» (Шелехов), «Черное золото» (Иркутск) – типичная по структуре и набору признаков номинативная модель прежде всего для заведений общественного питания. Хотя и не столь явно, как имена первой и второй групп, но они также выполняют функцию идентификации, подсказывая потребителям, какого рода заведения скрываются за подобными вывесками.

Квалифицирующая функция имени должна проявляться в уточнении им специфики предприятий данного профиля. Последняя может выражаться обозначением специализированности кухни, адресацией лицам определенного круга, указанием на предоставление клиентам дополнительных услуг и пр. Выявлено, что указание на кухню в подобных названиях редко носит прямой характер. К немногим уже отмеченным выше («Зеленая горчица» – кафе японской кухни) можно добавить «Красный лобстер» (Одесса) и «Голубую устрицу» (Балтийск, кафе морепродуктов), «Золотую пинту» (Санкт-Петербург, пивной ресторан), московские «Золотую Русь» (старинные рецепты славянской кухни), «Белую Русь» (белорусское меню), «Золотую Бухару» (узбекская кухня). Даже здесь номинация условно отнесена к прямой, она близка к случаям косвенного именования, как в случаях «Белая юрта» (монголо-бурятская кухня, Чита), «Золотое руно» (кавказская, Москва), «Золотая Орда» (азиатская, Санкт-Петербург), «White Cafe» (английская, Москва) и др. Выявление подобной мотивации наименования без разъяснения порой весьма затруднено, как в случае с ирландским рестораном «Зеленая утка» в Перми. На его сайте указывается, что самое распространенное определение при слове Ирландия – *зеленая*, поэтому *носящие зеленое* сказано об ирландцах, в традиционный рацион которых входит утка. Фирменным блюдом заведения является эта птица под особым зеленым соусом.

Преимущественно рыбные кафе и рестораны обычно содержат в названиях существительные *река, озеро, море,* прилагательные *синий* и *голубой*: «Синее море» (Сочи), «Синяя волна» (Магнитогорск), «Голубое озеро» (Ростов), «Голубая лагуна» (Самара), «Blue River» (Москва). Вегетарианская кухня вполне ожидаемо передается определением *зеленый*: «Зеленая комната», «Прекрасная зеленая» (Санкт-Петербург), «Зеленый дом» (Новосибирск), «Грин cafe» (Воронеж), что подчеркивается на их сайтах рекламными текстами: *«Зеленая комната» – ресторан, созданный специально для любителей вегетарианской пищи. В «Зеленой комнате» объявлена война химии, поэтому в блюдах нет вредных добавок, пестицидов и прочего.*

Завоевывающие в России популярность паназиатские или же такие монокухни, как китайская, японская, корейская, маркируются традиционно восточными символами: «Золотой бамбук», «Белый журавль», «Золотой дракон», «Золотой лотос» (Москва), «Белый тигр» (Иваново, Тюмень, Улан-Удэ и др.), «Черный жемчуг» (Хабаровск) и др. При этом самыми востребованными оказались прилагательные *желтый* (*золотой*) («Желтый аист» – Чебоксары, «Желтая река» – Казань, Ярославль, «Желтое море» – Магадан) и *красный* («Красный дракон» – Тверь, «Красная обезьяна» – Москва, «Красный терем», «Красное солнце» – Санкт-Петербург, «Красный дворец» – Благовещенск). «Желтое море» – это еще сеть суши-кафе в России.

Как рестораны тайской кухни позиционируют себя заведения, в названия которых входит существительное *слон*, поскольку это животное является символом страны, покровителем культуры, науки, искусства у тайцев. Например, в Москве это «Белый слон», «Розовый слон», «Blue Elephant». В англоязычном названии подчеркивается еще и высокий уровень ресторана, поскольку голубой – это цвет королевской семьи в Таиланде.

Распространению в эргонимии последнего в перечне цвета препятствуют его ассоциативные связи с обозначением лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Действительно, «Голубая лагуна» – это гей-паб, а «Голубая устрица» – гей-лесбо-бар в Санкт-Петербурге, куда приглашают отдохнуть от предрассудков, навязанных стандартов, насладиться свободой и оторваться на всю катушку в компании таких же, как и ты. В последнем названии «работает» и прецедент, поскольку так назывался гей-бар в одной из серий американской «Полицейской академии». Поэтому, когда в Кубинке-8 (бывшем военном городке) в приглашении на офицерский бал местом его проведения указали ка-

фе «Голубая устрица» (названо горожанами за цвет здания), интернет-сообщество много иронизировало по данному поводу. Соответственно, стрип-бары именуются «Розовый пеликан» (Пермь), «Розовый носорог» (Киев), топлес-бар – «Алые паруса» (Тюмень), что позволяет их также отнести к именам-фильтрам.

Семейные кафе, кафе с детским меню называются обычно именами с символами дома, уюта («Серый кот» – Владивосток, «Пестрая корова» – Санкт-Петербург, «Зеленая лампа» – Серпухов) либо именами сказочных персонажей («Золотой ключик», «Дом оранжевой коровы» – Санкт-Петербург, «Золотая рыбка», «Золотой петушок» – широко, «Розовая пантера» – Шелехов, «Аленький цветочек» – Москва), собственно цвет здесь не играет особой роли. Аналогично обстоит дело и с различными арт-кафе, также ориентированными на «своих» посетителей, которые тоже называются чаще прецедентными именами: «Yellow Submarine» (Оренбург), «Белая ворона» (Сургут), «Желтая кофта» (Казань). Если в первом царит культ «Битлз», то в последнем – культ В.В. Маяковского, который посетил город в 1914 г. во время турне футуристов по стране, выступал в местном Дворянском собрании в кофте желтого цвета. В этом клубе-ресторане блюда также носят оригинальные названия в духе футуризма и авангардизма: «Хрюндель», «Морально устойчивая», «Облако в штанах», «Небоскреб в разрезе», «Порядочный гражданин», «Штрудель от Швондера».

Из этого числа бард-кафе «Синий троллейбус» (Москва), джаз-кафе «Синяя птица» (Москва), «Красный лис», рок-кафе «Black Rock» (Санкт-Петербург), танц-ресторан «Белый танец» (Мытищи), тематический ресторан «Черная кошка, белый кот» (фильм Э. Кустурицы, Санкт-Петербург), релакс-кафе «Черно-белое кино» (Саранск). Трактир «Черная кошка» (Москва) – тематическое заведение, посвященное культовому фильму С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя», а заведения с названием «Черный кот» нередко соответствуют статусу кафе-кабаре, открытого еще в конце XIX в. в Париже. С прецедентом стараются связывать и не имеющие устойчивых ассоциаций новые имена, как в случае с открытым С. Шнуровым рестобаром «Синий Пушкин»: как будто бы на этом месте располагался трактир, где поэт подавился вишневой косточкой, отчего и посинел.

Еще один тип информации, которую передают эргонимы данного типа, – это указание на дополнительные услуги, доступные клиентам заведений. Например, «Зеленая волна» в Вологде посетителям на колесах предлагает услуги автомойки, «Голубой огонек» (Краснодар) – бесплатный Wi-Fi, «Оранжевый мяч» (Новосибирск) – телетрансляцию спортивных матчей. О наличии в кафе караоке свидетельствуют названия «Золотой микрофон» (Казань), «Золотая канарейка» (Москва).

Названия с колористическим компонентом могут сообщать об элитности заведения («Серый кардинал» – Владивосток, «Bordo» – Санкт-Петербург, «Black Brilliant» – Екатеринбург) или же, напротив, подчеркивать его демократизм, как в случаях с тавернами, трактирами, закусочными, рюмочными, пирожковыми: «Рыжий кот» (Санкт-Петербург), «Черная метка», «Черная каракатица», «Сивый мерин» (Москва). В этом легко убедиться, заглянув на сайты заведений общественного питания. Так, в «Bordo» клиентам предлагают ощутить себя на приеме *в старинном французском замке*, о «Зелёном короле», аналоге подлинного лондонского паба «Green King», сообщается, что он, *в соответствии с подлинными британскими канонами, недешевое питейное заведение*. Напротив, таверна «Сивый мерин» рассчитана на тех, кто *не любит «расфуфыренные» рестораны*.

Колористической эргонимии свойственна и адресная функция, хотя и в малой степени. При этом в таких именах обычно повторяется цветовой компонент названия места, топообъекта. Так, рестораны «Сиреневый туман» в обеих наших столицах располагаются на Сиреневых бульварах, «Кафе на Красном» – в районе Красного Ключа Нижнекамска. Этого же типа «Красные ворота» (Москва), «Красная поляна» (Сочи), «Красное село» (Екатеринбург), что отчасти объясняет высокую востребованность данного определения в эргонимии, поскольку для топонимии оно обычно. Не нуждаются в особых комментариях понятные мотивировкой названия «Зеленый остров» (Ульяновск), «Голубой залив» (на Ангаре), «Золотая роща» (Уфа), «Белое озеро» (Томск), «Красный факел» (Новосибирск) (расположен в здании одноименного театра) и др. Несомненно навеяны именем улицы или района и такие названия, как «Богатырь красный», расположенный на ул. Бойцовой в Москве, «Белый парус» (на Гребном канале в Н. Новгороде) и та же «Желтая кофта» – на ул. Маяковского в Казани.

Помимо дифференциации (собственно номинации) и уточняющей квалификации предприятий, их имена должны выполнять еще важнейшую для эргонимов аттрактивную функцию – привлечение внимания публики к заведению общепита. Этой стратегии служат разнообразные приемы языковой игры с колористической лексикой номинаторов.

Так, экстраординарностью, исключительностью может характеризоваться сам колер, что говорит о самодостаточности хроматической лексики в нейминге. Психологи отмечают, что оранжевый – знаковый цвет авангарда, «при долгом наблюдении создает чувство благополучия и возбуждает аппетит, ему свойственна импульсивность» [3. С. 60]. Его охотно помещают на рекламные щиты, цвет «проник в интерьер кафе и названия ресторанов: “Оранжевая корова”, “Заводной апельсин”, “Оранжевый гусь”» [4. С. 19]. Из числа еще не упомянутых нами «Оранжевый кот», «Оранжевое солнце» и «Оранжевый галстук» (Москва), «Оранжевое небо» (Тихвин), «Оранжевый диван» (Сургут), «Оранжевый город» (Н. Новгород), «Оранжевый рай» (Ульяновск), «Оранжевый ежик» (Челябинск), «Оранжевое» (Ставрополь).

Сходно воспринимается и рыжий: *Рыжий – это не цвет!!! Это состояние души : –) ...рыжие мысли, рыжие мечты, рыжие настроения... это когда летаешь во сне независимо от возраста... радуешься, что собаки улыбаются, а кошки мурлычут... что на небе плавают в виде облаков всякие разные животные... что Солнышко искрится, а Луна почему-то иногда грустит... что Весна всегда приходит, а после дождя*

бывает Радуга... что звезды посылают тебе приветы из других миров и их мелодичные голоса сливаются в грандиозную сонату Бесконечности... ...а когда просыпаешься утром, ленясь и нежась под одеялом, улыбаешься оттого, что пришел еще один Рыжий день... ;) (из программы Клуба рыжих). Поэтому этот цвет тоже популярен в названиях кафе и ресторанов: «Рыжий чуб» (Москва, Челябинск и др.), «Рыжая борода» (Киев), «Рыжая собака» (Санкт-Петербург), «Рыжий кот» (широко), «Рыжий лис» (Сочи), «Рыжий конь» (Ялта), «Рыжий» (Серпухов).

Фиолетовый (лиловый) психологами трактуется как цвет тайны, гармонии противоположностей, накопления энергии. В российских названиях он употребляется обычно в однословном иноязычном варианте: «Фиолет» / «Fiolet» (Санкт-Петербург), «Violete» (Москва), «Виолет» (Сыктывкар), «Violet» (Хабаровск), «Lilac» (Москва, Санкт-Петербург). Более соответствующие своей формой субстантивному статусу имени собственного («Пурпур» – Москва, «Меланж» – Архангельск), иноязычные наименования зачастую предполагают варианты перевода, что повышает их номинативный потенциал. Иллюстрацией этой мысли может служить следующий рекламный текст хабаровского кафе «Lilas»: *Фиолетовый, сиреневый, лиловый… Красочное романтичное пространство кафе Lilas – это микс из нежных цветов и благородного темного дерева с табачным отливом. <…> В переводе с французского lilas означает «сирень». И пусть сирень не цветет здесь круглый год, в Lilas ощущается легкий романтический флер. Кухня кафе Lilas – достойная, качественная, европейская. Сколько оттенков имеет сиреневый цвет, столько вкусовых нюансов в блюдах, созданных шеф-поваром нашего кафе.*

Оранжевый, рыжий, фиолетовый и лиловый не являются самыми востребованными в нейминге цветами, хотя и участвуют в образовании запоминающихся эргонимов. Поскольку же в имени реализуется рекламный потенциал номинативной единицы в целом, а не только колористического определения, яркими, эксклюзивными могут быть названия и с другими прилагательными. Так, экзотичным выглядит, например, введение в имя кафе названий представителей фауны, особенно если их мясо не входит в привычный список продуктов: «Синий як» (Санкт-Петербург), «Розовая пантера» (Владивосток), «Серая зебра» (Йошкар-Ола), «Желтый жук» (Владимир). Особую исключительность придает названиям нарушение норм лексической сочетаемости: «Синий кот» (Москва), «Розовый лес», «Зеленый поросенок» (Санкт-Петербург), «Синяя дыня» (Пенза), «Black Orange» (Севастополь), «Оранжевый лайм» и «Розовый лось» (Санкт-Петербург), «Золотая черепаха» (Тюмень). Этот прием оксюморонного типа представлен также в названиях «Розовый бегемот», «Желтый слон» и др. Как развитие этой темы по принципу «от противного» следует, вероятно, расценивать имена «Белый сахар» (Москва), «Зеленый крокодил» (Красноярск), «Orange апельсин» (виртуальное кафе) и подобные.

Уровень экзотики эргонимов может повышаться грамматико-стилистическими играми: «Фиолетовый птах» (игровое кафе), «Ляля-Муму в красной жабе» (Санкт-Петербург). Таким образом, выявленный в ходе сбора материала жаргонный характер некоторых имен собственных («Шуры-муры», «Приют шальной коровы», «Япона-мать» и подобные) проявился и в нашей группе эргонимов. Наиболее очевидно он обнаруживается в использовании имен с шлейфом негативных ассоциаций: «Серая мышь» (Москва), «Серый волк» (Ростов), «Серый кардинал», «Черный кот» (широко), «Черный рыцарь» (Новомосковск), «Белая акула» (Казань), «Черный ворон» (Благовещенск, Красноярск), «Черный октябрь» (Москва), но они «срабатывают», если цель – выделиться, обратить на себя внимание именем. Их аттрактивная функция усиливается в том числе общим позитивом («Светлое прошлое» – Челябинск, «Белый лебедь» – Владивосток, «Золотое время» – Москва) или нейтральным характером («Синяя оса» – трасса Суздаль – Иваново, «Белая роза» – Пенза, «Зеленое яблоко» – Москва) основной массы имен.

Обращает на себя внимание использование в роли эргонимов большого количества прецедентных имен, на основе которых в условиях единого ономастического пространства создаются новые имена аналогичного состава и структуры, при этом в нейминге «работают» оба компонента словосочетания, образуя номинативные ряды с высоким аттрактивным потенциалом. Примерами могут служить: «Черный квадрат» (Бухара, Киев) // «Белый квадрат» (Москва) // «Красный квадрат» (Москва, Саранск, Иркутск) // «Синий квадрат» (Москва) // «Черный треугольник» (Н. Новгород) // «Зеленый квадрат» (Магнитогорск) // «Зеленая пирамида» (Севастополь); «Красное яблоко» и «Зеленое яблоко» (Москва) // «Золотое яблоко» (Санкт-Петербург) // «Золотой апельсин» (Тюмень) // «Черный апельсин» и «Синий апельсин» (Пенза) // «Синяя дыня» (Пенза); «Синяя птица» (широко) // «Синий попугай» (Санкт-Петербург) // «Белый попугай» (Тольятти) // «Зеленый попугай» // «Золотая птичка» (Хабаровск) // «Золотой гусь» (Уфа) // «Черный гусь» (Тюмень) // «Желтая цапля» (Ялта) и т.д. Так что появление на карте resto.ru «Оранжевого ромба», «Фиолетового арбуза» или «Голубого фламинго» вполне вероятностно.

Поскольку ассоциативные пути хотя и предсказуемы, но не до конца исповедимы, владельцы бизнеса заинтересованы в задуманной неймингом реакции публики, для чего размещают на своих сайтах разъяснения, подобные следующим: *На вид неказистое название кафе скрывает в себе замечательную кухню с широким ассортиментом блюд и напитков* (о «Зеленом поросенке», Санкт-Петербург); *«Шустрый бурый лис прыгает через ленивого пса» – в английском языке эта фраза включает в себя все буквы алфавита. «Бурый Лис и Ленивый Пёс» включает в себя все элементы нового московского кафе: дизайн-затеи, вдохновлённые популярными лондонскими местами, и серьёзный подход к кухне; Странноватое название для сочинского кафе: «Белые ночи». Ведь всем известно, что в городе Сочи – темные ночи, если не вообще черные. Даже фильм есть с похожим названием. Но что поделаешь, уж как назвали, так и назвали. Зато красиво. Кроме того, заведение действует с 9-00*

до 24-00, а дальше посетители вольны отправляться искать по Сочи какие угодно ночи.

Таким образом, можно констатировать, что названия с колористическим компонентом занимают заметное место в данной группе эргонимов. Палитра используемых в нейминге заведений общественного питания хроматических определений весьма богата: ходом анализа выявлено 28 цветов и их оттенков. Как правило, они входят в состав атрибутивных словосочетаний устойчивого или свободного состава. Первые представлены: а) терминологизированными сочетаниями («Белый журавль», «Черный лебедь», «Розовый фламинго») и б) сочетаниями прецедентного типа («Золотое руно», «Зеленая карета», «Черное золото», «Желтая субмарина»), в том числе с негативными ассоциациями («Черный октябрь», «Сивый мерин»). Вторые – это в) реалонимы («Синяя крыша», «Зеленый двор», «Кафе на Красном») и г) сочетания по типу оксюморона («Голубая корова», «Оранжевый лайм»). Все они призваны выполнять разнообразные функции, причем аттрактивную легче всего исполнять именам подгрупп б) и г), идентифицирующую и квалифицирующую – а) и б), адресную – в).

Рекламно-информативный потенциал названий анализируемого типа обеспечивается общим коннотативно-ассоциативным шлейфом лексических единиц, входящих в их состав, который сформировался отчасти за счет символического значения цветообозначения. В частности, цвет может служить выразителем национальной кухни: желтый и красный – символ китайской кухни, зеленый – ирландской, голубой – тайской, что соотносится с цветами флагов этих государств. Зеленый – это также символ вегетарианского меню, а голубой – заведений с рыбной и морепродуктовой кухней. Последний же и сходный с ним синий цвет – еще и выражение мужского, а красно-розовый (алый) – женского начала (вспомним цвета одежд, колясок и т.п. новорожденных). Поэтому «Синяя борода» – мужской клуб-кафе (Томск), «Голубая лагуна» – гей-паб, «Розовый пеликан» – стрип-бар.

Как показал материал, основные символические значения, реализованные в номинации данных заведений, сформированы общенациональной языковой практикой и не могут быть выведены исключительно из культурного кода общественного питания. Тем не менее, явно или же не всегда до конца осознанно номинаторы поддерживают и развивают в нейминге символику цвета. Так, неоднократно в рекламе питейных заведений обыгрывается идея посинения от выпивки, как на сайте уфимского пивного ресторана: *«Синий слон» – уникальный проект для гурманов. Почему «Синий слон»? Слон – это животное, которое может выпить жидкости больше всех, а потом синеет.*

Развитие данной темы как выявление национально-специфических традиций именования объектов ресторанного бизнеса, в частности с использованием колористической лексики, предполагается в рамках сопоставительного исследования – через привлечение материалов китайского языка, что явится предметом анализа будущей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе. М. : Наука, 1968. 272 с.
2. *Наименования* цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М. : КомКнига, 2007. 320 с.
3. *Психологические* тесты. М. : Посев, 1996. 222 с.
4. *Василевич А.П.* Этимология цветонаименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М. : КомКнига, 2007. С. 9–28.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 43–46 DOI: 10.17223/15617793/376/7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.34

В.С. Замятина

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ «ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Выявляются те тенденции, которые существуют в исследовательской литературе по вопросу об определении термина «паблик рилейшнз» и истории его возникновения. Дается более узкое определение феномена ПР. Ставится вопрос о возможной ценности существования ПР в обществе. Концептуальным основанием для продуктивного решения данного вопроса служит теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Делается вывод о том, что ПР может стать ценным социальным институтом.
Ключевые слова: паблик рилейшнз; коммуникация; технология; «теория коммуникативного действия»; Ю. Хабермас.

В настоящее время широкое распространение получил термин «паблик рилейшнз». Наблюдается активное развитие ПР-технологий, во всем мире создаются различные ассоциации по ПР, во многих вузах, как в России, так и за рубежом, – факультеты, где обучают ПР-специалистов. Даже в обыденной речи мы все чаще слышим «пиарить», «делать пиар». Все это свидетельствует о том, что данный феномен прочно вошел в нашу жизнь.

На сегодняшний день существует огромное количество литературы, посвященной вопросам «паблик рилейшнз», или, по-другому, «связям с общественностью». В основном в этой литературе, как в учебниках, так и в монографиях, говорится об определении термина «ПР», о необходимости существования ПР-специалистов, о технологиях ПР.

Однако внимательный анализ литературы показывает, что с пониманием природы и функций ПР связана определенная проблема. Она заключается в несовпадении деклараций ПР-специалистов, утверждающих, что «паблик рилейшнз» существует как некая «наука», целью которой является воздействие на сознание людей, и реальным функционированием ПР. Данное несовпадение приводит к существованию огромного спектра разнообразных мнений по вопросу об определении ПР, его функций и сущности.

Для начала попробуем определиться с тем, как представлены ПР-технологии в исследовательской литературе.

Чаще всего «паблик рилейшнз» понимается как практическая или *профессиональная деятельность*: «Паблик рилейшнз (ПР, связи с общественностью) – это специфическая профессиональная деятельность, направленная на установление взаимопонимания и доброжелательного отношения между общественными субъектами, в качестве которых выступают отдельные личности, группы людей, общество в целом, а также различные организации и производственные структуры. Применяемые в ПР-деятельности средства включают в себя обмен информацией, распространение разъяснительных материалов, изучение общественного мнения» [1. С. 7].

Вот еще одно определение, которое иллюстрирует данный подход: «ПР – это искусство и наука анализа тенденций, предсказания их последствий, выдачи рекомендаций руководству организаций и осуществления программ, действий в интересах и организации, и общественности» [2. С. 15–16].

При таком подходе ПР представляет собой *деятельность* людей, которые занимаются установлением доброжелательных отношений с общественностью и выдают рекомендации различным организациям для достижения поставленных целей (создание положительного имиджа организации, реализация товаров, услуг). Известный американский специалист Сэм Блэк, который придерживается такого же понимания ПР, пишет, что обычная деятельность «связей с общественностью» состоит из четырех различных, но связанных друг с другом частей. Во-первых, это анализ, исследование и постановка задачи. Во-вторых, разработка программы и сметы. В-третьих, общение и осуществление программы. И, наконец, в-четвертых, исследование результатов, оценка и возможные доработки.

Несмотря на то что данная деятельность предполагает достижение конкретных результатов, ПР-специалисты говорят о том, что результаты ПР-деятельности очень сложно обнаружить. С. Блэк пишет: «Сомнения в ценности ПР порождаются сложностями оценки результатов этой деятельности и отсутствием критериев, по которым эти результаты можно было бы определить с достаточной четкостью» [2. С. 28].

Объясняется это следующим образом: «…ПР – это *содействие* управлению, это инструмент властей и средство достижения понимания на международном и местном уровне. Результаты деятельности ПР редко можно изолировать и в силу этого точно измерить» [2. С. 28–29].

Другой тип определений характеризуется тем, что трактует паблик рилейшнз как коммуникацию между организацией и общественностью. «Понятие “паблик рилейшнз” связано с понятием “коммуникация”, и в самом широком смысле слова “паблик рилейшнз” – это коммуникация между некоей организацией и ее общественным окружением» [3. С. 18].

Согласно данному определению, паблик рилейшнз нельзя избежать. Специалист по ПР-технологиям Ф. Хеслоу пишет: «ПР являются одним из элементов всего многообразия видов деятельности, составляющих нашу жизнь. Мы сталкиваемся с ними постоянно. Мы непрестанно используем паблик рилейшнз множеством самых различных способов (в каждый от-

дельный момент зависящих от проблем, решаемых в конкретной ситуации), даже если не отдаем себе в этом отчета» [3. С. 18].

При таком определении ПР становится чем-то большим, чем просто профессиональная деятельность, которая особым образом организовывает коммуникацию (взаимодействие) между организацией и ее окружением, и даже большим, чем форма организации коммуникации. Паблик рилейшнз есть сама коммуникация, т.е. связь между какой-либо структурой и ее окружением. Она существует независимо от того, управляет ею кто-либо или нет. Мы всегда оказываемся вовлечены в область ПР.

Один из известных исследователей феномена паблик рилейшнз Александр Николаевич Чумиков выделяет три подхода в определении термина «паблик рилейшнз». Анализ литературы показал, что определения ПР, предложенные другими авторами, так или иначе подпадают под данную классификацию.

Первый подход – *альтруистический*. Альтруистическое определение направлено, по мнению автора, на достижение «абстрактной общественной гармонии». Речь здесь идет не о каких-либо конкретных целях, действиях организации, а о необходимости того, чтобы между каким-то предприятием и общественными группами существовало полное «взаимопонимание». Поэтому автор и говорит о том, что это именно «абстрактная гармония», которая, по его мнению, никакого отношения к современной действительности не имеет. Данное понятие предлагает основатель ПР-школы, ПР-специалист Сэм Блэк: «“Public relations” – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности» [2. С. 17].

«Альтруистический» подход к ПР закреплен также в популярном словаре Уэбстера, который дает следующее определение: «“Паблик рилейшнз” – это содействие установлению взаимопонимания и доброжелательности между личностью, организацией и другими людьми, группами людей или обществом в целом посредством распространения разъяснительного материала, развития обмена (информацией) и *оценки* общественной реакции» (цит. по: [4. С. 13]).

В отличие от первого подхода, где целью является установление доброжелательных отношений, второй подход предполагает процесс *убеждения*. Такой подход в определении термина «ПР» автор называет «*компромиссным»*. Этот подход делает упор на иных факторах. Речь здесь идет уже не об «абстрактном» достижении «общественной гармонии», которое не имеет никакого отношения к окружающей нас действительности, а об удовлетворении конкретных интересов какой-либо организации. Такой подход к ПР предлагает один из известнейших ПР-специалистов Эдвард Берноуз, который пишет: «“Паблик рилейшнз” – это усилия, направленные на то, чтобы убедить общественность изменить свой подход или свои действия, а также на гармонизацию деятельности организации в содействии с интересами общественности и наоборот» [4. С. 13].

Главной целью ПР здесь является изменение поведения людей в интересах той или иной организации. При этом населению может даваться не совсем достоверная информация, в отличие от первого подхода.

Третий подход в определении ПР – *прагматический*. Именно к прагматическому подходу и склоняется сам автор классификации, так как именно он наиболее полно отражает современное состояние паблик рилейшнз. Согласно трактовке А.Н. Чумикова, «ПР – это система информационно-аналитических и процедурно-технологических действий, направленных на гармонизацию взаимоотношений внутри некоторого проекта, а также между участниками проекта и его внешним окружением в целях успешной реализации данного проекта» [4. С. 14].

В этом случае главной целью ПР является не гармонизация отношений с общественностью или изменение ее поведения, а «успешная реализация проекта в целом». Таким образом, паблик рилейшнз предстает перед нами как система действий, целью которых является успешная реализация какого-либо проекта.

На наш взгляд, существенных различий между компромиссным и прагматическим подходами нет. И в первом, и во втором случае предполагаются наличие прагматических целей со стороны организации и некая система действий для достижения этих целей. В случае альтруистического подхода ПР представляет собой коммуникацию между общественностью и организацией без наличия каких-либо прагматических целей.

Для определения степени эвристичности данных определений паблик рилейшнз обратимся к истории возникновения данного феномена.

Условно можно выделить два подхода к вопросу о возникновении ПР.

Первый подход рассматривает «паблик рилейшнз» как такое же старое явление, что и сама цивилизация. Вероятно, в этом случае сфера ПР понимается как стремление кого-то дать о себе как можно больше информации и, если можно так выразиться, обозначить свое положение среди других людей.

Если следовать логике сторонников данного подхода, можно смело утверждать, что «связи с общественностью» появились сразу же, как только появился человек. По их мнению, даже в те времена, когда люди жили в пещерах, ПР уже существовал.

Сторонники другого подхода считают, что ПР появились в XX в. В их понимании паблик рилейшнз – прикладная дисциплина. Проще говоря, ПР появляются как профессия. Такое объяснение возникновения феномена «паблик рилейшнз» также подходит к определению паблик рилейшнз как профессиональной деятельности. Если применить данный подход к анализу значения вышеупомянутых определений, предложенных А.Н. Чумиковым [4], то таким способом объясняется возникновение ПР с прагматической точки зрения.

Для того чтобы понять необходимость появления феномена паблик рилейшнз, рассмотрим историю возникновения ПР как профессиональной деятельности.

Впервые официально выражение «public relations» употребил президент США Томас Джефферсон, когда в 1807 г. в черновике своего «Седьмого обращения к Конгрессу» вписал его вместо вычеркнутого «состояния мысли». Но сама практика классических ПР берет свое начало в 1902 г. История науки под названием «Public

relations», по мнению ряда исследователей, началась с событий, которые российские авторы К.В. Антипов и Ю.К. Баженов описывают в своем учебнике по ПР.

Одна американская журналистка опубликовала серию статей под общим названием «Стандарт-Ойл Компани». Владельцем этой компании был всем известный Джон Д. Рокфеллер. В этих статьях он был обвинен в использовании нечистоплотных методов конкурентной борьбы. После этих статей начались неприятности с компаньонами, ухудшились отношения внутри фирмы. В ответ Рокфеллер нанял журналиста. Им был хорошо известный в деловых кругах Айви Ли. Ли стал автором статей, размещенных в известных газетах. В них Рокфеллер предстал как отец семейства, любящий отец, примерный муж. Это значительно улучшило дела компании, поскольку общество его увидело в ином свете – как добропорядочного гражданина, пример для подражания.

В 20–40-е гг. XX в. наблюдается активное становление ПР как профессии и научной дисциплины. Признанным авторитетом в данной области является основоположник школы ПР Сэм Блэк. Вот что он пишет о необходимости ПР-деятельности: «В семье или небольшой, тесной общине нет серьезных препятствий для общения и свободного обмена мнениями, но даже здесь вполне возможно недопонимание. В общественной или коммерческой жизни “члены семьи” отдалены друг от друга, и отсутствие личного контакта сильно затрудняет налаживание сотрудничества и достижение взаимопонимания. Специалисты ПР используют для достижения взаимопонимания современные методы общения и убеждения» [2. С. 13].

Таким образом, «связи с общественностью» становятся необходимым компонентом в любой коммерческой организации. А сама школа ПР приобретает все большее распространение. В 1948 г. в США создается Общество ПР, а в 1955 г. в Лондоне – Международная ассоциация ПР, которая объединяет специалистов из 65 стран. В итоге мы можем видеть, что на сегодняшний день ПР получают широкое распространение во всем мире.

К истории возникновения ПР мы обратились для того, чтобы, во-первых, определить степени эвристичности тех определений ПР, которые имеют место в исследовательской литературе, и, во-вторых, дать более узкое определение термину «паблик рилейшнз».

Как отмечалось выше, можно выделить два подхода к вопросу о времени возникновении ПР. Сторонники первого подхода утверждают, что ПР возник в глубокой древности и существует на протяжении всей истории человечества. Другие полагают, что основы зарождения ПР следует отнести лишь к началу XX в. При первом подходе «паблик рилейшнз» понимаются как некоторый способ коммуникации. Это понимание вполне подходит под альтруистическое определение. Во втором случае ПР – это новая профессиональная деятельность. В отличие от предыдущего подхода, осознание необходимости «связи с общественностью» появляется прежде всего в коммерческих кругах. У управленцев возникает осознание необходимости устанавливать доброжелательные отношения с общественностью. Сделать это можно только при «правильной» подаче информации о себе. Этим и занимаются ПР-специалисты. В такой трактовке сути ПР мы выходим на компромиссный и прагматический подходы для решения конкретных задач, стоящих перед специалистами в области паблик рилейшнз (создание имиджа организации, продвижение товаров, услуг, взаимодействие с общественностью). Такое истолкование ПР способствует трактовке как манипуляции.

Под манипулированием обычно понимается определенный способ воздействия на сознание людей. Современный исследователь Сергей Георгиевич Кара-Мурза в работе «Манипуляция сознанием» [5] выделяет следующий ряд характеристик манипуляции.

Во-первых, это всегда вид психологического воздействия, а не физическое насилие или угроза насилия. Целью влияния является психические структуры человеческой личности. Во-вторых, это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. В-третьих, манипуляция – это *воздействие значительного мастерства и знаний* (эту характеристику следует особо отметить в связи с рассматриваемым нами вопросом). Манипуляция общественным сознанием выступает в данном случае как *технология*, поэтому появляются профессиональные работники, владеющие данной техникой воздействия на сознание [5].

Интересно, что понимание паблик рилейшнз как прикладной дисциплины ведет к деформации или полному уничтожению первоначального замысла ПР, который заключается в установлении доброжелательных отношений между организацией и общественностью. Альтруистический подход исключает возможность манипулирования сознанием людей. Следовательно, возникает вопрос: возможно ли говорить о ценности этого института, выходящей за пределы манипуляции?

Мы полагаем, что концептуальным основанием для продуктивного решения данного вопроса может являться теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Посмотрим, как связаны между собой подходы к пониманию феномена паблик рилейшнз с типами рациональности Ю. Хабермаса. Если обратиться к данной теории, то можно сделать вывод, что в основе сложившихся определений ПР можно увидеть различие типов рациональности, а именно коммуникативный тип и инструментальный.

В работе «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермас, определяя коммуникативный разум, пишет: «Коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни» [6. С. 334].

Действия коммуникативного разума характеризуются стремлением к налаживанию взаимопонимания с участниками процесса коммуникации. При этом «взаимопонимание» трактуется как достижение согласия, обоюдного доверия, которые основаны на честности в отношениях. Коммуникативный разум тесно связан с коммуникативными действиями, целью которых является свободное соглашение участников для того, чтобы найти взаимопонимание между разными социальными субъектами, достичь совместных результатов в определенной ситуации. Подлинное коммуникативное действие выступает фактором солидарности и стабильно-

сти общества. Ю. Хабермас пишет: «В приобщении к культурным ценностям усваивается естественный тип поведения, интуитивно понятные солидарно-групповые действия и объявленные собственными ноу-хау компетенции общественных индивидов. Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только вместе со слившимися в *особую* тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта» [6. С. 336].

Значение коммуникативного разума заключается в том, что каждое действие человека сопровождается сопоставлением возникающих смыслов и смыслов, которые уже зафиксированы в культуре. Коммуникация представляет собой тем самым постоянное смысловое воссоздание общества.

Действия инструментального разума связаны с поступками субъекта, направленными на реализацию определенной цели. В основу такого действия всегда положен некий план, следование которому должно приводить к достижению поставленной цели. Следовательно, если мы обратимся к определению сущности паблик рилейшнз, то в контексте инструментального разума ПР будет пониматься как манипулирование сознанием, так как воздействие на индивидов происходит с определенной целью, а именно, с целью изменения поведения индивида в интересах ПР-специалиста или тех, кого он представляет. Если же мы обратимся к коммуникативному разуму, то здесь ПР будет трактоваться как коммуникация между общественностью и организацией, целью которой является достижение взаимопонимания между ними.

Известный исследователь В.Н. Фурс в работе «Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса» пишет: «Если коммуникативное выражение может быть названо рациональным тогда, когда говорящий выполняет условия, которые необходимы для достижения взаимопонимания относительно чего-то в мире с другими участниками коммуникации, то целеориентированное действие – когда актор выполняет условия, которые необходимы для осуществления намерения успешного вмешательства в мир» [7. С. 63].

Согласно теории Ю. Хабермаса, в основе двух подходов к определению сущности ПР лежат разные способы мышления. Паблик рилейшнз как технология по воздействию на сознание людей основана на социальных отношениях, которые выстроены в режиме «субъект – объект». Паблик рилейшнз как коммуникация между общественностью и организацией предполагает принципиально иной, а именно субъект-субъектный тип отношений.

Таковы основные предпосылки, из которых явно или неявно исходят исследователи в определении феномена ПР. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что благодаря коммуникативному подходу Ю. Хабермаса паблик рилейшнз можно перевести из частной практики в бизнесе в более широкую социальную сферу. Тогда паблик рилейшнз предстает перед нами не просто как профессиональная деятельность, которая связана с управлением или манипулированием сознанием людей, но и как коммуникация между организацией и общественностью, целью и результатом которой становится создание доброжелательных отношений.

В этом смысле ПР может стать ценным социальным институтом. Если трактовать феномен паблик рилейшнз как коммуникацию между различными коммерческим структурами и общественностью, то ПР может быть представлен как воплощение коммуникативного разума. Связи с общественностью тем самым выступают фактором солидарности и стабильности общества. С помощью этой коммуникации различные социальные субъекты приходят к взаимопониманию, обеспечивая смысловое воссоздание общества. Таким образом представляется, что концепция коммуникативного разума Ю. Хабермаса может выступить теоретико-методологическим основанием как для изучения перспектив существования института паблик рилейшнз, так и для их практической реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федотова Л.Н.* Паблик рилейшнз и общественное мнение. СПб. : Питер, 2003.
2. *Блэк С.* Паблик рилейшнз. Что это такое? М. : Новости, 1990.
3. *Хеслоу Ф.* Практическое руководство по паблик рилейшнз / пер. с англ. ; под ред. А.Н. Андреевой. СПб. : Издательский Дом «Нева» ; М. : ПЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003.
4. *Чумиков А.Н.* Связи с общественностью : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2001.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
6. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2003.
7. *Фурс В.Н.* Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса. Минск : ЗАО «Экономпресс», 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 47–50 DOI: 10.17223/15617793/376/8

УДК 378.02

А.Ю. Карпова, Д.А. Карпов, Ю.Ю. Крючков

СТАРЫЙ НОВЫЙ ТРЕНД В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНЖЕНЕРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука».

Осмысляются определения компетенций современного специалиста, в частности сущности инженерных компетенций. Раскрываются наиболее важные составляющие ключевых компетенций. Представлен обзор материалов социологического исследования, проведенного в 2009 г. в университете Западной Австралии с целью изучения общих компетенций, необходимых успешным инженерам. Проанализированы результаты опроса и описаны перспективы дальнейшего исследования данной проблемы в приложении к российской системе инженерной подготовки.

Ключевые слова: инженерные компетенции; профессиональные, универсальные компетенции; ключевые компетенции; технические и нетехнические компетенции; поведенческие компетенции; оценка компетентности; навыки совместной работы; самоорганизация.

Общество справедливо уверено, что люди, предлагающие услуги в рамках своей профессиональной деятельности, должны быть компетентны. К настоящему времени накоплен определенный научный опыт осмысления сущности понятий «компетенция» и «компетентность». Определения данных понятий в научной литературе и словарях не вполне совпадают. В нашей стране нет единого принятого термина, и на настоящий момент нет единого понимания содержания термина «компетенция». Например, в словаре Ожегова термин «компетенция» трактуется как круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен; круг чьих-нибудь полномочий, прав. Компетентный – знающий, осведомленный, авторитетный в какой-либо области; человек, обладающий компетенцией [1. С. 288]. Слово *компетенция* в переводе с латинского *competentio* от *competo* означает: добиваюсь, соответствую, подхожу.

В современном значении впервые термин «компетенция» использовал один из основателей концепции компетенций Ричард Бояцис (1982). Он определял компетентность как способность человека осуществлять свою профессиональную деятельность таким образом, чтобы удовлетворять требованиям той среды, в которой он работает. Результат – достижение желаемых результатов, т.е. успеха в своей деятельности.

В профессиональной сфере употребляется понятие «компетенция» для определения уровня образованности специалиста. На сегодняшний день полисемантичность трактовки данного термина в научных трудах охватывает полный диапазон различных точек зрения. Компетенция рассматривается как возможность установления связей между знаниями и ситуацией, как готовность к эффективному осуществлению практической деятельности, как умение решать возникающие проблемы, как способность мобилизовать знания, умения в конкретной профессиональной деятельности.

Невозможно привести все точки зрения относительно этого термин. Мы будем опираться на определение понятия «компетенция», в основе которого триада: знания, умения, навыки, позволяющие на высоком уровне эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

Множество дискуссий происходит по поводу разделения понятий «компетенция» и «компетентность». Мы будем придерживаться той точки зрения, при которой компетентность – это конечный результат деятельности, свидетельствующий об эффективности работы, т.е. в обобщенном виде – способность решать рабочие задачи. Компетентность проявляется через компетенции – стандарты (модели) поведения, обеспечивающие эту способность и позволяющие людям быть компетентными. «Компетенция – базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и / или наилучшему на основе критериев исполнению в работе или в других ситуациях» [2. С. 9].

Происходящие в России реформы образования связаны с социальными и технологическими преобразованиями в стране и в мире, глобализацией, информатизацией, экономической и политической дестабилизацией. В широком смысле слова образование – это инвестиции в будущее. Поэтому упор в образовательной реформе на компетентностный подход повышает возможности создания конкурентоспособности, рентабельности вложенных в образование средств. «Компетенции относительно важнее, чем навыки, умственные способности или дипломы», – считают американские исследователи Лайл и Сайн Спенсеры [2. С. 12].

Компетенции широкого спектра, или так называемые универсальные, по мнению исследователей, в этой области, включают в себя ключевые и профессиональные компетенции.

В данной статье мы обратим внимание на ключевые компетенции, к которым относятся социальные, межличностные, личностные. Один из специалистов в этой области британский психолог Джон Равен в 1984 г. опубликовал книгу «Компетентность в современном обществе». Его работы послужили толчком к исследованиям компетентности как в России, так и за рубежом. Описывая природу и виды компетентностей, он делает выводы о том, что компетенции основаны на ценностях и мотивациях. По его мнению, «…личная эффективность зависит от среды, взаимодействия с мотивами человека и запуска соответствующего поведения. Эффективность поведения зависит от индивидуальных, относительно независимых, но полезных и замещаемых, познавательных, эмоциональных, и волевых компонентов компетенции» [3. С. 253]. Среди обозначенных Дж. Равеном видов компетентностей отметим лишь несколько:

– самообразование;

– способность к совместной работе ради достижения цели;

– способность разрешать конфликты и смягчать разногласия;

– способность слушать других людей и принимать во внимание то, что они говорят;

– готовность разрешать другим людям принимать самостоятельные решения;

– способность побуждать других людей работать сообща ради достижения поставленной цели [3. С. 281–296].

Почему именно на эти компетенции мы хотим обратить внимание? Во-первых: самообразование – это «способность специалистов маневрировать в современном постоянно меняющемся высокотехнологичном мире» [4]. Во-вторых: остальные перечисленные нами компетенции относятся к умению работать в команде, которое позволяет развить многие важные качества компетентности, так необходимые для успешной реализации своей профессиональной деятельности. Невозможно отрицать тот факт, что компетентность неразрывно связана с философией успеха. Дж. Равен трактует компетентность как жизненный успех в социально значимой области. Можно расширить данную трактовку определением компетентности как профессионального успеха.

Учитывая, что в современном высокотехнологичном мире все новое редко создается кем-то одним, над решением большинства задач работает команда специалистов, следовательно, и профессиональный успех напрямую связан с навыками организации и координации коллективной работы.

Несмотря на большое количество исследований, проведенных в разных странах по изучению компетентности инженеров, большинство из них имеют один общий недостаток, который связан с тем, что респондентами в основном выступают студенты и выпускники университетов. Тогда как более глубокое понимание качества и умения применять полученные компетенции можно выявить только при опросе специалистов, уже имеющих опыт работы в своей профессиональной области. Поэтому мы обратили внимание на материалы проведенного в 2009 г. австралийского исследования общих компетенций, необходимых инженерам [5].

Отличительной чертой данного исследования является то, что респондентами выступают «сформировавшиеся инженеры», а не те, кто учится или заканчивает свое обучение. Количество опрошенных составило 300 человек. Как заявляют авторы, это первое масштабное количественное австралийское исследование среди всех инженерных дисциплин. Выборка для опроса формировалась из спектра инженеров со стажем работы от 5 до 20 лет после выпуска. Кроме того, был задан еще один параметр: обучение инженерной специальности не менее 4 лет (бакалавры). Вопрос звучал так: каковы общие инженерные компетенции, требующиеся инженерам, заканчивающим свое образование в Австралии?

Теоретическая основа объясняется авторами следующим образом: фокус исследования направлен на оценку производительности на рабочем месте. Компетентность инженеров понимается авторами как результат овладения взаимозависимыми компетенциями, включающими: знания, навыки, поведение.

Исследование было инициировано комитетом по развитию промышленности Австралии, в который входят пять старших инженеров из малых и крупных организаций различных отраслей промышленности.

Теоретическая гипотеза, выдвинутая членами комитета, состояла в том, что наиболее важна такая подготовка инженеров-выпускников, при которой они могут перерасти в успешных инженеров, а не остаться всего лишь успешными выпускниками. То есть, по мнению авторов исследования, тех компетенций, которые они получили в процессе образования и которые позволили им стать успешными инженерами, эффективно выполняющими свою работу.

Опросный лист включал список из 64 компетенций. В ходе опроса сформировавшиеся инженеры оценивали каждую из компетенций в зависимости от важности её для успешного выполнения своей работы по 5-балльной шкале: 1 – не требуется, 5 – критически необходима.

В результате исследования каждую компетенцию в опросе оценили как критическую 4,7% респондентов. Среднюю оценку 3 и выше поставили 50,3% опрошенных. Три компетенции были оценены более чем 50% участников исследования как критические:

– коммуникация;

– совместная работа;

– самоорганизация и проблемно-ориентированность решений.

Среди компетенций со средним рейтингом выше 4 навыки решения проблемно-ориентированных задач и практические инженерные навыки являются единственными техническими элементами. Дизайн, теоретические знания и исследовательские навыки получили более низкие средние рейтинги. На сегодняшний день эти компетенции занимают центральное место в программах обучения инженеров, как в зарубежных технических университетах, так и в России. Тем не менее данное исследование не ставит под сомнение их необходимость.

Сформировавшиеся успешные инженеры, принявшие участие в опросе, оценили три группы компетенций: технические, нетехнические и поведенческие. Полученные результаты подтверждают гипотезу исследований последних десятилетий в области изучения инженерных компетенций, которые проводятся как в России, так и за рубежом, о том, что чисто технических компетенций для успешного инженера недостаточно. Необходимо развитие дополнительных компетенций, таких как коммуникация, навыки совместной работы, профессиональные отношения, бизнес-навыки, навыки решения проблемно-ориентированных задач, критическое мышление, креативность, практические навыки.

По мнению авторов исследования, такие компетенции вряд ли могут быть развиты с помощью традиционных методов обучения. Результат означает, что нетрадиционные методы, такие как проектно- и проблемно-ориентированное обучение, а также нетрадиционные методы оценки являются необходимыми. Особо подчеркнуты авторами низкие рейтинги важности таких компетенций, которые включают вопросы безопасности, вопросы сообщества, стойкость и социальный

контекст. По мнению исследователей, важность этих компетенций, вероятно, может быть выделена и оценена с помощью иных методов, отличных от использованных в данном исследовании.

Как описывают авторы, результаты, полученные в исследовании, согласуются с масштабными исследованиями в США и Европе.

Основной вывод в том, что критически важными признаны следующие компетенции: коммуникация, навыки совместной работы, самоорганизация и навыки решения проблемно-ориентированных задач.

В одном из последних интервью В.И. Лившиц (член-корреспондент Российской академии информатизации образования) в ответ на вопрос корреспондента о том, какие профессии играют на сегодняшний день «первую скрипку» в инновационном мировом развитии, сказал: «Инновационное развитие сегодня может быть успешным исключительно на фундаменте техносферы. А здесь “первую скрипку” всегда будут играть инженеры» [6]. Поэтому неоспоримым является тот факт, что перспективы технологического, экономического и социального развития общества напрямую зависят от качества подготовки инженерных специалистов.

Новое содержание учебных программ в инженерном образовании, в которых на первом месте проблемно-ориентированные методы и проектно-организованные технологии обучения, – это старый тренд, основанный на комплексе компетенций, включающих фундаментальные технические знания и нетехнические компетенции: умения и навыки находить, анализировать и решать проблемы на другом уровне понимания.

Новый тренд в инновационном инженерном образовании задают поведенческие компетенции, в которых на первом месте технологии обучения работе в команде, самоорганизация и развитие коммуникативных навыков. Как показали результаты австралийского исследования, развитие этих компетенций – обязательное условие для успеха в инженерной деятельности.

Все новое, как известно, – это хорошо забытое старое. Около 20 лет назад специалист мирового уровня, инженер, академик РАН Борис Васильевич Литвинов на основе тридцатилетнего опыта работы генеральным конструктором написал курс лекций «Основы инженерной деятельности» [7]. Еще задолго до австралийских исследователей Литвинов обратил внимание на те составляющие, которые, по его мнению, являются важными в современной инженерной деятельности. Курс лекций состоит из шести разделов, один из которых, «Отношения в малых инженерных группах и обществе», посвящен вопросам создания команды, психологического климата в ней и совместной работы её членов. Это ему, Б.В. Литвинову, принадлежит высказывание о том, что сугубо профессиональных знаний для успешного «инжиниринга» недостаточно. За последнее десятилетие кардинальные перемены, произошедшие в подготовке инженеров, подтвердили его мысль и показали, что при усилении вектора технической (фундаментальной) подготовки происходит пробел в практической подготовке. В результате выпускники, сталкиваясь лицом к лицу с реальным производством, не способны к комплексному решению инженерных задач, которые включают в себя и такие критически необходимые сегодня компоненты компетенций, как: эффективная работа в команде, умение вести переговоры, налаживать сбыт продукции, покупать сырьё, комплектующие и оборудование, руководить производством и людьми.

Приводя в пример австралийское исследование, мы хотим обратить внимание на то, что, по нашему мнению, является существенным в исследовании компетенций, связанных с командной работой. В культуре советского человека всегда присутствовала предрасположенность к коллективизму, это была идеология, направленная на подавление самостоятельности и развитие личности, осознающей себя частью большой группы людей. Индивидуализм не только не поощрялся, а в большей степени подавлялся. С распадом СССР произошли кардинальные трансформации в культуре, индивидуализм лег в основу идеологии развития личности.

Западные страны, наоборот, в это же время пропагандировали культуру личностного роста, развивали более самостоятельные и инициативные качества в человеке. Хотя следует подчеркнуть, спор об индивидуализме и коллективизме, на наш взгляд, можно вести до бесконечности. Фактически – он неразрешим. Осмелимся лишь предположить, что австралийские исследователи зафиксировали этот пробел, возможно, потому, что он возник в результате того, что ценности индивидуализма не позволяют инженерам эффективно работать в команде. Можно предположить и то, что в скором времени и в России исследователи проблем инженерного образования зафиксируют ту же проблему.

Сегодня меняется вся мировая индустрия производства инженеров, и в этом процессе российская инженерная подготовка не отстает от локомотива (США, Европа). Не обгоняет, а только не отстаёт – это заслуживает глубокого сожаления. Поэтому, на наш взгляд, первым шагом в развитии ключевых компетенций здесь должна быть организация командной работы, практически – это поиск резервов учебного времени и расширение аудиторного фонда. Второй шаг – отказ от выхолащивания из содержания учебных курсов дисциплин, формирующих поведенческие компетенции (коммуникация, эвристичность, взаимодействие). Третий шаг – создание условий, практически полностью идентичных реальной инженерной деятельности, которые позволят студентам приобрести опыт комплексного решения инженерных задач.

Отметим, что в начале XX в. в российских технических вузах обязательным было привитие будущему инженеру практических навыков вплоть до получения квалификационных разрядов по рабочим специальностям: токарь, литейщик, слесарь и т.д. С другой стороны, студенты выполняли реальные проекты под руководством профессоров. Еще одна особенность подготовки в традиционных инженерных школах заключалась в том, что выпускников ориентировали на воплощение в жизнь тех проектов, которые они создавали на практике во время обучения. Как пример, в институте инженеров путей сообщения (императора Александра I) студент должен был подготовить три проекта. Например: проекты моста, шлюза и парового двигате-

ля. Причем во время практики будущий инженер занимался воплощением этих или подобных проектов. Важно то, что лучшие традиции семейного воспитания активно внедрялись в учебный процесс. То есть родители, независимо от того, кем они были – профессора, чиновники, инженеры или крестьяне, с детства приучали своих детей использовать теоретическую подготовку в практической жизни.

В 1963 г. в Париже вышла книга «Воспоминания» известного ученого-механика XX столетия Степана Прокопьевича Тимошенко. В качестве своего важнейшего образовательного опыта он описывает то, как его отец (землемер, а позже владелец имения в Киевской губернии) приглашал его, тогда ученика реального училища, к участию в сельскохозяйственных работах, а потом предложил ему применить свои знания при проектировании и строительстве нового дома. Однако эта книга так и не была издана в СССР. Причиной тому были разногласия Тимошенко с тогдашними партийными боссами. Однако современные исследователи в области истории становления инженерного образования в России подчеркивают огромный вклад Тимошенко. Большой опыт ученого актуален и сегодня, его учебные пособия переведены на многие языки.

Стоит отметить и такой факт: история инженерного образования в России свидетельствует, что значительная часть выдающихся инженерных сооружений (например, мостов и шлюзов) в XIX в. были выполнены студентами под руководством преподавателей. На летней практике студенты принимали участие в реальных работах по организации постройки зданий и сооружений. В Петербургском политехникуме, например, студент кораблестроительного отделения одно лето проводил практику в портах, следующее – на машиностроительном заводе и третье – в плавании на большом корабле. Курс теоретических, лабораторных занятий и проектов был выстроен так, чтобы подготовить студента к практике наилучшим образом. Отметим, что значительная часть учебных пособий составлялись и издавались самими студентами [8. С. 134]. Печально, но факт – сейчас такой практики в современной технической школе нет.

В сегодняшних условиях множество «перекосов» в подготовке инженерных кадров в России и других странах формирует такую ситуацию, при которой предложение компетенций на рынке труда не соответствует спросу на них. Полноценная подготовка инженера как компетентного специалиста, гармонично сочетающего в себе фундаментальные знания, профессиональные умения и навыки работы в коллективе, приобретает особую ценность. Такой подход, позволяя развить компетенции, востребованные в конкретных производственных процессах, становится залогом успешной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997.
2. *Спенсер Л., Спенсер С.* Компетенции на работе : пер. с англ. М. : HIPPO, 2005.
3. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.
4. *Карпова А.Ю., Карпов Д.А., Крючков Ю.Ю.* Обучение переменам: умение учиться, общаться, выбирать // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 66–69.
5. *Male et al.* Identification of competencies required by engineers graduating in Australia // Proceedings of the 2009 AaeE Conference. Adelaide. 2011. Vol. 36, Iss. 2.
6. *Лившиц В.* «Инженерное образование: компетентность – вектор модернизации» URL: http://akvobr.ru/inzhenernoe_obrazovanie_kompetentnost_vektor_modernizacii.html (дата обращения: 3.08.2013).
7. *Литвинов Б.В.* Основы инженерной деятельности : курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М. : Машиностроение, 2005. 288 с.
8. *Сапрыкин Д.Л.* Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 126–137.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 51–54 DOI: 10.17223/15617793/376/9

УДК 1 (091)

Ю.Н. Кириленко

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ РИТУАЛА

Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6.

Представлен анализ трех философских традиций – структурализма, постструктурализма и философии повседневного языка, которые внесли вклад в создание обновленного проекта феномена ритуала в аспекте социальной онтологии, в рамках которой он трактуется как текст или как коммуникация. По результатам исследования делается вывод о том, что герменевтическая проблема является наиболее значимой в социальной онтологии ритуального действия. Также автором представляются герменевтические проекты трех рассматриваемых философских традиций.

Ключевые слова: ритуал; структурализм; постструктурализм; философия повседневного языка; герменевтика.

Современная философия предлагает иные подходы к рассмотрению многих традиционных категорий, которые позволяют осуществить новую трактовку устоявшихся понятий и актуализировать их форму и содержание. Не стал исключением и ритуал, интерес к которому возрос вместе с изменением его значения и расширением сферы понимания и применения. Происходящие в XX в. трансформации философского знания сделали одним из наиболее актуальных подходов к любым феноменам реальности социальную онтологию. Данная статья будет посвящена анализу историко-философских оснований подобного обновленного проекта категории ритуала в аспекте социальной онтологии. Значимость подобного пересмотра феномена ритуала основывается на нескольких факторах. Во-первых, следует отметить уже упомянутое расширение смысла категории ритуала, а следовательно, возрастание интереса к нему в современном научном дискурсе. Во-вторых, все более значимой становится проблема интерпретации смысла ритуального действия. И социальная онтология с этой точки зрения является одним из наиболее эффективных инструментов решения герменевтических проблем ритуала.

Попытка дать самое общее определение ритуала в аспекте социальной онтологии видится в том, что ритуал выступает особой формой коммуникации, несущей в себе сообщение, обладающей собственной интенцией; он является также метаязыком в том смысле, что ритуал есть язык, на котором говорят о языке-объекте или, как его определил Р. Барт, «метаязык есть система, план содержания которой сам является знаковой системой; это семиотика, предметом которой является семиотика» [1. С. 158]. И с этой точки зрения, во-первых, происходит расширение тех видов коммуникации, которые мы можем назвать ритуалом, а во-вторых, при исследовании и интерпретации метаязыка «незачем интересоваться строением языка-объекта, учитывать особенности языковой системы; он берет языковой знак в его целостности и рассматривает его лишь с точки зрения той роли, которую он играет в построении мифа» [1. С. 79]. В данной статье будет разобрано несколько историко-философских оснований для построения коммуникативной модели ритуала: это учения структуралистов, постструктуралистов и представителей философии языка повседневности. Структуралисты и постструктуралисты внесли наибольший вклад в современную философскую концепцию ритуала, а после лингвистического поворота одним из наиболее актуальных подходов к любым феноменам реальности стала философия языка. Поиск возможного синтеза этих традиций в рамках социальной онтологии ритуала позволит дать универсальное понимание ритуала безотносительно конкретных исторических проявлений, а также в силу своих изначальных предпосылок в наибольшей степени отвечает герменевтическим задачам, стоящим сегодня перед исследователями ритуальных практик.

С точки зрения структурализма ритуал представляется, прежде всего, как структура, в которой зашифрован некоторый код. Следовательно, первым основным принципом, в соответствии с которым рассматривается ритуал в структурализме, является поиск во всех ритуалах схожей структуры и отказ от диахронического анализа в пользу синхронического, т.е. ритуал рассматривается вне своего исторического контекста. Иными словами, хотя и возникают новые ритуалы, а многие уходят в прошлое, но сама структура и внутренняя цель зачастую остаются неизменными и укладываются в определенную схему, следовательно, структурный анализ позволяет выделить эту общую структуру, что, в свою очередь, даст возможность однозначно и ясно интерпретировать ритуалы. Например, анализируя праздники, Владимир Яковлевич Пропп, как и в случае сказок, утверждает в ритуале наличие некой константной части: «…при всех отличиях в деталях мы устанавливаем сходство форм обряда в разные сроки» [2. С. 101]. В свою очередь, Р.О. Якобсон рассматривал так называемую «магическую» функцию языка, которая определяется «как бы превращением отсутствующего или неодушевленного “третьего лица” в адресата конативного сообщения» [3. С. 200]. Таким образом, если учитывать то представление, что ритуал всегда есть коммуникация с трансцендентным, то можно говорить, что структура ритуальной коммуникации может содержать в себе как два референта, так и три. Таким образом, с позиции структурализма ритуал предполагает под собой отношение между знаками, т.е. коммуникацию, в которой могут участвовать два или три адресата, он есть метаязык, что подчеркивает его многоуровневость.

Еще один представитель структурализма Клод Леви-Стросс утверждал, что заданность ритуальных действий является следствием изначально заложенной истины детерминизма [4]: сообщение-шифр, заложенное в

структуре ритуала, может быть постигнуто как рациональными процедурами, так и внерациональными. Участники ритуального действия воспринимают этот шифр непосредственно, не прибегая к процедуре интерпретации. Исследователь, не включенный в контекст, не способен к «угадыванию» смысла, поэтому он использует рациональные процедуры структурного анализа. И в этом смысле ритуал становится преднаучным способом постижения мира, в котором зашифрованы определенные интуиции, принимаемые участниками ритуала на веру. Таким образом, можно зафиксировать, что структуралисты рассматривают ритуал как определенный метаязык, в основе которого лежат универсальные структуры, которые необходимо эксплицировать и классифицировать. Эти структуры являются знаковыми и предполагают определенную связь друг с другом.

Постструктурализм является трансформацией структурализма, и, как следствие, их роднит понимание ритуала как системы, обладающей определенной структурой. Однако постструктурализм отказывается от абсолютизации структурного анализа как метода интерпретации культурных текстов. В отличие от структуралистов, постструктуралисты начали большее внимание уделять внерациональной и внеструктурной составляющим объектов культуры. И, наконец, постструктуралисты отказались от идеи поиска единого ядра системы, сосредотачиваясь на понимаемых интуитивно сообщениях и шифрах. В результате перечисленных выше установок постструктурализма можно дать первичное понимание того, как эта философская традиция повлияла на коммуникативную онтологию ритуала. Повторяемость ритуала перестает быть его основной характеристикой, а синхронический анализ различных ритуальных практик не является основным методом постижения шифров, заложенных внутри ритуала. Можно также констатировать невозможность создания единой классификации всех ритуалов, так как в их исследовании становятся главными внерациональная и маргинальная части, а не рациональная и структурированная.

Итак, постструктурализм позволяет говорить о том, что ритуал, как и все остальное в мире, является текстом – особой знаковой системой, имеющей явный и скрытый смыслы. Для того чтобы постичь второй, необходимо понять первый. И под явным смыслом мы подразумеваем тот обрядовый уровень интерпретации ритуала, для понимания которого необходим общий контекст исследователя и участника ритуального действия, т.е. это требование говорить на одном языке, в результате чего ритуал не может быть рассмотрен вне своего контекста. Ж. Деррида, один из знаковых представителей постструктурализма, который соединил в своей концепции установку постмодернизма на деконструкцию и основные идеи постструктурализма писал: «Понимание знака в нем самом, в его непосредственной знаковой материи есть, если можно так выразиться, лишь первый момент, но вместе с тем и необходимое условие любой герменевтики и любого притязания перейти от знака к означаемому. Вообще говоря, пытаясь перейти от языка явного к языку скрытому, прежде всего надо вполне удостовериться в явном смысле» [5. С. 45].

Таким образом, структурный анализ не может дать нам понимание смыслов, заложенных внутри ритуального действия. Но даже при условии нахождения в едином контексте интерпретация не будет однозначной. Жак Деррида образно говорит о различении интерпретаций раввина и поэта: «…общая невозможность соединиться со средой священного текста и эта общая необходимость экзегезы, этот императив интерпретации по-разному интерпретируется поэтом и раввином. Различие между горизонтом оригинального текста и письмом экзегезы делает различие между поэтом и раввином неустранимым» [5. С. 86]. Исследователь, пытающийся понять ритуал извне, уподобляется поэту, воспринимающему экзегетический текст, созданный раввином, участником ритуального действия, как исходный. В свою очередь, В.Н. Топоров, как и структуралисты, видит в ритуале определенное послание, которое обладает четко заданной структурой, что и позволяет участникам ритуала понимать смысл происходящего. Однако саму структуру В.Н. Топоров понимает по-другому, нежели как она представлена в работах структуралистов. Он связывает ритуал с мифом, считая их двумя взаимодополняющими формами архаического мышления. В отличие от мифа, ритуал прагматичен, он «гарантия выживания коллектива… и является главной операцией по сохранению “своего” космоса» [6. С. 494]. Более того, в ритуале используются все возможные средства выразительности (начиная от слов и заканчивая жестами). Основной прием, помогающий понять суть ритуала, – это отождествления. В.Н. Топоров сравнивает ритуал с грамматикой, говоря о том, что работа жреца и работа грамматика имеют одну цель – сохранить космос: «Они оба расчленяют, разъединяют первоначальное единство, идентифицируют разъединенные его части, т.е. определяют их природу через установление системы отождествлений… синтезируют новое единство, не только артикулированное и организованное, но и осознанное через повторение и выраженное в слове, что придает достигнутому “вторичному” единству… силу вечности… с одной стороны, и большую структурность, лучшую воспринимаемость и, следовательно, возможность быть верифицируемым – с другой стороны» [6. С. 497–498].

Таким образом, структура ритуала может быть подвергнута рациональной процедуре дешифровки. И, наконец, когда В.Н. Топоров говорит о структуре ритуала, он доказывает, что она повторяет и воспроизводит акт творения, когда из Хаоса возникает Космос и соединяет в себе диахронические и синхронические аспекты бытия. Ритуал «начинается с действий, которые противоположны тому, что считается в данном коллективе нормой, с отрицания существующего статуса, и заканчивается восстановлением организованного целого путем дифференциации элементов Космоса и Хаоса с помощью системы общих семантических противопоставлений» [6. С. 493]. Ритуал возникает из Хаоса отрицания, но не самого себя, а внешнего по отношению к нему. И В.Н. Топоров, утверждает, что ритуал есть условие появления языка. Хотя постструктуралисты также пытались описать ритуал через его структуру, уделяя особое внимание маргинальным элементам. Таким образом, невозможно найти единую универ-

сальную процедуру интерпретации. Но, несмотря на отказ от синхронического анализа, постструктурализм не обращается к диахроническому анализу. В результате ритуал как знаковая система в самой своей структуре содержит отрицание возможности рациональной интерпретации.

И последней историко-философской традицией, которая будет рассмотрена в рамках данной статьи и которая внесла вклад в понимание ритуала в аспекте социальной онтологии, является философия языка повседневности. Первоначальная общая и наиболее очевидная установка представителей философии языка заключается в том, что ритуал есть текст, в котором зашифровано некоторое послание и который функционирует по определенным правилам и имеет четко заданную структуру (эта часть определения сближает философию повседневного языка с идеями структурализма и постструктурализма), и этот текст является языковой игрой. Что дает подобное определение ритуала как игры? В рамках данного исследования игра понимается в более широком смысле, как ее определял И. Хейзинга: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемой чувством напряжения и радости, а также сознанием “иного бытия”, нежели обыденная жизнь» [7. С. 41]. В качестве примера можно взять любой из ритуалов инициации – как религиозных и магических, так и современных социальных. Инициация есть переход из одного статуса в другой, в части случаев (например, замужество) инициация требует смерти предыдущего состояния для перехода в новое. Соответственно, чтобы неофит смог ощутить этот переход, создаются определенные традиции и особое пространство, которые позволяют нарушить повседневный пространственно-временной континуум. В этом смысле процедура посвящения в студенты является ритуалом инициации, когда от человека требуют переступить через его привычную модель поведения и принять новую, причем она является абсолютно добровольной.

В ритуальном пространстве используется несколько языков, каждый из которых требует отдельного изучения и интерпретации. Это многоязычие ритуала дополняется еще одной, не менее важной для понимания семиотичности ритуала, стороной, «которая связана с интенсификацией средств выразительности, т.е. более полным (по сравнению с повседневным) использованием возможностей каждого из применяемых языков» [8. С. 145]. Следовательно, переход из сферы профанного в сферу сакрального заключается еще и в постижении разных уровней языковой коммуникации. Чаще всего при повседневном общении у нас теряется глубинный символический уровень передачи информации, в котором и заложены ритуальные архетипы. (Однако необходимо учитывать, что символы в современном мире зачастую являются рационализованными социальными условностями, т.е. те образцы, которые приобретаются и усваиваются в процессе социального развития. Мы же под символическим уровнем понимаем то, что имел в виду А.Ф. Лосев, когда говорил, что символ непосредственно связан с действительностью: «Есть такое обобщение, которое имеет свою собственную структуру, и структура эта есть закон конструирования отраженной в ней действительности, ее порождающая модель» [9. С. 5].) Многие ритуалы уже давно десакрализованы и превратились в повседневные обряды, например рукопожатие, танцы, поклоны, приветствие и т.д. Все они изначально имели утилитарную цель и ритуальное значение, были многоуровневыми, в сегодняшнем мире это фактически это одноуровневое действие, дань традиции, в котором не заложен мифологический архетип.

Но что отличает ритуал от всех остальных языковых игр? Для решения этой проблемы следует обратиться к концепции О. Розенштока-Хюсси, который связывает ритуал с категорией времени. «Отношение какого-либо ритуала ко времени – это отношение часа или дня ко всему прошлому, к которому этот час взывает от его имени, и ко всему будущему, которое он облачает в праздничные одеяния» [10. С. 141], т.е. проходя сквозь ритуальное действие, в частности инициацию, человек обретает другое имя и другое положение в универсуме. При этом О. Розешток-Хюсси понимает ритуал в современном мире достаточно широко. Не обязательно, чтобы он нес религиозный смысл, главное, чтобы обряд и церемония, которые его сопровождают, позволяли человеку «переродиться» и включали его в отношения со временем.

Исходя из описания ритуала как языковой игры, можно сформулировать несколько принципов осмысления его в рамках традиции философии языка повседневности. Во-первых, ритуал рассматривается как многоуровневый текст, который содержит как минимум три уровня – глубинный символический, социальный символический и выразительный. Во-вторых, подобная многоуровневость позволяет говорить о том, что часть информации, заложенной в ритуале, является интуитивно понятной абсолютному большинству людей, а другая выполняет функцию самоопределения и отделения участников ритуала от других, таким образом, формируется общее ритуальное макротекстовое пространство, в котором наличествуют микротекстовые уровни (под макротекстом понимается культурный контекст, в котором осуществляется и который определяет ритуальную деятельность; под микроуровнями понимаются уровни-элементы, существующие внутри ритуальной структуры).

Итак, подводя итог рассмотрению историко-философских оснований изучения феномена ритуала с позиции социальной онтологии, следует отметить, что ритуал в рамках упомянутых выше традиций представлен или как текст, или как коммуникация. В случае с философией повседневного языка эти две трактовки являются взаимодополняющими. Каждая из философских традиций представляла свой герменевтический проект для объектов культуры вообще и для ритуала в частности. В структурализме ритуал, во-первых, предполагает отношение между знаками, т.е. коммуникацию, в которой могут участвовать два или три адресата, во-вторых, ритуал есть метаязык, что подчеркивает его многоуровневость, в-третьих, ритуал есть одновременно знак и средство, в результате чего сообщение, заложенное в нем, обладает собственной интенцией, и,

в-четвертых, структуралисты рассматривают ритуал через те функции, которые он выполняет. Следовательно, задача дешифровки послания, заложенного в ритуальном действии, автоматически решится за счет понимания синтаксиса текста ритуала. Основной предпосылкой для утверждения, что за интерпретацией синтаксиса кроется возможность извлечения смысла и значения ритуала, является то, что ритуальный акт состоит из определенных элементов, каждый из которых несет в себе определенный смысл, складываясь в результате в единое сообщение. Условиями интерпретации в этом случае становятся экспликация и классификация всех элементов ритуала. В традиции постструктурализма наиболее значимым представляется утверждение двойственности ритуала, наличие в нем логических и внелогических оснований, причем происходит доминирование вторых, что не позволяет подвергнуть ритуал рациональной процедуре интерпретации.

Таким образом, в представлении ритуала в аспекте социальной онтологии основной проблемой становится герменевтическая, решение которой затрудняется многоуровневостью ритуальной коммуникации, что приводит или к существованию нескольких равноправных интерпретаций, или к попытке найти через дешифровку сообщения каждого уровня общий смысл. Следовательно, необходимо развести уровни ритуала и относящиеся к ним процедуры дешифровки, что в потенции позволит синтезировать результаты реконструкции идей структуралистов, постструктуралистов и представителей философии языка повседневности относительно проблемы интерпретации ритуала. Однако следует учитывать, что подобная схема не позволит получить единую однозначную интерпретацию ритуального действия. Она направлена на систематизацию представлений о ритуале и процедурах его дешифровки, но синтез смыслов частей ритуала не дадут единого общего смысла. Создание подобной схемы выходит за рамки задач, заявленных в данной статье, и послужит предметом отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1975. С. 114–164.
2. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники : (Опыт историко-этнографического исследования) Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. 142 с.
3. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1975. С. 193–231.
4. *Леви-Строс К.* Структурная антропология : пер. с фр. / под ред. и с прим. Вяч. Вс. Иванова ; отв. ред.: Н.А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М. : Наука, 1985. 535 с.: ил.
5. *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. М. : Академический проект, 2000. 494 с.
6. *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. М. : Языки славян. культуры (Кошелев), 2005. Т. 1. 814 с. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2013/000202589/000202589.pdf
7. *Хейзинга Й.* HOMO LUDENS : В тени завтрашнего дня / пер. с нидер. и прим. В.В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М. : Прогресс ; Прогресс-академия, 1992. 461 с.
8. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / отв. ред. Б.Н. Путилов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
9. *Лосев А.Ф.* Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX, вып. 1. М., 1971. С. 3–14.
10. *Розеншток-Хюсси О.* Язык рода человеческого / сост. и пер. А.И. Пигалев ; науч. ред. Т.Е. Егорова, А.В. Матешук. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 607 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 55–58 DOI: 10.17223/15617793/376/10

УДК 165.21

И.Н. Нехаева

КОНФРОНТАЦИЯ ОПЫТА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИВИЛЕГИИ: КРИТИКА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА В ИСКУССТВЕ

Статья содержит критический взгляд на современное положение искусства как плацдарм для разворачивания трансценденталистских позиций, не имеющих ничего общего с самой природой искусства, в связи с чем трансценденталистскую монополию, демонстрирующую языковую привилегированность в сфере искусства, следует признать незаконной и не способствующей надлежащему развитию самого искусства.

Ключевые слова: трансцендентализм; язык; искусство; познание; опыт; репрезентация.

Следует согласиться, что преобладание трансценденталистских установок при анализе области искусства, можно сказать, стало делом традиции и вполне обычным предприятием, вслед за И. Кантом, не допускающим позитивного взгляда на опыт как на область *непосредственной* трансляции «знания», конечно, если таковым может являться передача действия, показывающегося в сфере искусства посредством движения, взятого отнюдь не в образе такого «знания», но, тем не менее, допускающего искомую непосредственность передачи самого опыта, минуя познавательный срез. В связи с этим необходимость критики трансценденталистской позиции главным образом должна быть обусловлена окончательным отказом от различного рода трансценденталистских вариаций, таких как герменевтика, структурализм, семиотика, постструктурализм, деконструктивизм, тропология, основной тенденцией которых является, с одной стороны, невозможность допущения *восприятия* текста в моменте его непосредственного переживания, что обусловлено именно взглядом из трансценденталистского места, сообразно которому всякое восприятие является лишь первой ступенью познавательного процесса и, согласно Канту, непременно должно завершиться обработкой чувственных данных рассудком[1], т.е. переходом ко второй фазе для достижения полноты и завершенности понимательной процедуры.

С другой стороны, сомнения касаются как раз того, что нам, как оказывается, вовсе и не нужно такого рода «понимание», и все дело в том, что с самого начала вовсе не следовало вставать на позицию трансцендентализма, поскольку какой задан «вопрос», такой получится и «ответ»; иными словами, вглядываясь в проблему из трансценденталистского места, можно прийти к ее решению только *соответствующим* данному месту образом, к тому же, в нагрузку, обрастая, так сказать, выданными на «месте» *техническими средствами*, которые, как это ни странно звучит, в результате становятся *основными*, и в конечном счете ни о каком «вопросе» или «ответе» не идет речь уже в силу того, что все внимание к тому времени становится захваченным поиском некоего *скрытого* значения, благоприятный итог которого может быть осуществлен исключительно через включение в данный процесс выбранных и следующих ему «технических средств», теперь уже выступающих в роли интерфейса, способствующего настройке на трансформацию текста в форму, допускающую введение рационального анализа. Однако, как отмечалось ранее, способ применения к тексту подобного рода аналитического действия должен отвечать способу текстовой данности, иными словами, коль скоро способ интеллектуального отношения к тексту, а в нашем случае это трансцендентальный схематизм, должен непременно совпадать со способом текстового существования, чего на самом деле нет, так как если допустить, что данные трансцендентальные сетки являются условием *понимания* текста, такое «понимание», особенно в его применении к области «исторического», прежде всего, касалось бы не самого исторического текста, но лишь того *взаимодействия*, которое сам текст историка демонстрирует в обращении к некоторому «тексту из прошлого»; в противном случае эти сетки были бы избыточными, поскольку таковыми их сделало бы тождество исторического текста и собственного текста историка.

В этом смысле хорошей иллюстрацией сказанного является приведенный Ф. Анкерсмитом в работе «Возвышенный исторический опыт» пример анализа творчества испанского художника XVI в. Эль Греко [1. С. 140–141], подчеркивающий его необычность, прежде всего состоящую в том, что художник изображал человеческие лица и фигуры весьма странным образом, т.е. деформируя и вытягивая их так, что некоторые историки искусства в связи с этим настаивали на рассмотрении данной специфики художественного мастерства Эль Греко как сознательной, главным образом для того, чтобы другие могли усмотреть в его картинах *особое значение*, например приверженность художника к религиозности и готической духовности. Другой же взгляд на эту проблему является наиболее прозаическим и подразумевает предположение о наличии дефекта зрения у художника, что, возможно, и заставляло его не только видеть, но и изображать людей подобным образом, т.е., вероятно, для него вытянутые лица и фигуры людей казались естественными, такими, какими видят их люди, не имеющие данного дефекта; отсюда сам по себе дефект зрения, попадая в такие условия, начинает выступать в качестве *эпистемологической сетки*, о которой Эль Греко, очевидно, и не подозревал, но другие люди, с точки зрения любителей искусствоведческого анализа, воспринимают ее *таким* образом именно в момент проявления различия между, скажем, естественным видением того, что показано на картине, и тем, *как* это *изобразил* Эль Греко. Тем не менее следует согласиться с Анкерсмитом в том, что, имея такой дефект зрения и воспринимая его в качестве *сетки*, художник непременно должен был улавливать различие между лицами, которые он видит в жизни, и

лицами, изображенными им на полотне; и хотя можно допустить, что дефект зрения приводил его к иным представлениям о человеческом лице, тем не менее, это не является доказательством того, что художник именно по *этой* причине изображал их так, как на картине.

Аналогичным образом это касается интерпретации текста, и если один историк (А) интерпретирует текст, используя интерпретативную сетку $С^а$, а другой историк (В) – посредством интерпретативной сетки $С^в$, то обе сетки вовсе не соответствуют тому, как А и В интерпретируют данный текст; в равной степени наличие или отсутствие дефекта зрения у Эль Греко не является свидетельством *правильности* или *неправильности* созданного им изображения [1. С. 142], не говоря уже о том, что привлечение подобного рода ориентиров, т.е. поиска «правильности», мгновенно наталкивающей на мысль об «истинности», задает познавательный тон и само по себе уже является трансцендентальной сеткой. Конечно, если речь идет о различии в восприятии интерпретатора, то это одно дело, поскольку в данном случае такое «различие» не сводится к какой-либо интерпретативной сетке, но в ситуации, когда целью становится выявление *значения* некоторого исследуемого текста, определение такого «значения» возможно лишь при использовании некоторой семантической «сетки», поскольку если использовать уровневую систематизацию, то сам текст принадлежит объектному уровню, соответственно, интерпретация с необходимостью будет располагаться на метауровне, при этом каждый уровень следует учитывать с позиции его индивидуального включения в правила собственной логики по той же самой причине, согласно которой необходимо знать правила английской грамматики при осуществлении перевода текста с английского языка.

Коль скоро речь идет о языковых «правилах», то в связи с этим может возникнуть вопрос о поиске «правильной» трансцендентальной сетки и, соответственно, допущении, позволяющем прояснить, не является ли таковая универсальной сеткой, так сказать, «суперсеткой», и если да, то каковы ее свойства? Однако, как оказывается, главное не в этом, а в предположении, что само действие поиска соответствия данной универсальности является стремлением обладать отдельным специфическим *родом знания*, которым в действительности можно обладать только *после* его применения, поэтому вполне очевидно, что никакие тексты никогда не писались с целью *соответствия* некой сетке для возможности осуществления понимания путем выуживания из текста его значения[2], кроме, как замечает Анкерсмит, «тональной музыки, которая, до Шёнберга, *действительно* создавалась в согласии с теорией гармонии» [1. С. 144]. Однако Шёнбергу все же удалось отменить такое «соответствие», возможно, именно потому, что его вовсе не существует; в связи с этим было бы уместно говорить о *времени*, культивирующем такое «соответствие» на свой манер, к тому же никто не может утверждать, что, к примеру, музыкальные тексты, сочиненные в определенный период времени, создавались в *строгом* соответствии с теорией гармонии, поскольку, как известно, гениальные композиторы всегда имеют в арсенале своего творчества, так сказать, «тяжелую артиллерию», способную сокрушить любые правила, якобы установленные эпохой. Возможно, поэтому Бетховен, Чайковский, Рахманинов и многие другие, не говоря уже о представителях импрессионизма, пытались скорее расширять, а то и вовсе уничтожать, но никак не соответствовать существующим социальным или каким-либо другим рамкам [3]. Следовательно, если текст читается с учетом трансцендентальной установки, или, что то же самое, сетки, на самом деле не являющейся частью самого текста, но применяемой к нему с целью *проецирования* такой сетки на текст, дабы в итоге выявить и понять исключительно его *значение*, которое есть не что иное, как *функция* этой сетки, то данная ситуация неминуемо приведет к совершенно противоположному результату, поскольку накладывание трансцендентальных сеток, прежде всего, призвано создавать условие *объективного* просмотра исторического материала, но, как оказывается, это является очередной иллюзией, так как ожидается, что конечная перспектива использования таких трансценденталистских схем приведет историка к сопоставимости своих исследований, а возможно, даже к их тождеству.

Тем не менее становится ясно, что использование подобного рода схем представляет собой лишь кодификацию или схематизацию конкретного варианта прочтения субъектом (историком) исторического материала. При этом данная позиция, напротив, приводит к совершенно обратному, т.е. не к объективности, а к скрытой вариации субъективности, с которой, при естественном взгляде на деятельность историка, необходимо тщательно, но очень бережно использовать, с одной стороны, опираясь на нее, а с другой – не обнаруживая ее столь агрессивно, т.е. так, чтобы она сама собой оказывалась в оппозиции историческому материалу. Иными словами, установление тончайших взаимоотношений историка с собственной субъективностью скорее напоминает обычное протекание жизненного процесса, нежели вовлеченность в стационарное пространство неподвижных трансцендентальных схем, и в этом смысле, что касается понимания, то такие схемы, напротив, затрудняют исполнение процесса понимания текста, поскольку напоминают своего рода оболочку, накидывание которой на сам процесс в конечном счете приводит его к неспособности дальнейшего развития.

Отнюдь не случайно поэтому практическая проверка сказанного выше наиболее ярко проявляется именно в пространстве искусства; соответственно, если допустить, что в картине художником репрезентируется опыт восприятия природы, скажем, в пейзаже, то рассматриваемая в этом смысле *картина* скорее является *репрезентацией*[3] некоей местности, а *выражает* она то, *как* или каким *способом* художник воспринял эту местность, так как *сама картина может только репрезентировать восприятие элементов мира*, и в этом смысле музыка как таковая также не имеет определенного значения, исходящего из репрезентативной деятельности, хотя в связи с этим искусствоведческий способ и предполагает нахождение в нотном тексте, – коль скоро, с точки зрения аналитиков искусства, он непременно должен быть написан с учетом определенных «правил» именно той эпохи, пребывание в кото-

рой, по-видимому, и должно было подвигнуть конкретного композитора к написанию художественных произведений, *соответствующих* только этим «правилам», действие которых с необходимостью направлено на вскрытие символической составляющей, заложенной в виде различных образований – крестов, закодированных имен, словом, такой различного рода символики, которая, опять-таки с позиции искусствоведческого просмотра, является носителем *сакрального* знания, якобы требующего расшифровки, дабы понять суть музыкального текста[4].

Это свидетельствует о том, что значение, обнаруженное в произведении искусства только потому, что оно вопрошалось (а не потому, что оно там действительно есть), следует отнести лишь к собственности репрезентативной функции ума, к его, так сказать, особой любви к фантазиям, а не к самой музыке, взятой в аспекте опытного действия, так как такого рода фантазии принадлежат всего лишь к области *возможного*, поскольку являются только раздражителями, устанавливающими область языкового присутствия. Иными словами, если произведения искусства и порождают значения, то исключительно благодаря своей способности к *завершенности*, которая предполагает, что об этом музыкальном шедевре в целом, конечно же, есть что сказать, но так уж получилось, что если разговор организуется исходя из искусствоведческой позиции, то сами значения становятся собственностью исследуемой области, в данном случае – музыки, тогда как на самом деле это иллюзия, или обман «зрения», а точнее – выбора, точки, откуда, скорее всего, *не* следует осуществлять исследовательскую интенцию, поскольку любые изречения *о* музыке, включая ее анализ, в действительности принадлежат исключительно языку и, соответственно, свидетельствуют о языке, но никак не о самой музыке как области опыта.

Подобным образом все сказанное можно отнести к исследованию живописных полотен, поэтому, возвращаясь к разговору о картинах, следует заметить, что ландшафт как таковой не может иметь значение, поскольку оно приобретается лишь в процессе анализа, поэтому процесс обретения значения есть путь от того, что не обладает значением, и таковым является ландшафт, к тому, что обладает значением, и в данном случае – это *анализируемое* произведение искусства. Однако необходимо особо подчеркнуть, что *само по себе* произведение искусства также не может иметь значение, но с другой стороны, верно и то, что оно все же способно быть *условием возможности* прохождения, а в связи с этим и установления – репрезентационной области, представляющей собой место рождения значения, и таким «местом», в конце концов, становится *язык*; иными словами, именно язык является возможностью осуществления репрезентационного и интерпретационного действия, направленного в отношении искусства. Отсюда в случае с живописью (впрочем, как и во всех других случаях, касающихся области искусства) сами картины не могут являться некими репрезентациями того, *что* они изображают, тем самым, якобы выражая восприятие этого «нечто» художником. В этом смысле, если, к примеру, сравнить живопись с музыкой, которая, казалось бы, только звучит, стало быть, не существует в каком-либо статичном виде, она не обладает даже минимально возможной фиксацией, поскольку совершенно очевидно, что ноты как формальный признак музыкальной фиксации вовсе *не* есть сама музыка, как на этот счет полагают некоторые исследователи[5], допускающие существование нотного текста в качестве своеобразного музыкального изображения и по этой причине констатирующие разницу живописи и музыки, которая касается исключительно технических *средств выражения* (различие между красками и звуком). При этом в онтологическом плане (если можно так сказать) они абсолютно идентичны, так как являются выразителями самого *опыта* художника или композитора *как такового*, т.е. на самом деле не важно, *кто* именно является выразителем этого опыта – скульптор, музыкант или поэт, так как данные наименования им присваивает исключительно язык, а поэтому сами они изначально не являются чем-то вполне самостоятельным, но приобретают относительную независимость лишь с позиции языковой области.

В результате становится очевидным, что очерченная область вбирает в себя взаимное соотношение *опыта*, *значения* и *репрезентации*, и, тем не менее, для глубокого понимания того, о чем идет речь, их следует различать; особенно это касается различения *опыта* и *репрезентации значения* главным образом с целью обретения опытом некоторой автономии, напрочь отрицаемой, в частности, герменевтикой, которая всякий раз пытается намеренно объединить опыт и значение в нечто единое, называемое ею интерпретацией[6], а коль скоро значение проявляется исключительно при наличии репрезентации, т.е. определенного *способа восприятия* мира или текста, следовательно, сам *текст и, в равной степени, мир не обладают собственным значением*. Сообразно этому текст может только вызывать значение в нашем сознании, иными словами, проявление значения по своей сути является продуктом собственной деятельности сознания, а не текста и тем более мира, и хотя часто возникает впечатление, что опыт внутренне как бы руководит процессом возникновения значения, и опыт чтения, безусловно, оказывается здесь в качестве непосредственного участника данной процедуры, тем не менее, возникающая при этом иллюзия использования определенных трансценденталистских условий выявления истинного значения текста, который, с учетом сказанного, должен сам по себе существовать где-то внутри текста, представляется крайне вредной и ошибочной. В связи с этим даже в отношении опыта чтения необходимо различать между собой «репрезентацию текста» и «опыт восприятия текста», поскольку это весьма разные вещи, и если говорится именно о репрезентации, то она хотя и обусловлена восприятием, все же осуществляется исключительно в сознании посредством акта замещения, поэтому значение, будучи «сделанным» в сознании, принадлежит только ему, а вовсе не тому, к чему оно прикладывается[7].

В итоге следует согласиться, что для наибольшей отчетливости *различия, имеющегося между опытом и репрезентацией*, необходимо прежде всего учитывать, что репрезентация представляет собой вполне конкретный языковой инструмент, служащий, в некотором роде, удобством придания и нахождения в мире опре-

деленного *смысла*. Вследствие этого *репрезентация приобретает размытую, легкую форму трансцендентализа*; между тем, репрезентацию следует четко дифференцировать от *языковой описательной структурности*, в которой, в свою очередь, резко разграничивается функция подлежащего (референция) и функция сказуемого (предикация), по сравнению с которой репрезентация, напротив, не предполагает ничего подобного, так как если, к примеру, взять портрет, то при обращении к его отдельным частям невозможно будет установить, какие из них исключительно указывают, а какие – приписывают определенные свойства предполагаемому объекту референции, следовательно, в отношениях, устанавливающихся между репрезентируемым и репрезентацией, возникает *неопределенность*, явно отсутствующая в описании[8].

С другой стороны, в отношении к историографическому срезу искусства репрезентация, по сути, становится своего рода трансцендентальным условием возможности существования *истории искусства* через ее *связь с традицией*, которая показывается тем сильнее, чем ярче проявляется неопределенность между самим репрезентируемым и его репрезентацией, и, быть может, это, в том числе, способствует выступлению репрезентации в роли некой схемы, поскольку именно тесная связь и наличие неопределенности заставляют историка отнести художественное произведение скорее к одной из исторических традиций, которая в дальнейшем и станет причиной применения такого метода в целом ко всей истории искусства[9], нежели обратиться к описанию отдельного объекта. К тому же свидетельством несоизмеримости теоретического исполнения и опыта, прежде всего, представляется отсутствие *общего основания*, в терминах которого можно было бы объяснить природу конфликта между репрезентацией и опытом, поскольку для этого необходимо было бы окончательно перебазироваться в область языка, определительная функция которого, без сомнения, в целом способна привести к решению поставленной задачи, из чего следует, что *установление конфликтной ситуации является исключительно языковой привилегией*, осуществляющейся в моменте преобразования опыта и, в частности, искусства как опыта, в репрезентацию и язык, т.е. в случае, когда речь уже не идет о самом конфликте между репрезентацией и опытом, но исключительно о разногласии между двумя репрезентациями, – а это, надо сказать, уже совсем другая проблема.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Согласно Канту, «…наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (восприимчивость к впечатлениям), а второе – способность познавать через эти представления предмет (спонтанность понятий)» [4. С. 70].

[2]«Я не знаю текста, который был бы написан с четкой целью – соответствовать сеткам или правилам, изобретенным герменевтами, (пост)структуралистами или приверженцами другой литературной теории для того, чтобы понять значение текста» [1. С. 144].

[3]Следует отметить, что в переводе с французского representation означает *представительство*, т.е. действие, вскрывающее опосредованную, вторичную роль в представлении чего бы то ни было – образа, идеальных или материальных объектов, а также их свойств, отношений, процессов; иными словами, данное действие *означает* установление ситуации «*осуществления* присутствия», по сути, имеющей чисто *языковую* природу, когда нечто, отрывая от себя собственное наличие, ставит его вновь перед самим собой, теряя при этом его в качестве *наличия* своей личной собственности.

[4]Яркой иллюстрацией этого может являться работа [8].

[5]К рангу *таких* исследователей можно отнести всю искусствоведческую плеяду, особенно это касается второй половины XX в., включающей исследования [1, 2, 6, 7, 9].

[6]Под интерпретацией следует понимать операцию, посредством которой «игре расплывчатых или даже противоречивых видимых форм придается определенная структура, приписывается глубинный смысл, дается “истинное” объяснение» [5. С. 40].

[7]В данном случае понимание текста лучше выстраивать, исходя из бартовского взгляда на текст как своего рода интертекст, выступающий в качестве питательной среды для образования знака, где «встречаются для свободной “игры” гетерогенные культурные коды» [5. С. 40].

[8]«Говоря метафорически, в описании подлежащее (референция) и сказуемое (предикация) исполняют роль двух “шурупов”, надежно скрепляющих язык и мир. Из-за отсутствия таких “шурупов” репрезентация обладает автономией по отношению к миру, которой лишено описание» [1. С. 152–153].

[9]В связи с этим показательной является принятая некоторыми представителями социально-экономического историописания, к примеру, Броделем, традиция данного типа историописания в качестве «единственно оправданного способа занятия историей», что, в частности, можно наблюдать и в установлении традиции искусствоведческого историописания [1. С. 152].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
2. *Арановский М*. Музыкальный текст. Структура и свойства. М., 1998.
3. *Бонфельд М*. Семантика музыкальной речи. М., 2007.
4. *Кант И*. Критика чистого разума. М., 1994.
5. *Косиков Г*. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1994.
6. *Кудряшов А*. Теория музыкального содержания. СПб. ; М. ; Краснодар, 2006.
7. *Медушевский В*. Интонационная форма музыки. М., 1993.
8. *Носина В*. Символика музыки И.С. Баха. Тамбов, 1993.
9. *Холопова В*. Музыка как вид искусства. СПб., 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 59–63 DOI: 10.17223/15617793/376/11

УДК 101.1:316; 316.354:351/354

С.В. Пирогов

КОНТУРЫ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-13-70001.

Заданы и проанализированы варианты методологической оптики видения как города в целом, так и его отдельных визуальных эпифеноменов: натуралистская, структуралистская, конструктивистская и феноменологическая парадигмы. В натуралистической парадигме развивается тезис о том, что в городской морфологии можно увидеть особенности социально-экономической и политической организации и проблемы конкретного общества. В структуралистской парадигме предметом анализа выступает семиотика городской среды – визуальный текст города. В конструктивистской парадигме предмет визуального анализа – публичное пространство города, его функции и проблемы. В феноменологической традиции образ города есть проекция жизненного мира человека, формирующаяся в процессе переживания актуальной жизненной ситуации.

Ключевые слова: визуальное; образ города; парадигмы познания.

Методологическая оптика визуальных исследований города

В своё время известные специалисты по городу и визуальной социологии задавались вопросами «Что именно мы изучаем? Как можно “схватить” эту ускользающую субстанцию?» [1]. Не менее ускользающей является и субстанция визуальных образов, относительно которых «признается двойная референтность фотографии – отражение не только снимаемого, но и снимающего» [2] – многослойного социокультурного контекста производства и потребления визуальных образов. На данный момент очевидно, что визуальные исследования не могут быть сведены к методическим правилам интерпретации некоторой «картинки», поскольку как субъект, так и сам процесс интерпретации нуждаются в изучении. Однако «вера в то, что запечатленное на визуальном носителе (фотографии, видеопленке) – реально и именно так и было, не изжита даже сегодня, когда многим уже стало очевидно, что и без применения специальной обработки, монтажа и тому подобного изображение можно скомпоновать так, что оно покажет то, что хочет его автор, а не то, что происходило перед объективом “на самом деле”» [3].

Все варианты представления города, на наш взгляд, можно свести к четырём парадигмам, задающим определённое понимание урбанистической реальности вообще и частные дефиниционные модели города в рамках каждой из них [4]. Эти парадигмы когерентны парадигмам визуальных исследований: натурализм (с ориентацией на позитивистскую методологию), структурализм (с ориентацией на системно-семиотический анализ), конструктивизм (с ориентацией на анализ ситуации возникновения и функционирования явления, в том числе и дискурсивный анализ) и феноменология (с ориентацией на анализ смысла – как производителя, так и потребителя визуальных образов). В рамках каждой парадигмы формируется и развивается своя модель образа: как отражение (иллюстрация), репрезентация, презентация, которая может реализоваться либо в форме идеальной конструкции (идеализированный объект), либо как социокультурный проект – представления о нормальной и «правильной» жизни.

В натуралистической парадигме город предстаёт исследователю как материальный объект, субстратом которого является его архитектоника – совокупность архитектурных и инфраструктурных компонентов. Это согласуется с натуралистическим пониманием визуального как отражения объективной социальной реальности. Визуальному здесь отводится роль зеркала, а «картинки» города рассматриваются как своеобразный документ, который можно исследовать соответствующими методами. Но изучение визуального образа города показало, что «картинки» одного и того же города разнятся в зависимости от того, кто и когда их создаёт и рассматривает.

На «картинке» изображено не только то, что есть в объективной реальности. Изображение нуждается в интерпретации, необходимо ответить на вопрос: а что, собственно, мы видим, из каких предметов (элементов, частей) состоит картинка?

Структуралистский анализ городской жизни имеет две разновидности: структурный функционализм и семантический структурализм. В первом варианте город выглядит как функционально структурированное пространство – система зон жизнедеятельности. В семиотическом структурализме город выглядит как семиотическая система – текст. Изображение содержит два плана значений: культурно ратифицированные, общезначимые, выраженные культурными кодами и значимые только для того, кто рассматривает изображение. Содержание образа, таким образом, зависит от того, на что смотрят, кто смотрит и в какой ситуации это происходит. Важным фактором восприятия среды также являются различные практики поведения в городской среде – как рационально-прагматического, так и непрагматического характера: досугового, игрового, перформативного (фестивали, праздники, протесты и др.), в ходе которых происходит интерпретация: наделение значением и смыслом фрагментов городской среды. Изменчивость и многослойность образа свидетельствуют о том, что образ, особенно города, это не единичный перцептивный акт, а когнитивная конструкция, отражающая различные типы опыта.

Конструирование образа представляет собой процесс выделения отдельных фрагментов реальности (объектов) и создания из них определённой «картинки». Этот процесс осуществляется не произвольно, а на основе всегда существующих схем восприятия: архетипов, габитуса, идеологии или даже простых стерео-

типов. В конструктивистской парадигме в фокус внимания попадает роль социокультурного фона как смыслопорождающего контекста. В этом плане можно говорить о таких моделях города, как ценностно-рациональный проект, мифологический конструкт, идеологический проект, виртуальный проект, дизайн-проект имиджа города.

В феноменологическом горизонте артикулируется особая процедура конструирования реальности – освоение среды обитания. Восприятие городской среды представляет собой не только когнитивное, но и интенциональное отношение – процесс конструирования реальности посредством придания значимости её отдельным фрагментам на некотором смысловом поле. Городская среда для воспринимающего субъекта существует не сама по себе, а носит реляционный характер: все предметы среды существуют как элементы событий, значимых для субъекта восприятия. Предметы городской среды существуют как элементы жизненного мира горожан: они свидетельствуют, напоминают, указывают на то, что было, есть или будет (должно быть). Поскольку события как значимая система действий существуют в смысловом контексте, то при его утрате отдельные фрагменты городской среды утрачивают свою выразительность или даже исчезают для восприятия. В этой парадигме акцентируется внимание на активности как образа, так и субъекта восприятия. При восприятии образа человек не только расшифровывает некоторое закодированное содержание, а попадает под власть образа. Образы не только отражают, но и производят реальность. Образ города существует как генерирующая структура новых смыслов через переживание самого восприятия городской среды. Интенциональность (притягательность) среды заключается в том, что в восприятии, сознании горожанина территориальные места сливаются с пространством отношений и символикой места. Одно наслаивается на другое. Возникает качественное единство всех аспектов среды, обладающее индивидуальным своеобразием – топосы среды. Топос среды – это конструкция жизненного пространства, созданная человеком из материальных и духовных аспектов экзистенции – «дух места». В то же время топосы – это «ниши бытия», где жизнь протекает привычно, осмысленно и предсказуемо. Г. Зиммель первым начал писать о том, что люди «приватизируют публичное пространство» в городе, создавая для себя комфортную среду.

Предметные и проблемные поля визуальной социологии города

В натуралистической парадигме понимания визуального как отражения объективной социальной реальности развивается тезис о том, что в городской морфологии можно увидеть особенности социально-экономической и политической организации и проблемы конкретного общества. Здесь мы бы выделили три наиболее обсуждаемые темы: ландшафт власти, социальная память и социальные проблемы. Тема взаимовлияния политики, экономики и городского ландшафта возникла в рамках неомарксистской социологии города (А. Лефевр, Д. Харвей). Основным сюжетом здесь является изучение противоречивых требований в борьбе за обладание местом. Место в данном случае выступает как товар [5]. Ландшафт в современном обществе создают люди, обладающие деньгами и властью, он является «посредником символически и материально между социально-пространственной разницей капитала на рынке и социально-пространственной однородностью труда, определяемой местом» [6]. С помощью визуальных материалов можно также изучать и сравнивать индустриальный и постиндустриальный ландшафт. Сравнительный анализ фотографий городских мест показывает также изменения, происходящие в социальной структуре. Так, например, А. Желнина продемонстрировала «параллель между обустройством физического пространства площади и социальным миром города и страны – нестабильность, нестационарность, готовность к переменам и большая доля свободы характеризует обе сферы» [7]. Формой отражения социальных процессов также является архитектура. Основные вопросы визуальной социологии архитектуры – «в какой степени общество и социальный строй воплощаются в архитектуре и одновременно ею обосновываются…», «в какой степени архитектура воспроизводит “классовую структуру” общества» [8]. Архитектура также является носителем социальной памяти. «Анализ архитектуры городских зданий, элементов урбанистического ландшафта – это “разговор” со свидетелями истории, приоткрытие их легенд и тайн… можно сказать, что это “палимпсесты”, являющие современность как интертекстуальную историю» [9]. Чаще всего визуальные объекты используются социологами для изображения социальных проблем горожан: социально-экономического неравенства, особенностей взаимодействия представителей различных социальных групп, маргинализации определённых групп горожан [10]. Зонирование городского пространства может дать наглядный материал по стратификации городского населения, особенно наглядно это выглядит в сравнительном анализе городской среды и образа жизни центральных и периферийных районов [11]. Морфология территории может способствовать или препятствовать реализации отношений, событий определённого содержания и конкретных моделей поведения.

В структуралистской парадигме предметом анализа выступает семиотика городской среды – «текст города». Город как «текст» существует в двух формах. Во-первых, исторически формируется интегральный образ города, выраженный его культурно-историческими особенностями. Этот образ, вслед за Лефевром, можно назвать «иконическим», при этом «важно подчеркнуть, что понятие “иконического” образа следует рассматривать широко. “Иконой” может стать не только объект, но и событие, и сами абстрактные понятия, с которыми ассоциируются эти объекты» [12]. Примером иконического образа города являются его официальные изображения. Во-вторых, город как текст существует в виде множества социально-семантических ситуаций – вариантов интерпретации субъектами восприятия городской среды в целом и её отдельных фрагментов – тексты городских сообществ, возникающих в процессе повседневных практик проживания и переживания городской среды. А. Лефевр выдвинул тезис, что про-

странство производится, а не просто есть как некоторая объективная данность [13]. «Это происходит в ходе того, что он называл социальным производством городского пространства, непрерывным и спорным процессом, пронизанным политикой и идеологией, созиданием и разрушением и непредсказуемым взаимодействием пространства, знания и власти…» [14]. М. де Серто представляет пространство города как пространство символических «тактик» поведения, являющихся различными способами освоения и присвоения объективно существующей, сложившейся исторически среды обитания в единстве её объектных и субъектных структур. «Таким образом, мы можем приравнять практики означивания… к практикам, создающим пространство» [15]. «Понимание городского пространства как динамической конфигурации неких городских контекстов и повседневных практик (людей и различных сообществ), связанных с конкретной средой, обусловливает переход от попыток определения, что есть "город вообще", к работе с различными режимами видения» [16]. Городская среда континуальна: имеет место некоторая протяжённость, взаимосвязь и взаимопереход территории, пространства отношений, событий и ситуаций, и процессуальна: она представляет собой поток изменений, смену ситуаций, непрерывный спектакль с разными действующими лицами и сменой декораций. Визуальные материалы дают возможность увидеть всё это в формате одного изображения, причём видеоматериалы разных авторов дают нам разные изображения одной и той же реальности, позволяют увидеть то, что не видно в оптике другого взгляда.

Важнейшей предметной областью исследования в конструктивистской парадигме является публичное пространство города. Центральным вопросом является вопрос о его функциях. Не поднимая этот вопрос во всём объёме, выделим лишь те функции, которые можно и нужно изучать с помощью визуальных средств: формирование идентичности, самопрезентация городских сообществ, формирование толерантности как пространственного равенства.

Практики фотографирования в публичном пространстве являются средством конструирования коллективной идентичности. «Фотография одновременно репрезентирует и создает групповую идентичность, так же как она одновременно является репрезентацией и инструментом создания идентичности индивидуальной» [17].

Одним из механизмов идентификации является самопрезентация городских сообществ. Это наглядно можно видеть на примере поведения молодёжи в публичных местах, когда они показывают себя, разыгрывают небольшие «уличные спектакли», что очень важно для процессов самоидентификации – и личной, и групповой. «В настоящее время процессы индивидуализации, фрагментация идентичности, плюрализм нормативных порядков ослабляют социализирующую функцию фотографии и усиливают ее перформативную роль в деле конструирования идентичности» [17]. В социально значимых масштабах перформанс имеет место в «городских массовых мероприятиях» – фестивалях, карнавалах, шествиях, демонстрациях, праздниках, ритуалах и т.п. Визуальные материалы позволяют изучать перформативные практики как способы изменения и производства социального пространства и одновременно как коммуникативные практики. Образ города и практики поведения в городской среде – две стороны одной медали, только образ города – структурный, а городские практики – его процессуальный компонент. Перформативное высказывание «будучи употребленным в соответствующем контексте, может иметь практические последствия, как и любое успешное действие… С точки зрения перформативности, познание не отражает, а создает, исполняет или учреждает реальность» [18]. Перформанс в то же время содержит «коммуникативную интенцию» (Д. Серль), включающую требования соблюдения определенных условий и правил. С помощью перформанса конструируется смысловой контекст ситуации, который можно дешифровать, анализируя сам перформанс. Особым местом для перформативного конструирования новых моделей поведения выступают большие торговые центры, которые «становятся пространством для публичной жизни, для наблюдений и самопрезентации, но не публичным местом, предполагающим в первую очередь столкновение и знакомство с разнообразием» [19]. А. Желнина зафиксировала здесь проблему появления квазипубличных пространств. Такого рода «места» можно изучать с помощью визуальных средств, методом наблюдения.

Тематика публичного пространства города всегда тесно пересекалась с тематикой толерантности. Один из аспектов проблемы толерантности можно обозначить как пространственное равенство и согласиться, что «толерантность будет там и тогда, когда разные группы смогут на равных приходить в одни и те же места, наблюдать друг за другом и заниматься одними и теми же делами» [20].

Городское публичное пространство очень изменчиво, и эти изменения далеко не всегда позитивны. Пространство городов, особенно российских, содержит немало проблем, которые надо не только знать, но и видеть – диагностировать наличие проблем визуальными средствами. Назовём предельно кратко те проблемы публичного пространства города, о которых идёт речь в литературе и которые можно наблюдать.

Проблема первая: приватизация и коммерциализация этих пространств и вытекающая отсюда ограниченная возможность их использования для различных групп горожан.

Проблема вторая: отсутствие в России традиций публичного пространства, так что горожане и сами не всегда понимают ценность таких мест, как парки, скверы, площади, памятники. Практики поведения в этих местах требуют своего изучения.

Проблема третья: отсутствие в России потребности и навыков интеракции между различными субкультурами, отсутствие механизмов социокультурной интеграции различных стилей и образов жизни.

Проблема четвёртая: «опоточивание пространства» [21]. Успешным становится не тот, кто на базе собственного культурного ресурса способствует развитию территории, а тот, «кто синхронен бурному течению городской жизни, кто «"попадает в струю" и "вращается в сферах", тот, кто мобилен в мобильной среде» [22].

Проблема пятая: «опустынивание пространства». Смешение символических ансамблей публичного пространства с потребительским поведением, с частными интересами по поводу присвоения и овладения вещами приводит к потере символического содержания «места». Также в силу этого отдельные места в городе становятся более «населёнными», другие – менее; т.е. в отдельных местах города нечего делать, часть городского пространства превращается в «отбросы» [23].

Проблема шестая: угасание общения в результате утилизации пространства. Необходимо развивать территории неформального общения: кофейни [24], пешеходные зоны [25], скверы и парки. Особое значение для российских горожан всегда имел двор. Изучение этого локуса пространства может позволить увидеть новые и не всегда позитивные изменения в российском обществе [26].

Проблема седьмая: проблема средовой идентичности. Поскольку поведение реализуется (выстраивается) в том числе в соответствии с представлениями об окружающей среде, то городская среда сама по себе является порождающем фактором поведения. Но если «пространство становится “слепым пятном” технологий науки и политики» [15], то возникает феномен средовой маргинальности – неопределённости территориально-пространственного положения [27]. При этом может возникать не просто ощущение чуждости среды, а ощущение её враждебности. Эту тему также можно изучать визуальными средствами.

Если предметом структуралистского анализа является некоторый «иконический» образ города, то предметом феноменологического анализа – его повседневный образ. Изучая образы города, можно увидеть не только рациональное знание горожан о городе, но и их желания, воспоминания, переживание той среды, в которой они живут, виртуальные образы мечты, мифологии и компьютерных фантазий, а также то, чего стараются не замечать как власти, так и жители. Объекты территории могут «иметь значение (например, символическое) для наблюдателя, а могут вообще становиться “невидимыми” в определенном образе. Так, люди, даже проживая в городе с множеством исторических памятников, могут сказать, что “у нас тут нет ничего (интересного)” [12]. Повседневный образ города можно изучать с помощью ментальных карт [28–31].

Целью феноменологического изучения образа города является обнаружение релевантных (субъектно различимых, значимых) семантических средств для различных субъектов городской жизни, что позволит прогнозировать характер и направленность их активности [32]. В то же время образ города – конструкция будущей реальности – его аттрактор. Аттрактивными инструментами развития города являются: миссия города (включающая его имидж), миф города (в том числе и идеологический) и событийные технологии [33]. В создании этих инструментов большую роль играют визуальные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Запорожец О., Лавринец Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры. (Urban Studies: в поисках точки опоры) // Communitas № 1. 2006. URL: http://www.psychogeo.spb.ru/page_111.html (дата обращения: 15.07.2013).
2. *Запорожец О.Н.* Визуальная социология: в поисках границ // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Секция 36. Методология и методы эмпирических исследований. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part50.pdf (дата обращения: 10.07.2013).
3. *Желнина А.* Образ города и визуальные методы социологического исследования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 6. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/.../article_content1201257414203593fi (дата обращения: 12.07.2013).
4. *Пирогов С.В.* Концептуальные модели управления развитием города // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. Томск, 2012. № 1 (17). С. 114–128.
5. *Логан Д., Молоч Х.* Город как машина развития / J. Logan, H. Molotch. The City as a Growth Machine. // Urban fortunes. The political economy of space. Berkely : University of California press, 1988. URL: http://www.urban-club.ru/?p=98 (дата обращения: 18.07.2013).
6. *Зукин С.* Ландшафт власти. От Детройта до мира Диснея / S. Zukin. Landscapes of power: From Detroit to Disney World. Berkeley, CA : California Press, 1991. URL: http://www.urban-club.ru/?p=91 (дата обращения: 22.07.2013).
7. *Желнина А.* Сенная площадь – «чрево» или лицо Петербурга? URL: http://www.urban-club.ru/?p=12 (дата обращения: 23.07.2013).
8. *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121. URL: http://www.ecsocman.hse.ru/data/931/631/1219/Delitts_15.pdf (дата обращения: 25.07.2013).
9. *Малес Л.В.* Фотография в социологических дисциплинах // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. научн. ст. / под ред. Е.В. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов : Научная книга, 2007. С. 168–182. URL: http://www.sociologist.nm.ru/articles/males_01.htm (дата обращения: 30.04.2013).
10. *Воронкова Л.* «Социологические выставки»: визуальные презентации в социальных науках // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 149–228. URL: http:// www.publicsphere.narod.ru/Voronkova.pdf (дата обращения: 28.04.2013).
11. *Герасимова К., Чуйкина С.* От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы / под ред. Тимо Вихавайнена // Нева. СПб., 2000. С. 27–74. URL: http://www.cisr.ru/files/publ/Gerasimova/Ger_Tchouik_CapitalSPb_SocialistLeningrad.pdf (дата обращения: 26.04.2013).
12. *Мокроусова А.К.* Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 3. С. 173–181. URL: http://www.ecsocman.hse.ru/data/2013/02/24/1251425697/Mokrousova_2012_3.pdf (дата обращения: 24.04.2013).
13. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1761/ (дата обращения: 25.04.2013).
14. *Соия Э.* Как писать о городе с точки зрения пространства? Придавая городам первостепенное значение // Логос. 2008. № 3 (66). С. 130–140. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/07.pdf (дата обращения: 24.04.2013).
15. *Серто М. де.* По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38. URL: http://www.sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211834290/7_2_2.pdf (дата обращения: 22.04.2013).
16. *Запорожец О., Лавринец Е.* Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов, В. Круткин. Саратов : Научная книга, 2007. URL:

http://www.belintellectuals.eu/media/library/Zaporozhec_Oksana_Lavrinec_ Ekaterina_Poterjatsja_chtoby_uvidet_opyty.doc (дата обращения: 12.03.2010).
17. *Бойцова О.Ю.* Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. URL: http://www.dissercat.com/content/lyubitelskaya-fotografiya-v-gorodskoi-kulture-rossii-kontsa-xx-v (дата обращения: 17.07.2010).
18. *Дудина В.И.* Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 3. С. 35–50. URL: http://www.ecsocman.hse.ru/data/2013/02/24/1251425317/Dudina_2012_3.pdf (дата обращения: 12.07.2010).
19. *Желнина А.* «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium. 2011. № 2. С. 48–69. URL: http://www.ecsocman.hse.ru/data/2011/10/14/1267236315/03_AZ.pdf (дата обращения: 13.07.2010).
20. *Желнина А.* Публичное пространство в социологии города. Проблемы публичного пространства в Петербурге : лекция. URL: http://www.urban-club.ru/?p=89 (дата обращения: 3.07.2010).
21. *Кастельс М.* Информационный город. Информационная технология, экономическое реструктурирование и регионально-городской процесс / Manuel Castels. The Informational City. Information Technology, Economic Restructuring. and the Urban -Regional Process. Oxford, Cambridge : Blackwell, 1989. URL: http://www.urban-club.ru/?p=100 (дата обращения: 3.07.2010).
22. *Ганжа А.* Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве // Логос. 2012. № 1. С. 289–310. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2012_1/11.pdf (дата обращения: 7.07.2010).
23. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // Логос. 1997. № 7. С. 107–117. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (дата обращения: 17.07.2010).
24. *Панеях Э.* Петербургские кафе – география неформального общения // Российское городское пространство: попытка осмысления. М. : Московский общественный научный фонд, 2000. С. 154–162.
25. *Желнина А.* Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге: опыт становления публичного пространства // Communitas. 2006. № 1. С. 53–71. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/748/892/1216/6-Communitas_1_2006_Zhelnina.pdf (дата обращения: 17.07.2010).
26. *Иванов П.В.* Двор спального района города Москвы: география, практики, образы. URL: http://www.academia.edu/2604802/MA_paper_._ (дата обращения: 17.07.2010).
27. *Пирогов С.В.* Идентификация со средой обитания как предмет социологической рефлексии // Тезисы Третьего социологического конгресса. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210057003.pdf (дата обращения: 15.07.2010).
28. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
29. *Замятин Д.Н.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. М. : Институт Наследия, 2005. Вып. 2. С. 276–322. URL: http://www.conf.cpic.ru/upload/eva2004/reports/doklad_109.doc (дата обращения: 18.07.2010).
30. *Митин И.И.* Мифогеография города: семиозис пространственных мифов и проектирование имиджа места // Нижний Новгород в историко-культурной традиции России : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. по региональной культуре (22 сентября 2004 г.). Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 115–116. URL: http://www.imitin1.at.tut.by/MitinTezNNNet.pdf (дата обращения: 25.07.2010).
31. *Семёнова В.* Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 67–81. URL: http://www.socpolicy.ru/wp-content/uploads/2012/07/%D0%92%D0%90_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B_%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%B81.pdf
32. *Пирогов С.В.* Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 97–103.
33. *Пирогов С.В.* Аттрактивные механизмы развития города // Городское управление. 2013. № 3. С. 53–59.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 64–75 DOI: 10.17223/15617793/376/12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2: 81

О.Б. Панова, А.Н. Белова

ГЁТЕ И МИР ВОСТОКА: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЯХ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается «восточное» творческое наследие Гёте в контексте духовного взаимодействия культур Востока и Запада. Обосновывается, что глубокая связь поэтического творчества Гёте с восточной культурой обусловлена не только его серьёзным интересом к Востоку, но присущим ему особым миропониманием, которое является в корне «восточным» – соприродным и гармоничным Миру. Выявляется концептосфера «восточного текста» Гёте, образованная смысловым единством общекультурных мировоззренческих универсалий: Мировая Душа – Всеединство – Сотворение Мира – Любовь – Истина – Радость – Вечность – Природа – Вечная Женственность – Красота. Язык поэзии хранит «восточную» мудрость души поэта, память о древнейших откровениях Востока.

Ключевые слова: Культура; Восток; Запад; поэзия; язык; миропонимание; культурные универсалии.

Повышенное внимание к восточной культуре и восточному мировосприятию в настоящее время вызвано очевидностью значимости диалога Востока и Запада, влияние которого на дальнейшее развитие Мировой Культуры в целом и общечеловеческое мировоззрение сейчас уже не вызывает сомнений. Изначально исходящие из Вселенского Целого, Великого Всеединства Культуры и имеющие «глубокие корни общности» [1], Запад и Восток «самопознаются друг в друге» [2. С. 30], взаимообогащаясь духовно и постепенно сближаясь, следуют естественным путём мирового развития к встрече, как бы вновь возвращаясь к тому всеединому первоистоку (ведь *«Все пути ведут к Одному»*, – на века вперёд сказано в «Ицзине», китайской классической «Книге Перемен»), и потому постоянно вновь и вновь оказываются перед необходимостью диалога и поиска «общего» языка.

«Есть изменчивое, подверженное времени, и есть неизменное, не подверженное ему... Одни называют это Мировой Душой – Urseelentum, другие изначально чистой природой (*син*), Великим Единым, Дао – суть одна. В изменчивом есть неизменное, и есть истинносущее, или Истина, поисками которой занят ум человеческий на протяжении всей своей жизни. Извечный *диалог культур*, противоречия, поиски ответов на вопросы... две парадигмы: к чему устремлён Мир (*Логос*) и как он это делает (*Дао*) образуют *Целое*», – отмечает авторитетный востоковед и историк культуры Т.П. Григорьева [2. С. 40, 272−273]. Потому неизменным остаётся и взаимопритяжение культурных миров, изначально неразделимых и причастных *Единому Сердцу Вселенной*, и вечное стремление западных мыслителей, философов и поэтов приникнуть к живому Откровению Востока. Это стремление Герман Гессе, на протяжении всего творческого пути искавший вдохновения в восточной мудрости, обозначил метафорой «*паломничество в страну Востока*», имея в виду Восток как страну Духа, духовную родину: «...в высшем и подлинном смысле, это шествие в Страну Востока было не просто моё и не просто современное мне; шествие истовых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света, текло непрерывно и непрестанно, оно струилось через все столетия навстречу свету, навстречу чуду, и каждый из нас, участников, каждая из наших групп, но и всё наше воинство в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении духа к своей отчизне, к родине, к утру, к началу. Познание пронизало меня как луч, и тотчас в сердце моём проснулось слово... слово поэта Новалиса: “*Так куда идём мы? Всё туда же – домой*”... наша Страна Востока была не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляли в ней единство вневременного... наше Братство... проходит через всю мировую историю... Зороастр, Лао-Цзы, Платон, Ксенофонт, Пифагор, Альберт Великий, Новалис и Бодлер – основатели Братства и его члены» [3. С. 29–30, 36, 47]. Особый интерес в этой связи вызывает «восточное» наследие классиков Мировой Культуры, в котором запечатлены важнейшие исторические моменты процесса *духовного* взаимодействия Востока и Запада; представляется необходимым его осмысление в указанном широком контексте исследования диалога западных и восточных культур.

В истории Человечества встречались мыслители и поэты, подлинные «хранители дома Бытия», в душе которых Восток и Запад истинно едины и действительно образуют Целое. На вечном пути Запада к Востоку одним из таковых был Гёте – по сути, *классик Мировой Культуры.* Его личность, творчество и философско-поэтические искания открывают перспективы для глубоких размышлений о сокровенной духовной связи и непрерывном диалоге Запада и Востока, а интерес, проявленный к нему, – об интеллектуальных контактах европейских, русских и восточных мыслителей (среди мыслителей, несомненно испытавших серьёзное влияние Гёте и преломивших его в своих философско-культурологических концепциях, практически все значительные философы культуры). В случае Гёте оказываются сопряжёнными Разум и Сердце, временное и Вечное, единичное и Единое, индивидуальное и всеобщее, Человек и Мир, Восток и Запад, обнаруживается изначальная неделимость Целого, потому и оказывается возможной вера во Всемирную Культуру Человечества.

К Востоку Гёте сознательно обращался на протяжении всей своей долгой жизни, считая, что Восток, по-

родивший древнейшие культуры, одаривший человечество глубочайшими духовными прозрениями и великими шедеврами искусства, может многое открыть разуму и сердцу европейца, творческое соприкосновение с духом Востока способно оживить измученную потрясениями Европу. Его внимание привлекали иудейская древность, арабский Восток, Персия, Китай, Индия. Сам Гёте неоднократно подчёркивал, что его путь на Восток в стремлении соединить родное, ближайшее с далёким, казалось бы чужим – путь в глубь веков, к истокам Всечеловеческой Культуры. Его духовное «паломничество в страну Востока» – совсем не единичный случай, но вполне закономерно в русле всего эпохального философского поиска, коренным образом связанного с историко-культурным процессом, длящимся тысячелетия и на рубеже XVIII–XIX вв. отнюдь не оканчивающимся, нашедшим отклик в будущем.

Век Канта и Гёте – скорее одна из вех этого процесса, возможно, момент его наивысшего напряжения; отсюда – и чувство родственности с Грецией, в древности пребывающей в сходной ситуации философского самоопределения, и открытие за Грецией, где стихийность Диониса уравновешивалась формой Аполлона, ещё более древнего Востока с его безграничным эстетическим опытом. Этот момент особо отмечает авторитетный германист, историк культуры А.В. Михайлов в научной статье «Гёте и поэзия Востока», одной из немногих в русской гётеане работ, всесторонне освещающих восприятие восточной культуры великим немцем. Исследователь говорит об «осевом времени» (в смысле, заложенном в это понятие К. Ясперсом [4. С. 29–99]), времени вхождения Человечества в пограничную ситуацию, возникновения культурной саморефлексии Человека, начала Всемирной истории, о всегда открытой возможности истории – движении Человечества к «новому осевому времени», эпохе Единой Всемирной Культуры, подлинного Единства Человечества на основе универсальных духовных ценностей, выработанных народами великих культур древности: «...история культуры как существенная традиция определяется для него (Гёте) *осью*, соединяющей классическую древность с современностью... Античность – современность: вот *ось традиции*, вокруг которой собирается и накапливается всё культурно-ценное. Это европейская культура в самом широком смысле, культура, предопределённая классическим идеалом Античности. Современный европеец для Гёте – наследник традиции; Античность – её смысловое, определяющее ядро... Это время, рубеж XVIII–XIX веков, чувствует свою внутреннюю связь с Грецией, – и такая связь не случайна, не поверхностное сопоставление и не игра в древность с подражанием её формам и их воспроизведением, но существенно определившееся сходство начал и концов известного – впрочем, громадного по временному диапазону – исторического периода. В Греции мыслители новой эпохи узнают начало того, что теперь, в настоящем, подходит к концу; устремление к Греции – это устремление к своим истокам, к истокам своей, современной культуры, смыкающейся с греческой древностью так, как смыкаются начала и концы одного процесса, устремление к исконности, поиски самого исконного, изначального... За Грецией, с её классической гармонией и идеальностью... открывался *Восток и целая стихия восточного*, не обузданного ещё греческой мерой... Гёте в своих востоковедческих интересах поддерживается громадным, нерастраченным порывом истории к своему самопознанию. Вот почему так естественно предположить *углубленность связей Гёте с Востоком, – они не поверхностны... они глубоки и в эту эпоху, кризисную и поворотную, заданы самой историей, служат элементами её языка*... Гётевский синтез живёт напряжённостью между культурами, между культурными кругами, между Западом и Востоком... Восток Гёте – Восток глубокой тяги к исконным смыслам культурной истории, Восток как конкретная историческая реальность, разыскиваемая в субстанциальности своего бытия, Восток как “незнакомое” начало, подсказываемое развитием собственного гётевского творчества, – *языка тысячелетней европейской культуры, наконец*» [5. С. 623−624, 636−637, 643].

Однако глубокая генетическая связь поэтического мира Гёте с миром Востока обусловлена не только этим серьёзным интересом к восточной культуре, проявлявшимся у него на протяжении всего творческого пути. *Уникальность* Гёте, его принципиальное отличие от других западноевропейских мыслителей, особенно философов «классического» направления философствования, в том, что ему свойственно *прирождённое* «*восточное*» поэтическое мировосприятие. Подобно *восточному мудрецу* [6], он наделён интуицией *сродства*, его душа вмещает в себя Вселенную, ибо изначально единородна Мировой Душе.

Миропонимание Гёте, в истоке которого – не принцип «мир есть моё представление», но принцип *«мир есть моя любовь»*, неоднократно оказывалось в центре исследовательского внимания историков и философов культуры, единодушно считавших его не просто близким Востоку, но в корне «*восточным*» – *соприродным и гармоничным* Миру.

В работе о различных типах мировоззрения и возможных на их основе вариантах метафизических систем Вильгельм Дильтей подвергает исследованию историю метафизики, которая с древнейших времён была и остаётся учением о мировом бытии как целом и попыткой постижения природы (тайны) вселенского единства. Философ, наделённый жизненной мудростью, выявляет ведущий, в его понимании, тип мировоззрения, дающий метафизическое откровение, который называет *объективным идеализмом*. Объективный идеализм предполагает не фатальный разрыв между Я, самодостаточным Ego и действительностью, не противопоставленность Гносеологического субъекта Миру и установление истины в субъективном смысле точного совпадения представлений с познаваемым предметом, но её обретение в объективном смысле посредством эстетического созерцания проявления Божественной воли в вечно творимом мире и поэтического переживания абсолютной полноты Бытия, вселенской гармонии. Гёте, естественно следовавшего древнейшей философской традиции (философия жизни) в русле общего «восточного» течения в интеллектуальной истории Запада, Дильтей относит к мыслителям именно такого типа мировоззрения (таковыми философ считает также Гераклита, Джордано Бруно, Лейбница,

Спинозу, Шефтсбери, Гердера, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Шлейермахера). В основе их «метафизического творчества» – особый отличительный принцип. «Это – принцип *единосущности всех частей Вселенной с божественным основанием и между собой*. Он соответствует настроению мировой симпатии, познающей в действительном, пространственно ограниченном повсеместное присутствие Божества... Благодаря расширению, растворению нашего Я в универсальной симпатии мы наполняем всю действительность ценностями, переживаемыми нами, действиями, выражающими нашу сущность, верховными идеалами истины, добра и красоты. Мы находим в действительности отголосок тех настроений, которые она в нас пробуждает. И по мере того как наше *чувство жизни* расширяется до сознания единосущности со всеми явлениями действительности, повышается *радость жизни*... При такой настроенности души индивидуум сознаёт *свою связь с божественным всеединством вещей*, *чувствует себя родным всему включённому в это единство*. Никто не выразил это настроение так ярко, как Гёте» [7. С. 251–253].

Метафизические искания Дильтея и его выводы относительно истории метафизики наводят на размышления о «восточном» и «западном» вариантах онтологии (в истории отечественной философии им даны названия «классическая» и «неклассическая») в широком историко-философском контексте. Георг Зиммель, философ жизни, наиболее удачно осуществивший замысел подлинной биографии Гёте в подробном и всестороннем философском исследовании, посвящённом творческой личности гения, сосредоточенный на «идее Гёте» в Культуре, на выявлении «чистого смысла» бытия Гёте в истории Человечества («*каков духовный смысл существования Гете вообще?*»), попытался понять *Urphänomen Гете*, давший сильнейший импульс развитию философии жизни и философскому постижению Культуры и далее проявившийся в самых значительных философско-культурологических концепциях. На примере способов мышления и видения Мира Канта и Гёте философ рассматривает два вида онтологий: *восточную* и *западную*. Канта, противопоставившего Миру Чистое Сознание, Трансцендентальное Ego, Гносеологический субъект, полностью отвлечённый от Мира и пребывающий в позиции надмирности, властно формирующий Мир в соответствии с законами строгой логики, он относит к чисто *западному* типу человека, с присущим ему миро*воззрением.* Гёте, напротив, – к *восточному*, которому глубоко свойственно бытие-в-Мире, единение с Природой, восприятие себя как неотъемлемой части Вселенной-Целого – миро*восприятие* [8. С. 242, 340, 219].

То, что Гёте – *поэт*, принципиально важно в обозначенном контексте размышлений, если понимать *Поэзию* не в узком смысле этого слова, как создание стихов, мастерство стихосложения, но в более глубоком – как древнейшее ποίησις, само Творчество, универсальное Миротворческое начало, созидающее Вселенную, ту живую творческую стихию, которая в Древнем Мире дала возможность возникновения всех культурных практик: мифологии, религии, искусства, философии, науки, изначально пребывающих в единокровной связи в «доме» Мнемозины, Памяти. «*Всем поэтам принадлежит учение о вечном Востоке*. Тебя я называю вместо всех других», – пишет Ф. Шлегель Новалису [9. Т. 1. С. 364], имея в виду именно поэтическое мировосприятие и причастность поэта высшим сферам Духа, духовному началу Вселенной.

Гёте, несомненно, находился в самом центре лингвофилософских исканий своей эпохи, оставившей эпохам грядущим завет, что «Поэзия впервые делает язык возможным», и потому «сущность Языка должна пониматься из сущности поэзии» [10. С. 81–91]. Его «восточные» художественные откровения явились поэтическим ответом на эпохальное философское вопрошание о природе и сущности Языка. Открытие глубоко духовной природы Языка смогло состояться только в результате привлечения всех интеллектуальных сил эпохи: плодотворного контакта трансцендентальной философии Канта, философии абсолютного духа Гегеля, философии откровения и философии искусства Шеллинга, эстетических концепций европейских романтиков, философии истории Гердера, философии языка и культуры В. фон Гумбольдта и – эстетики и поэзии Гёте. В суть этого открытия и эпохального философского завещания наиболее глубоко сумел проникнуть, видимо, Г.-Г. Гадамер: «Понятию *Духа*, выходящему за пределы субъективности ego, *имеется действительное соответствие. Это явление Языка*» [11. С. 26].

Эпоха Гёте действительно смогла соотнести становление *Духа* (Гегель) с развитием *Языка* (Гумбольдт), увидев истоки и корни этого в глубинной мифологической *Памяти* (Шеллинг). В работе «Философия языка и слова» Ф. Шлегеля читаем: «Что касается происхождения, а именно реального исторического происхождения не языка вообще, а отдельных... языков, особенно тех, которые... могут считаться *праязыками*, то главный момент для правильного взгляда на них состоит в том, что мы должны объяснять их самих и их возникновение и первоначальное формирование не из смешения... но представлять их как *созидание в целом*, подобно тому, например, как и теперь ещё *поэтическое творение* или любое другое истинное произведение искусства возникает *из идеи целого*... Следовательно, *не отдельными частями*, *но из всей полноты внутреннего мира и живого сознания возник и возникает Язык*, *одним разом как единое создание в целом*... И *Язык вообще как нить воспоминания и традиции*, *соединяющая все народы друг с другом в их последовательности*, *это как бы общая память и великий орган воспоминания всего человеческого рода*» [9. Т. 2. С. 363–364]. Язык рассматривается им как хранитель памяти Культуры, сосредоточивший в себе всю мудрость истории Человечества. Язык – дар не отдельным людям, но целым народам, этносам, культурам – *Человечеству* в целом. Язык превосходит нас, теряясь в глубоком прошлом и уходя в будущее, он – нить, связывающая отдалённые исторические эпохи и поколения, предков и их духовных наследников, пророков, наставников и учеников; он – всеобщая память Человечества и перспектива возвращения к истокам. Язык – скрещение времён и судеб, *предание и пророчество*, хранитель мудрости глубокой старины, память минувшего и пред*сказа*ние будущего, всеохватность течения *истории* человеческого рода и утверждение её *сверхи-*

сторического смысла. В наибольшей степени свидетельствует об этом язык искусства и поэзия. Поэзия, согласно Канту (и в этом, так или иначе, сходятся авторы всех классических эстетик), является высшим видом искусства, способна эстетически возвышаться до идей [12. С. 344–345]. Однако Шлегель гораздо глубже проникает в историю Языка. Размышляя в той же работе о сущности поэзии, он, упоминая Платона, говорит о *томлении* (*Sehnsucht*) – *грусти* человеческой души по своей небесной родине, миру вечных божественных идей, идеальных образов, нетленных сущностей, *тоске* сердца по божественному первоистоку Жизни, *ностальгии* по источнику вечной Жизни, невыразимой Красоты, незыблемой Истины, чистой божественной Любви. И именно эту *ностальгию*, имеющую глубокие сверхсознательные корни, мыслитель считает истоком творческого вдохновения, причиной возникновения поэзии, сердцевиной искусства. «*Воспоминание вечной любви* в том, что касается его влияния на искусство, хотя и представляет собой лишь единое чувство, или единую врождённую идею... однако *его воздействие может быть всеобщим и простираться на всю область сознания в целом*. Все прочие чувства внутреннего человека, все мысли, представления и идеи мыслителя, или все образы, картины, идеалы художника, погружённые в это *единое чувство вечной любви*, как в море или поток высшей жизни, духовно преображаются и возвышаются или превращаются в чистую красоту и совершенство... *поэзию вообще можно было бы назвать трансцендентальным воспоминанием вечного в человеческом духе...*» [9. Т. 2. С. 367–368]. Язык, храня духовную память, сам как таковой является Поэзией и от природы наделён творческой способностью восхождения к высшему совершенству.

Из письма Гёте Вильгельму фон Гумбольдту, Веймар, 24 декабря 1821 г.: «…чрезвычайно удачно… Вы указываете, что *язык*… может и должен в себе и посредством себя *выразить, определить и расширить всё человеческое от глубин его до вершины*. Указав на это, Вы, мой дорогой, поставили передо мной зеркало, в котором я в конце моего пути вижу, что я *в качестве поэта...* дал, и что должен был дать» [13. С. 463]. В чём состоит призвание и предназначение поэта? О ком бы из поэтов-романтиков той эпохи столетия спустя ни говорил М. Хайдеггер (Гёльдерлине, Новалисе, Гёте, да и о своих современниках тоже – С. Георге, Г. Тракле, Р.-М. Рильке), близких ему и *воплощающих* с его точки зрения, существенное самой сущности Поэзии (значит, самого Языка в его сути), он говорит о *вестниках* богов, интуитивно чувствующих божественное присутствие в слове, божественную полноту и совершенство Языка. В комментариях к элегии современника и соотечественника Гёте Гёльдерлина он пишет: «Элегия “Возвращение на родину” – это не стихотворение о возвращении на родину, но *в качестве явления поэзии, каковым она является, эта элегия есть само возвращение к родине*, которое всё ещё происходит, пока элегическое слово звучит в языке немцев… *Возвращение на родину есть возврат в близость к источнику*… Призвание поэта – такое возвращение на Родину, которое впервые готовит Родину как страну близости к источнику… *«Творение стихов – невиннейшее из творений»* (Гёльдерлин)… *Язык – поле «невиннейшего из творений»...* «Полон заслуг, однако *поэтически* жительствует человек на этой земле» (Гёльдерлин)... Оно (человеческое бытие) *в основе своей поэтическое*. Но мы теперь понимаем поэзию как учреждающее именование богов и сущности вещей. *«Проживать поэтически» значит пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей...* Это означает, что оно как учреждённое (основанное) – не заслуга, а дар… *Творение стихов есть изначальное именование богов*. Но поэтическое слово лишь тогда наделяется его именующей мощью, когда боги сами приводят нас к языку... Поэт не только именует богов, но именованием возводит все вещи в то, что они суть... сущее этим именованием впервые словополагается в то, что оно есть... *Поэзия – это несущая основа истории* и потому также – не только некое культурное явление и уж тем более не просто “выражение некой души культуры”... *Поэзия есть словесное учреждение бытия... Поэзия никоим образом не воспринимает язык в качестве какого-то наличного материала, а сама впервые делает язык возможным...* Святое дарит слово, и само приходит в этом слове. И это слово есть происшествие святого… *Слово Гёльдерлина высказывает святое и тем самым именует неповторимое пространство-время начального решения о структуре сущности будущей истории богов и человечеств*» [10. С. 45–55, 81–91].

Хайдеггер говорит здесь об избранных *небожителях земли* – тех, кто истинно «поэтически жительствует на этой земле», т.е. пребывает в непосредственной близости к богам и причастен сокровенной сути вещей, тех хранителях «дома Бытия», берегущих предание небесных орфических глаголов. Только они способны уловить след временами ускользающего Логоса и всегда – в ожидании благо*Слов*ения, «благой вести», возвращения богов, ведь боги не покидают Мир, просто иногда отдаляются. Именование, то есть утверждение бытия словом и в слове – их призвание. С каждым наивным, чистым словом поэтов в Мир приходит священное, божественное, вечное, прекрасное, доброе, подлинное.

Иначе говоря: устами «невинных младенцев» глаголет Истина. Поэты *именуют богов*, и вся поэзия как таковая – именование *богов*. Помнится, и Сократ у Платона в «Кратиле», тысячелетия тому назад пытаясь постичь сущность Языка, рассуждал *именно* об *именовании богов*. Именовать *богов* – что это значит? Речь здесь идёт о Языке как о таком изначальном *очеловечивании* сущего, когда человек, конечное существо, сознавая свою бесконечную, богоподобную сущность, постигая свою возвышенную, абсолютную, подлинную природу, обретает в Языке божественное откровение о себе и Мире. Древние представляли богов реальным воплощением любви, потому что сами глубоко любили Мир, придавали богам качества мудрости, справедливости, доброты, смелости, потому что мудрость, справедливость, доброту, смелость считали высшими человеческими достоинствами. Язык, чистейшая поэзия, *невиннейшее из творений* – сотворение и свершение, *совершенствование* Мира. Язык – поэтическая мудрость Жизни, в его памяти хранятся сокровенные имена самих сущностей вещей, он сам посредством поэтов способен именовать богов, очеловечивая Мир. Чистое

вестничество в истории Человечества вверено поэтам. Им навсегда доверен и дарован «совершенный» язык – поэзия, высшее из искусств. Совершенный – в смысле пророчения Истины, потому поэты, призванные хранители Языка, «дома Бытия», – истинные «вестники богов», «вестники божественного присутствия в слове». Язык поэзии совершенен, ибо являет высшую возможность Языка как такового, и его подлинное предназначение – сохранить и донести Истину, сберечь Откровение Бытия. Это хорошо понимал Гёте, об этом он и написал Гумбольдту.

Гадамер, в этой связи, говорил о «*возвышенных текстах»*, наследующих традицию древних священных книг Человечества; *возвышенных* в смысле их *поэтичности* как высшей формы существования Языка, особой целостности их природы – текстуры, сплошь сотканной мифопоэтической символикой [14. С. 276–279]. Их непревзойдённые образцы – «Божественная комедия» Данте, «Гамлет» Шекспира, «Потерянный рай» Мильтона, «Фауст» Гёте – поэмы-воспоминания о «потерянном рае», говорящие языком поэзии – языком откровения. К таким возвышенным текстам можно отнести и «восточное» наследие Гёте – единый «восточный» текст, который составляют поэтические циклы *«West-Östlicher Divan» / «Западно-восточный диван», «Gott und Welt» / «Бог и Мир», «Chinesisch-deutsche Jahres und Tageszeiten» / «Китайско-немецкие времена года и дня»* и прозаические произведения *«Израиль в пустыне», «Персы», «Арабы»*. Весь он в совокупности выражает суть его эстетики, является призывом к постижению Великого Всеединства, мировой взаимосвязи и той глубокой Духовности, которой исполнена Вселенная.

Язык древнее человека и при этом присущ человеку: он принадлежит одновременно Вечности Логоса и Истории, Времени, он – нить, связывающая «время богов» и «время людей». Язык *временится* как само Бытие, если исходить из гераклитовой версии онтологии, предполагающей понимание Бытия как Жизни, означающей универсальную всеобъемлющую взаимосвязь всего и вся – Живое Всеединство Вселенной. Соответственно ему присуща текучесть, динамичность, нестабильность, но одновременно способность превосходить все эмпирические измерения времени; он – надвременная реальность. Язык придаёт всему ценность, наделяет значением, вносит смысл – вводит Мир в аксиологическое измерение. Язык устанавливает смысловые вертикали и уходит в неведомую глубину, проникая в самую суть вещей, сопрягая Всеобщее с индивидуально-неповторимым, уникальным, особенным, Единое с единичным, Абсолютное с относительным, Вечное с временным, Всемирное с человеческим. Язык, единство движения и покоя, наделён способностью «остановить мгновение» (в гётевском смысле) и извлечь Вечное из безнадёжно ускользающего, преходящего, текучего, изменчивого. В поэтической памяти Языка навеки сохранено духовное наследие Великой Древности: «имена богов» запечатлены в архетипах, знаках, символах, культурных универсалиях, или, как всё чаще говорят сейчас, концептах.

Согласно авторитетному историку культуры Д.С. Лихачеву, под концептом следует понимать «универсалию человеческого сознания», границы которой «в сознании субъекта определяются культурной памятью, причастностью к духовной традиции» [15. С. 282]. На этот момент обращает внимание и наш современник – академик В.С. Стёпин: «В глубинных основаниях культуры можно выделить базисные ценности, фундаментальные жизненные смыслы… Это те смыслы, которые мы вкладываем в понимание человека, природы, пространства и времени, истины, красоты, свободы, справедливости, добра и зла, совести, долга. Эти категориальные структуры именуются по-разному: категориями культуры, идеями, концептами. Я называю их *мировоззренческими универсалиями*… Смыслы мировоззренческих универсалий определяют не только рациональное осмысление, но и переживание человеком мира» [16. С. 6].

Гёте переживает Вселенское Всеединство Человечества как глубоко личное в подлинном смысле, т.е. – интимное, сокровенное, и Язык Поэзии хранит «восточную» мудрость души поэта, память о древнейших откровениях Востока. Концептосфера его «восточного» наследия образована смысловым единством *концептуальных универсалий*: *Weltseele (Мировая Душа), Einheit von allen (Всеединство), Schaffung der Welt (Сотворение Мира), Liebe (Любовь), Wahrheit (Истина), Freude (Радость), Ewigkeit (Вечность), Natur (Природа), Ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность), Schönheit (Красота)*. И это, по сути, общекультурные мировоззренческие универсалии, аккумулирующие весь исторически накопленный с древнейших времён духовный опыт Человечества в целом, обращающие человеческое сознание к праначалу, *универсалии Всемирной Культуры*, исток и родина которой – Душа Востока [17].

«West-Östlicher Divan» / «Западно-восточный диван» задумывался Гёте как «паломничество» европейского поэта на Восток, чтобы приобщиться к духовным откровениям древних культур и начать для себя новый круг «поэтического» летоисчисления. Сборник открывает стихотворение *«Hegire» / «Гиджра»* (само слово «гиджра» означает бегство Магомета, положившее начало магометанскому летоисчислению). «Nord und West und Süd zersplittern, / Throne bersten, Reiche zittern, / Flüchte du, im reinen Osten / Patriarchenluft zu kosten, / Unter Lieben, Trinken, Singen / Soll dich Chisers Quell verjüngen. / Dort, im Reinen und im Rechten, / Will ich menschlichen Geschlechten/ In des Ursprungs Tiefe dringen, / Wo sie noch von Gott empfingen... / Himmelslehr' in Erdesprachen / Und sich nicht den Kopf zerbrachen» [18. Bd. 2. S. 7]. «Север, Запад, Юг в развале / Пали троны, царства пали. / На Восток отправься дальний / Воздух пить патриархальный, / В край вина, любви и песни, / К новой жизни там воскресни. / Там, наставленный пророком, / Возвратись душой к истокам, / В мир, где ясным, мудрым слогом / Смертный вёл беседу с Богом, / Обретал без мук, без боли / Свет небес в земном глаголе». В первой его строке употребляется глагол *zersplittern* – дробить, раскалывать, несущий смысл разделения всего Мира на отдельные части, утрату *Целого* в западноевропейском мировоззрении и отчуждения Человека, покинувшего «дом» Вселенной. Призыв к пути на Восток, напротив, означает стремление к *Всеединству*, к истоку, праначалу Всемирной Культуры, к «первоглаголу» –

Божественному Откровению. Дословный перевод *«im reinen Osten»* – «на чистый Восток», «*im Reinen und im Rechten»* – «к Чистому и Правильному», т.е. в ту страну, где жива связь с Прошлым, с Прапамятью, где хранима *Истина* (*Wahrheit*). Слово *Ursprungs* имеет значение *начало, происхождение, истоки, корни*. Строка «*In des Ursprungs Tiefe dringen» / »Возвратись душой к истокам»* буквально звучит *«Проникни в первоначальную глубину»*, т.е. вернись в лоно *Мировой Души (Weltseele)*, к исходному *Всеединству (Einheit von allen),*чтобы омолодиться, обновиться, воскреснуть к новой жизни – *sich verjüngen*.

Изначальная неразрывность, неделимость Востока и Запада, в равной степени при*част*ных *Единому Целому, Великому Всеединству*, характерна для каждого стихотворения этого поэтического цикла, как, впрочем, и всего творческого наследия Гёте в целом. В стихотворении «Talismane» / «Талисманы» Гёте провозглашает, что Восток и Запад в равной мере принадлежат Богу как Его равновеликие творения. «Gottes ist der Orient! / Gottes ist der Okzident! / Nord und südliches Gelände / Ruht im Friedeeen seiner Hände» [18. Bd. 2. S. 10]. «Богом создан был Восток, / Запад тоже создал Бог. / Север, Юг и все широты / Славят рук Его щедроты».

В стихотворении *«Freisinn» / «Свободомыслие»* очевидна коренная взаимосвязь Вселенной и Человека как её неотъемлемой частицы и потребность каждого из живущих в полноте Миро-восприятия для обретения внутренней гармонии. «Er hat euch die Gestirne gesetzt / Als Leiter zu Land und See, / Damit ihr euch daran ergetzt, / Stets blickend in die Höh» [18. Bd. 2. S. 9]. «Велел Он звёздам, чтоб зажглись, – / Да светят нам в пути. / Смотри же неотрывно ввысь, / Чтоб радость обрести». Gestirne – Созвездия, небесные светила здесь символизируют свет в ночи, указывающий Человеку истинный путь для обретения счастья, умиротворения, радости. Показательно, что Гёте употребляет именно слово *Gestirne / Со-звездия*, а не Sterne / Звёзды, что усиливает смысл всеединящего начала Вселенной – мировую волю к Всеединству. Культурная универсалия *Einheit von allen (Всеединство)* – ядро концептосферы «восточной» поэзии Гёте, единокровное родство всея и всё в Миро-творении – основа «восточного» мироощущения, свойственного и Гёте.

В стихотворении *«Wiederfinden» / «Воссоединение»* воссоединение Мира осуществляется посредством *Любви*, оживляющей раздробленный Мир, сближающей его разные полюса, вселяющей в его Сердце надежду. «Stumm war alles, still und öde, / Einsamm Gott zum erstenmal! / Da erschuf er Morgenröte, / Die erbarmte sich der Qual; / Sie entwickelte dem Trüben / Ein erklingend Farbenspiel, / Und nun konnte wieder lieben / Was erst auseinander fiel» [18. Bd. 2. S. 83]. «Стало всё немой пустыней, / Бог впервые одинок. / Тут он создал купол синий, / Расцветил зарёй Восток. / Утро скорбных оживило, / Буйством красок всё зажглось, / И любовь одушевила / Всё стремившееся врозь». Причиной сотворения Мира, согласно Гёте, является *одиночество Бога*, истоки Миро-творения – на Востоке, в краю, где восходит Солнце, и первое, что создаёт Творец, – Morgenröte, утренняя заря. Wiederfinden – буквально: Воссоединение отдельных частей с Целым.

Любви, без которой невозможна истинная целостность Мира и поэтическое мировосприятие, посвящены многие стихотворения «Западно-восточного дивана»: «Musterbilder» / «Образцы», «Noch ein Paar» / «Ещё одна пара», «Unvermeidlich» / «Неизбежное», «Geheimes» / «Сокровенное», «Geheimstes» / «Самое сокровенное».

Стихотворение *«Erschaffen und Beleben» / «Сотворение и одухотворение»* посвящено важнейшему творческому акту Бога – сотворению Человека. «Hans Adam war ein Erdenkloβ, / Den Gott zum Menschen machte, / Doch bracht er aus der Mutter Schoβ / Noch vieles Ungeschlachte» [18. Bd. 2. S. 12–13]. «Адама вылепил Господь / Из глины, сделав чудо! / Была земля, а стала плоть – / Бездушная покуда». Слово *Erdenkloβ* буквально означает *глыба, ком земли* и несёт глубокий смысл: Человек произошёл из недр Матери-Природы и не является совершенным созданием, ему ещё предстоит *со*-творение и самостоятельный поиск Истины. Словосочетание «aus der Mutter Schoβ» дословно можно перевести «из материнских недр, лона Природы». Концепт *Natur (Природа)* является здесь ведущим и даёт следующие смысловые оттенки: *Мать, Храм Творца Вселенной* («Zu unsres Schöpfers Tempel»), Душа Мира *(Weltseele)*.

Сотворение, осуществляемое силами Природы, не единократный акт, но длится, всё живое происходит из недр Земли и уходит затем обратно, но не становится прахом, а сохраняется в *вечном* круговороте творения. Гёте подразумевает движение к началу, праистоку, вечное обновление жизни; каждая частица Мира пребывает в вечном круговороте Природы и принимает жизнь от Мировой Души. «Ob ich Ird'sches denk und sinne, / Das gereicht zu höherem Gewinne. / Mit dem Staube nicht der Geist zerstoben, / Dringet, in sich selbst gedrängt, nach oben» [18. Bd. 2. S. 10]. «Пусть я предан весь земному, / Это путь к великому, святому. / Дух – не пыль, он в прах не распадётся / Став собой самим, он к небу рвётся». Концептуальная универсалия *Weltseele (Мировая Душа)* образует в данном фрагменте цикла смысловое поле, включающее следующие компоненты:

1. *Ewiger Geist* (Вечный Дух). Духу не суждено превратиться в пыль и прах, ибо он постоянно пребывает в движении и *вечен* во Вселенной. Таким образом, подтверждается главная мысль Гёте – о Вечности (*Ewigkeit*) мирового жизнетворческого процесса, в котором рождение и смерть, сменяя друг друга, создают постоянное обновление Мира. Концепт *Ewigkeit (Вечность)* также заложен в стихотворение «Im Gegenwärtigen Vergangenes» / «В настоящем – прошлое», где утверждается неразрывная связь времён, Вечность как постоянство Бытия.

2. *Kraft* (Сила). Это воля, стремление наверх – к Небу. Природа, душа Мира здесь – всеобъемлющее волевое начало, способствующее осуществлению пути Человека к великому, святому, дословно: к высоким победам.

В 1797 г. Гёте делает набросок историософской работы *«Israel in der Wüste» / «Израиль в пустыне»*, в которой подвергает глубокому осмыслению Моисеево «Пятикнижие». Позже эта работа будет включена им в состав прозы «Западно-восточного дивана». Внимание привлекает следующий её фрагмент: «In dem traurigsten

Zustande, in welchem ein trefficher Mann sich nur befinden mag, der, nicht zum Denken und Überlegen geboren, bloβ nach Tat strebt, sehen wir ihn einsam in der Wüste, stets im Geiste beschäftigt mit den Schicksalen seines Volks, immer zu dem Gott seiner Ahnherren gewendet, ängstlich die Verbannung fühlend...» [18. Bd. 2. S. 211]. «В наиболее трагичном состоянии, в котором прекрасный человек только и любит находиться, рождённый не для раздумий, он стремится лишь к делу, мы видим его одиноким в пустыне, постоянно занятым в душе судьбами своего народа, всегда устремленным к Богу своих предков, боязливо чувствующим изгнание...». Метафора «одиночество в пустыне» раскрывает суть «восточного» мировосприятия – это созерцательное *одиночество Человека*, готовящее восхождение его души к Всеединству Вселенной, к Божественному первоистоку. Слияние двух «одиноких» воль – божественной и человеческой – во взаимной любви подтверждает неразрывную взаимосвязь всего во Вселенной.

«Западно-восточный диван» в целом – это выражение философии жизнетворчества Гёте, в истоке миропонимания которого лежит «единосущность»: сверхвременное единство прошлого-настоящего-будущего, кровное родство Запада и Востока, Человека и Бога во Вселенной. Каждое стихотворение цикла проникнуто любовью и «теплом» родственной связи с Природой, является своеобразным призывом к постижению истинной Красоты Миро-творения.

Смысловым центром, ядром «восточного» текста Гёте является поэтический цикл *«Gott und Welt» / «Бог и Мир»*, хронологически относящийся к позднему периоду творчества и вбирающий все сердечные переживания и духовные искания поэта на пути восприятия и постижения мудрости Откровения Востока. Его открывает стихотворение *«Proœmion»* (от греч. «Вступление»), где речь идёт о сотворении Мира, в истоке которого – *Liebe (Любовь), Vertrauen (Доверие), Tätigkeit (Действие)* и *Kraft (Сила)*. «Im Namen dessen, der Sich selbst erschuft! / Von Ewigkeit in schaffendem Beruf; / In Seinem Namen, der den Glauben schafft, / Vertrauen, Liebe, Tätigkeit und Kraft; / In Jenes Namen der, so oft genannt, / Dem Wesen nach blieb immer unbekannt: / So weit das Ohr, so weit das Auge reicht, / Du findest nur Bekanntes, das Ihm gleicht, / Und deines Geistes höchster Feuerflug / Hat schon am Gleichnis, hat am Bild genug; / Es zieht dich an, es reiβt dich heiter fort, / Und wo du wandelst, schmückt sich Weg und Ort; / Du zählst nicht mehr, berechnest keine Zeit, / Und jeder Schritt ist Unermeβlichkeit» [18. Bd. 1. S. 357]. «Того во имя, кто зачал себя, / В предвечности свой жребий возлюбя; / Его во имя, кто в сердца вселил / Любовь, доверье, преизбыток сил; / Во имя часто зованного здесь, / Но – в существе – неясного и днесь: / Докуда слух, докуда глаз достиг, / Лишь сходное отображает лик, / И пусть твой дух как пламя вознесён, / Подобьями довольствуется он; / Они влекут, они его дивят, / Куда ни ступишь – расцветает сад. / Забыты числа и утрачен срок, / И каждый шаг как вечности поток».

Миро-творение бесконечно длится под воздействием Духа Любви, понимание этого объединяет культуры всех народов. Ссылаясь на Гёте, М. Шелер говорил об a priori предустановленном в Мире порядке Любви, порядке Сердца: *«“В мире тихом осмотрись, лишь любовь уносит ввысь” (Гёте)…* Любовь всегда пробуждает к познанию и волению, более того, *любовь – матерь самого духа и разума… это Единое есть вселюбящий, а потому также и всепознающий и всеволящий Бог* – личностный центр мира как Космоса и целого. Цели и сущностные идеи всех вещей вечно предлюбимы, предмыслены в Нём... Есть *ordre du coeur*, *mathematique du coeur*, *logique du coeur*, которая столь же строга, столь же объективна, абсолютна и непреложна, как правила и выводы дедуктивной логики. У сердца в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствованной им из логики рассудка. В него… вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как *ценностный мир»* [19. С. 351–353, 358–359]. *Ewigkeit (Вечность)* в языке Гёте передана глаголами *zählen / считать* и *berechnen / исчислять* с отрицаниями *nicht* и *keine*, несущими смысл бесконечного течения времени, граничащего с его полным отсутствием / keine Zeit, его неизмеримости. Культурная универсалия *Liebe (Любовь)*, сохранившаяся в памяти Культуры Человечества, находит в поэзии Гёте языковое выражение посредством разных смысловых оттенков: гармония, цветущий сад, вечности поток – всё это Liebe, Любовь.

Дух Любви у Гёте сравнивается с жизнетворческим, вечно действующим динамичным началом, Огнём, полётом пламени в «гераклитовском» и ещё более древнем, древневосточном смысле («Единственная вещь, которая никогда не изменится, – постоянная изменчивость всего» – «Книга Перемен»). Миро-творение немыслимо без обновления, изменчивости и бесконечного оживления, вечной динамики Жизни и непрерывно творящей силы Любви. «Wenn im Unendlichen dasselbe / Sich wiederholend ewig flieβt, / Das tausendfältige Gewölbe / Sich kräftig ineinander schlieβt, / Strömt Lebenslust aus allen Dingen, / Dem kleinsten wie dem gröβten Stern, / Und alles Drängen, alles Ringen / Ist ewige Ruh in Gott dem Herrn» [18. Bd. 1. S. 367]. «Когда в Бескрайнем, повторяясь, / Течёт поток извечных вод / И тысячи опор, смыкаясь, / Дают единый мощный свод, / Тогда, струясь из каждой вещи, / Жизнь полнит светлый кубок свой, / И всё, что рвётся, всё, что хлещет, / Есть вечный в Господе покой». Это стихотворение О. Шпенглер избрал в качестве эпиграфа к своей великой книге «Закат Европы». Именно метод Гёте как подлинно исторический, основанный на *поэтическом переживании*, художественной интуиции, лирическом чувстве *благоговения* перед божественной тайной Миротворения, мыслитель избрал для выполнения поставленной им перед собой глобальной задачи постижения Gestalt'a Всемирной Культуры Человечества и создания концепции *«морфологии всемирной истории, мира-как-истории, которая... охватывает все лики и движения Мира в их глубочайшем и последнем значении... не в общей картине всего познанного, а в картине жизни, не в ставшем, а в становлении»* [20. С. 123, 131].

Две универсалии, закреплённые в общекультурной памяти, – *Weltseele (Мировая Душа)* и *Einheit von allen (Всеединство)* – образуют ядро концептосферы цикла *«Gott und Welt» / «Бог и Мир»* и поэтического мира Гёте в целом, являя суть его «восточной» онтологии.

Наибольшего выражения это достигает в стихотворении *«Weltseele» / «Мировая Душа»*. «Verteilet euch nach allen Regionen / Von diesem heil'gen Schmaus! / Begeistert reiβt euch durch die nächsten Zonen / Ins All und füllt es aus! / Ihr greifet rasch nach ungeformten Erden / Und wirket schöpf'risch jung, / Daβ sie belebt undstets belebter werden / Im abgemeβnen Schwung. / Nun alles sich mit göttlichem Erkühnen / Zu übertreffen strebt; / Das Wasser will, das unfruchtbare, grünen, / Und jedes Stäubchen lebt. / Und bald verlischt ein unbegrenztes Streben / Im sel'gen Wechselblick. / Und so empfangt mit Dank das schönste Leben / Vom All ins All zurück» [18. Bd. 1. S. 248–249]. «Рассейтесь вы везде под небосводом, / Святой покинув пир, / Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам, / И наполняйте мир! / К бесформенным образованьям льнёте, / Играя и творя, / Всё сущее в размеренном полёте / Навек животворя. / И рвётся всё в божественной отваге / Себя перерасти; / В пылинке – жизнь, и зыбь бесплодной влаги / Готова зацвести. / И гасит пламя безграничной жажды / Любви взаимной взгляд. / Пусть жизнь от Целого приемлет каждый / И вновь – к нему назад». В данном стихотворении цикла заключена сокровенная мысль Гёте о *Всеединстве Мира в многообразии всех его уникальных единичных проявлений,* одновременно всегда возможной опасности его разделения или рассеивания на части, отдельные регионы, различные страны и континенты и постоянном стремлении к воссоединению Целого, неизбежном восстановлении исходной мировой гармонии, ведь Душа Мира бессмертна и исполнена любви. Для строки «Begeistert reiβt euch durch die nächsten Zonen...» возможен перевод «В воодушевлении прорывайтесь во Вселенную...» – это призыв Гёте к человеческим душам. Совершенствуясь, «возрастая» духовно, душа каждого присоединяется к Мировой Душе, изначально являясь её неотъемлемой частью. Концептуальная универсалия Мировой Культуры *Weltseele* имеет значения наличия всеобщей, Единой Души Мира, истинного Всеединства всего живого в Мире, ведь Мир создан и одухотворён Творцом как Целое. Мир устроен так, что каждая пылинка (jedes Stäubchen) в нём оживает, принимая жизнь от Целого, чтобы затем дать жизнь растениям.

Два последующих стихотворения цикла *«Eins und Alles» / «Одно и всё»* и *«Vermächtnis» / «Завет»* связаны между собой именно этим общим мотивом стремления единичного и малого слиться с Единым Великим Целым. «Kein Wesen kann zu Nichts zerfallen! / Das Ew'ge regt sich fort in allen, / Am Sein erhalte dich beglückt! / Das Sein ist ewig; denn Gesetze / Bewahren die lebend'gen Schätze, / Aus welchen sich das All geschmückt. / Das alte Wahre, faβ es an! / Verdank es, Erdensohn, dem Weisen, / Der ihr die Sonne zu umkreisen / Und dem Geschwister wies die Bahn. / Genieβe mäβig Füll'und Segen, / Vernunft sei überall zugegen, / Wo Leben sich des Lebens freut. / Dann ist Vergangenheit beständig, / Das Künftige voraus Lebendig, / Der Augenblick ist Ewigkeit» [18. Bd. 1. S. 369–370]. «Кто жил, в ничто не обратится! / Повсюду вечность шевелится. / Причастный бытию блажен! / Оно извечно; и законы / Хранят, тверды и благосклонны, / Залоги дивных перемен. / Старинной правды не забудь! / Воздай хваленья, земнородный, / Тому, кто звёздам кругоходный / Торжественно наметил путь. / Но трезво приступайте к чуду! / Да указует разум всюду, / Где жизнь благотворит живых. / В ничто прошедшее не канет, / Грядущее досрочно манит, / И вечностью заполнен миг». Чем больше жизнь человека соответствует изначальному творческому замыслу Мирового Духа, тем в большей степени он бессмертен, непрерывно участвуя в осуществлении Миро-творения. Вечность суть Бытия – «Das Sein ist ewig», Бытие вечно, и Вечность Вселенной не позволяет ничему живому исчезнуть и обратиться в ничто. *Die Freudigkeit (Радость бытия)* вырастает именно из ощущения этой причастности бесконечному течению Жизни и вечному миротворческому процессу. Г. Зиммель неоднократно указывает на уникальную способность Гёте *быть счастливым*, называя это *«метафизическим счастьем существования Гёте»* [8. С. 244], пишет, что Гёте был счастливо создан, естествен во всех своих жизненных проявлениях, явился в Мир как живое воплощение счастья, поскольку его жизнь изначально гармонично вписывалась в Целостность Бытия. Законы Бытия «хранят... залоги дивных перемен» – «Das Sein ist ewig; denn Gesetze Bewahren die lebend'gen Schätze». Глагол *bewahren* имеет корень *-wahr-,* несущий смысл *истинный, правдивый, правый*. Тот же корень также имеют слова die Warheit – Истина, Правда, der Wahrsager – прорицатель, пророк. Законы Бытия хранят сокровенную старинную Истину – *Wahre*, и Гёте призывает: «Das alte Wahre fass'es an!» / «Старинной правды не забудь!». Поэт исходит из мудрости Востока: необходимо возвращение к истоку – туда, где не утрачена естественная связь со Вселенной, где жива традиция. Неизменность извечных законов Вселенной является залогом того, что и Человечество предназначенным ему историческим путём рождения – умирания – нового рождения культур будет постепенно приближаться к полному постижению мировой гармонии и созданию Всемирной Единой Культуры. «По временам, когда человеком овладевает ужас отчуждения между Я и миром... Из вихря звёзд выныривает крошечная Земля, из копошения на Земле выныривает маленький человек, и вот история проносит его дальше, через времена, чтобы он снова и снова упорно восстанавливал муравейники культур, которые рассыпаются под её стопами. Под этим рядом изображений – надпись: *"Eins und Alles"* / *"Одно и всё"*, – вспоминая завет Гёте, писал М. Бубер, глубоко размышлявший о судьбе Культуры в кризисную эпоху её истории [21. С. 56].

Стихотворение *«Urworte. Orphisch» / «Первоглаголы. Учение орфиков»* является отражением глубоких антропологических исканий Гёте, посвящено сотворению Человека и его судьбе во всеобщем замысле Миро-творения. Оно состоит из нескольких частей, связанных между собой общей идеей; каждая из них поименована особым «первоглаголом» в соответствии с близким Гёте теософским течением орфиков, пророком которого является мифический поэт-певец Орфей. Религиозное движение орфиков охватывает тысячелетний период античной истории; корни его – в глубине мудрости Древнего Востока, а влияние ощутимо и в первые века нашей эры, в эпоху развития религиозного синкретизма в Александрии [22. С. 90–96, 495–496]. Откровение орфических мистерий – о едином и всеобъемлющем божественном первоначале, включающем

в себя разных богов под разными именами, но чаще всего нарекающемся по имени главного бога орфиков – Диониса, бога Жизни и творческого порыва, о творении и судьбе Мира. В первом же фрагменте говорится о влиянии небесных светил и всего космического порядка на появление и дальнейшее развитие Человека. «Δαιμων»: «Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen, / Die Sonne stand zum Gruβe der Planeten, / Bist alsobald und fort und fort gediehen, / Nach dem Gesetz wonach du angetreten. / So muβt du sein, dir kannst du nicht entfliehen, / So sagten schon Sibyllen, so Propheten; / Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt / Geprägte Form die lebend sich entwickelt». «Демон»: «Со дня, как звёзд могучих сочетанье / Закон дало младенцу в колыбели, / За мигом миг твоё существованье / Течёт по руслу к прирождённой цели. / Себя избегнуть – тщетное старанье; / Об этом нам ещё сивиллы пели. / Всему наперекор вовек сохранен / Живой чекан, природой отчеканен». Концептуальная универсалия *Weltseele (Мировая Душа)* образует следующее смысловое поле: 1. Gesetz – Единый закон Бытия. 2. Die Sonne. «Die Sonne stand zum Gruβe der Planeten... Nach dem Gesetz wonach du angetreten» – дословно: «Согласно закону, по которому ты вступил в Мир или данному Вселенной... Солнце встало для приветствия планет». Гёте употребляет глагол *verliehen* – давать взаймы, т.е. дословно: «В тот день, когда Вселенная одолжила тебе силы...».

Следующий фрагмент носит название «Τυχη»: «Die strenge Grenze doch umgeht gefällig / Ein Wandelndes, das mit und um uns wandelt; / Nicht einsam bleibst du, bildest dich gesellig, / Und handelst wohl so wie ein andrer handelt: / Schon hat sich still der Jahre Kreis geründet, / Die Lampe harrt der Flamme die entzündet». «Случай»: «Всё разомкнёт, со всякой гранью сладит / Стихия перемен, без долгих споров / Упрямую своеобычность сгладит, – / И ты к другим приноровляешь норов. / Но между тем, глядишь, пора приспела: / Готов светильник – за огнём лишь дело». В жизни, прожитой Гёте, многое происходило по воле *случая*, вне всякого разумного объяснения – просто неожиданно случалось; случайно возникали и все его великие творения, как бы из самой жизни и рождаясь. Однако сам Гёте постоянно подчёркивает жизненную *необходимость* и ценность *случая,* а также его интегрирующую роль в Мировой Связи Жизни, которая пребывает как Целое в каждом отдельном миге, в каждом проявлении. Для него значение имело любое мимолётное жизненное впечатление, каждое прожитое мгновение содержало собственный смысловой объём, самодостаточностью, самоценностью и совершенностью обладал каждый жизненный момент, выражая тотальность Бытия, что в наибольшей степени подтверждает фундаментальную ценность Жизни как таковой. Случайности – язык Бога, считал Гёте, достаточно вспомнить его знаменитое выражение, венчающее «Фауста»: *«Всё быстротечное – символ, сравненье. Цель бесконечная здесь в достиженье. Здесь – заповеданность Истины всей. Вечная Женственность тянет нас к ней»*. В нём заключена важнейшая мысль о тайной соотнесённости и взаимосвязи всех мировых событий, о Живом Всеединстве Вселенной, существенное свойство которого – не явленность поверхностному представлению в форме ясности, точности, определённости, но *таинственная неведомая глубина*.

На эту мысль Гёте Г.-Г. Гадамер обратил особое внимание и дал ей следующий комментарий в общем контексте своей герменевтической концепции и истории становления герменевтики как учения о миропонимании в целом: «Универсальность герменевтической точки зрения всеобъемлюща… В конце концов, универсальное наблюдение Гёте: *всё есть символ…* заключает в себе наиболее всеобъемлющую формулировку герменевтической мысли. Гётевское “всё” говорит о любом и каждом сущем не *что оно есть*, а *как оно предстаёт человеческому пониманию*… В гётевском понятии символического заключены в равной мере и необозримость всех связей, и заместительная функция единичного как представителя целого. Ибо только потому, что всеотнесённость бытия скрыта от человеческого глаза, она нуждается в раскрытии.

Как ни универсальна герменевтическая мысль, заключённая в высказывании Гёте, в одном важном смысле она находит себе оправдание лишь в опыте искусства. В самом деле, язык художественного произведения имеет ту отличительную черту, что отдельное произведение сосредотачивает в себе и выражает символические черты, присущие, как учит герменевтика, всему сущему» [11. С. 264–265]. Гёте приобщён «орфической» *мистерии*, *таинству Бытия*, Жизнь Мира для него исполнена тайны, его «восточная» душа бережно хранит то, что утрачено западноевропейской философией и предано забвению – память о подлинном Божьем Промысле, благодаря поэтическому дару он изначально, от природы способен *к пониманию* знаков Бытия, символов и глубокому герменевтическому «прочтению» Мира как сакрального Текста, творимого Богом, Божественным Художником. Любое глубоко пережитое событие (со-Бытие) имело у Гёте *символический* смысл, жизнь интуитивно схватывалась им по принципу смысловой «вертикали»: случайности интересовали его не как отражение скоротечности и неопределённости жизни, сколько, наоборот, в них проявлялся её символический порядок, откровение Божественной Мудрости.

Именно в сопряжении множества случайностей осуществлялась целостность жизни Гёте, её *Gestalt,* и суть всей его жизни проявлялась в каждом её единичном случае; а *в случае Гёте* в антропологическом смысле символически выразилась *подлинность Dasein*, призванного к *миропониманию*, *необходимость* человеческого бытия-в-Мире, ценность и значимость индивидуальной человеческой жизни во Всеобщем Жизненном Мире Человечества. *Жизнь*, содержащая бесконечный творческий потенциал, способная к выходу за свои пределы, в творческом порыве преодолевающая стихийно-хаотическое состояние и обретающая *смысл*, жизнь «больше, чем жизнь», не в биологическом, но в духовном понимании, как творящий дух (*Geist*), возможна только в случае Человека, в качестве *подлинно человеческой* жизни, «поэтического жительствования», понимающего бытия. «Мне хотелось бы в духе Гёте, – пишет Г. Зиммель, – *назвать понимание “прафеноменом”*, ибо тем, что оно имеет место лишь на основании бытийного равенства, всеобщая связанность вещей

находит в нём самое точное выражение, а функциональное отношение достигает самой чистой наглядности – ведь оно доходит здесь до равенства, но равенство это не мёртвое математическое покрытие, а духовное, взаимное обогащение, приятие в жизненный процесс. Конечно, единство бытия не всюду порождает такое взаимоприятие и понимание, но там, где таковое существует, *оно указывает на это единство как на свою метафизическую основу* и является, быть может, самым ярким его феноменом» [8. С. 232].

Концепт Liebe (Любовь) – в центре следующего фрагмента стихотворения «Urworte. Orphisch» / «Первоглаголы. Учение орфиков». «Σσως»: «Die bleibt nicht aus! – Er stürzt vom Himmel nieder; / Wohin er sich aus alter Öde schwang, / Er schwebt heran auf luftigem Gefieder / Um Stirn und Brust den Frühlingstag entlang, / Scheint jetzt zu fliehn, vom Fliehen kehrt er wieder, / Da wird ein Wohl im Weh, so süβ und bang». «Любовь»: «Вот он, огонь! Из древних бездн возреяв, / Пернатой бурею спешит ниспасть / Легчайший гость слепящих Эмпиреев, / Весною веет и лелеет страсть, / Покой души во всех ветрах развеяв!». Любовь – Божество для человека. Любовь – Огонь, вызывающий беспокойство и душевный трепет, пламя, буря, страсть, активное, всеохватывающее, всё вовлекающее в своё действие жизнетворческое начало. Её неизбежность определяется вечным законом Космоса. Ewigkeit (Вечность) – ключевой концепт следующего «глагола», задающий смысловую динамику: Gesetz (Закон), умиряющий любой произвол; Nötigung – неизбежность действия этого закона вне нашей воли и выбора. «Αναγχη»: «Da ist's denn wieder wie die Sterne wollten: / Bedingung und Gesetz und aller Wille / Ist nur ein Wollen, weil wir eben sollten, / Und vor dem Willen schweigt die Willkür stille; / Das Liebste wird vom Herzen weggescholten, / Dem harten Muβ bequemt sich Will' und Grille». «Неизбежность»: «Меж тем созвездий вечное веленье / Неотменяемо; не в нашей воле / Самим определять своё воленье; / Суровый долг дарован смертной доле. / Утихнет сердца вольное волненье, / И произвол смирится поневоле».

Однако духовная сила, от природы заложенная в человеке, – его бог, его «демон», – призвана помочь ему вознестись в творческом порыве над всеми ограничениями обыденности. В этом и кроется надежда на обретение человеческой душой крыльев, достижение ею гармонии и свободы, исполнение только ей предписанного предназначения и уникального долга в общем процессе Миро-созидания. «Ελπις»: «Sie stehe nur mit alter Felsendauer! / Ein Wesen regt sich leicht und ungezügelt: / Aus Wolkendecke, Nebel, Regenschauer / Erhebt sie uns, mit ihr, durch sie beflügelt, / Ihr kennt sie wohl, sie schwärmt durch alle Zonen; / Ein Flügelschlag – und hinter uns Äonen!» [18. Bd. 1. S. 359–360]. «Надежда»: «Чу, дрогнули засовы – благостыня / Повеяла – взлетает без усилья / Над пеленою мглистою Богиня / И нас возносит, нам дарует крылья, / Мы с ней наш путь сквозь все свершаем зоны; / Удар крыла – и позади эоны!». Ключевой в приведённом выше «глаголе» становится концептуальная универсалия Ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность), содержащая смыслы: Вечность, Благодать, Богиня, дарующая крылья, Надежда. Вселенной, таким образом, управляет бессмертное, вечно рождающее, раскрывающееся в полноте и круговороте жизни одухотворяющее женское начало, превышающее пространства, времена, эпохи, эоны и дающее надежду на бессмертие душ, народов, культур, Человечества.

На уровне поэтического цикла «Gott und Welt» / «Бог и Мир» в целом образуется следующее семантическое поле концептуальной универсалии *Ewige Weiblichkeit (Вечная Женственность): Ewigkeit (Вечность) – Natur (Природа) – Göttin (Богиня) – Mutter (Мать) – Liebe (Любовь) – Wahrheit (Истина) – Schönheit (Красота).* Вечная Женственность, Ewige Weiblichkeit для Гёте суть Истина, Wahrheit, постижение которой возможно лишь посредством сердечного переживания, сердца, восприимчивого к Откровению Красоты Природы.

С.Л. Франк, считавший вклад Гёте в философию познания очень серьёзным и значительным, отмечал: «Истина выражается для него (Гёте) не в мыслях и суждениях, а в *общей гармонии жизни*... Познание есть всегда *чтение в душе природы* – чуткое, любовное, проникновенное угадывание её внутренних сил и побуждений... *Ядро природы лежит в сердце человека*... Творя, человек лишь отдаёт свой дух силе парящего в нём *гения природы*... Истинное познание не отрешает человека от связи с целым, а, наоборот, активно возрождает в сознании эту связь; она есть всегда *откровение*... *Правда, мыслимая как жизненная гармония*, для Гёте есть понятие абсолютное, религиозно-трансцендентное; оно означает *согласие личного духа с мировым целым, слияние в лучах высшего света души человека с Душою Мира*» [23. С. 128].

Жизненно-философская мудрость Гёте открывает иные возможности обретения Истины. Истина Гёте – *Истина Жизни*, постигаемой в её Целомудрии; глубокая смысловая связь всех мировых событий, всеохватность Всеединства Вселенной в каждом его единичном проявлении, в каждом уникальном человеческом случае. Гёте присуще *глубокое доверие к Жизни*, ведь за её кажущейся хаотичностью, непредсказуемостью, спонтанностью просвечивает сокровенная Премудрость Божия, сквозит неисповедимый Мировой Порядок, предустановленный Богом, и это само собой разумеющийся Порядок Любви (*ordo amoris*), a priori связующей всё и вся в неведомом Божественном Промысле – *Всеединстве-в-Боге*. Человеческая жизнь – дар Бога, потому она исполнена *сокровенного смысла*, и стоит довериться естественному течению Жизни, интуиции глубокой внутренней взаимосвязи событий жизненного пути, жить согласно неявной логике самой Жизни, совершенно неподвластной рациональному объяснению и упорядочиванию. Жизнь каждого человека единственна в своём роде, уникальна, вечна, неповторима, по индивидуальному замыслу непрерывно творима Творцом. Видение божественной идеи в образе жизни было интуитивно дано Гёте, потому Жизнь и открылась ему в её подлинной гармонии Истины, Добра, Красоты, Любви. Потому традиционное классическое понимание Абсолютной Истины – единой, неизменной и всеобщей, предзаданной и предопределённой кантовским Трансцендентальным субъектом, неприемлемо для Гёте. Абсолютность Истины здесь понимается ина-

че – именно как Абсолютность полноты Жизни, всеохватной, естественно включающей истинное и ложное, правильное и ошибочное, необходимое и случайное в их тесном переплетении, предполагающей этическую относительность добра и зла, любви и ненависти в их взаимных колебаниях. Истина глубоко жизненна и интуитивно переживаема.

Истина, таким образом, не достигается усилием Чистого Разума, но исходит из человеческого бытия-в-Мире, имеет не логическое, но *органическое* происхождение. В противоположность Трансцендентальному субъекту Канта – эстетическое чувство всеобщей Истины Гёте возникает из мимолётных жизненных переживаний, рождается из каждого жизненного события (со-Бытия). Истина – по-человечески субъективна, согласно Гёте, возникает в процессе жизни каждой *индивидуальной* души и проникнута человеческой теплотой. Истина не может быть только вечной и всеобщей, Истина – динамична, исторична, относительна, временна. Постижение Истины возможно только в многообразии всех индивидуальных оттенков её бытия; Истина есть чистое творчество; сотворение индивидуальной человеческой жизни. Истина переживается Гёте как истина единственного, уникального, живого человека в полноте его бытия, и именно из этой полноты исходит Истина для Человека как такового.

К культурному наследию Китая Гёте обращается намного позднее времени творения двух ранее рассматриваемых циклов и в традициях древнекитайской поэзии создаёт глубоко личный поэтический цикл *«Chinesisch-deutsche Jahres und Tageszeiten» / «Китайско-немецкие времена года и дня»* [18. Bd. 1. S. 387–391], который состоит из четырнадцати связанных между собою стихотворений. На Древнем Востоке, согласно Гёте, истоки Мировой Души (Weltseele), и стремление его души на Восток обусловлено потребностью обрести истинные корни Культуры Человечества, потребностью «возвращения» в материнское лоно Вечно Женственной Природы. Культурная универсалия *Natur (Природа)* становится ключевой в этом цикле, образуя следующую концептосферу: 1. *Frühling (Весна)* – Весна Природы, весенние дни, время цветения, полнота Жизни, оживление и обновление Мира, всеобщая радость и ликование, вечно возрождающаяся и творящая Душа Мира. «Der Kuckuk wie die Nachtigall / Sie möchten den Frühling fesseln... / So frühzeitige Narcissen / Blühen reihenweis'im Garten». «Кукушка как и соловей / Возвещают о приходе весны... / Это ранние нарциссы / Стройно стебли распрямляют». 2. *Leben (Жизнь)* – сама сущность Природы, созидающая сила, подобная свету, исходящему из глубины Души Мира, из сокровенного центра, из самого сердца Вселенной. «Sternen gleich, bescheidner Beugung, / Leuchtet aus dem Mittelherzen / Roth gesäumt die Gluth der Neigung». «Словно белых лилий свечи, / Словно свет звезды прекрасной, / Жжёт из глубины сердечной». 3. *Freude (Радость)* – праздник Солнца (Sonnenfeier), восторг (Begeisterung), сияние, юность души, весеннее настроение, счастье (Glück). «Hoffnung breitet leichte Schleier / Nebelhaft vor unsern Blick: / Wunscherfüllung, Sonnenfeier, / Wolkentheilung bring'uns Glück!». «Надежда готовит лёгкое покрывало, / Туманя наш взор, / Исполнение желаний, праздник Солнца, / Исцеление облаками приносит нам счастье!». 4. *Liebe (Любовь).* Природу Гёте называет своей Возлюбленной, Liebchen. «Auch mir hat er das leichte Laub / An jenem Baum verdichtet, / Durch das ich sonst zu schönstem Raub / Den Liebesblick gerichtet...». «Она направляет мой взор, / Полный любви к каждому дереву, / Каждой набухшей почке, / К прекраснейшему плодородию...». 5. *Schönheit (Красота).* Красота и Любовь (*Liebe,* Liebchen) выступают в данном поэтическом цикле как великие силы плодородия, выражение Вечной Женственности *(Ewige Weiblichkeit).* Die Rose (Роза) – Её олицетворение. «Als Allerschönste bist du anerkannt, / Bist Königin des Blumenreichs genannt». «Ты признана прекраснейшей на свете, / Королевой цветочного царства». «Die Rosenzeit» / Время роз, «Ewige Blühte der Rosen» / Вечное цветение роз и лилий символически выражает животворящую самовозрождающуюся Природу, Вечность Весны. Ewigkeit (Вечность) здесь символически означена как «Rad» – Колесо, «Kreis» – Круг и «Kranz» – Венок, что говорит о жизненном процессе с его бесконечной цикличностью, сменой дней и времён года, человеческих поколений, вечном обновлении Мира. «Das graugestrickte Netz. / Getrost! Das Unvergängliche, / Es ist das ewige Gesetz, / Wonach die Ros' und Lilie blüht». «Сплетённая сеть. / Спокойно! Вечное, / Это вечный закон, / По которому розы и лилии цветут».

Следующие три стихотворения-«созерцания» рассматриваемого цикла *«Dämmerung senkte sich von oben» / «Сумрак опустился долу», «Dem aufgehenden Vollmonde / «Восходящей луне», «Dornburg. September. 1828» / «Дорнбург. Сентябрь. 1828»* объединены общим мотивом полнейшей взаимности Человека с Природой, их единосущности. Тема двух первых – восход Луны, «Дорнбурга» – восход Солнца; все они выражают гармонию между созерцателем и Природой. Основные образы стихотворений переняты Гёте из китайской поэзии: «ветви-волосы стройных ив», «игры подвижных теней», «озёрная гладь, отражающая лунный свет». Сами стихотворения этого цикла схожи с древнекитайской живописью тех далёких времён, когда китайские художники, наделённые *шеньхуа*, даром внимать Миру и выражать невыразимое, стремились приблизиться к духовному образу жизни мудрецов, святых и пророков, чтобы достигнуть состояния, которое в восточной эстетике обозначают двумя иероглифами: *люци*. *Лю* выражает Тишину, *ци* – интимное единство двух существ, образующих целое, гармонию *инь / ян*. «Это выражение часто употребляют как синоним экстаза – состояния, при котором озарённый художник ощущает себя в созвучии и единстве со всем Миром, с каждой его частью, с главным принципом жизни – *шэнь*» [24. С. 101].

Художник в таком *состоянии абсолютного созвучия* словно пребывает в сердце Вселенной. Стихотворения-«созерцания» Гёте напоминают пейзажи мастеров периода высшего расцвета китайской живописи, эпохи Сун, *Го Си* («Ранняя весна», «Каменистая равнина и далёкий горизонт»), *Ми Фу* («Весенние горы и сосны»), *Ван Вэй, Вэнь Тун* и др. «Früh, wenn Tal, Gebirg und Garten / Nebelschleiern sich enthüllen, / Und dem sehnlichsten Erwarten / Blumenkelche bunt sich füllen...». «Рано утром, когда до-

лина, горы и сады ещё укрываются туманным покрывалом, чашечки цветов наполняются страстным ожиданием...». «Dämmerung senkte sich von oben, / Schon ist alle Nähe fern; / Doch zuerst emporgehoben / Holden Lichts der Abendstern! / Ahn ich Morgenglanz und glut, / Schlanker Weiden Haargezweige / Scherzen auf der nächsten Flut». «Сумрак опустился долу, / В мгле далёкой тает близь; / Но сперва, сияя вволю, / Геспер, в небо подымись! / Чаю лунный блеск и пыл, / Над рекой в густом подолье / Шёпот тонких ив застыл».

Стихотворение «Восходящей Луне» представляет собой живой диалог между Человеком и Луной, которая являет прекрасный лик всей Природы, всей Вселенной. Луна здесь символизирует одновременно природное начало и одиночество. За чернотой ночи скрывается свет пробуждения Природы. Восход – призыв к возрождению. «Num am östlichen Bereiche Ahn'ich Mondenglanz und Gluth...» / «Вот с восточного предела ожидается луна...». Луна приходит с Востока, где она воспета как символ одиночества души, *Einsamkeit*, но корень этого слова *«-ein-sam-»* восходит также к другому значению – *«един»*, близкому к смыслу концептуальной универсалии *Einheit von allen* / *Всеединство*. Таким образом, символически подтверждается необходимость встречи Востока с Западом, готовящееся возрождение Мировой Культуры в её Всеединстве. Солнце / Sonne, источник света и тепла, восходя, также устанавливает мировой порядок, привнося в Мир гармонию, дарует Радость / *Freude*, и человек, исполненный радости и причастный Миру, сердцем открыт для жизни во всей её полноте. «Und ein Ostwind, sie verjagend, Blaue Sonnenbahn bereitet...» / «И с Востока ветр могучий Солнцу синий путь готовит...». Восток – Восход, свежий ветер, указывающий Миру путь спасения, и для Гёте приобщение Душе Востока равно приобщению Weltseele, Мировой Душе.

Таким образом, Гёте от природы присуще *«восточное» миропонимание* и свойственно *искусство поэзии* в «восточном» смысле. Его язык как язык всякого истинного поэта несёт в себе и выражает изначальную сущность Поэзии; в нём сохранены и увековечены общекультурные мировоззренческие универсалии, понимание смысла которых Человечеству ещё долго суждено обретать на предназначенном ему историческом пути. *Ностальгия* его поэтической души и порождённое ею стремление к возвращению на свою духовную *родину* – на Восток, к Мировой Душе, Единому Сердцу Вселенной – и его восточное творческое наследие – свидетельство более глобального и исторически длительного культурного процесса: сближения великих культурных миров Востока и Запада. Факт появления в истории Человечества гения такого духовного уровня сам по себе свидетельствует не только о многотысячелетнем диалоге восточных и западных культур, но об *исконном* единстве Востока и Запада, извечно образующих *Единое Целое – Всеединство Культуры*. *«Wohin mein Auge spähend brach, Dort ewig bleibt mein Osten» / «Куда бы я свой взгляд ни бросил, Там навеки останется мой Восток»* [18. Bd. 1. S. 388], – говорил Гёте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах / отв. ред. И.Л. Галинская, П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995. Т. 1. С. 431–444.
2. *Григорьева Т.П.* Дао и Логос: встреча культур. М. : Наука, 1992.
3. *Гессе Г.* Паломничество в страну Востока // Гессе Г. Избранное / пер. с нем. С.С. Аверинцева. М. : Радуга, 1984.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / сост., вступ. ст. П.П. Гайденко; пер. с нем. М.И. Левиной. М. : Республика, 1994.
5. *Михайлов А.В.* Гёте и поэзия Востока // Михайлов А.В. Языки культуры. М. : Языки русской культуры, 1997.
6. *Элиот Т.С.* Гёте как мудрец // Элиот Т.С. Избранное. Религия, культура, литература / под ред. А.Н. Дорошевича. М. : РОССПЭН, 2004. С. 379–401.
7. *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. Антология / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995. С. 213–255.
8. *Зиммель Г.* Гёте // Зиммель Г. Избранные работы / отв. ред. А. Юдин. Киев : Ника-Центр, 2006.
9. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / сост., пер. с нем. Ю.Н. Попова. М. : Искусство, 1983.
10. *Хайдеггер М.* Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Б. Ноткина. СПб. : Академический проект, 2003.
11. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / отв. ред. В.С. Малахов, коммент. В.В. Бибихина. М. : Искусство, 1991.
12. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1963–1966. Т. 5.
13. *Гёте И.В.* Собр. соч. : в 13 т. (Юбилейное издание) / отв. ред. Н.Н. Вильмонт. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1949. Т. 13.
14. *Гадамер Г.-Г.* Текст и содержание // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алёшиной, О.И. Кондратьевой ; науч. ред. М.М. Фёдорова. М. : Весь мир, 2002.
15. *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Academia, 1997. С. 280–287.
16. *Куда* идёт российская культура? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2010. № 9.
17. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М. : Эксмо ; Алгоритм-Книга, 2003.
18. *Goethe J.W.* Werke / Johann Wolfgang Goethe. München : Verlag Beck, 1989. Bd. 1–14.
19. *Шелер М.* Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.
20. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем., коммент. и прим. К.А. Свасьяна. М. : Мысль, 1993. Т. 1.
21. *Бубер М.* Два образа веры. М. : Республика, 1995.
22. *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии / отв. ред. М.А. Маслин. М. : Владос, 1997.
23. *Франк С.Л.* Гносеология Гёте. О сущности художественного познания // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. 5.
24. *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М. : Восточная литература, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 76–80 DOI: 10.17223/15617793/376/13

УДК 72.01

Н.А. Прядуха

МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ДЕМИДОВСКОЙ ПЛОЩАДИ г. БАРНАУЛА

Музыкально-звуковой подход к прочтению архитектурного ансамбля Демидовской площади г. Барнаула является основой методологии предложенного исследования. Конечная цель работы заключается в обогащении ассоциативного поля культурного ландшафта конкретно существующего места, города, формировании ощущения его уникальности, ценности, обнаружении закономерностей и общностей в формировании подобных ландшафтов. Музыкально-звуковые характеристики, аналоги, появляющиеся в результате анализа композиции площади и отдельных архитектурных элементов фасадов зданий, входящих в данный архитектурный ансамбль, позволяют ощутить преимущества комплексного подхода к явлениям синтеза искусств, осознать универсальные законы организации Мира. В итоге Демидовская площадь г. Барнаула может стать новой воспитательной, культурной средой, точкой прохождения новых туристических маршрутов, источником научных изысканий, публикаций, музейных экспозиций.

Ключевые слова: площадь; музыкальная форма; сюита; композиция; соната; ансамбль.

Формирование культурного ландшафта отдельных архитектурных сооружений и архитектурных комплексов на основе музыкально-звуковых закономерностей обладает рядом преимуществ. Во-первых, данный подход способен обострить выразительные свойства архитектуры. Выразительность, хотя и носит столь же фундаментальный характер, едва ли не полностью отсутствует в систематике архитектурных обсуждений и появляется лишь в крайне узком понимании – как традиционная символика [1. С. 174]. Во-вторых, однозначность подхода к интерпретации произведения искусства, в нашем случае – прочтение архитектурного комплекса сквозь призму свойств архитектуры, делает его принадлежностью традиционной либо массовой культуры. Совмещение в одной интерпретации трех разных архетипов (зрительного, тактильного и музыкального) делает традиционное восприятие культурного явления (Демидовской площади) изменчивым, подвижным, креативным. Полученные в результате «загрязненные» коммуникативными «шумами» сообщения – есть признак немассовой культурной практики. Данный подход к интерпретации произведения искусства предполагает наличие ее неоднозначности, присутствие множества сопутствующих элементов художественного образа, призванных дополнить, углубить смыслы, лежащие на поверхности и кажущиеся очевидными, единственно правильными. В-третьих, музыка есть признанный носитель универсальных закономерностей не только мира искусства, но и Мира в целом, поэтому обращение к Всеобщим (универсальным) законам развития жизни есть путь целостного постижения сути культурного явления, что находится в сфере внимания современных исследователей и о чем свидетельствует возникновение в конце XX в. новой междисциплинарной науки универсологии. В результате применения данной методологии выявляются уникальные закономерности и общности в традиционном понимании ландшафта города.

Из 16 ныне существующих площадей г. Барнаула [2] можно выделить три, которые, безусловно, являются архитектурными ансамблями: Демидовская площадь, площадь Советов, площадь Октября. Данное исследование будет посвящено старейшей из них – Демидовской площади.

На основе хронологии [3] строительства всех элементов ансамбля Демидовской площади (архитекторы А.И. Молчанов, Л.И. Иванов, Я.Н. Попов) мы имеем такую логику застройки: началось строительство площади в 1810 г. со здания Горного (Заводского) госпиталя, далее, в 1828 г., – здание Горного училища, в 1830 г. – здание Заводской богадельни и в 1833 г. – здание церкви Дмитрия Ростовского. Логика движения строительства слева направо (от госпиталя к церкви) совпадает с последовательностью расположения частей в сонатной форме: Alleegro, Andante, Menuet, Final. В переводе термин «соната» (sonare) означает «звучать», он хоть и возник в противовес cantare (петь), но в нашем случае это принципиально не меняет дела, а первичное ощущение музыкальности площади придает. Сонатная форма – одна из наиболее образно емких форм, предполагающих не только повествование, но и развитие, определенную драматургию. Начиная с XVI в. понятие «соната» утвердилось за сочинениями, предназначенными для инструментального исполнения, что в данном случае соответствует пространству, которое занимает Демидовская площадь, и демократическому характеру ее предполагаемого звучания, свойственному музыке больших залов. Большую роль в становлении феномена сонатной формы сыграли ранние инструментальные формы рубежа XVI–XVII вв., особенно инструментальные канцоны, в которых, помимо имитационности, важными факторами формообразования были контрасты и повторения, ведущие к многочастной композиции. Особенно на сонатную форму повлияли вариационные и сюитные принципы формообразования. Все эти признаки, на наш взгляд, имеют свои аналоги в композиции и специфике декора зданий Демидовской площади. Детальный анализ всех компонентов архитектурного ансамбля приблизит нас к подтверждению либо опровержению данного предположения.

Фасад здания Горного (Заводского) госпиталя имеет трехчастное строение, что соответствует форме первой части сонатного цикла. В центральной части портик с шестью колоннами тосканского ордера, завершающийся треугольным фронтоном, создает ощущение торжественности и пафоса. Ряды одинаковых окон в два этажа создают строгую стабильную ритмику, соответствующую мужественному характеру ар-

хитектурного ордера, музыкальность которого подробно аргументирована Ф.В.Й. Шеллингом в его «Философии искусства» [4]. Темный рустованный цоколь придает зданию основательность и устойчивость. Здесь нет конфликта, нет декоративного излишества, ритм становится основным организующим началом. Так же и во многих ранних сонатах побочной темы или нет вообще, или ее музыкальный материал малоиндивидуален и неконфликтен по отношению к тематизму главной партии. Тектоника здания подчеркивается сложными межэтажными поясками, отделяющими этажи друг от друга и от области антаблемента. В данном случае можно проследить дифференциацию мотивов по роли и смыслу: в теме в качестве главного начинает выделяться начальный мотив (колонны) при производности и функциональной зависимости остальных мотивов (окна). В ранних сонатах складываются определенные особенности начального мотивного импульса, которые прослеживаются и в композиции этого здания, да и во всей площади целиком: а) эмоциональный характер образа (активный, упругий, жизнеутверждающий); б) лад в соответствии с характером (в основном мажорный), что соответствует желтой окраске почти всех зданий комплекса; в) предельная интонационная простота элементов; г) ритмическая четкость и рельефность; ж) тональная устойчивость.

Несмотря на тяжелый цоколь, первый этаж фасада Горного госпиталя устремляется вверх за счет декоративного элемента над окнами, имитирующего замковый камень, неровности стены под окнами второго этажа вносят внутреннюю динамику и, одновременно, уравновешивают динамику цоколя. Внутренние перипетии развития элементов фасада завершаются беспокойной ритмикой подкровельных декоративных консолей (кронштейнов), вносящих жизнеутверждающий настрой в общий характер здания. Большая часть линий фасада Горного госпиталя проста, тяготеет к прямоугольным формам, подчеркивая вытянутость фасада. Живость и остроту восприятия строгих, устойчивых, достаточно спокойных форм подчеркивают редкие треугольные формы (замковые камни и фронтон), что говорит о небольшой доле напряжения в композиции этого здания. Желтый цвет усиливает напряжение, но в то же время доминирование горизонталей, выделенных белым цветом, закрепляет размеренный ход развития мелодизма этого здания. Средняя степень тяжести здания может быть соотнесена со средними темпами и регистрами предполагаемого звучания, что вполне соответствует Allegro старинных сонатных циклов.

Итак, начало героически пафосного цикла в ансамбле Демидовской площади положено. Ясность, упорядоченность, правильность, завершённость, единство, всеохватность – основные категории рефлексии картины мира классического стиля. Произведение искусства классического стиля – как и вся Вселенная – это гармоничный, целостный, упорядоченный организм, раскрывающий человеку единство истины, добра и красоты. «Лучший из миров» не был создан в XVIII в. в реальной жизни, но он был найден в философской утопии и творчестве (очевидно, это является одной из причин классикоцентризма) [5] более позднего периода, связанного с расцветом классицизма в столицах и его распространением в провинциях в XIX в.

Здание Горного училища является полной противоположностью предыдущему элементу ансамбля. В целом оно демонстрирует женское начало, проявляющееся в округлых, более мягких линиях, более изысканной ритмике, обилии архитектурного декора. Фасад здания тоже имеет трехчастное строение, что объединяет его с фасадом Госпиталя, но центр выделен не ордерными элементами, как в первом случае, а слегка выступающим фасадом, углы которого украшены рустом. Это делает здание достаточно тектоничным, но менее театральным, более чувственным и динамичным. Палладианские окна первого этажа, рустованные промежутки между окнами, сложные наличники и карнизы превращают первый этаж здания в ажурное кружево, игриво и прихотливо развивающееся вокруг окна-центра, создавая иллюзию своеобразного архитектурного орнамента (рукоподобный орнамент [6]). Орнаментальность, свойственная декору фасада здания Горного училища, по своей природе обладает мощной музыкальностью, здесь следует учесть многочисленные эксперименты Э. Хладни, Х. Йенни, Г. Кайзера, Б. Хироу, которые изучали влияние явления резонанса и интерференции на форму различных неорганических материалов, экспериментально подтвердив свойство звука рождать изобразительные формы. Поэтому появление признаков орнаментальности в архитектурном сооружении автоматически наделяет его музыкально-звуковыми характеристиками.

Присутствие в наличниках пилястр объединяет два здания в единый ансамбль, но пилястра значительно легче и тоньше полноценной колонны, что меняет характер предполагаемого звучания здания Горного училища, внося коррективы в тембральный, регистровый, темповой планы оркестровки. Первый этаж завершается сложной комбинацией разноуровневых межэтажных поясков, хотя движение вверх так же, как и в первом случае, подчеркнуто замковыми камнями над окнами. Второй этаж начинается своеобразным орнаментальным фризом, полученным в промежутке между фасадным молдингом, выполняющим функцию подоконника, и межэтажными поясками. Фриз состоит из барельефных чередований прямоугольников разного размера и окружностей. Кроме свойств орнамента как такового, к музыкальности данного фриза присоединяются музыкальные характеристики геометрических форм, данные В.В. Кандинским [7], что превращает анализируемый фриз в конкретную последовательность обобщенных звучаний. Окна второго этажа более строгие, прямоугольной формы с подчеркнутым козырьком. В центральной части здания козырьки, два из которых повторяют форму фронтона, приобретают еще более заостренные формы, что свидетельствует о более интенсивном динамическом развитии, возможном скоплении диссонансов или уплотнении фактуры. Фон гладкий, в отличие от руста первого этажа, на основе этого можно провести параллель еще с одной характеристикой старосонатных форм – контраст на уровне типов фактурного движения (репетиции, разложенные аккорды).

Межэтажный поясок отграничивает зону антаблемента здания. Подкровельный молдинг в центральной части здания переходит в подкровельные консоли, украшающие также и фронтон (детали, объединяющие здания Горного госпиталя и училища).

Подчеркнутая тектоничность фасада соответствует ясности чередования элементов и разделов в старинной сонатной форме. В центре фронтона расположена овальная розетка с изображением герба Алтайского края, вносящая свою специфику в возможное музыкальное прочтение этого атрибута [8]. В целом развитие элементов фасада снизу вверх можно характеризовать как движение от прихотливого арабесочного моделирования пространства к более серьезному, торжественному, но все же достаточно лиричному, тонкому звучанию.

Данное архитектурное сооружение могло бы звучать в более высоких регистрах, развитой, прихотливой фактуре, что создавало бы ощущение более подвижного темпа, галантности, по сравнению с музыкальным аналогом здания Горного госпиталя. Галантный и чувствительный стили – взаимосвязанные этапы достижения очередного расцвета антропоцентрической концепции искусства, представленной в классическом искусстве конца XVIII – начала XIX в. Ядро галантного стиля составляет аристократически-придворное искусство, адресованное Человеку, «любителю» и наполненное многочисленными тонкостями и «красотами». В музыкальной эстетике XVIII в. акцент в понимании «галантности» переносился с придворно-аристократического в сферу «просвещённого», образованного. Галантный вкус – это вкус просвещённого человека. За бьющей ключом выразительностью чувствительного стиля стоит чаще всего представитель буржуазной интеллигенции, отстаивающий через свободу чувства право существования вне сословных границ [5]. Данные характеристики, позволяющие приблизиться к стилистике галантного классицизма, вполне соответствуют специфике декора фасада здания Горного училища, а тяготение к «просвещенности» отвечает назначению анализируемого архитектурного сооружения.

При всей родственности некоторых архитектурных элементов фасад Горного госпиталя самостоятелен и достаточно серьезно отличается от фасада Горного училища. С одной стороны, заметна некоторая вариационность мотивов звучания этих зданий, с другой – они, являясь противоположностями, подобно мужскому и женскому началам, дополняют друг друга, что соответствует специфике сонатного цикла.

Фасад здания богадельни содержит в себе развитие архитектурно-музыкальных мотивов первого здания, усиливая, таким образом, настроение строгости, аскетичности и торжественности. Первоначально здание было одноэтажным, трехчастным по строению. Центр выделялся портиком с четырьмя массивными, ровными колоннами. Контраст между размерами частей здания был силен, что делало его достаточно тяжеловесным. Позже достроенный второй этаж явно смягчил внутренний конфликт этого здания и наполнил его некоей эпичностью. Фасад здания богадельни отличается простотой и практическим отсутствием декора. Прямоугольные окна двух этажей лишены наличников, сохраняются только козырьки, иногда имеющие треугольную форму, но они настолько далеко отнесены от окон, что превращаются в пунктирную линию, идущую по фасаду первого этажа здания и дублирующую ритмику окон. Межэтажные пояски делят фасад на две части, карниз отделяет зону перекрытия. Подкровельные консоли сохраняются только в оформлении фронтона портика. Все это делает характер здания совершенно отличным от традиционного менуэта или скерцо, характер становится неповоротливым, сдержанным, похожим на преддверие чего-либо. Данное ощущение вполне оправдано, так как изначально к зданию богадельни с помощью перехода было пристроено последнее задание всего комплекса – здание церкви Дмитрия Ростовского – своеобразная прелюдия и фуга. В логике сонатно-симфонического цикла такие случаи соединения двух частей встречаются в истории музыки. Композиторы издавна пользовались приёмом перехода от одной части к другой без перерыва (attacca) – при этом «прилегающая» часть может быть «разомкнутой», как бы «не доведённой до конца» (приём, известный ещё из концертов и увертюр времён барокко). В XVIII в. им нередко пользуется К.Ф.Э. Бах в своих инструментальных произведениях (переход от медленной второй части к быстрому финалу). Вслед за К.Ф.Э. Бахом к этому приёму неоднократно прибегал И. Гайдн. У Л. Бетховена это становится излюбленной формой в целом ряде произведений: в Симфонии № 5 (четырехчастной) третья часть переходит в четвёртую без перерыва. Впоследствии этим приёмом композиторы начинают пользоваться всё более и более индивидуально, и потому у них становятся возможными самые разные драматургические комбинации. Со временем переход между зданием богадельни и церковью был разрушен, но факт сопричастности этих двух строений остается фактом.

По форме церковь Дмитрия Ростовского относится к ротондам, точнее, в плане – это сложный восьмигранник, центральная часть которого покрыта куполом. Форма церкви, с одной стороны, полифонична (много граней, много углов и т.д.), с другой стороны, связана с движением по кругу и повторами элементов, это делает ее напоминающей форму рондо. Полифоничность ассоциаций, связанных с традицией религиозного пения в православной церкви, достаточно устойчива (финал в форме фуги написан Л. Бетховеном в Сонате для фортепиано № 29). Рондо также часто использовалось в качестве формы последней части сонатного цикла. Завершение церкви куполом делает общее развитие архитектурного ансамбля обобщенным, цельным утверждением драматического характера, что и соответствует характеру и функции финала сонатного цикла. Следует, конечно, отметить, что ротонда лишь отдаленно напоминает форму рондо, так как рондо предполагает некие изменения структурных элементов, но все же круглая форма церкви делает это предположение чрезвычайно привлекательным в данной логике.

Кроме логики сонатно-симфонического цикла, ансамбль элементов Демидовской площади можно представить в логике музыкальной сюиты: Alemanda, Courante, Sarabanda, Gigue, очень напоминающей анализируемый архитектурный ансамбль, особенно в темповом плане. Учитывая, что становление этих двух

форм происходило практически одновременно, наблюдается их схожесть, особенно на первых порах, пока сонатный цикл не обрел свое главное качество – конфликтность. Основным отличием данных форм становится самостоятельность частей. Раннеклассическая сонатная форма – это самостоятельный и самоценный тип музыкальной структуры, обладающий рядом специфических черт: вариативный характер формы в целом, равноправие двухчастной и трёхчастной экспозиции, следование закону поэтической строфы, благодаря чему основные разделы масштабно уравновешены, комплиментарность взаимодействия тонального, тематического и структурного ритма формы, разработка как вариант экспозиции и т.д. [5]. Учитывая это, музыкальные аналоги композиции Демидовской площади больше склоняются к сонатному циклу, имея в виду вариационность архитектурных элементов ее зданий, но по отсутствию конфликтности между частями, темповой драматургии она вполне соотносится с формой сюиты.

Форма площади тяготеет к форме незавершенного квадрата или прямоугольника, с Демидовским столпом в центре. Целесообразно с целью осмысления некоторых особенностей модели-матрицы, программирующей системно-видовые контакты, в качестве образца привести примеры из сохранившей синкретическую устойчивость восточной художественной традиции и отмеченного связью с ней восточного христианства. К первой относится формула древнеиндийского мышления янтра, ко второй – восточно-христианская или буддийско-индуистская мандала. И янтра, и мандала представляют собой визуальные образы круга или квадрата с геометрическими диаграммами (круги, лотосы с лепестками на янтре, крестообразные образы-символы на мандале) и с обозначенным центром. Универсальные модели традиционной культуры обладают свойствами, которые позволяют им в течение длительного времени выполнять кодовые, матричные функции в культуре и искусстве. При этом коды синестетичности и прогнозирующей роли таких «свернутых» моделей сохраняются коллективным сознанием [9. С. 110–112]. Музыкальная составляющая данных форм отражена Х. Аргуэльсом, он считал, что «мандала – и образ, и песня, и история, и танец» [10. С. 17]. Расшифровка таких форм (круг, квадрат), и в русской традиции в частности, приводит к синестезийным аналогиям со звучащей Вселенной. Обращение к данным явлениям (янтра, мандала) связано с центричностью площади, более того, с наличием в ее центре явно обозначенной вертикали-шпиля, по нашему мнению, входящей в систему многочисленных шпилей Барнаула, сосредоточенных в то время именно в районе Демидовской и Соборной площадей. Сам по себе монумент в центре площади порождает головокружительное ощущение свободы, возникает своего рода силовое поле восприятия, напряженность которого убывает по мере нарастания дистанции от фокусирующего центра [1. С. 18]. Точно так же распределяются силы на пластине, в центр которой подается звуковая вибрация (эксперименты Э. Хладни, Х. Йенни, Г. Кайзера, Б. Хироу) в процессе изучения явления вибрации и интерференции. Результатом такого воздействия звука на различные материалы становятся орнаментальные изобразительные формы, видимые экспериментально, но чаще не осознаваемые и не воспринимаемые зрением. Таким образом, центральная часть площади становится вибрирующим, аурообразующим элементом и приобретает, хотя бы частично, признаки фигуры, тем самым утверждая себя в роли конструктивного ядра, порождающего силы, способные уравновесить напор четырех сходящихся углов. Если это происходит, то мы получаем возможность динамически воспринимать местоположение зданий благодаря игре сил, исходящих от них и встречного давления, исходящего от центра [1. С. 63]. Ядром площади становится свободное сочетание пространственных форм, если только оно удерживается вместе сильным центральным акцентом – памятником, фонтаном, обелиском. Эта доминанта связывает разнородные элементы, образующие собой периферию, в единое визуальное целое [1. С. 128].

Таким образом, архитектурный ансамбль возникает только в том случае, когда площадь становится обладателем свойств фигуры и когда все компоненты ее композиции становятся подвижными, изменчивыми, динамичными, т.е. взаимодействуют друг с другом на основе музыкально-звуковых закономерностей. Статика архитектуры приобретает динамические свойства, которые заставляют ее из области изобразительного переходить в область выразительного, тем самым приобретая ощущение целостности общей характеристики, многозначности.

Кроме указанной модели времени, как и положено мандале, время в ней может быть воспринято как круговое, направленность же композиционного процесса устремлена к центру-точке, помещенной в конце опуса, но не линейно завершающей развитие, а разомкнутой в вечность, в космическое сознание [9. С. 219]. В нашем случае такое прочтение временных процессов ансамбля тоже возможно, так как завершается архитектурный цикл Демидовской площади своеобразным центром-вертикалью – центрической церковью Дмитрия Ростовского. Данное сооружение тесно связано не только с акустическими формами музыкальности (религиозное пение, колокольные звоны), но и с неакустическими музыкально-звуковыми явлениями (форма (круг), система пропорций, цвет).

Аршин как мера измерения масштабов использовался при строительстве церкви Дмитрия Ростовского (квадратная плоскость – 708 аршин, внутренняя высота – 13,5 аршина) [11]. Известно, что аршин чаще всего соотносится с саженью, а последняя является основной мерой измерения при строительстве культовых сооружений г. Барнаула. Более того, изучение планов, разрезов барнаульских церквей, часовен, Духовного училища позволяет нам утверждать, что основной мерой измерения масштабов здесь была казенная сажень, состоящая из суммы трех аршинов. Соотнося наши наблюдения с имеющимися исследованиями в этой области [12, 13], мы приходим к выводу о том, что барнаульские культовые постройки обладают музыкальными характеристиками, заложенными в мере измерения. Итак, казенная сажень соотносится с другими как 1 к 1,059, именно во столько раз отличается частота двух соседних нот в музыкальном равномерно темперированном строе. Казен-

ная сажень соответствует частоте ноты ре-диез / ми-бемоль в музыкальном равномерно темперированном строе [12]. Учитывая тесную связь звуковой и световой волн, можно сделать вывод о том, что доминирующий цвет культовых построек г. Барнаула – зеленый, о предполагаемом минорном звучании [14] говорить сложно, так как информации о других мерах измерения, необходимых для получения аккордов, не найдено. Цвет кровли церкви Дмитрия Ростовского, как и многих других в г. Барнауле, действительно зеленый, что доказывает жизнеспособность подобных рассуждений.

Итак, музыкально-звуковые закономерности в организации культурного ландшафта архитектурного ансамбля Демидовской площади г. Барнаула достаточно многообразны. Они побуждают реципиента к постоянной рефлексии, делают данный конкретный ансамбль частью Мироздания, примером глубочайшего синтеза искусств, стимулирующего архаичные синестезийные процессы восприятия человека. Конкретный городской ландшафт обретает специфику, уникальность, способствующие формированию патриотического отношения к окружающей культуре, бережному отношению к ней и сохранению культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В.Л. Глазычев. М. : Стройиздат, 1984. 192 с.
2. *Бондаренко Т.В.* Путеводитель по архитектурным ансамблям площадей г. Барнаула. Барнаул, 2006. 148 с.
3. *Архитектура* Барнаула. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/
4. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философия искусства. М. : Мысль, 2003. 367 с.
5. *Шушкова О.М.* Раннеклассическая музыка: Эстетика, стилевые особенности, музыкальная форма : автореф. дис. … д-ра искусствоведения. Новосибирск, 2002. URL: http://www.dissercat.com/content/ranneklassicheskaya-muzyka-estetika-stilevye-osobennosti-muzykalnaya-forma
6. *Синцов Е.В.* Мыслежестовая природа бессознательного, явленная в орнаментальных формах искусства // Mixtura verborum`2003: возникновение, исчезновение, игра : сб. ст. / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара : Самар. гуманит. акад., 2003. 183 с.
7. *Кандинский В.В.* Точка и линия на плоскости. СПб. : Азбука, 2001. 560 с.
8. *Прядуха Н.А.* Музыкально-звуковая модель культурного ландшафта города (на примере скульптуры г. Барнаула). Барнаул : 2012. 142 с.
9. *Коляденко Н.П.* Синестетичность музыкально-художественного сознания : дис. … д-ра искусствоведения. Новосибирск, 2006. 450 с.
10. *Аргуэльс Х., Аргуэльс М.* Мандала. М. : Благовест, 1993. 128 с.
11. *Ермакова Л.И.* Церковь Святителя Дмитрия Ростовского г. Барнаула: История и современность. Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. 125 с.
12. *Черняев А.Ф.* Музыка древнерусского зодчества. URL: http://ustierechi.ucoz.ru/publ/14-1-0-165
13. *Чернов А.* Ключи от Парфенона. Мера – пропорция – знак. URL: http://chernov-trezin.narod.ru/ZS.htm
14. *Макарова М.Ю.* Синестезия искусств. URL: http://www.mdwa.ru/node/125

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 28 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 81–84 DOI: 10.17223/15617793/376/14

ИСТОРИЯ

УДК 94”19

Э.А. Бабаев

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ В 1984–1993 гг. (по материалам Архива внешней политики РФ)

Статья посвящена анализу внешней политики Канады в «эру Б. Малруни». Автор рассматривает такие направления канадской политики, как европейское, азиатско-тихоокеанское, латиноамериканское. Главное же внимание уделяется стремлению канадского руководства основать в Северной Америке зону свободной торговли. В целом внешнеполитический курс Канады в 1984–1993 гг. характеризуется как «сбалансированный континентализм».

Ключевые слова: внешняя политика Канады; Б. Малруни; США; ФТА; Мексика; НАФТА.

В 2012 г. отношения между Россией и Канадой отмечали две знаменательные даты: во-первых, исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических (советско-канадских) отношений, а во-вторых, минуло 20 лет с начала формирования договорно-правовой базы между Российской Федерацией и Канадой. Именно Канада накануне Нового 1992 г. одной из первых стран Запада признала Россию в качестве суверенного государства и преемника СССР на международной арене. Возглавлял правительство страны тогда Брайан Малруни.

В канадской научной литературе в конце XX – начале XXI в. появилось значительное количество исследований, посвященных личности Б. Малруни и его внешней политике. Причем некоторые авторы весьма неоднозначно оценивали усилия этого премьер-министра Канады, предпринимаемые на международной арене [1]. В нашей стране внешнеполитическая деятельность Б. Малруни остается пока малоизученной, хотя отдельные моменты его активности освещены в некоторых работах С.Ю. Данилова [2]. Несмотря на то что Б. Малруни сделал ставку на новую Россию (именно в годы его правления произошло становление российско-канадских отношений), у нас пока не предпринималось попыток комплексного анализа внешней политики этого премьер-министра Канады. Поэтому причиной появления данной статьи стало стремление частично восполнить существующий пробел.

Б. Малруни одержал победу над соперниками в борьбе за место лидера консервативной партии Канады в июне 1983 г. Спустя год он повел консерваторов к завоеванию большинства мест в канадском парламенте. В результате очередных парламентских выборов, состоявшихся 4 сентября 1984 г., консервативная партия, руководимая Б. Малруни, одержала убедительную победу, заняв 211 депутатских мест из 282, а ее лидер 17 сентября 1984 г. стал восемнадцатым премьер-министром Канады [3. С. 271].

Внешнеполитический курс правительства Б. Малруни в зарубежной историографии получил название «политики континентализма», так как в качестве первоочередной меры новое канадское руководство предлагало заключить соглашение о создании зоны свободной торговли в Северной Америке. Это, доказывало оно, откроет канадским производителям доступ на широкий американский рынок, позволит рационализировать производство и избежать американского протекционизма.

Во второй половине сентября 1984 г. Б. Малруни в качестве премьер-министра Канады совершил свой первый зарубежный вояж – официальный визит в Соединенные Штаты Америки. В ходе этого визита руководители двух стран рассмотрели потенциальные возможности увеличения товарооборота и взаимных капиталовложений. А уже в марте следующего года последовал ответный визит президента США Р. Рейгана в Канаду. В ходе канадо-американских переговоров на высшем уровне были заключены соглашение о правовой помощи в борьбе с преступностью и новый договор о тихоокеанском лососе. Канаде также был предоставлен больший, чем прежде, контроль над новой североамериканской системой раннего предупреждения о нападении. Несмотря на нерешенность проблемы «кислотных дождей», канадская печать констатировала «закрепление сближения между двумя странами» и заявила следующее: «…встреча со всей определенностью доказала, что трудный период в американо-канадских отношениях остался позади» [4. Л. 161].

В сентябре 1985 г. правительство Канады выступило с новой инициативой, предложив Соединенным Штатам начать переговоры об установлении двустороннего режима свободной торговли [5. С. 44]. В ходе последующих встреч с Р. Рейганом Б. Малруни стремился сделать акцент на общность интересов двух стран, продемонстрировать готовность Канады к дальнейшему военно-политическому и экономическому сближению [6. Л. 93].

Переговоры о создании зоны свободной торговли продолжались более двух лет и закончились результативно. В январе 1988 г. было подписано канадо-американское Соглашение о свободной торговле (ФТА), которое предусматривало ликвидацию барьеров в двустороннем обмене товарами и услугами, а также совместное урегулирование торговых конфликтов и споров [7. С. 659–662].

Обсуждая условия договора, обе стороны пошли на значительные уступки. От соглашения 1988 г. выигрывали автомобильные и авиационные корпорации США, американские фермеры, производители средств связи,

полиграфические, телевизионные и рекламные компании. С канадской же стороны в выигрыше оказывались добывающая промышленность, особенно добыча нефти и газа, урана и производство стали, меди, алюминия, цинка, цемента [8. С. 102–105].

В целом соглашение, вступившее в силу в январе 1989 г., способствовало тому, что к середине 1990-х гг. канадский экспорт в США увеличился на 100 млрд долл. и превысил исходный уровень в два раза. В результате и без того немалая доля Соединенных Штатов в экспорте и импорте Канады (72 и 65% в 1989 г.) стала еще больше – 80 и 75% соответственно [9. С. 49].

Тесные отношения Канады с США в экономическом поле были подкреплены тесным сотрудничеством в военно-политической сфере. Это в полной мере проявилось в ходе эволюции канадской позиции в отношении кризиса в Персидском заливе. С самого начала ирако-кувейтского конфликта Оттава решительно осудила действия Багдада, активно подключилась к усилиям международного сообщества по обузданию агрессии. Канадское правительство последовательно поддерживало предпринимаемые в рамках ООН экономические и военно-политические меры воздействия на режим С. Хусейна, присоединилось к многосторонним военным силам в Персидском заливе. В целом позиция Канады первоначально характеризовалась линией на предпочтительность политического урегулирования кризиса через максимальное задействование потенциала ООН [10. Л. 72].

По мере эскалации кризиса в Персидском заливе стало происходить наращивание вовлеченности Канады в конфликт по военной линии. Канадцы полностью солидаризировались с точкой зрения США о неприемлемости для союзников какой-либо паузы в боевых операциях против Ирака, поддержали жесткую увязку Вашингтоном прекращения огня с безоговорочным уходом иракских войск из Кувейта [10. Л. 73].

Вместе с тем пристальное внимание к соседям по североамериканскому континенту вовсе не означало, что в годы правления Б. Малруни Канада «позабыла» о других внешнеполитических направлениях. Кроме «континентального» (американского), в качестве приоритетных направлений внешней политики в официальных документах Канады того времени также фигурировали европейское, азиатско-тихоокеанское и латиноамериканское.

На европейском направлении в канадской политике «эры Малруни» доминировали проблемы безопасности и политические вопросы, а традиционно важные торгово-экономические контакты были отодвинуты на задний план. Во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. основные интересы Канады были связаны с переменами в странах Восточной Европы, их постепенной демократизацией, выходу из-под влияния СССР. По мнению канадского руководства, Европейское экономическое сообщество должно было стать «магнитом и моделью для переживающих реформы стран Восточной Европы» [11. С. 66].

Все большее значение в данном контексте приобретали отношения с Советским Союзом. Поначалу Б. Малруни и его кабинет не доверяли ни М.С. Горбачеву, ни его «перестройке». Так, в марте 1988 г. министр международной торговли Канады П. Карни дал следующую характеристику СССР и его лидеру: «Горбачев – не либеральный демократ. Он не хочет переделать Советский Союз по нашему образу и подобию… Нет гарантий того, что осуществляемая М. Горбачевым программа реформ окажется успешной. Но даже если он преуспеет, Советский Союз в итоге по-прежнему будет представлять собой внушительную военную силу, превратится в менее тоталитарное, но все же авторитарное государство» [12. Л. 142].

Позиция канадского правительства изменилась лишь в 1989 г., когда реформы в СССР стали носить необратимый характер. В рамках официального визита Б. Малруни в Советский Союз, состоявшегося в ноябре указанного года, было подписано столько же межправительственных соглашений, сколько их было заключено за предшествующие 20 лет. Среди наиболее важных из них следует упомянуть Советско-канадскую политическую декларацию, Соглашение о сотрудничестве в Арктике и на Севере, Соглашение о сотрудничестве по вопросам окружающей среды, Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, Соглашение о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод [13. С. 59, 64].

Наконец, личным успехом Б. Малруни, проявлением его политического чутья стало установление отношений с новой Россией в конце 1991 – первой половине 1992 г. В ходе двух официальных визитов Б.Н. Ельцина в Канаду в 1992 г. (рабочего в феврале и государственного в июне) была установлена солидная договорно-правовая база между двумя странами. Так, были подписаны Российско-канадская декларация о дружбе и сотрудничестве, Соглашение о торговых и коммерческих отношениях, Соглашение о сотрудничестве в Арктике и на Севере и многие другие [14. С. 152–153].

В посвященном Азиатско-Тихоокеанскому региону разделе опубликованной в 1989 г. внешнеполитической программы «Курс на глобализацию» основное внимание уделялось проблемам торгово-экономического сотрудничества с Японией, КНР и новыми индустриальными странами. Кроме традиционных слов о важности японского рынка, в документе постоянно подчеркивалось стремление канадского руководства «приобщиться» к передовым японским технологиям. Так, оно планировало:

– расширить участие канадских ученых и инженеров в японских научно-исследовательских программах и проектах;

– подготовить высококвалифицированные кадры в передовых японских научно-исследовательских институтах и лабораториях;

– обеспечить доступ канадских исследователей к японским технологиям и промышленным лабораториям [15. С. 100–101].

После занятия Б. Малруни должности премьер-министра произошла активизация политических и экономических контактов Канады и КНР. Так, в июле 1985 г. состоялся визит в Канаду председателя КНР Ли Сяньняня, а в мае 1986 г. в КНР с официальным визитом находился премьер-министр Канады. В ходе своего визита Б. Малруни провел встречи со всеми основными

лидерами КНР: Дэн Сяопином, Ху Яобаном, Чжао Цзыяном и Ли Сяньнянем [16. С. 155]. Стала быстро расти и двусторонняя торговля. Так, товарооборот между Канадой и КНР в 1986 г. составлял 1,4 млрд долл., в 1987 г. – 1,8 млрд долл., а в 1988 г. – уже 2,25 млрд долл. Канада к концу 1980-х гг. стала четвертым торговым партнером Китая после США, Японии и Великобритании (с Гонконгом), несколько опережая Советский Союз [17. С. 136, 195]. Крупным успехом канадского бизнеса на рубеже 1980–1990 гг. стала продажа КНР двух ядерных реакторов для производства электроэнергии.

В основе обновления канадского видения перспектив политического развития Азиатско-Тихоокеанского региона, впервые изложенного в выступлении министра иностранных дел Канады Дж. Кларка 17 июля 1990 г., лежал тезис о необходимости активизации многосторонней дипломатии с тем, чтобы вслед за Европой «растопить лед “холодной войны” и в этой части мира» [18. Л. 63]. В конкретном плане канадцы предлагали в перспективе выйти на многосторонние договоренности по таким направлениям, как заблаговременное уведомление о военных и военно-морских маневрах, введение режима «открытого неба», создание механизма урегулирования кризисных ситуаций и конфликтов. Начать процесс формирования такого диалога предполагалось на севере АТР при участии СССР, США, Японии, Канады, Китая, Северной и Южной Кореи [18. Л. 64].

В соответствии с одобренной кабинетом министров в октябре 1989 г. «Новой политической стратегией» в качестве нового внешнеполитического приоритета была также определена и Латинская Америка. Это обстоятельство стало ответом на происходившие в большинстве стран Латинской Америки позитивные процессы. Переход от диктатуры к демократии, либерализация национальных экономик, снижение протекционистских барьеров и поощрение иностранных инвестиций – все это, по мнению Оттавы, создавало благоприятные предпосылки для продвижения канадских интересов в данном регионе [18. Л. 106].

Сердцевиной новой латиноамериканской стратегии Оттавы стала задача более активного продвижения канадских экономических интересов в регионе. В этом плане наиболее перспективными представлялись связи с такими странами, как Бразилия, Аргентина, Чили, Венесуэла, Уругвай и Перу [19. С. 941–942].

Центральное же место в обозначенной программе занимала Мексика. Канадское руководство исходило из того, что «новое канадо-мексиканское партнерство» будет способствовать постепенному усилению канадского присутствия на быстрорастущем мексиканском рынке, диверсификации торгово-экономических связей, укреплению канадских переговорных позиций в диалоге с США, а также содействовать проникновению Канады в другие страны Латинской Америки [18. Л. 90].

О намерении руководителей Канады, Мексики и США заключить соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) впервые было объявлено в феврале 1991 г. С тех пор эта проблема стала определяющей в канадо-мексиканском диалоге. Так, тема НАФТА доминировала в ходе визита президента Мексики Салинаса де Гортари, состоявшемся в апреле 1991 г. В своих заявлениях и премьер-министр Канады, и президент Мексики постоянно твердили о необходимости воспользоваться «историческим шансом» для объединения усилий в период усиления борьбы между экономическими центрами [18. Л. 91]. 17 декабря 1992 г. Б. Малруни и президенты США и Мексики подписали Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА).

Одним из главных элементов новой латиноамериканской стратегии стало также участие Канады в межамериканских механизмах сотрудничества. Став в январе 1990 г. полноправным членом Организации американских государств, страна развернула активную работу в рамках этого саммита. При этом основное внимание в Оттаве акцентировали на реформах ОАГ, содействии демократическому и экономическому развитию государств региона.

Канадское руководство, обеспокоенное проблемой латиноамериканского внешнего долга, стремилось привлечь внимание лидеров развитых стран к необходимости оказать содействие региону в целях облегчения долгового бремени. Одновременно Оттава предпринимала и односторонние шаги для снятия остроты данной проблемы. Так, правительство Б. Малруни предоставило Аргентине, Бразилии и Мексике кредиты в размере 600 млн долл. для погашения долговых обязательств еще до заключения ими соглашений с МВФ. В Оттаве также было принято решение о выделении Гайане в 1991–1992 гг. кредита в размере 60 млн долл. для поддержки экономических преобразований в стране [18. Л. 108]. В результате всех этих действий канадская торговля со странами региона стала стремительно расти, а имидж Канады в Латинской Америке значительно улучшился.

Однако успехи правительства на международной арене не произвели должного впечатления на население Канады. Нерешенность внутренних проблем для большинства канадцев оказалась важнее внешнеполитических перспектив. В начале 1993 г. популярность Б. Малруни упала до рекордно низкой отметки в 17%, и в конце февраля он объявил о своем скором уходе с поста лидера консервативной партии. Официально премьер-министр Канады покинул свой пост 25 июня 1993 г. В опубликованных в 2007 г. мемуарах в качестве главных достижений на посту премьер-министра Б. Малруни назвал именно свои внешнеполитические инициативы. В частности, в них он именует себя «отцом Зоны свободной торговли», тем, кто открыл для канадцев беспошлинный доступ на американский и мексиканский рынки, а также способствовал победе Запада над коммунизмом [20].

Подводя итог, следует заметить, что основы современной внешней политики Канады и конкурентоспособности ее экономики были заложены в годы девятилетнего правления Б. Малруни. Его же внешнюю политику можно условно разделить на два периода. На первом этапе (до вступления в силу ФТА в начале 1989 г.) все было подчинено главной цели – заключить Соглашение о создании зоны свободной торговли с США. На втором этапе Б. Малруни сосредоточил свое внимание

на других важнейших внешнеполитических направлениях с тем, чтобы по возможности сбалансировать внешние связи страны. Поэтому, характеризуя внешнеполитический курс Канады в 1984–1993 гг., следует, на наш взгляд, оперировать понятием «сбалансированный континентализм».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Michaud N., Nossal K.* (eds.) Diplomatic Departures: the Conservative Era in Canadian Foreign Policy, 1984–1993. Vancouver: UBC Press, 2001. 344 c.
2. *Данилов С.Ю.* История Канады. М. : Весь мир, 2006. 256 с.
3. *Brimelow P.* The Patriot Game. National Dreams and Political Realities. Toronto : Key Porter Books, 1986. 310 p.
4. *Архив* внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 99. Оп. 51. Д. 17. П. 88. Л. 160–162.
5. *Лавровская Т.В.* Североамериканская интеграция: экономический и политический аспекты. М. : Наука, 1987. 272 с.
6. АВП РФ. Ф. 99. Оп. 52. Д. 22. П. 93. Л. 92–95.
7. *Documenting* Canada. A History of Modern Canada in Documents. Saskatoon: Fifth House Publishers, 1992. 702 p.
8. *Парканский А.Б.* США в мировых интеграционных процессах. М. : Наука, 1991. 144 с.
9. *Комкова Е.Г.* Актуальные тенденции и перспективы внешней торговли Канады // Внешняя торговля. 1996. № 7–8. С. 48–53.
10. АВП РФ. Ф. 99. Оп. 57. Д. 18. П. 112. Л. 72–75.
11. *A New* Canadian Vision for Europe // International Perspectives. June 1990. P. 66–68.
12. АВП РФ. Ф. 99. Оп. 54. Д. 19. П. 103. Л. 141–142.
13. *Ситников Б.П.* К новому качеству советско-канадских отношений // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 2. С. 59–64.
14. *Актуальные* проблемы российско-канадских отношений / отв. ред. С.Ф. Молочков. М. : Наука, 1999. 167 с.
15. *Комкова Е.Г.* АТР в планах Оттавы // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 8. С. 99–112.
16. *Китайская* Народная Республика в 1986 г. Политика, экономика, культура. М. : Наука, 1988. 296 с.
17. *Китайская* Народная Республика в 1988 г. Политика, экономика, культура. М. : Наука, 1990. 380 с.
18. АВП РФ. Ф. 99. Оп. 57. Д. 18. П. 112. Л. 63–65.
19. *McKenna P.* Canada's Policy toward Latin America: a statist interpretation // International Journal. Vol. XLIX, № 4. Autumn 1994. P. 929–951.
20. *Mulroney B.* Memoirs: 1939–1993. Toronto: McClelland & Stewart, 2007. 1121 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 85–89 DOI: 10.17223/15617793/376/15

УДК 940.5(571.1)

О.В. Гефнер

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Анализируется вклад военных в становление и развитие театральной культуры городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Характеризуется деятельность солдатских и офицерских театров: причины возникновения, характер репертуара, особенности зрительской аудитории, роль в культурной жизни горожан.

Ключевые слова: военные; театральная деятельность; городская культура.

Посещение театра и участие в любительских театральных постановках во все времена входили в число самых востребованных форм проведения досуга различных слоев общества и в настоящее время продолжают оставаться таковыми. Современное театральное искусство в своем развитии опирается на мощные исторические корни. Изучением истории театральной деятельности в Сибири занимались С.Г. Ландау, П.Г. Маляревский, С.В. Яневская, И.А. Горюшкина, Е.В. Мельникова. Существенно расширить наше представление о становлении и развитии театрального искусства в сибирских городах в его любительской форме помогает изучение участия в постановках такой социально-профессиональной группы городского населения, как военные; эта тема пока не получила специального исследования в литературе.

Военные внесли существенный вклад в развитие театральной культуры городов Западной Сибири. Для культурной жизни сибирской провинции этого времени были характерны недостаточное развитие профессионального театра, прерывистость начинаний городских властей в сфере зрелищной культуры. Поэтому театральное искусство здесь развивалось, главным образом, в форме любительской деятельности различных слоев городского общества, в том числе и военных. Эта деятельность была призвана восполнить нехватку разного рода зрелищ и возможностей интеллектуального досуга горожан.

Одной из форм содействия развитию в городах зрелищной культуры было предоставление военных зданий для различных массовых мероприятий. В Сибири постоянно функционирующих, стационарных театров было мало и они возникли здесь только к концу XIX в. Если в конце XIX в. в России было 216 театральных заведений (из них 189 – в Европейской России), то в Сибири их насчитывалось всего 9 (4% всех театров империи) [1. С. 78]. В Западной Сибири постоянные стационарные театры были лишь в Томске, Омске, Тобольске, Тюмени. Отсутствие специальных театральных помещений являлось большой проблемой для организаторов всевозможных представлений. Зачастую только военные располагали в городах достаточно просторными по площади помещениями, способными вместить большое количество народа. Именно поэтому весьма распространенным явлением было использование различных военных зданий: военных собраний, военных манежей, солдатских казарм, чайных и даже штабов для проведения театральных постановок, концертов и других зрелищ. В 1877 г., когда сгорело здание городского театра в Омске, для представлений было приспособлено здание военного манежа в крепости. И хотя помещение это плохо подходило для театральных постановок – зимой здесь было сыро и холодно, а летом душно и пыльно, – альтернативы город любителям драматического искусства просто не мог предложить [1. С. 64].

С 1875 г. в Томске театральные постановки и маскарады устраивались в здании военного манежа, расположенного рядом с казармами Томского резервного батальона, находящимися в юрточной части города на Соборной площади. Особенно активно манеж использовался для проведения увеселительных мероприятий с 1882 г., после того как здесь было снесено здание городского театра. Когда в 1883 г. возникла необходимость страховать здание манежа, томский уездный воинский начальник генерал-майор Ф.А. Нарский обратился с письмом к городскому голове с просьбой застраховать здание за счет города, мотивируя это тем, что благодаря часто устраиваемым представлениям, в том числе и с благотворительной целью, манеж «приносит больше пользы городу, чем военному ведомству». В результате городская дума согласилась с доводами Ф.А. Нарского и застраховала здание манежа за свой счет [2. Ф. Ф-233. Оп. 2. Д. 102. Л. 14, 57, 68, 77]. В 1890 г. в Тобольске военное начальство выделило 200 руб. для устройства новой сцены в здании военного манежа Тобольского резервного батальона. По отзывам местной прессы, «сцена устроена очень большая, и обставлена порядочно, занавес превосходный, декорации… пожалуй, превосходят декорации нашего драматического общества» [3. 1891. 22 февраля].

Особенно значима была помощь военных в предоставлении помещений для организации различных культурных мероприятий в малых городах, где проблема организации развлечений и зрелищ из-за отсутствия соответствующих театральных зданий стояла еще более остро. В июле 1882 г. в Семипалатинске труппа под управлением Леонова давала представления в помещении штаба войск Семипалатинской области [4. 1882. 11 июля]. А в Павлодаре 28 декабря 1890 г. состоялся любительский спектакль в здании казармы местной команды. Житель Павлодара, посетивший это представление, свидетельствовал: «Помещение в этот раз было свободное, что для нас, павлодарцев, особенно важно, так как за отсутствием больших зданий в городе, мы раньше довольствовались такими мизерными помещениями, в которых, при стечении большого числа публики, дышать было совершенно невозможно. Здесь же…

публика свободно приятно провела вечер» [3. 1891. 18 января]. О значимости вклада военных в организацию зрелищных мероприятий через предоставление своих помещений свидетельствует и тот факт, что в некоторых городах между артистами даже существовала конкуренция и велась борьба за военные помещения, приводящая иногда к конфликтным ситуациям. В 1885 г. в Бийске любители театрального искусства поссорились с уездным воинским начальником, который сначала пообещал им солдатскую чайную для организации благотворительного спектакля, а потом предоставил ее на неделю акробатам [5. 1885. 24 февраля].

Среди офицеров, военных чиновников и членов их семей было много любителей театрального искусства, которые принимали активное участие в организации театральных постановок, были талантливыми артистами. Для военных занятие театром было не только модным увлечением образованного общества, формой проведения досуга, компенсирующей недостаток развития зрелищной культуры в городах, но и способом творческого самовыражения, для которого собственно служба почти не давала возможностей. Любительские спектакли, организуемые военной интеллигенцией, собирали многочисленную публику, представленную не только служащими гарнизонов, но и горожанами. Многие из спектаклей, организуемых военными, носили благотворительный характер. Любовь к театру формировалась у будущих офицеров еще со времени пребывания в военно-учебных заведениях. В Омске в Сибирском кадетском корпусе любительские спектакли, в которых принимали участие воспитанники и преподаватели, были способами организации досуга, а также преследовали образовательные и воспитательные цели. Так, 27 мая 1899 г. в рамках празднования 100-летнего юбилея А.С. Пушкина в кадетском корпусе кадетами были разыграны сцены из произведений «Борис Годунов» и «Скупой рыцарь». 21 февраля 1902 г. праздновался 50-летний юбилей Н.В. Гоголя, в программу праздника входили кадетские спектакли «Женитьба» и «Ревизор» [6. С. 132, 135]. Подобные мероприятия, организуемые в учебном заведении, активно посещались родителями кадетов и городской общественностью.

В Омске офицеры и военные чиновники, их жены принимали активное участие в любительских спектаклях, входили в состав Омского драматического общества. По отзывам омской прессы, талантливыми актерами были военный топограф Г.П. Дроздов, адъютант Омского резервного батальона, штабс-капитан Е.К. Трескин. В местной печати в отзыве на спектакль Омского драматического общества «Кто в лес, кто по дрова», состоявшийся 9 февраля 1890 г., театральный критик отметил, что «особенно много смешили публику... комические лакеи Е.К. Трескин и Г.П. Дроздов» [7. 1890. 13 февраля]. Увлекался театром и военный врач И.Д. Куприянов. Он периодически входил в состав дирекции Омского драматического общества, а в сезон 1903–1904 гг. даже был его председателем. И.Д. Куприянов выходил на сцену и как талантливый актер и чтец-декламатор. 26 сентября 1895 г. в Военном собрании состоялся любительский спектакль «Общество поощрения скуки» по пьесе В.А. Крылова, в котором И.Д. Куприянов, а также подпоручик Омского резервного батальона М.К. Гомбинский, супруга помощника военного прокурора Е.В. Нелидова показали свою талантливую игру [8. 1895. 28 сентября]. 21 ноября 1901 г. на вечере в пользу недостаточных учениц Омской женской гимназии И.Д. Куприянов «хорошо пропел» арию Ленского из «Евгения Онегина», «еще лучше прочитал “Скупой рыцарь” А.С. Пушкина и сцену из комедии Грибоедова… был в этот вечер, что называется, “в ударе”» [9. С. 286]. В Тобольске в 1890-х гг. был создан настоящий офицерский театр. Уникальность его заключалась в том, что спектакли его носили не эпизодический, а регулярный характер, а также в том, что в театральных постановках участвовали не единичные талантливые офицеры, а большинство военных и их супруг, обнаруживших в себе незаурядные артистические способности. Театр успешно существовал на протяжении нескольких лет и пользовался большим успехом у публики.

Первоначально офицеры и их жены при поддержке командира батальона Н.И. Игнатьева решили организовать несколько спектаклей, сбор с которых предназначался для улучшения солдатского досуга и облегчения положения воспитанников военно-музыкантской школы при батальоне. 31 января 1891 г. был дан первый спектакль – комедия И.А. Салова «Дармоедка» и водевиль И.Л. Щеглова «Гастролерша». Спектакль любителей драматического искусства имел большой успех и собрал более 200 руб. «Мы давно не испытывали такого эстетического удовольствия, какое вынесли из этого спектакля, прошедшего великолепно. Такое дружное, естественное, местами художественное исполнение, какое мы видели в “Дармоедке” и “Гастролерше”, очень редко удается и заправским артистам, не говоря уже о любителях», – пишет очевидец [3. 1891. 22 февраля].

Появление военного театра встретило настороженное отношение в обществе. Бытовало мнение, что в Тобольске «даются “военные” и “штатские” спектакли исключительно вследствие желания г.г. офицеров изолироваться, образовать замкнутый кружок», что «военные решили не принимать никакого участия в спектаклях, даваемых членами Драматического Общества». Некоторые даже видели в устройстве спектаклей в манеже «узость взглядов г.г. офицеров на общественные задачи, отсутствие у них общественного чутья». Однако за военных вступилась газета «Сибирский листок», в одном из номеров которой напоминалось о благотворительных целях спектаклей военных и говорилось, что «не порицать и упрекать следует за это офицеров, а напротив благодарить, так как поддержание существования единственного в городе оркестра лежит на нравственной обязанности всего местного общества, если, разумеется, последнее не желает ограничить свои удовольствия выпивкой да винтом» [10. 1891. 28 февраля].

Успех первых спектаклей вдохновил офицеров на новое творчество. В местной периодике удалось обнаружить информацию о шести представлениях, данных в 1891 г., двух постановках, предпринятых в 1892 г., девяти спектаклях, сыгранных в 1893 г. Спектакли ставились на сценах как манежа, так и Военного собрания. Талантливыми артистами были офицеры и их жены: С.С. Балин, И.В. Нестеренко, А.И. Фадеева, Н.И. Заха-

ров, Л.С. Левантуев, А.В. Владимиров, А.П. Зощенко, В.В. Соколовский, И.К. Вислоух, А.А. Фокин, М.И. Беренс, А.А. Черницкая, Н.С. Мамеева, Ф.О. Левантуева, А.Г. Ермолаева, Т.Г. Попова, В.П. Соколова, М.Н. Плотникова. По отзывам местных театральных критиков, Т.Г. Попова обладала «недюжинными артистическими способностями», Л.С. Левантуев играл «просто, естественно, без малейшего шаржа», И.К. Вислоух «подает большие надежды», А.Г. Ермолаева была «неподражаемо хороша», С.С. Балин «играл хорошо», И.В. Нестеренко «был правдив».

Постепенно прошли неприятие и ощущение конкуренции со стороны Драматического общества, многие любители состояли в обоих обществах. Стали даваться и совместные спектакли: 25 февраля 1894 г. в здании манежа были даны комедия В. Александрова «Уголок Москвы» и шутка И.Л. Щеглова «Мышеловка» [10. 1894. 3 марта]. Ставились спектакли и вместе с гастролирующими артистами. 4 июля 1893 г. в лагерном помещении Офицерского собрания состоялся совместный спектакль любителей со знаменитым столичным актером Н.А. Самойловым-Мичуриным «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, а 1 августа 1893 г. ими же была сыграна драма А.И. Сумбатова «Арказановы» [10. 1893. 8 июля, 5 августа].

В репертуаре военного театра были традиционные для любительских театров пьесы – комедии и водевили популярных современных драматургов. Ставили комедии «Василек» В.А. Крылова, «Аспид» И.А. Салова, «Теплые ребята» С.Ф. Разсохина, «Гувернер» В.А. Дьяченко, «Медведь» А.П. Чехова, «Женская чепуха» И.Л. Щеглова, «Крокодиловы слезы» Е.П. Карпова. Но весьма успешно ставились и серьезные драматические произведения. 28 ноября 1891 г., как свидетельствует местная газета, «трудное предприятие постановка у нас, на провинциальной сцене с “любительскими” силами Лермонтовского “Маскарада”, увенчалось сравнительно блестящим успехом» [10. 1891. 1 декабря]. 29 декабря 1893 г. также талантливо была сыграна социальная драма И.В. Шпажинского «Прахом пошло» [10. 1894. 6 января].

Активная деятельность военного театра продолжалась до 1894 г., когда командиром Тобольского резервного батальона был назначен полковник К.С. Крживоблоцкий, который, видимо, был противником участия военных в театральных постановках. Со времени смены командира батальона культурная жизнь офицеров части перестала быть столь насыщенной, творческой и общественно-значимой, как ранее. Возобновились театральные постановки лишь в конце 1890-х гг. после прихода в батальон нового командира полковника Д.А. Рудницкого. Любительские спектакли с участием военных и членов их семей известны и в других городах региона. В Тюмени в 1880 г. организацией спектакля и концерта занималась супруга подпоручика Чеблакова [11. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16567. Л. 1]. В Томске 4 декабря 1885 г. офицерами Томского резервного батальона в здании манежа были поставлены пьесы В. Александрова комедия «Завоеванное счастье» и шутка «Прелестная незвакомка» [3. 1885. 5 декабря]. В Кокчетаве 1 января 1892 г. кружком любителей драматического искусства «при особенно горячем участии начальника местной команды В.Я. Куйбышева» был дан спектакль по пьесе В.А. Тихонова «Через край» и разыгран водевиль Д.А. Мансфельда «Не спросясь броду не суйся в воду» [10. 1892. 23 февраля].

Важное место в культурной жизни городов региона занимали солдатские театры. В конце XIX – начале XX в. театр начинает активно входить в арсенал воспитательных и просветительных средств, используемых офицерами в деле подготовки солдата. В военной периодике того времени, в педагогических и публицистических трудах неоднократно обсуждался вопрос о приобщении нижних чинов к театральному искусству. В 1906 г. полковник М.С. Галкин советовал молодым офицерам: «Солдатские спектакли во многом облегчат вам тесное общение с нижними чинами. Постановка пьесы тянется долго, репетиций бывает много, – все это случаи, которые вы можете широко использовать, преследуя свои военно-воспитательные задачи» [12. С. 115]. Военный педагог М. Левитский в 1910 г. в статье о воспитании солдата писал: «Подвиги Сусанина, Василия Рябова, Агафона Никитина и др., воспроизводимые на сцене, безусловно, живее затронут душу солдата, чем описания тех же подвигов, хотя бы даже написанные гораздо талантливее пьес. Поэтому необходимо возможно чаще ставить спектакли для нижних чинов как при участии их самих, и в исполнении лиц более или менее знакомых со сценой, так как хорошее исполнение скорее заронит в солдатскую душу хорошее чувство» [13. С. 302]. Спектакли должны были способствовать умственному, нравственному и эстетическому развитию солдат, заполнять их досуг, предоставлять разумные развлечения.

В 1875 г. законодательно было разрешено нижним чинам посещать театры (с теми ограничениями, которые могли наложить местные военные начальники сообразуясь с местными условиями) [14. 1875. 8 февраля]. В приказе по войскам гарнизона Томска от 13 мая 1896 г. его начальник полковник А.Ф. Кудрявцев в ответ на возбужденный командиром Томского резервного батальона вопрос о посещении нижними чинами вверенной ему части разрешил солдатам ходить в театр и цирк на следующих условиях: занимать места в театре только в амфитеатре и галерее, а в цирке – 3-й и 4-й ряды позади лож и в галерее. При этом посещать клубы, маскарады и танцевальные вечера строго воспрещалось [2. Ф. Ф-412. Оп. 1. Д. 2. Л. 43].

Обычно выводом солдат в театр сопровождалось празднование различных торжеств и юбилеев. В Омске 26 ноября 1908 г. в ходе празднования Дня Георгия-Победоносца и одноименного ордена состоялось посещение нижними чинами городского театра, где была представлена пьеса «Пожар Москвы» [15. 1908. 30 ноября]. 21 и 22 февраля 1913 г. в рамках празднования 300-летия Дома Романовых для нижних чинов Омска также был организован просмотр спектаклей [16. С. 64]. По свидетельству одного из современников, видимо, хорошо знакомого с культурной жизнью Петербурга, подобные спектакли, на которых присутствовала огромная масса нижних чинов, представляли собой интересное явление и напоминали инвалидные концерты в столичных театрах (благотворительные представления, регулярно организуемые с 1813 г. в

поддержку инвалидов войны, вдов и сирот) [15. 1908. 30 ноября]. Однако в условиях недостаточного развития в городах профессиональных, стационарных театров основным способом приобщения нижних чинов к театральной культуре были любительские солдатские спектакли.

В Омске в разное время и в различных воинских частях устраивались представления для солдат. Известно, что в 1870-х гг. солдатские спектакли организовывались нижними чинами 1-го Западно-Сибирского линейного батальона, о чем упоминает в своем дневнике генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант А.П. Хрущев, внимательно следивший за культурной жизнью в городе [17. С. 86]. В 1890-х гг. театральные представления активно устраивались солдатами Омского резервного батальона. Они проводились зимой в манеже, а летом на открытой сцене. Руководил солдатским театром поручик Н.Г. Осипов. Подполковник Н.М. Фукин писал: «Конечно спектакли эти имели большое воспитательное значение и увлекали собой самих участников» [18. С. 104]. 3 июля 1894 г. солдатами батальона, игравшими «весьма порядочно», был дан водевиль «Ямщики» [8. 1894. 7 июля]. 31 декабря 1895 г. разыграна комедия А.А. Потехина «Мищура» и картинки из лагерной жизни В.А. Крылова «Секретное предписание» [8. 1895. 31 декабря]. Откликаясь на один из спектаклей, устроенный поручиком Н.Г. Осиповым 6 декабря 1894 г., местная пресса писала: «Устроитель, поручик Осипов, очевидно, преследовал две хорошие цели: разумно употребить досуг солдат и доставить развлечение народу. Надеемся, что он достиг желаемого. Свободных мест в театре оставалось немного. Оркестр, хор и актеры дружно старались угодить слушателям, которые, видимо, остались вполне довольны их усилиями» [8. 1894. 8 декабря]. В 1910-х гг. устраивались представления и в батареях 2-го дивизиона 11-й стрелковой артиллерийской бригады под руководством поручика Вольского [19. Ф. 3838. Оп. 1. Д. 1. Л. 68]. В Томске в 1891 г. два спектакля были даны нижними чинами Томского резервного батальона. Целью этих мероприятий, по высказываниям офицеров – устроителей спектаклей, было стремление «доставить солдатам развлечения, облагораживающие их грубые чувства, и тем отвлечь солдат от грубых развлечений» [2. Ф. Ф-411. Оп. 1. Д. 11. Л. 25].

Следует отметить, что солдатские спектакли были очень популярными не только в крупных административных центрах, но и в других городах Западной Сибири, даже в отдаленных и небольших гарнизонах. И.М. Майский, сын военного врача М.И. Ляховецкого, в своих воспоминаниях упоминал, что они с отцом в 1893 г. присутствовали на солдатском спектакле в Копале Семиреченской области (входившей в то время в состав Омского военного округа), где силами нижних чинов местного гарнизона была поставлена популярная в армии пьеса «Царь Максимилиан». Постановка эта, видимо, была неудачной, по крайней мере, на маленького мальчика она не произвела благоприятного впечатления: «На крохотной сцене, в душных казармах, в сорокоградусную жару в течении двух часов дико кричали, топали и дрались “военные артисты”. Все роли исполнялись мужчинами. Сам “царь” и все его придворные были одеты в какие-то совершенно фантастические формы, звеневшие бесчисленными побрякушками при каждом движении героев. Из-под голубого платья “царицы Эльвиры” выглядывали густо пахнущие дегтем солдатские сапоги. Я забыл сейчас содержание пьесы, но помню, что даже у меня, девятилетнего мальчика, оно вызывало недоумение своей нелепостью. К этому прибавлялось еще исполнение. Я никогда не забуду, как в одной из сцен громадно-уродливый “царь Максимилиан”, хватаясь за саблю, грозным голосом кричал своему сопернику: «“Не подходи ко мне с отвагой, – не то посмотришь, как проколю тебя я шпагой, глядя на оную в скобках!” На самом деле возглас “царя Максимилиана” кончался на второй строчке, после которой в скобках стояла ремарка… Солдат-артист, однако, не отделял текста от ремарки и с завидной добросовестностью произносил все вместе» [20. С. 55].

А вот солдатский спектакль в Туринске, разыгранный нижними чинами местной команды, состоявшийся весной 1896 г., был более удачным. Поставлены были пьесы «Старичков и Чайка», «Девушка-ефрейтор». Большую просветительную работу с нижними чинами местной команды проводил уездный воинский начальник и начальник команды подполковник И.Л. Скурский. Он выписал в команду «волшебный фонарь», брошюры и картинки разнообразные по содержанию (военное дело, священная история, явления природы). Благодаря его же стараниям были заведены в команде постоянная сцена и реквизит для постановки спектаклей. Газета «Степной край» сообщала: «Исполнено все было очень хорошо, несмотря на то, что некоторые из любителей-актеров никогда, до поступления в военную службу, не слыхивали о театре, представлении... Вообще благодаря частым чтениям, устраиваемым с нижними чинами команды, благодаря спектаклям, хотя и редким, уровень умственного и нравственного развития между солдатами значительно увеличился». В газете также отмечалось, что и городская масса «с большим удовольствием идет на солдатский спектакль, чем на вольный любительский, объясняя это тем, что в казарме: за билеты – берут недорого, долго играют, есть музыка и все выходит хорошо, а у любителей: – все не так: многие не знают ролей, путаются и из-за этого на сцене ругаются» [8. 1896. 21 апреля]. Подобные спектакли в условиях провинциальной скуки были значимыми явлениями в культурной жизни города, поскольку «туринец не избалован развлечениями… и каждое маленькое происшествие дает пищу для разговоров на несколько недель» [10. 1892. 10 декабря].

В Березове 6 декабря 1899 г. в казарме местной команды был устроен солдатский спектакль. Как сообщает один из зрителей представления: «Пьесы, конечно, были выбраны сообразно развитию исполнителей и, для солдат, сыграно не дурно. На спектакле присутствовали, кроме обычных в таких случаях посетителей, и те, которых можно причислить к местной «“интеллигенции”» [10. 1900. 10 января]. А 26 января 1900 г. состоялся еще один солдатский спектакль, «привлекший опять много публики» [10. 1900. 13 января]. По мнению горожанина, «скука в городе страшная, а других развлечений никаких нет, свой же “любитель-

ский” спектакль вот уже несколько лет не может устроиться» [10. 1900. 10 января].

Первоначально основной репертуар солдатских театров находился в рамках традиционного русского народного театра. Особой популярностью среди солдат русской армии пользовались народные драмы «Царь Максимилиан», «Лодка», «Царь Ирод». В середине XIX в. в Омске, по свидетельству выпускника Сибирского кадетского корпуса Ф. Усова, «солдаты, казаки и артиллеристы, для собственного удовольствия и для увеселения простого народа, представляли, как и всегда, три комедии: “Царя Максимилиана”, “Царя Ирода” и “Лодку”», которые среди солдат «сохраняются преданием» [21. С. 130]. То же наблюдалось и в Восточной Сибири. В Иркутске, например, в 1840-х гг. солдаты в казармах ставили «Францеля Венециана» и «Царя Максимилиана». А знаменитый иркутский актер Н.И. Дубов рассказывал в своих воспоминаниях о том, что в село Тельма Иркутской области пьесы «Царь Максимилиан» и «Царь Ирод», ставившиеся здесь в 1880-х гг., были занесены именно отставными солдатами [1. С. 43]. Однако в конце XIX – начале XX в., видимо под влиянием офицеров-воспитателей, занимающихся организацией спектаклей для нижних чинов, в репертуаре солдатских театров появились комедийные пьесы популярных современных драматургов.

Участие в представлениях способствовало умственному развитию нижних чинов, вводило в мир драматического искусства, воспитывало зрительскую культуру, в занимательной форме знакомило их с сюжетами библейской и русской истории, сказок и былин. Однако по своему значению солдатские спектакли выходили далеко за рамки чисто утилитарных военных потребностей и играли большую роль в развитии городской театральной культуры. Солдатскими спектаклями сопровождались народные гуляния, городские праздники, благотворительные мероприятия. Спектакли пользовались большой популярностью и успехом у зрителей. Публику солдатских театров в «провинциальных столицах» составляли нижние чины, казаки, мещане, разночинцы, крестьяне, а в малых городах – все слои городского населения. Большую роль в сохранении популярности солдатских спектаклей играла атмосфера непринужденности, царившая в импровизированных театральных залах, демократичность репертуара, дешевизна билетов. Местная общественность высоко оценивала солдатские театры. Газета «Степной Край» писала, что подобные спектакли «имеют хорошее воспитательное значение для играющих и зрителей, большинство которых принадлежит к городскому мещанскому классу», «нельзя не пожелать более широкого развития подобных спектаклей» [8. 1894. 8 декабря, 29 декабря], поскольку «подобные увеселения всегда найдут себе зрителей и принесут ожидаемую от них пользу» [8. 1895. 12 января].

Таким образом, театральная деятельность военных являлась значимой частью культурной жизни городов Западной Сибири конца XIX – начала XX в. В условиях провинции, при отсутствии развитой театральной инфраструктуры, характерной для столиц, солдатские и офицерские спектакли являлись важными компенсаторами в процессе приобщения гражданского населения к театральной эстетике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мельникова Е.В.* Театр и город сибирской провинции (конец XIX – начало XX в.). Омск, 2004.
2. *Государственный* архив Томской области.
3. *Сибирский* вестник.
4. *Сибирская* газета.
5. *Сибирская* жизнь.
6. *Краткий* исторический очерк Первого Сибирского Императорского Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915.
7. *Акмолинские* областные ведомости.
8. *Степной* Край.
9. *Белокрыс М.А.* Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – середина XX вв.). Т. 2. Омск, 2006.
10. *Сибирский* листок.
11. *Исторический* архив Омской области.
12. *Галкин М.С.* Новый путь современного офицера. М., 1906.
13. *Левитский М.* Воспитание солдата // О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1990. С. 297–313.
14. Т*обольские* губернские ведомости.
15. *Омский* телеграф.
16. *Обзор* Акмолинской области за 1913 год. Омск, 1914.
17. *Ремнев А.В.* Генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущев и его омский дневник // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 81–87.
18. *Фукин Н.М.* История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907.
19. *Российский* государственный военно-исторический архив.
20. *Майский И.М.* Перед бурей. М., 1945.
21. *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVII – первая половина XIX века. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 90–95 DOI: 10.17223/15617793/376/16

УДК 39:256

Е.В. Нам

МИФ И АРХЕТИП КАК ОСНОВА ШАМАНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В25.31.0009.

Рассматривается символическая функция мифа как наиболее раннего примера по осмыслению и символизации человеческого опыта взаимоотношений с реальностью, а также осуществляется анализ того, каким образом мифологическое сознание порождает шаманское мировоззрение и особый тип психоментальной активности – шаманскую практику. Утверждается, что шаманизм является универсальной ранней системой мировоззрения, в которой осуществлялся перевод базовых психических структур и процессов в символические (ментальные) образы и действия с целью экзистенциальной адаптации первобытного коллектива к ситуации выделенности из мира природы и необходимости взаимодействовать с ним.

Ключевые слова: миф; архетип; ритуал; шаманизм.

Что такое миф? Какова его связь с архетипом? Какую роль они играют в формировании и особой жизнестойкости шаманского мировоззрения? За каждым из этих вопросов стоит длительная история научных поисков, ошибок и гениальных открытий, которые позволяют нам сегодня прикоснуться к самым ранним этапам становления человеческой культуры, понять, как происходило пробуждение сознания и на чем основывалась та ментальная активность, благодаря которой человек проложил себе путь к смыслам собственного бытия. На современном этапе развития гуманитарного знания становится все более ясным, что на смену эпохе систематизации фактов пришло время целостного подхода к предмету исследования, который позволит за разрозненными, на первый взгляд, явлениями культуры увидеть закономерные связи. И одной из важнейших задач в этом направлении является осуществление «реконструкции духовного универсума людей иных эпох и культур» [1. С. 3].

Погружаясь мыслью в далекое прошлое, в темную архаику, вдумчивый исследователь всегда должен помнить, что, занимаясь разгадыванием смыслов, заложенных в причудливых образах разных культур, он совершает, прежде всего, путешествие в сложных лабиринтах человеческой мысли. Он не столько реконструирует облик реальности далекого прошлого, «сколько представляет то, что из реальности сделала мысль» [2. С. 17]. «Мы не столько воссоздаем, сколько создаем новые тексты о прошлом, которым присваиваем статус реконструкции» [2. С. 16].

И здесь не нужно забывать о том, что стремление к удвоению реальности – родовое свойство человека. Еще И. Кант высказал гениальную мысль о том, что реальность и наши представления о ней несводимы друг к другу. Его знаменитая «вещь в себе» – это мир, какой он есть на самом деле. Но такова участь человека, что он никогда не познает «вещь в себе», так как вся данность мира с необходимостью проходит процедуру осознавания. А значит, в процессе познания всегда есть посредник, который преподносит нам реальность в виде определенных смыслов. И только эти смыслы мы можем изучать, познавать и разгадывать. Именно они составляют суть феномена человеческой культуры. Современная наука все более утверждается в мысли о том, что «теории, описывающие явления природы, включая и описание “законов”, представляют собой продукт человеческого сознания, следствия понятийного структурирования нашей картины мира, а не свойств самой реальности» [3. С. 260]. Тем более притягательным становится для современного исследователя изучение ранних форм культуры, дающих примеры особых взаимоотношений человека и мира и подтверждающих эвристические возможности символической концепции культуры. Символическая концепция, уходящая своими истоками в философию Канта и Шеллинга, обращает нас к сложнейшему феномену человеческого сознания, «символическая функция» которого и составляет фундамент всей культуры. Шеллинг «решил заменить изобретателей, поэтов и индивидуумов вообще самим человеческим сознанием и доказал, что именно оно является вместилищем, subjectum agens мифологии» [4. С. 19]. Э. Кассирер полагал, что в «символической функции» открывается сама сущность человеческого сознания – его способность существовать через синтез противоположностей [5. С. 727]. Согласно его теории язык, миф и наука являются основными символическими формами, в которых реализуется мир человеческой культуры и которые можно рассматривать как ступени его эволюции.

В рамках данной статьи мне бы хотелось рассмотреть символическую функцию мифа как наиболее раннего примера по осмыслению и символизации человеческого опыта взаимоотношений с реальностью, а также проследить, каким образом мифологическое сознание порождает шаманское мировоззрение и особый тип психоментальной активности – шаманскую практику.

Возникновение сознания – это некое условно произошедшее в далеком прошлом событие, которое запечатлено в космогонических мифах. Данные мифы представляют нам ситуацию осмысления, придания человеческого смысла некоей реальности, хаосу, «приспособления его к возможностям человеческого мозга» [6. С. 27]. Поэтому в ранних космогонических мифах творение мира никогда не происходит из ничего, существует некая исходная ситуация, наделенная минимумом знаковых характеристик. Как правило, в этой исходной ситуации подчеркивается недвойственность, однородность мира, его существование вне дуальных черт (например, безбрежная водная стихия, беспросветная ночь и т.д.), отсутствие элементов организации. Процесс космогенеза, наоборот, предполагает введение знаковости, придания определенного значе-

ния элементам мира и формирование структуры космоса, основанной на противопоставлениях. Творение представляет собой процесс введения ряда противоположностей: отделение неба от земли, суши от вод, создание светил и, как следствие этого, появление временных оппозиций (день – ночь, весна (лето) – зима (осень)) [7. С. 22]. Переживание и попытки преодоления раздвоенности сознания приводят к тому, что «человек воздвигает между собой и воздействующей на него изнутри и извне природой… мир знаков, чтобы принять в себя мир предметов и работать над ним…». И этот «новый мир знаков сам с необходимостью представляется сознанию как вполне “объективная” действительность» [4. С. 36]. Символ начинает выступать в роли посредника между миром природы и миром человеческой культуры.

В.Н. Топоров, говоря о реконструкции древних знаковых систем, предлагал обратить внимание на несколько тезисов. В частности он указывал на то, что чем древнее знаковая система, тем более тесная связь существует между нею и ситуацией, которую она моделирует, тем больше степень семиотичности отражений исходной ситуации. Значит, в древних знаковых системах практически все значимо и возникают устойчивые ряды отождествлений между элементами мифа и ритуала в совокупности и исходной беззнаковой ситуацией [7. С. 14].

Создание символа подразумевает некую мыслительную операцию по снятию противоречия, это процедура медиации. К. Леви-Строс установил, что миф – это обязательно бинарная структура, но также и логический инструмент по разрешению противоречий. Мифы как символические структуры нужны именно для того, чтобы выполнять функцию медиации и примирять человеческое сознание с реальностью. Так, благодаря образу культурного героя в архаических мифологиях происходит снятие напряжения между природной и социальной сферами. К.Г. Юнг осмыслял образ культурного героя как синтез «божественного» (т.е. еще не очеловечившегося) бессознательного и человеческого сознания [8. С. 102]. Образ богини-матери, подательницы жизни олицетворяет посредническую функцию женщины, связующей видимый и невидимый миры, а значит, мир человеческий и потусторонний [9. С. 252]. Скорее всего, вся система бинарных оппозиций уходит своими корнями в центральную дилемму священного и мирского (= природа и культура).

Еще В. Вундт обратил внимание на то, что мифология, как и всякий продукт духовного творчества, может рассматриваться в двояком смысле: историческом и психологическом. Поэтому одной своей половиной она относится к истории духовной культуры, а другой половиной – к психологии, особенно к психологии народов [10. С. 248–250]. Психологический и культурно-исторический подходы к изучению мифов тесно связаны друг с другом. Только апеллируя к «психическим мотивам» культурного явления, мы можем приблизиться к разгадке его сокровенного смысла, каким он представлялся его создателям. И здесь нам вновь может помочь рассмотрение мифологического сознания с позиций его символической функции. Символ обращен как к бессознательной сфере, так и к сфере сознания. Он есть мост между естественностью и сделанностью мира [11. С. 222]. К.Г. Юнг полагал, что тот или иной образ (слово, изображение) будет символичным, если он подразумевает нечто большее, чем его очевидное и непосредственное значение, а значит, он имеет более широкий «бессознательный» аспект, который невозможно точно определить и объяснить [12. С. 25].

Мифы как проявленные образы, запечатленные в сознании и культурной памяти народа, уходят своими корнями в глубинные психические структуры, где находится царство архетипов. Не случайно Юнг различал архетип и архетипический образ, т.е. архетип, подвергнутый сознательной обработке в мифе или в других продуктах духовного опыта. Архетип – это некая априорная форма психики, упорядочивающая отдельные психические элементы, выстраивая их в определенную структуру. Архетипы в чем-то подобны априорным формам мышления И. Канта, которые являются универсальными категориями познания и благодаря которым человек имеет возможность упорядочивать свой опыт и моделировать ту или иную картину мира. Архетипы также универсальны. Они задают типовые схемы психической активности человека и, по мысли Юнга, тесно связаны с инстинктами. Архетипы, как и инстинкты, намного древнее культуры и поэтому не передаются с традицией, а наследуются вместе с мозговой структурой. Архетипы связаны с той частью инстинктов, которые могут проявлять себя только посредством символических форм, поэтому их можно назвать «врожденной формой интуиции» [9. С. 251]. Таким образом, к тому моменту, когда человек совершил свой первый шаг на пути к сознанию, а значит, и к культуре, он уже обладал готовым инструментарием, благодаря которому смог приспособить свою психическую активность к продуцированию уникальных культурных форм и к существованию в сфере осмысленного бытия.

Наличие архетипической структуры в психике человека помогает понять механизмы создания символов и их функционирования в культурном пространстве архаических, а также современных социумов. Даже универсальные категории разума, такие как время, пространство, число, причина и т.д., родом из мифологического мышления и вплетены в архетипическую структуру. Религия (а значит, и миф), по мысли Э. Дюркгейма, не просто обогатила человеческий ум известным числом идей, а внесла вклад в формирование этого ума. «Люди в значительной мере обязаны ей (религии) не только содержанием своих положений, но также и формой, в которой эти познания отлиты» [13. С. 185].

Что же представляет собой миф в свете теории архетипов? От самых ранних и простых своих форм и до наиболее сложных он никогда не являл собой мертвую схему, никогда не был отвлеченным и умозрительным образом, но всегда был заряжен огромной энергией и переживался как живое наличное бытие. Возможно, именно архетип обладал мощной психической энергией, которая и порождала миф, выраженный в архетипических образах. «Архетипы имеют ту общую с атомным миром особенность, которая выразительно доказана в наши дни, что чем глубже в мир бесконечно ма-

лого проникает эксперимент исследователя, тем более губительные энергии, связанные там, он находит. Что самое малое может породить колоссальную энергию, стало уже очевидно не только в области физики, но и в ходе психологических исследований» [14. С. 219]. Можно предположить, что владение психической энергией, сокрытой ныне в сфере бессознательного, но легко доступной для человека далекого прошлого, могло открыть путь для огромной творческой активности по означиванию реальности и созданию мифов. С возникновением сознания архетипы получили возможность быть воплощенными в конкретных образах. Чем сильнее была связь с первичной психической энергией, чем менее была власть сознания, тем мощнее должен был быть процесс мифотворчества. Процесс создания мифов – это процесс становления сознания. Символ, объединяющий естественность и сделанность (прежде всего ментальную) мира, сохраняет в себе ту творческую энергию, которая его породила.

Кем могли быть те первые люди, первопроходцы, принявшие на себя всю мощь энергии проснувшихся архетипов и всю тяжесть процесса мифотворчества? – Только титанами и героями, именно такими, какими их почитает священная традиция. Поэтому, мне кажется, что образ культурного героя относится к наиболее ранним архетипическим образам и генетически предвосхищает образы различных богов. В процессе развертывания усложняющегося содержания сознания он занимает среднюю позицию между миром богов и миром людей, может выступать в роли сына или посланника божества. Не надо думать, что образы культурных героев могут быть соотнесены с реально существовавшими личностями. В коллективных представлениях ранней мифологической традиции, не знающей индивидуальности, за персонажами мифологических сюжетов могло скрываться только формирующееся сознание как таковое. Поэтому мы можем говорить о том, что фигура культурного героя – это спроецированное вовне раннее содержание сознания, его олицетворение. Само по себе появление этой фигуры говорит об осуществившемся разделении «Я» (по всей видимости, коллективного) и «не-Я», т.е. и о возникшей необходимости посредничества между ними. Согласно логике мифологического сознания культурный герой воплощает в себе всю полноту как человеческого, социального мира, так и дочеловеческого, природного [15. С. 34].

Становление мифа мы можем представить как двуединый процесс. С одной стороны, все большая дифференциация сознания, усиливающийся дуализм мировосприятия, необходимость эмоционального и экзистенциального переживания двойственности, дающие мощное «биологически интуитивное» ощущение жизни, – основной источник культурного творчества. С другой стороны – поддерживаемый всеми скрепами первобытной культуры синкретизм сознания, который, претворяясь в мифах и ритуалах, всегда позволял воссоединиться с окружающим миром, ощутить природу родным домом, вернуться во времена, предшествующие творению [16. С. 117]. По мере развертывания и усложнения структуры сознания все меньшей становится связь человека с первичными психическими структурами и все большую роль начинают играть культурные доминанты. Человек постепенно утрачивает способность создавать мифы, но еще умеет их оживлять.

Умение оживлять мифы является необходимым условием существования мифологического сознания и традиционных обществ в целом. В диспозиции сакрального и обыденного традиционные общества ориентированы на изначальную сакральность бытия. Мифологическая традиция выводит все элементы структуры мироздания из сферы сакрального. Но этот процесс не является необратимым. Все может быть вновь возведено к изначальной сакральности. Данная ситуация «все-сакральности» имеет непосредственное отношение к ритуалу, который восстанавливает утраченную или утрачиваемую сакральность [17. С. 13]. Ритуал – это всегда действие, наполненное как символическим, так и психологическим содержанием. Символизм ритуала направлен на изменение сознания с целью возвращения к ситуации непрерывности, невыделенности, на снятие напряжения, создаваемого осознанием двойственности. В.Н. Топоров рассматривал миф и ритуал как два противоположно направленных в своем воздействии культурных феномена. «…Миф решительно поворачивается спиной к непрерывности, желая перекроить и нарушить мировой порядок посредством различий, контрастов и оппозиций». Ритуал «стремится к непрерывности, пытается слиться с нею, хотя изначальный разрыв, произведенный мифологической мыслью, не дает никакой возможности для того, чтобы эта работа хоть когда-нибудь завершилась» [Там же. С. 41]. В то же время он указывал на то, что чем древнее знаковая система, тем более высокая степень изоморфности или выводимости друг из друга наблюдается между мифом и ритуалом как образцами исходной ситуации [7. С. 4].

Е.М. Мелетинский, проанализировав различные научные подходы в изучении мифа и ритуала, пришел к выводу о недоказуемости тезиса о примате ритуала над мифом, о несущественности различий между ними. Мы можем говорить о том, что миф и ритуал составляют два аспекта первобытной культуры – словесный и действенный [18. С. 30]. Е.А. Торчинов предложил рассматривать миф и ритуал, по крайней мере, в ряде случаев, как производные от чего-то третьего, первичного по отношению к ним. И этим третьим и определяющим он считает «некое глубинное переживание перинатального или трансперсонального характера, выраженное через архетипические образы в нарративе мифа и реально или символически воспроизводимое средствами ритуала» [19. С. 41]. Ю.В. Балакин предложил ввести термин «ритуальный архетип» и выделил первичные и универсальные действия, лежащие в основе и представляющие собой прецедент любой практической деятельности человека. Среди таких действий могут быть названы: удар, вращение, качание, а также операции по разъединению и соединению [20. С. 223]. Можно предположить, что в силу своей универсальности и первичности данные действия могут носить архетипический характер и являть собой вариант осознанной активности, переживаемой как вариация на тему космоустроительной деятельности. Ведь несомненно, что космогенез – это движение (часто с использованием орудийной

деятельности), направленное «на разрушение первичной целостности, в результате чего из природы творится культура» [20. С. 224].

Архетип – это только форма, которая может воплотиться в различных вариантах как мыслительной, так и деятельной активности. Поэтому любые действия человека, наделенные символическим смыслом, имеют архетипическую природу. Возвращаясь к ситуации всесакральности, господствовавшей в первобытных социумах, можно говорить о том, что любая деятельность изначально была ритуализована. Поэтому ритуал можно рассматривать как прецедент любой производственно-экономической, духовно-религиозной и общественной деятельности, их источник, из которого они развились [17. С. 17]. Также и миф, заложивший основу духовного развития человека, лег в основу универсальных категорий культуры, «без которых она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях» [21. С. 46]. Благодаря символической концепции культуры миф и ритуал максимально сблизились между собой и рассматриваются как различные знаковые формы. В.М. Пивоев видит в мифе «объективацию мифологического сознания в вербальных (словесных) или иных знаковых формах (танец, жест, изображение, музыка), в обрядах» [6. С. 11]. К этому определению можно добавить, что объективации подвергается «биологически интуитивная непосредственность соприкосновения сознания и вещей» [22. С. 72], имеющая архетипическую структуру.

Символическая концепция культуры, дополненная теорией архетипов, может с успехом использоваться для анализа и реконструкции мифоритуальной традиции сибирского шаманизма. Мифологическое сознание как основа архаических и традиционных культур выступает фундаментом шаманского мировоззрения. Мифологическое мировосприятие предполагает, с одной стороны, фиксацию шаманского мировоззрения в определенной ценностной системе координат, на которой располагаются представления о мире, о человеке, о сверхъестественных существах, о способах общения с ними и т.д. С другой стороны, оно фиксирует определенную динамику развития сознания, которое в своем стремлении преодолеть двойственность бытия неизбежно порождает различные религиозные практики, основанные на трансформации сознания. И действительно, пожалуй, ни одно из явлений человеческой культуры не обнаруживает столь тесной, неопровержимой и явной связи социокультурных и психологических элементов, как шаманизм.

Еще в первой половине XX в. известный исследователь шаманизма С.М. Широкогоров ввел понятие «психомыслительный (психоментальный) комплекс», с помощью которого можно было описать столь сложный и необычный культурный феномен. Психоментальный комплекс, по мысли ученого, – это «те элементы культуры, которые являются психической и интеллектуальной реакцией на окружающую среду, это, в сущности, способ адаптации к постоянной или меняющейся, статичной или динамичной среде. Психоментальный комплекс – это функция, обеспечивающая существование этноса как целого, благодаря которой он и проявляет себя» [23. С. 26]. По сути дела, в этом определении уже просматривается дальнейшая перспектива изучения шаманизма в качестве универсальной ранней системы мировоззрения, в которой осуществлялся перевод базовых психических структур и процессов в символические (ментальные) образы и действия или коллективные представления с целью экзистенциальной адаптации социума (первобытного коллектива) к ситуации выделенности из мира природы и необходимости взаимодействовать с ним.

На мой взгляд, при всей значимости культурных факторов шаманского обряда символические действия шамана неизбежно указывают на определенное состояние его сознания. Вписанность психологических факторов шаманского камлания в культурный контекст не позволяет разделить их и рассматривать как два разных явления. Особые состояния шамана во время камлания, представленные в символической интерпретации как путешествие в небесный или подземный мир или как воплощение духов, есть не что иное, как интроекция и творческая переработка отчужденных коллективом ранних представлений, сформированных на стадии господства мифологического сознания и трансперсональной сферы человеческой психики. Возможно, сам процесс мифотворчества тесно связан с трансперсональной сферой, а значит, и с различными вариантами измененных состояний сознания. М. Элиаде считал, что «невозможно представить себе время, когда бы человек не видел снов, не грезил наяву и не впадал в транс, то есть не терял бы сознания, что толковалось как путешествие души в иные пределы» [24. С. 31]. Исходя из этого, он делает предположение о возможном существовании своего рода шаманства в эпоху палеолита. Поиску шаманских черт в палеолитическом искусстве посвящены многие работы А.П. Окладникова.

Возможно, системообразующим фактором в образовании совокупности архетипов оказался механизм гипнотического запечатлевания [25. С. 177]. Гипнотическое (или сумеречное) состояние сознания, еще не способное четко оконтурить структуру бытия, но открытое для первобытной психической энергии, могло стать мощным стимулом в культурной эволюции человечества. Поскольку, как уже говорилось выше, развитие сознания влечет за собой все более четкое оформление структуры реальности, расширение мифологической традиции, но в то же время ослабление связи с ранними психическими структурами, все более сложным становится процесс психической трансформации и перехода от одного состояния сознания к другому. В мифологических традициях разных народов этот процесс осмысляется как утрата связи между Небом и Землей и утрата бессмертия. Этот процесс можно рассматривать и как начало индивидуальности, поскольку осознание смертности свойственно лишь существу, ощущающему свой отрыв и отдельное существование от некоего первоначального единства.

Традиционному обществу отчуждение ранних коллективных представлений, потеря связи со сферой сакрального бытия, с психической энергией, породившей мифы, грозили бы катастрофой. Но символическая функция мифологического сознания крепко цементировала традицию, порождая новые, но в то же

время парадигматичные варианты разрешения противоречий. Если ранее мифы выполняли функцию примирения противоречий между социумом и природой, продуцируя символические образы посредников (прежде всего образ культурного героя, наделенного чертами демиурга и первопредка), то теперь в реальной жизни человеческого коллектива начала осуществляться специализация разных видов деятельности и, как следствие этого, различных свойств формирующегося «Я». В ситуации развития человеческой индивидуальности и отхода от ранних коллективных представлений и появляется фигура культового деятеля, чей мистический опыт начинает носить отличный от коллективного, индивидуальный характер, но служить именно целям адаптации коллектива к новым культурным реалиям. Не случайно С.М. Широкогоров назвал шаманизм «предохранительным клапаном или саморегулирующимся механизмом психической сферы» [23. С. 28]. Фактически в лице шамана произошло замещение мифологических персонажей, способных входить в жизнь первобытного коллектива, реальным лицом, социально значимой фигурой, способной оживлять миф, осваивая архетипические уровни сознания, и встраивать жизнь социума в систему отношений со сферой сакрального бытия.

Появление фигуры шамана как культового деятеля действительно демонстрирует нам совершенно новый процесс – развитие индивидуального самосознания. Но он являет собой еще далеко не ту личность, уникальность и неповторимость которой стала основной ценностью современной цивилизации. Для традиционного общества шаман – это прежде всего фигура символическая, способная осуществлять ритуальное (а значит, и реальное) воплощение архетипической схемы. Шаман – это живой символ связи человека со сверхъестественным, нечеловеческим, сакральным миром. Он способен путешествовать в «мифологическом поле» своей культурной традиции, а значит, оставаясь человеком, он становится частью мифической реальности, полноправным участником мифологических событий. Поэтому в сказаниях сибирских народов богатыри и шаманы могут действовать как полноправные участники одного сюжета, а богатыри зачастую ходят шаманскими путями. Символическая значимость фигуры шамана проявляется в его ритуальных действиях, которые подчинены некоей первоначальной архетипической схеме, а также в сложном и строго заданном символизме всех элементов ритуального наряда и атрибутов.

Ю. Лотман, говоря о символе, подчеркивал, что он «легко вычленяется из семиотического окружения и входит в новое, он не принадлежит какому-либо одному синхроническому срезу культуры, а порождает ее, проходя из прошлого и уходя в будущее». Мысль об универсальности шаманского мировоззрения также подчеркивалась многими исследователями. С.М. Широкогоров отмечал, что «идея шаманов вполне мирится с любой системой верований в духов…». «…Идея шаманов и шаманства под разными названиями и формами может получить призвание и распространение среди самых различных в культурном отношении народностей» [26. С. 49]. Объяснить особую гибкость и жизнестойкость шаманского мировоззрения можно наличием в нем архетипических структур, породивших глубокий символизм мифологического сознания.

Шаманизм – это не просто этапное явление в развитии религиозных представлений, он столь же парадигматичен, как и миф. Миф формирует определенные отношения человека с миром, опыт непосредственного, дологического соприкосновения с ним, проникновения в него и единения с ним. Шаманизм задает человеку определенный тип религиозного опыта – трансперсональный опыт возвращения к мифу. Миф как неотъемлемая часть сущности человека всегда актуален. Поэтому и шаманизм как особая традиция психической жизни человека, как важнейший элемент его духовной истории не уходит в прошлое, а вновь и вновь проявляет себя в различных областях современной культуры [27. С. 97]. Возможно, «шаманистское в ряде случаев оказывается религиозно универсальным, но впервые проявившимся в шаманизме» [19. С. 102]. Может быть, именно потому столь сложно определить хронологические рамки существования шаманизма как ранней формы религии, что, дав старт определенному типу мышления, он распался на множество религиозных элементов и прижился в самых разных культурных традициях. Поэтому во многих современных исследованиях шаманизма он рассматривается как «религиозная конфигурация» или как «сегмент» религии [28. С. 25]. Однако то, что в разных частях света и в разных культурных традициях составляет «сегмент», является основой, или ядром целостной системы мировоззрения сибирских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.
2. *Байбурин Ю.В.* О методах реконструкции традиционного мировоззрения по археологическим материалам // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 35–47.
3. *Капра Ф.* Дао физики. СПб., 1994. 304 с.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М. : СПб., 2002. 280 с.
5. *Малинкин А.Н.* Эрнст Кассирер // Эрнст Кассирер. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 724–729.
6. *Пивоев В.М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991. 111 с.
7. *Топоров В.Н.* К вопросу об универсальных знаковых комплексах // В.Н. Топоров. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 11–24.
8. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. 384 с.
9. *Рындина О.М.* Архетип, культура и образ женщины // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 250–252.
10. *Мюллер М., Вундт В.* От слова к вере. Миф и религия. М. : Изд-во Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 864 с.
11. *Абсалямов М.Б., Ростовцева Т.А.* Символ и архетип как структуры культурно-исторических форм // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 163–165.

12. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991. 304 с.
13. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М. : Канон+, 2011. С. 174–231.
14. *Юнг К.Г.* К феноменологии духа в сказке // Юнг К.Г. Собрание сочинений. Дух Меркурий. М., 1996. С. 199–252.
15. *Нам Е.В.* О некоторых истоках шаманского мировоззрения (культурный герой – шаман) // Вестник ТГУ. 2012. № 358. С. 34–38.
16. *Нам Е.В.* Особенности мифологического сознания и его роль в шаманском мировоззрении (некоторые аспекты изучения) // Вестник ТГУ. 2011. № 349. С. 116–122.
17. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2. С. 7–61.
18. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М. : Академический проект; Мир, 2012. 331 с.
19. *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1997. 384 с.
20. *Балакин Ю.В.* О возможности применения теории архетипов в археологии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 222–224.
21. *Ахундов М.Д.* Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М. : Наука, 1982. 222 с.
22. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа //А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 21–186.
23. *Ревуненкова Е.В, Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров, как исследователь шаманизма // Шаманизм и иные традиционные верования и практики : материалы Междунар. конгресса. Ч. 1. М., 1999. С. 23–30.
24. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2008. 622 с.
25. *Гримак А.* П. Шаманы: гипноз, экстаз, экстрасенсорика (психофизиологические аспекты) // Шаманизм и иные традиционные верования и практики : материалы Междунар. конгресса. Ч. 2. М., 1999. С. 176–185.
26. *Широкогоров С.М.* Шаман – хозяин духов // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. СПб., 2006. С. 25–48.
27. *Нам Е.В.* Шаманизм: религия или комплекс психотехнического опыта (некоторые аспекты рассмотрения проблемы) // Вестник ТГУ. 2013. № 368. С. 92–98.
28. *Йохансен У.* К истории шаманизма // «Избранники духов» – «Избравшие духов»: Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Басилова (1937–1998) : сб. статей. М. : ИЭА РАН, 1999. С. 25–40.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 96–100 DOI: 10.17223/15617793/376/17

УДК 930.85

Т.В. Полежаева

ЯЗЫК КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА
(на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.)

Исследуется историко-лингвистическая концепция адмирала А.С. Шишкова (1754–1841). На основе обширного источникового материала показывается, что теоретические построения А.С. Шишкова были призваны выработать национальный язык на основе синтеза языка священных текстов, исторических сочинений и фольклора и тем самым воссоздать утопическое единство допетровского общества в сфере языка. Указывается важнейшая роль языковых споров рубежа XVIII–XIX вв. в деле формирования собственного национального образа.

Ключевые слова: А.С. Шишков; архаисты; национальная самобытность; «Слово о полку Игореве»; Краледворская рукопись.

В начале XIX в. языковые вопросы занимали не только ученые умы филологов и лингвистов, но и тех, кто так или иначе был связан с выработкой государственного курса развития страны. Каким должен быть литературный язык? Что должно лежать в его основе? Как он может взаимодействовать с иностранными заимствованиями? – эти и подобные вопросы были предметом обсуждения в светских салонах, официальных собраниях, дружеских посиделках и, конечно же, литературных кружках. Такая популярность языковой темы в широкой общественности и внимание, с которым относилось к ней государство, были вызваны актуализировавшейся в условиях франко-русского двуязычия проблемой национального своеобразия.

Модернизация, начатая Петром I и в основе своей имевшая заимствование опыта Запада, к началу XIX в. привела к тому, что иностранная культура, особенно столичной аристократии дворянства, воспринималась как своя, тогда как русская расценивалась как невежество и варварство. Проблема потери национальной идентичности особенно ярко выступала на фоне макроисторических процессов, происходивших в Европе, где, начиная с Франции, стали постепенно складываться этнически гомогенные национальные государства с политическим равенством граждан. Преимущества нового типа государства были незамедлительно продемонстрированы в экономике и внешней политике.

В таких условиях Российская империя была уязвимой: не приходилось и говорить о наличии гражданского общества в стране с многонациональным населением и достаточно жесткой сословной системой. Поэтому государство и общественность предпринимают попытки осмыслить данную культурную ситуацию и найти адекватный ответ на вызов, вновь брошенный Европой. Не зря современный исследователь консерватизма в России А.В. Ермаков назвал первую четверть XIX в. в этом смысле временем «реакции» [1. С. 24].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать идеологическую схему, предложенную А.С. Шишковым, адмиралом, литератором и видным государственным деятелем начала XIX в., в свете проблемы национального своеобразия России, а также рассмотреть, какую роль он отводил языковой политике.

А.С. Шишков осмыслял современную ему ситуацию франко-русского двуязычия и галломании с точки зрения «свое – чужое». Адмирал, впоследствии лидер архаистов, идеализировавших русскую старину и объединившихся в литературный кружок под названием «Беседа любителей русского слова», занял позицию активного защитника национальных ценностей. Его противниками стали литераторы, группировавшиеся вокруг Н.М. Карамзина и разделявшие взгляды последнего относительно того, что Россия может вписаться в контекст общеевропейского развития, если будет учиться у Запада, подражать ему: «Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытам… Какой народ не перенимал у другаго?» [2. С. 345]. Но А.С. Шишков, сам «продукт» петровской европеизации, был против такого подражания и впоследствии начал отстаивать идеи, окрашенные в яркие национальные краски. В своей попытке создать идеологему, которая утверждала бы национальную исключительность России, адмирал обращается к такой области культуры, как язык, составлявший, по его мнению, «душу народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчного проповедника дел» [3. С. 275].

В 1803 г. публикуется сочинение А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», открывшее полемику между архаистами и карамзинистами. В данном произведении автор рьяно защищает своеобразие русской культуры, чистоту русского языка, которой можно достичь, лишь отказавшись от иностранных, прежде всего, французских заимствований. Критика современных писателей сопровождается акцентом на книгах духовного содержания как должных образцах для подражания. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» вызвало много споров, первыми на него отозвались сторонники Карамзина, считавшие такие взгляды ретроградными и «староверческими». Вместе с тем, как вскоре стало заметно, касавшаяся, казалось бы, сугубо лингвистических вопросов полемика была призвана скорректировать развитие России, учитывая национальный фактор.

В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишков делает следующее заявление, ставшее отправной точкой в его программе: «Древний славенский язык наш, повелитель многих, есть корень и начало российского языка» [4. С. 1–2]. Создание такой утопической ситуации тождества русского и церковнославянского языков позволяло говорить о древности и преемственности национальной традиции. Точку зрения А.С. Шишкова критиковали даже профессиональные ученые – филологи, в частности известный славист А.Х. Востоков, но в ответ он получал лишь морализаторские суждения.

В нескольких своих произведениях [5. С. 139–140; 6. С. 52–53] А.С. Шишков указывает основания русской словесности: духовные книги, исторические предания и народный язык. Считая их образцами, которые содержат не только языковые красоты, но и нравственные ценности, адмирал активно призывал молодых писателей заняться чтением данных текстов. Так, сочинения самого А.С. Шишкова изобилуют цитатами из Священного Писания, акафистов, ирмосов и пр. Церковнославянский язык, согласно лидеру архаистов, боговдохновенен, обладает красноречивостью и может отражать сущность самых разных явлений жизни социума, для которых в лексиконе человека той поры использовались заимствованные слова. Такая традиционная верность Слову пронизывает всю творческую деятельность А.С. Шишкова. Достаточно вспомнить, что он и группа его сторонников выступили инициаторами закрытия библейских обществ в России, готовивших издание Библии на русском языке [7].

Среди исторических произведений наряду с летописями особенно важную роль в концепции А.С. Шишкова приобретает опубликованное в 1800 г. «Слово о полку Игореве». Вооружившись им против своих литературных противников, он использует произведение для доказательства древности «славенороссийского» языка, что следует, по его мнению, «во-первых, из красоты и силы сих самых переводов… Во-вторых, из старинных русских песен, пословиц и сказок… В-третьих, из сего о полку Игоревом слова [8. С. 36]». Помимо этого, А.С. Шишков создает свое «преложение» произведения, наделяя его иной смысловой нагрузкой. Стоит отметить, что это был один из первых комментариев к «Слову…» вообще.

А.С. Шишков включает произведение древнерусской литературы в свою лексическую концепцию и изменяет его согласно своим вкусовым представлениям, а именно установкам классицизма, требовавшим писать героические поэмы высоким стилем. Поэтому его «Преложение Игоревой песни» содержит значительное число архаизмов, которых нет в оригинале.

К тому же А.С. Шишков «осовременивает» произведение, дополнив его актуальными вопросами. Так, понятие «русская земля» получает у интерпретатора государственный оттенок, а плачевные последствия похода Игоря оцениваются в масштабах всей страны. В качестве причин этих бедствий, помимо раздоров между князьями, А.С. Шишков упоминает и языковую ситуацию: «Ничтожные, маловажные словеса увеличиваются, сеют между ними раздоры… Между тем неприятели от всех стран приходят, нападают на области наши, побеждают, разят, похищают» [9. С. 135]. Таким образом, А.С. Шишков намекает современникам, какую роль играет языковая политика в сохранении национального благополучия.

Восторг адмирала вызывал не только язык «Слова полку Игоревом», но и «дух народной гордости», которым «дышит» произведение: «Какое воинское свойство, какой дух, какую доблесть должен иметь тот народ, который взятое у неприятеля златое одеяние бросает в грязь, между тем как исторгнутое из рук его простое копье, аки некую драгоценную вещь хранит и подносит в дар верховному начальнику своему?» [8. С. 60]. Позднее А.С. Шишков сделает «народный дух» основой любви к отечеству и основным средством борьбы за российское могущество. Неудивительно поэтому, что, как показал М.Г. Альтшуллер, «Преложение» Шишкова получило признание его единомышленников и стало выразителем лингвистической программы архаистов [10].

Последний в списке, но не последний по значимости источник русской словесности, согласно А.С. Шишкову, – народные предания. Фольклор, по мнению адмирала, обладает «приятностью», красноречивостью, простотой. Он является выражением народной гордости, менталитета и нравственной чистоты. (Примечательно, что эпитет «приятный» был характерен для литературного дискурса карамзинистов и применялся как характеристика карамзинского слога. А.С. Шишков противопоставляет «приятность» народного слога языку, ориентированному на Европу. В письме к К.Ф. Калайдовичу от 9 января 1822 г. носителем вкуса назван народ, который «являет еще искры ума и вкуса в изображениях страстей и природы» [12. С. 419].)

Стоит отметить, что интерес А.С. Шишкова к народу и народной культуре возрастал постепенно к эпохе 1812 г. вместе с ростом патриотических настроений, и, в конце концов, народный язык стал одной из основ лингвистической программы архаистов. Сам адмирал признавался в частном письме после публикации «Разговоров о словесности между двумя лицами Аз и Буки» в 1811 г.: «Сперва бранили меня за то, что защищаю славенской язык, теперь станут бранить за то, что прославляю народной» [11. С. 311]. Народ, являясь хранителем традиции, безусловно, принадлежал конструируемому А.С. Шишковым идеальному прошлому, которое преобразованиями Петра I четко отделялось адмиралом от настоящего. Однако от их прямой оценки А.С. Шишков воздерживается. В «Разговорах о словесности между двумя лицами Аз и Буки» автор делает практически единственный упрек Петру I, разрушившему национальное единство: «...сколько сближение и общение наше с иностранцами удалило нас наружностью и внутренностью от обычаев и нравов предков наших, таковую же перемену чужие языки и чтение книг их произвели в образе объяснения или в наречии нашем» [6. С. 48].

Необходимо подчеркнуть, что А.С. Шишкову был важен книжный, письменный язык, «площадным» же словам («простонародным» в лексиконе адмирала и его сторонников) в языковой концепции архаистов места не находилось. Примером может служить твердая позиция, занятая адмиралом относительно использования буквы Ё. В архиве А.С. Шишкова, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), сохранились его заметки – комментарии к литературным произведениям той поры. К сожалению, документ не датирован и не имеет начала. Позволим себе обширную цитату из него: «онъ не хватаетъ с неба звёздъ – как? звіôздъ вместо звѢздъ? да кто, кроме мужиков, этак говорит, не только пишет? Есть ли уже так, то зачем же онъ? Зачем же не хватаетъ? Зачем же съ неба? Надлежало бы уже весь стих сказать по-мужицки: іôнъ не хватаіôтъ съ ніôба звіôздъ.

Премудрая выдумка: заштатную букву іô, писавшуюся только в одних площадных словах, превратить в ё, чтоб возвыся ее уничтожить язык! вот что делает просвещение! чего во все века от начала языка никто не придумал, то изобрел один человек и нашел себе подражателей! или лучше сказать не изобрел, а перенял у немцев, которые пишут wärme, grösse и проч.; но им это нужно, дабы показать, что слова сии происходят от warm, gross; а нам на что? Для того, чтоб без всякой надобности уродуя правописание писать: звіôзды, гніôзды, паіôтъ, или еще хуже поіôт, вооружіôнъ, грядіôтъ и тому подобное. Как это умно, полезно! вместо чтоб разговорный язык возводить до чистоты и правильности письменного, мы письменный уроним до низости простонародного, и поэмы наши и трагедии наполним с одной стороны непонятными кудрявостями, а с другой языком каким в опере говорят филатно…» [13. Л. 2. С. 1–2]. Такое отрицательное отношение Шишкова к букве ё (или ее аналогу – іô) было вызвано ориентацией дворянской элиты в XVIII – первой четверти XIX в. на церковнославянское произношение «е» в противовес «ёкающему» простонародному выговору, по выражению Сумарокова, чтоб «не упасть в речь к подлой черни» [14. С. 16].

Подобные же резкие выпады (но менее эмоциональные) против использования буквы ё мы находим и в опубликованных произведениях Шишкова: в «Записках, мнениях и переписке адмирала А.С. Шишкова» («Письменный, чистый и благородный язык не может вмещать в себе онаго (звука іô). Оно терпимо только в разговорном языке, и то в самых низких словах…» [12. С. 411]) и «Разговорах о словесности между двумя лицами Аз и Буки», где критика буквы ё занимает важное место [6. С. 26–41].

В контексте важности письменного книжного языка смыслообразующим оказывается и шрифт. В воспоминаниях С.Т. Аксакова сохранился эпизод, в котором А.С. Шишков испортил великолепный рисовальный альбом М.А. Турсуковой, где подписи художников и самой владелицы были выполнены на французском языке: «...дядя широкою, густою чертою вымарал французскую подпись и крупными русскими буквами, полууставом, подписал под ней имя и фамилию рисовавшего живописца». Так, шрифт наряду с языком становится маркером принадлежности к определенному социуму [15]. Вместе с тем стоит отметить отсутствие в концепции А.С. Шишкова какого-либо противостояния между полууставом и гражданской азбукой. Гораздо более жесткую взаимосвязь текста и шрифта среди современников адмирала можно обнаружить у старообрядцев, которые ратовали не только за сохранение языка, но и за неизменность его графического выражения. А.С. Шишков в этом ключе заметил: «…я не поклонник старины» [16. С. 212], хотя историко-лингвистические установки адмирала и староверов были достаточно близки. Об этом свидетельствует сочувствие, которое встретил писатель-самоучка И.Д. Ершов, выходец из староверческой купеческой семьи, у А.С. Шишкова [17].

Закономерно, что конструирование национальной традиции как самостоятельного фактора развития государства ставило вопрос о ее хранителях. Ими в построениях А.С. Шишкова стали церковь, которой отводилась роль блюстителя нравственных устоев и воспитания («Истинное просвещение состоит в страхе Божием, который есть начало премудрости» [18. С. 14]), а также неразвращенный пагубным иностранным влиянием народ, сохранивший связь с дореформенным временем и национальные русские черты, в том числе чистоту языка и неиспорченное православие: «Народ российский, – писал А.С. Шишков, – всегда крепок был языком и верою; язык делал его единомысленным, вера единодушным» [3. С. 264]. Таким образом, Шишков сделал концепт народа центром своей идеологической программы. Будучи воспитанным в глухой деревне, он был не понаслышке знаком с народной жизнью, но осмысливал ее реалии с романтических позиций и тем самым искусственно создавал определенную идеологическую схему. Как заметил В.С. Парсамов, «Шишков решал в первую очередь идеологические, а не лингвистические задачи» [18. С. 27]. Целью этой схемы было воссоздание былого национального единства, возможного, по мнению А.С. Шишкова, на языковой основе.

В свете актуальности проблем, связанных с пагубным для России иностранным влиянием, ясен интерес А.С. Шишкова и его сторонников к Смутному времени, которое в их представлении выступило аналогом современной им ситуации: как и тогда, под угрозу было поставлено самое существование страны, и спасение должно прийти из народных глубин. Наиболее ярко эти события отобразил А.С. Шишков в «Рассуждении о любви к Отечеству», где в качестве народных героев упомянуты князь Пожарский, купец Минин, патриархи Гермоген, Филарет. В «Прибавлении к Рассуждению о старом и новом слоге» можно найти также имена других национальных героев: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы: свидетельствуют в том Гермогены, Филареты, Пожарские, Трубецкие, Палицыны, Минины, Долгорукие и множество других» [19. С. 458–459]. В результате народные герои становятся нарицательными персонажами, олицетворяющими любовь и преданность Отечеству.

В 1807 г. С.А. Ширинский-Шихматов, поэт, ближайший сторонник А.С. Шишкова публикует свое произведение «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях», ставя своей целью создание национальной героической поэмы. Особенностью этого произведения была яркая эмоциональная окраска, патриотический пыл и торжественное чувство, вызванное величием происходивших в Смутное время событий. В «Записках современника» С.П. Жихарева описывается реакция А.С. Шишкова на читаемые его любимцем стихи: «схватил тетрадь и сам начал чтение… внятно, правильно и с необыкновенным воодушевлением» [22. С. 358–359]. Такое поведение адмирала вполне закономерно: стихи Ширинского-Шихматова полностью отвечали идеологическим установкам главы «Беседы». Само заглавие поэмы отражало цели конструируемой схемы: победа в борьбе с иностранным засильем, ставившим под угрозу национальное бытие России, может быть достигнута только в

условиях единения всех сословий – дворянства, народа и церкви. Оно возможно, по мнению А.С. Шишкова, прежде всего, на основе общего языка. При этом критикуя языковые нормы высших слоев общества, в частности установку на заимствование иностранных слов и выражений, адмирал видел в дворянстве носителей передовой светской культуры, образованности, чьи знания могут пойти на пользу всему государству, как то и завещал Петр I: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из россиян сделать голландцев, немцев или французов; не желал русских сделать нерусскими» [20. С. 462]. Примером такой интеллектуальной деятельности, приносящей пользу всему обществу, для А.С. Шишкова было творчество М.В. Ломоносова, создавшего «теорию трех штилей», в рамках которой были намечены пути создания русского литературного языка путем стилистического смешения слов разного рода, в том числе и простонародных. Адмирал добавляет к этой теории исторический аспект: воссоздать величие русского языка можно только обратившись к прошлому, традиции, хранителем которой является народ. Именно в народной речи слышались А.С. Шишкову отзвуки языка допетровской Руси.

Впоследствии продолжая искать доказательства своей теории, А.С. Шишков обращался и к зарубежному опыту, о чем свидетельствует его замысел организации кафедры славянских языков при российских университетах. К тому же он активно сотрудничал (переписывался и обменивался книгами) с такими иностранными славистами, как поляк Богумил Линде, чех Йозеф Добровский, с которым познакомился лично в период заграничных походов русской армии, серб Вук Караджич, чех Вацлав Ганка и др. Таким образом, Шишков, будучи на посту президента Академии наук и поддерживая тесные научные связи с ведущими зарубежными учеными-филологами, пытался объединить их усилия, направленные на создание национального литературного языка.

Живой интерес А.С. Шишков проявил к Краледворской рукописи, “найденной” чехом В. Ганкой в 1817 г. в местечке Кёнигинхоф и оказавшейся на самом деле его талантливой подделкой. Она представляла собой обрывки 14 песен на различную тематику: лироэпические, лирические и эпические. А.С. Шишков даже и не думал оспаривать подлинность данной рукописи и поспешил создать русский перевод – комментарий, в котором утверждал близость русского и чешского языков, возводя их к одному прародителю, а именно «славенскому» языку: «Сие открытие В. Ганки столько же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причине, что язык в сей старинной рукописи есть почти чистый наш язык» [21. С. 184]. Исходя из близости русского и чешского языков, А.С. Шишков в своем переводе ряда песен из Краледворской рукописи использует «Слово о полку Игореве» (считая, что произведения объединяются героико-эпическим жанром), а также выражения, почерпнутые им из фольклорных произведений. Адмирал находит в песнях из Краледворской рукописи свидетельство, «что дар стихотворения, чувствование силы красноречия, и уважение к талантам не чужды были Славянам» [22. С. 307].

Имея восторженную позицию относительно народного языка, А.С. Шишков сочетает ее с достаточно охранительными взглядами касательно реального социального положения большинства русского народа. В «Историческом обзоре деятельности Министерства Народного Просвещения» (1902 г.) приводится точка зрения А.С. Шишкова, что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей, принесло бы более вреда, чем пользы», науки должны преподаваться «смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет» [23. С. 166].

В воспоминаниях Д.Д. Свербеева описывается случай, когда молодой, либерально настроенный автор на вопрос А.С. Шишкова «…ну ты, юноша, знаешь, сколько у нас состояний?» ответил следующее: «Два: деспоты и рабы». Реакция старого адмирала была показательна: «как бы не солоно похлебавши, отскочил от меня Шишков и значительно взглянул на Кикина» [24. С. 165].

Языковые споры, в ходе которых была сформулирована историко-лингвистическая концепция А.С. Шишкова, были вызваны к жизни не только внешними обстоятельствами (необходимостью создать национальное государство подобное европейским), но и внутренней потребностью в самоидентификации, которая является, начиная со времен Петра I, одной из самых острых проблем русской культуры. Внимание к языку разных слоев общества определялось тем, что именно в этой сфере происходило столкновение с иной культурой, через взаимодействие с которой (отрицание / принятие) человек осознавал себя.

Архаисты во главе с А.С. Шишковым занимали позицию защитников национальной самобытности, основывающейся на священных текстах и церковнославянском («славенском») языке. Последний являлся для адмирала и его последователей идеальной моделью, на которую следовало ориентироваться литераторам того времени, а также источником современного («славенороссийского») языка. Помимо священных текстов, написанных церковнославянским языком, А.С. Шишков указывает другие основания российской словесности: исторические предания и фольклор. Такой синтез различных языковых начал позволял архаистам вернуться к культурной целостности традиционного общества – на почве нового литературного языка должно было состояться сближение народа и дворянства, отстранившихся друг от друга в период реформ Петра I. Подобный миф единения стал востребованным в период войны с Наполеоном, когда в 1812 г. А.С. Шишков был назначен государственным секретарем вместо М.М. Сперанского. Практически он писал все манифесты, обращенные к общественности в период войны, и язык, которым они были написаны, по признанию самого автора, был встречен с ликованием.

Таким образом, именно в языке происходит наиболее полное осознание человеком самого себя на фоне чуждого иностранного влияния, модель взаимодействия с которым впоследствии переносится на всю культуру: «В противоположность сему [французскому народу], без всякого самохвальства, можно отдать справедливость, что в нашем народе не было никогда иных книг, кроме насаждающих благонравие, – иных нравов, кроме благочестивых, уважающих всегда человеколюбие, гостепри-

имство, родство, целомудрие, кротость и все христианские, нужные для общежития добродетели» [12. Т. 2. С. 326]. Подобная идеализация народа и его истории составляли отличительный признак новой эпохи национальных государств, в создании которых, несомненно, особую роль сыграли языковые споры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков А.В.* Против течения? Русские консерваторы XIX века и Просвещение. М. : Мельничная Падь, 2006. 113 с.
2. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения. Л., 1984. Т. 1. С. 55–504.
3. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 257–277.
4. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 1–357.
5. *Шишков А.С.* Речь при открытии «Беседы любителей русского слова» // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 108–147.
6. *Шишков А.С.* Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 3. С. 1–169.
7. *Полежаева Т.В.* «Ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать музыки и пения»: к вопросу о характере религиозности А.С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 63–66.
8. *Шишков А.С.* Примечания на древнее о полку Игоревом сочинение // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 35–124.
9. *Шишков А.С.* Преложение Игоревой песни // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 125–149.
10. *Альтшуллер М.Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 109–122.
11. *Шишков А.С.* Письмо к Я.И. Бардовскому // Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин – Прага, 1870. Т. 2. С. 310–311.
12. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин – Прага, 1870. Т. 2. 474 с. (Архив А.С. Шишкова. Заметки его о русском языке // Рукописный отдел института Русской литературы Российской академии наук. Ф. 636. Оп. 3. № 4. 4 л.)
13. *Будде Е.* Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ). СПб., 1908.
14. *Шемякин Я.Г.* О характере соотношения языка, текста и шрифта в цивилизациях «пограничного» типа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 15–25.
15. *Шишков А.С.* Сравнение Сумарокова с Лафонтенем, в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оныя каждый своим образом // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. 12. С. 122–212.
16. *Крючкова М.А.* Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. (по поводу мемуаров И.Д. Ершова) // Человек эпохи Просвещения. М. : Наука, 1999. С. 138–155.
17. *Шишков А.С.* Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. 142 с.
18. *Парсамов В.С.* Александр Семенович Шишков // Шишков А.С. Избранные труды. М., 2010. С. 5–68.
19. *Шишков А.С.* Прибавление к сему сочинению [Рассуждению о старом и новом слоге российского языка. – Т.П.] или собрание критик, изданных на на сию книгу с примечаниями на оныя // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 357–466.
20. *Жихарев С.П.* Записки современника. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 834 с.
21. *Шишков А.С.* Предуведомление к Рукописи Краледворской // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 182–187.
22. *Шишков А.С.* Объяснение слов и выражение подлинника // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 306–309.
23. *Исторический* обзор деятельности Министерства Народного Просвещения 1802–1902. СПб. : Издание Министерства Народного Просвещения, 1902. 785 с.
24. *Свербеев Д.Д.* Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым // Русский архив. 1871. Вып. 1. С. 162–182.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 101–103 DOI: 10.17223/15617793/376/18

УДК 35.07: 940.53 (477.75)

С.В. Рузаев

ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ г. СЕВАСТОПОЛЯ (ОКТЯБРЬ 1941 г. – ИЮНЬ 1942 г.)

В 2012 г. исполнилось 70 лет со дня окончания второй обороны города Севастополя (30 октября 1941 г. – 4 июля 1942 г.). До настоящего времени многие аспекты этого значительного события отечественной истории остаются малоизученными. В частности, в многочисленных исследованиях недостаточно полно отражена деятельность чрезвычайного органа власти – Севастопольского городского комитета обороны. Это и является предметом рассмотрения в статье.

Ключевые слова: Севастополь; городской комитет обороны.

Городские комитеты обороны (ГорКО) были образованы постановлением № 830 Государственного комитета обороны от 22 октября 1941 г. «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка» [1. С. 94]. На следующий день, 23 октября 1941 г., Крымский областной комитет ВКП(б) принял постановление о создании горкомов обороны в Севастополе, Симферополе и Керчи [2. С. 62–63]. В это время в северной части полуострова уже шли тяжелые бои, в результате которых к 16 ноября немецкими войсками была захвачена практически вся территория Крыма, кроме Севастополя. Комитеты обороны Керчи и Симферополя, проработав считанные дни, прекратили свое существование.

С первых дней войны городской комитет ВКП(б) под руководством 1-го секретаря Бориса Алексеевича Борисова фактически возглавил деятельность органов государственной власти г. Севастополя (Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета), партийных и общественных организаций, отдельных граждан, направленную на оперативное решение задач военного времени. На заседаниях бюро горкома партии решались важнейшие вопросы повседневной жизни прифронтового Севастополя: организация военного обучения населения, создание формирований народного ополчения и местной противовоздушной обороны, перевод промышленных предприятий на изготовление военной продукции, продовольственное снабжение, эвакуационные мероприятия и т.д.

В октябре 1941 г. с созданием горкома обороны в Севастополе возникла своеобразная ситуация, когда одновременно функционировали два органа власти. Впоследствии генерал П.А. Моргунов (в 1941–1942 гг. один из руководителей обороны) писал об этом: «Трудно было различить, что делал горком, а что комитет обороны; вернее сказать, что они делали одно – помогали фронту и руководили жизнью города по всем вопросам…» [3. С. 243]. Членами ГорКО были назначены секретарь горкома партии Б.А. Борисов (председательствовал на заседаниях бюро горкома), председатель исполкома Совета трудящихся В.П. Ефремов (член бюро горкома), начальник Севастопольского управления НКВД К.П. Нефедов (постоянный участник заседаний бюро) и начальник гарнизона контр-адмирал Г.В. Жуков. Примечательно, что вместо Г.В. Жукова на заседаниях присутствовал военный комендант города майор А.П. Старушкин.

Судя по протоколам, в период с 28 октября по 4 ноября было проведено всего четыре заседания горкома обороны, на которых были приняты меры по экстренному решению наиболее актуальных вопросов отражения вражеского штурма. Особенное значение имели заседания 30 октября (приняты постановления по работе промышленности, улучшению процесса военного обучения, созданию продовольственных запасов) и 4 ноября (принято решение об экстренной эвакуации населения из Севастополя) [4. Л. 2–3, 11].

В эти дни в работе ГорКО принимали участие только его непосредственные члены – всего четыре человека. Все протоколы подписаны Б.А Борисовым и скреплены печатью городского комитета партии. Обращения в адрес исполкома Совета, партийных и общественных организаций формулировались в императивном духе («обязать», «обеспечить», «возложить», «обратить внимание»). Заседания бюро горкома 27, 28 и 31 октября посвящены решению внутрипартийных проблем [5. Л. 1–13].

Создание и деятельность горкома обороны в Главной военно-морской базе Черноморского флота вызвало весьма неоднозначную оценку флотского руководства, которое не видело целесообразности в его существовании. Б.А. Борисов вспоминал, что некоторые военные работники заявляли: «В Севастополе есть Военный Совет флота и Военный Совет СОР, для чего еще нужен городской комитет обороны?» [6. С. 23].

Полномочия ГорКО как чрезвычайного органа власти пересекались с полномочиями Военного Совета флота, которые были зафиксированы в Указе Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» [7. С. 82–95]. По данному указу гражданские органы управления в вопросах обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности должны были полностью подчиняться флотскому руководству в лице командующего вице-адмирала Ф.С. Октябрьского. До октября 1941 г. председатель горкома партии Б.А. Борисов в своей работе полностью руководствовался указаниями Военного Совета флота и Крымского областного комитета ВКП(б), участвовал в совместных совещаниях по решению вопросов подготовки к обороне. С созданием горкома обороны самостоятельность гражданского органа власти резко возросла.

4 ноября 1941 г. было проведено последнее перед долгим перерывом заседание ГорКО, в этот же день в Севастополе был образован Севастопольский оборонительный район (СОР) – чрезвычайный орган военного управления. По всей вероятности, эти события взаимо-

связаны, о чем с осторожностью пишет Б.А. Борисов: «Вначале было не совсем ясно, как должен городской комитет обороны решать задачи, поставленные ГКО, и как строить взаимоотношения с вновь созданным Военным Советом Севастопольского оборонительного района».

После 4 ноября 1941 г. и вплоть до 5 января 1942 г. заседания городского комитета обороны не проводились. Все вопросы участия городского населения, предприятий в отражения первого (30 октября – 21 ноября 1941 г.) и второго (17 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.) штурмов города решались в ходе экстренных заседаний при горкоме партии и на бюро ГК ВКП(б). При этом общее руководство осуществлял Военный Совет СОР, который с 7 ноября возглавил вице-адмирал Ф.С. Октябрьский. Необходимо учитывать и тот факт, что с ноября по декабрь в городе находилось руководство Крымского областного комитета ВКП(б) во главе с В.С. Булатовым, которое активно участвовало в решении оборонных вопросов. Например, в ноябре совместным постановлением Обкома и Совнаркома Крымской АССР были созданы спецкомбинаты по выпуску военной продукции.

Всего в этот период было проведено десять расширенных заседаний бюро горкома партии, на которых присутствовали все партийное и советское руководство города, предприятий, НКВД, представители обкома. Помимо решения текущих внутрипартийных вопросов (перемещение кадров, утверждение партийных характеристик, проблемы партийной дисциплины), были приняты постановления по целому ряду вопросов: ликвидация последствий бомбардировок (13, 26 ноября), дальнейшая эвакуация населения (26 ноября), снабжение населения продуктами питания (18, 24 ноября), работа в убежищах (18 и 24 декабря) и др. [8. Л. 14–15, 18, 20, 23, 26].

Существенные изменения в работе органов власти произошли после окончания второго штурма города в начале января 1942 г. С 5 января возобновилось проведение заседаний горкома обороны. В январе – марте главными задачами горкома обороны стали преодоление последствий двух штурмов, налаживание коммуникаций и нормальной жизни в городе. На заседаниях ГорКО решаются вопросы восстановления предприятий и учреждений, усиления противопожарной работы, организации военного обучения, учреждения переходящего знамени ГорКО, борьбы с эпидемиями, развития огородничества и др. [9. Л. 12–15, 18–20, 27, 34–37].

В апреле, по мере того, как таяли надежды на скорое освобождение Крыма, больше внимания стало уделяться военному обучению населения, усилению охраны стратегически важных объектов, подготовке к возможным массированным налетам и др. [Там же. Л. 39–40, 42, 49]. Текущие вопросы обсуждались городским руководством, в том числе на заседаниях бюро горкома партии, а затем через комитет обороны выносились решения. Всего до середины мая было проведено девять заседаний (в среднем два-три раза в месяц).

Функции горкома обороны и горкома партии так и не были четко разграничены. Об этом свидетельствуют решения, зафиксированные в протоколах заседаний бюро ГК ВКП(б). Так, в апреле на бюро обсуждались вопросы снабжения населения продовольствием в соответствии с указаниями Военного Совета ЧФ [10. Л. 53–54]. В этом месяце подобный вопрос на заседаниях ГорКО не поднимался. При этом на бюро гораздо больше внимания стали уделять решению чисто партийных вопросов: о партийных взысканиях, перемещении партийных кадров, о работе стахановцев. При этом подчеркивается подчиненный характер по отношению к горкому обороны. Например, на заседании 22 марта обсуждалась необходимость сбора металлолома для нужд обороны. По итогам было принято решение «внести на Городской комитет обороны вопрос о сборе черных и цветных металлов на предприятиях» [Там же. Л. 45].

Судя по наличию встречных директив, совместных заседаний, комиссий и общих постановлений, взаимоотношения комитета обороны с командованием СОР можно охарактеризовать как полноценные и конструктивные. Весной 1942 г. горком обороны становится авторитетным органом местной власти, имевшим приоритет в решении военно-оборонных вопросов. Как отмечает бывший начальник штаба Приморской армии Н.И. Крылов, «авторитет городского комитета обороны был чрезвычайно высок» [11. С. 92]. Сменился состав ГорКО: вместо адмирала Г.В. Жукова членом комитета стал генерал-майор П.А. Моргунов, еще 10 ноября сменивший его в должности коменданта города. Через него комитет был напрямую связан с Военным советом Севастопольского оборонительного района. Существенно расширялся состав участников заседаний: стал приглашаться весь партийный и советский актив города, а также представители командования Приморской армии и Черноморского флота.

Наиболее активно Севастопольский городской комитет обороны функционировал с середины мая 1942 г., после получения известия о разгроме советской группировки на Керченском полуострове. С этого момента руководство укрепленного района начинает принимать экстренные меры по подготовке города к третьему штурму. За период с 16 мая по 24 июня сохранилось тринадцать протоколов заседаний ГорКО. В большинстве из них зафиксированы решения экстренных заседаний сразу за несколько дней подряд. На заседаниях, особенно в последние недели перед началом штурма, присутствует практически весь государственный и партийный аппарат города. Круг решаемых вопросов широк и отражает конкретную ситуацию, сложившуюся в Севастополе накануне и во время третьего штурма: создание боевых дружин, организация МПВО, рассредоточение запасов продовольствия (16 и 18 мая), прекращение работы школ, массовая эвакуация населения (20 мая), подготовка к вооруженной борьбе в городе (26 мая).

Именно в мае 1942 г. городской комитет обороны стал своеобразным центром гражданского управления, объединившим деятельность всех советских, партийных органов и общественных организаций. Деятельность горкома партии ограничена решением чисто партийных вопросов. Судя по протоколам, заседания горкома партии не проводились с 15 мая и до конца обороны, за исключением заседаний 8 и 13 июня, на которых решались формальные вопросы о включении сева-

стопольских предприятий во всесоюзное социалистическое соревнование и о приветствии И.В. Сталина защитникам города [10. Л. 87, 89].

Протоколы горкома обороны начиная с 10 июня отражают его работу в тяжелых условиях штурма. Руководство комитета сосредоточило все усилия на экстренном решении вопросов, возникших вследствие систематической бомбардировки и обстрела города, приведших к массовому разрушению жилого фонда, гибели сотен мирных граждан, пожарам, проблемам с продовольствием и водоснабжением. К концу июня 1942 г. ситуация стала выходить из-под контроля; немецкие войска прорвались в город. Последнее заседание, решения которого отражены в протоколах, датировано 24 июня 1942 г. На нем решались вопросы эвакуации из Севастополя квалифицированных рабочих и инженеров, агитбригады ГК ВКП(б), а также перемещения населения из Инкерманских штолен и тунелей балки Папанина [9. Л. 67–68]. Через несколько дней городское руководство практически в полном составе было вывезено из Севастополя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Севастопольский городской комитет обороны стал важным составным элементом в управленческой структуре СОР и внес значительный вклад в дело организации обороны. Анализ протоколов заседаний ГорКО позволяет выделить три основных этапа работы этого чрезвычайного органа: октябрь – начало ноября 1941 г.; январь – середина мая 1942 г. и май – июнь 1942 г. При этом только с весны 1942 г. комитет обороны возглавил работу советских, партийных и общественных органов власти; активная фаза работы горкома приходится на время третьего штурма города (июнь 1942 г.). По этой причине представляется ошибочным до сих пор встречающийся в научной и популярной литературе вывод о том, что городской комитет обороны играл определяющую роль в системе органов власти Севастополя на протяжении всей обороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002.
2. *Крым* в период Великой Отечественной войны. Сборник документов. Симферополь, 1973.
3. *Моргунов П.А.* Героический Севастополь. М., 1979.
4. *Государственный* архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1.
5. *Российский* государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525.
6. *Борисов Б.А.* Городской комитет обороны // Военно-исторический журнал. 1959. № 11.
7. *Сборник* законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525.
9. ГААРК. Ф. П-152. Оп.1. Д. 1.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046.
11. *Крылов Н.И.* Огненный бастион. М., 1975.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 104–109 DOI: 10.17223/15617793/376/19

УДК 930 (47).035/.05 – 282.5

А.Ю. Савосичев

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ XIV–XVII вв. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются исследования российских и зарубежных историков, затрагивавших в своих работах проблему происхождения дьяков и подьячих XIV–XVII столетий. Выделены два направления в историографии проблемы. Представители одного приходят к выводу о том, что дьяки происходили в основной массе из дворянской среды. Другие авторы констатируют происхождение дьяков из непривилегированных сословий. Автор статьи определил причину этих концептуальных разногласий и наметил пути дальнейшей работы над разрешением проблемы происхождения дьяков и подьячих XIV–XVII вв.

Ключевые слова: социальное происхождение; дьяки и подьячие; историография; источники; методология.

В российской историографии достаточно работ, посвященных дьякам и подьячим. В то же время можно найти сравнительно немного трудов, где одной из отдельных задач исследования было бы определение социального происхождения и статуса служилой бюрократии. Концептуально интересующие нас исследования распадаются на две основные группы. Представители первой придерживаются точки зрения о том, что дьяки в большинстве своём были выходцами из рядов дворянства (точка зрения Н.П. Лихачева). Другие, напротив, утверждают, что основная масса дьяков происходила из сословных групп, не связанных с дворянством (мнение Н.Н. Оглоблина и С.Б. Веселовского). При этом и те и другие признают факт неоднородности состава дьяков и подьячих и при этом почти не полемизируют друг с другом. В современной исторической науке в целом сохраняются традиционные подходы к проблеме социального происхождения дьяков и подьячих, выработанные ещё до 1917 г. и развитые в трудах исследователей советского периода.

И. Граля посвятил свою монографию деятельности дьяка Ивана Михайловича Висковатого, рассмотрев, наряду с другими проблемами, и вопросы социального происхождения и имущественного положения известного дипломата. Автор тщательно разобрал и отверг гипотезу о происхождении дьяка из рода князей Мещерских [1. С. 12–16]. Переходя от частной проблемы к общей, И. Граля сделал краткий обзор историографии социального происхождения дьяков XVI в. и присоединился в итоге к точке зрения Н.П. Лихачёва. Аргументация А.К. Леонтьева и С.О. Шмидта была подвергнута им критическому разбору [Там же. С. 22–26]. Развивая доводы своих предшественников, И. Граля привлёк данные о родственных связях дьяков (правда, уже давно известные, выявленные ещё Н.П. Лихачёвым и А.Ф. Кобеко). Впрочем, вывод исследователя об «обилии брачных связей между представителями слоя дьяков и московский аристократии» представляется нам слишком сильным. Шесть дьяков (И.Е. Циплятев, В. Долматов, Меньшик Путятин, Б.И. Сукин, А.Я. и В.Я. Щелкаловы) ещё не обилие, и не все их свойственники аристократы (например, Чепчуговы). Хотя в целом данный методологический подход, безусловно, весьма плодотворен. Брачно-семейные связи – один из индикаторов социального статуса человека.

И. Граля проанализировал список лиц, одаренных на Пасху в марте 1548 г. новгородским архиепископом Феодосием, и список участников земского собора 1566 г. В результате автор пришёл к выводу, что большая часть дьяков, перечисленных в этих источниках, выходцы из дворянства [1. С. 27–29, 47–50]. Из рядов мелкого и среднего дворянства рекрутировались и подьячие, чему И. Граля привел ряд примеров [Там же. С. 30, 51–52]. В конечном итоге исследователь заключает, что Иван Михайлович Висковатый и его брат Третьяк были выходцами из среды детей боярских [Там же. С. 31–32].

Анализ сословного происхождения польский учёный соединил с определением имущественного положения дьяка. И. Гралей на основании актов и писцовых книг были выявлены земельные владения Висковатого, выяснена их география, происхождение, величина [Там же. С. 400–406]. Поставив проблему шире, автор попытался дать ответ на вопрос об имущественном статусе дьяков как чиновной группы. Исследователь дал общую меткую оценку состояния историографии данной проблемы: «Историографические сведения в области экономической активности представителей московской бюрократии XV–XVII вв. ограничиваются маргинальными замечаниями, сделанными попутно с исследованиями по совершенно иной проблематике». По собственным наблюдениям И. Грали, «многие представители чиновничьей элиты в эпоху царствования Ивана IV имели значительные состояния как в виде земельных владений, так и денежных капиталов» [1. С. 396]. Рассуждая о географическом расположении имений Висковатого, И. Граля поставил интересный вопрос о тех уездных группах детей боярских, которые в исследуемый период были основным кадровым резервом дьячества. Исследователь пришел к выводу, что это, прежде всего, дети боярские Московского и Переславского уездов [Там же. С. 32–34].

В 1998 г. вышла книга Ю.Г. Алексеева «У кормила Российского государства». Предметом исследования явились основные звенья формирующегося государственного аппарата великого княжения Московского XIV–XV вв. В том числе автор уделил большое внимание деятельности дьяков и подьячих, рассмотрев наряду с другими проблемами и вопрос об их социальном происхождении. В процессе решения этой задачи Ю.Г. Алексеев проанализировал большой объём самых разнообразных источников (вплоть до эпиграфических). В одном из приложений исследователь разместил составленный им наиболее полный на сегодняшний день список дьяков и подьячих Ивана III, дополняющий данные справочников С.Б. Веселовского и

А.А. Зимина. Впрочем, и список Ю.Г. Алексеева нуждается в уточнении и дополнении. С одной стороны, в перечень вошли лица, чья принадлежность к дьячеству откровенно сомнительна (Семенча Аргунов [2. С. 289], Галка [Там же. С. 296] и др.). С другой стороны, вне списка остался целый ряд несомненных дьяков и подьячих. Например, автор по какой-то причине совершенно не учел информацию о дьяках и подьячих, содержащуюся в новгородских писцовых книгах, источнике, давно введенном в научный оборот.

Опираясь на данные духовных грамот вел. кн. Ивана Ивановича и Дмитрия Ивановича, Ю.Г. Алексеев проследил начальные этапы эволюции социального происхождения великокняжеских дьяков во второй половине XIV в.: от несвободных слуг-министериалов к канцелярским деятелям, уже обретшим свободу, но ещё не вошедшим в состав служилых землевладельцев [Там же. С. 14, 15, 22]. Автор собрал и обобщил максимально возможный объём просопографических сведений о дьяках XIV–XV вв. Отметив случаи наследования дьяческого статуса внутри отдельных семей, проанализировав имеющиеся данные о родственных связях дьяков, Ю.Г. Алексеев констатировал, что «уже в середине XV в. дьячество составляет определённый социальный слой, связанный родством, свойством и знакомствами» [2. С. 160–161]. Примерно с первой половины XV столетия исследователь прослеживает начало процесса постепенного превращения дьячества из слуг в феодалов. «Дьяк этого времени – землевладелец средней руки, либо выходец из среды вотчинников, либо феодал в первом поколении, сколачивающий свою вотчину путем приобретений у разных лиц и (или) княжеских пожалований… Дьяк – доверенное лицо князя, он связан родством и свойством с семьями “настоящих” феодалов – родовитых служилых людей» [Там же. С. 177].

Во второй половине XV в. Ю.Г. Алексеев отмечает появление в среде дьячества выходцев из родословных служилых фамилий, констатирует, что «сыновья и внуки дьяков Ивана III не наследовали профессию отцов, а превращались в детей боярских» [Там же. С. 180, 203]. Автор собрал данные о вотчинах и поместьях дьяков исследуемой эпохи [Там же. С. 160, 164–165, 182, 201–202, 223–224, 228–229, 234, 248, 258, 261]. К сожалению, этот материал остался практически необобщенным. Попытки выявить какие-то тенденции в развитии дьяческого землевладения Ю.Г. Алексеев так и не предпринял. Его общий вывод о социальном происхождении дьяков второй половины XV – начала XVI в. сформулирован так: «Именно в это время начинается сращивание – личное и генеалогическое – дьячества с вотчинно-служилым сословием. Это важнейшее социально-политическое отличие дьяков Ивана III от дьяков его отца и тем более деда» [Там же. С. 275].

В 2001 г. в Волгоградском государственном университете Н.В. Рыбалко была защищена кандидатская диссертация на тему «Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия». Позднее автор переработала диссертационное исследование в монографию, вышедшую в свет в 2011 г. [3]. В структуру задач данного исследования было включено, в том числе, выявление социального происхождения дьяков и подьячих, их родственных связей, поместного и денежного обеспечения [4. С. 12]. Анализируемый материал был разбит автором на смысловые блоки в зависимости от основных этапов и явлений Смуты: правление Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Московского боярского правительства, движение Лжедмитрия II, Первое, Второе и объединённое ополчение. В каждом блоке отдельные параграфы посвящены вопросам социального происхождения и родственных связей дьяков и подьячих, их денежного и поместного обеспечения [4. С. 2–3]. Внутри смысловых блоков Н.В. Рыбалко делит анализируемый материал на две группы: дьяки и подьячие, служившие в столичных приказах; дьяки и подьячие, служившие по городам. В каждом случае определяется социальное происхождение дьяков, получивших чин без службы в подьячих; дьяков, пожалованных из подьячих; подьячих, не дослужившихся до дьячества.

Не все поставленные автором задачи были решены одинаково успешно. В наибольшей степени удался анализ социального происхождения дьяков и подьячих. Исследовательница частично опиралась на выводы предшественников (С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, П.В. Долгоруков, А.Ф. Кобеко, А.П. Павлов, В.И. Савва, О.И. Тюменцев), частично на собственные наблюдения над текстами источников (акты и делопроизводственные документы в основном из классических публикаций XIX – начала XX в.; Тысячная книга и Дворовая тетрадь; книга раздачи денежного жалования 1573 г.; боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в.; Список 100-го года; Список стрелецких голов и сотников; приговорная грамота земского собора 1598 г.; роспись русского войска 1604 г.; кормленая книга Галицкой чети 1604 г.; разрядные книги; дела фондов 141, 210 и 1455 РГАДА и др.). В итоге Н.В. Рыбалко пришла к выводу, что в период Смуты доля выходцев из дворянской среды в среде дьяков составляла от 28 (дьяки городов при Василии Шуйском) до 38% (в Первом ополчении), а в среде подьячих от 2 (при царе Василии) до 3% (при царе Борисе) [4. С. 186, 224, 315, 333, 361, 408–409, 414]. При этом среди дьяков, получивших свой чин минуя подьячество, процент выходцев из дворянства часто был больше, чем среди дьяков, пожалованных из подьячих [Там же. С. 186–224]. «Именно происхождение из рядов служилого дворянства позволяло получить чин дьяка без прохождения службы в подьячих», – заключает исследовательница [Там же. С. 186]. Одновременно автор выявила и другую закономерность: в московских приказах доля дьяков – выходцев из дворянства больше, чем аналогичная величина среди дьяков, служивших в городах. Отсюда, по мнению исследовательницы, следует, что выходцы из дворян пользовались преимущественным правом назначения в столичные учреждения [Там же. С. 314–315, 336]. Из числа служилых людей по отечеству на приказную работу шли в основном жильцы и выборные дети боярские [Там же. С. 186]. Из представителей других сословий среди дьяков обнаруживаются, прежде всего, выходцы из гостей [Там же. С. 224, 315, 336, 361].

С меньшим успехом автор справилась с ответом на вопрос о родственных связях дьяков и подьячих. В ряду тех немногочисленных фактов, которые приводит Н.В. Рыбалко, нет новых. Все содержащиеся в диссертационном исследовании указания на брачно-семейные связи приказных деятелей были выявлены ещё С.Б. Веселовским, А.Ф. Кобеко и Н.П. Лихачевым. Выводы автора лишь повторяют заключения предшественников о выборе сыновьями дьяков преимущественно дворянской службы, о формировании дьяческих семей, где приказная служба передавалась по наследству [4. С. 177, 181, 186–187, 315, 336]. «Дьяки и подьячие… имели родственные связи со многими представителями государева двора: значительная часть дьяков московских приказов имела тесные связи с высшим служилым сословием московского дворянства, выборных дворян и детей боярских, кроме того, отмечаются родственные отношения с княжеско-боярской аристократией», – резюмирует Н.В. Рыбалко [4. С. 226].

Рассуждая о денежном и поместном обеспечении дьяков и подьячих, автор ограничился пересказом сведений о земельных владениях, поместных и денежных окладах приказных деятелей, почерпнутых из Росписи русского войска 1604 г., боярских списков, докладной выписки о вотчинах и поместьях 1613 г., Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря 1673 г., Кормленной книги Галицкой чети 1604 г., ряда опубликованных актов и делопроизводственных документов, некоторых архивных фондов (фонды 137, 210, 396 и 1455 РГАДА); из работ С.Б. Веселовского, А.П. Павлова и И.С. Шепелева.

Констатировав общее неутешительное состояние источников по изучаемой проблеме, Н.В. Рыбалко ограничивается самым простым обобщением собранного материала. Ею определены максимальные и минимальные величины денежных окладов дьяков; подсчитано число дьяков и подьячих, применительно к которым ею найдены данные об их поместьях и вотчинах [4. С. 194, 364, 413]. «Практически вся дьяческая верхушка в лице представителей родов московского, выборного и городового дворянства имела в собственности вотчинные и поместные земельные владения. Однако установить их точный размер в изучаемый период не представляется возможным», – заключает исследовательница [Там же. С. 194].

На наш взгляд, Н.В. Рыбалко выбрала в данном случае неудачный методологический подход. В её работе и без того не слишком обильный материал о вотчинах и поместьях дьяков и подьячих разбит на шесть параграфов (2.3, 2.6, 3.3, 3.6, 4.3, 4.6). Деление материала по царствованиям и правительствам является логичным, но излишне дробным и делает невозможным реконструкцию общей картины землевладения дьяков и подьячих периода Смуты. Временной отрезок в полтора десятилетия (с 1598 по 1613 г.) в принципе слишком мал для того, чтобы на его протяжении уловить какие-то изменения в таком относительно статичном институте, как землевладение. Не способствовало решению задач исследования и то обстоятельство, что Н.В. Рыбалко практически ограничила свои наблюдения только теми источниками по истории землевладения дьяков и подьячих, которые были созданы непосредственно в годы Смуты. Для достижения целей, поставленных Н.В. Рыбалко, источниковая база, безусловно, нуждается в расширении. Так, допустим, использование материалов писцового делопроизводства первой трети XVII в. способно существенно прояснить вопрос, например, о размерах вотчин и поместий дьяков и подьячих периода Смуты.

К числу новейших работ по интересующей нас проблеме относится монография Д.В. Лисейцева [5]. В этом весьма основательном труде вопросу о социальном происхождении дьяков, служивших в московских приказах с 1604 по 1619 г., посвящен второй раздел седьмой главы. В своих построениях автор отталкивается от выводов С.К. Богоявленского и Н.В. Рыбалко, констатируя существенное расхождение между заключением признанного классика отечественной историографии и мнением пока ещё малоизвестной исследовательницы. Собственные изыскания Д.В. Лисейцева в этом контексте призваны разрешить этот своеобразный заочный спор. Д.В. Лисейцев частью опирался на труды предшественников (С.К. Богоявленского, С.Б. Веселовского, В.И. Корецкого, А.П. Павлова и Н.В. Рыбалко), частью – на собственный анализ источников. Источниками послужили боярские списки, разрядные книги, актовые и делопроизводственные материалы, книга раздачи денежного жалования 1573 г., летописи.

Автор постарался выявить полный список дьяков периода Смуты. Таковых, по его подсчётам, оказывается 182. Из этой массы исследователь выделил, прежде всего, 74 «несомненных выходцев из дворянства», или примерно 41% от общего количества дьяков исследуемого периода. В это число включены, во-первых, те, кто числился в дворянах до пожалования в дьяки, во-вторых, те дьяки, чьи фамилии совпадают с фамилиями, заведомо принадлежащими к дворянству; в-третьих, те приказные деятели, чьи отцы известны как помещики или дьяки; в-четвертых, дьяки, состоявшие в родстве с дворянскими фамилиями; в-пятых, те, чьи близкие родственники несли дворянскую службу [5. С. 519].

Этот список из 74 фамилий, безусловно, нуждается в редактировании, ибо ряд лиц попал в него по недоразумению. Совершенно напрасно в число дворян включены дворцовые ремесленники и слуги под дворскими (лучник, т.е. мастер по изготовлению луков, Т. Горяинов; стадный конюх К. Иевлев; дворцовый подключник Ф. Лихачев; приказчик юрьевских дворцовых сёл Р. Подлесов; задворный конюх К. Иевлев). Ещё несколько случаев следует отнести к числу спорных, когда «несомненность» принадлежности дьяка к выходцам из дворянской среды не очевидна. Недостаточно констатировать, что отец дьяка был помещиком, а сам дьяк вотчинником, так как поместье, а тем более вотчина, были атрибутами не только дворянина. Нельзя безоговорочно причислять к выходцам из дворянской среды сыновей дьяков и подьячих. Мало простого совпадения фамилии дьяка с какой-либо дворянской фамилией. Вывод о принадлежности всех носителей фамилии к одному роду должен быть хотя бы минимально аргументирован.

Часть вопросов к построениям Д.В. Лисейцева возникает, на наш взгляд, во многом из-за определенной

терминологической путаницы, которую допускает автор. У него понятие «служилое сословие» фактически отождествляется с понятием «дворянство». Конечно, к началу XVII в. процесс становления сословий в России ещё не завершился, но основные их контуры вполне определились. Под «дворянством» применительно к периоду, исследуемому Д.В. Лисейцевым, следует понимать, на наш взгляд, детей боярских и те чины Государева двора, которые располагаются выше детей боярских в служилой иерархии. Понятия же «служилое сословие», «служилые люди» шире. Сюда относятся, допустим, стрельцы и казаки, сыновей которых пока никто не относит к выходцам из дворянства.

За первым списком дьяков у Д.В. Лисейцева следуют еще 17 человек. Для определения их социального происхождения автор использует практически те же индикаторы, что и выше. Ко второму списку отнесены те дьяки, чья фамилия и отчество совпадают с фамилией и именем их предполагаемых отцов-дворян; дьяки, чьи фамилии совпадают с фамилиями других дворян; дьяки, имеющие поместья; дьяки, служившие дворянскую службу до перехода на приказную работу или после отставки. Разница между 74 и 17, по всей видимости, в том, что по поводу принадлежности последних к выходцам из дворянства у автора есть определённые сомнения. Сомнения исследователя понятны. На каком основании, например, в московском дворянине Иване Ивановиче Внукове можно полагать отца дьяка Потапа Ивановича Внукова [5. С. 521] ?

Во второй половине XVI – начале XVII в. известно около десятка лиц, прозывавшихся Иван Внуков (с разными отчествами). Среди них не только дети боярские, есть холоп, есть казачий атаман. Ясно, что одних данных антропонимики для определения социального происхождения того или иного дьяка недостаточно, нужны дополнительные аргументы. Особенно когда речь идёт о распространённых фамилиях (Микулин, Уваров). 74 и 17 в сумме составляет 91, или ровно 50% от 182. «Представляется, тем не менее, что список дьяков, происходивших из числа дворян, должен быть значительно расширен», – заключает Д.В. Лисейцев [Там же. С. 522]. К первым двум спискам автор присовокупляет третий из 32 фамилий. Критерий отбора был сформулирован исследователем так: «Известно, что привилегия писаться “тремя именами” принадлежала представителям служилого сословия; дьяки (даже вышедшие из дворянства) обыкновенно писались двумя именами, без отчеств. Данное обстоятельство позволяет с большой долей уверенности отнести к числу служилых людей дьяков, о социальном происхождении которых нет определенных сведений, но отчества которых нам известны» [Там же]. Д.В. Лисейцев опирается здесь на наблюдения С.К. Богоявленского над особенностями антропонимики дьяков. В то же время автор по какой-то причине не учёл тех серьёзных корректив, которые внесла в данную проблему Н.Ф. Демидова. Она уточнила, что именование дьяков только «двумя именами», во-первых, не распространялось на думных дьяков, а во-вторых, ограничивалось только боярскими книгами и списками.

В писцовых и переписных книгах, актах, в переписке с приказными судьями имена дьяков писались в полной форме, а в частной переписке даже «с вичем» [6. С. 82–83]. Таким образом, очевидно, что те дьяки, какие были включёны Д.В. Лисейцевым в список 32, внесены в число выходцев из дворянства на весьма ненадёжном основании. При использовании такого метода в дворянские дети может попасть, допустим, Федор Дмитриевич Сырков, чьё отчество нам известно. Сын купца, он неоднократно упоминается с «тремя именами» в делопроизводственных документах разного рода.

Всего в трех списках Д.В. Лисейцева 123 человека, или около 68% от общего числа дьяков Смутного времени. Из оставшихся 59 персонажей автор вычитает 11 выходцев из купечества и духовенства. «Остаётся ещё 48 имен дьяков, о происхождении которых мы не можем сказать ничего определённого», – констатирует исследователь [5. С. 523]. Тем не менее Д.В. Лисейцев выделяет из 48 еще 16 дьяков, которые «по всей вероятности, должны быть отнесены к числу выходцев из верхов служилого сословия». В этот список попали Смирной Васильев и Тимофей Чириков, так как их имена значатся в Утверждённой грамоте Бориса Годунова в первом блоке «дьяков по приказам», который помещён непосредственно за московскими дворянами, тогда как имена большинства приказных дьяков стоят после списка жильцов. Василий Огарков относится к числу выходцев из дворян, так как, вероятно, он был родственником Михаила Федоровича Огаркова (из «списка 32»). Наконец, ещё 13 дьяков Д.В. Лисейцев причислил к выходцам из дворянства на основании, опять же, чисто антропонимических соображений: «Их фамилии не являются патронимическими, производными от собственных имён предков, что не является типичным для представителей социальных низов» [Там же. С. 524].

Весь «список 16» построен на никак не обоснованных гипотезах и произвольных допущениях. Из текста автора ясно следует, что все приказные деятели из первого блока «дьяков по приказам» в Утверждённой грамоте Бориса Годунова относятся Д.В. Лисейцевым к выходцам из дворянства. На каком основании? У автора нет ответа на этот вопрос (по крайней мере, прямого). В то время как сам тезис вызывает сомнения. Аникей Смирной Васильев включён в «первый блок дьяков по приказам» и отнёсен Д.В. Лисейцевым к выходцам из дворянства. Однако фамилия Аникея неизвестна. «Васильев» – это отчество. Выше по тексту на той же странице исследователь отнёс не имевшего фамилии дьяка Василия Миронова к числу недворян. На основании отсутствия фамилии. Нельзя, на наш взгляд, предполагать выходца из дворянской среды в Василии Огаркове, только опираясь на его возможное родство с Михаилом Огарковым, поскольку сам Михаил признан происходящим из дворян исключительно на основании наличия у него «трёх имён». О зыбкости этого тезиса мы говорили выше. Конечно, для крестьян и посадских, холопов и белого духовенства патронимические фамилии, производные от собственных имён предков, наиболее характерны. Однако это не значит, что все, кто имел фамилии с другой этимологией, непременно дворяне. Откровенно по недоразумению в «список 16» попал Сава Романчуков, фамилия которого происходит от крестильного имени Роман [7. С. 208].

Таким образом, в четырех списках оказывается 139 дьяков, выходцев из дворян. От общего количества дьяков Смутного времени 76%. «Наконец, никаких предположений мы не можем высказать о происхождении 32 дьяков с патронимическими фамилиями. Перечисленные лица с одинаковой степенью вероятности могут быть как дворянами, так и представителями других слоёв населения», – констатирует Д.В. Лисейцев. Из этого затруднения автор выходит следующим образом: «Следует, однако, учитывать, что, согласно нашим подсчётам, несомненных выходцев из дворянской среды в рядах столичного дьячества начала XVII в. было значительно больше, чем несомненных представителей неслужилого населения (первых, без всяких натяжек и предположений, мы насчитали 74, вторых – 7 человек). Соответственно, среди людей неясного для нас происхождения соотношения дворян и недворян должно быть близким к этому: дворян было приблизительно в 10 раз больше. В таком случае мы можем предположить недворянское происхождение ещё 3 человек из перечисленных выше лиц. 29–30 дьяков из этой группы, по всей видимости, были выходцами из служилых людей» [5. С. 524]. Такой странный во всех отношениях метод определения социального происхождения дьяков, конечно, лежит за пределами науки. Не говоря уже о том, что автор преувеличивает, заявляя об отсутствии в «списке 74» натяжек и предположений. Ещё менее надёжны аргументы, почерпнутые исследователем из материалов переговоров польских и русских дипломатов, из грамоты, направленной из Новгородской четверти в Вологду весной 1614 г.

Общий вывод Д.В. Лисейцева об источниках формирования дьяков периода Смуты таков: «Приказные дьяки двух первых десятилетий XVII в. в подавляющей своей массе имели происхождение из среды дворянства и детей боярских – их количество достигало примерно 90%. Выходцы из неслужилого сословия (преимущественно из купечества) составляли в московских приказах меньшинство – их численность вряд ли превышала в начале XVII в. 10%. Это вполне соответствует подсчётам С.К. Богоявленского, по данным которого в первой трети XVII в. количество выходцев из дворянства в приказной среде колебалось от 79 до 87%» [Там же]. Как мы постарались показать выше, вывод этот автору не удалось обосновать. Анализ Д.В. Лисейцева позволяет более или менее точно признать выходцами из дворянской среды около 70 человек (большая часть «списка 74» и некоторые из «списка 17»), или не более 40% дьяков Смутного времени. То обстоятельство, что подсчёты Д.В. Лисейцева в этой части совпали с подсчётами Н.В. Рыбалко (хотя они тоже нуждаются в уточнении), свидетельствует в пользу их относительной точности. Ещё 50% добавлены Д.В. Лисейцевым за счёт откровенного, на наш взгляд, насилия над исследуемым материалом. К такому результату привело исследователя, по всей видимости, стремление неуклонно следовать историографической традиции, сверяя свои выводы с выводами авторов классических работ по избранной проблеме.

Анализируя далее дворянскую составляющую приказной бюрократии периода Смуты, Д.В. Лисейцев заключает, что в дьяки шли преимущественно представители провинциальных детей боярских. Московское дворянство поступало в дьяки сравнительно редко. В географическом отношении дьяки – выходцы из дворянства представляют служилые корпорации практически всех регионов европейской части России. Сыновья дьяков и подьячих обычно не следовали по стопам отцов, а избирали дворянскую службу [5. С. 525–526].

Рассуждая о социальном происхождении дьяков исследуемого периода, Д.В. Лисейцев коснулся и проблемы источников формирования подьячих. Автор полемизирует с Н.В. Рыбалко, утверждавшей, что в среде подьячих доля выходцев из дворянской среды едва достигала 3%, а дворянское происхождение позволяло получить чин дьяка, минуя службу в подьячих. Д.В. Лисейцев сделал важный вывод, которого у Н.В. Рыбалко нет, но который логически вытекает из материалов её диссертационного исследования: «Если признать справедливой точку зрения Н.В. Рыбалко относительно малого количества выходцев из служилого сословия в среде подьячих, придётся сделать вывод о том, что между дьяками и подьячими существовала почти непреодолимая пропасть. Получится, что дьяки и подьячие рекрутировались из разных социальных слоёв (первые – из служилого сословия, вторые – из неслужилого)» [5. С. 527].

Весьма, на наш взгляд, спорный тезис о дворянском происхождении, которое позволяло получить чин дьяка, минуя службу в подьячих, Д.В. Лисейцев отвечает, что дьяки – выходцы из дворян служили и в подьячих, а представители «третьего сословия» жаловались прямо в дьяки. Вывод о более «демократическом» социальном происхождении подьячих по сравнению с дьяками Д.В. Лисейцеву опровергнуть не удалось. Автор прибег к чисто логическому аргументу. Если все дьяки до пожалования в чин служили в подьячих, а дьячество практически полностью (на 90%) рекрутировалось из дворян, то, следовательно, и социальное происхождение подьячих аналогично социальному происхождению дьяков [Там же. С. 527–532]. На наш взгляд, этому явлению возможно и другое объяснение. Если только десятая (по предположению Д.В. Лисейцева) часть подьячих достигала дьяческого чина, то в условиях такой своеобразной «конкуренции» социальное происхождение вполне могло быть важным и даже решающим преимуществом. Ясно, что логическими методами проблему источников комплектования подьячих периода Смуты не решить. Тут нужно отдельное просопографическое исследование, подобное работам Н.Ф. Демидовой и Н.В. Рыбалко. Д.В. Лисейцев рассмотрел также вопрос о материальном положении дьяков начала XVII в. Автор привел данные о количестве дьяков-землевладельцев (88 человек, или 48% от их общего числа) и о географии их земельных владений. К сожалению, не указаны источники, из которых исследователь почерпнул эту важную информацию. Размеры дьяческих имений Д.В. Лисейцев определяет, ориентируясь на данные о поместных окладах приказных деятелей (оговаривая относительность этого показателя) и сведения росписи русского войска 1604 г. [Там же. С. 538–541].

Особо следует отметить работу О.А. Шватченко «Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века» (М., 1996). На основании данных переписных книг автор проанализировал состояние вотчинного землевладения разных чинов служилых людей, в том числе думных, приказных и патриарших дьяков и подьячих (без учета деления на столичных и уездных). О.А. Шватченко учёл общее количество вотчин, находившихся во владении того или иного разряда приказных людей, число в них дворов и душ мужского пола [8. С. 49]. Эти величины сравниваются с суммарными данными по всему вотчинному землевладению в целом. В качестве хронологических вех избраны даты валовых переписей: 1646 и 1678 гг.

О.А. Шватченко объединяет думных дьяков с боярами, окольничими и думными дворянами в одну группу «думные чины» и в части выводов рассуждает о тенденциях развития вотчинного землевладения всей группы в целом. Читатель при таком подходе, естественно, лишён возможности проследить динамику эволюции землевладения собственно думных дьяков. Впрочем, автор и не ставит перед собой такой задачи. Выделение группы думных чинов вполне логично. Остаётся неясным признак, на основании которого объединены вместе дьяки, подьячие, дворцовые служители и царицына двора дети боярские. О.А. Шватченко делает вывод: «Вотчинное землевладение приказной бюрократии, дворцовых служителей и царицына двора детей боярских было весьма незначительным» [8. С. 50]. Сравнивая данные 1646 и 1627 гг., автор отметил сокращение количества вотчин приказных дьяков и подьячих [Там же. С. 58]. К 1678 г. число вотчин дьяков увеличилось, подьячих осталось практически без изменений [Там же. С. 64, 65]. О.А. Шватченко проанализировал географию вотчинного землевладения дьяков и подьячих. Согласно выводам автора, вотчины думных и приказных дьяков концентрировались в основном в Московском уезде. Применительно к подьячим эта тенденция тоже есть, но она менее выражена [8. С. 52, 58–59, 76–77].

Оценивая труд О.А. Шватченко в целом, следует отметить, что выводы автора о тенденциях развития вотчинного землевладения дьяков и подьячих несколько односторонни. Мало что даёт в исследовательском плане простая констатация увеличения или уменьшения абсолютного числа вотчин различных приказных чинов. Очевидны, на наш взгляд, и не требуют доказательства обсчёта большого массива переписных книг такие истины, как незначительность доли вотчин дьяков и подьячих в общей массе вотчинного землевладения служилых людей всех чинов. В методологическом отношении более продуктивен подход Н.Ф. Демидовой.

Подводя итог анализу историографии проблемы, следует отметить, прежде всего, то, что, несмотря на наличие целого ряда основательных исследований, вопрос о социальном происхождении дьяков XIV–XVII вв. окончательно на сегодняшний день не решен. Социальное происхождение служилой бюрократии должно стать предметом специального исследования. Многие пробелы в историографии проблемы обусловлены, на наш взгляд, тем, что вопрос об источниках формирования корпуса дьяков и подьячих зачастую решался как бы попутно, будучи отодвигаем на периферию исследования, заслоняем другими задачами, на которые авторы тратили основную массу времени и сил. Проблема кадрового состава приказной бюрократии требует комплексного подхода. Необходимо проанализировать социальное происхождение, брачно-семейные связи, материальное положение и дьяков и подьячих. Пожалуй, все исследователи констатируют тесную взаимосвязь дьяков и подьячих, но в трудах своих основное внимание часто уделяют только дьякам.

Данные о социальном происхождении дьяков и подьячих и об их землевладении следует, по нашему мнению, анализировать с использованием количественных методов. Среди исследователей на этот счёт высказываются разные мнения. Одни авторы принципиально скептически относятся к любым подсчётам, кроме, пожалуй, тех, что используются в аграрной и, вообще, экономической истории. Так, например, В.А. Кучкин в рецензии на статью автора этих строк в качестве недостатка отметил то обстоятельство, что «автор работы весьма склонен к различным арифметическим выкладкам» (электронная копия машинописной рецензии из нашего архива любезно предоставлена П.С. Стефановичем). Другие же, напротив, считают подсчёты плодотворными. В качестве примера можно привести исследования Н.В. Рыбалко и Д.В. Лисейцева.

К вопросу о социальной среде, породившей дьяков и подьячих, необходимо подходить диалектически. Многие разногласия между исследователями возникают, на наш взгляд, из-за того, что социальное происхождение представителей служилой бюрократии рассматривается как некое статическое явление. Между тем полтора-два и даже одно столетие достаточно длительный срок для социальной эволюции. Смеем надеяться, что, несмотря на все методологические трудности, проблема социального происхождения дьяков и подьячих будет успешно решена современной исторической наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М. : Радоникс, 1994. 528 с.
2. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1998. 352 с.
3. *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М. : Квадрига; МБА, 2011. 656 с.
4. *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия : дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
5. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. ; Тула : Гриф и К, 2009. 792 с.
6. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 228 с.
7. *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. 448 с.
8. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М. : Институт Российской истории РАН, 1996. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 110–113 DOI: 10.17223/15617793/376/20

УДК 666.9.012

И.А. Тарасенко

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБОТЫ ХАРЬКОВСКОГО ЦЕМЕНТНОГО ЗАВОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг. В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА НА МАССОВЫЙ ТИП СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР

Проводится оценка эффективности работы Харьковского цементного завода в условиях повышения спроса на цементную продукцию во второй половине 1950-х гг. и соответствующих тенденций развития цементной промышленности СССР.
Ключевые слова: цемент; реконструкция; помольная мельница; сырье; себестоимость.

Современные тенденции развития стройиндустрии показывают, что, несмотря на появление прогрессивных материалов, позволяющих создавать принципиально новые конструкции зданий и сооружений, цемент еще долго будет оставаться основной составляющей номенклатуры потребления строительством. Таким образом, перспективность производства цемента как одного из видов деятельности промышленности стройматериалов сохраняется. Однако, как показывает исторический опыт, объемы потребления цемента в течение хронологических периодов, не превышающих по своей продолжительности нормативные сроки работы основного производственного оборудования, подвержены значительным колебаниям. Опыт же цементных отраслей республик бывшего СССР позволяет говорить о той значительности амплитуды упомянутых колебаний, которая может привести к полному коллапсу предприятий исследуемой промышленности. Так, в течение 1991–2000 гг. из-за катастрофического падения спроса на цемент были полностью или частично остановлены практически все цементные заводы Украины, в том числе такие гиганты отрасли, как, например, Амвросиевский, Балаклейский, Николаевский и Ново-Здолбуновский комбинаты.

Безусловно, что абсолютные величины финансовых ущербов предприятий в условиях постсоветского кризиса цементного производства в Украине были прямо пропорциональны имеющимся объемам производственных мощностей. В более выгодном положении, с этой точки зрения, оказались небольшие цемзаводы, так как объемы их производства соответствовали объемам существующего спроса, что позволяло не только поддерживать предприятия «наплаву», но и получать прибыль. Между тем с оживлением строительной сферы в начале 2000-х гг. в Украине вновь возник вопрос о целесообразности небольших цементных заводов, поскольку теперь основная нагрузка в удовлетворении спроса на цемент перекладывалась на крупные цемкомбинаты. В настоящее время вопрос эффективности работы малых цементных заводов (помольных установок) в условиях повышенного спроса на цемент, несмотря на временный спад в строительстве, вызывает практический интерес. Харьковский цементный завод (ХЦЗ) относился к категории таких цемзаводов, а пик его деятельности пришелся на период перехода к массовому типу ведения строительства, с соответствующим ростом спроса на цемент, что, в современных условиях делает изучение опыта его работы актуальным.

Таким образом, целью данной работы является оценка эффективности работы ХЦЗ в условиях повышения спроса на цементную продукцию во второй половине 1950-х гг. и соответствующих тенденций развития цементной промышленности СССР. Для достижения поставленной цели необходимо разрешить следующие задачи: а) определить общие производственные характеристики предприятия и путь их формирования; б) установить основные экономические показатели работы завода; в) провести анализ соответствия полученных результатов установленным в исследуемый период критериям эффективной работы цементной отрасли.

Необходимо отметить, что на настоящий момент не выявлено историографических источников рассматриваемой в данной статье проблемы. Более того, в научной литературе по истории науки и техники информация относительно ХЦЗ практически отсутствует. Это объясняется как дефицитом исследований истории цементной промышленности Украины, так и довольно непродолжительным сроком существования предприятия. Можно сказать, что данное исследование, помимо достижения поставленной цели, позволит обогатить историю цементной промышленности СССР.

ХЦЗ был основан в 1932 г. и располагался в Краснобаварском районе г. Харькова. Создание завода было вызвано формированием в городе крупного промышленного узла и связанным с этим интенсивным промстроительством. Поскольку в этот период в Украине процесс индустриализации проходил наиболее активно в восточных регионах, дефицит цемента, соответственно, острее ощущался на стройках Харьковщины и Донбасса. С целью сокращения дефицита цемента и обеспечения своевременного окончания строительно-монтажных работ на важнейших пусковых объектах индустрии СССР и было принято решение о формировании цементного предприятия в непосредственной близости от основных потребителей этой продукции. Следует отметить, что на момент создания Харьковского цементного завода сведений о наличии каких-либо залежей цементного сырья в окрестностях города не имелось, поэтому ХЦЗ изначально строился как предприятие неполного цикла – помольная установка с комплектом необходимого технологического оборудования. Однако такое решение вопроса не отличалось абсолютной новизной, так как еще с дореволюционных времен в Донбассе функционировал построенный с аналогичной целью цементный завод неполного цикла «Путепровод». Несомненно, что позитивный опыт работы последнего в условиях капиталистической индустриализации в Российской империи был учтен при принятии решения по

созданию ХЦЗ, но уже исходя из особенностей индустриализации социалистической [1. Л. 48].

Первоначально на заводе были установлены цементная мельница фирмы «MIAG» 2,2 х 13 м и сушильный барабан типа ВМТС 2 х 20 м. К сожалению, данные, характеризующие работу ХЦЗ до и во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в украинских исторических источниках отсутствуют. Вместе с тем архивные документы послевоенного периода позволяют говорить о том, что Харьковский цементный завод не был ни эвакуирован, ни разрушен. Благодаря этому предприятие вступило в строй практически сразу же по окончательного освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. На этапе послевоенного восстановления хозяйства в конце 1940-х гг. производственная программа завода предполагала выпуск 100 тыс. т цемента в год. Однако из-за ошибок Министерства промышленности строительных материалов СССР в расстановке кадров в первые послевоенные годы ХЦЗ руководили откровенно нерадивые хозяйственники. К тому же промышленные предприятия города испытывали значительные трудности с энергоснабжением и поставками сырья. До 1948 г. включительно план заводом хронически не выполнялся. Так, в указанном году было изготовлено всего 82,9 тыс. т цемента. Со сменой руководства ХЦЗ и улучшением энергоснабжения предприятия положение с выполнением производственной программы кардинально улучшилось, и с 1949 г. план заводом выполнялся стабильно, даже с перевыполнением до 10% [2. Л. 4; 3. Л. 1; 4. Л. 101].

Между тем нормализация процесса выполнения плановых задач ХЦЗ в конце 1940-х – начале 1950-х гг. не означала того, что все проблемные моменты в работе завода были ликвидированы. По-прежнему главным слабым звеном в организации производственного процесса оставалось снабжение завода сырьем. В указанный период клинкер на ХЦЗ поставлялся с Амвросиевских цемзаводов, а гранулированный шлак – с металлургических предприятий, расположенных в Запорожье, Константиновке и Алчевске. Несмотря на то что и поставщики, и получатель находились на территории одной республики – Украинской ССР, а среднее расстояние перевозок составляло всего лишь около 300 км, проблема своевременных поставок гранулированного шлака и клинкера на ХЦЗ стояла достаточно остро. В начале каждого квартала отмечались перебои соответствующего снабжения, влекущие за собой отставания в выполнении производственного графика заводом в этот период и, как следствие, работу с перегрузкой в последующие. Вызванная таким образом аритмия в работе предприятия негативно влияла на производственный процесс в части соблюдения технологии изготовления, норм эксплуатации оборудования, договорных обязательств и оптимальной логистики. В комплексе все эти проблемы ухудшали показатели экономической эффективности работы завода [5. Л. 50–51; 6. С. 140; 9. Л. 1].

Приведенную ситуацию со снабжением ХЦЗ сырьем нельзя объяснять только лишь ведомственной разобщенностью, присущей всему советскому хозяйственному комплексу. Действительно, металлургические заводы, поставляющие на ХЦЗ граншлак, входили в систему Министерства черной металлургии, что создавало определенные моменты дополнительной несогласованности поставок. Но и Амвросиевские, и Харьковский цементные заводы входили в одну систему Министерства промышленности строительных материалов (МПСМ) СССР, а ситуация с поставкой клинкера была не лучше, а подчас – и хуже, чем со снабжением граншлаком.

Таким образом, одна из главных причин перебоев со снабжением ХЦЗ сырьем лежала в плоскости организации его транспортировки. В рассматриваемый период, согласно партийно-правительственным директивам, первоочередное внимание уделялось созданию производственных мощностей, вспомогательным же – второстепенное или не уделялось вообще. В результате на предприятиях имелся дефицит мест хранения сырья, а также погрузочно-разгрузочных площадок и механизмов. Зачастую заводы использовали железнодорожные вагоны как складские помещения, что приводило к созданию дефицита подвижного состава железных дорог и, как следствие, к нарушению графиков поставок во всех без исключения отраслях. Однако вместе с этой причиной существовала еще одна и тоже общего порядка. Согласно концепции организации промышленного производства в СССР, первоочередное снабжение сырьем получали крупные базовые предприятия отраслей как основные производители вала профильной продукции. Очередность в порядке снабжения остальных определялась размером их долевого участия в общеотраслевом валовом производстве. Снабжение малых предприятий, в том числе и ХЦЗ, вообще планировалось по остаточному принципу, из-за чего степень ритмичности этого процесса подчас находилась в прямой зависимости от степени изворотливости заводских снабженцев.

Для организации более ритмичного производственного процесса в начале 1950-х гг. на ХЦЗ были построены дополнительные сооружения для разгрузки и хранения сырья, что позволило создавать его двухмесячный запас. Также с целью повышения производительности помольной установки на заводе в 1951 г. был смонтирован второй сушильный барабан ВМТС 2 х 20 м. Благодаря этим и ряду других менее значительных мероприятиям к середине 1950-х гг. удалось поднять продуктивность предприятия до 169 тыс. т цемента. Также в 1955 г. в рамках развернутого в СССР процесса перехода на массовый тип ведения строительных работ на ХЦЗ создается установка по производству железобетонных изделий. В состав установки входили: комбайн по изготовлению многопустотных плит-настилов, бетоносмесительный узел, портальный и башенный краны, свивальная машина. Расчетная производительность установки составляла 12 тыс. м^3 железобетонных изделий в год [7. Л. 178; 8. С. 98].

Таким образом, к разворачиванию массового строительства в Украине ХЦЗ подошел укомплектованным производственным оборудованием, позволяющим такому небольшому (около 200 чел.) предприятию осуществлять активный вклад в решение поставленных перед стройсектором республики задач. Достаточно сказать, что из всех двенадцати цементных заводов УССР (не считая совсем мелких очажных производств) доля Харьковского в республиканском объеме производства цемента составляла 3,67%, тогда как Киевского – 2,15%, Макеевского – 0,92% (аналогичных по принципу орга-

низации производства). Однако высокие производственные показатели ХЦЗ нивелировались не такой привлекательной экономической эффективностью его работы. К тому же в условиях централизованного директивного управления хозяйственным комплексом страны проблематичной становилась коммерческая выгода потребителей основной продукции завода [1. Л. 47].

Построенный для нужд местного строительства, начиная с 1949 г. Харьковский цементный завод 70% своей продукции отправлял потребителям, находящимся на расстоянии от предприятия 300 км и более. Вследствие этого снижалась экономическая выгода выбранного вида производства цемента, поскольку к затратам на подвоз сырья добавлялись затраты, связанные с перевозкой на такое же расстояние готовой продукции. Хотя изначально весь смысл постройки помольной установки и состоял в незначительности затрат на перевозку готовой продукции, осуществляемой «по месту». Вместе с тем при создании ХЦЗ учитывалось сокращение потерь от распыла и полное устранение потерь от снижения активности при перевозке клинкера, в отличие от перевозки цемента, так как в то время транспортировка цемента производилась почти исключительно россыпью. К тому же клинкер допускает хранение на открытых площадках, что сокращает потребность в дорогостоящих силосах.

Несмотря на это, себестоимость производства 1 т шлакопортландцемента на ХЦЗ в середине 1950-х гг. была в 1,4 раза выше, чем в среднем на украинских заводах смешанного цикла, использующих местный шлак и привозной клинкер. Данный момент обусловливался как недостаточной удельной на одного работающего производительностью помольной установки, так и большим объемом товарно-транспортных операций. Так, количество работающих, приходящихся на каждую изготовленную 1 000 т цемента, на ХЦЗ было в 1,24 раза больше, чем в среднем по приведенной выше группе заводов, а объемы тонно-километров перевозок снабжения Харьковского завода превышали соответствующий показатель тех же предприятий в 1,74 раза. Между тем оперативность в получении продукции и небольшие транспортные затраты местных потребителей могли сыграть положительную роль в конкурентоспособности Харьковского предприятия, невзирая на более высокую отпускную цену. Например, средние объемы тонно-километров перевозок сбыта со сравниваемых предприятий потребителям г. Харькова в 11 раз превышали этот показатель для ХЦЗ. Однако ситуация с обеспечением строек цементом в республике и в СССР в целом на середину 1950-х гг. находилась на катастрофически низком уровне. В результате правительством страны была выстроена определенная иерархия первоочередности соответствующего снабжения, что и вынуждало МПСМ СССР решать проблемы количественного дефицита цемента, не считаясь с экономической целесообразностью [8. С. 97–101].

Вместе с тем нельзя утверждать, что руководством отрасли вопрос экономической эффективности малых цементных заводов игнорировался. Подтверждением внимательного и взвешенного отношения к этой проблеме со стороны МПСМ СССР служит принятие им в 1956 г. решения о сооружении еще одного помольного агрегата на ХЦЗ. Однако ввод в действие второй цементной мельницы «Polysius» 2,2 х 13 м состоялся уже после админреформы 1957 г., когда Харьковский цемзавод перешел в подчинение местного совнархоза. В целом реконструкция ХЦЗ окончательно завершилась 25 октября 1958 г. Помимо второй мельницы, тут были построены: компрессорная мощностью 80 м^3, 2 бункера по 150 т для отгрузки автомашин цементом, 2 автовесов, 6 банок силосов на 9 594 т, артезианская скважина, насосная, брызгальные бассейны для охлаждения воды компрессорной. Однако по-прежнему слабым местом в организации производственного процесса оставалась недостаточная оснащенность завода подъемно-транспортными механизмами [9. Л. 1].

Проведенная реконструкция окончательно сформировала производственные параметры ХЦЗ на весь последующий период его работы. Общая площадь завода стала составлять 77 925 м^2, площадь цеха помола – 5 802 м^2, железобетонного цеха – 12 438 м^2. Численность персонала предприятия с 1957 г. до выхода на полную проектную мощность в 1959 г. возросла с 201 до 301 человека, а программа выпуска – со 160 до 300 тыс. т. Начиная с 1959 г. производственный план заводом выполнялся на 104–107%, в результате чего реальная производительность ХЦЗ составляла порядка 315 тыс. т в год. Также предприятием регулярно на 1–2% перевыполнялся план по выпуску железобетонных изделий. Цемент с завода отпускался исключительно россыпью, что было чрезвычайно распространено в мировой практике того времени [3. Л. 2, 7, 9].

До выхода на проектную мощность в 1958 г. в заводской производственной программе превалировал шлакопортландцемент марки «300». Его доля в общем объеме производства составлял 89,3%. Одновременно на ХЦЗ выпускался низкомарочный шлакопортландцемент марки «250» (7,69%) и портландцементы более высоких марок – «400» (2,04%) и «500» (0,97%).

Таким образом, средняя марка шлакопортландцемента, произведенного на Харьковском цементном заводе, составляла «296», тогда как в среднем по УССР – «317», а портландцемента – «448» против «492» по Украине. Средняя же марка выпущенного на ХЦЗ цемента в целом соответствовала «300», в среднем по всем украинским заводам – «390», а по заводам СССР – «414». Однако уже к началу 1960-х гг. шлакопортландцемент «250» был полностью исключен из ассортимента продукции завода, а доля шлакопортландцемента «300» в производственной программе снизилась до 76%. Параллельно предприятием было освоено производство шлакопортландцемета «400» (12,16% в программе выпуска) и быстротвердеющего портландцемента той же марки (10,19%), а доля портландцемента «500» увеличена до 1,21%. Вследствие этого средняя марка выпускаемого заводом цемента повысилась до «324». Остаток продукции на складах предприятия на конец года не превышал 1,3% годового объема производства [3. Л. 2–3; 6. С. 4; 10. Л. 26].

Одновременно, в результате реконструкции, улучшились и экономические показатели работы ХЦЗ. К 1960 г. себестоимость 1 т цемента на предприятии составляла 6,8 руб., что было на 5,5% меньше, чем в среднем по отрасли УССР, и на 30,6% меньше соответ-

ствующего среднего показателя для цементной отрасли Советского Союза. Причем себестоимость продукции цементных заводов одной категории с исследуемым предприятием в среднем по Украине превышала харьковскую на 26%, а по СССР в среднем на 53%. Аналогично высокими были показатели Харьковского цементного завода и по производительности труда. Так, в рассматриваемый период выработка цемента на одного работающего на ХЦЗ составляла 1 046,5 т, что было на 1,5 т больше, чем на передовом предприятии республики – Николаевском цементном заводе и в 1,9 раза выше, чем в среднем на аналогичных предприятиях СССР, а также на 7,8% выше, чем в среднем по Советскому Союзу на заводах с производством цемента более 1 млн т в год [1. Л. 41, 45; 11. С. 82–83, 89].

Достичь столь высоких показателей работы ХЦЗ удалось благодаря как умело спроектированной коллективом института «Южгипроцемент» реконструкции предприятия, так и за счет действий руководства и работников завода, позволивших провести эту реконструкцию в полном соответствии проекту. Расчет производственной технологии был осуществлен на базе имеющихся на то время передовых достижений науки с учетом всех особенностей работы помольных установок. Мероприятия по повышению уровня механизации труда на предприятии, несмотря на достаточную изношенность половины парка машин и механизмов, дали возможность воплотить указанную технологию в максимальном соответствии расчетным данным. В результате проведенного комплекса работ были снижены производственные энергозатраты, повышены фондооснащенность и фондоотдача, что в итоге привело к получению той степени эффективности работы ХЦЗ, которая в исследуемый период была доступна немногим крупнейшим новым цементным заводам Советского Союза.

Относительно невысокая марка производимого заводом цемента обусловливалась характером сложившегося потребления. Переход на массовый способ ведения строительства в СССР осуществлялся на основе расширенного применения сборного железобетона, в производстве которого употреблялся цемент марок «400» и выше. Поскольку объемы выпуска железобетонных изделий росли в геометрической прогрессии, на производство указанных марок переводились, в первую очередь, крупные цементные заводы, способные обеспечить основной вал продукции. Вместе с тем в ходе самого процесса смены технологического уклада строительно-монтажных работ доля каменных работ все еще оставалась высокой, что требовало продолжения приготовления больших объемов кладочных растворов, основным вяжущим компонентом которых был цемент марки «300». Исходя из этого, МПСМ СССР, а впоследствии – совнархозами, и была произведена ориентировка производственных программ небольших заводов на выпуск преимущественно цемента марки «300». Со снижением спроса на указанный цемент его доля в объемах производства всех заводов должна была также пропорционально снижаться. Для помольных установок это вообще не служило проблемой, так как в используемых ими технологиях отсутствовала проблема добычи и приготовления соответствующего сырья, а значит, и проблема обеспечения той степени его качества, которая позволяла бы получать цемент более высоких марок. В связи с этой особенностью виды и марки цементов, которые способны выпускать помольные установки, целиком определялись характером поставленного сырья, выбор которого, в свою очередь, лежал исключительно в компетенции руководства отрасли. Поэтому доминанта в производственной программе ХЦЗ цемента «300» не может служить показателем, снижающим оценку эффективности его работы.

Таким образом, анализ практического опыта Харьковского цементного завода, приобретенного в период резкого повышения спроса на цемент во второй половине 1950-х гг., позволяет утверждать, что помольные установки способны справляться с удовлетворением регионального спроса на те марки цемента, производство которых при сложившейся коньюктуре потребления не выгодно крупным заводам. Предприятия неполного цикла могут работать с не меньшей экономической эффективностью, чем крупные цементные комбинаты с собственной сырьевой базой и продуктивностью более нескольких миллионов тонн в год. Однако обязательным условием, обеспечивающим высокую эффективность работы помольных установок, служит четко рассчитанная и неукоснительно соблюдаемая производственная программа предприятия, базированная: а) на организации бесперебойного снабжения сырьем и гарантированного регионального сбыта продукции; б) использовании энергосберегающих высокопродуктивных технологий; в) оптимизации задействованных оборудования и средств механизации производственного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гриненко Ю.А.* Производство и потребление цемента в Украинской ССР : дис. … канд. эконом. наук. Киев, 1962. 234 л.
2. *Государственный* архив Харьковской области (ГАХО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. 78 л.
3. ГАХО. Ф. Р-5716. Оп. 15. Д. 27. 75 л.
4. ГАХО. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 1. 149 л.
5. ГАХО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 78. 181 л.
6. *Борисов Д.С., Васильев В.А., Иванов-Городов А.Н., Кольбах В.И.* Качество цементной продукции заводов СССР за 1963 г.: Обзор. М. : ЦНИИ информации и технико-экономических исследований промышленности строительных материалов, 1965. 144 с.
7. ГАХО. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 85. 197 л.
8. *Логинов З.И.* Размещение производства и перевозки цемента. М. : Гос. изд-во лит-ры по строит. материалам, 1957. 115 с.
9. ГАХО. Ф. Р-5716. Оп. 14. Д. 150. 58 л.
10. ГАХО. Ф. Р-5716. Оп. 14. Д. 116. 29 л.
11. *Логинов З.И.* Экономические проблемы цементной промышленности. М. : Изд-во лит-ры по строительству, 1967. 203 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 114–120 DOI: 10.17223/15617793/376/21

УДК-944

К.Н. Тарасов

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВО ВЗГЛЯДАХ УМЕРЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ (Л.А. ТИХОМИРОВ, И.А. ИЛЬИН, ЕВРАЗИЙЦЫ)

Статья представляет собой анализ проблемы идейного и институционального отождествления государства и общества через механизм формирования политической элиты. Данный тезис доказывается на примере изучения взглядов представителей умеренного российского консерватизма Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина и лидеров евразийства Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого.
Ключевые слова: консерватизм; политическая элита; евразийство; государство; общество.

В современных условиях поиска оптимальных путей реформирования политической системы России обращение к идейно-политическому наследию российского консерватизма представляется достаточно актуальным.

Важной (однако слабоизученной) особенностью социально-политической доктрины российского консерватизма является стремление консервативных авторов идейно и институционально отождествить общество и государство. Снять институциональное различие и возможные противоречия между органами государственной власти и социальными институтами в проектах консерваторов был призван процесс формирования политической элиты. В данной работе автор представит анализ взглядов по вопросу создания в России системы народного представительства умеренных консерваторов Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина и лидеров евразийства П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеева.

Для изучения заявленной темы из обширного круга представителей российской консервативной мысли конца XIX – первой половины XX в. автором были выбраны фигуры Льва Александровича Тихомирова (1853–1923), Ивана Александровича Ильина (1883–1954) и ведущих идеологов евразийства – Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), Николая Николаевича Алексеева (1879–1964). Данный выбор объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, комплексное изучение взглядов отмеченных идеологов консерватизма позволяет отнести их к типу умеренных консерваторов. Принципиальная особенность подходов Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина и евразийцев заключается в том, что для этих идеологов приверженность к установкам консерватизма сочеталась с признанием необходимости общественного развития и прогресса. Указанные консерваторы стремились создать проекты общественного переустройства России, учитывающие цивилизационную специфику её социума и опирающиеся на исторический опыт страны. Во-вторых, изучение темы исследования на примере взглядов Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина и евразийцев даёт возможность проследить логику развития консервативной мысли начиная с конца XIX в. вплоть до середины XX в. По ключевым вопросам взгляды указанных идеологов консерватизма будут сопоставляться с целью выявления общего и особенного в их подходах. Кроме того, сравнение проектов переустройства России позволит выявить влияние событий революции 1917 г. и установления власти большевиков на процесс развития отечественной консервативной мысли. И наконец, несмотря на существенные различия во взглядах, заявленных в теме исследования представителей российского консерватизма, в основе их подходов лежат схожие мировоззренческие и социально-политические установки. По многим вопросам проекты модернизации политической системы России, предложенные Л.А. Тихомировым, И.А. Ильиным и евразийцами, как бы дополняют друг друга.

Консервативный подход к проблемам формирования и социальной роли политической элиты был рассмотрен в следующих работах современных исследователей идеологии российского консерватизма.

Статьи А. Матюхина представляют собой анализ взглядов консерваторов-монархистов на социальный статус и роль правящего класса в процессе исторического развития России [12, 13]. Автор верно указывает, что важнейшим признаком политической элиты в трудах монархистов являлся её дворянский характер. Несмотря на падение роли дворянства в условиях капиталистической модернизации, консерваторы-монархисты (в том числе и Л.А. Тихомиров) пытались обосновать его положение в качестве ядра правящего класса России. Утопичность этих проектов, отмечает А. Матюхин, была доказана событиями 1917 г. В работе Г.И. Мусихина содержатся ценные сведения о таких особенностях элиты в политической доктрине консерватизма, как наделение носителей власти духовным авторитетом, обоснование их высокого социального статуса высокими моральными качествами и большой степенью ответственности, возложенной на представителей правящего класса [14]. Работа М.Б. Золиной представляет собой исследование проблемы взаимодействия правящей элиты и общества во взглядах И.А. Ильина [3]. Автор приходит к выводу, что значительные полномочия и возможности носителей власти влиять на все сферы общественной жизни, предусмотренные проектом И.А. Ильина, сочетаются с обязательным требованием постоянного обновления правящего класса путём пополнения его лучшими представителями нации независимо от их сословной принадлежности. В статье С.В. Чеснокова рассматриваются психологические факторы отношений господства – подчинения [26]. Учёный отмечает, что Л.А. Тихомиров придавал большое значение психологическому аспекту при обосновании доминирующей роли носителей государственной власти в обществе. В работах А.И. Овчинникова и Р. Беккера содержатся сведения о трактовке евразийцами политической элиты как носителя особой «идеи-правительницы», представляющей собой идеологическую основу евразийского проекта национально

ориентированной модернизации России [2, 15]. В монографиях Н.И. Изергиной и В.Я. Пащенко и статьях В.А. Томсинова, О.А. Кудинова и Л. Люкс уделяется внимание причинам отказа И.А. Ильина и евразийцев от сословного принципа набора граждан в правящий класс и взгляда на дворянство как ядро политической элиты [4, 16, 10, 11, 17].

Однако внимание отмеченных выше исследователей было сосредоточено главным образом на рассмотрении специфики и исторической роли политической элиты в трудах консерваторов. Сам же механизм формирования правящего класса и его значение в процессе взаимодействия институтов государства и общества должным образом не изучались.

Итак, идеологи российского консерватизма пытались обосновать такие принципы формирования политической элиты, через которые процесс «правящего отбора» позволял бы институционально объединить государство и общество.

В своих трудах Л.А. Тихомиров не разрабатывал определённых механизмов обновления политической элиты самодержавной России в условиях ускоренной модернизации. Однако в его работах содержатся важные утверждения и замечания по поводу того, каких принципов следует придерживаться при реформировании российской государственности.

Важно учесть тот факт, что, как уже отмечалось выше, Л.А. Тихомиров выступал за приоритет сословной организации общества. Он являлся противником либеральной идеи «общегражданского строя». Оппонируя либералам, идеолог консерватизма отмечал, что сословный строй более соответствует строению общества как сложной иерархической системы, состоящей из множества элементов. Тихомиров указывал, что процесс модернизации влечёт за собой ускорение социальной дифференциации: появляются новые социальные слои, сословия, социальные общности и группы. Принцип сословности, по мысли консерватора, позволяет предотвращать наступление социального хаоса и разрушение традиционной социальной структуры. Отмечая, что разнообразие сословий и социальных групп является важным условием поступательного развития социума, Л.А. Тихомиров стремился обосновать необходимость корректировки процесса социальной дифференциации спецификой исторически сложившейся в России организации социума [18. С. 322]. Важнейшими особенностями российского социума, по словам консервативного идеолога, были служилый характер сословий и особый статус дворянства как главной силы, организующей процесс национального развития. Это должно было определить и специфику процесса формирования элиты.

Принципиальным моментом в подходе Л.А. Тихомирова к проблеме обновления политической элиты является попытка обоснования им статуса дворянства как ведущей и основной группы обновлённого правящего класса. По утверждению консерватора, решение дворянского вопроса является составной частью вопроса сословного – проблемы сохранения и развития сословной общественной структуры в условиях модернизации. По данному вопросу консервативный идеолог вступал в полемику с Б.Н. Чичериным, который, будучи уверен в исторической обречённости сословного строя, пытался, сохранив ряд дворянских привилегий, ввести дворянство в «общегражданский строй», где оно станет базисом для формирования новой господствующей социальной группы [20. С. 649–650]. Л.А. Тихомиров считал такой проект утопичным и утверждал, что сохранить господствующее положение дворянства можно только безотлагательным принятием государственных мер экономической поддержки, а также усилением его политического влияния в земствах и в высших органах власти. Это, по мысли Л.А. Тихомирова, не противоречит задачам общественного прогресса, ибо общество может развиваться только как система сословий; социальное и сословное расслоение ему присуще на всех этапах развития.

Идеолог консерватизма не без оснований отмечал, что дворяне, составляя военную и политическую элиту российского общества, представляют собой и значительную «земскую силу». Они, являясь землевладельцами, приближены к народу, управляют им и по своему мировоззрению очень с ним схожи [23. С. 341]. На протяжении XVIII в. дворянство сосредоточило в своих руках значительное богатство, оно заняло практически монопольное положение во всех сферах государственного управления и в армии. Дворянство является и самым образованным сословием России. Сосредоточив в своих руках всю полноту административной и военной власти, являясь владетелями и покровителями крестьянского мира, «дворянство, – писал Л.А. Тихомиров, – явилось как бы представителем России перед Верховной властью» [23. С. 344].

После Великих реформ, указывал консерватор, положение дворянства как господствующего класса стало меняться, его экономическое и политическое влияние заметно слабеет. Однако дворяне продолжают занимать господствующее положение в сфере государственного управления и в армии, они сохраняют достаточно сильную связь с крестьянским миром, остаются наиболее просвещённым классом. Дворянство – по-прежнему самая надёжная опора престола. Его сословные интересы целиком и полностью совпадают с интересами государства. Именно поэтому государство, заключал идеолог консерватизма, должно приложить максимум усилий для сохранения господствующего положения дворянского сословия в пореформенном российском обществе.

В конце XIX в., когда процесс обезземеливания и обнищания дворянства приобрёл угрожающие размеры, когда значительно усилилось политическое влияние буржуазии и разночинной интеллигенции, становилось понятно, что дворянству вряд ли удастся сохранить доминирующее положение в обществе. В этот момент Л.А. Тихомиров, как и другие представители консерватизма, стал развивать идею об особой роли дворянства как связующего звена между народом и властью. Консервативный идеолог утверждал, что «нравственная, умственная и экономическая несостоятельность крестьян требует опеки, которой они лишились с потерей вотчинной власти помещиков» [23. С. 342]. По справедливому замечанию В.А. Твардовской, «в этой утопической мечте о необходимости усиления попечительства дворян над крестьянами охранители видели последний шанс в условиях развития ка-

питалистических отношений сохранить господствующее положение некогда господствовавшего сословия» [24. С. 107]. Однако стремительное развитие капитализма в России на рубеже XIX–XX вв. всё больше оттесняло дворянство на обочину процесса модернизации. Л.А. Тихомиров и сам стал свидетелем насильственной смены политической элиты России в ходе Великой российской революции 1917 г. Дворянство оказалось неспособным выполнять функции правящего класса в условиях разрушительной для российского социума капиталистической модернизации.

Необходимым условием процесса обновления российской политической элиты, кроме указанных выше, по мысли Л.А. Тихомирова, должны быть постепенность и ненасильственный характер смены правящего класса. Их должны обеспечить такие особенности процесса обновления элиты, как многоступенчатый характер выборов, а также сословный принцип отбора граждан в органы государственной власти. Идеолог консерватизма утверждал, что сословные группы должны получить внутреннее самоуправление. В результате этого каждый социальный слой (рабочие отдельных профессий, врачи, учителя, офицеры, сельские жители и т.д.) на определённой территории (город, уезд) формирует свою руководящую группу. Эта группа создаётся путём внутренних свободных выборов, организуемых на нижнем административно-территориальном уровне. Таким образом, начинается процесс отбора лучших представителей нации в руководящие органы власти. Политическая элита в данном случае будет представлять собой совокупность граждан, выдвинутых от различных социальных групп и классов благодаря их моральным, интеллектуальным и профессиональным качествам. Сословный принцип (приоритет выходцам из дворянского сословия) должен отступить на второй план, но отменять его совсем (как предлагали либералы) нецелесообразно. Однако, утверждал Л.А. Тихомиров, чтобы процесс обновления элиты не приобрёл насильственного характера и не вышел из под контроля высшей власти, механизм формирования правящего класса должен регулироваться (особенно на верхних уровнях системы управления) лучшими представителями старой бюрократии, которые показали себя убеждёнными сторонниками идеи модернизации политической системы. На верхних этажах государственной системы должно осуществляться сочетание в органах власти представителей правительственной бюрократии с выборными депутатами от сословий [23. С. 500]. Такое сочетание позволит придать системе власти необходимый динамизм, будет способствовать более успешному реформированию социально-политического строя, при котором будут учитываться интересы всех сословий и социальных групп. С другой стороны, «сочетанная система управления» придаст должную устойчивость вертикали государственной власти, позволит обеспечить необходимую преемственность процесса обновления политической элиты.

Развивая положения социально-политической доктрины российского консерватизма, И.А. Ильин отмечал, что любой политический строй сможет успешно функционировать только в том случае, если будет организован процесс формирования компетентной и ответственной политической элиты из лучших представителей нации, независимо от их сословно-классовой принадлежности. По словам консервативного идеолога, механизм формирования правящего класса представляет собой процесс социальной дифференциации в смысле «выделения некоторых императивно-уполномоченных граждан осуществлять государственные цели» [6. С. 257]. Весь народ не может заниматься исключительно политической деятельностью. Осуществлять властные полномочия должен узкий сплочённый класс профессиональных управленцев.

В своих работах И.А. Ильин выделял следующие принципы формирования национальной элиты при создании строя «органической демократии».

Во-первых, люди, входящие в политическую элиту, должны ставить общенациональные интересы выше личных. Сплочение правящего класса должно осуществляться на основе верности его представителей национальной идее и готовности жертвовать своими интересами, а при необходимости даже и жизнью во имя интересов страны [6. С. 258–259].

Во-вторых, правящий класс должен состоять из лучших (по нравственным, интеллектуальным, профессиональным качествам) представителей всех слоёв населения и быть открытым для постоянного пополнения новыми членами. Открытый характер элиты, её постоянное обновление, по справедливому утверждению И.А. Ильина, избавят общество от такого зла, как вырождение элиты в замкнутую касту, способную предать национальные интересы ради клановых корыстных целей. Закрытость же правящего класса, его неподконтрольность обществу грозят обернуться стагнацией социума вследствие отсутствия смены поколений правящего класса, когда стареющая элита оказывается неспособной отвечать на вызовы быстро меняющейся социальной реальности [5. С. 177].

При формировании политической элиты, по убеждению И.А. Ильина, недопустим принцип партийности. Следует отметить, что проект «органической демократии» всё же не отвергает возможность создания в России политических партий за исключением, разумеется, революционных. Однако консервативный идеолог указывал на то обстоятельство, что партии, независимо от их политического спектра, должны отстаивать общенациональные интересы, учитывать потребности всех социальных групп. По мысли И.А. Ильина, партии должны отличаться друг от друга не тем, за какую социальную группу они выступают, а тем, как они понимают и какими средствами хотят отстаивать общенациональные интересы [4. С. 92].

Однако данный тезис идеолога консерватизма представляется достаточно спорным. Социальная реальность такова, что каждый слой общества понимает национальные интересы по-разному, соотнося их со своими потребностями. Отсюда и партии, представляющие интересы разных социальных групп, неизбежно будут различаться по своим программным и тактическим установкам. В таком случае станет неизбежным формирование многопартийной политической системы по образцу либеральной демократии, так критикуемой отечественными консерваторами, в том числе и И.А. Ильиным. С другой стороны, истинное понимание национальных интересов может быть только одно, зна-

чит, и партия, эти интересы представляющая, должна быть только одна. Но это означает установление однопартийного тоталитаризма, который И.А. Ильин также считал недопустимым [3. С. 190]. К сожалению, данное противоречие так и не нашло своего решения в работах консервативного автора.

Осуществление принципа партийности при формировании элиты пресекается тем условием, что член партии не может заниматься государственной деятельностью. Назначение же человека на государственный пост должно сопровождаться его выходом из партии.

И, наконец, последним принципом формирования правящей элиты И.А. Ильин называл многоступенчатый процесс избрания руководящих органов. Многоэтапный процесс формирования органов власти, считал идеолог консерватизма, является гарантией от проникновения в правящую элиту некомпетентных и преступных элементов.

Следует отметить, что детально разработанного механизма «политического отбора» в трудах И.А. Ильина не содержится. Находясь до конца жизни в эмиграции, но будучи уверенным в неизбежном падении коммунистического строя в России, Ильин считал, что создание строя «органической демократии» должно будет определяться конкретной социально-политической ситуацией в момент после падения власти большевиков [7. С. 259]. Поэтому в работах консервативного идеолога находим лишь некоторые замечания, касающиеся проблем организации политической системы и формирования элиты в постсоветской России.

В переходный период от большевистской диктатуры к «органической демократии», по справедливому утверждению И.А. Ильина, предоставление полной политической свободы и установление всеобщего избирательного права ни к чему, кроме анархии, не приведёт. В переходный период, по словам мыслителя, в России должна быть установлена «твёрдая национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к самоуправлению и к организованному участию в государственном строительстве» [5. С. 200]. Только такая диктатура, считал И.А. Ильин, способна в переходный период спасти Россию от анархии и гражданской войны и заложить основы политического строя «органической демократии». Однако в работах консерватора ничего не говорится о том, кто будет входить в эту «национальную диктатуру». Хотя не секрет, что И.А. Ильин хорошо представлял себе состояние белой эмиграции к середине XX в., для которой, по его же словам, были характерны «малодушие и усталость, продажность, кичливость и спесь, идейный разброд и многочисленные склоки по пустяшным поводам» [7. С. 264].

На первом этапе становления «органической демократии» национальная диктатура организует отбор лучших представителей нации в ряды правящей элиты. На втором этапе новая элита начинает процесс создания политического строя «органической демократии». При введении избирательного права на первом этапе будет целесообразно, замечал И.А. Ильин, прибегнуть к системе имущественного и образовательного цензов, а также «ценза оседлости». В процессе формирования элиты это должно обеспечить «необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла» [5. С. 201]. На первом этапе большинство граждан будут лишены избирательных прав. При этом И.А. Ильин писал о необходимости постепенного расширения круга граждан, обладающих правом голоса, но расширение избирательного права должно идти параллельно с процессами совершенствования образования и политической культуры граждан, воспитания правосознания, роста материального благосостояния и повышения качества жизни широких слоёв населения. Этот процесс становления социальной базы «органической демократии», подчёркивал мыслитель, будет достаточно длительным и должен быть организован политической элитой.

До проведения выборов в новые органы власти, по мысли И.А. Ильина, временной «национальной диктатурой» должен быть проведён «генеральный всенародный перебор граждан» [5. С. 246]. На местах, в городах и сельской местности, должны составляться списки граждан, которые будут лишены избирательных прав навсегда (к ним Ильин относил, прежде всего, членов коммунистической партии) или на срок от 20 до 30 лет. В последнюю категорию попадали уголовные преступники, «террористы, спекулянты, лица порочных профессий».

Составление подобных списков должно было проводиться по всей стране на основании специального закона, принимаемого «национальной диктатурой» минимум за год до голосования по спискам. В этом «всенародном переборе граждан», по мысли И.А. Ильина, должны участвовать как народ на местах, так и центральное правительство. За год до составления списков глава государства «собирает на особые съезды губернских и городских начальников и разъясняет им задачу нового перебора и отбора» [5. С. 246]. На съездах вырабатывается «общая инструкция отбора неблагонадёжных», которой будут руководствоваться представители центральной власти на местах. Определение «неблагонадёжных» должно происходить на местных выборах – по волостям и городским кварталам. И.А. Ильин писал, что «голосованию подлежит всякий, против которого подано пять отводящих записок без подписи, но с указанием основания для отвода» [5. С. 248]. Отведённый имеет право возразить, но его возражение не обсуждается. Вопрос о лишении человека избирательных прав решается простым большинством голосов при закрытом голосовании, в котором участвуют все допущенные к голосованию граждане данной местности.

Следует отметить, что предложения И.А. Ильина по организации процесса формирования новой политической элиты в постсоветский период полны противоречий и вызывают серьёзные замечания. Так, проведение «всенародного перебора граждан», разделяющего общество на лояльных и неугодных новой власти людей, неизбежно обернулось бы на местах молекулярной гражданской войной. В голосованиях за списки «неугодных элементов», а также за списки кандидатов в органы новой власти в полной мере проявились бы личные обиды, семейные конфликты, имущественные, сословные, национальные, конфессиональные и другие противоречия. Исторический опыт России 1930-х гг. показывает, что при проведении подобных мероприятий по разделению народа на «своих» и «чужих» доносительство и репрессии приобретают грандиозный масштаб.

Кроме этого, И.А. Ильин отмечал, что в случае если «неугодные элементы» не отведены, то жалобу в вышестоящие инстанции подаёт «участковый начальник». Получается, что этот человек самолично решает, кто в его волости «неугодный элемент», а кто «ценный». Но кто же сможет поручиться за честность этого человека, кто контролирует его деятельность, кто и на каких основаниях назначает его на должность? Все эти вопросы консервативный идеолог оставил без ответа.

На втором этапе, после выявления «неблагонадёжных граждан», составляются списки «благонадёжных избирателей». Голосования по этим спискам проходят по самым малым административно-территориальным единицам – волостям и городским округам. Депутаты от волостей и городских округов на совместных заседаниях формируют органы представительной власти нижнего уровня – уездные (районные) и городские собрания. Далее, как было отмечено выше, нижестоящие органы формируют из своих представителей вышестоящие следующего уровня вплоть до общероссийского парламента.

Таким образом, по мысли И.А. Ильина, политическая элита формируется снизу, при народных голосованиях на уровне волостей и городских районов (кварталов). Такой способ голосования, по убеждению консервативного идеолога, сможет обеспечить прохождение выборов не на партийной основе, а «по принципу личной известности и уважаемости».

Оригинальные идеи по вопросу о специфике процесса формирования политической элиты также выдвигали в своих работах идеологи евразийства.

Так, Н.Н. Алексеев ключевой характеристикой политической системы считал характер формирования правящей элиты. В связи с этим вопрос о «конституции» государства евразийский идеолог соотносил с «порядком сосредоточения властных функций». Центральным положением конституции Н.Н. Алексеев обоснованно называл вопрос о субъектах (носителях) верховной власти. Он писал, что «конституция есть порядок, предоставляющий отдельным лицам способность и возможность распоряжения государственной мощью». Этот порядок определяется исторически сложившимися характеристиками социума. Тем самым Н.Н. Алексеев рассматривал механизм формирования и статус политической элиты как важнейшую особенность политического строя. Специфика типа государственности, по мысли российских консерваторов, определяется не характером взаимоотношений власти и общества (что более характерно для либеральной идеологии), а задаётся порядком формирования политической элиты и определением её роли и статуса в социально-политической системе [8. С. 187–194].

Важно указать на подход Н.Н. Алексеева к характеристике исторически сложившегося в России статуса политической элиты. По мысли консерватора, правящие группы могут возникать либо стихийно (в результате объективных процессов экономической и политической дифференциации социума), либо создаются искусственно в качестве служилых сословий. Поэтому идеолог евразийства указывал, что в зависимости от преобладания «классовых или служилых групп» в обществе можно выделять два типа государств: «государства, построенные на господстве социально-экономического класса, и государства, построенные на господстве служилого ведущего слоя» [1. С. 472]. Первый тип государств, по словам Н.Н. Алексеева, складывался в Европе, где могущество и феодальной аристократии, и, позже, буржуазии основывалось прежде всего на монополии права собственности. В России же, наоборот, начиная с эпохи Московского царства, сословия формируются как служилые слои общества. Ссылаясь на В.О. Ключевского, идеолог евразийства подчёркивал, что на Руси процесс формирования сословий не был следствием объективных социально-экономических тенденций. Сословная структура Московской Руси характеризовалась своеобразным закрепощением всех сословий верховной властью, когда сословный статус человека считался не атрибутом присущих данному сословию прав и привилегий, а определял круг его обязанностей и степень ответственности перед государством. Поэтому специфической чертой российского социума является приоритет обязанностей над правами. Именно «набор обязанностей» формировал статус того или иного сословия и социальной группы. Чем больше количество обязанностей и степень ответственности, возлагаемых на представителей той или иной социальной группы, тем выше статус данного сословия в обществе. Права же предоставляются в соответствии с долей обязанностей и только как средство «облегчения» их исполнения. Именно поэтому, делал вывод Н.Н. Алексеев, в России правящая элита воспринималась прежде всего как слой общества, главная задача которого заключается в служении общенациональным интересам. В России исторически сложился такой порядок, что доминирующая роль правящего класса воспринималась народным сознанием как легитимная только при условии соответствия политической элиты высоким требованиям занимаемого положения. Как только народ подозревал правящий класс в предательстве национальных интересов, независимо от социально-экономических прав элита лишалась своего господствующего положения.

Как уже было отмечено выше, евразийцы подвергали обоснованной критике принципы формирования элиты как в либерально-демократическом обществе Запада, так и в сословном строе дореволюционной России. В демократических государствах формирование правящего класса было обусловлено значительным влиянием материальных факторов. Наличие собственности и её размер оказывают в буржуазном обществе определяющее влияние на социально-политический статус личности, несмотря на провозглашаемый принцип равенства прав и возможностей граждан. Приходу к власти буржуазии или её ставленников не препятствует всеобщее избирательное право, ибо механизмы манипуляции общественным мнением через СМИ становятся из года в год всё более изощрёнными. Но и аристократический принцип отбора правящего класса очень несовершенен. Дело в том, что знатность и наследственная принадлежность к высшим сословиям ещё не гарантирует высоких интеллектуальных, профессиональных и нравственных качеств личности [25. С. 615]. Поэтому взамен исторически отживающим типам отбора правящего класса евразийцы предлагали систему «качественного отбора» людей в политическую элиту «идеократического государства».

Этот новый тип отбора правящего класса Н.С. Трубецкой называл «идеократией» [25. С. 580]. При идеокра-

тическом строе в качестве главного принципа, на основе которого осуществляется процесс формирования политической элиты, идеолог евразийства выделял «общность миросозерцания». Под миросозерцанием в данном случае евразийцы понимали искреннюю веру представителей правящего класса в общенациональную «идею-правительницу», объединяющую народ на основе национальных духовных ценностей. Члены правящего класса (или «правящего отбора», как называли его евразийцы) должны иметь, прежде всего, моральный престиж. Причём «идея-правительница», как было отмечено выше, трактовалась евразийцами как общенациональная идея, объединяющая в гармоничном единстве народы «России – Евразии» на основе христианских заповедей («общеевразийский национализм»). Великая российская революция 1917 г., завершившаяся победой большевиков, а также приход к власти в Италии фашистов во главе с Б. Муссолини в 1922 г., по утверждению Н.С. Трубецкого, являются свидетельством наступления новой эпохи – эпохи создания «идеократических государств». Главной их особенностью Н.С. Трубецкой называл «подчинение всего строя социально-политической жизни нации делу практической реализации национальной идеи» [25. С. 581]. Считая социально-политический строй большевистской России и фашистской Италии несовершенными выражениями идеократического строя, идеолог евразийства, тем не менее, подчёркивал, что «в результате российской и итальянской революций» процесс формирования новой государственности и политической элиты стихийно направляется «в сторону создания особых политических форм, соответствующих принципу идеократии и долженствующих укрепить идеократический строй (независимо от содержания самой идеи-правительницы)» [Там же]. Главной движущей силой социальных преобразований выступает новая нарождающаяся элита, объединённая в партию с жёсткой дисциплиной. Основным недостатком большевистской и фашистской идеократий Н.С. Трубецкой считал подмену общенациональных интересов интересами правящей партии. Партийная элита в данном случае представляет собой узурпатора государственной власти. Она препятствует процессу формирования элиты от широких народных масс. Правящий класс идеократического государства должен быть объединён в партию. Однако, подчёркивал Трубецкой, процесс формирования партии должен начинаться с выдвижения депутатов на местных выборах непосредственно от населения. Тогда политическая элита «будет иметь характер плоть от плоти народа».

Члены «правящего слоя» в «идеократическом государстве» поставлены выше всех граждан, наделены максимальным количеством привилегий. Однако, исходя из общего для всей отечественной консервативной мысли тезиса о примате обязанностей над правами, евразийцы отмечали наличие колоссального груза ответственности, который должен лечь на плечи представителей элиты. Вся жизнь представителей правящего класса в «идеократическом государстве» должна быть посвящена делу государственного служения, проникнута пафосом самопожертвования ради общего блага.

Что касается возможной формы объединения правящей элиты «идеократического государства», то по данному вопросу в евразийском подходе выделим два аспекта.

Во-первых, как уже было отмечено выше, правящий класс не должен совпадать с правительственной бюрократией. Он значительно шире чиновничьего аппарата и включает в себя не только государственных управленцев, но и руководителей хозяйственных, образовательных и прочих учреждений, инженерно-технических работников, научную и художественную интеллигенцию [1. С. 589]. Таким образом, правящий класс – это объединение компетентных руководителей, ответственных и профессиональных управленцев, направляющих общественное развитие по верному пути национально ориентированной модернизации.

Вторым аспектом проблемы организации «правящего слоя» является его институциональное оформление. Следует заметить, что евразийцы весьма неохотно называли объединение евразийской элиты «партией», стараясь избежать обвинений со стороны оппонентов в тоталитаризме, апологии однопартийной системы. Вместо этого они предпочитали оперировать понятиями «государственный актив» или «идейный союз» [9. С. 197]. В тех же случаях, когда речь шла о «евразийской партии», идеологи евразийства указывали, что это не партия «в либеральном смысле», а некое широкое общественно-политическое объединение, вбирающее в себя и представляющее интересы всех слоёв населения [1. С. 590]. Подобный подход характерен для взглядов Л.П. Карсавина и Н.Н. Алексеева. Н.С. Трубецкой же подчёркивал, что идеократический строй исключает многопартийность в принципе. Правящая партия при этом представляет собой «сочетание государственно-идеологической организации с корпорацией правящего строя». Тем самым Н.С. Трубецкой отождествлял политическую элиту идеократического государства с партийной организацией, являвшейся ядром многоуровневой системы государственного управления. Однако исторический опыт других подобных политических объединений, построенных на основе приверженности её членов одной единственно верной идеологии, позволяет выразить сомнение в отсутствии идейного диктата и борьбы с инакомыслящими при возможном приходе евразийцев к власти.

Таким образом, анализ трудов представленных в данном исследовании идеологов российского консерватизма позволяет выделить указанные ими следующие принципы процесса формирования политической элиты:

– политическая элита представляет собой совокупность лучших (по моральным, интеллектуальным, профессиональным качествам) представителей нации, объединённых в единую политическую организацию;

– члены правящего класса объединены общим мировоззрением, ключевая черта которого – верность национальной идее и готовность пожертвовать ради её осуществления своей жизнью;

– политическая элита имеет открытый характер; процесс формирования элиты начинается на местах в целях обеспечения прохождения в правящий класс лучших представителей нации из всех слоёв населения и имеет многоступенчатый характер;

– представители правящего класса избираются по сословно-профессиональному признаку и являются защитниками и представителями интересов своих социальных групп на уровне системы государственного управления;

– представители правящего класса формируют органы государственной власти и управления на всех уровнях;

– недопустимо разделение политической элиты на противостоящие друг другу партии и группы.

Благодаря реализации данных принципов формирования политической элиты, были убеждены консерваторы, будет преодолено противоречие между институтами государства и общества.

Идеологи консерватизма подчёркивали то обстоятельство, что политическая элита, представляющая собой объединение лучших граждан независимо от их сословно-профессиональной принадлежности, не противопоставлена народу, а является своеобразной квинтэссенцией нации, собранием наиболее достойных выходцев из народа. Члены правящего класса, объединённые верностью национальной идее, становятся главной силой национального развития. Смысл существования руководящей элиты определяется её задачами отстаивать общенациональные интересы, проводить приемлемый для всех социальных групп общеполитический курс. Открытый характер политической элиты является гарантией от превращения её в замкнутую группу, способную противопоставить свои корпоративные потребности интересам общенационального развития. Начальный этап организации процесса формирования элиты на нижнем административном уровне призван выделить в «правящий отбор» действительно достойных граждан на местах. Многоступенчатый характер «отбора лучших» должен предотвратить возможность проникновения «неблагонадёжных элементов» в правящий класс. Избрание членов правящей элиты как представителей своей сословно-профессиональной группы позволит на уровне государственного управления защищать интересы важнейших социальных групп (рабочие и инженеры, крестьяне, врачи, учителя, учёные, офицеры), от состояния и поведения которых зависит успех национально ориентированной модернизации. Отсутствие разделения элиты на противостоящие партии и блоки придаст политической системе необходимую устойчивость и единство, без которых невозможно проведение курса общенационального развития.

Таким образом, проекты формирования политической элиты, представленные в работах означенных в данном исследовании идеологов российского консерватизма, предполагают достижение институционального единства государства и общества через механизм формирования правящего класса. Во-первых, поскольку общество само формирует правящую элиту, политическое руководство всех уровней властной вертикали становится как бы инструментом, продолжением самого общества в практической сфере государственного управления. Осуществление народовластия придаёт государственным органам характер институтов общественного самоуправления. Во-вторых, неизбежно возникающая отделённость правящего класса от широких слоёв населения компенсируется обязательным для элиты требованием защиты общенациональных интересов и условием верности национальной идее. Таким образом, «физически» (вследствие постоянного пополнения выходцами из народа) являясь частью нации, элита через «идею-правительницу» приобретает и идейную связь с обществом, отождествляется с ним через общность мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство / сост. и вступ. ст. А.Г. Дугина. М. : Аграф, 1998. 640 с.
2. *Беккер Р.* Между революционным консерватизмом и тоталитаризмом. Дилеммы оценки межвоенного евразийства / пер. О.Н. Майоровой // Славяноведение. 2001. № 5. С. 14–27.
3. *Золина М.Б.* Проблема тоталитаризма в политологии И.А. Ильина // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 183–191.
4. *Изергина Н.И.* Теория органической демократии И.А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России / науч. ред. Д.В. Доленко. Саранск : Изд. Мордов. ун-та, 2008. 192 с.
5. *Ильин И.А.* Национальная Россия: Наши задачи / под ред. О.А. Платонова. М. : Алгоритм, 2007. 464 с.
6. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты / сост. Ю.Т. Лисица. М. : Жизнь и мысль, 2001. 512 с.
7. *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М. : Русская книга, 2000. 576 с.
8. *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России. Конец XIX – начало XX века. М. : Наука, 1991. 354 с.
9. *Карсавин Л.П.* Малые сочинения / прим. С.С. Хоружего. СПб. : Алетея, 1994. 535 с.
10. *Кудинов О.А.* Конституционно-правовые взгляды И.А. Ильина // Юридическое образование и наука. 2003. № 1. С. 46–48.
11. *Люкс Л.* Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57–69.
12. *Матюхин А.* Философия государства в русской консервативно-монархической доктрине // Обозреватель-Observer. 2005. № 4. С. 99–106.
13. *Матюхин А.* Верховная власть и государственное управление в политологии русского консерватизма // Обозреватель-Observer. 2005. № 7. С. 97–105.
14. *Мусихин Г.И.* Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Политические исследования. 1999. № 1. С. 175–183.
15. *Овчинников А.И., Овчинникова С.П.* Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева. Ростов н/Д. : Феникс, 2002. 253 с.
16. *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. М. : Альфа-М, 2003. 367 с.
17. *Томсинов В.А.* Правовая мысль русской пореволюционной эмиграции (Иван Александрович Ильин: судьба и творчество) // Законодательство. 2002. № 7. С. 87–92.
18. *Русский* консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / отв. ред. В.Я. Гросул; Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440с.
19. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия / сост. А.Г. Дугин. М. : Аграф, 1997. 464 с.
20. *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. Статьи 1892–1897 гг. из журнала «Русское обозрение» / вст. ст. и коммент. М.Б. Смолина. М. : Москва, 1997. 536 с.
21. *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
22. *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии / сост. М.Б. Смолин. М. : Москва, 1999. 572 с.
23. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность / вступ. ст. С.М. Сергеева. М. : ТОО «Алир», 1998. 672 с.
24. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М. : Наука, 1978. 237 с.
25. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана / сост. А.Г. Дугин. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
26. *Чесноков С.В.* «Социология господства» Макса Вебера через призму теории верховной власти Л.А. Тихомирова // Политические исследования. 2000. № 2. С. 67–89.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 121–123 DOI: 10.17223/15617793/376/22

УДК 94(510)093

Н.В. Турушева

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ КНР

Рассматриваются основные формы финансирования современной культурной системы Китая, анализируются основные документы, регулирующие инвестиционную деятельность в культурной сфере КНР, описываются задачи и приоритеты инвестиционной политики в области культуры, приводятся примеры различных мероприятий по стимулированию и углублению реформ культурной системы и внедрению механизмов инноваций в данную сферу, прослеживается трансформация финансовой политики КНР, связанная с особенностями развития китайского культурного рынка.

Ключевые слова: культурные предприятия; инвестиции в культуру; инновации; культурный рынок.

В течение долгого времени инвестирование сферы культуры в большей степени опиралось на государственные средства, государство оставалось главным инвестором, каналы внутренних и иностранных инвестиций не были определены, что оказывало влияние на доступ общественного капитала в сферу культуры. После XVI Съезда КПК (2002 г.) одним из главных средств по развитию культурной индустрии стала политика постепенного снятия ограничений выхода на рынок, были разрешены и даже поощрялись частные и иностранные инвестиции в сферу культуры. Государство поддерживало реализацию художественных произведений, продажу в розницу аудио- и видеопродукции, создание развлекательных проектов, а также строительство, улучшение и управление инфраструктурой в сфере культуры. Особенно развивались и поощрялись различные виды частного инвестирования, такие как спонсорство, совместный капитал, разные формы сотрудничества, акционирование предприятий, франшизы. Объекты сферы культурной индустрии с негосударственными формами инвестиций (и их строительство) в сферах аренды земли, кредитования, налогообложения, выхода капитала на рынок и т.д. имели одинаковые льготы с государственными мероприятиями в области культуры.

Кроме поощрения и упрощения инвестирования общественного капитала в сферу индустрии культуры, государство расширило финансовые фонды, предназначенные для инвестирования сферы культуры, правительство оставило в своем ведении контроль над общественными и кредитными инвестициями, постепенно увеличивая объемы кредитования потенциально успешных проектов. По отношению к культурным объектам, имеющим инновационное, высокотехнологичное наполнение, правительство вело политику государственного кредитования, т.е. предоставляло государственные займы под низкий процент или субсидирование, оказывало поддержку развитию культуры. Правительство через основание фонда развития культуры и коммерческих предприятий в сфере культуры создало эффективный механизм развития культурной индустрии.

Следует также отметить, что часть негосударственной экономики стала участвовать в культурном развитии и культурной индустрии. На протяжении долгого времени финансирование культуры Китая опиралось на государство, существовали препятствия для участия в этой сфере частных или иностранных инвестиций. Чтобы стимулировать углубление реформ культурной системы и внедрение механизмов инноваций в данной сфере, в Китае стали продвигать эффективные формы государственной собственности, но в большей степени стимулировать привлечение негосударственных инвестиций. Были приняты следующие меры: негосударственная экономика смогла вступать в те области культурной сферы, которые разрешены законодательством; были разрушены рамки форм собственности, сняты региональная и отраслевая блокады, поддерживалось равноправное обращение с негосударственными предприятиями в сфере культуры, и государственными и коллективными; стимулировалась реорганизация государственных культурных организаций с частными предприятиями; создавались благоприятные политический климат и рыночная обстановка для обеспечения функционирования предприятий и организаций области культуры.

Это коснулось, прежде всего, всех предприятий сферы киноиндустрии и проката, что отразилось в ряде конкретных документов. В 2005 г. Госсовет утвердил «Некоторые решения о вхождении негосударственного капитала в сферу культуры» [1]. Данные решения были направлены на то, чтобы в обстановке стимулирования всего общества к участию в культурном развитии постепенно стандартизовать процесс вхождения негосударственного капитала в сферу культуры и сформировать такую структуру культурного развития, в которой будут сосуществовать элементы государственной и рыночной экономики. Таким образом можно будет повысить реальную мощь и конкурентоспособность китайской индустрии культуры. Некоторые «решения» впервые на уровне официальной политики выделили экономике с негосударственной формой собственности на средства производства важное, закрепленное законом место на рынке культуры. Раньше политика относительно частного капитала в сфере культуры не была четкой и ясной и проводилась по принципу «смотреть на цветы сквозь туман» (*у ли кань хуа*), а сейчас ее вполне можно охарактеризовать как «разошлись облака, туман рассеялся» (*юнь кай у сань*) [2. С. 121]. Некоторые «решения» на принципах поощрения и поддержки участия частного капитала в сфере культуры четко разделили три основных понятия: «поощрение и поддержка» (*гули хэ чжи чши*), «разрешение и возможность» (*юньсю, кэи*) и «запрет» (*цзинь чжи*) участия негосударственного капитала. Данный документ стимулировал участие негосударственного капитала примерно в 20 культурных и тесно связанных с ними областях, поощрял уча-

стие негосударственного капитала в экспортных операциях с культурной продукцией и услугами сферы культуры, поддерживал участие в реформировании системы акционирования госпредприятий данной сферы. В решениях отмечается, что культурные предприятия с негосударственным правом собственности на средства производства в вопросах выдачи разрешения на проекты, аккредитации, финансирование и т.д. обладают теми же льготами, что и государственные культурные предприятия. Однако решения предусматривали некоторые пункты относительно неразрешения допуска частного капитала в сферы индустрии средств массовой информации и агитации.

Еще в конце декабря 2004 г. на Всекитайском рабочем заседании работников Государственного управления радио, кино и телевидения было открыто заявлено, что части телеканалов определенных частот разрешена организация компаний, нацеленных на предпринимательскую деятельность, однако доля привлеченного общественного капитала не должна превышать 49% [2. С. 123]. Если анализировать современную внутреннюю структуру индустрии культуры в Китае, то окажется, что традиционные сферы, такие как новостные агентства, издательства, радио- и телевещание и другие, составляющие «костяк», в абсолютном большинстве управляются государственным капиталом. Однако современные отрасли культуры: Интернет, сфера развлечений и активного отдыха, культурный туризм, реклама и другие сферы, формирующие «периферию», а также «примыкающие» сферы, занимающиеся культурными объектами, оборудованием и смежные с культурным производством, основаны на негосударственной форме собственности. Культурно-массовое производство, основанное на государственном капитале, также полноценно адаптирует и использует опыт управления и механизмы рыночной деятельности предприятий с частным капиталом. Правительство, имея юридический статус инвестора, на равных участвует в рыночной конкуренции.

В августе 2005 г. Министерство культуры совместно с пятью министерствами и комиссиями культуры издало «Некоторые мнения относительно привлечения иностранного капитала в сферу культуры» [3]. Этот документ был нацелен на то, чтобы соответствовать новой ситуации, связанной с вхождением КНР в ВТО, и стандартизировать работу по привлечению иностранного капитала в сферу культуры, повысить качество и уровень внедрения иностранного капитала, проводить работу по защите государственной культурной безопасности, стимулировать здоровое, упорядоченное развитие индустрии. В некоторых «мнениях» на основе пунктов, конкретно определяющих «разрешение» или «запрет» иностранных инвестиций, их рассмотрение и утверждение, состояние инвестора и ряд других требований, особенно подчеркивалось, что необходимо создать нормально работающие механизмы по выходу на рынок, строгого контроля над выдачей разрешений, проводить беспристрастный ежегодный анализ системы. Исполнительным органам культуры всех уровней, в теле- и радиовещании, киноиндустрии, СМИ необходимо повсеместно следовать букве закона, вести борьбу с правонарушениями. Документ определял качество и уровень использования иностранного капитала в сфере культуры, что также стимулировало здоровое и упорядоченное развитие сферы культуры.

В ноябре 2005 г. Министерство культуры, Министерство финансов, Министерство кадров, Государственное налоговое управление совместно опубликовали «Мнения относительно стимулирования развития частных творческих коллективов в литературе и искусстве». Положения документа касались разрешения выхода на рынок и выступлений творческих коллективов, финансовой поддержки, аттестации и классификации должностей, участия в культурных обменах с другими государствами, воспитания талантов, поддержки общественного мнения и т.д. Таким образом, государственная политика была направлена на создание условий для честной конкуренции среди творческих коллективов, обладающих разными формами собственности. Еще более важно то, что мнения во многом затрагивали вопрос о реформе культурной системы и системных преобразованиях в структуре развития индустрии культуры. К примеру, было разрешено частным творческим коллективам, использующим форму кооперации или форму предприятия с частным и государственным капиталом, выходить на рынок; проведена реструктуризация местных органов власти в области культуры и искусства; частные коллективы поощрялись к участию в деятельности правительства, направленной на расширение внешних культурных связей; осуществлялась поддержка коллективов, имеющих условия к участию в международных, межнациональных культурных обменах и к выступлениям, инвестированию, регистрации предприятия в других государствах; предоставлялась финансовая поддержка коллективам, активно прокладывающим путь на иностранные рынки, и т.д. Все это имело целью создание благоприятной политической атмосферы для роста и развития частных творческих коллективов.

В ноябре 2007 г. для постепенного поощрения, поддержки и руководства процессом вхождения негосударственной экономики в сферу культуры, для продвижения ускоренного развития китайской культурной индустрии Министерство культуры выдвинуло «Мнения о поощрении, поддержке и управлении негосударственных предприятий в развитии культурной индустрии» [4]. Документ постановил, что необходимо постепенно упрощать процедуру выхода на рынок, разрешить и законодательно закрепить факт того, что предприятия с негосударственной формой собственности имеют право участвовать в индустрии культуры. В нем подчеркивались важность создания благоприятной политической и рыночной атмосферы для участия негосударственных предприятий в развитии индустрии культуры; продолжение углубления реформ культурной системы, поддержки участия негосударственной экономики в структурных преобразованиях государственных культурных предприятий. В то же время руководство стремилось к упрочнению центральных позиций государственных культурных предприятий. Исходя из особенностей индустрии культуры (передовое культурное строительство должно находиться под контролем общественности), определили центральное место государственных предприятий в комплексном раз-

витии сферы культуры. Например, разрешение на создание совместного предприятия по печатному изданию или копированию CD-дисков и т.п. выдавалось при условии, что китайской стороне принадлежит более 51% акций или представители китайской стороны занимают руководящие должности. Иностранным предпринимателям разрешалось создавать предприятия при условии ненарушения права контроля за содержанием аудиовизуальной продукции в форме сотрудничества с китайской стороной, которая занимает руководящие позиции, по продаже аудиовизуальной продукции, исключая кинематографию. В условиях, когда китайской стороне принадлежит более 51% акций или представители китайской стороны занимают руководящие должности, иностранным предпринимателям разрешено создавать совместные предприятия (с китайской стороной) в сфере представлений и театров, кинотеатров, брокерских агентств, кинотехники т.д. Им разрешено участвовать в акционировании государственных издательских предприятий, печатающих книги и периодику, выпускающих аудиовизуальную продукцию [4].

Следует отметить, инвестиции в сферу культуры пользуются приоритетом, но не обладают монополией. Например, в провинции Гуандун с целью развития индустрии культуры был создан своеобразный бренд – Кантонская международная торговая ярмарка (г. Шэньчжэнь). Там только за 2007 г. общая сумма сделок с иностранными представителями достигла 13 млрд 460 млн юаней, торговый оборот культурной продукции составил 8 млрд 470 млн юаней [2. С. 123]. С другой стороны, все больше и сильнее становится ряд крупных предприятий и групп предприятий в данной сфере: «Шэньчжэньская корпорация радио и телевидения» инициировала создание «Global Chinese Broadcasting Entertainment», к которому присоединилось около 150 иностранных и китайских радиостанций и различных развлекательных организаций. Данная политика подтолкнула процесс преобразования системы акционирования «Южной корпорации СМИ» («Наньфан баое чуаньмэй цзитуань»), «Издательской группы провинции Гуандун» («Гуандуншэн чубань цзитуань») и «Группы редакций вечерних газет г. Гуанчжоу» («Янчэн ваньбао баое цзитуань»); стимулировала инновации системных механизмов в объединениях радиовещания, телевидения, СМИ и системные реформы телеканалов; поощряла завершение стратегической реорганизации книжных магазинов «Синьхуа» («Синьхуа шудянь») во всей провинции Гуандун; подтолкнула интеграцию среди книжных и газетных издательств, литературных и театральных трупп, заново учрежденных на провинциальном, уездном и локальных рынках.

В настоящее время частные предприятия в Китае уже превратились в важный источник инвестирования множества культурных сфер. Согласно статистике в 2003 г. в стране насчитывалось 197 предприятий, занятых в сфере кинематографии, из них 60 были с участием капитала частных предприятий; в первой половине 2004 г. было снято более 100 кинофильмов, 80% – частными компаниями [2. С. 122]. Вслед за углублением реформы культурной системы некоторые предприятия в области культуры провели акционирование. Существует 50 с лишним предприятий, задействованных в сфере культуры, вышедших на два инвестиционных рынка – шеньчженьский и шанхайский; они начинают постепенно формировать сегмент индустрии культуры [5].

Конечно, из-за того что развитие индустрии культуры в Китае стартовало относительно поздно, сфера операций с капиталом ограничена, масштабы обращения сравнительно малы, все еще не появились крупные корпорации или примеры трансграничного инвестирования. Однако инновации в этой сфере направлены на упорядочение системы собственности, раскрепощение культурного потенциала, удовлетворение культурных запросов населения, ослабление социального давления в сфере занятости и стимулирование экономического развития и т.д. Взятый за основу принцип «кто инвестирует – тот принимает решение, кто получает прибыль – тот берет на себя ответственность за риски» (*шэй тоуцзы, шэй цзюэцэ, шэй шоуи, шэй чэндань фэнсянь*) направляет развитие китайской индустрии культуры на предприятиях с негосударственной собственностью, оптимизирует управление и помогает высвобождению больших возможностей для дальнейшего развития. Правительство постепенно формирует структуру развития культурной индустрии с участием как государственного капитала, так и разных видов собственности для того, чтобы общими силами развивать данную отрасль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Некоторые* решения о вхождении негосударственного капитала в сферу культуры. URL: http://www.wenku.baidu.com/view/c023b26048d7c1c708a14548.html (дата обращения: 10.05.2012).
2. *Лю Кэли, Луань Юнюй*. Чжунго вэньхуа ти чжи гайгэ юй дяньшэ яньдю (Исследование китайской культурной системы и культурного строительства). Пекин : Кит. народ. ун-т, 2009. 229 с.
3. *Некоторые* мнения относительно привлечения иностранного капитала в сферу культуры. URL: http://www.wenku.baidu.com/view/2806d3eb172ded 630b1cb6c7.html (дата обращения: 09.21.2012).
4. *Мнения* о поощрении, поддержке и управлении негосударственных предприятий в развитии культурной индустрии. URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/315589.html (дата обращения: 12.08.2011).
5. *Ouyang Youquan*. Wenhua chanye tonglun (Общий обзор культурной индустрии). Changsha : Hunan renming chubanshe, 2006. P. 38.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 124–125 DOI: 10.17223/15617793/376/23

ПРАВО

УДК 343.98

Т.А. Алексеева

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОНАЛЬНОСТИ КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА УСТНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются понятие и структурные особенности устной речи, ее криминалистическое значение. Выделены элементы устной речи: вокальность, тональность и содержательность. Дана характеристика тональных компонентов устной речи – интонации, речевых пауз и диапазона. Обозначена зависимость тональных характеристик речи от принадлежности человека к определенному психологическому типу. Показано значение особенностей устной речи лица, дающего показания, при производстве допроса.

Ключевые слова: устная речь; тональность; интонация; речевые паузы; диапазон; психологический тип.

Допрос является одним из самых распространенных следственных действий. От того, как он будет проведен, зависит во многом ход дальнейшего расследования преступления, так как большой объем информации следователь получает из беседы с допрашиваемым лицом. Кроме того, во время допроса следователь должен установить психологический контакт с допрашиваемым и определить правдивость его показаний. Одним из способов этого является определение особенностей устной речи лица и подстраивание своего поведения под речевое поведение допрашиваемого.

Речь представляет собой сложную систему, изучить которую можно посредством её деления на простые составляющие. Следует выделить три элемента, из которых состоит устная речь любого человека: вокальность (громкость, темп, стабильность); тональность (интонация, паузы, диапазон); содержательность (отражение личностной символики, личностно значимой информации).

Рассмотрим подробнее составляющие тональности: интонация, характер и длительность распределения пауз, диапазон голоса.

Интонация передает эмоциональные различия высказываний, отражает состояние и настроение допрашиваемого, его отношение к преступному событию, к людям, которые были причастны к преступлению. Интонация индивидуализирует устную речь, делает ее богаче, выразительнее, придает ей неповторимый характер. Кроме того, она выполняет и синтаксическую функцию: указывает конец фразы, ее законченность или незаконченность, то, определяет тип предложения: вопросительное, восклицательное или повествовательное. Вариации интонации связаны с особенностями личности (в том числе с типом высшей нервной деятельности), психическим состоянием в момент речи и т.д. [1. С. 244].

Интонацию мы определяем как частотные изменения голоса (повышение и понижение тона голоса), выделяя преимущественно равномерную интонацию у интровертов и неравномерную – у экстравертов. Равномерная интонация предполагает незначительные плавные изменения громкости голоса в течение устного повествования. Неравномерная интонация определяется значительными, частыми изменениями громкости голоса, что создает впечатление эмоционального речевого поведения допрашиваемого.

Речевые паузы – это остановки голоса, разделяющие речевой поток на логические или эмоционально-смысловые части. Паузы различаются по частоте и длительности; частые и редкие паузы, короткие, средние и длинные. Паузы значительно влияют на темп речи: быстрый темп характеризуется короткими редкими паузами, медленный темп – длинными и частыми.

Диапазон – это интервал между доступным человеку самым низким и самым высоким голосом. Если для речи человека характерны как высокие, так и низкие тона, можно говорить о широте диапазона его голоса, многотональности и эмоциональности речи. Если человеку доступна преимущественно одна тональность, можно утверждать, что диапазон его голоса низкий.

Чтобы конкретизировать определение указанных тональных составляющих, рассмотрим их на примерах различных акцентуированных типов личности.

У эпилептоида интонация неравномерная, чаще носит восходящий характер, каждое предложение заканчивается на интонационном подъеме, что создает ощущение некоторого давления на собеседника. Для речи эпилептоида характерна агрессивность, которую нельзя путать с эмоциональностью, так как крик и агрессия являются свидетельством состояния гнева в конкретной ситуации. В силу быстрого темпа речь эпилептоида характеризуется короткими паузами, диапазон голоса – низкий.

Гипертима отличает быстрый темп речи, короткие паузы в небольшом количестве. Интонация, как у наиболее яркого представителя экстравертного типа, неравномерная, паузы часто не соответствуют синтаксическим, что создает ощущение некоторой сумбурности: непонятно, где закончилось предложение и началось новое. Несмотря на речевую активность и словоохотливость, диапазон его голоса низкий, монотональный.

Истероид очень удачно расставляет паузы, в том числе и стилистические, хорошо владеет ораторским искусством, без труда может привлечь внимание к своей персоне, произнося монологи на различные темы. Паузы по длине и частоте средние, так как нужно выдерживать время для преподнесения очередной мысли слушателям. Особенностью устной речи истероидов является то, что речевые паузы выполняют не столько синтаксическую, сколько смысловую функцию, варьируясь по частоте и длительности в зависимости от ситуации, от той роли, которую выбрал для себя указанный психологический тип. Интонация неравномерная, причем истероид наиболее удачно из всех психологических типов владеет интонационными переходами, варьируя их в зависимости от ситуации. Диапазон голоса средний.

Особенностью циклоида является сочетание характеристик гипертимного и гипотимного психологических типов. Интонация речи циклоида неравномерная, преимущественно восходящая, он может несколько предложений говорить на восходящей интонации, и только в конце смыслового отрывка интонация пойдет вниз (или интонация идет вверх и вниз в каждом предложении). Интонационные изменения также являются отличительным признаком речи циклоидов. Создается ощущение, что они говорят на вдохе. Несмотря на интонационные скачки, речь циклоидов характеризуется низким диапазоном, а следовательно, отсутствием многотональности голоса. Речевые паузы короткие или средние, в зависимости от того, в какой стадии находится указанный психологический тип: гипертимной или гипотимной.

Застревающему свойственно четкое произношение слов, у него очень хорошая артикуляция, темп средний с четким соблюдением интонационных пауз (средних по длине). Как и во всем остальном, в речи присутствует четкость, правильность, синтаксические паузы соблюдаются очень хорошо. Этот психологический тип является некоторым исключением из всех, так как он может быть как экстравертом, так и интровертом. В зависимости от этого будут отличаться интонационные особенности речи: интровертный застревающий характеризуется ровной интонацией, а экстравертный – неравномерной. Однако и в том и в другом случае наблюдаются эмоциональная холодность, низкий диапазон, отсутствие многотональности речи. Еще одной особенностью указанной акцентуации является интонационная завершенность каждого предложения, т.е. вначале интонация идет вверх, а к концу фразы – вниз, подчеркивая окончание повествования. Разница в силе интонационных скачков будет зависеть от интровертности или экстравертности психологического типа.

Параноид характеризуется средним темпом и низким тембром голоса, даже женский голос имеет тембральные характеристики ниже средних. Интонация равномерная, что является следствием интровертности данного психологического типа, однако на отдельных словах, имеющих значимость для параноида, делается интонационный акцент, при этом диапазон голоса – низкий, отсутствует многотональность, что говорит о неэмоциональности и сдержанности речи.

Конформный характеризуется некоторой неуверенностью и зависимостью от мнения окружающих, поэтому темп его речи и количество пауз во многом будут зависеть от человека, с которым он ведет беседу. В ситуации допроса со следователем, который не смог расположить к себе представителя указанного психологического типа, речь конформного будет характеризоваться средним темпом с многочисленными паузами. В ситуации же установления психологического контакта речевые паузы будут выполнять только синтаксическую функцию, существенно не увеличиваясь в количестве и продолжительности. Тембр голоса конформного обычно средний или выше среднего. Интонация голоса ровная, без резких интонационных скачков. Конформные также отличаются широким диапазоном голоса, многотональностью и эмоциональностью речи.

Устная речь шизоида отличается медлительностью, следовательно, для него характерно наличие большого количества продолжительных пауз. Интонация отличается предельной равномерностью, шизоиды обладают самым низким диапазоном голоса, это самый малоэмоциональный психологический тип.

Сензитив является самым эмоциональным психологическим типом, что отражается в его речи в виде многотональности голоса и широком диапазоне. Сензитивы обладают ровной интонацией с плавными переходами вверх и вниз, при этом легко варьируют тон своего голоса с высокого на низкий, с громкого на тихий, в частности переходя на шепот. По темпу речь средняя. Наиболее подходящее определение голосу сензитива – мягкость и некоторая восторженность.

Темп речи гипотима, средний, ближе к медленному. Речь отличается частыми, но короткими паузами, которые могут не совпадать с синтаксическими и создают ощущение передышки, в том числе за счет некоторой усталости в голосе гипотима. Интонация ровная, нисходящая, если и наблюдается ее подъем, то он незначительный и кратковременный, за которым непременно следует спад. Это один из наиболее малоэмоциональных типов с преобладанием монотональности речевых характеристик и низким диапазоном голоса.

Для удобства определения тональных характеристик разделим рассматриваемые психологические типы на четыре группы (используя в основании классификации фактор, предложенный И.Т. Кривошеиным) [2. С. 47]: Экстраверт-Рациональный (циклоид, застревающий), Экстраверт-Эмоциональный (эпилептоид, истероид, гипертим), Интроверт-Рациональный (параноид, шизоид, гипотим), Интроверт-Эмоциональный (сензитив, конформный).

Таким образом, можно выделить тональные особенности представителей каждой из обозначенных групп: 1) Экстраверт-Рациональный: интонация неравномерная, паузы средние, диапазон низкий; 2) Экстраверт-Эмоциональный: интонация неравномерная, паузы короткие, диапазон средний или низкий; 3) Интроверт-Рациональный: интонация равномерная, паузы средние или длинные, диапазон низкий; 4) Интроверт-Эмоциональный: интонация равномерная, паузы средние, диапазон широкий.

Несомненно, наиболее полное изучение речевых особенностей указанных психологических типов возможно только при рассмотрении всех трех структурных элементов устной речи (вокальности, тональности, содержательности).

Получив информацию об особенностях каждого из элементов устной речи допрашиваемого, следователь сможет сделать вывод о его эмоциональном состоянии, проследить логическую последовательность и достоверность показаний, установить психологический контакт и, следовательно, конкретизировать тактические приемы для каждого допрашиваемого лица, что приведет к повышению эффективности допроса при наименьших затратах времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Введенская Л.А.* Культура речи : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 448 с.
2. *Кривошеин И.Т.* Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 114 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 126–131 DOI: 10.17223/15617793/376/24

УДК 340

И.Н. Заварыкин

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ, А ТАКЖЕ ЕГО РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ПОЛОВУЮ СВОБОДУ

Статья посвящена анализу истории возникновения и формирования российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за изнасилование, эволюция которого была обусловлена появлением и развитием норм, признающих и защищающих права женщин на половую неприкосновенность и половую свободу. На основе проведенного исследования автором определяется его роль в защите этих прав в конкретных исторических периодах: Древний мир и Средневековье, конец XVII – начало XX в., Новейшее время.

Ключевые слова: история; уголовное законодательство; изнасилование; права женщин; половая неприкосновенность; половая свобода.

С древнейших времен охранительная функция норм уголовного права была направлена на защиту людей от преступных посягательств и выражалась в ответственности за них (в том числе за изнасилование). Однако в Древнем мире и Средневековье наказание за изнасилование, а также отношение к жертвам данного преступления имели определенные особенности.

Так, ответственность за рассматриваемое деяние, закрепленная в законах и правовых обычаях государств и обществ Древнего мира, могла носить классовый и избирательный характер. Допускалось насилие над теми, кто обладал низшим статусом либо не являлся членом определенного сословия, рода или общины [1. С. 12]. Например, в первобытных обществах считалось нормальным насильно брать в жены представительниц соседних племен [2. С. 42], а в рабовладельческих – использовать для удовлетворения сексуальных потребностей захваченных или приобретенных невольниц [3. С. 152].

В некоторых случаях половая неприкосновенность и половая свобода женщины не рассматривались как объекты уголовно-правовой охраны вообще. Например, в Древнем Китае и Древней Индии отец мог насильно выдавать замуж девочку (в том числе и в малолетнем возрасте) [3. С. 311] или продавать и отдавать за долги (в том числе в сексуальное рабство) [4. Ч. 1. С. 126].

В Фивах существовал обычай, при котором каждая женщина перед замужеством должна была лишаться девственности в ходе культового ритуала в храме, отдаваясь чужеземцам, независимо от того, желала она этого или нет [5. С. 74].

В Вавилоне Кодекс Хаммурапи (1750 г. до н.э.), предполагавший для насильника суровое наказание в виде лишения жизни, защищал не саму жертву, а семью, под властью которой она находилась. При этом честь женщины отождествлялась с честью ее отца или мужа, что давало право на кровную месть в отношении посягавшего или его рода [6. С. 35].

На Кавказе с древних времен родовой адат горцев позволял насильственно умыкать невест. Старейшины учили юношей, чтобы те шли в деревню и, выбрав себе девушку, похищали ее. Подобное не считалось насилием, потому как похищенная выходила замуж за джигита. Зачастую девушки мечтали о том, чтобы их умыкнул молодой воин и специально для этого выходили на улицу из своих жилищ. Прелюбодеяние, совершенное джигитом с женщиной до брака или с чужой женой, каралось смертью обоих, а в случае изнасилования родовой адат защищал не столько саму жертву, сколько честь ее рода. Такие же обычаи были характерны для кыпчакских племен Евразии [7. С. 124–128].

Древние иудеи относились к жертвам изнасилований вообще неоднозначно: если девушку насильственно лишали девственности в черте города, то в случае, если она не кричала и не сопротивлялась, ее закидывали камнями вместе с насильником, мотивируя это тем, что при попытке дать отпор люди, услышавшие шум, пришли бы на помощь [8. С. 640]. Таким образом, при рассмотренных обстоятельствах ответственность могла наступать и для самой жертвы.

В древнем иудейском своде законов Левит сказано: «Если кто ляжет с женщиной во время болезни кровоочищения и откроет наготу ее, то он обнажил истечения ее, и она открыла течение кровей своих. Ибо, если кто будет делать все эти мерзости, то души, делающих это, истреблены будут из народа своего» [9. С. 682–685]. При этом женщина два раза могла стать жертвой: во-первых, изнасилования, во-вторых, необоснованного убийства за преступление, которое совершили в отношении нее.

Иудейский историк I в. н.э. Иосиф Флавий писал: «Закон не признает никаких сексуальных контактов, кроме естественного союза между мужем и женой, целью которого является порождение ребенка» [10. С. 79]. В своем труде «Иудейские древности» он ссылался на то, что «всякое прелюбодеяние Моисей, безусловно, запретил, считая необходимым и высшим благом, чтобы мужчины жили с женами своими в здоровом браке: тогда будет польза как целым общинам, так и отдельным семьям» [11. Т. 1. С. 93].

У древних римлян, как и у древних иудеев, насильственное бесчестие также считалось позором не только для лица, его совершившего, но и для жертвы. Примером может служить легенда о Лукреции (конец VI в. до н.э.). Однажды во время осады римлянами г. Ардеи царские сыновья пировали вместе с Коллатином. Зашел разговор о женах, и каждый стал расхваливать свою. Тогда Коллатин предложил сделать опыт: всем вместе поехать домой и посмотреть, чем занимаются их жены. Вскочили на коней и через несколько часов очутились

в Риме. Царских невесток они застали пирующими со своими приятельницами. Тогда поехали в Коллацию, сабинский городок, где был дом Коллатина. Лукреция, как и подобало добродетельной римской матроне, поздней ночью сидела окруженная служанками и пряла шерсть. Таким образом, победителем в споре вышел Коллатин. Однако красота и целомудрие Лукреции зажгли преступную страсть в сердце Секста Тарквиния. Через несколько дней он, без ведома Коллатина, с одним провожатым отправился к Лукреции. Она радушно приняла его, и после обеда гостя отвели в приготовленное для него помещение. Ночью Секст с обнаженным мечом в руке явился в спальню к Лукреции и, угрожая, овладел ею. Утром он уехал, а Лукреция вызвала к себе мужа и отца. Когда они явились вместе с ближайшими друзьями, Лукреция рассказала им о случившемся и, выхватив нож, спрятанный под одеждой, вонзила его себе в сердце [12. С. 102].

Однако в римском праве изначально изнасилование рассматривалось не как преступление против половой неприкосновенности и половой свободы, а как вид насилия над личностью вообще и подпадало под понятие vis (просто физическое насилие). И только позднее в Законах Юлия о наказаниях за прелюбодеяния (18 г. до н.э.), посвященных половым преступлениям stuprum (лат. – бесчестье) [13. С. 613], сексуальное насилие над девственницей, нарушавшее ее pudicitia (лат. – целомудрие) [Там же. С. 517], стало рассматриваться как посягательство на ее личные libertas (лат. – права) [Там же. С. 363], при этом жертва должна была искать защиты у своего отца, под чьей властью она находилась [14].

В средневековом мусульманском праве изнасилование наказывалось закидыванием камнями, однако ответственность наступала только в случае, если жертва своим поведением не спровоцировала насильника и предъявила четырех свидетелей произошедшего или же посягавший признал свою вину [15. С. 87–89].

Один из самых значительных религиозных мыслителей ислама Газали (1058–1111 гг.) в книге «Совет царям» утверждал, что именно женщина является провокатором половых преступлений.

Чтобы подобного не происходило, в арабских и ближневосточных гаремах для охраны женщин использовали евнухов, которые были двух типов: полные, еще в детстве лишенные половых органов, и неполные, лишенные только яичек. Первый тип считался самым надежным, второй – нет, поскольку у его представителей в начале юношеского созревания могли пробуждаться сексуальные желания. По существу, принцип был очень прост. Мужчина, лишенный наружных половых органов, лишался вместе с ними и способности извлечь выгоду из тех возможностей, которые представляла ему служба в гареме [16. С. 19–20].

В XI в. в Европе и Киевской Руси при определении наказания виновному в изнасиловании учитывалось социальное положение жертвы. Так, например, Церковный устав Ярослава (1015–1054 гг.) рассматривал сексуальное насилие над боярской дочерью или боярской женой в качестве квалифицированного состава преступления [17. С. 127].

В законах короля Дании, Англии и Норвегии Кнута Великого (1016–1035 гг.) в случае, если вдова в течение 12 месяцев после смерти мужа была взята в жены силой (фактически изнасилована), она должна была потерять свое имущество и передать его родственникам усопшего супруга [18. С. 318–320].

В Нормандии и Англии в эпоху Вильгельма Завоевателя (1066–1087 гг.) человека, изнасиловавшего девушку из высшего круга, подвергали кастрации и выкалыванию глаз. Однако вину устанавливали на поединке; если у жертвы не было заступника, готового рискнуть собственной жизнью, сражаясь с человеком, обвиненным в насилии, у нее не было возможности обосновать свои претензии.

К концу XIII в. в английское законодательство об изнасиловании вносится два дополнительных изменения: отменены разное отношение к посягательству на девственниц и замужних женщин, а также применявшаяся ранее кара в форме непременной женитьбы на жертве насилия [19. С. 536].

Уголовное уложение Карла V «Каролина», изданное в 1532 г., содержало статью 119, в которой изнасилование рассматривалось как самостоятельный состав преступления. Наказанием за данное деяние являлось лишение жизни, однако при покушении на изнасилование, если потерпевшая смогла оказать сопротивление, преступник мог быть подвергнут иному виду наказания в соответствии с обстоятельствами посягательства и социальным положением лица, его совершившего. Уложение не предусматривало ответственности за изнасилование мужем своей законной супруги, так как половое сношение в данном случае было обязанностью, поэтому половая свобода замужней женщины не считалась объектом рассматриваемого преступления [20. С. 337].

Таким образом, охранительная функция рассмотренных обычаев и законодательства в Древнем мире и Средневековье выражалась как в ответственности за изнасилование, так и в правилах должного и осторожного поведения женщин, что вынуждало их прилагать усилия для обеспечения собственной безопасности. Правовые нормы о защите половой неприкосновенности в этот период не учитывали права женщин на половую свободу.

В европейском законодательстве XVII–XIX вв. важнейшими признаками состава изнасилования являлись как насилие, так и отсутствие согласия на половой акт со стороны потерпевшей. Поэтому его состав делился на два вида: совокупление без согласия женщины, но и без употребления насилия, и совокупление против воли женщины при помощи физического или психического насилия над нею (Stuprum nec violentum, nec voluntarium, stuprum violentum).

К первому виду относилось:

а) растление малолетней (не достигшей 13–14-летнего возраста) без насилия, но по употреблению во зло ее невинности и неведения;

б) совокупление с женщиной, находившейся в таком состоянии, при котором она не могла защищаться, если, однако, это состояние не было вызвано для цели совокупления самим виновным. К нему относились случаи совокупления с женщиной, находящейся в бессознательном состоянии (например, в состоянии сна, сумасшедшей и т.д.);

в) совокупление без насилия, но при помощи обмана.

Ко второму виду изнасилования, в узком смысле, относились случаи совершения полового акта с женщиной, над которой для этой цели учинены были насильственные действия, устранявшие ее сопротивление [21. С. 393].

Такой подход существовал в Германском уголовном уложении 1871 г. (п. 1, 2 ст. 176) [22. С. 235] и Уголовном кодексе Голландии 1886 г. (ст. 243–245) [23. С. 355–357].

Некоторые положения российского уголовного законодательства прошлых веков прямо указывали на особенности поведения жертвы изнасилования. Так, например, артикул 167 Воинских уставов Петра Великого 1716 г. и его толкование требовали доказательств того, что жертва кричала и призывала на помощь, насильственные действия оставили следы на одежде и теле изнасилованной, а к судье она должна была обратиться непосредственно после совершенного в отношении нее преступления. Как объясняло толкование артикула, такие условия необходимы, чтобы не дать «скверным женщинам» обвинять невиновных людей в том, что «насильством чести своей лишены и насильствованы» [24. С. 77–78].

Аналогичные требования для квалификации изнасилования существовали в ст. 789 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1842 г. При осуждении за данный вид преступления суд должен был определить «положенное законом наказание не иначе, как:

1) по точному удостоверению в действительности насилия;

2) когда свидетели будут утверждать, что изнасилованная криком своим призывала на помощь посторонних;

3) когда у ней или у обвиняемого, или у обоих окажутся кровавые знаки, синие пятна или изорванное платье;

4) когда объявление о том будет подано сейчас или до истечения дня» [25. С. 161].

Рассмотренные положения свидетельствуют о появлении норм, признающих и защищающих права женщин на половую свободу и сексуальное достоинство, а также учитывающих определенное состояние и поведение потерпевших при юридической оценке деяния насильника как преступного.

Анализируя историю конца XIX – начала XX в., необходимо отметить, что при формировании законодательства об ответственности за рассматриваемый вид преступлений в указанный период долгое время дискутировался вопрос, может ли в принципе взрослая, находящаяся в полной памяти и способная к сопротивлению женщина быть изнасилована одним мужчиной (т.е. не является ли факт несопротивления жертвы косвенным добровольным согласием на половой акт). После закрепления норм, в соответствии с которыми и угрозы, и использование зависимого положения женщины стали равнозначны физическому насилию, этот вопрос потерял актуальность.

Так, в Уголовном уложении 1903 г. в специальной главе, посвященной половым преступлениям, содержалась ст. 515, которая предусматривала ответственность за «любодеяние» с лицом любого пола, находящимся под властью виновного (ч. 1); посредством насилия или угрозы потерпевшему или члену его семьи (ч. 2); с растлением, но без плотского сношения (ч. 3) [26. С. 102–105]. За вступление в половую связь с ребенком в возрасте до 16 лет виновный нес ответственность, даже если эти действия были совершены с согласия пострадавшего (ч. 1 ст. 513). За половое сношение с лицом, достигшим 16-летнего возраста и не достигшим 21 года, без его согласия наказание было предусмотрено ст. 514.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., выделив в главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» раздел, именуемый «Преступления в области половых отношений», исходил из обоснованности включения в него посягательств, связанных и не связанных с удовлетворением сексуальных потребностей самим виновным. При этом первую разновидность образовывали составы ненасильственного (ст. 166–168 «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости», а в более поздней редакции дополнительно – «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или с удовлетворением половой страсти в извращенных формах», «Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий») и насильственного удовлетворения половой страсти (ст. 169 «Изнасилование», под которым понималось «половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего», а под квалифицированным видом – самоубийство потерпевшего). Простое изнасилование наказывалось лишением свободы на срок не ниже 3 лет, квалифицированное – не ниже 5 лет [27. С. 19].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не предусматривал специального раздела о половых преступлениях. Однако в гл. 6 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» содержались статьи, аналогичные статьям УК РСФСР 1922 г. об ответственности за половые преступления (ст. 151–155). Под изнасилованием в соответствии со ст. 153 данного кодекса понималось «половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица». Квалифицирующими признаками изнасилования являлись: самоубийство потерпевшего, недостижение им половой зрелости и изнасилование несколькими лицами (ч. 2 ст. 153). Простое изнасилование наказывалось лишением свободы на срок до 5 лет, квалифицированное – до 8 лет [28].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. уголовная ответственность за изнасилование была существенно повышена – заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 10 до 15 лет, а за изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой особо тяжкие последствия, была установлена ответственность в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от 15 до 20 лет [29].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., как и 1926 г., не предусматривал раздела о половых преступлениях, но

содержал составы этих преступлений (например, изнасилование (ст. 117) – в гл. 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»). Части 2 и 3 ст. 117 данного кодекса предусматривали ряд новых квалифицирующих признаков: по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР – изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, либо совершенное группой лиц или лицом, ранее совершившим изнасилование; по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР – изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно несовершеннолетней. За совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 117 рассматриваемого кодекса, в соответствии с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г., применялось наказание вплоть до смертной казни [30].

В дальнейшем Законом Российской Федерации от 18 февраля 1993 г. редакция ст. 117 УК РСФСР была изменена: в ч. 4 был внесен квалифицирующий признак – изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование малолетней, которое наказывалось лишением свободы на срок от 8 до 15 лет либо смертной казнью [31].

Необходимо отметить, что большое влияние на формирование советского, российского и зарубежного уголовного законодательства в сфере защиты прав женщин на половую неприкосновенность и половую свободу личности в разное время оказали:

1. Конвенция «О согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков» (открыта для подписания и ратификации резолюцией 1763 А (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1962 г.), которая обязала государства, ратифицировавшие ее, принять все надлежащие меры к отмене устаревших обычаев и законов, относящихся к браку и семье, путем обеспечения полной свободы выбора супруга, полного упразднения детских браков и заключаемых до достижения половой зрелости предварительных договоров о браках, установления надлежащей ответственности и введения реестра актов гражданского состояния. Данная конвенция направлена на предотвращение сексуального насилия и сексуальной эксплуатации девочек и женщин, которой они подвергаются в недобровольных браках [32].

2. Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г.), которая закрепила принцип равноправия мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в обеспечении и защите прав на половую неприкосновенность и половую свободу. Одним из основных положений данной конвенции является указание на прямое обязательство государств-участников принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации их проституции [33].

3. Декларация «Основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.), в которой рассматривается само понятие «жертва», а также сформулированы рекомендации предоставления реституций, компенсаций и социальной помощи пострадавшим [34].

4. Декларация ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин» (принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.), предложившая первое официальное определение насилия, совершаемого на половой почве, под которым понимаются: любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, причиняющий или способный причинить физический, половой или психологический ущерб и страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы [35].

Российское уголовное законодательство на современном этапе своего развития, основываясь на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права, предусматривает ответственность за изнасилование по ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), под которым понимается «половое сношение с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей».

Квалифицирующими признаками изнасилования в соответствии со ст. 131 УК РФ являются: п. «а» – изнасилование, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; п. «б» – соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам; п. «в» – повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием. Особо квалифицирующими по части 3: п. «а» – изнасилование несовершеннолетней; п. «б» – повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия; по части 4: п. «а» – повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей; п. «б» – потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста; по части 5: деяние, предусмотренное пунктом «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

В примечании к рассматриваемой статье законодатель указывает на то, что к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 134 УК РФ и ч. 2–4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает наказание за данный вид преступления в виде лишения свободы от трех лет по ч. 1 ст. 131 УК РФ до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожиз-

ненным лишением свободы по части 5 рассматриваемой статьи [36].

Из вышесказанного следует, что Российская Федерация, ратифицировав международные правозащитные соглашения, в полной мере взяла на себя обязательства по защите женщин от насилия на половой почве, в том числе и от изнасилований.

В настоящее время уголовная ответственность за рассматриваемое преступление существует в большинстве стран мира, однако гендерный подход к определению потерпевших от изнасилований есть не везде. Так, российское уголовное законодательство квалифицирует изнасилование как сексуальное насилие мужчины над женщиной, совершенное естественным путем, что также разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11 от 15.06.2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». В ряде зарубежных стран юридическая конструкция состава изнасилования такова, что потерпевшими могут быть признаны равным образом женщины и мужчины (например, в Австралии, Боливии, Бутане, Великобритании, Венесуэле, Германии, Камбодже, Коста-Рике, Румынии, Сальвадоре, Сент-Люсии, Словении, Уругвае, Франции, Эквадоре). Такая конструкция стала использоваться все чаще в последние годы под влиянием идей гендерного равноправия и получила название «гендерно нейтральной» [37. С. 102–110].

Ответственность за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу мужчин предусмотрена в ст. 132–135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Выделение изнасилования в качестве самостоятельного состава преступления подчеркивает особое отношение к защите прав женщин в нашей стране.

Таким образом, историю возникновения и развития российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за изнасилование в зависимости от его роли в защите прав женщин на половую неприкосновенность и половую свободу можно разделить на следующие периоды:

– период Древнего мира и Средневековья, охарактеризовавшийся тем, что нормы об уголовной ответственности за изнасилование учитывали социальное положение и должное поведение жертвы при назначении наказания виновному и не учитывали половую свободу как объект уголовно-правовой охраны;

– период конца XVII – начала XX в., ознаменовавшийся появлением в российском и зарубежном уголовном законодательстве норм, признающих и защищающих права женщин на половую свободу и сексуальное достоинство, а также учитывающих определенное состояние и поведение потерпевших при юридической оценке деяния насильника как преступного;

– период новейшего времени, охарактеризовавшийся принятием Организацией Объединенных Наций международных соглашений, закрепивших основные принципы ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также защиты женщин от преступных посягательств данного вида, реализуемые в уголовных законодательствах стран-участниц этих соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киньяр П.* Секс и страх: Эссе / пер. с фр. И. Волевич. М. : Текст, 2000. С. 12.
2. *Дерягин Г.Б.* Криминальная сексология : курс лекций для юридических факультетов. М. : Моск. ун-т МВД России ; Щит-М, 2008. С. 42.
3. *Вардиман Е.Е.* Женщина в древнем мире / пер. с нем. М.С. Харитонова ; послесл. А.А. Вигасина. М. : Наука, 1990. С. 152.
4. *История* государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М. : Норма, 2004. Ч. 1. С. 126.
5. *Геродот.* История в девяти книгах : пер. с древнегреч. Л. : Наука, 1972. С. 74.
6. *Волков И.М.* Законы вавилонского царя Хаммурапи: культурно-исторические памятники Древнего Востока / под общ. ред. Б.А. Тураева. М. : Т-во Скоропеч. А.А. Левенсон, 1914. Вып. 1. С. 35.
7. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М. : Восточная литература, 2002. С. 124–128.
8. *Толковая* Библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхого и Нового Завета : в 13 т. / под ред. А.П. Лопухина. Петербург, 1904. Т. I. С. 640.
9. *Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево : в 3 т. Книга Левит, Чисел и Второзакония. 5-е изд. М. : Оклик, 2010. Т. 3. С. 682–685.
10. *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В.В. Федорина. М. : Крон-пресс, 1995. С. 79.
11. *Флавий И.* Иудейские древности : в 2 т. Минск : Беларусь, 1994. Т. 1. С. 93.
12. *Ковалев С.И.* История Рима. / под ред. проф. Э.Д. Фролова ; новое изд., испр. и доп. СПб. : Полигон, 2002. С. 102.
13. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М., 1914. С. 613.
14. *Павлов А.А.* Libertas у Тита Ливия // Сайт центра Антиковедения исторического факультета ПГПУ. URL: http://www.antiquity-perm.ru (дата обращения 30.11.2011).
15. *Любовь* и секс в исламе : сб. ст. и фетв. М. : Изд. дом «Ансар», 2004. С. 87–89.
16. *Масленников К.И.* Оперативно-розыскные и криминологические проблемы предупреждения насильственных действий сексуального характера: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 19–20.
17. *Российское* законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 127.
18. *Хрестоматия* по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2001. С. 318–320.
19. *Мастерс У.* Основы сексологии : учеб. / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. М. : Мир, 1998. С. 536.
20. *Каролина.* Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, англо-саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / под ред. В.М. Корецкого. М. : Госюриздат, 1961. С. 337.
21. *Энциклопедический* словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : в 86 т. / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Петербург, 1894. Т. XIIA. С. 393.
22. *The criminal* code of the German Empire / tr. by Geoffrey Drage. New Jersey : The Lawbook Exchenge Ltd., 2005. P. 235.

23. *Уголовный* кодекс Голландии 1886 г. / науч. ред. Б.В. Волженкин ; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2001. С. 355–357.
24. *Воинские* артикулы при том же и краткие примечания. 1714 г. Собственноручные поправки и дополнения Петра Великого // Воинские уставы Петра Великого. М. : Гос. библиотека им. В.И. Ленина, 1946. С. 77–78.
25. *Свод* законов Российской Империи : в 15 т. Санкт-Петербург : Типография второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842. Т. XV. С. 161.
26. *Уголовное* уложение Российской Империи: по сост. на 22 марта 1903 г. СПб. : Сенатская типография, 1903. С. 102–105.
27. *Уголовный* кодекс РСФСР: по сост. на 1 июня 1922 г. М., 1922. С. 19.
28. *Уголовный* кодекс РСФСР: по сост. на 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. *Уголовный* кодекс РСФСР: по сост. на 4 января 1949 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. *Уголовный* кодекс РСФСР: по сост. на 15 февраля 1961 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. *Уголовный* кодекс РСФСР: по сост. на 18 февраля 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. *Конвенция* о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1763 А (XVII) от 07.11.1962 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. *Конвенция* о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 34/180 от 18.12.1979 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. *Декларация* основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29.11.1985 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
35. *Декларация* об искоренении насилия в отношении женщин : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 48/104 от 20.12.1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. *Уголовный* кодекс Российской Федерации: по состоянию на 01.09.2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
37. *Додонов В.Н., Капинус О.С.* Ответственность за изнасилование в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. Ежемесячный правовой журнал. М. : Изд. Дом «Буквовед». 2006. № 9. С. 102–110.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 октября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 132–136 DOI: 10.17223/15617793/376/25

ЭКОНОМИКА

УДК 332.1:332.05

Д.А. Гайнанов, С.А. Кириллова, О.Г. Кантор

ДИАГНОСТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ С ПОЗИЦИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития»).

Предложен методический инструментарий оценки степени реализации элементов регионального потенциала, базирующийся на целевом характере их трансформации из возможности в реальность. В качестве математического аппарата, позволяющего получить объективную оценку степени такой трансформации, предложено использовать метод главных компонент. Результаты апробации инструментария на информационных массивах регионов – субъектов Российской Федерации за 2000–2010 гг. в разрезе социального потенциала свидетельствуют о более низком, чем в целом по России, уровне его реализации в регионах Российской Арктики.

Ключевые слова: социальный потенциал; арктические регионы; сбалансированное развитие; метод главных компонент.

Вывод регионов на траекторию устойчивого развития представляет собой достаточно сложную задачу и предполагает необходимость задействования всех имеющихся возможностей для создания стабильной экономики, сохранения социальной и культурной стабильности, повышения качества окружающей среды. Вектор регионального развития при этом определяет множество факторов, в числе которых могут быть обозначены не столько вид, объем и качество имеющихся на территории ресурсов, но и наличие различных видов потенциала регионального развития.

Под потенциалом, как правило, понимается совокупность средств и возможностей, нереализованные резервы исследуемого объекта, которые при изменении условий либо воздействии каких-либо факторов трансформируются из возможности в реальность. Поскольку существует множество вариантов реализации потенциала, всегда должна быть обозначена цель такого преобразования в формате некоего конечного результата.

Элементный состав системы потенциалов регионального развития достаточно разнообразен по своему видовому содержанию и характеристикам качественных и количественных параметров, тенденциям и закономерностям формирования. Так, в числе совокупности потенциалов развития (саморазвития) территорий выделяют: человеческий потенциал, природный, финансовый, информационный, инновационный, инфраструктурный [17. С. 72–73]; природный, человеческий, экономико-географический, инновационный, воспроизводственный [14. С. 224]; экология и жизнеспособность, экономический, социогуманитарный, качество управления [15. С. 108]; природно-ресурсный, материально-производственный, научно-технический, институциональный, человеческий потенциал [7]; экономический потенциал, производственный, научно-технический, трудовой, интеллектуальный, социально-демографический [11].

В целом логика формирования состава системы потенциалов определяется целями исследования, в этой связи обоснованность использования данных подходов не подвергается сомнению.

Очевидно, что все вышеперечисленные потенциалы взаимосвязаны и в совокупности определяют уровень социально-экономического развития региона, его конкурентоспособность. На разных этапах общественного развития различна и роль обеспечивающих его потенциалов. Несмотря на то что появление концепции устойчивого развития было обусловлено глобальными экологическими проблемами, в настоящее время проблемы обеспечения устойчивости рассматриваются преимущественно с позиций ее социальных аспектов. Успешность развития территорий не должна определяться лишь высокими экономическими показателями. Эти показатели рассматриваются не как цель, а скорее как средство для достижения высокого уровня и качества жизни.

В этой связи на этапе постиндустриального развития особую значимость приобретает реализация социального потенциала как составной части национального (регионального) богатства и человеческого потенциала, институты которого (системы образования и здравоохранения, социального обеспечения, коммунальные службы и др.) определяют не только качество политической системы, но и уровень развития общества, качество жизни населения [10. С. 107]. Сегодня это особенно актуально в силу появления новых метрик прогресса, где доминирующим вектором развития является не ВВП, а показатели качества жизни [3].

С учетом того, что основным фактором социального потенциала является население, а также институты, создающие условия для его реализации, содержание социального потенциала, по мнению авторов, следует определить как совокупность возможностей, которыми располагает территориальное образование по обеспечению устойчивого развития в целях обеспечения высокого качества жизни населения.

Уникальный геополитический и геоэкономический потенциал Российской Арктики позволяет позиционировать территорию ее регионов как зону особой социальной ответственности государства, стратегической задачей которого становится поддержание и всемерное развитие ее социального потенциала, выступающего важным фактором эффективного соци-

ально-экономического развития арктических регионов, обеспечения тем самым возможности перехода к устойчивому развитию страны в целом.

Развитие арктических регионов, как и России в целом, в XXI в. будет определяться уровнем развития социального потенциала, что предполагает необходимость оценки его величины и динамики для уточнения приоритетов социальной политики, а также формирования комплекса мер их реализации в зависимости от особенностей регионального развития.

Анализ состояния социального потенциала арктических регионов свидетельствует о несоответствии его требованиям сегодняшнего дня в части обеспечения социально-экономического развития преимущественно за счет человеческого капитала и его качества [2].

На практике социальный потенциал, как и любой другой, далеко не всегда может быть использован полностью, что обусловливает правомерность выделения его реализованной и нереализованной компоненты. Различная степень реализации потенциала определяет неодинаковые результаты развития регионов, выражающиеся в уровне их конкурентоспособности, качестве жизни населения. В этой связи значимыми для выработки обоснованных управленческих решений являются оценка и создание возможностей для задействования в практике хозяйствования еще не реализованного потенциала.

В современной научной литературе представлен ряд исследований, посвященных оценке и анализу условий воспроизводства и реализации различных элементов регионального потенциала. В частности, инвестиционного [12], человеческого [13], социального [9], системы региональных потенциалов – природного, человеческого, инновационного, экономико-географического [16] и др.

Тем не менее к настоящему времени не выработано какого-либо общего подхода к оценке как регионального потенциала в целом, так и отдельных его компонент. Трудность получения такой оценки связана, с одной стороны, с его сложным элементным составом, включающим разнородные составляющие и априори обусловливающим необходимость расчета некоей обобщающей оценки. С другой стороны, упомянутая сложность объективно обусловлена нематериальной природой некоторых видов регионального потенциала (социальный потенциал, культурно-духовный, интеллектуальный, институциональный потенциал и др.).

Результаты анализа существующих подходов к оценке потенциала свидетельствуют о том, что все они базируются преимущественно на определении количества, объема и качества ресурсов, располагающихся на территории региона, а также инфраструктурной составляющей, ориентированной на реализацию этих ресурсов. Некоторыми подходами, в особенности использующими квалиметрическую оценку (качество жизни, качество предоставляемых услуг), кроме объективной составляющей такой оценки предусмотрен учет ее субъективной составляющей (социально-психологическая готовность региона к преобразованиям, научно-методическая готовность и т.д.) [1, 4, 5, 8, 18], что, несомненно, повышает точность такой оценки.

По нашему мнению, у всех упомянутых подходов есть методологический недостаток, заключающийся в отсутствии связи количественной оценки потенциала с результатами его реализации. Другими словами, подсчет ресурсных, инфраструктурных, институциональных составляющих потенциала не обеспечивает определения степени достижения цели вследствие перевода незадействованных резервов из сферы возможностей в сферу результатов.

В этой связи логика и алгоритм оценки степени реализации социального потенциала как ключевого фактора устойчивого развития на современном этапе, с нашей точки зрения, должны базироваться на целевом характере его трансформации. То есть если глобальной целью развития регионов является повышение их конкурентоспособности, повышение качества жизни населения, обеспечиваемое переходом к устойчивому развитию, следует предположить, что чем ближе траектория регионального развития к траектории устойчивого развития, тем выше и степень реализации этого потенциала.

Принятие данного вывода как исходного предполагает учет при разработке инструментария оценки степени реализации элементов регионального потенциала ряда положений, в числе которых:

– рассмотрение сбалансированного развития (с позиций паритетного развития основных подсистем региональной социо-эколого-экономической системы) как одного из императивов устойчивого развития;

– принятие уровня сбалансированности развития основных подсистем региона, включая социальную подсистему, в качестве критерия и размера реализации регионального потенциала;

– использование в качестве показателей, характеризующих элементы социального потенциала, показателей эффективности, отражающих влияние на региональное развитие качества образования, состояния здоровья населения, уровня жизни и др.

Тогда решение задачи оценки степени реализации социального потенциала предполагает, во-первых, конкретизацию его элементного состава с формированием системы показателей, объективно его характеризующих, и, во-вторых, выбор математического аппарата, позволяющего получить объективную оценку степени воздействия элементов социального потенциала на сбалансированность регионального развития и на этой основе построить его траекторию.

Для определения степени влияния совокупности рассматриваемых факторов широко применяются традиционные подходы корреляционно-регрессионного анализа и эконометрического моделирования для установления взаимосвязи эндогенных и экзогенных переменных. Однако их применение осложнено, с одной стороны, ограничениями возможности выявления в действительности независимых переменных ввиду того, что, как правило, все факторы, характеризующие сложные социо-эколого-экономические системы, тесно связаны друг с другом, а с другой – более широким кругом вопросов, ответы на которые нельзя получить перечисленными методами. Примером такого рода проблем является задача установления степени влияния каждого из рассматриваемых факторов на всю систему в целом при условии, что

результирующий фактор (факторы) не выбран (не выбраны).

В связи с этим продуктивным представляется использование метода главных компонент, который в рамках комплексного анализа изменчивости многофакторных структур позволяет исследовать влияние анализируемых факторов на совокупную дисперсию. Авторами предлагается подход, который, в отличие от классической трактовки результатов применения метода главных компонент, позволяет учитывать влияние на процесс развития сложной динамической системы, каковой является регион, во-первых, всех определяемых линейно независимых комбинаций совокупности факторов (главных компонент) и, во-вторых, каждого фактора в отдельности.

В случае, когда состояние системы описывается *n* факторами, число всех главных компонент также равно *n*, и каждая *i*-я главная компонента имеет вид

$$a_1^i x_1 + a_2^i x_2 + \ldots + a_n^i x_n,\ i = \overline{1,n}. \qquad (1)$$

Таким образом, влияние каждого *j*-го фактора во всех главных компонентах характеризуют величины $\{a_j^i\},\ i = \overline{1,n},\ j = \overline{1,n}$. Для учета обобщенного влияния отдельного *j*-го фактора во всех главных компонентах необходимо введение в рассмотрение некоторой агрегированной величины: $b_j = f\left(a_j^1, \ldots, a_j^n\right),\ j = \overline{1,n}$.

Известно, что каждая *i*-я главная компонента (1) вносит свой вклад в совокупную дисперсию системы λ^i, причем $\sum_{i=1}^{n} \lambda^i$. В этой связи данные величины могут трактоваться и как соответствующие характеристики влияния отдельных факторов. Такая трактовка позволяет рассчитать обобщенное влияние каждого фактора как средневзвешенную величину:

$$b_j = \lambda^1 a_j^i + \lambda^2 a_j^2 + \ldots + \lambda^n a_j^n,\ j = \overline{1,n}. \qquad (2)$$

Таким образом, может быть определен вектор $\bar{b} = \{b_1, \ldots, b_n\}$, представляющий собой вектор обобщенного влияния факторов, а каждая его компонента – влияние отдельного фактора.

Поскольку определение сбалансированности регионального развития должно выполняться с учетом экономических, социальных и экологических аспектов, региональное развитие может быть отождествлено с вектором, размер и положение которого в пространственной системе координат позволят не только количественно, но и наглядно интерпретировать характер развития региона в целом, его сбалансированность. В качестве такого вектора предлагается рассматривать вектор обобщенного влияния факторов $\bar{b} = \{b_1, \ldots, b_n\}$. Ориентиром, относительно которого развитие региона идентифицируется как сбалансированное, может служить некий гипотетический вектор, принятый в качестве эталонного, компоненты которого примерно одинаковы, т.е. характеризуют ситуацию, в которой все рассматриваемые факторы оказывают на исследуемую систему примерно одинаковое влияние. В настоящем исследовании в качестве эталонного вектора был принят вектор с равным влиянием составляющих его компонент $\bar{b}^0 = \{1, \ldots, 1\}$, который в дальнейшем будем называть вектором сбалансированного влияния.

С позиций предложенного подхода формализованное представление о сбалансированности развития основных подсистем региона может быть получено посредством рассмотрения величины угла между векторами обобщенного и сбалансированного влияния (чем меньше угол, тем в большей степени траектория развития подсистемы совпадает с эталонной, т.е. с траекторией сбалансированного развития). В этом случае величина реализованного потенциала рассчитывается как отношение значения угла между векторами обобщенного и сбалансированного влияния к максимально возможному отклонению – 180°, выраженное в процентах.

Таким образом, 0% реализации потенциала соответствует углу в 180° между траекториями векторов обобщенного и сбалансированного влияния (траектории вектора сбалансированного влияния соответствует положение оси абсцисс).

С учетом ранее проведенных исследований [6] была сформирована система показателей, сгруппированных по основным региональным подсистемам, в число которых вошли частные показатели, характеризующие эффективность использования отдельных видов ресурсов (труд, инвестиции, основные фонды, бюджетные средства), результативность функционирования отраслей социальной сферы, сферы экологии, эффективность деятельности органов государственной власти и управления, показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения.

Применение изложенного подхода на панельных данных 2000–2010 гг. по совокупности арктических регионов и регионов – субъектов Российской Федерации в целом позволило выявить степень влияния элементов социального потенциала на сбалансированность развития этих регионов и на этой основе определить величину реализованного потенциала (рис. 1).

В результате установлено наличие значительного сходства в характере развития арктических и российских регионов, выражающегося в устойчивой тенденции сохранения низкого уровня реализации социального потенциала. Особенно низкие значения зафиксированы по демографической составляющей и составляющей образования социального потенциала арктических регионов, в последние годы реализовывавших свой потенциал не более чем на 2,0%. Развитие российских регионов по тем же составляющим характеризуется б*о*льшим размером реализованного потенциала (по уровню 2010 г. для демографии – 34,3%, для образования – 14,6%).

Несколько лучше в Арктике сложилась ситуация по здравоохранению и уровню жизни, величина реализации потенциала которых составила 45,7 и 31,2% соответственно. В целом по России размер реализованного потенциала в 2000–2010 гг. по этим сферам не превышал соответствующих показателей по арктическим территориям, сохраняя практически одинаковые значения в диапазоне 19,3–24,2% по уровню жизни и 41,9–46,4% – по здравоохранению.

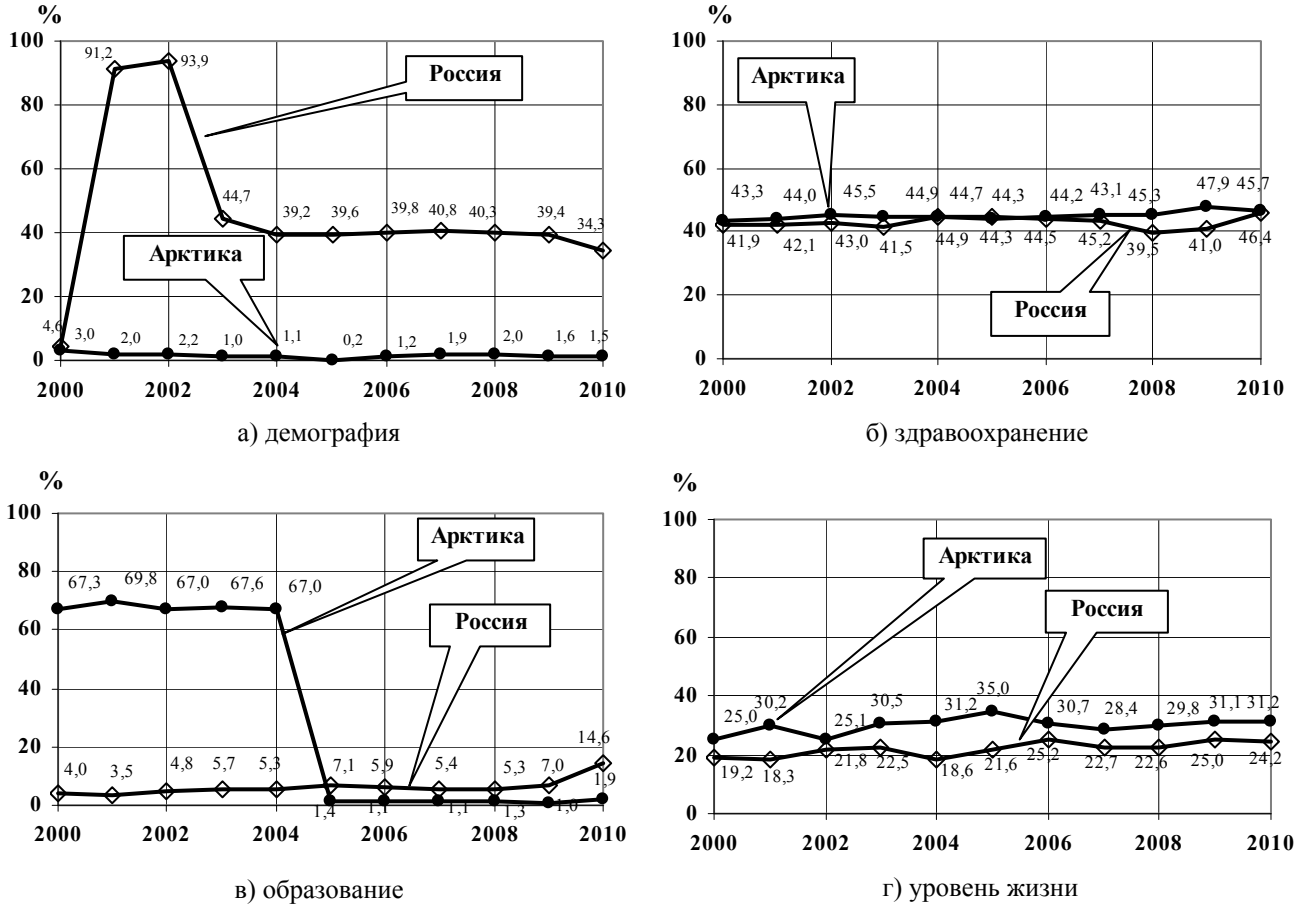


Рис. 1. Динамика реализации элементов социального потенциала регионов российской Арктики и регионов-субъектов Российской Федерации в 2000–2010 гг.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ни снижение в 2000–2011 гг. региональной социально-экономической дифференциации в стране в целом, ни положительная динамика социально-экономического развития арктических регионов в разрезе основных макроэкономических показателей (ВРП на душу населения, коэффициенты Джини и фондов, ожидаемая продолжительность жизни населения и др.) не обеспечивают адекватного роста реализации социального потенциала арктических территорий. Более того, его параметры зачастую существенно ниже средних по Российской Федерации значений. Сложившееся положение во многом связано с реализацией на всех уровнях управления неэффективной социальной политики, не в полной мере учитывающей особенности арктических территорий.

Сделанный вывод лишний раз свидетельствует о необходимости безотлагательного принятия мер по созданию условий, способствующих более полной трансформации нереализованных возможностей регионов Российской Арктики по обеспечению высокого уровня и качества жизни на основе принципиально новой парадигмы социальной политики в этом макрорегионе. Развитие арктических территорий в рамках новой парадигмы на современном этапе становится значимым фактором перехода к устойчивому развитию не только арктических территорий, но и страны в целом.

Предложенный подход, на наш взгляд, обеспечивает возможность объективной характеристики оценки размера компонент потенциала на основе анализа динамики сбалансированности регионального развития. Учет полученной информации в практике регионального управления позволит повысить обоснованность решений, принимаемых с позиций важности достижения приоритетов не только экономического развития, но, что особенно важно при переходе на модель устойчивого развития, – более полной реализации социального потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айвазян С.А., Исакин М.А.* Интегральные индикаторы качества жизни населения региона как критерии эффективности социально-экономической политики, проводимой органами региональной власти // Прикладная эконометрика. 2006. № 1. С. 25–31.
2. *Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кузнецова Ю.А.* Социальный потенциал регионов арктической зоны: ситуационный анализ возможностей воспроизводства // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 4 (13). URL: http://www.naukovedenie.ru/PDF/ 21evn412.pdf
3. *Доклад* Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Первая глава. Рабочий перевод. М. : НИИ СП, 2010. 118 с.
4. *Инновационный* и предпринимательский потенциал общества (обследование Левада Центра по заказу ЦМИ) / Центр макроэкономических исследований Сбербанка России, 2012. 52 с.

5. *Казаков В.В.* Экономическая основа управления региональными системами // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 130–135.
6. *Кириллова С.А., Кантор О.Г.* Идентификация арктических регионов России с позиций пространственной неоднородности // Регион: экономика и социология. 2013. № 2 (78). С. 48–65.
7. *Кошелев А.Н.* Национальная экономика: конспект лекций. URL: http://www.be5.biz/ekonomika/e009/02.htm.
8. *Кузнецова Ю.А., Кириллова С.А., Кантор О.Г.* Качества социальных услуг: оценка и управление / под ред. Кирилловой С.А. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2009. 132 с.
9. *Максимов А.А., Бурьян М.С.* Опыт оценки социального потенциала муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2 (2). С. 96–106.
10. *Подберезкин А.* и др. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. М. : Европа, 2007.
11. *Полозов В.* Национальное богатство и национальное достояние // Региональная экономика. 2003. № 1–2.
12. *Райская Н.Н., Сергиенко Я.В., Френкель А.А.* Кластерный анализ регионов России по уровню инвестиционного потенциала // Вопросы статистики. № 5. 2007. С. 3–9.
13. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития. М. : Наука, 2007.
14. *Солодова Н.И.* Природный и социально-экономический потенциал ООПТ как доминанты формирующихся туркластеров // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 4. С. 223–228.
15. *Стратегическое* планирование и аудит социально-экономического развития региона. М. : Экономика, 2012. 310 с.
16. *Управление* социально-экономическим развитием региона / под ред. Д.А. Гайнанова. М. : Экономика, 2007. 264 с.
17. *Управление* социально-экономическим развитием региона: проблемы, подходы, технологии / под ред. Д.А. Гайнанова. М. : Экономика, 2007. 264 с.
18. *Шалмуев А.А.* Основные составляющие потенциалов регионального развития // Экономическое возрождение России. 2011. № 3 (29).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 137–141 DOI: 10.17223/15617793/376/26

УДК 331

А.И. Голованов

ОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ К ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Корпоративная социальная политика: модельное представление, оценка эффективности), проект № 13-32-01004.

Анализируются процесс становления категории «производительность труда», современная трактовка этой категории и мера ее соответствия текущим потребностям экономики. Ставится проблема влияния личности на результаты труда. Рассматривается вопрос качества жизни и его влияния на результаты труда. Это позволяет обосновать трансформацию категории производительности труда и предложить основные направления ее развития в рамках категории эффективности труда.

Ключевые слова: труд; оценка труда; факторы производства; производительность труда; эффективность труда; качество жизни; потребности; ценности; ожидания.

Категории производительности и эффективности труда находятся в фокусе экономической науки на протяжении всего XX в. Несмотря на наличие множества научных работ, на данный момент не решена проблема определения сущности этих категорий, а также методологии их измерения и оценки. Эффективность труда тесно переплетается с производительностью, зачастую категории и вовсе отождествляются. На наш взгляд, их синонимичное употребление недопустимо, поскольку, во-первых, такое применение означает отказ от понятий в качестве самостоятельных экономических категорий, во-вторых, порождает множество логических и семантических проблем, затрудняя их осмысление и оценку. Целью данной работы мы видим «разведение» категорий производительности и эффективности труда через выявление их сущности и места в системе современной экономической науки, а также соответствия потребностям социальной и экономической действительности.

Категория производительности труда имеет длительную историю становления и развития. Первые мысли о вопросах производительности труда встречаются в сочинениях философов античных времен. Так, Платон полагал, что разделение труда способствует прогрессу общества, лучшему удовлетворению общественных потребностей. Аристотель разделял физический и умственный труд, обосновывал профессиональное разделение труда [1. С. 25–27].

Основные методологические основы теории производительности труда сформировала классическая школа политэкономии. У. Петти, рассматривая производительность труда в качестве одного из источников дохода, писал, что повышения производительности труда возможно достигнуть либо через большое напряжение труда, либо путем применения средств, сокращающих и облегчающих труд. Петти первым заключил, что стоимость товара обратно пропорциональна производительности труда.

Огромный вклад в развитие категории внес А. Смит, который одним из первых определил главенствующую роль труда в создании благ, сформулировал понятие производительности труда, раскрыл ее роль в экономическом развитии общества [2. С. 89]. В своей главной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» [2] Смит проанализировал процесс разделения труда и его влияние на эффективность трудовых затрат. Он исследовал различия между производительным и непроизводительным трудом, последний сводил к капиталистическому и некапиталистическому. Причем производительным считал исключительно труд, занятый в материальном производстве, производящий капитал и прибыль, связывал рост производительности труда не только с разделением труда, но и с применением в производстве более совершенных машин, ловкостью и умением работника [2. С. 253]. Дальнейшие исследования вопросов производительности труда отталкивались именно от смитовских положений: многие из них получат развитие, другие будут подвергнуты критике.

Следующий шаг в своем масштабном развитии категория производительности труда сделала в теории факторов производства, сформулированной французскими учеными Ж.Б. Сэйем и Ф. Бастиа. Сэй настаивал, что труд не является единственным источником стоимости, она создается через соединение трех факторов: труда, земли и капитала. Соответственно трем источникам стоимости он выделил три вида доходов: труд – заработная плата, земля – рента, капитал – процент [3. С. 311–333].

Если у Смита прибыль противопоставлялась заработной плате, что выражало отношения эксплуатации рабочего класса со стороны капиталистов, то в теории факторов производства такие отношения оказались размытыми. Каждый получает свою долю: прибыль трактуется как справедливое вознаграждение предпринимателя, заработная плата выражает долю продукта, которая создана трудом рабочего, остальные части продукта создаются капиталом и землей.

Теория производительности труда с XIX в. получила два вектора развития: марксистский и немарксистский (капиталистический). Марксизм исходил от классических воззрений, но позже стал выражать крайний радикализм относительно основ становления капитализма. К. Маркс и его последователи привнесли в теорию производительности труда множество рациональных идей и положений, сформировали трудовую теорию стоимости. К. Маркс уделял особое внимание исследованию проблем исторического характера производительности труда, закономерностей ее развития, факторов роста, возникновения противоречий. Выделил абсолютную, относительную, индивидуальную и общественную производительность труда.

Производительность труда широко изучалась представителями неоклассического экономического направления. Так, Дж.Б. Кларк, опираясь на основы теории трех факторов, предложил теорию предельной производительности, весомый вклад в развитие которой внесли также А. Маршалл, Э. Уикстид, Ф. Эджуорт.

В работе «Распределение богатства» Кларк исходил из цели предпринимателей в максимизации прибыли. Производство расширяется до момента, когда последний добавочный труд будет иметь столь низкую производительность, что не принесет ни прибыли, ни убытка. Предельный продукт равен стоимости затрат труда работника – это и есть предельная производительность. Теория предельной производительности трактуется Кларком как нормативный принцип соблюдения справедливости в процессе распределения: рыночный механизм обеспечивает каждому фактору производства доход, который отвечает требованиям эффективности и справедливости [4. С. 34].

А. Маршалл ввел в экономическую теорию четвертый фактор производства – предпринимательскую способность, дал определение чистого продукта [5. С. 201]. Е. Бем-Баверком была сформулирована концепция дисконтированных предельных продуктов, в которой утверждалось, что труду достается дисконтированная, а капиталу – недисконтированная доля продукта [6. С. 412].

Взаимосвязь производительности труда с предельными величинами позволила по-иному взглянуть на вопросы создания стоимости. Теория предельной производительности нашла отражение в работах авторов других течений экономической мысли. Так, Д.М. Кейнс разделял некоторые идеи неоклассиков. Отдавая среди факторов производства предпочтение труду, он считал, что вознаграждение рабочих должно быть пропорционально их производительности [7. С. 342]. Б. Хикмен исходил из положений теории предельной производительности труда при изучении процессов экономического роста, связывая их с выяснением производственных функций отдельных факторов, влияющих на рост агрегированного спроса [8. С. 99]. А. Сови на основе предельной производительности и численности активного населения определял экономический оптимум численности и параметров воспроизводства населения [9. С. 151]. Предельная производительность оказала влияние на формирование теории экономического равновесия Р. Солоу, которая построена на объединении концепций предельной полезности, предельной производительности, спроса-предложения [10. С. 23].

Особым этапом развития теории производительности труда можно считать формирование концепции научной организации труда Ф. Тейлора и его последователей Г. Гантта, Ф. Гилбрета, Г. Эмерсона. Система Тейлора была призвана повысить производительность труда за счет глубокого его разделения и рационализации трудовых движений. Он доказал, что можно сэкономить много сил и средств, если правильно применять машины и механизмы, устраняя все излишние, бесполезные движения. Основной принцип тейлоризма: все должно быть на своем месте, все должно быть рассчитано до секунды. Основы столь радикальной концепции обосновывались тем, что обладая превосходной техникой, американская промышленность не в состоянии должным образом распорядиться ею, функционирует крайне расточительно [11. С. 15].

Концепция Тейлора в первую очередь была ориентирована на практические задачи реальной экономики, которые с успехом решала, однако теоретическое ее обоснование было крайне противоречивым. Идеи и методы постоянно критиковались как в научных кругах, так и среди политиков, представителей общественных и профсоюзных движений. Особенно жесткой критики теория удостоилась со стороны последователей марксизма, которые обвиняли ее в чрезмерной интенсификации труда, называя «научной системой высасывания пота» [12. С. 18–19]. Отчасти критика была конструктивной, однако существовала и предвзятость, обусловленная идеологическими причинами.

В противовес тейлоризму У. Муром и Э. Мэйо была предложена теория «человеческих отношений», в которой они призывали уйти от механического подхода в регулировании производительности труда и поставили задачу поиска гуманных методов обращения с работниками. Особое внимание уделялось вопросам воспитания инициативного и творческого работника, который самостоятельно ищет пути повышения производительности труда. Средством достижения была программа «гармонизации» отношений между работниками через коллективное формирование личности, улучшение условий труда и отдыха, рационализацию методов управления предприятием [13]. Дальнейшее развитие идеи гуманизации труда получили в концепции «индустриального общества» Дж. Гелбрейта. Ее основная идея состоит в необходимости тесного взаимодействия работодателей, работников и государства, организации со стороны предпринимателей и работников совместного управления предприятиями [14].

Во второй половине XX в. теория производительности труда также не остается без внимания. Р. Хейлбронер и Л. Туроу в работе «Экономика для всех» [14] особо отмечают важность изучения производительности. «Производительность отражает накопленный страной потенциал профессиональных навыков, талантов и морального духа, имеющиеся у нее запасы оборудования и доступ к ресурсам. Страны, которые находятся сегодня во главе мирового парада душевых доходов, оказались там потому, что их ресурсы, оборудование и человеческий капитал позволили им добиться этого» [14. С. 187].

Вопросы повышения производительности труда нашли отражение в работах Дж. Долана, П. Друкера, Я. Карнаи, П. Самуэльсона, Д.С. Синка, М. Тодаро и др. Актуальные проблемы производительности труда и капитала рассматривались М. Портером, который вывел категорию на общий уровень продуктивности страны. Высокая производительность рассматривалась им как необходимое условие в международной конкуренции. Портер отмечал важность повышения производительности во всех основных секторах экономики, а не только обрабатывающих. Считал, что производительность растет тем быстрее, чем более весомые позиции страны в широком спектре отраслей на мировом рынке [15. С. 689–691].

Значительный вклад в развитие теории производительности труда внесли и отечественные ученые. Здесь

стоит оговориться, что вектор экономической мысли на протяжении практически всего XX в. лежал в плоскости развития идей марксистской теории ввиду чрезмерной идеологизации науки. Однако было бы непозволительно проигнорировать наработанный потенциал, особенно учитывая тот факт, что на протяжении последних 20 лет изучению данной категории в отечественной экономической науке не уделяется должного внимания.

Системное изучение вопросов производительности начинается только в период становления советской власти. Так, В.И. Ленин, развивая идеи марксизма, указал на первостепенную необходимость подъема производительности труда. Социализм, по его убеждению, как более прогрессивный общественный строй должен был победить капитализм именно благодаря более высокой производительности труда [16. С. 394]. На различных этапах изучением вопросов производительности занимались такие известные ученые, как А.А. Богданов, П.П. Маслов, С.Г. Струмилин. Исследования вели и партийные теоретики, в частности Н.И. Бухарин, Н.А. Вознесенский. В научный оборот были введены новые категории, началась широкая научная дискуссия о сущности производительности труда. П.П. Маслов предложил термин «продуктивность труда». О.А. Ерманский, Г.Е. Завьялов – термин «успешность труда». Рассматривались категории «полезности труда», «интенсивности труда», «производительной силы труда», «рентабельности труда», «оптимальности труда», «экономии труда» и т.п. [17. С. 21–22].

Конкретные рекомендации по развитию производительности труда содержатся в работах Л.И. Абалкина, А.И. Анчишкина, О.Т. Богомолова, Д.С. Львова, Н.Д. Колесова, Ю.М. Осипова, Н.Я. Петракова, Е.Г. Ясина и многих других исследователей.

Неразбериха в терминах не только оказывала влияние на практику хозяйствования, но сдерживала сами исследования, и прежде чем перейти к изложению сущности понятия, автору необходимо было разобраться и высказать свой взгляд по поводу уже существующих и зачастую противоречащих здравому смыслу взглядов.

Конечно, со временем удалось найти рациональное решение. Ученое сообщество сделало выбор в пользу термина «производительность труда», который характеризовал эффективность трудовых затрат, исчисленную в расчете на одного работника. Такое понимание производительности труда в отечественной науке сохраняется и до настоящего времени.

Развитие теории производительности труда сыграло значимую роль в процессах гуманизации экономических отношений, способствовало решению многих задач реальной экономики, росту благосостояния населения. Немаловажное значение для роста производительности труда имела и идеологическая конкуренция подходов. Однако с распадом СССР и по мере становления рыночной экономики в нашей стране марксистская теория утратила свои позиции, но и западные доктрины не совершили значимого качественного скачка в теоретическом осмыслении вопросов производительности.

Осознание причин стагнации научной экономической мысли лежит в плоскости понимания сущности мейнстрима – неоклассики, столь широко критикуемой в последнее время. Будучи основанной на жестком формате математической логики, принципах рациональности субъектов, неизменности их предпочтений и равновесности, неоклассика больше не в состоянии поспевать за динамикой реального мира. Социально-экономическая действительность постоянно эволюционирует, и главной ее формой является глобализация. Мир становится все менее прогнозируемым, и все чаще происходят события, не поддающиеся количественной оценке в рамках существующих методологических подходов, в то время как их качественной интерпретацией исследователи часто пренебрегают.

Вышесказанное в равной мере справедливо и для теории производительности труда. Разработано множество подходов к оценке производственных и стоимостных аспектов категории, однако в современных условиях этого недостаточно. Сегодняшние трактовки производительности труда не учитывают роль личности в процессе труда, ее творческий и инновационный потенциал, качество труда и качество жизни.

Изучение влияния данных факторов на производительность труда крайне важно, поскольку по мере роста благосостояния общества люди смещают акцент, говоря терминами А. Маслоу, с удовлетворения физиологических потребностей на потребности более высокого порядка. Недооценка значимости их влияния на процессы труда может привести к падению производительности как на микро-, так и на макроуровне. В ученых кругах на протяжении длительного времени ведется дискуссия о необходимости учета психологических моделей поведения индивида. Исследования ведутся, но многие ученые игнорируют их, обосновывая это тем, что поведенческий подход до сих пор не сформировал конкурентоспособную парадигму.

Однако при разработке стратегии развития страны, регионов, предприятий все же целесообразно использовать более широкую трактовку производительности труда. Такой категорией, по нашему мнению, является эффективность труда, объединяющая как производительность труда, так и качество труда и качество жизни. Эффективность труда основана на личностном росте индивида, непосредственно связана с качеством жизни и труда (см. таблицу), без которых невозможно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие. Иными словами, категория отражает не только количественные, но и качественные результаты труда.

Правомерность такого подхода к трактовке категорий подтверждает и практика исследований. Так, для оценки благосостояния стран все шире применяется показатель индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), нивелируя тем самым монополию ВВП и ВНП. Исследования Комиссии Стиглиц-Сен-Фитусси доказывают, что субъективные и объективные показатели одинаково важны. Эксперты предлагают целый набор индикаторов оценки благосостояния: от уровня дохода и качества здравоохранения и образования до состояния окружающей среды и безопасности жизни [18].

Введение в категорию производительности субъективных личностных факторов значительно усложняет оценку эффективности труда. В социальных науках под оценкой обычно понимают процесс определения полезности, значимости, ценности определенного объекта для субъекта. Потребности служат критерием оценки результата потребления как полезного или бесполезного, в то время как осознание потребностей далеко не всегда происходит на сознательном уровне, т.е. оценки полезности могут быть и ошибочными. Наиболее проблемной в раскрытии сущности оценки нам видится категория ценности. Развивая дискуссию, мы можем предположить, что именно ценности определяют характер и качество труда, формируют систему показателей его оценки.

Показатели качества жизни населения

Факторы качества жизни населения	Основные показатели
Экономика	ВВП / ВНП на душу населения, уровень среднедушевого конечного потребления, средняя стоимость потребительской корзины, структура налогообложения, показатели инфляции, производительность труда
Социальная и политическая среда	Политические права и гражданские свободы, уровень безработицы, уровень коррупции, уровень преступности, уровень расходов на программы поддержки социально незащищенных слоев населения к ВВП / ВНП
Здоровье и демография	Показатели рождаемости и смертности, динамика численности населения, структура населения, средняя продолжительности жизни, уровень расходов на здравоохранение к ВВП / ВНП, показатели заболеваемости по отдельным группам риска
Наука, образование и культура	Уровень расходов на науку к ВВП / ВНП, уровень расходов на образование к ВВП / ВНП, показатели прироста изобретений/патентов/ноу-хау и их внедрений, уровень расходов на культуру к ВВП / ВНП
Инфраструктура	Обеспеченность жильем, энергообеспеченность, протяженность и качество автомобильных и железных дорог, показатели авиасообщения, структура социальной инфраструктуры (детские сады, школы, спорт и т.д.)
Экология и окружающая среда	Показатели вредных выбросов в атмосферу, доля загрязненных вод, масса токсичных отходов, площади озеленения городов, площади заповедников и национальных парков
Счастье	Показатели субъективной оценки жизни каждым индивидом. Наиболее сложны в изучении, но, тем не менее, оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие

Удовлетворенность субъекта результатами труда связана и с тем, на основании каких предпосылок он определил ценность этих результатов. По теории ожиданий, предложенной В. Врумом, для индивида крайне важно, чтобы его работа вызывала чувство удовлетворения, а вознаграждение соответствовало результатам труда [19. С. 45].

В то же время удовлетворенность индивида определяется качеством жизни, которое в свою очередь зависит от качества труда. Подтверждение гипотезы о взаимосвязанности этих категорий находим в работе М. Тодаро [2], который доказал, что низкая производительность труда и низкий уровень жизни являются взаимно усиливающими явлениями, что затрудняет развитие стран третьего мира. Он объяснил причины низкой производительности труда в этих странах дефицитом физического капитала, управленческого опыта, слабым привлечением иностранных инвестиций, неподготовленностью трудовых ресурсов. Многое проистекает от медлительности институциональных и социальных преобразований [20. С. 58].

Как и в случае с производительностью, в литературе не существует общепринятого толкования качества жизни. На наш взгляд, лучше всего выражает сущность категории определение, предложенное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): качество жизни – восприятие индивидом его положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых индивид живет, и в связи с целями, ожиданиями, стандартами и интересами этого индивида [21. С. 109].

Таким образом, под эффективностью труда будем понимать интегральный динамический показатель, отражающий оценку изменения суммы показателей производительности труда, качества труда, качества жизни всех вовлеченных в процесс труда и пользующихся его результатами заинтересованных сторон. Рост эффективности труда призван обеспечить повышение качества труда и качества жизни индивида и, следовательно, служит мощным внутренним мотивом к труду.

Истинная сущность категории эффективности труда нам видится в ее двойственной природе. С одной стороны, эффективный труд призван обеспечить баланс в удовлетворении экономических, социальных и духовных потребностей общества. С другой – соответствовать возрастающей динамике развития мировой экономики и ее вызовам: глобализации, экономическим кризисам, истощению природных ресурсов, возрастанию экологической нагрузки и т.д. Эффективность труда проявляется в совокупности его свойств. Свойства труда, в свою очередь, характеризуются количественными и качественными параметрами. Оценка эффективности труда представляется многогранной и крайне сложной задачей. Необходима разработка методологии системного учета различных ее аспектов. Именно поэтому научный поиск должен продолжаться…

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экономика* труда: социально-трудовые отношения : учеб. / под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. М. : Издательство «Экзамен», 2006. 736 с.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1935. 475 с.
3. *Курс* экономической теории / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров : АСА, 2001. 752 с.
4. *Киреев А.П.* Прикладная макроэкономика. М : Международные отношения, 2006. 454 с.
5. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. М. : Прогресс, 1984. 310 с.
6. *Холопов А.В.* История экономических учений. М. : Эксмо, 2008. 445 с.
7. *Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
8. *Николаев А.Б.* Теория трудовой стоимости и современность. М. : Международные отношения, 2003. 191 с.
9. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда. М. : Норма, 2007. 448 с.
10. *Петрухин В.С.* Менеджмент XXI века. Пропедевтика, теория и практика высшей производительности труда: Руководство для бизнеса. М : Зеркало, 1998. 280 с.
11. *Эмерсон Г.* Двенадцать принципов производительности. М. : Экономика, 1992. 217 с.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1973. Т. 23. 594 с.
13. *Кен Х.* Принципы менеджмента. Управление в системе цивилизованного предпринимательства. М. : ИНФРА-М, 1996. 221 с.
14. *Хейлбронер Р.* Экономика для всех. Тверь : Фамилия, 1994. 271 с.
15. *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М. : Международные отношения, 1993. 896 с.
16. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1980. Т. 29. 782 с.
17. *Абалкин Л.И.* Производительность общественного труда / Л.И. Абалкин, Г. Шульц, В.С. Дунаева и др. М. : Мысль, 1987. 259 с.
18. *Stiglitz J.* The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited – Reflections and Overview J. / Stiglitz, A. Sen, J.P. Fitoussi. Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, 2009. URL: http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/overview-eng.pdf.
19. *Травин В.В.* Мотивационный менеджмент / В.В. Травин, М.И. Магура, М.Б. Курбатова. М. : Дело, 2005. 95 с.
20. *Тодаро М.* Экономическое развитие. М. : Экономический факультет МГУ; ЮНИТИ, 1997. 671 с.
21. *Бурова Т.А.* Качество жизни: краткий словарь / Т.А. Бурова, Е.Е. Задесенец, Г.М. Зараковский и др. М. : Смысл, 2009. 167 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 142–148 DOI: 10.17223/15617793/376/27

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9

А.В. Быкова

РАЗРАБОТКА ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА КАК НОСИТЕЛЯ ПРИЧИННОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Формирование субъекта профессиональной деятельности в образовательном процессе вуза»), проект № 12-16-63001.

Анализируется ситуация введения понятия субъекта в российскую психологию. Рассматриваются основные подходы к определению понятия субъекта в психологии. Показано методологическое различие тезисов «субъект – носитель активности» и «субъект – источник активности». В контексте определения понятия «субъект» рассмотрено содержание понятий «мотив», «воля», «произвольность». Проанализирована традиция трактовки субъекта как носителя причинности, изложены взгляды В.А. Петровского. Дано определение понятия субъекта как источника произвольной активности индивида, введенное на основе родового понятия «ситуация».

Ключевые слова: субъект; личность; сознание; активность; деятельность; источник активности; причинно-следственные ряды; воля; ситуация.

В современных словарях и энциклопедиях термином «субъект» обозначается по преимуществу действующий и познающий человек. Действия субъекта фактически всегда являются актами, процессами взаимодействия человека со средой как с объектом, причем взаимодействие выступает частным случаем отношения, реализованного в физической области явлений. Акты действия и познания предполагают два атрибута субъекта – активности и сознания, без которых невозможно целенаправленное действие и осознанное отражение. В процессе взаимодействия субъект и объект изменяются, следовательно, изменяются и отношения между ними. Иными словами, акты действия и познания описываются не отношениями, а изменениями отношений. Всякое действие субъекта вызывает определенную реакцию объекта, которую субъект воспринимает. При этом надо учитывать и активность среды. Субъект не только познает, но и познаётся в различных формах своей активности. Таким образом, можно сказать, что субъект – это носитель активности [1].

Субъект – это активный источник новых качеств в образовательном процессе, объект – взаимодействующий с ним материал и результат активности. Выделенная функционально-сущностная неравнозначность полюсов необходима для создания познавательной позиции и самоопределения исследователя – носителя духовно-творческой энергии человечества, предстоящего неодушевленному предмету.

Начатая тема соотношения культуры и социума, субъекта – пока еще преимущественно философско-методологическая. Философия отрефлексировала разные познавательные отношения к миру, которые могут быть реализуемы в анализе образовательного процесса. Среди них натурализм (взаимодействуют две природные системы), субъективизм (объект обусловлен структурой познающего его сознания), материализм (объект онтологически первичен, а субъект является материальным существом), диалектика.

Наиболее мощный, диалектический подход предполагает, что субъект-объектные отношения историчны и включены в общественную практику; отражение субъекта активно и в разной степени осознанно; знание не абсолютно совпадает с формой наличных отношений между объектом и субъектом.

Философия понятиями субъекта и объекта отвечала на вопрос, где активное и где страдательное начала происходившего с человеком и вокруг него. Психология как рассуждение о человеке с помощью научных факторов и технических средств тоже отвечает на этот вопрос.

Психология наших дней идёт вслед за философией в том смысле, что ищет предварительного ответа на вопрос «кто активен?» в социуме. За 100 лет возникли новые навыки употребления философской категории, которые не так просто «пристегивают» научное мышление к дефинициям «субъект – это дух», «субъект – это человек» или «субъект – это деятель». Появился разветвлённый эмпирический аппарат психологического исследования, который объективизирует субъективность испытуемого, т.е. превращает в набор измеряемых качеств. Особенность психологии в том, что это наука о субъекте, который берётся ею как объект исследовательских манипуляций. Предмет постулируется как внешний законодатель процесса, он не может выступать как реальный социальный элемент объективации-субъективации в эксперименте. Психологическое теоретизирование двойственно, оно «импортирует» понятие субъекта как теоретически готовый продукт. С другой стороны, оно не может не отражать в этом понятии практику обслуживаемой им теоретико-эмпирической системы.

В социальной психологии субъект дифференцируется в соответствии с формами деятельности (субъект труда, познания, общения), ситуацией исследования (субъект экспериментальной активности), дисциплинарным подходом (групповые субъекты социальной психологии). Можно согласиться, что понятие «субъ-

ект» в отличие от обычно употребляемых его значений может быть использовано для характеристики различных форм, различных способов и уровней процесса образования. В этой характеристике не только подчеркивается наличие некоторого объективного отношения, но и определяется его качество. Это понятие субъекта относится не к источнику определенного вида деятельности, оно обозначает качественно определенную детерминацию процессов на определенном уровне.

Социальная психология, являясь теорией о феноменах, порожденных взаимодействием людей, в то же время является сферой социальной практики. Образование также может рассматриваться как одна из ведущих сфер субъективации и объективации, т.е. является социокультурной технологией формирования субъектного уровня психики, а наука социальная психология – как экспериментальная технология формирования субъектного уровня психики. Фактически здесь мы анализируем процессы создания новых надстроек над «материальными» процессами психики человека – процессы, лежащие в основе объективирующей тенденции психики.

Общепсихологическая категория «субъект» занимает ключевое место в концепции С.Л. Рубинштейна [2]. Учёный разработал основополагающие принципы, которые во многом определили дальнейшее развитие этой категории в современной психологии. Важнейшим аспектом этого развития и одной из главных заслуг С.Л. Рубинштейна является отмечаемое в работах К.А. Абульхановой-Славской положение об объективации субъективного, которое доказывается через:

1) включение субъекта в бытие;

2) введение принципа детерминации [1].

С.Л. Рубинштейн выступает против двух тупиковых, с его точки зрения, для психологии направлений: интроспекционизма и гносеологии. Первое, по его мнению, неправомерно отождествляет субъекта с сознанием, тем самым замыкая его на самого себя. Второе сводит понятие субъекта лишь к познанию и проблеме его объективности. С.Л. Рубинштейн рассматривает категорию субъекта в онтологическом плане, хотя и не игнорирует при этом познавательный аспект.

Им выделяются два значения субъективного.

1. «Субъективность в первом исходном её значении связана с принадлежностью всего психического индивиду, человеку как субъекту» [2. С. 61].

2. Субъективность «связана с более или менее адекватным отношением психического к бытию как объекту» [2. С. 62]. Дифференцируя эти понятия, автор чётко проводит границу между субъективностью и субъективизмом.

Тем самым С.Л. Рубинштейн выводит категорию субъекта из гносеологического тупика: «…говоря о познании субъекта, нужно различать субъекта как определённую реальность – человека как сознательное существо, то есть того, кто является субъектом, и понятие субъекта – функцию субъекта, которую он выполняет в процессе познания» [2. С. 165]. Такое понимание позволяет С.Л. Рубинштейну вывести ряд важных характеристик субъекта. Понимание субъекта как субъективной реальности позже стало разрабатываться как одно из направлений психологии субъекта [3].

Субъект понимается как «центр перестройки бытия», его роль состоит в том, что он «своим познанием и действием конструирует бытие»; человек имеет «деятельностную модальность, но она сводится не к деятельности, а к сущности деятеля, который осуществляет её» [1. С. 15–25]. С.Л. Рубинштейн подчеркивает ещё одну важную зависимость: субъект часто сопряжён с понятием личности [2]. Вот что пишет по этому поводу К.А. Абульханова-Славская: «для Рубинштейна характерно понимание субъекта как основания связи сознания и деятельности: данная связь образуется личностью» [1. С. 31]. Таким образом, смысл разделения субъекта и личности в том, чтобы различить носителя психической активности и социокультурные качества этой активности.

Такого же мнения придерживается А.В. Петровский: «Субъект – носитель активности. Личность – системное качество, приобретаемое субъектом в предметной деятельности и общении, характеризующее его со стороны включенности в общественные отношения» [10. С. 100].

Таким образом, личность есть системное качество активности субъекта, а субъективность – элементарное состояние сознательность отражающее «человеческую» активность. Например, одной из наиболее важных характеристик личности, выступающих как высший уровень активности субъекта, наряду с инициативой, является ответственность. «Ответственность человека не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет, станет, за себя самого, за то, что он есть, поскольку то, что он сейчас есть, – это в какой-то предшествующий момент его жизни было тем, что он будет» [2. С. 102].

Произошло разделение активности (проявления) от своей сущности (носителя). Однако, на наш взгляд, нельзя признать активность бессубъектной, даже если человек не осознает себя в качестве причины собственной активности, так как саморефлексия – один из видов активности субъекта, не тождественный тому акту, на который она (рефлексия) направлена. Иными словами, человек субъектен (и поэтому субъективен) во многих своих актах, включая акт самопознания. Благодаря тому, что субъект полагает начало причинно-следственным рядам, он потенциально способен и к осознанию себя в качестве причины тех актов, которые ранее не осознавались, но связь сознания и деятельности осуществляется личностью. Источник активности и носитель едины. Например, эмоции: если в рефлексивном акте субъект полагает себя пассивно переживающим действие эмоций, то он и не пытается совладать с ними, если же он осознает себя в качестве причины эмоций и хочет изменить или сохранить свое эмоциональное состояние, то занимает позицию, необходимую для саморегуляции. Способность субъекта занять такую позицию обусловлена (помимо его системообразующего качества – творческой способности полагать начало причинно-следственных рядов) наличием у личности соответствующих знаковых средств (знаний). Последние способствуют не только расширению, но и ограничению активности субъекта. Применение знаний автоматически не определяется самими знаниями и является творческой задачей, решаемой человеком всякий раз в неповторимой ситуации.

Таким образом, для признания субъектности важнее факт порождения нового следствия, нежели осознание этого следствия. Благодаря тому, что субъект полагает начало причинно-следственным рядам, он всегда способен и к осознанию себя в качестве причины тех актов, которые ранее не осознавались. Новые причинно-следственные цепочки реализуются в деятельности, они даны субъекту в сознании, связь же сознания и деятельности осуществляется личностью.

В начале XX в. в разработку категории «субъект» также большой вклад привнесла концепция «человека как активного деятеля» М.Я. Басова [4]. В структуре человека М.Я. Басов выделяет две составные части (правда, постоянно подчеркивая условность такого выделения): 1) организм сам по себе; 2) деятель в окружающей его среде. Первая составляющая может быть четко соотнесена с понятием индивида, так как, рассматривая развитие организма самого по себе, М.Я. Басов определяет его как биологическое развитие, которое имеет собственный фиксированный в себе источник [4].

Это понятие деятеля в окружающей среде М.Я. Басова соответствует пониманию субъекта как носителя активности. Качество человека как деятеля появляется в его развитии с самого рождения. Он постоянно подчеркивает: «…человек в отличие от животных не только сам приспособляется к среде, но и приспособляет среду к себе, воздействуя на нее и преобразуя её в процессах своего труда с помощью искусственных орудий труда. Последнее делает его не просто деятелем в среде, но активным деятелем» [4. С. 224–225]. Словосочетание «активный деятель» тавтологично: слово *активный* происходит от латинского *actus* – «действие»; получается «действующий деятель». Мы можем назвать кого-либо деятелем в силу того, что он действует, и постольку, поскольку он действует.

М.Я. Басов использует понятия деятеля и субъекта в смысле, соответствующем различию источника активности (того, кто выступает исходной точкой определенного вида активности) и исполнителя (того, кто реализует некоторый вид активности в определенной предметной, социальной или культурной среде): «Готовность человека к тому, чтобы быть субъектом собственного исследования, растет вместе с необходимостью в этом на пути возрастающей сложности его как деятеля в среде» [4. С. 244].

М.Я. Басов хотя и приписывает характеристику деятеля всем живым организмам, при рассмотрении собственно человеческих свойств обращает внимание, что «и организм, и среда выступают перед нами с новыми качествами, проистекающими из их социальной природы. Говоря о человеке, мы должны мыслить его всегда как общественного человека, и равным образом окружающая его среда есть, прежде всего, среда человеческого общества» [4. С. 223]. И источник развития человека как деятеля в среде (или психологического развития) может лежать вне его организма, в «закономерно организованной действительности» [4]. Это сближает понятие деятеля в среде с категорией личности.

Говоря о соотношении категорий личности и субъекта, В.А. Татенко замечает, что личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот. Соотношение субъекта и индивидуальности особенно для него важно. Он делает вывод о том, что индивидуальность не достигается, она творится субъектом. Таким образом, в отличие от Б.Г. Ананьева он не считает индивидуальность высшей целостностью в структуре человека. По его мнению, именно категория субъекта интегрирует все другие, связывая их в единую систему [7].

Сдвиг смысловых установок личности, считают Е.И. Фейгенберг и А.Г. Асмолов, всегда опосредствован изменением деятельности субъекта. Отсюда и следует основная идея общего методического принципа опосредствования смысловых образований личности. «Она состоит в том, что для перестройки и коррекции мотивационно-смысловых образований личности необходимо выйти за их пределы и изменить личностно-значимые деятельности, порождающие эти образования. Из подобного понимания психологической природы воспитания вытекает и то, что перерождение личности всегда идет через изменение деятельности, в том числе и деятельности общения» [5].

Поле значений категории «субъект» может быть определено через ряд понятийных оппозиций, выделенных в результате последовательного дихотомического анализа существующих представлений. Дихотомический анализ, однако, не позволит нам рассмотреть гетерохронные, асимметрично связанные разноуровневые понятия (например, понятия причины и следствия), описывающие процессы субъективации.

В исследовании Н.В. Богданович анализируются концепции отечественных психологов путем выделения вначале особенностей понимания тем или иным ученым категории субъекта, а затем сравнения с отношением других авторов к данной идее [6. С. 88]. Первую оппозицию Н.В. Богданович определяет как «сохранение – изменение». В данной оппозиции описывается противостояние «непрерывности, недизъюнктивности внутреннего субъективного мира» (Г.И. Челпанов, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская) – прерывности, «исчезновения субъекта» вместе с деятельностью (В.А. Петровский) [6. С. 9]. Рассматриваемая Н.В. Богданович оппозиция «целостность – множественность» является вариантом первой.

Вторая оппозиция – «осознанность (Л.И. Божович) – неосознаваемость (А.В. Брушлинский)» – формулируется в виде проблемы: может ли человек быть субъектом, не осознавая этого. Основными аргументами в пользу обеих позиций служат данные возрастной психологии о сравнительно позднем генезе самосознания у ребенка. А.В. Брушлинский интерпретирует их как свидетельство первичности субъекта сознательной активности и вторичности его способности к самосознанию, а Л.И. Божович интерпретирует эти же данные как онтогенез субъекта психической активности и деятельности.

Третья оппозиция – «субъект индивидуальный или коллективный (В.М. Бехтерев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Филиппов) – только индивидуальный» (В.А. Татенко). Аргументом в пользу отраженной коллективной субъектности служат социальные стереотипы.

Четвертая оппозиция – «позиция (Л.И. Божович, Б.Ф. Ломов) – диспозиция (К.А. Абульханова-Славская)» – выступает в поиске тех критериев и той грани, которыми определяется превращение человека в субъекта. Понятием диспозиции К.А. Абульханова-Славская подчеркивает значимость проблемного осмысления действительности как важного критериального признака субъектности [6. С. 90].

Пятая оппозиция – «свобода (И.М. Сеченов, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе) – детерминизм (фрейдизм, бихевиоризм, французская школа психологии)». Суть её состоит в том, является ли человек автором своей жизни или, наоборот, управляется её обстоятельствами. Словосочетание «субъектная активность» имеет смысл уровня развития активности, с которого начинается ответственность (К.А. Абульханова-Славская), поэтому Н.В. Богданович определяет данную оппозицию так: «свобода – ответственность», рассматривая качественные характеристики активности как критериальные признаки субъекта [6. С. 90–91].

Оппозиция «настоящее – прошлое», по мнению Н.В. Богданович, характеризует сложившееся в зарубежной психологии представление, что категория субъекта приобретает временную протяженность [6].

Соответственно, возникает дискуссия о том, какое время играет решающую роль в детерминации поведения человека и его развитии: прошлое, с его психотравмирующими ситуациями и полезными навыками; настоящее, с его экзистенциальными, аутентичными или трансперсональными переживаниями; или будущее, с его целями и проектами?

В отечественной психологии существует несколько попыток обоснования взаимосвязи категории субъекта с психологическими категориями личности, индивидуальности, индивида. Наиболее ранней является схема Б.Г. Ананьева (рис. 1).

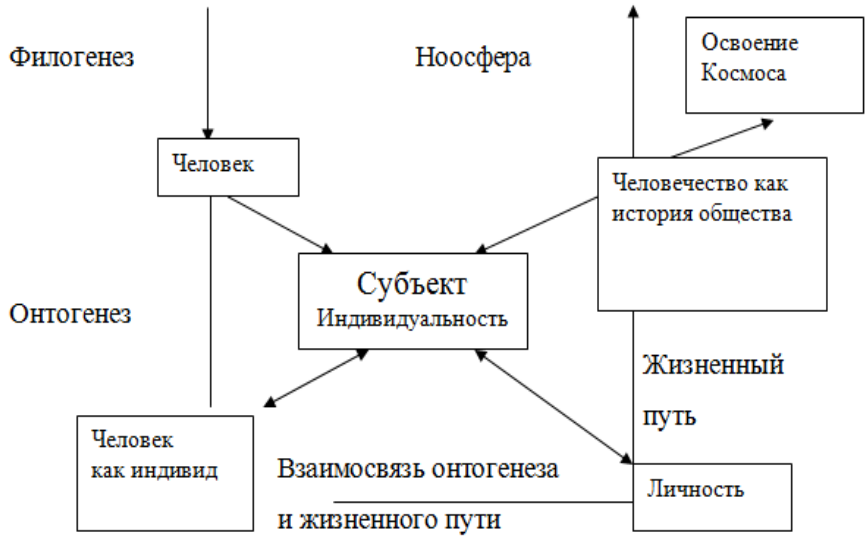


Рис. 1. Общая структура человека и взаимосвязь развития его свойств (Б.Г. Ананьев)

Главное отличие субъекта от личности, по Б.Г. Ананьеву: субъект «характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности», а личность – «через совокупность общественных отношений и определяемой ими позицией в обществе» [7. С. 247].

Г.В. Акопов считает, что в содержании сознания центральное место занимает система отношений, так как «в зависимости от нее мотивируется деятельность, ставится цель, приобретаются знания, определяется аффективная сторона деятельности, формируется самосознание» [8. С. 53].

Центральное положение в сознании, которое Г.В. Акопов отводит системе отношений, не позволяет трактовать эти отношения в терминах «индивид – среда» или «личность – общество»: в первом случае будет неоправданным использование категории сознания, а во втором – центрального положения. Срединное положение и детерминирующая роль системы отношений позволяют определить её только как систему отношений субъекта.

Сходной позиции придерживается В.А. Ганзен, называя термином «отношение» контакты субъекта с субъектом и субъекта с объектом [9]. К разновидностям отношения он относит взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия и рассматривает как отношения «основные психические явления: перцепцию, аффект, волю, мышление» [9. С. 21].

В.А. Ганзен и Г.В. Акопов пользуются структурно-функциональным подходом к категории отношения. В.А. Ганзен типологизирует психическую активность субъекта путем структурирования всех психических процессов вокруг четырех функций субъекта, а Г.В. Акопов изучает детерминирующую роль этих же субъектных функциональных отношений в сознании и деятельности (таблица).

Продолжая традицию Б.Г. Ананьева и стремясь дать системное описание человека, В.А. Ганзен также предложил свою схему соотношения категорий индивида, субъекта, личности и индивидуальности (рис. 2). Он называет эти категории «макрохарактеристиками человека, отражающими различные стороны его сложной природы» [9. С. 18].

Сопоставительный анализ подходов В.А. Ганзена и Г.В. Акопова к системе субъектных отношений

Функции субъектных отношений в структуре психических процессов (по В.А. Ганзену)	Результаты реализации субъектных отношений в деятельности (по Г.В. Акопову)
Перцепция	Приобретаются знания
Аффект	Определяется аффективная сторона деятельности
Воля	Мотивируется деятельность, ставится цель
Мышление	Формируется самосознание

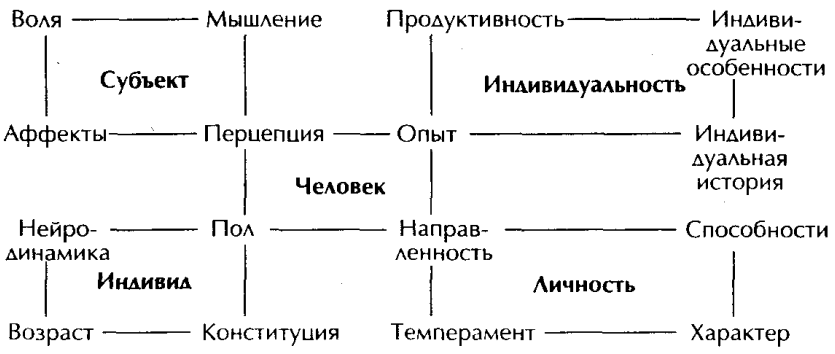


Рис. 2. Метаструктурное психологическое описание человека (В.А. Ганзен)

В.А. Ганзен выделяет следующие соотношения между категориями: «На схеме правая сторона отражает социальные характеристики человека как личности и индивидуальности, а левая – его природную, биологическую основу. Доминирующая роль социального компонента проявляется в общественной природе индивидуального сознания человека как субъекта. <…> Категории индивида и личности характеризуют преимущественно интегративные отношения человека, а категории субъекта и индивидуальности – наоборот, дифференцирующие отношения человека в окружающей его среде» [9. С. 158]. Субъект, согласно описанию В.А. Ганзена, может проявлять себя в четырех психических функциях: перцепции, аффекте, воле и мышлении.

В.А. Ганзен отождествляет волю с мотивацией, с чем нам трудно согласиться. Мотив как осознанная опредмеченная потребность играет роль побудителя к действию. Но, как известно, мотив не обязательно связан с волевой активностью. Нередко человек не может избавиться от мотива (осознанной опредмеченной потребности), объясняя это недостатком воли (например, курильщик о мотиве курения).

В современной психологии сложилось несколько разных точек зрения на соотношение понятий произвольности и воли. Можно назвать многих авторов, употребляющих эти понятия в одном и том же значении сознательной саморегуляции поведения, противопоставляющих волю аффекту (Л.С. Выготский, К.М. Гуревич, К.И. Непомнящая). Воли у организма, наделённого бессознательной психикой (как у высших млекопитающих), нет и быть не может. Функцию воли у них выполняет эмоция. Воля происходит из социального источника – власти (М. Фуко).

Другая распространенная точка зрения состоит в том, что воля – это высшая форма произвольного поведения, а именно произвольное действие в условиях преодоления препятствий. Для произвольной регуляции характерна сознательная целенаправленность поведения, а для волевой – преодоление трудностей и препятствий на пути к цели (В.К. Котырло).

Когда воля проявляет себя в мотивационной сфере психики, можно наблюдать целенаправленное поведение, совершаемое вопреки мотивационным установкам: так, имеющий цель похудеть старается не есть, хотя пищевая мотивация для него может быть весьма актуальной. Воля – это модус бытия субъекта; она может проявляться везде, во всех сферах психики, куда проникает рефлексия (произвольное внимание, представление, воображение, мышление, установки) как привнесение причины.

Воля либо усиливает существующую установку для преодоления сопротивления внешней среды или других актуализированных в ситуации установок, вступающих в противоречие с первой, либо вступает с этой установкой в конкурирующие, реципрокные отношения. Например, если действие детерминировано аффективно – ни воля, ни осознанность не требуются: так живут многие животные. Будучи обеспеченной аффективно, связь между перцептивным образом и действием может воспроизводиться даже без субъективного контроля, «автоматически».

Действие субъекта оказывается возможным вопреки инстинкту или любой другой программе, эмоционально связывающей определённые перцептивные образы (предметы восприятия или представления) с определённым поведением, благодаря способности рефлексивно удерживать актуальный социокультурный смысл связи между образом и мотивом как конкурирующий существующей установке. Иными словами, воля выполняет функцию «дополнительного аргумента» новой социокультурной установки, пока она не усвоена эмо-

ционально, так же, как аффект выполняет функцию «основного аргумента» инстинктивной предрасположенности или «дополнительного аргумента» прежде усвоенной смысловой установки.

Оппозиция аффекта и воли не постоянна. Сильный аффект может овладеть волей человека; поступки, совершённые под влиянием аффекта, экспертами могут рассматриваться как непроизвольные, не влекущие моральной и иной ответственности личности. Воля может подчинить себе аффект, тогда эмоциональное состояние человека не тормозит волевое действие, а наоборот – энергетически подпитывает его доминанту.

Историческая психология свидетельствует о том, что род действует как нерасчлененное целое, как субъект общей нерасчлененной воли. Воля рода была освещена самосознанием, имела форму табу, морального запрета, и в силу этого выполняла роль регулятора исполнения обрядов, традиций и норм. Индивид в таком обществе даже не помышляет о собственной воле. Даже в отношении с младшими по статусу он реализует не собственную, но социальную волю рода, существующую в традиционных представлениях и ролевых предписаниях. Не могло быть и речи о принятии или непринятии воли рода отдельными индивидами или о внутреннем моральном конфликте.

Интериоризация субъектом волевых качеств личности изменяется по мере демократизации общества, но воля индивида всегда контролируется и направляется множеством разноуровневых социальных инстанций, включая волю к активности не только в социальной (производственной, досуговой, сексуальной), но и в наиболее интимной интрапсихической сфере (контроль собственной «нормальности», искренности, греховности и т.п.). Рефлексия этого контроля позволяет субъекту освобождаться от него через коммуникацию с носителями норм и образцов иных сообществ. Результатом такой эмансипации становится не только возможность эскапизма, «бегства» в асоциальные, антисоциальные формы поведения, которые контролируются не менее жёстко, чем просоциальные, но и просоциальное проектное отношение к обществу в целом и отдельным социальным общностям, и группам, и к самому себе, что представляет собой высшую ценность гражданского общества. Таким образом, свобода воли из смыслового конструкта через социальное признание и контроль интериоризируется в факт психической жизни индивида, самоопределения и целеполагания личности.

Традиция в трактовке субъекта как носителя причинности восходит к философии Аристотеля, И. Канта, А. Бергсона и воплощается в теоретико-психологических разработках и экспериментальных исследованиях В.А. Петровского.

«Быть субъектом», утверждает В.А. Петровский, – это быть носителем свободной причинности, которая уже была охарактеризована им вслед за И. Кантом как «causa sui» (лат. – «причина себя»), «то есть возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд» [10. С. 14]. Из этого понимания следует, что «субъект» так относится к «свободной причинности», как «сущее» к «способу своего существования», и таким образом, интуитивно, субъект есть нечто такое, что само воспроизводит свое бытие в мире [10. С. 15].

«Стимул, в котором идеально предсуществует “реакция”», «текст» как побудитель предстоящего действия, наследуемая биологическая информация, «геномы культуры» – все, что предпослано человеку в качестве идеальной записи его будущих акций, превращают его лишь в носителя, или, как выражается В.А. Петровский, «агента» активности, подлинный субъект которой находится в стороне [10. С. 54].

В.А. Петровский выделяет две сферы существования субъектности человека: его «присутствие» как субъекта в других людях (отраженная субъектность в других) и его «присутствие» как субъекта в себе самом [10. С. 154].

В.А. Петровский описал также три основных, генетически преемственных формы проявления отраженной субъектности: 1) запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний (это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека); 2) отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой; 3) отражаемый индивид выступает как претворенный субъект [10. С. 155–158]. В этом последнем случае отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что Я этого последнего оказывается внутренним и радикальным образом опосредовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. К области заранее не запланированных влияний одного человека на другого относится и отраженная в каузальном атрибутировании поведения другого человека его (другого) способность быть субъектом психической активности.

Помимо форм существования, В.А. Петровский выделяет ещё четыре «ипостаси Я индивида», соответствующие четырем типам причин по Аристотелю (материальная, актуальная, финальная и формальная причины).

Таковы следующие ипостаси Я индивида, по В.А. Петровскому [10. С. 34]:

1. «Имманентное Я» (единство движущего и движущегося – «Я как самодвижение», существующее в настоящем пространстве и времени); ему соответствует causa sui в значении «материальной причины».

2. «Идеальное Я» (единство представляющего и представляемого – «Я как представление о самом себе», существующее в идеальном пространстве и времени); ему соответствует causa sui в значении «формальной причины».

3. «Трансцендентальное Я» (единство мыслящего и мыслимого – «Я как мысль о себе», существующее вне пространства и времени); ему соответствует causa sui в значении «актуальной причины».

4. «Трансфинитное Я» (единство переживающего и переживаемого – «Я как переживание себя», образующее совершенное пространство и время); ему соответствует causa sui в значении «целевой причины».

Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно его предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и, вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг causa sui.

Таким образом, мы можем зафиксировать два модуса активности субъекта: 1) произвольное действие и 2) рефлексия (осмысление).

Субъект активности может появиться только в рамках традиции определения субъектности через источник причинности. Субъект – источник произвольной активности индивида, направленной на социокультурные по природе объекты-ситуации. Внешне наблюдаемое поведение при этом имеет как субъектный, так и объектный компоненты, взаимосвязь между которыми имеет темпоральную природу.

Выявленные аспекты активности субъекта в рамках системы образования запускают развитие его участников, протекающее в рамках образовательного процесса. Они же определяют качественное состояние образовательного процесса и детерминируют динамику становления субъекта профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Е.В. Шорохова М. : Наука, 1969. С. 3–72.
2. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. 308 с.
3. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Издательство «Канон +», 2002. 422 с.
4. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1975. 432 с.
5. *Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г.* Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии». 1994. № 6. С. 74–75.
6. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии : дис. … канд. психол наук. М. : Институт психологии РАН, 2004. 170 с.
7. *Ананьев Б.Г.* Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. Л. : ЛГУ, 1967. С. 235–249.
8. *Акопов Г.В.* Социальная психология образования. М. : Московский психолого-социальный институт ; Флинта, 2000. 296 с.
9. *Выготский Л.С.* Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. 366 с.
10. *Петровский В.А.* Личность: Феномен субъектности. Ростов-на-Дону, 1993. 212 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 августа 2013 г.

УДК 37.013.2.377

О.Н. Калачикова

ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА» В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЕМ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Стратегия гуманитаризации управления инновациями в образовательном учреждении» при поддержке РГНФ (проект № 13-06-00703).

Представлены результаты эмпирического и теоретического анализа понятия «управленческая поддержка». На материале исследования составлена характеристика задач управления образованием, объединяемых понятием «управленческая поддержка».

Ключевые слова: управление образованием; управленческая поддержка; задачи управления инновациями в образовании; образовательные инновации.

Усиление внимания общества к проблемам образования является неотъемлемой характеристикой современной социальной ситуации. Важными характеристиками глобальных социальных изменений являются новая роль теоретического знания, рост технологических нововведений, переход от производства товаров к производству услуг, появление интеллектуальных технологий, создание и использование которых основано на коммуникации и взаимодействии людей [1]. Глобальные социальные процессы стимулируют изменения в образовании, становление представления об образовании как смысловой коммуникации, совместной деятельности, пространстве конструирования социальной реальности, формируют контекст понимания нового качества образования, которое связывается с достижением образовательных результатов, развитием общекультурных и профессиональных компетенций, а также рядом личностных и деятельностных приростов, возникающих в образовательном взаимодействии субъектов образования. Представления о новом качестве образования определяют изменение содержания и задач управления образованием, актуализируют необходимость исследований в этой области. В практику управления входят новые понятия и категории, которые отвечают потребности в решении управленческих задач современного образования. Одним из них является понятие «управленческая поддержка».

Цель нашего исследования – конкретизация представления о содержании и возможностях включения понятия «управленческая поддержка» в управление образованием. В ходе исследования мы проанализировали опыт инновационных образовательных практик, где уже используется это понятие, и составили эмпирические характеристики управленческих задач и условий их возникновения в практике образовательных учреждений. Нам было важно установить, чем вызвано обращение к данному понятию и какой смысл имеет поддержка в управлении образованием. Материалом для исследования послужили опубликованные материалы о деятельности инновационных школ Томской области) [2. С. 79–181]. Это школа № 49 г. Томска «Школа совместной деятельности» (Г.Н. Прозументова, Л.А. Сорокова), гимназия № 77 г. Северска (Т.В. Стецюк, С.П. Шуляева), школа «Эврика-развитие» г. Томска (Т.М. Ковалёва, Л.М. Долгова). Они позволяют осуществить реконструкцию инновационного опыта управления. Кроме того, мы систематизировали различные теоретические работы по педагогике, в которых используется понятие «поддержка», обсуждаются проблемы управления, вызванные необходимостью достижения нового качества образования.

Эмпирический анализ опыта управления в инновационных образовательных учреждениях показывает, что исследуемые учреждения имеют несколько схожих характеристик, которые способны оказать влияние на содержание и задачи управления. Важной характеристикой является ориентация инновационных школ на инициативы участников образовательного взаимодействия. Обращение к понятию «поддержка» в практике инновационных школ происходит в связи с необходимостью решения задачи создания условий для появления и реализации *образовательных инициатив* разных участников образования. Как видно из материалов, все исследуемые школы занимаются организацией образовательных событий. Образовательное событие выступает в них условием порождения инициатив, «местом встречи» и формой жизни образовательной практики. В разных образовательных практиках мы встречаем множество событий, выполняющих функцию поддержки инициатив, например, «Творческая конференция» (Северская гимназия), «Сентябрёвка», клуб «Интеллект», «Олимпиада РО» (школа «Эврика-развитие», г. Томск), конференции «Проектирование Я-пространства в старшей школе», «Педагогика совместной деятельности» (школа № 49, г. Томск).

Анализ опыта инновационных школ позволяет фиксировать, что образовательные события стали местом рождения образовательных замыслов педагогов и детей. Образовательные события прочно закрепились в практике инновационных школ. С точки зрения управления образовательным учреждением их нельзя отнести к задачам организации учебной или воспитательной работы. События оказывали влияние на жизнь и практику школы в целом. В событиях формировались новые профессиональные компетенции учителей, разрабатывались инновационные проектные замыслы, происходило формирование образовательных результатов детей. Сами события оказывались вне «формата» жизни учреждения, и их организация требовала специальных управленческих умений и средств. Например, образовательные события в школе «Эврика-развитие» разрабатывались и осуществлялись посредством «тьюторских проектов». Таким образом, создание условий и поддержка образовательных событий вошли в число задач управления образовательным учреждением.

Поддержка организации образовательных событий определила включение в содержание управления изменений учебного режима учреждения. Как видно из материалов, инновационные школы в связи с циклами образовательных событий вносили изменения в режим жизни школы на учебный год. Образовательные события не становятся в этих школах «элементом воспитательной работы», а выступают в качестве самостоятельной формы жизни школы и учреждения, где решаются образовательные и проектные задачи всех участников образовательного взаимодействия. Собственно событие становится средством поддержки образовательного взаимодействия. Это поддержка «инициативной составляющей» жизни инновационной школы. На примере организации событий мы видим, что управление образованием переходит от регулирования образовательного процесса к организации опосредованных форм, оказывающих влияние на деятельность школы в целом, форм, поддерживающих образовательное взаимодействие.

Ещё одним примером возникновения задачи поддержки является организация проектной деятельности. Закреплённый системой образования учебный режим, предметно-тематическая организация учебного процесса весьма сужают возможности проектирования. В связи с этим возникает вопрос о том, как управление обеспечивает возможность проектирования и формирования представления о содержании образования в проектах. Можно увидеть, что объектом управленческого внимания становится содержание совместной деятельности в ходе разработки и реализации проектов. И вновь мы видим создание специальных форм поддержки, например проекты организации совместной деятельности на разных возрастных ступенях школы (в «Школе совместной деятельности», г. Томск). Здесь выделяются специальные этапы совместной проектной и исследовательской деятельности педагогов и детей по реализации образовательных инициатив. Управленческая поддержка проектной деятельности осуществляется и посредством организации проектной недели в «Школе совместной деятельности», где выделен целый блок управленческих задач по организации учебного режима в период проектной недели, по организации образовательной поддержки в ходе её проведения, а также организации экспертно-аналитической поддержки проектирования совместной деятельности педагогов и детей [2. С. 148–149].

В значительной мере появление в практике управления образовательным учреждением представленных выше задач связано с организацией инновационной деятельности. Важными особенностями этой деятельности являются разрушение существующих норм и правил жизни учреждения, повышение степени неопределённости, переопределение функций и позиций в управлении образовательным учреждением, усиление потребности в коммуникации. Сами разработчики инновационных проектов активно используют термин «поддержка» в описании своей инновационной деятельности.

Существенное внимание решению задачи поддержки образовательных инициатив уделено в исследованиях разработчиков концепции Педагогики совместной деятельности [3. С. 15–19]. В этой инновационной образовательной практике сформулирована проблема управления, возникающая в связи с переходом от управления исполнением целей и норм к управлению процессами их порождения и реализации в совместной деятельности. В «Школе совместной деятельности» управленцам удалось различить и охарактеризовать специфику управленческих проблем и задач, связанных с поддержкой образовательных инициатив. Здесь была проявлена и сформулирована проблема перехода от инициирования к реализации образовательных инициатив, требующего специальной поддержки. Управление должно было поддержать процессы целеобразования, наличие множественности целей, создать условия соорганизации целей и замыслов разных участников совместной деятельности. Вот как об этом пишет научный руководитель Школы Г.Н. Прозументова: «Эта естественная характеристика совместной деятельности в образовательной практике в условиях образующихся целей становится существенной трудностью, требующей специальной управленческой поддержки» [4. С. 5].

Применительно к проблемам управления педагогической деятельностью в данной инновационной практике было построено понимание о культуре педагогической деятельности. И переход от эмпирической педагогической деятельности к целеобразующей и смыслообразующей деятельности рассматривался как переход от эмпирической к культурной педагогической деятельности, т.е. деятельности, в которой происходит образование её предмета и цели. Для чего и требовалось создание специальных форм поддержки – поддержки становления новой культуры. В этой связи и происходит переход от использования понятия «управление деятельностью» к использованию понятия «управленческая поддержка».

Реализация инновационного проекта потребовала от управленцев не только создания специальных управленческих условий для участия педагогов в образовании целей совместной деятельности, но и постановки управленческих задач по развитию компетенции педагогов, их способности использовать разные способы образования целей в совместной деятельности с детьми. Управлением были сформулированы задачи и организована деятельность, связанная с разработкой форм совместной деятельности, позволяющих реализовать на практике разные способы образования целей. В качестве инструмента поддержки выступили модели совместной деятельности. Поддержка осуществлялась посредством организации моделирования педагогами школы ситуаций организации совместной деятельности с детьми. В процессе моделирования ситуаций были выявлены основания для различения позиции педагога в совместной деятельности, выявлены характеристики позиции педагога, определяющие выбор им способов организации совместной деятельности [3. С. 27].

Собранный эмпирический материал мы систематизировали в таблице, которая позволяет наглядно увидеть систему задач управления образованием, номинируемых как «управленческая поддержка». Для проведения исследования нами использована методика контекстуального анализа (изучение признаков во взаимосвязи с особенностями контекста) и метод качествен-

ного контент-анализа. Текстовые материалы – это книги о деятельности школ и исследовательские кейсы [2. С. 79–181]. Нами были обоснованы две категории анализа: 1. Формулировка задачи управления; 2. Действия управления, определяемые понятием «управленческая поддержка».

Таблица ключевых слов по категориям анализа

Прецеденты использования понятия	Формулировка задачи управления	Действия управления, определяемые понятием «управленческая поддержка»
Организация образовательных событий («Сентябрёвка», «Сборы старшеклассников», «Фестиваль идей»)	– создать условия для порождения образовательных инициатив; – обеспечить возможность обсуждения замыслов «новой школы»; – обеспечить условия для презентации инициатив детей и педагогов; – создать «места встречи» участников образования вне уроков и школьных регламентов; – создать условия для неформальной коммуникации, «места коммуникации» участников образования	Организация проектирования событий с участием педагогов и детей. Разработка «тьюторского проекта». Изменение режима жизни учреждения по инициативе детей и педагогов. Разработка цикла образовательных событий. Организация планирования образовательной деятельности учреждения согласно намеченным событиям. Информационное сопровождение события, Организация «обратной связи», анкетирования, опросы, рефлексия совместной деятельности участников события
Проектирование совместной деятельности педагогов и детей. На примере «Проектной недели» в «Школе совместной деятельности»	– создать условия для реализации цикла проектной деятельности; – преодолеть ограничения учебного режима предметно-тематического планирования; – обеспечить условия для деятельностного планирования взаимодействия педагогов и детей; – создать условия для реализации проектных инициатив детей и педагогов; – создать условия для формирования компетенций разработки учебного и образовательного проекта у педагогов и детей	Организация с педагогами и детьми разработки проекта «проектной недели». Оформление и презентация проектных замыслов детей и педагогов в школе. Информационное сопровождение «проектной недели». Организация экспертно-аналитического сопровождения проектирования совместной деятельности педагогов и детей (организация детско-взрослой экспертно-аналитической группы). Разработка оснований для экспертизы проектов. Внесение изменений в учебный режим учреждения. Согласование режимов жизни разных возрастных ступеней на период «проектной недели»
Построение и использование моделей совместной деятельности (в «Школе совместной деятельности»)	– способствовать формированию новой педагогической культуры; – создать условия освоения педагогами разных позиций во взаимодействии с детьми; – обеспечить преодоление затруднений в организации совместной деятельности; – создать условия обогащения опыта участия в совместной деятельности педагогов и детей за счёт модельных ситуаций совместной деятельности	Организация анализа взаимодействия педагогов и детей на уроке. Построение эмпирических и концептуальных моделей организации совместной деятельности. Организация моделирования ситуаций совместной деятельности. Разработка и проведение модельных уроков. Разработка на основе моделей норм профессиональной деятельности учителей и критериев оценки профессионализма

В таблице представлены ключевые слова, собранные в текстах трёх кейсов, разработанных в инновационных образовательных учреждениях. В каждом кейсе используется понятие «управленческая поддержка». Это позволяет систематизировать эмпирический материал и выявить эмпирические признаки управленческой поддержки как задачи и содержания управления в инновационных образовательных учреждениях. Из таблицы видно, что ключевыми словами при описании задач управленческой поддержки становятся «создание условий»; «деятельность» (проектная, совместная, деятельностное планирование); «взаимодействие педагогов и детей»; «инициативы». Ключевыми словами по категории «управленческие действия» становятся: «организация», «изменение», «разработка», «с педагогами и детьми», «сопровождение» (экспертно-аналитическое, консультационное). Это позволяет рассматривать «управленческую поддержку» как задачу, сопутствующую задачам управления инновациями и изменениями в деятельности в образовательном учреждении. Важно то, что этим понятием охватывается большинство задач, не связанных с администрированием деятельности учреждения, но связанных с тем, как строится взаимодействие детей, педагогов, управленцев в школах. Множественность упоминаемых задач говорит, с одной стороны, о значимости и потребности введения этого понятия в практику управления, с другой – о «размытости» понятия «управленческая поддержка».

Существенно, что задачи управления формулируются как задачи *организации совместной деятельности*, в которые вовлечены разные субъекты образовательного взаимодействия (педагоги, дети, управленцы). Все зафиксированные действия могут интерпретироваться как *совместные* действия, в которых участвует два и более заинтересованных субъекта. Также можно зафиксировать, что в контексте «управленческой поддержки» большинство действий имеют образовательный смысл и связаны с «формированием компетенций», «преодолением затруднений», «формированием новой культуры», «порождением инициатив», «презентацией замыслов». Это позволяет утверждать, что управленческая поддержка имеет прочные контекстуальные связи с образовательной деятельностью.

Обобщая эмпирический анализ, отметим, что материал позволяет увидеть два содержательных направления, вокруг которых возможно дальнейшее смысловое наполнение задач управления образованием: это поддержка инициатив и личностной активности субъектов образования и поддержка совместной деятельности как условия становления субъекта образования, условия усиления смыслообразования в образовании. Оба эти

направления просматриваются в эмпирическом материале, однако требуют более детального различения и исследования.

Нами также был проведён анализ работ по управлению образованием и педагогике. Он позволяет увидеть, что употребление термина «поддержка» происходит в контексте изменений, преобразований, усовершенствования, развития. Обращение к понятию поддержки происходит по мере расширения влияния концепций «гуманной педагогики». Здесь общим смыслом является ценность и внимательное отношение к ребёнку, создание условий для его личностного развития. При этом проблематика управления оказывается важной, поскольку осуществление гуманистических ценностей в массовой школе, ориентированной на унификацию и массовое обучение, весьма затруднительно. Между тем можем отметить, что разработчиками концепции личностно-ориентированного обучения и педагогики поддержки понятие «управленческая поддержка» практически не используется. При этом проблематика управления рассматривается через вопросы повышения квалификации учителей, разработки личностно-ориентированных педагогических технологий и методик работы [5]. Это непосредственным образом проявляет особенность вхождения понятия «управленческая поддержка» в практику управления образованием. На наш взгляд, она состоит в том, что проблематика управленческой поддержки в первую очередь касается решения задач управления образовательным учреждением как организацией, в которой взаимодействуют разные субъекты образования. Задачи управления фокусируются не столько вокруг взаимодействия учителя и ребёнка, сколько направлены на проектирование образовательного пространства, образовательной среды, образовательных сетей, образовательных сообществ.

Поскольку в современной литературе, в том числе на интернет-сайтах образовательных учреждений, понятие «управленческая поддержка» используется активно, мы провели анализ его смыслового наполнения. Как можно увидеть, термин «поддержка» часто используется как *условие, механизм регулирования образовательного взаимодействия* (поддержка при выборе и проектировании индивидуальных образовательных программ, сервисы для использования возможностей образовательной сети, поддержка взаимодействия между разными уровнями образования).

К формам такой поддержки относятся сайты образовательных учреждений, сайты сетевых образовательных программ, организация online-консультирования, картирование образовательных пространств для создания условий выбора программ и услуг, разработка программ для навигации субъектов в открытом образовательном пространстве и др. Отметим, что наиболее распространённым является понимание управленческой поддержки как определённого *набора сервисов*, или форм, к которым можно обращаться в разных ситуациях. Например, в ситуации выбора, самоопределения, а также в целях осуществления взаимодействия. Такое использование понятия практикуется на образовательных сайтах и порталах, на сайтах высших учебных заведений. При этом речь идёт об информационной поддержке, оказании помощи посредством образовательного портала в проектировании индивидуальных образовательных программ [6].

В настоящее время понятие «управленческая поддержка» активно используется разработчиками стратегии гуманитарного управления (Г.Н. Прозументова, Л.В. Веснина, Н.В. Волкова, Ж.В. Волкова, Е.А. Суханова, Л.А. Сорокова и др.). В работах этих авторов понятие «управленческая поддержка» используется при решении таких задач, как управление образованием норм совместной деятельности; управление процессами институционализации инноваций, управление сетевым взаимодействием; организация образовательной поддержки совместной деятельности педагогов и детей в образовательном учреждении. Этими авторами понятие «поддержка» используется в контексте *управления созданием и использованием потенциала взаимодействия субъектов образования* [7].

Подводя итог, можем отметить, что вхождение понятия «управленческая поддержка» в практику управления образованием обусловлено характеристиками современной ситуации в обществе и образовании. Современные возможности информационного общества, появление в образовании таких субъектов, как инициативные группы, профессиональные сообщества, активность в поиске и потреблении образовательных услуг и программ, взаимодействие разных уровней образования способствовали повышению открытости образования и становлению представлений об образовании как пространстве смысловой коммуникации, целеобразующем взаимодействии субъектов образования. В связи с этим очень востребованным оказывается опыт инновационных образовательных практик, ориентированных на проектирование открытых образовательных пространств. В этих практиках удалось разработать разнообразие форм и средств управленческой поддержки, которые при условии их изучения могут быть использованы для решения актуальных задач управления образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. URL: http://www.postindustrial.net/books/sovremennoe-postindustrialnoe-obshhestvo-priroda-protivorechiya-perspektivy (дата обращения: 02.01.2013).
2. *Изменения* в образовательных учреждениях: опыт исследования методом кейс-стади / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : UFO-print, 2003. 296 с.
3. *Школа* совместной деятельности: концепция, проекты, практика развития / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск, 1997. Кн. 1. 79 с.
4. *Образовательная* программа для педагогов «Педагог – участник и организатор совместной деятельности» / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. Кн. 4. 99 с.
5. *Плигин А.А.* Личностно-ориентированное образование. Авторская концепция. URL: http://www.pligin.ru/conception.html
6. *Сайт* университета в г. Мельбурн, Австралия. Система поддержки обучения. URL: http://www.lms.unimelb.edu.au/support
7. *Взаимодействие* вузов и школ для становления Открытого образовательного пространства: потенциал, проблемы, задачи управления / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Томский государственный университет, 2012. 284 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 10 июля 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 153–156 DOI: 10.17223/15617793/376/29

УДК 159.955

О.В. Лукьянов, Э.А. Щеглова, Ю.Ю. Неяскина

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТРУДОГОЛИКА – ЧЕЛОВЕК, ИЗВРАЩЕННО ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ МЕСТО И РОЛЬ ТРУДА В ЕГО ЖИЗНИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-06-18012е).

Статья написана по результатам экспедиционного психологического исследования риска трудоголизма, проведенного в различных регионах России в 2013 г. В процессе исследования собирались данные о субъективных представлениях взрослых россиян из различных регионов об их жизни посредством наблюдения, интервью и с помощью батареи личностных опросников. Представлена интерпретация части материалов, отвечающих задаче описания общей психологической структуры россиянина, рискующего впасть в трудозависимость. Полученные нами данные позволяют предположить, что риск трудоголизма в современной России связан не только и не столько с «уходом» человека в работу, сколько с извращением представлений человека о роли и месте труда в его жизни. Соответственно, результаты исследования позволяют усовершенствовать подход как к изучению феномена риска трудоголизма, так и к разработке практических мероприятий по коррекции и профилактике трудоголизма и вообще в отношении человеческого потенциала.

Ключевые слова: трудозависимость; представления; человеческий потенциал; риск трудоголизма.

Важность изучения проблемы риска трудоголизма в его современных формах обусловлена многими причинами. Их совокупность проявляется в относительно низком уровне качества жизни россиян по сравнению с жителями Европы и США (при достаточно больших возможностях), низкой производительности труда, что сопровождается слабыми темпами роста экономики услуг, т.е. слабым темпом перехода России в разряд постиндустриальных стран, низкой привлекательностью труда для молодежи и пр. В наших исследованиях мы предполагаем, что риск трудоголизма в России связан с нарушением целостности (системности) в психологических представлениях россиян о месте и роли труда в их жизни. В психологическом отношении это проявляется в нарушении динамики самоидентичности. Актуальность уточнения этой гипотезы и результаты предыдущих исследований представлены нами в других работах [1], поэтому здесь мы начнем сразу с представления и интерпретации части результатов, собранных нами в 2013 г. В экспедиционном исследовании 2013 г. приняли участие 323 человека (66 мужчин и 257 женщин) в возрасте от 17 до 67 лет (M = 33; σ = 11,078) из различных городов России (Томск, Северск, Каргасок, Бакчар, Тюмень, Нижний Новгород, Самара, Новокуйбышевск, Дзержинск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк, Междуреченск, Прокопьевск, Тисуль, Красноярск, Петропавловск-Камчатский, Елизово, Якутск, Риддер, Рубцовск). Целью экспедиции был сбор данных, позволяющих усовершенствовать подход к изучению проблемы самоидентичности, метаморфозы мышления, потери человеческого потенциала (на примере трудоголизма), основанный на методологии транстемпоральной интерпретации опыта мышления, изучения самоидентичности как условия сохранения устойчивости индивидуумом в ситуации социальных изменений и в процессе социального развития [2–4].

Неравномерность выборки по половому признаку (женщин опрошено почти в четыре раза больше, чем мужчин) не позволяет нам специфицировать гипотезы в отношении риска трудоголизма отдельно для мужчин и женщин, но позволяет предполагать психологическую структуру риска трудоголизма для взрослых жителей России в целом. При этом относительно мужчин собрано достаточно материала для анализа случаев и качественных интерпретаций. Что касается женщин, то их психологическая характеристика в отношении риска трудоголизма является на данном этапе наиболее интересной, поскольку именно психология работающих женщин отражает устойчивую тенденцию в актуальных изменениях смысла труда. Идентичность мужчины традиционно формируется в контексте труда, работы. Мужчины реализуются в работе – это социально-одобряемый стереотип. Женщины должны ответить на более сложный вызов идентификации, в разные периоды жизни женщины имеют различные приоритеты и часто противоречащие друг другу ценности (замужество, например, часто совпадает с учебой, воспитание детей – с карьерным развитием, следование за мужем ведет к изменению профессии и т.п.). Женщины активно вовлечены в трудовую деятельность, при этом процесс люмпенизации (потери целостности образа жизни, радости труда) для них наиболее опасен, поскольку отражается и на жизни мужчин (супругов), и на воспитании детей.

Половина респондентов (49,5%) состоят в браке и имеют одного или нескольких детей. Практически все респонденты имеют постоянное место работы, причем география сфер их профессиональной деятельности представлена достаточно широко: сфера услуг, помогающие профессии, предпринимательство, менеджмент, строительство, административный аппарат, медицина, IT-технологии, инженерные профессии и пр.

Такая выборка позволяет нам говорить о людях, постоянно вовлеченных в трудовую деятельность и социально адаптирующихся. Современная экономика подразумевает и иные формы труда: самозанятость (фриланс), спекуляции на фондовом и валютном рынке, работу в многоуровневом сетевом маркетинге, инвестирование, креативные услуги и т.п. В данном исследовании эти сферы труда не рассматривались. Интерес к этим новым формам занятости растет, и их исследования очень важны, но они требуют более точно сформулированных гипотез, поскольку такие формы занятости подразумевают значительную личностную и региональную составляющую в формировании представлений о месте труда в жизни.

В западной Европе для изучения риска трудоголизма используется «Шкала трудозависимости» [5]. Методика состоит из 7 утверждений, на каждое из которых испытуемому предполагается выбрать один из 5 предложенных вариантов ответов (никогда, редко, иногда, часто, всегда). Утверждения достаточно просты и их прямой перевод не составляет труда (табл. 1), но важен вопрос: насколько получившийся при переводе опросник «схватывает» риск и степень трудоголизма в современной России?

Перевод смыслов компонентов зависимости представляет большую сложность. Он не может быть прямым. Мы предлагаем следующий перевод смыслов компонентов зависимости (табл. 2).

Таблица 1

Перевод утверждений «Шкалы трудозависимости» с английского языка на русский

Thought of how you could free up more time to work?	Вы думаете о том, как бы освободить больше времени для работы?
Spent much more time working than initially intended?	Вы тратите на работу больше времени, чем было вами запланировано?
Worked in order to reduce feelings of guilt, anxiety, helplessness and depression?	Вы работаете, чтобы заглушить чувство вины, тревоги, беспомощности и депрессии?
Been told by others to cut down on work without listening to them?	Другие рекомендуют вам работать поменьше, но вы не прислушиваетесь к этим советам?
Become stressed if you have been prohibited from working?	Если вам ограничивают возможность работать, то вы испытываете сильный стресс?
Deprioritized hobbies, leisure activities, and exercise because of your work?	Все ваши увлечения, а также спортивные нагрузки ограничиваются из-за работы?
Worked so much that it has negatively influenced your health?	Вы работаете так много, что это сказывается на вашем здоровье?

Таблица 2

Смыслы тестовых утверждений «Шкалы трудозависимости»

Addiction component	Компоненты зависимости
Salience	Навязчивое влечение
Tolerance	Превышение допустимых психологических издержек
Mood modification	Уход от реальности
Relapse	Ригидность, нечувствительность к помощи
Withdrawal	Синдром отмены
Conflict	Мотивационный конфликт
Problems	Истощение

Одной из гипотез, которые можно выдвинуть на основании проведенного исследования, является следующая: прямой перевод утверждений теста трудозависимости не позволяет с достаточной точностью определить степень риска этого явления. По нашим предварительным предположениям, степень трудоголизма у жителей России существенно выше, чем это фиксируется данной шкалой.

Согласно исследованию по методике «Шкала трудозависимости» ситуация с трудоголизмом в России может показаться благополучной. Но при более внимательном анализе не только статистического распределения, но анализа случаев, т.е. смыслов выбора вариантов ответа респондентами, можно сделать ряд более тревожных предположений. В частности о том, что трудоголизм представляет не просто способ «ухода в работу», а является формой отчуждения человека от полноты и целостности жизни. При этом ощущение благополучия трудоголика не только напрямую зависит от его удовлетворенности работой, но и обусловлено его представлениями о месте и роли труда в его жизни [6, 7].

В результате применения «Шкалы трудозависимости» были получены следующие суммарные показатели: min = 7; max = 35; M = 15,99; σ = 4,24; Me = 16. Частотное распределение показателя трудозависимости представлено на рис. 1.

Анализ гистограммы, представленной на рис. 1, свидетельствует о нормальном распределении показателя психологической трудозависимости на исследуемой выборке респондентов.

В соответствии с нормативными показателями методики из общей выборки респондентов была выделена группа испытуемых с высоким риском развития психологической трудозависимости. В данную группу вошли 23 респондента из таких городов, как Петропавловск-Камчатский (6 чел.), Томск (5 чел.), Красноярск (5 чел.), Новокузнецк (4 чел.), Самара (2 чел.) и Кемерово (1 чел.). Среди них большинство (73,9%) имеют высшее образование, не состоят в браке (65,2%) и не имеют детей (61%). Получается что людям, проживающим в малых городах, не имеющим высшего образования, состоящим в браке и имеющим детей, трудоголизм не угрожает, что маловероятно.

Для уточнения психологического образа современного российского трудоголика мы использовали ряд личностных опросников и авторских анкет.

Для изучения транстемпоральной структуры экзистенции использовалась авторская анкета (автор О.В. Лукьянов), состоящая из пяти вопросов, четыре из которых предполагают выбор испытуемым ответа из предложенных вариантов и один вопрос открытый. Совокупность ответов позволяет оценить «палитру времен», уровень сингулярности идентичности респондента.

Выраженность признаков тревожно-депрессивного расстройства у респондентов изучалась с помощью «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии, HAD», включающей две подшкалы: тревогу и депрессию.

Уровень самоуважения / самооценки респондентов измерялся с помощью теста Розенберга.

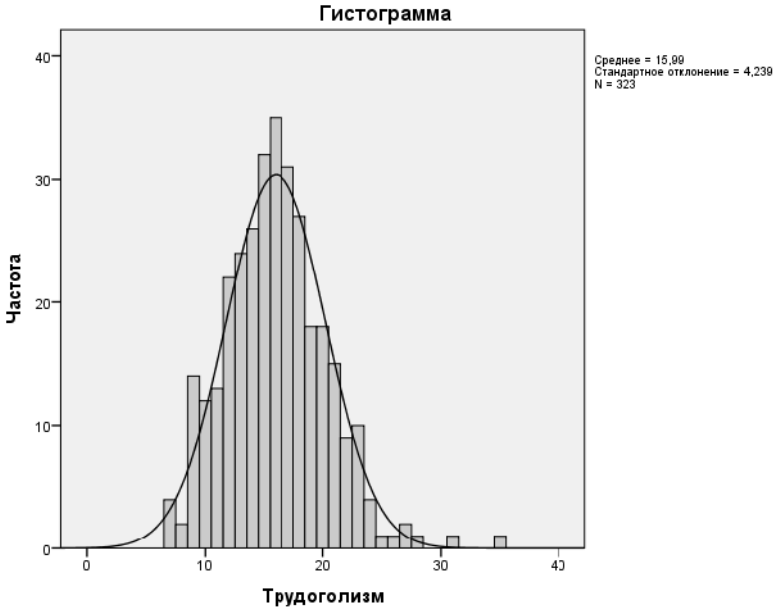


Рис. 1. Частотное распределение показателя трудозависимости

Когнитивная оценка соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям респондентов, общей меры их внутренней гармонии и психологической удовлетворенности проводилась с помощью «Шкалы удовлетворённости жизнью» (Э. Динер).

Особенности установок и навыков респондентов, позволяющих превратить жизненные ситуации в новые возможности, изучались с помощью «Теста жизнестойкости» (автор С. Мадди; в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой). Русскоязычный вариант «Теста жизнестойкости» содержит 45 вопросов и позволяет измерить три шкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска.

Оценка сформированности параметров самоорганизации, навыков тактического планирования и стратегического целеполагания осуществлялась с помощью Опросника самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова). Опросник «ОСД» содержит 25 вопросов, с помощью которых согласно ключу диагностируются 6 шкал: планомерность, целеустремленность, настойчивость, фиксация, самоорганизация, ориентация на настоящее.

Отношение респондентов к новым или сложным, неоднозначным ситуациям изучалось с помощью шкалы «Толерантность к неопределенности» (MSTAT-I Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой).

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Для психологических представлений о своей жизни группы людей, которых на основании шкалы трудозависимости можно отнести к трудоголикам, характерны следующие особенности:

– Оценка своей жизни как достаточно разнообразной и изменчивой. Среди них есть люди, считающие, что их жизнь была в большей степени многообразной в разные возрастные периоды, включая и текущий. Некоторые (в исследуемой группе это практически половина) считают, что их жизнь достаточно многообразна всегда. Полученные данные позволяют предположить, что риску трудоголизма в большей степени подвержены люди достаточно консервативные, опирающиеся на ранее сформировавшиеся у них представления о счастье и благополучии. Пережитое и предполагаемое счастье, вероятно, и делает их склонными к трудоголизму. Следует отметить, что, по полученным данным, среди трудоголиков отсутствуют люди, считающие свою жизнь статичной, неизменной.

– Больше половины представителей этой группы считают, что в их жизни отсутствует какая-то разница, связанная с временами года. Эти данные можно интерпретировать как высокую степень отчуждения человека от естественной среды и естественных ритмов жизни.

– Наиболее удобной схемой оценки стоимости своего труда большинство респондентов из группы трудозависимых считают стоимость рабочего часа. И заслуживает внимания тот факт, что испытуемые с признаками психологической трудозависимости, как правило, не рассматривают в качестве возможной схемы оценки стоимости труда стоимость рабочего года. Это говорит о психологической люмпенизации людей с риском трудозависимости, они склонны разменивать свою жизнь на часы, а не созидать ее целостными периодами. Масштаб их сознания сужен до кратковременных интервалов.

– По представлениям, характерным для трудоголиков, они проводят со своими близкими достаточно много времени – столько, сколько они хотят. При этом для нетрудоголиков характерно противоположное представление – они хотели бы проводить с близкими больше времени. Вероятно, этот показатель связан не столько с количеством, сколько с качеством времени, проводимого с близкими. Трудоголикам нечего делать со своими близкими, поэтому им и не требуется много времени.

– Для представлений трудоголиков об умении отдыхать достаточно характерно утверждение, что они отды-

хать умеют. Но треть респондентов этой группы признались, что отдыхать не умеют. Стоит предположить, что у трудоголиков нетворческие представления об отдыхе.

– Показатели тревоги и депрессии у группы трудозависимых распределяются полярным образом. У некоторых они на высоком уровне, у некоторых на низком. Можно предположить, что это как раз и связано с их зависимостью. Когда им удается «снять» напряжение с помощью «ухода» в работу, а точнее – установлением привычных отношений с работой, то тревога снижается. А когда их «отношения с работой» изменяются, тревога резко повышается.

– По тесту самоуважения трудозависимые не показывают низких значений, все респонденты показывают нормальные значения самоуважения с небольшой склонностью к завышенному.

– Показатели удовлетворения жизнью занимают весь диапазон шкалы Динера – от крайней степени неудовлетворенности до полной удовлетворенности. Можно предположить, что этот параметр также зависим от ситуации «отношений с работой». То есть у трудоголика нельзя узнать о его отношении собственно к жизни, он отчужден от нее различными образами, обусловленными его отношением к работе.

– Жизненные изменения (по тесту жизнестойкости) трудозависимые склонны принимать посредством высокой степени вовлеченности и высокой степени контроля. При этом они склонны в достаточной степени негативно относиться к риску. То есть психологически в ситуациях изменений они склоны работать.

Общий вывод по анализу случая выборки людей с высокими показателями по шкале трудозависимости можно сделать следующий: личность трудоголика характеризуется полярностью психологических показателей и состояний. Представления трудоголика о месте работы в жизни извращены, в его представлениях работа является медиатором к жизни и знаменателем жизни, тогда как у нетрудоголиков, напротив, жизнь представляется медиатором и знаменателем к работе. Этот вывод отчасти подтверждается полученными нами данными. Однако в данной статье представлен анализ только небольшой части собранных данных, и продолжение исследований требует уточнения выдвинутых нами гипотез.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лукьянов О.В., Щеглова Э.А., Балашова (Аркан) М.Ю.* Исследование риска развития психологической зависимости от работы (трудоголизма) в современной России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 183–187.
2. *Клочко В.Е., Лукьянов О.В.* Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
3. *Лукьянов О.В.* Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–170.
4. *Лукьянов О.В.* Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 179–185.
5. *Andreassen C.S., Griffiths M.D., Hetland J. & Pallesen S.* Development of a work addiction scale // Scandinavian Journal of Psychology. 2012. № 53. P. 265–272.
6. *Лукьянов О.В., Неяскина Ю.Ю.* Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152–157.
7. *Лукьянов О.В.* Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 46.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 3 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 157–161 DOI: 10.17223/15617793/376/30

УДК 378

М.А. Шанков, Г.Н. Пономарев

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проведено исследование типологических особенностей социального поведения студентов факультета физической культуры. Выявлены три типа поведения, каждый из которых обладает оригинальным паттерном психологических характеристик, обеспечивающим различные варианты адаптации к образовательной среде педагогического вуза. Определены средние величины шкал «любовь к детям», «интерес к спорту» и «интерес к педагогической деятельности». Только у студентов первого типа социального поведения выделяются значения шкалы «интерес к спорту» выше среднего. Учет типологии психологических особенностей позволит обеспечить качественную подготовку специалистов к будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: типологические особенности; социальное поведение; студенты факультета физической культуры.

Актуальность исследования. Под социальным поведением можно понимать способы деятельности, которые осуществляются индивидом на основе правовых и традиционных норм, полученных в процессе воспитания. Они существуют за рамками индивидуальных особенностей человека и обеспечивают способность противодействовать индивидуальным поведенческим отклонениям.

Н.Е. Шилкина считает, что социальное поведение – это способы деятельности социального субъекта, которые осуществляются на основе социальных норм, существуют вне индивидуального сознания, достигаются личностью в процессе социализации, имеют принудительную силу и способность сопротивляться нерациональным трансформациям, создают постоянство социальной системы, модифицируются в историческом контексте. Возможна их типизация по признакам ситуации, предъявляемых личности требований и переживаний. Эти способы деятельности ориентированы на поддержание социальной жизни, цикличны, непрерывны [1].

Одной из важнейших проблем любой типологии является выбор адекватных критериев для отчетливого выделения типов с целью их последующего анализа.

Базируясь на основе определения социального поведения, можно утверждать, что типизация социального поведения – это создание субъектом типовых поведенческих реакций путем выбора предъявляемых ему требований на основе общих для ряда объектов характеристик [Там же].

Н.В. Козлова с соавторами считают, что личностно-профессиональное становление студентов в условиях высшего профессионального образования проявляется в моделировании предпрофессионального образа мира и заключается в постепенном преобразовании мышления человека (с его индивидуальными особенностями) в профессиональное мышление. Профессиональное мышление, оставаясь формой познания, участвует в формировании профессиональной картины мира и способствует саморазвитию собственной личности [2].

Анализ типов направленности личности у студентов, проведенный М.Е. Кадыш, выявил определенную динамику в процессе обучения в вузе с первого по пятый курс. Просоциальная децентрированная направленность с доминантой морального долга является преобладающей у студентов первого и второго курсов (74 и 87% соответственно). Вероятно, это указывает на высокую степень удовлетворенности жизнью: социальной ситуацией, собой и окружающими. На четвертом курсе на вторую позицию перемещается эгоцентрическая направленность с доминантой «ситуативного эгоцентризма». Фактически значительная часть студентов четвертого курса имеют потребности, сконцентрированные только на самих себе, они стремятся брать как можно больше от окружающих, пренебрегая интересами других людей. Наиболее важным становится само выражение личности. Студенты четвертого курса относятся к другим более требовательно, тенденциозно, необъективно. На пятом курсе отмечается наибольшее число студентов в зоне неопределенности (14%). Это является очень тревожным признаком, указывающим на существование стойкого кризиса у части студентов-пятикурсников [3].

Представляется перспективным выделение трех типов предпрофессионального образа мира у студентов, которые характеризуют особенности личностно-профессионального становления в условиях новых тенденций в образовании [2].

Первый тип (37% студентов от общей выборки) характеризуется высокими показателями психической ригидности, что может приводить к ошибкам восприятия, памяти, сужению объема внимания и поступков в процессе профессионального образования. Ведущими мотивами у данных студентов являются власть, получение удовольствия, роскошь, влиятельность.

Для второго типа (13% студентов от общей выборки) отмечаются высокие показатели сензитивной ригидности. Это указывает на сложность эмоционального реагирования на новые ситуации, требующие изменений в поведении. Для данного типа предпрофессионального образа мира свойственны неясная насущная направленность, страх перед жизненными реалиями, необходимость стабильности, безопасности. Наиболее выраженные ценности – безопасность, социальный порядок, поддержание традиций.

Третий тип (50% студентов) обладает средними показателями установочной и актуальной психической ригидности. Это говорит о том, что у них присутствует психологическая готовность к устойчивости и гибкости поведенческих реакций. Доминирующими ценностями для студентов данного типа являются созидание, широта интересов, признание, осведомленность, зрелость и др. [2].

Таким образом, по данным приведенных выше авторов, использующих различные подходы к типизации социального поведения студентов в процессе высшего профессионального образования, можно выявить особенности направленности личности и профессионального становления. В то же время исследований, посвященных данной проблеме в сфере физкультурного образования, нами не выявлено, что и предопределило тему настоящей работы. Подготовка современного специалиста физической культуры требует создания научно-образовательной среды, имеющей отличительные особенности. Они связаны как со спецификой предметной деятельности специалиста, так и с культурологической функцией его будущей профессиональной деятельности, а также со спецификой взаимодействия с различными категориями обучающихся, что во многом определяет эффективность реализации упомянутой культурологической функции [4].

Цель работы – выявить основные типологические особенности социального поведения студентов факультета физической культуры.

Методы и организация исследования. Нами были использованы следующие методики: опросник EPPS по Г.Ю. Айзенку, тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра, опросник личностной агрессии Басса – Дарки (ЛА), оценка фрустрационных реакций (модификация теста С. Розенцвейга), оценка ролевых ожиданий и притязаний в браке по А.Н. Волковой (РОП), шкала коммуникативной тревожности при общении Т. Лири (СКТ), субъективная оценка межличностных отношений (СОМО) по С.В. Духновскому, шкала организационного стресса Мак-Лина (ОС), оценка типов поведения в конфликтной ситуации по К. Томасу, опросник мотивации к физкультурно-педагогической деятельности по Г.Н. Пономареву и М.А. Шанскову (МПФД) [5]. Исследование выполнялось бланковым методом с использованием аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр». Подробное описание тестов представлено в Методическом руководстве к Мультипсихометру [6]. Показатели тестов приведены в шкале стэнов. В исследовании приняли участие 33 студента пятого курса факультета физической культуры РГПУ им. А.И. Герцена.

Результаты и их обсуждение. На рис. 1 представлены наиболее высокие показатели ряда психологических характеристик, отличающих студентов-выпускников факультета физической культуры. К ним относятся показатели общей агрессии – 6,61 ± 0,35, продуктивность по субтесту «Нахождение общности» Амтхауэр-4 – 6,45 ± 0,36, характеризующие языково-логическое мышление, языковую способность к абстрагированию, образованию понятий, вынесению суждений.

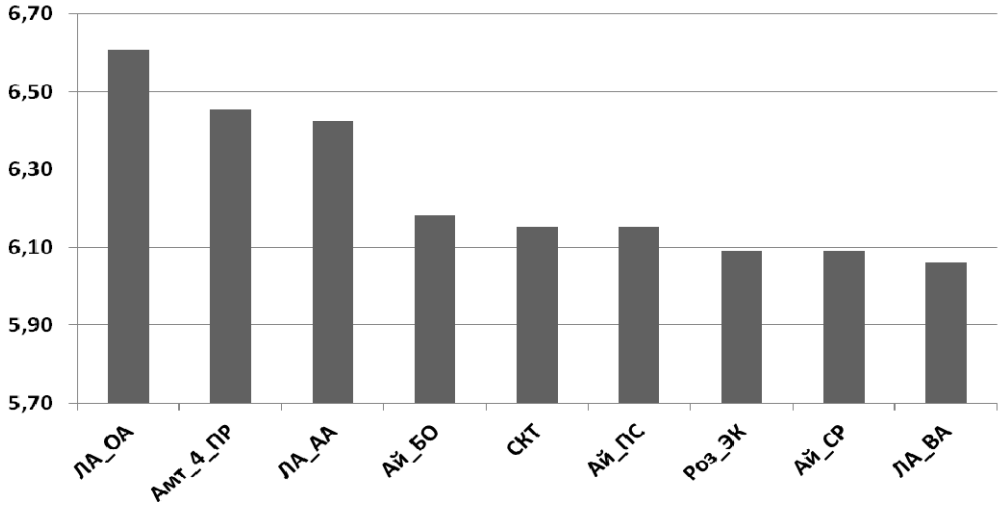


Рис. 1. Наиболее высокие показатели психологических характеристик студентов факультета физической культуры

Также к ним относятся показатели коммуникативной тревожности по Лири – 6,15 ± 0,42, психотизм по Айзенку – 6,15 ± 0,29, экстрапунитивность по Розенцвейгу – 6,09 ± 0,36. Показатели аутоагресии (ЛА_АА), вербальной агрессии (ЛА_ВА) являются частными по отношению к показателю общей агресии, а безответственность (Ай_БО) и склонность к риску (Ай_СР) входят в структуру шкалы психотизма Айзенка, поэтому в дальнейшем они не использовались при проведении процедур кластерного анализа.

На рис. 2 продемонстрированы показатели, которые находятся в диапазоне низких значений у обследованных студентов. В порядке возрастания в эту группу показателей входят: продуктивность по субтестам «Аналогии» Амтхауэр-3 – 3,52 ± 0,33, «Выбор фигуры» Амтхауэр-3 – 3,56 ± 0,26, «Задания с кубиками» Амтхауэр-3 – 3,85 ± 0,36, компромисс по Томасу – 3,91 ± 0,33. Показатели социальной желательности и самоуничижения по Айзенку (Ай_СЖ и Ай_СУ), сотрудничества по Томасу (Том_СТ), интрапунитивность и импунитивность по Розенцвейгу превышают 4 стэна и соответствуют уровню ниже среднего.

Исходя из полученных результатов, был проведен кластерный анализ с целью выявления типов социального поведения студентов факультета физической культуры педагогического вуза. В качестве кластеризирующих признаков применялись вышеуказанные показатели общей агрессии, продуктивности по субтесту «Нахождение общности» Амтхауэр-4, коммуникативной тревожности по Лири и психотизма по Айзенку. В соответствии с дан-

ными кластерного анализа были выделены три типа социального поведения студентов. Первый тип составил 30,3%, второй тип – 27,3% и третий тип – 42,4% от общей выборки. Анализу подвергались только достоверно различающиеся показатели между тремя типами и находящиеся в области высоких или выше средних значений.

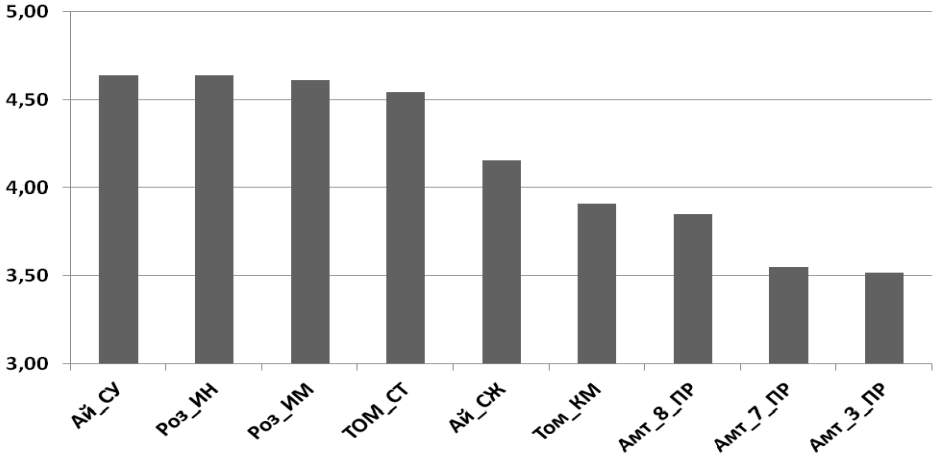


Рис. 2. Наименее высокие показатели психологических характеристик студентов факультета физической культуры

Для студентов первого типа социального поведения характерны следующие показатели, представленные на рис. 3:

1. Коммуникативная тревожность по Лири – 8,80 ± 0,38.
2. Продуктивность по тесту «Дополнение предложений» Амтхауэр-1 – 7,10 ± 0,53.
3. Тревожность по Айзенку – 6,40 ± 0,53.
4. Интерес к спорту – 6,40 ± 0,57.
5. Отчужденность в межличностных отношениях – 6,40 ± 0,59.
6. Дисгармония в межличностных отношениях – 6,30 ± 0,52.
7. Физическая агрессия – 6,10 ± 0,62.

Студенты данного типа демонстрируют выраженные способности к формированию суждений, знания языка. Нужно отметить, что у них наиболее высокие показатели интеллекта по IQ – 108,60 ± 3,38. Для них характерен интерес к спорту. С другой стороны, они отличаются высокими уровнями тревожности, отсутствием гармонии, отчужденностью в межличностных отношениях и выраженной степенью физической агрессии. Очевидно, что студенты, составляющие данный тип социального поведения, нуждаются в психологической коррекции поведенческих реакций.

Студенты второго типа социального поведения обладают другими психологическими характеристиками, отображенными на рис. 4.

Доминирующими параметрами, определяющими социальное поведение этого типа, являются психотизм – 7,00 ± 0,56, склонность к риску – 6,78 ± 0,68, импульсивность – 6,78 ± 0,52, безответственность – 6,67 ± 0,61, экстраверсия – 6,33 ± 0,71 и ассертивность – 6,22 ± 0,63. Индивиды, набирающие высокие баллы по шкале психотизма, эмоционально холодны, грубы, склонны к риску и манипуляциям другими людьми, импульсивны. Высокий балл по шкале ассертивности (напористости) характерен для «сильных личностей»: они независимы, всегда отстаивают свои права, доминантны, иногда до такой степени, что их стиль поведения характеризуется окружающими как давление или навязывание. Эти студенты проявляют выраженные родительские притязания (6,44 ± 0,62) по тесту ролевых ожиданий и притязаний в браке.

Показатели интеллекта по IQ у представителей данного типа ниже, чем у первого типа, и составляют 103,44 ± 3,71.

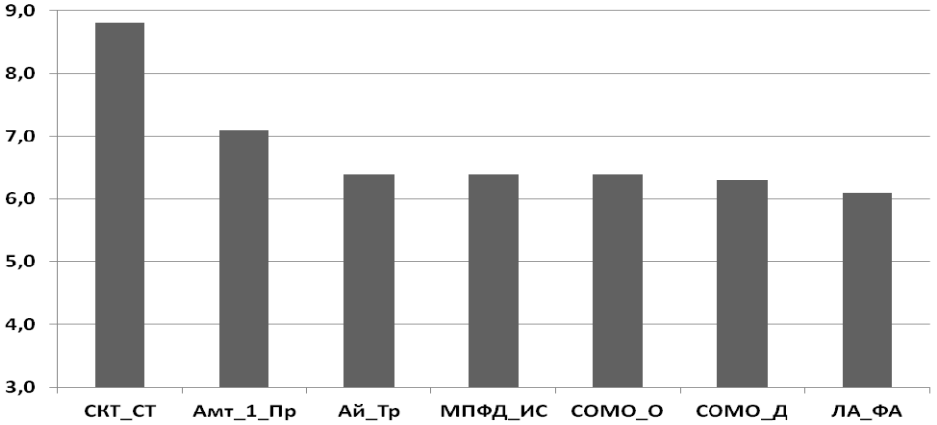


Рис. 3. Психологические характеристики студентов 1-го типа социального поведения

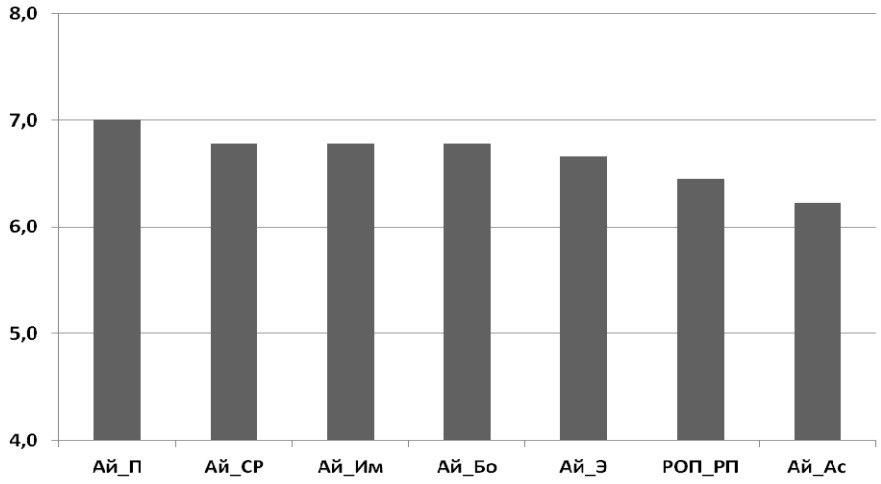


Рис. 4. Психологические характеристики студентов 2-го типа социального поведения

Доминирующими параметрами, определяющими социальное поведение этого типа, являются психотизм – 7,00 ± 0,56, склонность к риску – 6,78 ± 0,68, импульсивность – 6,78 ± 0,52, безответственность – 6,67 ± 0,61, экстраверсия – 6,33 ± 0,71 и ассертивность – 6,22 ± 0,63. Индивиды, набирающие высокие баллы по шкале психотизма, эмоционально холодны, грубы, склонны к риску и манипуляциям другими людьми, импульсивны. Высокий балл по шкале ассертивности (напористости) характерен для «сильных личностей»: они независимы, всегда отстаивают свои права, доминантны, иногда до такой степени, что их стиль поведения характеризуется окружающими как давление или навязывание. Эти студенты также проявляют выраженные родительские притязания (6,44 ± 0,62) по тесту ролевых ожиданий и притязаний в браке.

Показатель интеллекта по IQ у представителей данного типа ниже, чем у первого типа, и составляет 103,44 ± 3,71.

На рис. 5 представлены показатели, которыми отмечены студенты третьего типа. Характерными особенностями социального поведения этой группы являются:

1. Общая агрессия – 7,79 ± 0,35.
2. Вербальная агрессия – 7,36 ± 0,32.
3. Аутоагрессия – 7,21 ± 0,31.
4. Психическая агрессия – 6,86 ± 0,68.
5. Общительность по Айзенку – 6,57 ± 0,50.
6. Групповая конформность по Розенцвейгу – 6,57 ± 0,50.
7. Эмоциональная агрессия – 6,57 ± 0,50.
8. Показатель хозяйственно-бытовых условий теста ролевых ожиданий и притязаний в браке – 6,57 ± 0,50.

Доминирующей направленностью социального поведения студентов данного типа является высокий уровень общей агрессии и всех компонентов, его составляющих. Однако в некоторой степени эти негативные особенности компенсируются высоким значением групповой конформности, которая свидетельствует о хорошей социальной адаптации индивидуума. Показатель хозяйственно-бытовых условий указывает на большое значение для этих студентов комфортных условий быта.

Показатель интеллекта по IQ у представителей данного типа самый низкий из всех групп и составляет 98,36 ± 1,99.

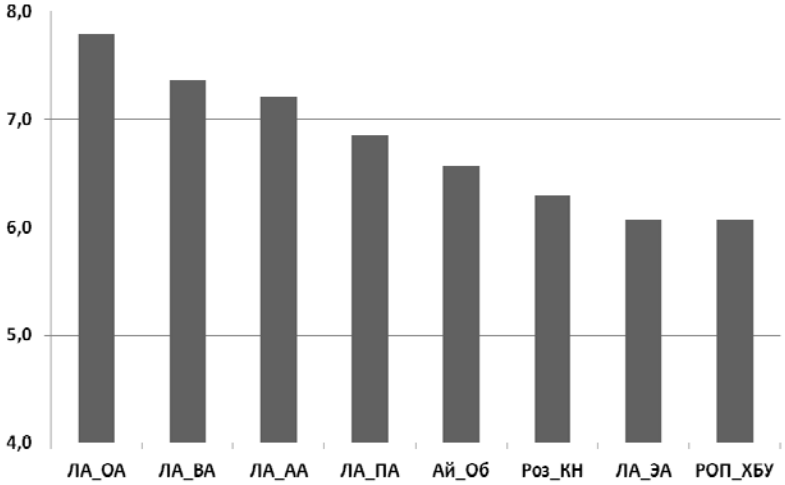


Рис. 5. Психологические характеристики студентов 3-го типа социального поведения

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить три типа социального поведения студентов факультета физической культуры. Представители каждого из типов обладают оригинальным паттерном психологиче-

ских характеристик, обеспечивающим различные варианты адаптации к образовательной среде педагогического вуза. Следует отметить, что по тесту МПФД (мотивации к физкультурно-педагогической деятельности) у выпускников факультета физической культуры отмечаются средние величины всех трех шкал: «любовь к детям», «интерес к спорту» и «интерес к педагогической деятельности». Только у студентов первого типа социального поведения выделяются значения шкалы интерес к спорту выше среднего.

Очевидно, что существование различных типов социального поведения студентов требует учета психологических особенностей как в процессе вариативной подготовки специалистов физической культуры, так и при последующей профессиональной деятельности в образовательных учреждениях средних образовательных школ, детско-юношеских спортивных школ, дошкольных оздоровительных учреждений, школ олимпийского резерва.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шилкина Н.Е.* Основание типизации социального поведение и понятийный аппарат исследования социального поведения в социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 180–186.
2. *Козлова Н.В., Берестнева О.Г., Шелехов И.Л.* Особенности личностного и профессионального становления студентов университета / Н.В. Козлова, О.Г. Берестнева, И.Л. Шелехов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 103–107.
3. *Кадыш М.Е.* Исследование проблемы направленности личности в студенческом возрасте // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2010. № 1. С. 22–25.
4. *Пономарев Г.Н.* Методика оценки мотивационной сферы у преподавателей физической культуры / Г.Н. Пономарев, В.Г. Федоров, М.А. Шансков // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2013. № 11 (95). С. 119–123.
5. *Пономарев Г.Н.* Перспективы развития образовательной деятельности факультетов физической культуры в условиях модернизации образования в России / Г.Н. Пономарев // Теория и практика физической культуры. 2007. № 8. С. 55–58.
6. *Сугоняев К.В.* Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр» : метод. руководство / К.В. Сугоняев, А.Ю. Чуплин, Е.В. Медведев и др. М. : ЗАО «Научно-производственный центр ДИП», 2008. Ч. 1. 366 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 10 октября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 162–167 DOI: 10.17223/15617793/376/31

УДК 378.811.111

Е.М. Шульгина, О.А. Обдалова

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИИ ВЕБ-КВЕСТ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Освещена актуальность проблемы поиска эффективных средств обучения ИЯ в высшей профессиональной школе и обосновывается необходимость такого методического условия, как управляемая самостоятельная деятельность в учебном процессе. Рассматривается вопрос организации метакогнитивных процессов в условиях самостоятельной деятельности при работе с информацией в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза с помощью технологии веб-квест. Представлен авторский алгоритм работы с технологией веб-квест в условиях самостоятельной деятельности.

Ключевые слова: формирование иноязычной коммуникативной компетенции; технология веб-квест; управляемая самостоятельная деятельность; метакогнитивный опыт.

Согласно ФГОС ВПО нового поколения основной целью обучения иностранному языку в вузе является подготовка специалиста, обладающего таким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК), который позволит эффективно решать профессиональные задачи в соответствующей области деятельности. В связи с расширением образовательного пространства за счет новых информационных технологий возникает необходимость определения методических условий организации учебного процесса. В рамках настоящей статьи нами предпринята попытка выявить и обосновать одно из важных условий успешности иноязычной учебной деятельности для формирования ИКК, которым выступает самостоятельная учебная деятельность в условиях применения технологии веб-квест.

Т. Марч, один из основателей данной технологии, рассматривает веб-квест в аспекте когнитивной психологии, что позволяет понять ее не только с точки зрения технологической стороны, но также и с позиции взаимодействия «обучающийся – информация». В подтверждение сказанного приведем цитату ученого: «Веб-квест – это построенная по типу опор учебная структура, которая использует ссылки на необходимые ресурсы в Мировой Сети и аутентичное задание для мотивации студентов исследовать проблему с неоднозначным решением, а также для развития их способностей к самостоятельной деятельности, что способствует преобразованию полученной информации в более обдуманное понимание» [1].

При разработке веб-квеста авторы технологии Б. Додж и Т. Марч структурировали ресурс и включили следующие обязательные разделы:

Введение (Introduction) – формулирование темы или название проекта, а также описание его значимости и ценности при изучении текущей темы, раздела.

Задание (Task) – цель проекта, условия выполнения, проблема и пути ее оптимального решения, конечный результат (форма отчетности).

Процесс (Process) – пошаговое описание процесса работы, распределение обязанностей каждого участника или каждой мини-группы с соответствующим перечнем ссылок.

Ресурсы (Resources) – список ссылок, выбранных заранее преподавателем, для выполнения цели проекта. Здесь же могут быть и вопросы по каждой ссылке, составленные преподавателем в зависимости от вида веб-квеста.

Обсуждение / Оценка результата (Reaching consensus / Evaluation) – критерии выполнения задания (описание критериев и параметров оценки веб-квеста). Критерии оценки зависят от типа учебных задач, которые решаются в веб-квесте.

Заключение (Conclusion) – подведение итогов, презентация и защита проекта.

Раздел «Ресурсы» направлен на активную поисковую самостоятельную деятельность обучающихся при работе с ресурсами Интернета, в ходе которой они всесторонне изучают проблему, прежде чем приступить к ее решению. Одно из преимуществ технологии заключается в том, что работа с веб-квестом позволяет сместить акцент на самостоятельную деятельность студентов, которая всесторонне контролируется благодаря формату технологии. Поэтому одной из главных задач организации процесса обучения ИЯ с применением технологии веб-квест является формирование, развитие и совершенствование у студентов метакогнитивных навыков и умений, о которых речь пойдет чуть ниже.

В российской науке накоплен значительный опыт исследования самостоятельной работы учащихся. В трудах С.И. Архангельского, М.В. Булановой-Топорковой, И.А. Зимней, А.Г. Казаковой, П.И. Пидкасистого обосновываются роль и место самостоятельной работы в целостном учебном процессе, подходы к определению ее содержания, классификации типов. В работах М.Г. Евдокимовой, Е.В. Змиевской, В.А. Козакова, О.А. Обдаловой, И.В. Савченко и др. анализируются организационные и методические аспекты самостоятельной работы обучающихся как резерва повышения эффективности учебного процесса.

М.Г. Евдокимова в своей работе выделяет новое важное условие успешности самостоятельной учебной деятельности – автономию обучающегося. Ученый отмечает, что концепция автономности обучающегося для отечественной методики обучения иностранным языкам является относительно новой, поскольку вызрела в рамках зарубежной методической школы. Однако она перекликается с понятием самостоятельной учебной деятельности обучающегося, принятым в отечественной методике. Следует отметить, что основное отличие заключается в том, что при развитии автономности обучающегося большее значение приобретает ответственная позиция самого обучающегося по отношению к результату учебной

деятельности. Требованию постепенного повышения уровня автономности студентов в их учебной деятельности отвечают разные стратегии применения электронной техники на разных этапах обучения иностранному языку. «Если студенту постепенно и последовательно передается управление и регулирование собственной работы, это создает предпосылки для перехода от учебной деятельности, управляемой преподавателем, к деятельности учения, которая осуществляется полностью самостоятельно, без управления со стороны преподавателя» [2. С. 29].

Большинство ученых в качестве основного признака самостоятельной работы студентов называют отсутствие непосредственного участия преподавателя. Однако, как утверждает П.И. Пидкасистый, главный признак самостоятельной работы заключается в том, что цель деятельности обучающегося одновременно несет в себе функцию управления этой деятельностью [4]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой самостоятельная учебная деятельность должна быть нацелена на развитие умений *управления этой деятельностью со стороны самого обучающегося.* Развитие ИКК предполагает разностороннюю самостоятельную деятельность студента, в том числе работу над собой как коммуникативной и познающей личностью, поскольку любой процесс коммуникации подразумевает индивидуальный подход личности к самому процессу коммуникации, предмету обсуждения и т.д. Следовательно, большая роль в успешности этой деятельности отводится процессам метакогниции.

Для выяснения роли метакогнитивных процессов в самостоятельной учебной деятельности рассмотрим понятие «метапознание», поскольку самостоятельная деятельность обучающегося непосредственно основана на метакогнитивных процессах при работе с информацией. Ученые проявляют единодушие при определении функции метапознания. Все авторы сходятся во мнении, что основное назначение метакогнитивных процессов – это регуляция и контроль познавательной деятельности. Важно отметить, что метапознание больше связано с процессом решения проблем, чем с результатом. Оно, в первую очередь, связано с осознанием своей собственной способности выполнить определенную задачу и выбором способов достижения поставленной цели.

Следует отметить, что метапознание является видом мышления высокого порядка, которое включает в себя функцию контроля над познавательными процессами, что и определяет его высокий уровень. Оно может быть определено как мышление о мышлении (thinking about thinking) [5].

Как известно, термин «метапознание» (metacognition) – способность анализировать собственные мыслительные стратегии и ***управлять своей познавательной деятельностью*** – ввел американский историк генетической эпистемологии Джон Флейвел (John Flavell) в 1976 г. Он подчеркивал роль метапознания в наблюдении и регуляции познавательных процессов, достижении осознанных целей и различении таких познавательных процессов, как проверка, планирование, отбор, соотношение и др. [6].

Дж. Флейвел выделил четыре компонента метапознания: метакогнитивное знание; метакогнитивный опыт; когнитивные цели или задачи; когнитивные действия или стратегии.

Первые два компонента (метакогнитивное знание и метакогнитивный опыт) представляют собой рефлексивные образования, которые позволяют субъекту интроспективно просматривать и отслеживать ход своей интеллектуальной деятельности. Под интроспекцией в данном случае понимается самостоятельное наблюдение своих мыслительных процессов.

Метакогнитивное знание состоит из фактических знаний или представлений человека о самом себе, его индивидуальных особенностях восприятия, памяти, задания и используемой стратегии для его выполнения.

Метакогнитивный опыт автор трактует как любой сознательный опыт, относящийся к интеллектуальному процессу, формирующийся на основе различных когнитивных или аффективных ситуаций, возникающих в ходе *любого* умственного занятия, как, например, чтение, аудирование и пр. Другими словами, он представляет собой сознательное рассмотрение ментального опыта, сопровождающее любые удачные или неудачные ситуации в обучении или другой когнитивной деятельности. Метакогнитивный опыт требует от человека значительной сознательной работы, рефлексии, например в ситуациях, требующих предварительного планирования или значительного риска и ответственности. Рефлексия в данном случае может выступать синонимом интроспекции.

Когнитивные цели или задачи соответствуют реальным обстоятельствам познавательной ситуации, например таким, как прочтение текста или просмотр видео и понимание прочитанного / увиденного для написания теста, что инициирует использование метакогнитивного знания и ведет к приобретению нового метакогнитивного опыта.

И, наконец, когнитивные действия или стратегии включают в себя использование специальных способов достижения целей (в том числе использование собственного метакогнитивного опыта, например, вспоминание того, что читал ранее, либо выделение главных мыслей при чтении, т.е. того, что помогло достижению понимания прочитанного).

Близкие позиции занимает Дж. Уилсон (J. Wilson). Автор выделяет три компонента метапознания: метакогнитивную осведомленность – знания субъекта о личных стратегиях обучения; метакогнитивную оценку – суждение о своих мыслительных возможностях и ограничениях, их востребованности в конкретной ситуации; метакогнитивную регуляцию, которая проявляется в модификации субъектом своего мышления [7].

Р. Клюве (R. Kluwe) выделяет два вида метакогнитивных процессов: процессы контроля и процессы регулирования. Первые помогают идентифицировать задачу, над которой работает человек, проверить и оценить продвижение этой работы и предсказать, каков будет результат этого продвижения. Процессы регулирования помогают распределить ресурсы для решения задачи, определить порядок шагов, которые будут предприняты для решения задачи, и установить интенсивность работы, необходимую для решения задачи [8].

Энн Лесли Браун (A.L. Brown) разделила метапознание на две широкие категории: знание о познании –

совокупность видов деятельности, включающих сознательную рефлексию над когнитивными действиями и способностями; регуляция познания – совокупность видов деятельностей, требующих механизмов саморегуляции на протяжении обучения или решения проблем. Согласно Э. Браун, эти две формы метапознания тесно связаны, рекурсивно подпитывают друг друга, однако в анализе могут быть разделены. Знание о познании соответствует устойчивой, поддающейся определению, часто ошибочной и недавно приобретенной информации о том, что люди думают о своих познавательных процессах, которая предполагает способность размышлять над своими когнитивными процессами, относясь к ним как к объекту рефлексии; такая информация чаще всего описывается словами «я знаю, что…» [9].

Структура метапознания, рассмотренная разными авторами, дает нам возможность увидеть, что регуляция познания заключается в контролировании своей деятельности и наблюдении за собственным процессом обучения. Эти процессы включают планирование активности (предвидение результата, план стратегий, различные формы методов проб и ошибок и т.д.) до решения проблемы; мониторинг активности (наблюдение, тестирование, пересмотр и перепланирование стратегий обучения) во время обучения и проверку результатов (оценка результата каждой стратегии по критерию эффективность / неэффективность). Это предполагает, что подобного рода активности сравнительно неустойчивы (хотя они всегда применяются в решении простых проблем), не обязательно определяемы (способность что-то сделать не всегда предполагает способность также осознать тот способ, каким было осуществлено действие, и умение передать это другим людям) и относительно независимы от возраста, а зависимы от ситуации и самой задачи [9].

Среди отечественных исследователей в этой области можно выделить М.А. Холодную, которая предлагает более полное описание структуры метапознания и включает в нее:

– непроизвольный интеллектуальный контроль, который обеспечивают когнитивные стили;

– произвольный интеллектуальный контроль – способности, направленные на постановку целей, определение средств их достижения, последовательности действий, контроль результатов;

– метакогнитивную осведомленность – «уровень и тип интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах»;

– открытую познавательную позицию – вариативность субъективных способов восприятия и осмысления событий [10].

Кроме того, к метакогнитивным структурам, обеспечивающим произвольный интеллектуальный контроль, М.А. Холодная относит:

– способность планировать цели и подцели собственной интеллектуальной деятельности, определять средства их реализации и последовательность действий;

– способность предвосхищать, учитывать последствия принимаемых решений и возможные изменения ситуации;

– способность оценивать качество отдельных шагов интеллектуальной деятельности, а также собственных знаний;

– способность прекращать или притормаживать собственную интеллектуальную активность в случае необходимости;

– способность выбирать и модифицировать стратегии собственного обучения [11. С. 211].

Основываясь на описании структуры метапознания по М.А. Холодной, в основу самостоятельной деятельности, по нашему мнению, можно включить и другую образующую метакогнитивного опыта – произвольный интеллектуальный контроль. Он предполагает способность субъективно определять качество отдельных «шагов» собственной интеллектуальной деятельности, ее результата, а также собственных знаний в той или иной предметной области, способность прекращать и притормаживать интеллектуальную деятельность на любом этапе ее выполнения, что в контексте коммуникативной компетенции позволяет контролировать ход и развитие процесса коммуникации, направлять его в нужное «русло» [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что одной из составляющих процесса метапознания является процесс саморегуляции личности. В нашей стране проблемами саморегуляции личности давно занимается профессор О.А. Конопкин. В своей статье он пишет: «Основной, собственно регуляторный смысл процессов психической саморегуляции заключается в достижении субъектом уровня информационной определенности, необходимой для осуществления целенаправленной деятельности» [12. С. 29]. Любые отдельные регуляторные звенья являются процессами получения, оценки, отбора субъектом информации, объем и комплекс которой был бы достаточным для преодоления неопределенности в данном звене регуляторного процесса (определение цели, формирование программы действий и др.) и для системного взаимодействия и согласования с другими его структурными компонентами; саморегуляция в ее структурно-функциональном аспекте является, прежде всего, «процессом снятия субъектом деятельности многообразной исходной информационной неопределенности до уровня, позволяющего ему эффективно осуществлять эту деятельность» [Там же].

Другими словами, применительно к образовательному процессу можно сказать, что уровень сформированности саморегуляции студента зависит от его накапливаемого метакогнитивного опыта в учебной деятельности, а продуктивность саморегуляции определяется тем, насколько четко студент организует свою активность и управляет ею с целью достижения результата.

Проанализировав ряд классификаций «метапознания», разработанных разными авторами, мы пришли к выводу, что самостоятельная деятельность неразрывно связана с метапознанием, в процессе которого, как результат, накапливается метакогнитивный опыт. Все исследователи сходятся во мнении, что *благодаря процессу метапознания обучаемый способен управлять своей познавательной деятельностью и регулировать познавательный процесс*. Под этим понимаются умения:

– классифицировать получаемую информацию (отделять главное от второстепенного);

– организовывать полученную информацию в связные структуры;

– анализировать различные ситуации;

– проверять, планировать и соотносить полученную информацию в ходе познавательной деятельности;

– прогнозировать, предвосхищать и учитывать последствия принимаемых решений;

– выбирать и определять стратегии для выполнения задачи.

Способность выбирать стратегию собственного обучения и модифицировать ее под влиянием новых требований и с учетом своих интеллектуальных возможностей определяет готовность обучаемого к самообразованию, индивидуальному развитию себя как личности, что соответствует требованиям новых образовательных стандартов. На этом основании мы определяем активную управляемую самостоятельную учебную деятельность как важное методическое условие успешности процесса обучения.

Из этого вытекает настоятельная необходимость выявления тех способов, с помощью которых студенты могли бы развивать свои метакогнитивные умения. Хорошим примером одного из таких способов является модификация реципрокного (взаимного) обучающего подхода, разработанного Э.С. Палинскар (A.S. Palincsar) и Э.Л. Браун в 1982 г., в соответствии с которым учитель и ученик молча читают отрывок текста, а затем обсуждают его. Они вместе решают, о чем этот текст, уточняют понимание возникающих проблем, задаются вопросом о его основной идее и пытаются предсказать его возможное продолжение [13]. Метод рассчитан на улучшение понимания при работе с материалом (например, при чтении текстов, просмотре видеоролика) и связан с обучением четырем метапознавательным умениям:

– задавать вопросы;

– видеть сложные места и прояснять их;

– суммировать прочитанное / увиденное;

– предсказывать.

Использование подобных техник помогает студентам совершенствовать метапознавательные умения, повышая тем самым уровень саморегуляции при понимании материала в процессе работы над ним.

Так, в рамках самостоятельной деятельности при работе над заданием веб-квеста необходимо четко определить план и итоговый результат самостоятельной деятельности студентов, а также способы управления этой деятельностью при работе с аутентичной иноязычной информацией, а именно:

– задать серию вопросов, на которые нужно найти ответы в процессе работы с ресурсами Интернета;

– четко очертить проблему, которую нужно решить;

– определить позицию, которая должна быть защищена с помощью выбранной студентом стратегии;

– указать форму отчета после переработки собранной информации.

При самостоятельной работе студентов с ресурсами Интернета мы также предлагаем использовать известную методику обучения с элементами метапознания, разработанную американскими специалистами университета Св. Томаса, шт. Миннесота: SQ3R (survey, question, read, recite, review), что значит – обзор, вопрос, чтение, пересказ, повторение. Первый шаг предполагает обзор материала: беглый просмотр или беглое чтение, чтобы представить общее содержание. Второй шаг – к каждой теме (заголовку, смысловому фрагменту) сформулировать по одному вопросу. Третий шаг – внимательный просмотр / чтение, чтобы в процессе работы попытаться найти ответы на поставленные вопросы. Четвертый шаг – ответить на эти вопросы. Пятый, заключительный, шаг – повторить материал (останавливаясь подробно на трудных местах).

Помимо теоретических исследований метапознания были проведены эмпирические исследования, которые показали, что процессы метапознания развивают способность учащихся лучше понимать смысл изучаемого (Paris and Winograd, 1990; Pressley and Ghatala, 1990; Hartman, 2001), что подтверждает значимость метакогнитивных умений на пути к успешному обучению.

В ходе тщательного анализа существующих алгоритмов формирования ИКК учащихся (Н.И. Аршинова, 2007; Е.А. Белякова, 2011; Х.Х. Каппушева, 2011; В.Г. Кашинцева, 2006; Л.П. Кистанова, 2006; Н.В. Копылова, 2005; Т.Б. Макарова, 2006; Д.С. Мельникова, 2005; Е.А. Олейникова, 2010; и др.) мы пришли к выводу, что ни один алгоритм не отражает ту часть деятельности, которую осуществляет преподаватель при работе с веб-квестом, в связи с чем нами был разработан алгоритм, который включает не только общепринятые этапы и последовательность шагов в организации деятельности обучающегося при формировании его иноязычной коммуникативной компетенции, но также и важный подготовительный этап для преподавателя, в рамках которого учитываются особенности самостоятельной работы студентов с аутентичными ресурсами Интернета (см. рис. 1).

На наш взгляд, одним из необходимых шагов для повышения эффективности самостоятельной деятельности обучаемых является определение преподавателем временного регламента для индивидуальной работы с материалом, в связи с чем появляется возможность прочного усвоения получаемой информации за счет правильного режима повторения материала. Такая повторяемость может быть реализована с учетом особенности кривой забывания Эббингауза. Согласно кривой забывания Эббингауза изучаемый материал рекомендуется повторять со следующими интервалами: сразу по окончании восприятия, через 20 минут, через 8 часов после второго повторения, через 24 часа после третьего [14]. Разработанный нами алгоритм обеспечивает повторение учебного материала в наиболее благоприятное время за счет корректного определения временного регламента, задаваемого преподавателем на подготовительном этапе. Материал повторяется неоднократно в рамках самостоятельной работы студентов с ресурсами Интернета, в процессе подготовки ролевого задания и возвращения к изучаемому материалу на занятии. С этой точки зрения технология веб-квест является наиболее эффективным способом организации образовательного процесса, не противоречащим психофизиологическим закономерностям восприятия и забывания информации человеком.

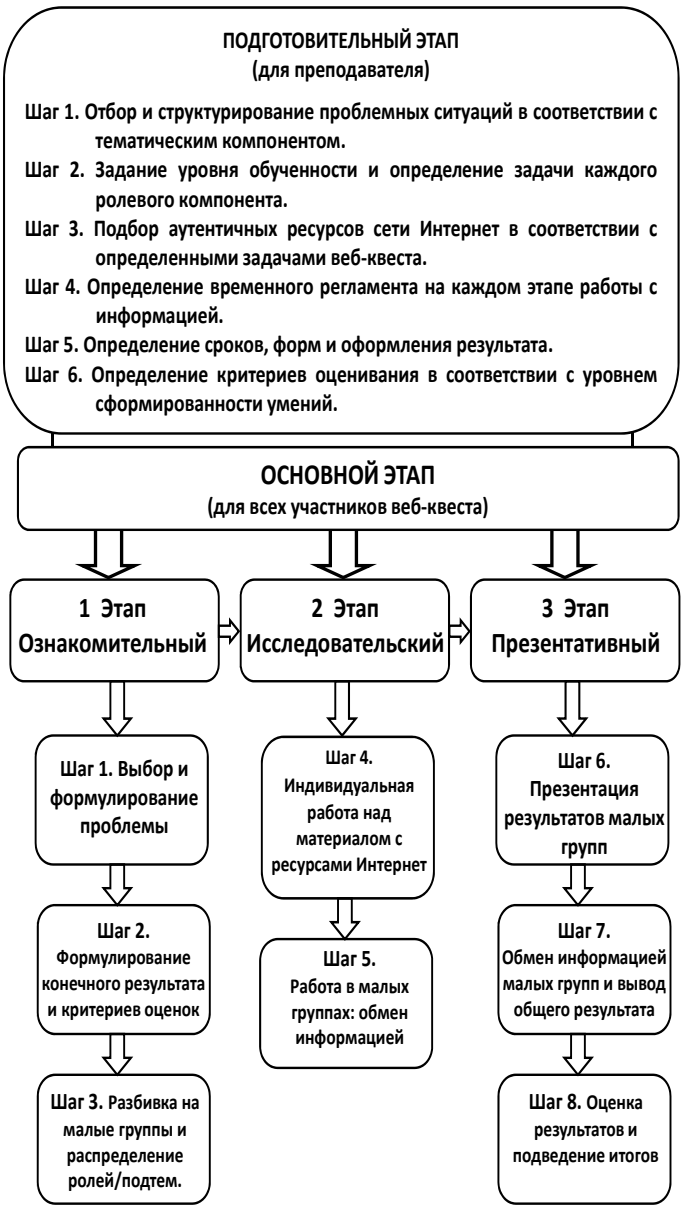


Рис. 1. Алгоритм работы с технологией веб-квест
при формировании иноязычной коммуникативной компетенции

Таким образом, в разработанном нами алгоритме одним из наиболее важных этапов с точки зрения развития метапознавательных способностей у обучаемого мы считаем второй – исследовательский, который обладает самым мощным потенциалом для развития и накопления метакогнитивного опыта, за счет которого и формируется ***управляемая самостоятельная деятельность личности.*** Работая над веб-квестом в соответствии с разработанным нами алгоритмом, студенты, обладая автономией, находятся при этом в рамках управляющей деятельности преподавателя, развивают саморегуляцию и проходят полный цикл мотивации от полной абсорбции внимания обучающегося и вовлечения его в иноязычную речевую и познавательную деятельность до удовлетворения его интересов и эффективного достижения учебной цели, что согласно теории Дж. Келлера выражается формулой ARCS – Attention (внимание) – Relevance (значимость) – Confidence (уверенность) – Satisfaction (удовлетворенность) [15].

Подытожив вышесказанное, мы приходим к выводу, что для успешной самостоятельной деятельности студента и развития способностей саморегуляции в познавательном процессе важно методически грамотно выстроить стратегию работы с технологией веб-квест при ее интеграции в процесс обучении ИЯ.

Как показало наше теоретическое исследование, применение технологии веб-квест является одним из наиболее эффективных педагогических средств для развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, а также их метакогнитивных способностей и умений, без которых невозможен процесс познания и осознания.

Благодаря формированию метакогнитивных умений у обучающегося развивается открытая познавательная позиция, способность трансформировать полученную информацию в более глубокие знания [16] и успешно формировать свою иноязычную коммуникативную компетенцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *March T.* Are We There Yet? : A Parable on the Educational Effectiveness of Technolog // Multimedia Schools Magazine. 2000. Vol. 7, № 3. URL: http://www.infotoday.com/MMSchools/may00/march.htm
2. *Евдокимова М.Г.* Способы формирования и развития автономности учащихся в процессе овладения ИЯ : метод. пособие для преподавателей. М. : МИЭТ, 2010. 96 с.
3. *Обдалова О.А.* Новые подходы к организации самостоятельной учебной деятельности студентов и ее информационно-методического обеспечения при обучении ИЯ // Язык и культура. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2008. № 1. С. 96–104.
4. *Пидкасистый П.И.* Педагогика : учеб. пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П.И. Пидкасистого. М. : Педагогическое общество России, 1998. 640 с.
5. *Wellman H.M.* The Origins of Metacognition // D.L. Forrest-Presley G.E. MacKinnon T. Gery Waller (Eds.) // Metacognition, Cognition, and Human Performance. Orlando : Academic Press., 1985.
6. *Flavell J.H.* Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence / ed. by L.B. Resnick. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1976. P. 231–235.
7. *Wilson J.* Defining Metacognition: A step towards recognising metacognition as a worthwhile part of the curriculum // Paper presented at the AARE Conference. Melbourne, 1999.
8. *Kluwe R.* Executive decisions and regulation of problem solving behavior // Metacognition, Motivation and Understanding / ed. by F. Weinert & R. Kluwe. N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1987. P. 31–64.
9. *Brown A.L.* Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious Mechanisms // Metacognition, Motivation and Understanding. Ch. 3. N.J., 1987. P. 65–116.
10. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
11. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск : Изд-во Том. ун-та; М. : Барс, 1997.
12. *Конопкин О.А.* Структурно-функциональный и содержательно-психологические аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 27–42.
13. *Palincsar A.S. & Brown A.L.* Reciprocal teaching of comprehension-fostering and comprehension-monitoring activities // Cognition and Instruction. 1984. Vol. 1. P. 117–175.
14. *Эббингауз Г., Бэн А.* Ассоциативная психология. М. : Изд-во АСТ, 1998. 528 с.
15. *Keller J.* A Motivating Influence in the Field of Instructional Systems Design. URL: http://www.arcsmodel.com/pdf/Biographical Information.pdf.
16. *Dodge B.* WebQuests: a technique for Internet-based learning // Distance Educator. 1995. Vol. 1, № 2. P. 10–13.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 19 сентября 2013 г.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 549.642.27+552.322.2

И.Ю. Анникова, А.Г. Владимиров, С.З. Смирнов, А.Н. Уваров, И.Ф. Гертнер, О.А. Гаврюшкина

ГЕОЛОГИЯ И МИНЕРАЛОГИЯ СПОДУМЕНОВЫХ ПЕГМАТИТОВ ГОРНОЙ ШОРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке партнерских интеграционных проектов СО РАН № 77, 123, ОНЗ 10.3 и проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2012–2013 гг.» (№ 2012-1.2.1-12-000-2008-8340).

Редкометальные сподуменовые пегматиты с Li и Ta-Nb минерализацией входят в состав Ташелгино-Майзасского железорудного поля (Горная Шория). Возраст сподуменовых пегматитов – 407±13 млн лет (U-Pb), возраст наложенных динамометаморфических процессов – 310±2,6 млн лет (Ar-Ar). Минералами-концентраторами лития являются: сподумен – 6,24±0,46 мас.% Li_2O, мусковит – 0,25±0,04 мас.% Li_2O и калиевый полевой шпат – 0,003±0,001 мас.% Li_2O. Деформированность кристаллов сподумена, полевых шпатов и мусковита, обтекание мелкозернистым агрегатом кварца зерен сподумена и полевых шпатов, а также наличие S-образных кристаллов сподумена свидетельствуют о влиянии процессов динамометаморфизма и синкинематической природе пегматитов. Взаимодействие с вмещающими мраморами проявилось на завершающем этапе становления пегматитов, что отразилось в наличии зон высококальциевого граната и замещении оксидов Ta, Nb и Ti кальцийсодержащими минералами – Ca-микролитом и титанитом. Макро- и микроминеральный состав сподуменовых пегматитов Ташелгинского рудного поля позволяет рассматривать их как перспективный источник литиевых руд при условии подготовки цемента из кварц-полевошпатовых хвостов горно-обогатительного процесса.

Ключевые слова: сподуменовые пегматиты; пегматитовые жилы; микроминеральные включения; акцессорный парагенезис; изотопное датирование; горно-обогатительные процессы.

Геологическое строение пегматитового поля. Ташелгинское (Мраморное) пегматитовое поле расположено в Горной Шории в 40 км к югу от г. Междуреченска Кемеровской области. Пегматитовое поле является частью Ташелгинско-Майзасского рудного узла, приуроченного к зоне Кузнецко-Алатаусского глубинного разлома [1, 2]. Вмещающие породы представлены амфиболитами и мраморами. Метаморфические породы прорваны небольшими интрузивами кислого состава – гранито-гнейсами и гнейсо-гранитами томского комплекса пермо-триасового возраста (251–236 млн лет) и субщелочными гранит-лейкогранитами порожинского комплекса триасового возраста (211 млн лет) [1, 3]. В состав Ташелгинского рудного поля входят олигоклаз-микроклиновые пегматиты с биотитом, микроклин-альбитовые пегматиты с мусковитом и микроклин-альбитовые пегматиты со сподуменом. Сподуменовые пегматиты приурочены к мраморам ташелгинского метаморфического комплекса. В коренном залегании были вскрыты пять пегматитовых жил, имеющих промышленное значение: Юрьевская, Юбилейная, Ляпуновская, Николаевская и Родченковская (см. рис. 1). Средние параметры этих жил: протяженность – до 200 м, мощность – 0,8–1,2 м [4, 5].

Жила Юрьевская вскрыта на 100 м по простиранию разведочной траншеей в левом борту р. Ташелга. Мощность жилы варьирует от 0,4 до 1,4 м, азимут простирания – от 210° до 230°, азимут падения составляет 70–85°. Пегматиты жилы Юрьевская представляют собой лейкократовые грубозернистые породы, минеральный состав которых при полевых наблюдениях диагностируется как кварц-полевошпат-сподуменовый с подчиненным количеством мусковита. Сподумен образует удлиненные крупные (до 30 см) голубовато-зеленые и серо-зеленые идиоморфные зерна с характерным шелковистым отливом и не обнаруживает следов вторичного изменения. Светло-серый крупнокристаллический калишпат визуально неотличим от плагиоклаза. Серый до темно-серого непрозрачный кварц, как правило, заполняет межзерновое пространство. Среди акцессорных минералов макроскопически диагностируются только бурый гранат и идиоморфный пирит, нередко подвергнутый вторичным изменениям.

Наиболее характерными особенностями текстурно-структурного облика пегматитовой жилы Юрьевская являются отчетливая зональность, наличие директивных текстур, обусловленных субпараллельной ориентировкой кристаллов калишпата и сподумена, а также присутствие S-образных кристаллов сподумена (см. рис. 2). В строении жилы отчетливо выделяются три зоны: 1) маломощная (5–7 см) приконтактовая оторочка, сложенная темно-серым мелкозернистым агрегатом; 2) кварц-полевошпатовая зона с грубозернистой пегматоидной структурой, характеризующаяся значительным содержанием сподумена и постоянным присутствием мусковита; 3) зоны блокового микроклина и кварца, приуроченные к осевой части жилы, распространенные только в отдельных частях жилы и представляющие собой практически мономинеральные обособления.

Возраст. По данным U-Pb изотопного датирования магматогенного циркона из жилы Юрьевская методом SHRIMP II, возраст сподуменовых микроклин-альбитовых пегматитов Ташелгинского поля составляет 407±13 млн лет. Было также проведено Ar-Ar изотопное датирование мусковита из сподуменовых и безсподуменовых пегматитов Ташелгинского месторождения. Для датирования были выделены монофракции мусковита из сподумен-микроклин-альбитового крупнозернистого комплекса жилы Юрьевская и из кварц-мусковит-калишпат-гранатового грубозернистого комплекса безсподуменовых пегматитов. Возраст мусковита из сподуменового пегматита составляет

310±2,6 млн лет, из безсподуменового пегматита – 307±2,6 млн лет. Полученные данные можно интерпретировать как возраст наложенных на пегматиты динамометаморфических процессов.

Возраст пегматитов показывает, что несмотря на широкий разброс значений, полученных U-Pb и Ar-Ar методами, пегматиты образовались как минимум на 100 млн лет раньше присутствующих в регионе гранитов. Таким образом, сподуменовые пегматиты Ташелгинского рудного поля относятся к объектам, для которых генетическая связь с гранитоидным магматизмом не устанавливается.

Микроструктуры пегматитов. Петрографические исследования приконтактовой оторочки жилы Юрьевская позволили установить, что она сложена мелкозернистым агрегатом кварца, биотита и плагиоклаза с подчиненным количеством мусковита, калиевого полевого шпата и граната. Чешуйки биотита и мусковита ориентированы субпараллельно контакту жилы. Для микроструктуры кварц-полевошпатовой зоны жилы Юрьевская характерны деформация, раздробленность и выкрошенность крупных зерен сподумена и калишпата, обтекание их мелкозернистым агрегатом кварца и мусковита. Кварц в этом агрегате представлен ксеноморфными удлиненными зёрнами с зазубренными краями, плотно прилегающими друг к другу. В поляризованном свете зёрна кварца обладают мозаичным погасанием. Кристаллы мусковита в поперечном сечении имеют размеры от десятков микрон до 3 сантиметров и нередко изогнуты.

Микроскопически отчетливо выделяются две генерации сподумена: сподумен-I – идиоморфный, иногда со сглаженными краями кристаллов, нередко изогнутыми и разорванными, и сподумен-II, образующий зернистые и радиально-лучистые агрегаты вокруг кристаллов сподумена-I либо полностью их покрывающие. Калиевый полевой шпат и плагиоклаз идиоморфны и представлены в породе примерно в одинаковом количественном соотношении. Калиевый полевой шпат образует кристаллы размером до 5 см по удлинению, плагиоклаз – от десятых долей миллиметра до первых миллиметров.

Породообразующие минералы. Учитывая гигантозернистость породы, статистически достоверная оценка минерального состава сподуменовых пегматитов жилы Юрьевская определялась путем исследования большеобъемной (около 300 кг) пробы. Методом рентгенофазового анализа определено следующее количественное соотношение породообразующих минералов в сподуменовых пегматитах жилы Юрьевская: плагиоклаз (альбит) – 25–30%, сподумен – 18–22%, кварц – 15–20%, калиевый полевой шпат (микроклин) – 15–20%, мусковит – 10–13%.

При изучении составов породообразующих и акцессорных минералов сподуменовых пегматитов авторами статьи в рассмотрение были взяты и безсподуменовые мусковитовые микроклин-альбитовые пегматиты Ташелгинского поля. Содержания главных компонентов в минералах определялись методом рентгеноспектрального микроанализа (EMPA и EDS), редких элементов, воды и фтора – методом вторично-ионной масс-спектрометрии (SIMS и TOF-SIMS), лития в сподумене – методом атомной абсорбции (INAA).

Полевые шпаты в сподуменовых пегматитах представлены альбитом (98,9% альбитового минала) и ортоклазом (95,5% ортоклазового минала), причем подавляющее большинство исследованных макроскопически неразличимых полевых шпатов в сподуменовых пегматитах оказались калиевыми полевыми шпатами (табл. 1). Уровни концентрации элементов-примесей в них варьируют в следующих пределах: FeO – 0,00–0,06 мас.%, MnO – 0,00–0,01 мас.%, CaO – 0,00–0,02 мас.%, Na_2O – 0,25–0,76 мас.%, Li – 16,4–39,3 г/т, Rb – 5959–9765 г/т, Cs – 420,6–1763 г/т, B – 1,52–2,03 г/т, P_2O_5 – 0,00–0,39 мас.% (табл. 1). В плагиоклазах, представленных альбитом, содержание FeO оказалось ниже предела обнаружения, MnO – 0,00–0,01 мас.%, CaO – 0,09–0,14 мас.%, K_2O – 0,06–0,11 мас.%, Li – 3,58 г/т, Rb – 495,6 г/т, Cs – 66,4 г/т, B – 3,42 г/т, P_2O_5 – 0,00–0,01 г/т (см. табл. 1). Кристаллохимические формулы полевых шпатов, рассчитанные кислородным методом на 8 атомов кислорода, для калиевого полевого шпата – ($K_{0.88–0.91}$, $Na_{0.02–0.07}$, $Rb_{0.02–0.03}$, $Li_{0.0–0.01}$) [$Al_{0.98–1.0}Si_{2.98–3.02}O_8$], для альбита – ($Na_{0.84–0.89}$, $Ca_{0.01}$) [$Al_{0.99–1.01}Si_{3.02–3.04}O_8$]. Составы полевых шпатов из бессподуменовых мусковитовых пегматитов Ташелгинского поля характеризуются более низкими, чем в полевых шпатах из сподуменовых пегматитов уровнями концентрации Cs и Rb.

Слюда в сподуменовых пегматитах Ташелгинского рудного поля по составу отвечает мусковитам (см. рис. 3). Вариации содержаний главных компонентов и элементов-примесей в мусковитах из сподуменовых пегматитов составляют: TiO_2 – 0,04–0,12 мас.%, MgO – 0,19–0,51 мас.%, FeO – 1,94–3,80 мас.%, MnO – 0,14–0,31 мас.%, Na_2O – 0,10–0,44 мас.%, Li_2O – 0,19–0,31 мас.%, Rb_2O – 0,63–1,08 мас.%, Cs_2O – 0,04–1,37 мас.%, F – 0,30–1,01 мас.%, H_2O – 3,73–5,11 мас.%. Кристаллохимическая формула мусковита, рассчитанная кислородным методом на 11 атомов кислорода, – ($K_{0.75–0.88}$, $Na_{0.0–0.06}$, $Rb_{0.03–0.05}$, $Cs_{0–0,01}$) ($Al_{1.79–2.01}$, $Fe_{0.10–0.22}$, $Mg_{0.02–0.05}$, $Mn_{0.01–0.02}$, $Li_{0.05–0.09}$) × [$Al_{0.84–1.03}$ $Si_{2.97–3.16}$ O_{10}] ($OH_{1.78–1.93}$, $F_{0.07–0.22}$). Составы мусковитов в бессподуменовых пегматитах отличаются более низкими, чем в сподуменовых пегматитах, содержаниями фтора, а также Cs_2O.

Сподумен Ташелгинского поля отличается следующими вариациями уровней концентрации главных компонентов и элементов-примесей: SiO_2 – 65,44–66,29 мас.%, Al_2O_3 – 27,02–27,76 мас.%, FeO – 0,30–0,63 мас.%, MnO – 0,07–0,15 мас.%, CaO – 0,00–0,01 мас.%, Na_2O – 0,10–0,21 мас.%, K_2O – 0,00–0,10 мас.%, Li_2O – 5,54–7,40 мас.%, Rb – 0,06–106,85 г/т, Cs – 0,63–27,99 г/т, H_2O – 0,04–2,82 мас.% (табл. 2). Кристаллохимическая формула сподумена рассчитывалась несколькими способами: кислородным на 6 атомов кислорода и катионным в двух вариантах – на 1 катион алюминия и на 2 катиона кремния. Наиболее оптимальным оказался расчёт кристаллохимических коэффициентов на 1 атом алюминия, показавший, что состав сподумена близок к идеальной формуле – $LiAlSi_2O_6$. Главными элементами-примесями являются Fe и Mn, при этом, если считать, что Fe и Mn, как и для большинства пироксенов, входят в позицию M2, занятую алюминием, тогда сумма положительных зарядов оказывается больше, чем отрицательных – 12,02 и 12,00 соответственно, т.е. не соблюдается баланс зарядов. Если же Fe и Mn изоморфно

заместят литий в позиции M1, тогда суммарный заряд катионов составляет 12,00, т.е. баланс зарядов соблюдается.

Таким образом, можно заключить, что схема изоморфного замещения в сподумене Ташелгинского поля выглядит следующим образом: $2Li^{+} = Fe^{2+}+\square$, $2Li^{+} = Mn^{2+}+\square$, тогда формула сподумена из расчёта на 1 атом алюминия – $(Li_{0.69–0.91}, Fe_{0.01–0.02}, Na_{0.006–0.012}, Mn_{0.002–0.004}, K_{0–0,004})\ Al[Si_{2.01–2.06}O_6]$.

Таблица 1

Составы полевых шпатов из сподуменовых пегматитов Ташелгинского поля

Компонент	Калиевые полевые шпаты														Плагиоклазы		
SiO_2	65.32	65.03	64.20	65.27	64.90	64.64	65.05	64.86	64.70	64.46	64.72	65.16	64.39	64.21	69.26	69.45	69.66
Al_2O_3	18.25	18.10	18.17	18.00	18.36	18.25	18.03	18.20	18.33	18.14	18.03	18.01	18.37	18.32	19.29	19.64	19.27
FeO	0.02	0.01	0.00	0.04	0.02	0.01	0.01	0.00	0.00	0.06	0.03	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
MnO	0.00	0.01	0.00	0.00	0.01	0.01	0.00	0.01	0.01	0.01	0.00	0.01	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00
CaO	0.00	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00	0.09	0.14	0.12
Na_2O	0.50	0.41	0.25	0.35	0.33	0.37	0.38	0.39	0.48	0.76	0.73	0.54	0.53	0.56	9.82	10.60	10.58
K_2O	15.10	15.33	15.21	15.17	14.92	15.38	15.18	15.31	14.86	14.99	14.94	15.31	15.28	15.29	0.11	0.06	0.07
Li	38.81		20.73					16.36		39.32			23.84				
Rb	6334.71		9523.38					9153.39		9765.08			5958.59				
Cs	420.55		1419.43					1518.38		1763.09			768.64				
B	1.52		1.53					1.85		2.03			1.58				
P_2O_5	0.090	0.097	0.000	0.000	0.122	0.142	0.154	0.068	0.375	0.234	0.216	0.072	0.386	0.358	0.004	0.014	0.000
Сумма	100.03	98.98	99.05	98.83	98.66	98.80	98.82	100.01	98.75	99.92	98.66	99.10	99.71	98.73	98.57	99.91	99.70
Кристаллохимические коэффициенты, рассчитанные на 8 атомов кислорода (количество ионов в пересчете на 8 атомов O)																	
Si	3.01	3.02	3.01	3.03	3.01	3.01	3.02	3.01	3.00	2.99	3.01	3.02	2.98	2.99	3.04	3.02	3.03
Al	0.99	0.99	1.00	0.98	1.00	1.00	0.99	0.99	1.00	0.99	0.99	0.98	1.00	1.01	1.00	1.01	0.99
Fe	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Mn	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Ca	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01
Na	0.04	0.04	0.02	0.03	0.03	0.03	0.03	0.04	0.04	0.07	0.07	0.05	0.05	0.05	0.84	0.89	0.89
K	0.89	0.91	0.91	0.90	0.88	0.91	0.90	0.91	0.88	0.89	0.89	0.90	0.90	0.91	0.01	0.00	0.00
Li	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Rb	0.02	0.00	0.03	0.00	0.00	0.00	0.00	0.03	0.00	0.03	0.00	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00
Cs	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
B	0.00		0.00					0.00		0.00			0.00				
P	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01	0.00	0.01	0.01	0.01	0.00	0.02	0.01	0.00	0.00	0.00
Молекулярные проценты основных миналов																	
Ab	4.8	3.9	2.4	3.4	3.2	3.5	3.7	3.7	4.7	7.2	6.9	5.1	5.0	5.2	98.8	98.9	98.9
An	0.0	0.0	0.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.5	0.7	0.7
Or	95.2	96.1	97.5	96.6	96.8	96.5	96.3	96.2	95.3	92.8	93.1	94.9	95.0	94.8	0.7	0.4	0.4

Примечание. В первичных анализах – Li, Rb, Cs, B – г/т, остальные – мас.%, здесь и далее: пустая клетка – отсутствие определения.

Акцессорные минералы. Диагностика акцессорного парагенезиса пегматитов проводилась методом сканирующей электронной микроскопии (BSE SEM) на аппаратуре LEO-1430VP (ИГМ СО РАН, г. Новосибирск). Набор акцессорных минералов в сподуменовых и безсподуменовых пегматитах оказался идентичным и, помимо макроскопически диагностируемых граната и пирита, представлен танталит-колумбитом, цирконом, уранинитом, монацитом, микролитом, титанитом, рутилом, ксенотимом, пирохлором, апатитом, баритом, пирротином, касситеритом. Подавляющее большинство из этих минералов являются микровключениями в главных породообразующих минералах пегматитов: сподумене, кварце и полевых шпатах, отдельные акцессорные минеральные фазы включены в минералы, также относящиеся к акцессорному парагенезису.

Гранат встречается в виде включений только в породообразующих минералах пегматитов – сподумене, полевых шпатах, кварце и мусковите. Он образует идиоморфные зерна буровато-красного цвета размером от десятых долей миллиметра до первых миллиметров. По составу гранат пегматитов Ташелгинского поля соответствует альмандин-спессартину. Формула, рассчитанная

кислородным методом на 12 атомов кислорода, для граната из мусковитовых пегматитов – $(Fe_{1.07–2.37}, Mn_{0.57–1.20}, Ca_{0.02–0.99}, Mg_{0.07–0.10})Al_{1.93–2.04}Si_{2.94–3.05}O_{12}$; для граната из сподуменовых пегматитов – $(Fe_{0.54–2.20}, Mn_{0.70–2.18}, Ca_{0.00–0.22}, Mg_{0.10–0.11})Al_{1.93–2.13}Si_{2.95–3.06}O_{12}$. Гранат как в сподуменовых, так и в безсподуменовых пегматитах характеризуется зональностью: внешние зоны кристаллов обогащены кальцием относительно центральных зон.

Пирит наблюдается в виде изоморфных зерен кубического габитуса размером от 0,5 до 2–3 мм, как правило, несущих следы замещения гидроокислами железа. Зерна пирита – это микровключения в сподумене, полевых шпатах и мусковите, и в то же время они являются «хозяевами» для кварца и танталит-колумбита, что свидетельствует о синхронной кристаллизации пирита и породообразующих минералов.

Циркон представлен идиоморфными микровключениями в гранате и танталит-колумбите, отдельные зёрна циркона как в мусковитовых, так и в сподуменовых пегматитах содержат обильную вкрапленность уранинита. Формула циркона, рассчитанная на 4 атома кислорода, – $(Zr_{0.83–0.92}, Hf_{0.06–0.11})Si_{1.01–1.05}O_4$.

Минералы рода танталит-колумбита диагностированы в виде микровключений в породообразующих минералах – кварце и альбите, а также в гранате и пирите. Кристаллы танталит-колумбита имеют кристаллографические очертания, однако края кристаллов неровные. Отдельные кристаллы имеют очень сложную форму. Кристаллы танталит-колумбитов неоднородные, в них зафиксированы зоны, обогащённые как танталом, так и ниобием, причём в некоторых кристаллах эти зоны являются зонами роста, а в других – незакономерно расположенными участками. Интересно отметить, что в одном из кристаллов танталит-колумбита отмечен секущий прожилок кальциевого микролита.

Перспективы освоения литиевых руд Горной Шории. Отечественная сырьевая база литиевых руд качественно отличается от зарубежной. Содержание лития в их составе (в расчете на оксид лития) находится в пределах 0,6–1,5%, руды плохо обогащаются, выход лития в концентрат составляет 18–25%. Тем не менее, рудные месторождения лития в силу достаточно широкого использования природного сподуменового концентрата в стекольной и керамической промышленности (более 20% в структуре потребления лития и его соединений) представляют интерес для промышленного освоения. Основной путь повышения рентабельности отработки бедных литиевых руд связан с повышением комплексности их промышленной переработки, в том числе с использованием отходов производства для получения дефицитных строительных материалов [11, 12]. В частности, для покрытия дефицита в цементе существует множество сырьевых источников, к числу которых относятся и литиеносные редкометальные пегматиты. Расчеты экономической эффективности комплексной переработки литиевых руд Ташелгинского месторождения показали, что эффективными оказываются только варианты расчетов, учитывающие комплексную переработку исходной руды – получение, помимо литиевой продукции, шлама для производства цементного клинкера с дальнейшим получением цемента.

Таблица 2

Составы сподуменов из сподуменовых пегматитов Ташелгинского поля

Компонент	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
SiO_2	65.79	66.29	65.84	65.93	65.56	65.92	65.44	65.90	66.01	65.85	65.67	65.62
Al_2O_3	27.59	27.25	27.52	27.76	27.38	27.43	27.61	27.42	27.25	27.20	27.08	27.02
FeO	0.58	0.63	0.30	0.31	0.53	0.53	0.56	0.53	0.52	0.52	0.58	0.52
MnO	0.09	0.08	0.14	0.10	0.13	0.07	0.12	0.15	0.13	0.11	0.10	0.09
CaO	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Na_2O	0.12	0.17	0.12	0.12	0.21	0.13	0.16	0.14	0.10	0.15	0.17	0.18
K_2O	0.01	0.00	0.01	0.00	0.10	0.01	0.03	0.00	0.01	0.00	0.00	0.01
Li_2O*	6.98	5.54	6.84	7.40	6.60	6.46	7.35	6.42	5.90	5.89	5.74	5.66
Li	4.00	3.82	3.71	3.87	3.73	3.84	3.27	3.88	3.62	3.25	3.99	4.00
Rb	0.06	0.60	1.17	2.30	2.76	4.73	16.39	1.14	0.74	106.85	4.64	4.30
Cs	0.77	0.63	2.29	4.50	1.90	8.22	24.80	0.90	1.60	27.99	1.88	3.63
H_2O	0.04	0.14	0.12	0.24	0.09	0.47	0.40	0.15	0.15	2.82	0.16	0.19
Сумма	101.20	100.11	100.91	101.88	100.60	101.03	101.66	100.73	100.06	102.56	99.50	99.27
Кристаллохимические коэффициенты (расчёт на 1 атом Al)												
Si	2.02	2.06	2.03	2.02	2.03	2.04	2.01	2.04	2.06	2.05	2.06	2.06
Al	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Fe	0.02	0.02	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.02	0.01
Mn	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Ca	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Na	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01
K	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
Li	0.86	0.69	0.85	0.91	0.82	0.80	0.91	0.80	0.74	0.74	0.72	0.72

Примечание. Rb и Cs – в г/т, остальные – в мас.%, * – содержание рассчитано из недостатка положительных зарядов.

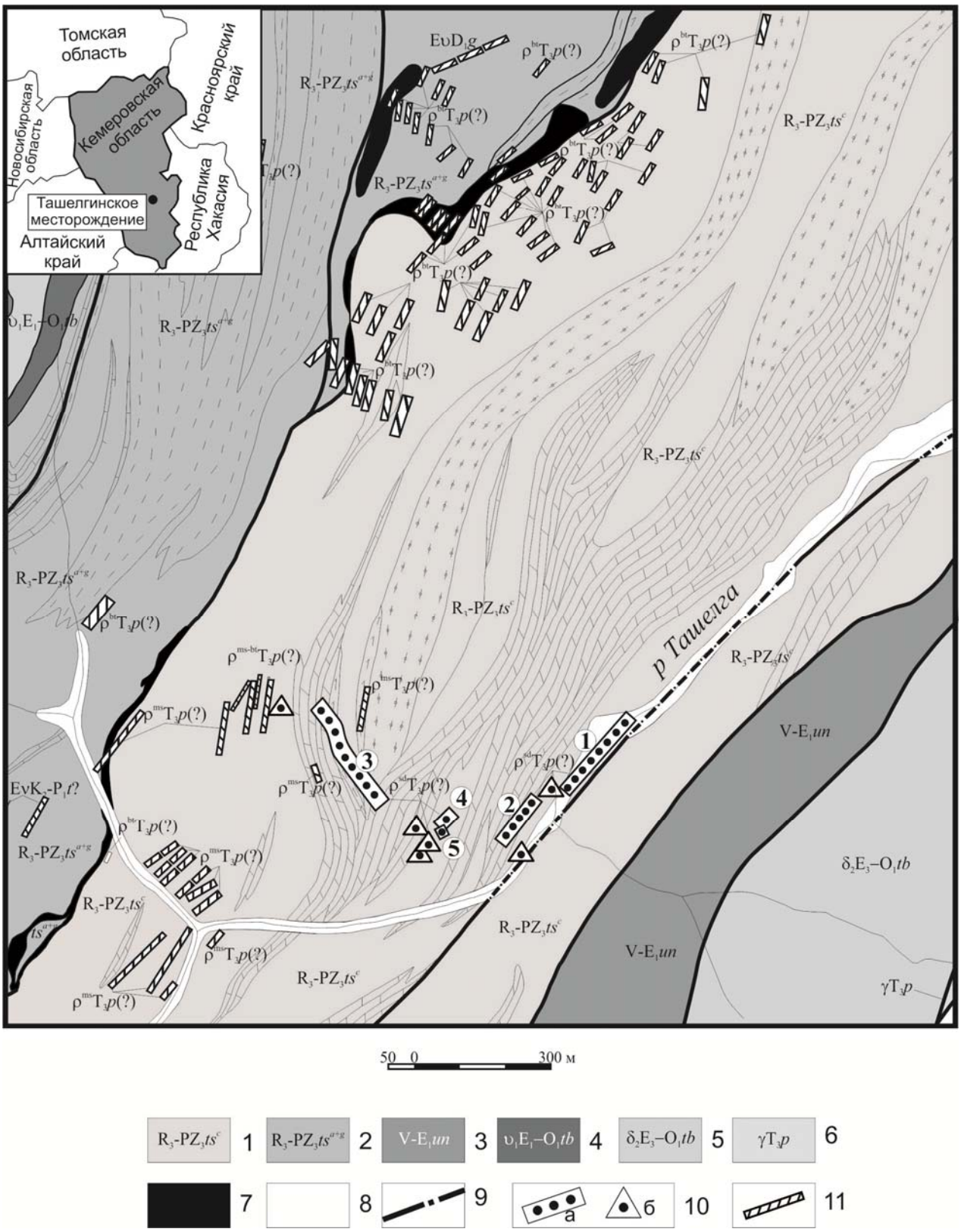


Рис. 1. Геологическая схема Ташелгинского (Мраморного) сподумен-пегматитового рудного поля Горной Шории [6].
1 – карбонатный подкомплекс ташелгинского полиметаморфического комплекса; *2* – амфиболитовый и мигматит-гнейсовый подкомплексы ташелгинского полиметаморфического комплекса; *3* – усть-анзасский трахит-трахибазальт-базальтовый комплекс; *4* – габброиды тебинского габбро-диоритового комплекса; *5* – диориты тебинского габбро-диоритового комплекса; *6* – гранитоиды порожинского субщелочногранит-лейкогранитового комплекса; *7* – железорудные скарны; *8* – четвертичные аллювиальные отложения; *9* – разрывные нарушения зоны Кузнецко-Алатаусского глубинного разлома; *10* – проявления сподумен-микроклин-альбитовых пегматитов: *а* – жильные тела, вскрытые разведочными выработками, *б* – глыбы сподуменовых пегматитов в делювиальных свалах и речном аллювии; цифрами в кружках обозначены жилы: 1 – Юрьевская, 2 – Юбилейная, 3 – Николаевская, 4 – Ляпуновская, 5 – Родченковская; *11* – жилы безсподуменовых кварц-альбит-микроклиновых пегматитов с мусковитом или биотитом.
На врезке показана географическая схема расположения Ташелгинского рудного поля сподуменовых пегматитов в Кемеровской области

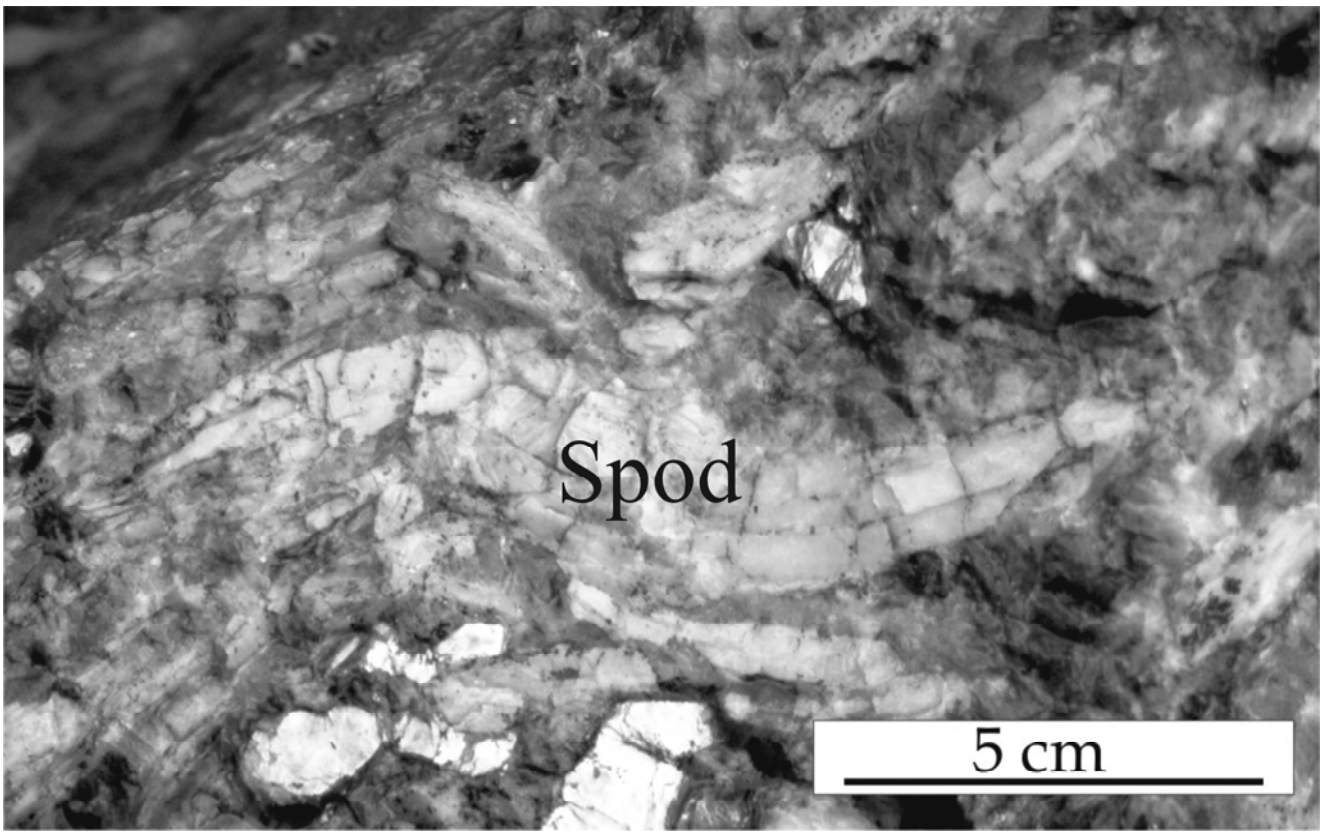


Рис. 2. Текстурно-структурный облик пегматитов жилы Юрьевская,
отражающий степень их катаклаза и присутствие S-образных кристаллов сподумена; spod – сподумен

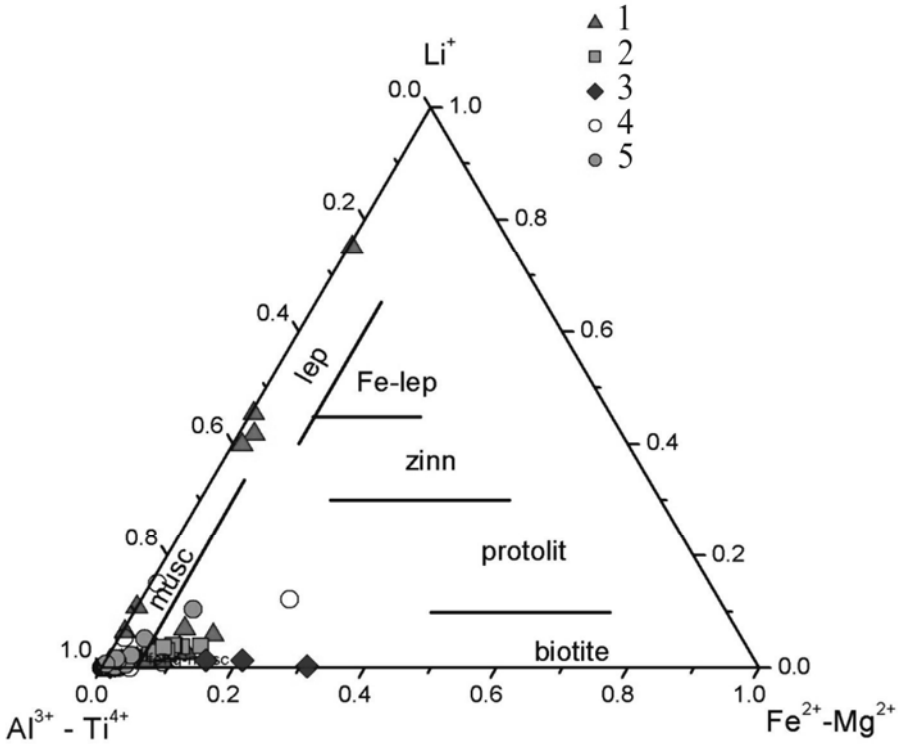


Рис. 3. Составы слюд сподуменовых пегматитов Ташелгинского поля на диаграмме Li-Al-Fe [7] в сравнении с составами слюд из сподуменовых пегматитов некоторых месторождений мира: *1* – слюды сподуменовых пегматитов [8], *2* – слюды Ташелгинского поля, *3* – слюды Завитинского пегматитового поля и кукульбейского гранитного комплекса [8], *4* – составы мусковитов [9], *5* – слюды пегматитового поля Кентича, Эфиопия [10]

Достоинством предлагаемой комплексной переработки бедных сподуменовых руд без их обогащения являются: 1) исключение многостадийной операции обогащения руды; 2) возможность использования бедной сподуменовой руды с содержанием Li_2O – 0,6–0,8%; 3) совмещение производства литиевых продуктов и цемента; 4) производство литийсодержащего цементного клинкера, что позволяет получать цементы с улучшенными свойствами.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Ташелгинское рудное поле представлено редкометальными пегматитами с Li и Ta-Nb минерализацией, при промышленном значении Li минерализации. Минералами-концентраторами лития в сподуменовых пегматитах Ташелгинского поля являются: сподумен – 6,24±0,46 мас.% Li_2O, мусковит – 0,25±0,04 мас.% Li_2O и калиевый полевой шпат – 0,003±0,001 мас.% Li_2O.

2. Изотопно-геохронологические данные показывают, что несмотря на широкий разброс значений, полученных U-Pb и Ar-Ar методами, пегматиты образовались как минимум на 100 млн лет раньше присутствующих в регионе гранитов и, следовательно, могут быть отнесены к объектам, для которых генетическая связь с гранитоидным магматизмом не устанавливается.

3. Взаимодействие с вмещающими породами – мраморами – проявилось на завершающем этапе становления пегматитов, что отразилось в наличии высококальциевых зон граната и замещении окислов Ta, Nb и Ti кальций-содержащими минералами – Ca-микролитом и титанитом.

4. Сходство акцессорной минерализации сподуменовых и безсподуменовых пегматитов указывает на их генетическое родство.

5. Экономически эффективной является комплексная переработка руд Ташелгинского месторождения с получением, помимо литиевой продукции, шлама для производства цементного клинкера с дальнейшим получением цемента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимиров А.Г., Пономарева А.П., Каргополов С.А. и др.* Неопротерозойский возраст древнейших образований Томского выступа (Горная Шория) на основании U-Pb, Sm-Nd, Rb-Sr и Ar-Ar изотопного датирования // Стратиграфия. 1999. Т. 7, № 5. С. 28–42.
2. *Шокальский С.П., Бабин Г.А., Владимиров А.Г. и др.* Корреляция магматических и метаморфических комплексов западной части Алтае-Саянской складчатой области. Новосибирск : Изд-во СО РАН, Филиал «Гео», 2000. 120 с.
3. *Бабин Г.А., Владимиров А.Г., Руднев С.Н.* Геологическое строение, магматизм и метаморфизм Горной Шории как одного из типовых регионов Алтае-Саянской складчатой области // Актуальные вопросы геологии и минералогии юга Сибири : Материалы науч.-практ. конф., пос. Елань, Кемеровской области, Новосибирск : Изд-во ОИГМ СО РАН, 2001. С. 18–30.
4. *Анникова И.Ю., Уваров А.Н., Смирнов С.З. и др.* Геологическая позиция, минеральный состав и возраст Ташелгинского месторождения сподуменовых пегматитов (Горная Шория) // Литий России: минерально-сырьевые ресурсы, инновационные технологии, экологическая безопасность : материалы совещания. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. С. 14–16.
5. *Владимиров А.Г., Ляхов Н.З., Исупов В.П. и др.* Литиевые месторождения сподуменовых пегматитов Сибири и инновационные технологии в электрохимической энергетике // Разведка и охрана недр. № 6. 2011б. С. 13–19.
6. *Уваров А.Н., Ляпунов И.А., Юрьев А.А. и др.* Прогнозно-поисковые работы на редкие металлы в пределах Ташелгинского рудного района в Кемеровской области за 2005–2007 гг. (в 2 книгах и 1 папке). Геологический отчет. Елань : ФГУП «Запсибгеолсъемка», 2007. 410 с.
7. *Foster M.D.* Interpretation of the composition of lithium micas // U.S. Geol. Surv. Prof. Paper, 1960, № 354E. P. 115–147.
8. *Загорский В.Е., Макагон В.М., Шмакин Б.М. и др.* Гранитные пегматиты. Новосибирск : Наука, 1997. Т. 2. 278 с.
9. *Минералы.* Справочник. Т. 4, вып. 1 / ред. Ф.В. Чухров и Н.Н. Смолянинова. М. : Наука, 1992. 598 с.
10. *Küster D., Rolf L. Romer, Dandena Tolessa et al.* The Kenticha rare-element pegmatite, Ethiopia: internal differentiation, U-Pb age and Ta mineralization // Miner Deposita. 2009. Vol. 44. P. 723–750.
11. *Коцупало Н.П., Рябцев А.Д., Ягольницер М.А., Ляхов Н.З.* Рентабельная переработка литиеносных бедных руд с получением соединений лития и цемента // Химия в интересах устойчивого развития. 2009. Т 17, № 2. С. 151–159.
12. *Коцупало Н.П., Рябцев А.Д., Ягольницер М.А.* О рентабельности производства продукции при комплексной переработке литиевых руд // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2008. № 6. С. 52–56.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 26 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 175–181 DOI: 10.17223/15617793/376/33

УДК 551.582

Г.Г. Журавлев, Г.О. Задде

ОЦЕНКА ВЕТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Приведены основные характеристики скорости ветра и оценка ветроэнергетического потенциала Кемеровской области. Для исследования ветрового режима были использованы данные метеорологических ежемесячников за период с 1966 по 2011 г. по 21 метеорологической станции Кемеровской области. Результаты оценки ветроэнергетического потенциала имеют практическое применение при проектировании и использовании систем энергоснабжения, использующих возобновляемые ресурсы. Ветроэнергетические ресурсы могут использоваться и в перспективном планировании экономического развития данной территории.

Ключевые слова: ветровой режим; ветроэнергетический потенциал; сезонный ход.

Для обеспечения человечества энергией в подавляющем большинстве используются источники на основе различных видов ископаемого топлива. Массовое использование полезных ископаемых в качестве топлива привело к загрязнению окружающей среды до критических значений, к угрозе истощения запасов полезных ископаемых. Для решения этих глобальных проблем ведется поиск альтернативных источников энергии. В этом качестве рассматриваются и атомная энергетика, и так называемые чистые источники энергии, в число которых входят установки, использующие энергию ветра. Использование атомной энергетики, несмотря на ряд преимуществ, встречает все больше возражений в связи с огромной опасностью и проблемой утилизации радиоактивных отходов. Показательные примеры – аварии на Чернобыльской АЭС и АЭС «Фукусима». Энергия ветра хотя и используется с глубокой древности, имеет ряд крупных недостатков, в первую очередь низкую единичную плотность этой энергии, зависимость от погодных условий, несовершенство её преобразования в более удобные виды энергии. Это до сих пор ограничивает широкое использование данного природного источника. В настоящее время появилось много различных установок для преобразования энергии ветра в другие виды энергии, в том числе и в наиболее удобную – электрическую. Эти установки называют аэрогенераторами или ветроэнергетическими установками (ВЭУ), они находят применение в самых различных местах: могут использоваться в индивидуальной жилой застройке, в фермерских хозяйствах и т.п.

Для решения задач об оценке ветроэнергопотенциала и возможного вклада его в ресурсосбережение и экологию региона необходимо иметь представление об особенностях распределения характеристик ветрового режима во времени и по территории. Ветер – один из наиболее изменчивых метеорологических элементов. Скорость ветра и направление значительно изменяются, если на его траектории встречаются какие-либо препятствия (обусловленные рельефом местности, растительностью, наличием водных объектов и искусственных сооружений). Влияние этих факторов характеризуют параметром шероховатости подстилающей поверхности. Изменения касаются не только ветра у поверхности земли, но и на высотах. Следовательно, информация о ветре в каких-то точках, полученную по данным метеостанций, следует использовать с учетом однородности рассматриваемой территории. Если местоположение точек не отличается от местоположения соответствующих метеорологических станций, то данные метеостанций можно распространять на расстояния до 50 километров и даже более. Даже в условиях равнинной открытой местности две близкие друг к другу станции могут различаться по ветровым показателям в зависимости от защищенности флюгера деревьями или зданиями, построенными в защитной зоне метеостанции. Со временем условия местоположения станций по разным причинам могут сильно меняться. В связи с этим при анализе данных о ветре необходимо уделять внимание описаниям местоположения станций, оценке степени защищенности флюгера.

Для оценки ветрового режима и ветроэнергетического потенциала ветра Кемеровской области использованы данные 21 гидрометеорологической станции за период с 1966 по 2011 г. В табл. 1 приведены основные статистические характеристики среднегодовой скорости ветра по станциям Кемеровской области.

Анализ полученных данных показывает, что среднегодовые многолетние скорости ветра на станциях Кемеровской области меняются в достаточно широких пределах – от минимальной – 0,8 м/с (Усть-Кабырза) до максимальной – 3,6 м/с (Новокузнецк, Юрга). Коэффициент вариации C_v, характеризующий временную изменчивость скоростей ветра относительно средней, меняется в пределах от 0,25 (ст. Белово) до 0,44 (ст. Кондома). Коэффициент вариации используется для характеристики однородности исследуемой совокупности. Статистическая совокупность считается количественно однородной, если коэффициент вариации не превышает 0,33.

Для интерполяции скоростей ветра и построения карты-схемы использовались программа ArcGis10 и ее модуль Geostatistical Analyst, который позволяет также оценить стандартную ошибку интерполяции. На рис. 1 показана карта-схема распределения среднегодовой скорости ветра по территории Кемеровской области с использованием ординарного кригинга. На рис. 2 приведена карта распределения стандартной ошибки интерполяции для среднегодовой скорости ветра по территории области. На большей части рассматриваемой территории ошибка интерполяции не превышает 0,3–0,6 м/с.

При исследовании характеристик ветра также необходимо учитывать их годовой ход. Ввиду наличия годового хода скорости ветра ветроэнергетические ресурсы могут значительно меняться в течение года. На рис. 3, для примера, в графическом виде представлены среднемесячные характеристики скорости ветра для трех станций: Киселевск, Новокузнецк и Междуреченск.

Таблица 1

Основные статистические характеристики среднегодовой скорости ветра на станциях Кемеровской области (1966–2011 гг.)

Станция	V_c, м/с	Cv	σ	Станция	V_c, м/с	*Cv*	σ
Яя	3,1	0,38	1,2	Промышленная	2,6	0,41	1,1
Тайга	3,3	0,27	0,9	Красное	2,2	0,37	0,8
Мариинск	3,1	0,40	1,2	Белово	2,8	0,25	0,7
Тяжин	3,2	0,34	1,1	Киселевск	2,8	0,31	0,9
Тисуль	3,3	0,36	1,2	Новокузнецк	3,6	0,28	1,0
Юрга	3,6	0,36	1,3	Междуреченск	1,3	0,36	0,5
Барзас	2,8	0,37	1,0	Кузедеево	1,9	0,35	0,7
Топки	3,0	0,32	1,0	Кондома	0,9	0,44	0,4
Кемерово	2,7	0,32	0,9	Таштагол	1,3	0,36	0,5
Центральный Рудник	3,0	0,32	0,9	Усть-Кабырза	0,8	0,45	0,4
Крапивино	2,1	0,35	0,8				

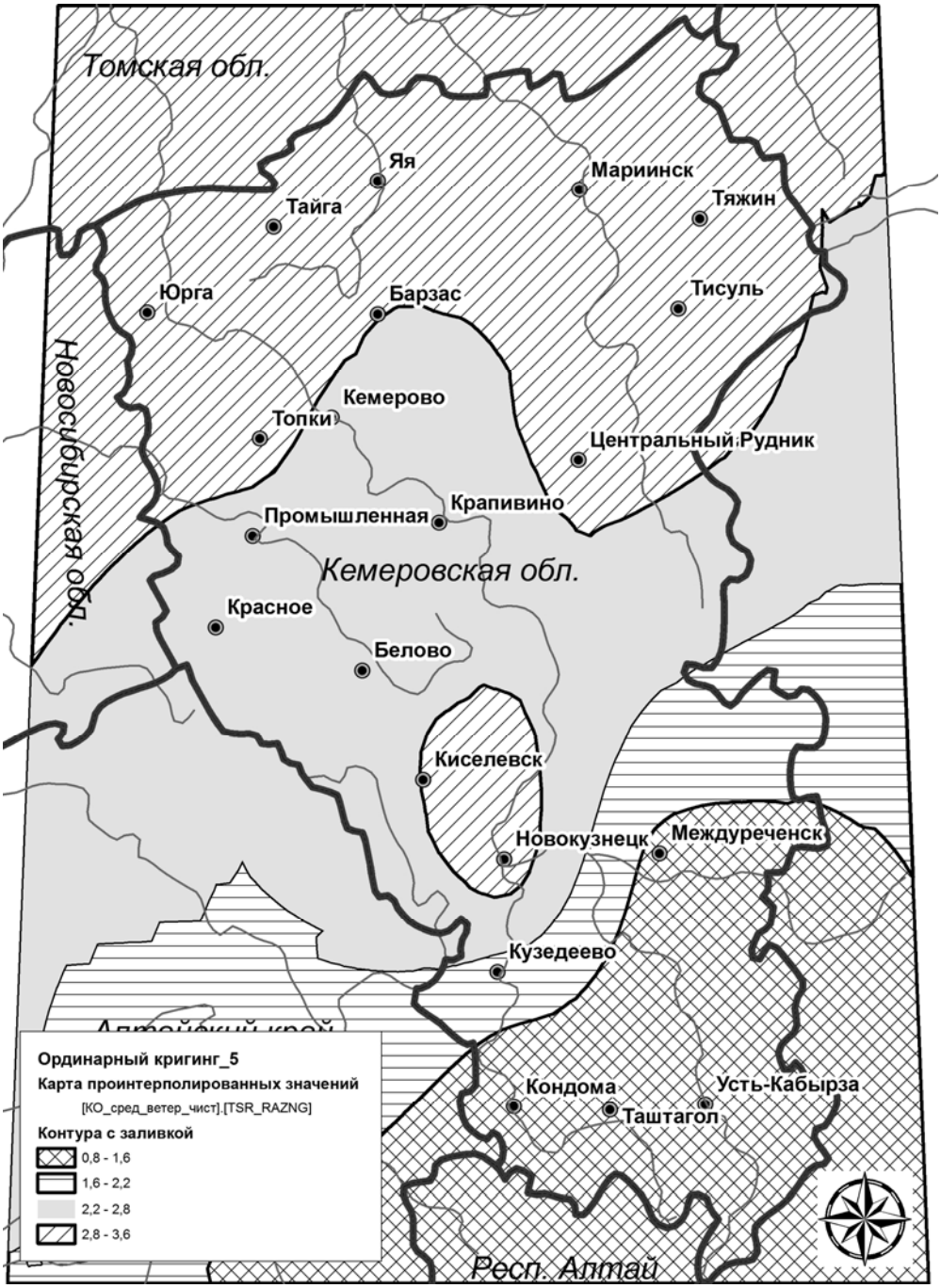


Рис. 1. Распределение среднегодовых скоростей ветра на территории Кемеровской области

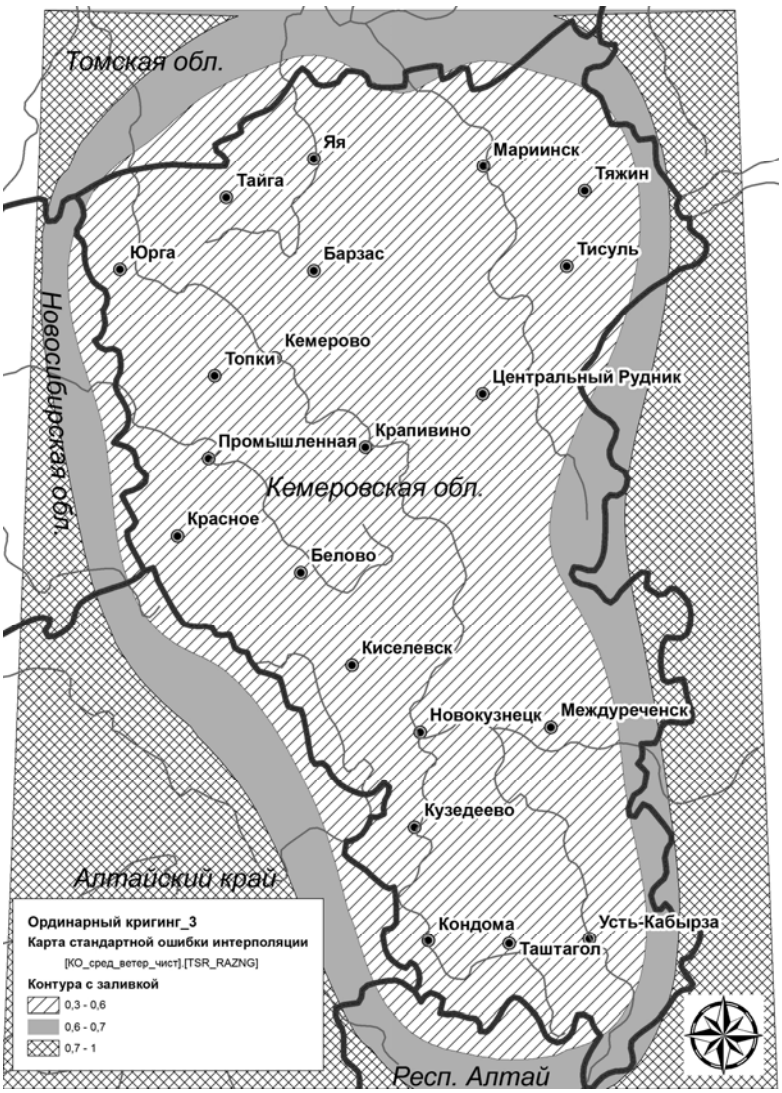


Рис. 2. Распределение стандартной ошибки интерполяции скоростей ветра на территории Кемеровской области

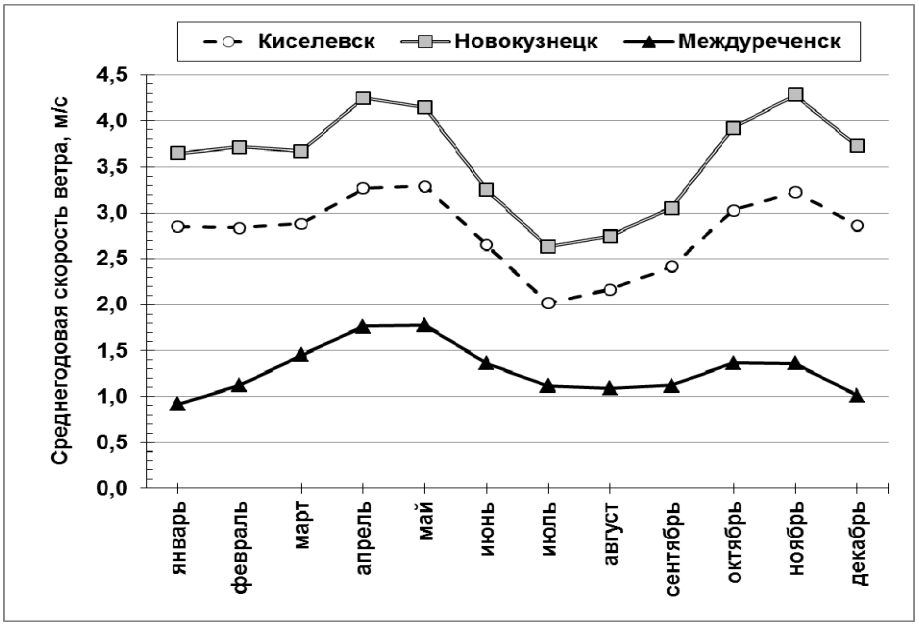


Рис. 3. Сезонный ход скорости ветра (станции Киселевск, Новокузнецк, Междуреченск)

В сезонном ходе скоростей ветра практически на всех метеостанциях прослеживаются два максимума (в апреле – мае и октябре – ноябре) и два минимума (в январе и июле – августе.

Для исследования динамики среднегодовой скорости ветра были построены графики для всех рассматриваемых станций. На рис. 4, для примера, представлена динамика среднегодовой скорости ветра для некоторых станций Кемеровской области (Киселевск, Новокузнецк, Междуреченск).

Анализ динамики изменения скоростей ветра показал, что практически на всех станциях Кемеровской области также имеется тенденция к снижению скоростей ветра. Для выявления тенденций изменения скорости ветра исходный ряд был разбит на две части: первая часть – период с 1966 по 1990 г. (П1), вторая – с 1991 по 2011 г. (П2). Для каждой части вычислялось среднее значение скорости ветра. В табл. 2 приведены значения среднегодовых скоростей ветра по периодам и отношение первого периода ко второму (П1/П2).

Рис. 4. Динамика среднегодовой скорости ветра (станции Киселевск, Новокузнецк, Междуреченск)

Таблица 2

Значения среднегодовой скорости ветра на станциях Кемеровской области по периодам

Станция	Периоды			
	(1966–1990 гг.) П1	(1991–2011 гг.) П2	(1966–2011 гг.) П1+П2	Отношение П1/П2
Яя	3,4	2,8	3,1	1,2
Тайга	3,5	3	3,3	1,2
Мариинск	3,7	2,5	3,1	1,5
Тяжин	3,6	2,7	3,2	1,3
Тисуль	3,8	2,8	3,3	1,4
Юрга	4,4	2,6	3,6	1,7
Барзас	3	2,4	2,8	1,3
Топки	3,6	2,4	3	1,5
Кемерово, АГРО	3	2,3	2,7	1,3
Центральный Рудник	3,2	2,7	3	1,2
Крапивино	2,5	1,7	2,1	1,5
Промышленная	3,1	2,1	2,6	1,5
Красное	2,4	1,9	2,2	1,3
Белово	2,9	2,6	2,8	1,1
Киселевск	3,1	2,4	2,8	1,3
Новокузнецк	3,8	3,3	3,6	1,2
Междуреченск	1,5	1,1	1,3	1,4
Кузедеево	2	1,8	1,9	1,1
Кондома	0,9	1	0,9	0,9
Таштагол	1,4	1,2	1,3	1,2
Усть-Кабырза	0,8	0,8	0,8	1,0

Практически на всех станциях средняя скорость в первом периоде была выше, чем во втором. Изменение составило от 1,1 раза (Кузедеево) до 1,7 (Юрга). Исключение составили две станции: станция Усть-Кабырза, скорость двух периодов равна, и станция Кондома, здесь зафиксировано повышение скорости ветра во втором периоде в 1,1 раза по отношению к первому периоду. Выявление причин таких тенденций требует более подробных исследований. Такая тенденция к уменьшению среднегодовых скоростей ветра от-

мечается и в других регионах России. Возможные причины такого уменьшения скорости ветра делят на несколько групп. К первой группе (наиболее значимой) относят увеличение защищенности метеорологических площадок вследствие роста деревьев и застройки окружающей территории. Ко второй группе причин относят изменение режима общей циркуляции атмосферы (хотя этот факт в некоторых работах опровергается). Так, например, в статье [1] показано, что при изучении среднегодовой скорости ветра на изобарических поверхностях 850, 500 и 359 гПа для станций, расположенных на севере России, ни на одной аэрологической станции скорость ветра на высотах не уменьшилась. Еще одна предполагаемая причина уменьшения скорости ветра – это тенденция к падению атмосферного давления. Для Западной Сибири эти тенденции выявлены в работе [2].

Для оценки энергии ветрового потока используют различные зависимости. Энергия (E), содержащаяся в потоке движущегося воздуха, определяется следующим соотношением [1, 2]:

$$E = 4{,}81\times10^{4}\times V^{3}\times D^{2}\times\xi\times\eta\,, \qquad (1)$$

где V – скорость ветра; D – диаметр ветроколеса ВЭУ; ξ – номинальный коэффициент использования ветра; η – к.п.д. преобразования механической энергии в электрическую.

Многочисленными исследованиями доказано, что практическая эффективность системы винт – генератор достигает примерно 30–40%. Авторами [3] для расчета средней удельной мощности ветрового потока (ветроэнергетического потенциала на 1 м^2) Nc использовалась формула, учитывающая среднюю скорость ветра V_c и её коэффициент вариации C_v:

$$N_c \approx 0{,}613\times V_c^3\times(1+3C_v^2-0{,}9C_v^3+2{,}9C_v^4) \qquad (2)$$

Эта формула определяет теоретическую (потенциальную) величину ветровой энергии и является верхним пределом запасов ветровых ресурсов, так как не учитывает потери преобразования. Ветроэнергетические ресурсы на практике и в теории подразделяются на два вида: потенциальные и технические. Потенциальные ветроэнергоресурсы – это суммарная энергия движения воздушных масс, перемещающихся над рассматриваемой территорией. В природе эти ресурсы необычайно велики. Однако на практике используется лишь некоторая часть потенциальных энергоресурсов. Эта энергоактивная (утилизируемая) часть энергии ветра называется техническими ветроэнергоресурсами. Их величина зависит от характеристик конкретных технических устройств. Согласно работе [4], вырабатываемая ВЭУ мощность зависит следующих факторов: куба скорости ветра; плотности и турбулентности воздуха; квадрата диаметра ротора (площади вращения воздушного колеса); эффективности винта и генератора; стартовой и номинальной скорости ветра (при которых аэрогенератор начинает работать и развивает номинальную мощность); номинальной мощности ВЭУ.

Первые два фактора зависят от выбора района установки ВЭУ, удельная выработка ветровой электроэнергии полностью зависит от силы ветра и продолжительности энергоактивных скоростей на данной территории. Остальные факторы являются функциями аэрогенераторов. Также следует иметь в виду, что получение энергии достигается лишь при скорости ветра, находящейся в допустимом рабочем диапазоне для каждого ветроагрегата. Часто скорость ветра бывает слишком низкой, и ветроагрегат не может работать, либо достигает такого большого значения, что необходимо принимать меры к его отключению с целью предотвращения разрушения.

При современном уровне развития ВЭУ условия их экономически оправданной эксплуатации в зависимости от среднегодовой скорости (V_c) можно приближенно оценить следующим образом [5]: при скорости $V_c <$ 3 м/с – бесперспективные для любых ВЭУ; при скорости $3 \le V_c < 3{,}5$ м/с – малоперспективные; при $3{,}5 \le V_c <$ 4 м/с – перспективные для ВЭУ малой мощности; при $4 \le V_c < 5{,}5$ м/с – перспективные для малой и большой мощности и при $V_c \ge 5{,}5$ м/с – перспективные для всех ВЭУ. На рис. 5 показано распределение скорости ветра по приведенной классификации и выделены районы по перспективности размещения ветроэнергетических установок в Кемеровской области.

Большая часть области относится к бесперспективным районам для размещения ВЭУ любой мощности (среднегодовая скорость ветра меньше 3 м/с). В северной части области выделяется район с малоперспективными условиями (среднегодовая скорость 3,0–3,5 м/с). Следует отметить, что эта классификация в настоящее время не совсем точно отражает перспективы использования энергии ветра, так как в последние годы появилось много ВЭУ, работающих и при малых скоростях ветра.

Для расчета удельной мощности по кубу средней скорости ветра можно использовать следующую формулу:

$$N_{ср} = 1{,}16\times(V_{ср})^3, \qquad (3)$$

где $N_{ср}$ – мощность, рассчитанная по средним значения скорости ветра, вт/м^2 × с; $V_{ср}$ – средняя скорость ветра, м/с [6].

Для более точных расчетов, согласно [9], используется формула

$$N_{град} = 0{,}613\times(V_{град})^3\times f(V_{град})\,/\,100, \qquad (4)$$

где $N_{град}$ – теоретическая удельная мощность, рассчитанная по градациям, вт/м^2 ×с; $V_{град}$ – скорость ветра (средняя граница градации), м/с; $f\,(V_{град})$ – дифференциальная повторяемость скорости ветра данной градации, %.

Для оценки удельной мощности ветроэнергетических ресурсов Кемеровской области за весь рассматриваемый период была использована формула (3). Результаты расчетов по данным метеостанций показали, что величина удельной мощности меняется в значительных пределах. В Кемеровской области минимальное среднее значение удельной мощности наблюдалось на станции Усть-Кабырза – 1,0 вт/м^2 × с, максимумы среднегодовой удельной мощности зафиксированы на станции Юрга – 76,0 вт/м^2 × с, на ст. Новокузнецк – 67,7 вт/м^2 × с, на ст. Тисуль – 61,1 вт/м^2 × с. Наблюдаемые в отдельные месяцы значения удельной мощности достигали значений: 687,5 вт/м^2 × с на станции Новокузнецк, на станции Мариинск – 737,0 вт/м^2 × с, на станции Тисуль – 616,0 вт/м^2 × с и 963,5 вт/м^2 × с на станции Яя. При таких значениях удельной мощности можно получить значительное количество электроэнергии.

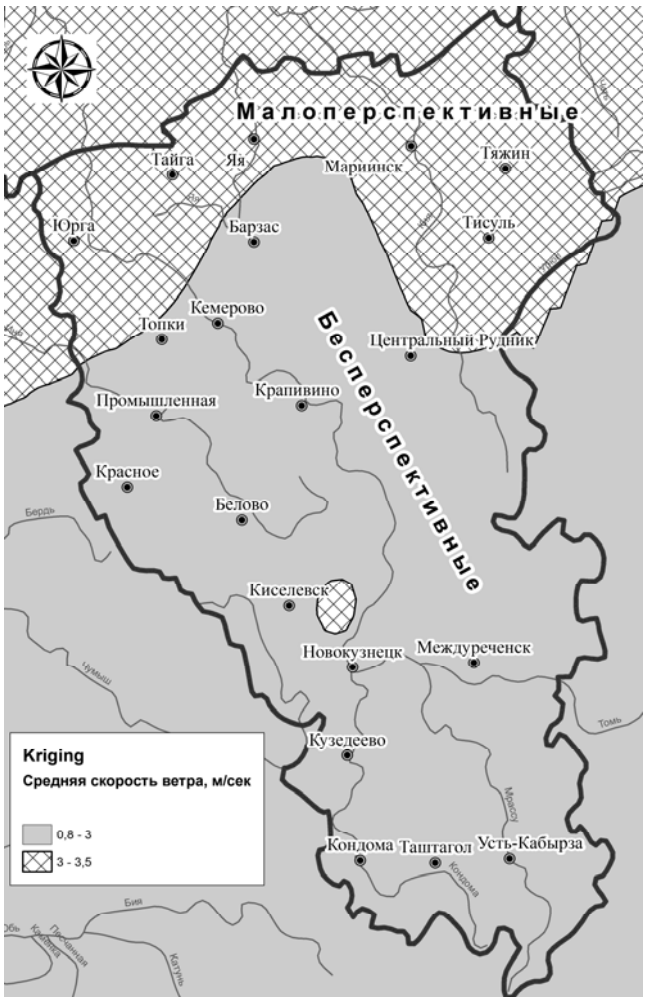


Рис. 5. Районирование Кемеровской области по перспективности размещения ВЭУ по классификации [5]

Таблица 3

Удельная мощность (вт/м^2 × с) ветрового потока по станциям юго-востока Западной Сибири, рассчитанная по формулам (3) и (4) за период с 2000 по 2011 г.

Станция	Удельная мощность, вт/м^2 × с		Станция	Удельная мощность, вт/м^2 × с	
	формула 3	формула 4		формула 3	формула 4
Яя	30,2	46,9	Промышленная	11,9	19,0
Тайга	36,7	48,4	Красное	8,8	19,0
Мариинск	19,4	40,6	Белово	19,3	24,0
Тяжин	21,6	31,4	Киселевск	19,2	29,4
Тисуль	30,1	55,4	Новокузнецк	43,5	73,8
Юрга	19,6	45,0	Междуреченск	1,8	10,0
Барзас	17,5	50,4	Кузедеево	9,6	23,8
Топки	14,9	21,4	Кондома	1,1	5,3
Кемерово, агро	12,5	18,1	Таштагол	1,9	11,5
Центр. Рудник	26,8	41,1	Усть-Кабырза	1,2	5,4
Крапивино	6,8	12,2			

Учитывая значительное снижение скоростей ветра за рассматриваемый период, для более точной оценки ветроэнергопотенциала в современный период, была рассчитана удельная мощность скорости ветра за период с 2000 по 2011 г.

Для расчетов была использована формула (3). Для сравнения была дополнительно использована формула (4), учитывающая данные по повторяемости скоростей ветра по градациям [7]. Результаты приведены в табл. 3. Сравнение данных расчета за весь период (1966–2011 гг.) и периода с 2000 по 2011 г. показывает, что среднегодовые значения удельной мощности за весь период по станциям значительно превышают значения за последние годы, уменьшение на некоторых станциях достигает 3–5 раз.

Сравнение расчетов по формулам (3) и (4) показывает, что величина удельной мощности, рассчитанная по формуле (4), на всех станциях превышает значения, полученные по формуле (3). Разница значений для Кемеровской области может достигать 83%.

Таким образом, рассмотрев основные характеристики ветра на высоте расположения флюгера (10–14 м) по станциям Кемеровской области, можно сделать следующие выводы:

– оценка ветроэнергетических ресурсов по данным метеостанций показывает, что использование ВЭУ малой мощности возможно в переходные периоды – апрель, май, октябрь, ноябрь, когда отмечаются более высокие скорости ветра;

– использование (ВЭУ) средней и большой мощности по классификации [5] бесперспективно;

– учитывая нестабильность (суточная, сезонная, погодная) поступления ветровой энергии, её можно использовать лишь в качестве дополнительного источника электроснабжения.

Для более эффективного использования ветровой энергии необходимо располагать ветровые приемники ВЭУ на больших высотах: 30÷100 м и выше, так как скорость ветра с высотой увеличивается по логарифмическому закону. Расчет показывает, что скорость ветра на высоте 30 м выше в среднем в 1,7 раза, на высоте 100 м – в 2,4 раза. При этом среднегодовые скорости воздушных потоков на стометровой высоте превышают 7 м/с. Установка ВЭУ на высоте 100 м (используя подходящую естественную или искусственную возвышенность) практически в любом районе может обеспечить эффективную работу ВЭУ и значительные дополнительные поступления электроэнергии.

Кроме этого, дополнительные возможности может принести использование ВЭУ, работающих при малых скоростях ветра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мещерская А.В., Еремин В.В., Баранова А.А., Майстрова В.В.* Изменение скорости ветра на севере России во второй половине XX века по приземным и аэрологическим данным // Метеорология и гидрология. 2006. № 3. С. 83–97.
2. *Ипполитов И.И., Кабанов М.В., Комаров А.И., Кусков А.И.* Современные природно-климатические изменения в Сибири: ход среднегодовых приземных температур и давления // География и природные ресурсы. 2004. № 3. С. 90–96.
3. *Тажиев И.Т.* Энергия ветра – база электрификации сельского хозяйства. Л. : Гос. энерг. изд-во, 1952. 192 с.
4. *Исаев А.А.* Прикладная климатология. М. : Изд-во МГУ, 1989. 88 с.
5. *Дробышев А.Д, Пермяков Ю.А.* Ветровая энергия и её возможный вклад в ресурсосбережение и экологию Прикамья : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. 112 с.
6. *Энциклопедия* климатических ресурсов Российской Федерации / под ред. Н.В. Кобышевой и К.Ш. Хайруллина. СПб. : Гидрометеоиздат, 2005. 320 с.
7. *Руководящий* документ. Методические указания. Проведение изыскательских работ по оценке ветроэнергетических ресурсов для обоснования схем размещения и проектирования ветроэнергетических установок (РД 52.04.275-89). Л. : Гидрометеоиздат, 1991. 55 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 26 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 182–191 DOI: 10.17223/15617793/376/34

УДК 574.2; 551.582

И.В. Курьина, Л.Б. Филандышева, У.А. Бокова (Булатова), Е.С. Сапьян, Н.В. Климова

ИССЛЕДОВАНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ СЕЗОНОВ ГОДА И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЖИВЫЕ КОМПОНЕНТЫ БОЛОТНОГО БИОГЕОЦЕНОЗА (НА ПРИМЕРЕ ОЛИГОТРОФНОГО БОЛОТА ПОДТАЕЖНОЙ ПОДЗОНЫ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-04-31051/мол_а).

Выполнено комплексное исследование особенностей климатической структуры естественных сезонов 2011 и 2012 гг. и их влияния на сезонное развитие высших растений и сообществ раковинных амеб в болотном микроландшафте. Объектом исследования выбран олиготрофный облесенный болотный участок в подзоне подтайги на территории Западно-Сибирской равнины. По климатической структуре оба исследованных года отличаются как друг от друга, так и от средних многолетних данных, прежде всего, по режиму увлажнения. Эти отличия проявились в смещении сроков наступления отдельных фенофаз болотных кустарничков. Показатели структуры сообщества раковинных амеб значительно варьировали в течение вегетационной части годового цикла, однако сочетание высокой численности живых активных клеток раковинных амеб и высокого значения индекса видового разнообразия в их сообществе наблюдалось в конце центральной фазы летнего сезона в период максимального прогрева болотной почвы.

Ключевые слова: климатические сезоны года; фенология болотных растений; раковинные амебы; сезонная динамика; болотный биогеоценоз.

Введение

Сезонная ритмичность – характерное свойство всех компонентов природного комплекса, годовая динамика которых определяется, прежде всего, количеством поступающего солнечного тепла и активной влаги, поэтому сезонная ритмика климата является ведущей в развитии природных процессов и связанных с ними явлений.

Существуют различные методы выделения сезонных климатических ритмов. От метода во многом зависят получаемые результаты исследования. Нами выбран комплексно-генетический подход, позволяющий выделить естественные сезоны года [1, 19, 20].

Как растения, так и животные реагируют на климатические сезонные ритмы. Реакция растений проявляется в виде ежегодных последовательных фенологических изменений их развития. Для организмов, обитающих в почве, сезонные ритмы климата преломляются через ее гидротермический режим [2].

Болотные микроландшафты являются одними из самых распространенных на территории Западно-Сибирской равнины, формирование их связано, прежде всего, с плоским рельефом и повышенной увлажненностью. В связи с этим их населяют виды растений и животных, специально адаптированные к высокой обводненности среды.

Сведения о сезонном развитии болотных биоценозов немногочисленны [3–5]. Их значительно меньше, чем данных по другим микроландшафтам. Отсутствуют комплексные исследования естественных климатических ритмов и реакции на них живых компонентов болотной экосистемы.

Целью данного исследования является определение климатических особенностей естественных сезонов года и оценка их влияния на развитие отдельных компонентов болотного биоценоза, а также установление степени репрезентативности данных ближайшей метеорологической станции для характеристики климатических условий изучаемого нами болотного микроландшафта.

Объект и методы

В основу работы положены данные натурных наблюдений 2011 и 2012 гг. на болоте Тимирязевское (56°26'23"с.ш., 84°50'04" в.д.), расположенном в 10 км к юго-западу от г. Томска в пределах Обь-Томского междуречья. Исследуемый участок площадью около 3 га является частью нижнесреднечетвертичной, плиоцен-нижнечетвертичной плоской равнины, размытой ложбинами древнего стока. Данная территория относится к округу вторичных мелкотравных и высокопродуктивных хвойных лесов, высоко- и среднебонитетных почв, мелкоочагового болотообразования [6], выделенному в пределах подтаежной подзоны Западно-Сибирской равнины.

Растительное сообщество на исследуемом болотном участке представлено сосново-кустарничково-сфагновой ассоциацией. Древесный ярус состоит из сосны (*Pinus sylvestris* L.), высота деревьев 3–5 м. Подрост состоит в основном из сосны с незначительной долей кедра (*Pinus sibirica* Du Tour). В кустарничковом ярусе, занимающем 60–70% проективного покрытия, доминирует мирт болотный (*Chamaedaphne calyculata* (L.) Moench.), также встречаются подбел (*Andromeda polifolia* L.), багульник (*Ledum palustre* L.), клюква мелкоплодная (*Oxycoccus microcarpus* Turcz. ex Rupr.), брусника (*Vaccinium viitis-idaea* L.), черника (*Vaccinium myrtillus* L.). Проективное покрытие травяного яруса не превышает 10–15% и представлено в основном морошкой (*Rubus chamaemorus* L.). Моховой покров болота состоит преимущественно из сфагновых мхов (80% проективного покрытия), среди которых на кочках преобладает *Sphagnum fuscum* (Schimp.) Klinggr., а в межкочьях – *S. angustifolium* (Warnst.) C.E.O. Jensen и *S. magellanicum* Brid. Отдельные кочки и межкочья покрыты гипновыми мхами (20% проективного покрытия), среди которых преобладает *Pleurozium schreberi* (Brid.) Mitt.

С начала мая до конца октября 2011 и 2012 гг. осуществлялись выезды на болотный участок с периодичностью 2–3 раза в месяц, в ходе которых проводился отбор проб мохового очеса на одних и тех же двух микросайтах: одном в 2011 г. и другом – в 2012 г. Для этого выбраны

характерные элементы болотного микрорельефа: межкочья с очесом из мха *Sphagnum angustifolium*. Подготовка проб к анализу проведена по стандартной методике [7]. Для анализа сообществ раковинных амеб пробы влажного мохового очеса высотой 5–6 см массой 10–15 г фиксировали 4%-ным раствором формальдегида; для выделения зафиксированных живых клеток окрашивали эритрозином. В ходе анализа учитывали только раковинки с живыми клетками амеб: активными и отдельно инцистированными. Раковинки идентифицировали до вида при помощи определителей [8, 9] под световым бинокулярным микроскопом при 200-кратном увеличении. Массовую влажность очеса определяли путем взвешивания свежих и воздушно сухих проб. Численность клеток раковинных амеб указывается в расчете на 1 г абсолютно сухого вещества (а.с.в.) субстрата.

Измерение температуры воздуха на высоте 2 м на исследуемом болотном участке выполнено автоматическим измерителем температуры и относительной влажности воздуха EL-USB-2 («Lascar electronics», США) с периодичностью 5 мин с 14 июля по 26 октября 2012 г. Измерение температуры почвы на глубине 5 см с периодичностью 15 мин проведено автономным измерителем температуры [10], который был заложен в сфагновом межкочье с 14 июня по 26 октября 2012 г. Данная глубина выбрана в соответствии с высотой мохового очеса в сфагновых межкочьях исследуемого болотного участка. В работах других авторов [11, 12] показано, что верхний слой болотной почвы до глубины 8–10 см наиболее населен сообществами раковинных амеб.

Проведены наблюдения за фенологическими изменениями высших болотных растений, преимущественно видами болотных кустарничков. Для идентификации видов растений использованы определители высших растений [13] и мхов [14, 15]. Фенофазы выделены в соответствии с данными В.Ф. Юдиной и Т.А. Максимовой [5]. При расчете сумм эффективных температур за последние принимались значения среднесуточных температур воздуха выше + 5ºС [16].

На основе ежесуточных метеоданных по ст. Томск за эти годы была установлена структура годового цикла и рассчитаны для сезонных ритмов следующие климатические параметры: временные характеристики (даты начала, конца и продолжительность), показатели гидротермического режима (суммы температур, средние значения среднесуточных температур воздуха, суммы осадков и число дней с осадками, гидротермический коэффициент). Рассматривались также особенности формирования снежного покрова.

Полученные климатические характеристики для каждого исследуемого года (2010, 2011 и 2012 гг.) сравнивались как между собой, так и со средними многолетними значениями, рассчитанными для Томска Т.В. Ромашовой [17] за период с 1967 по 1997 г. и принятыми нами в качестве климатической нормы.

Результаты и обсуждение. Особенности климатической структуры годового цикла в 2011 и 2012 гг.

При рассмотрении климатической структуры естественных сезонов года мы руководствовались следующими положениями. Под естественными климатическими сезонами понимаются обособленные этапы годового цикла климатического компонента географической среды, характеризующиеся однотипностью, единой общей направленностью климатообразующих факторов и явлений и внешне выражающиеся в определенных взаимосвязанных становлениях других компонентов среды, изменениях аспектов ландшафтов [1]. Под сезонной структурой годового цикла подразумевается количество сезонов, из которых состоит год, а под структурой сезона – количество фаз, входящих в него.

В качестве критериев для отграничения сезонов года и их фаз (структурных единиц) нами использованы показатели, обоснованные комплексно-генетическим методом для Томска в работах Н.В. Рутковской [18] с уточнениями, приведенными в исследованиях Т.В. Ромашовой [17]. Преимущество используемого для этих целей указанного подхода заключается в том, что при рассмотрении ритмов природы (сезонов, фаз) используются данные за естественный основной ритм Земли – сутки, т.е. анализируются графики посуточного хода гидрометеорологических показателей с синхронным анализом динамики климатообразующих факторов и феноявлений. Несмотря на то что развитие биоценозов активно протекает в теплое время, нами были рассмотрены сезонные ритмы всего годового цикла, так как климатические особенности сезонов года между собой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Следует отметить, что в обстановке длительного залегания снежного покрова, характерного для Западно-Сибирской равнины, годовой цикл развития природы разделяется на вегетационную (ВЧГЦ) и холодно-снежную части (ХСЧГЦ) (структуры первого порядка). Под термином «вегетационная часть года» понимается «отрезок времени в годовом цикле, климатообразующие факторы которого определяют возможность жизнедеятельности растений и животных организмов в естественных условиях и прохождения ими в своем развитии последовательных фаз, выражающихся в изменении фенологических состояний и биохимических процессов» [19. С. 8]. ХСЧГЦ можно определить как период годового цикла, когда биогенная составляющая ландшафта находится в состоянии покоя. Структуры второго порядка – сезоны, третьего – фазы. Рассмотрим климатические особенности холодно-снежных частей годового цикла 2010/2011 гг. и 2011/2012 гг.

Согласно Н.В. Рутковской [18], за начало ХСЧГЦ (начало годового цикла) следует считать не 1 января, как принято в формальном календарном времяисчислении, а дату начала фазы предзимья (последней фазы осени), которой соответствует устойчивый переход средней суточной температуры воздуха через 0ºС и появление снежного покрова. Конец ХСЧГЦ совпадает с датой разрушения устойчивого снежного покрова (датой конца фазы снеготаяния – первой фазы весны). Таким образом, ХСЧГЦ состоит из пяти фаз – предзимья, умеренно морозной зимы, значительно морозной зимы, предвесенья и снеготаяния. Соотношение продолжительности структурных единиц ХСЧГЦ за рассматриваемые годы иллюстрирует рис. 1.

Таким образом, характеристику ХСЧГЦ 2010/2011 гг. следует начать с климатических особенностей фазы предзимье 2010 г., так как она является ее первой структурной единицей. Эта фаза в 2010 г. началась на 18 дней позднее обычного – 9.11 (при норме 22.10) и на две недели позднее закончилась – 17.11 (при норме 4.11). Предзимье 2011 г. по временным показателям оказалось близким к средним многолетним величинам (начало – 28.10 и конец – 07.11). По температурным условиям предзимья рассматриваемых лет были обычными, а по суммам осадков они заметно различались. Так, их больше выпало в 2011 г. – 39,3 мм (норма 37,8 мм), а меньше – в 2010 г. (19 мм).

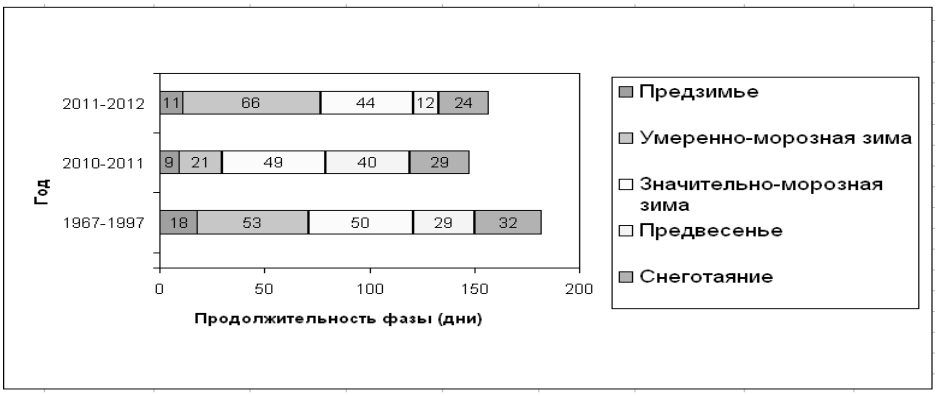


Рис. 1. Соотношение продолжительности фаз холодно-снежной части годового цикла по ст. Томск

Основную часть в структуре ХСЧГЦ занимает зимний сезон. Он состоит из следующих фаз: умеренно морозной зимы, значительно морозной зимы и предвесенья. В зиму 2010/2011 гг. фаза умеренно-морозная зима была короче обычного на 32 дня (норма 53 дня) как из-за очень позднего начала (18.11 при норме 5.11), так и раннего окончания (8.12 при норме 26.12). По уровню средней суточной температуры воздуха в этом году первая фаза сезона была холодной, по сумме выпавших осадков – нормальной, с числом дней с осадками почти в два раза меньше нормы (18 дней при норме 34 дня). Фаза умеренно морозная зима в 2011/2012 гг. была длинной (66 дней) (рис. 1), что было связано с поздним её концом из-за теплой третьей декады декабря и первой января. Устойчивый переход через –16ºС произошёл лишь 12 января, т.е. на 18 дней позднее обычного. За этот период накопились большие суммы отрицательных температур, и средняя суточная температура воздуха за первую фазу зимы оказалась ниже средней многолетней на 1,6ºС (–12,2ºС при норме –10,6ºС). Несмотря на большую продолжительность фазы, осадков выпало меньше нормы (56 мм при норме 79,8 мм).

Центральное ядро зимы – фаза значительно морозная зима – в эти годы была короткой. В первом случае из-за раннего конца (26.01 при норме 17.02), во втором – из-за позднего начала (13.01 при норме 27.12). По термическому режиму данная фаза в 2010/2011 гг. была холодной (средняя температура воздуха за фазу составила –24,4ºС при норме –22,1ºС), в 2011/2012 гг. – нормальной (–21,5ºС), с количеством осадков в первом и втором случаях меньше нормы, особенно в зиму 2011/2012 гг., когда сумма осадков составила всего 7,5 мм при норме 53 мм.

Последняя фаза зимнего сезона – предвесенье – в зиму 2010/2011 гг. оказалась длинной (40 дней при норме 29 дней) из-за раннего начала, холодной (–13,5ºС при норме –11,6ºС), с осадками немного меньше средней величины (19,3 мм при норме 25,6 мм). В зиму 2011/2012 гг. фаза предвесенье была короткой (12 дней), что связано как с поздним ее началом (26.02 при норме 18.02), так и с ранним концом (8.03 при норме 15.03); по термическому режиму нормальной, с очень большим дефицитом осадков (0,3 мм при норме 25,8 мм).

Таким образом, зима 2010/2011 гг. отличалась поздним началом и ранним концом сезона, с продолжительностью на 23 дня короче нормы (110 дней при норме 133 дня), по уровню средней суточной температуры воздуха – холодной (–17,2ºС при норме –14,7ºС). Сумма накопившихся осадков за сезон составила 85% от нормы (128 мм при норме 159 мм). Зима 2011/2012 гг. при сроках начала, близких к средним многолетним, закончилась на 7 дней раньше обычной даты конца, что уменьшило ее длину на 11 дней – до 122 дней. По температурным условиям – нормальная, по количеству осадков – малоснежная, так как их выпало практически в три раза меньше нормы (63,8 мм при норме 159 мм). По структуре зимы этих лет были трехфазными.

Последней структурной единицей ХСЧГЦ является фаза снеготаяние (первая фаза весны – время между концом устойчивых морозов и максимальными запасами воды в снеге). Эта фаза в 2011 г. и в 2012 г. начиналась, как было сказано выше, раньше обычного, также раньше заканчивалась, а именно 18.05 в 2011 г. и 12.05 в 2012 г. при норме 21.05. Короткой она была в 2012 г. – 24 дня (при норме 32 дня). В 2011 г. её продолжительность составила 35 дней. По уровню средних суточных температур воздуха фазы снеготаяние этих лет были холодными (–3,5ºС в 2011 г., –2,8ºС в 2012 г., что на 1,5 – 0,9ºС ниже нормы). По количеству осадков снеготаяние 2011 г. оказалось нормальным (29,4 мм при норме 30,7 мм); в 2012 г. – их выпало на 20,8% больше средней величины (37 мм), при этом дней с осадками было на 40% меньше нормы (9 дней при норме 15 дней).

Таким образом, ХСЧГЦ 2010/2011 гг. и 2011/2012 гг. по продолжительности оказались короче обычного на 33 и 24 дня соответственно (норма 181 день) из-за меньшей длины большинства фаз (см. рис. 1). Значения средней суточной температуры воздуха за ХСЧГЦ и в первом, и во втором случаях были ниже нормы (–13,5 и –12,3ºС при норме –9,7ºС). По температурному режиму среди фаз ХСЧГЦ этих лет преобладали нормальные типы. По сумме осадков и числу дней с осадками ХСЧГЦ 2010/2011 гг. соответствует уровню средних лет, тогда как ХСЧГЦ 2011/2012 гг. – ниже среднего. В этом году при числе дней с осадками, близким к норме, их количество составило лишь 76,9% от нормы (167,7 мм при норме 218,1 мм). Во все фазы зимнего сезона 2011/2012 гг. осадков выпало намного меньше нормы, в предзимье их было в пределах нормы и только в фазу снеготаяние – больше нормы.

Особенности снежного покрова и промерзания почв в рассматриваемые годы были следующие. В 2011 г. появление снежного покрова отмечалось 29.10, т.е. в начале фазы предзимье, устойчивое образование снежного покрова произошло на 3 дня позднее конца этой фазы. Начало разрушения снежного покрова наступило 25.03 (фаза снеготаяние), окончательный сход – 8.04.2012 г. (фаза послезимье). Продолжительность периода от разрушения до окончательного схода составил 14 дней, а времени с устойчивым залеганием – 150 дней. Максимальная высота снежного покрова оказалась равной 53 см (23.03.2012 г.) при норме 69 см. Ещё меньшая мощность снежного покрова отмечалась только в 1967/1968 гг. (30 см) и в 1969/1970 гг. (40 см).

Небольшая толщина снега привела к глубокому промерзанию почв – до 99 см (в 2010 г. – до 60 см). Начало промерзания почв совпало с датой начала фазы предзимье (07.11.2011 г.), дата начала оттаивания – с серединой фазы послезимье (10.04.2012 г.), а дата окончательного оттаивания – с началом фазы умеренно прохладное лето. Сложившиеся климатические условия за ХСЧГЦ 2011/2012 гг. не могли не сказаться на условиях перезимовки естественной и культурной растительности, а также представителей животного мира, которые для них в этот год оказались не совсем благоприятными.

Рассмотрим климатические особенности вегетационных частей годового цикла. Началом ВЧГЦ Н.В. Рутковская [18, 19] предлагает считать дату разрушения устойчивого снежного покрова весной, а ее концом – дату появления снежного покрова осенью. ВЧГЦ состоит из семи структурных единиц и включает в себя две фазы весны (послезимье, предлетье), три фазы лета (умеренно прохладное лето, умеренно теплое лето, спад лета), две фазы осени (становление осени, поздняя осень). Соотношение продолжительности структурных единиц ВЧГЦ за рассматриваемые периоды иллюстрирует рис. 2.

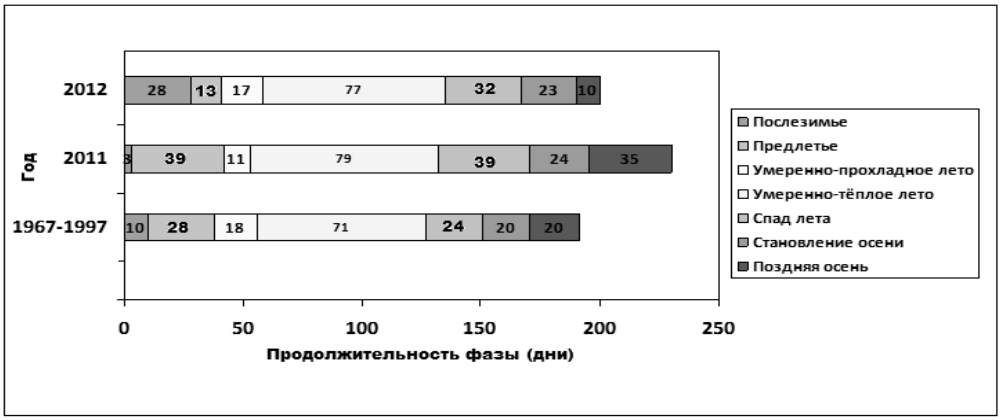


Рис. 2. Соотношение продолжительности фаз вегетационной части годового цикла по ст. Томск

Первой структурной единицей ВЧГЦ является фаза послезимье, которая длится от даты разрушения устойчивого снежного покрова в начале до устойчивого перехода средней суточной температуры воздуха через +5ºС в конце. В среднем многолетнем она самая короткая из фаз весны – всего около 10 дней. В 2011 г. она не была выражена. В 2012 г. фаза наступила на 12 дней раньше обычного (12.05), закончилась на 6 дней позднее (29.04 при норме 23.04), поэтому ее продолжительность (28 дней) была почти в три раза длиннее средней многолетней величины. Уровень средней суточной температуры воздуха за фазу в целом оказался выше обычного на 0,9ºС (+4,1 ºС при норме +3,2ºС). В течение послезимья отмечалось 10 дней с осадками, величина их суммы составила 23,3 мм, тогда как, например, в 2010 г. – всего около 7 мм.

Вторая структурная единица ВЧГЦ – это фаза предлетье, которая рано началась в 2011 г. – 10.04 при норме 24.04, так как апрель этого года был аномально теплым. Средняя температура воздуха за этот месяц составила +6,5ºС при норме +1,3ºС. В 2012 г. начало фазы предлетье было близким к средней многолетней дате, а конец – ранним (12.05 при норме 21.05), по продолжительности оно было коротким (13 дней при норме 28 дней), а в 2011 г. – длинным (39 дней). В последнем случае фаза была тёплой (+8,5 при норме +7,4ºС) с количеством осадков 43,2 мм. В 2012 г. по уровню средней суточной температуры воздуха предлетье на 0,8ºС было холоднее обычного с количеством осадков в 1,5 раза меньшим, чем в 2011 г.

К ВЧГЦ полностью относится летний сезон, который в среднем многолетнем в Томске начинается 21–22 мая

и заканчивается 10–11 сентября, имеет продолжительность 114 дней. Фаза умеренно прохладное лето (первая структурная единица сезона) в 2011 г. начиналась в сроки, близкие к норме (19.05 при норме 22.05); в 2012 г. на 9 дней раньше обычного (13.05). Конец фазы в эти годы наступил раньше обычных дат (29,5 при норме 8.06). По продолжительности первая фаза лета в 2011 г. была короткой (12 дней при норме 18 дней), в 2012 г. – нормальной (17 дней); по температурным условиям в первый год – нормальной (+12,8ºС при норме +12,9ºС), а во второй – несколько холоднее обычного (+10,9ºС). Осадков за фазу умеренно прохладное лето в обоих случаях выпало около нормы (30,6 мм и 23,9 мм при норме 29 мм), в пределах средних многолетних значений было и число дней с осадками (6–7 дней).

Вторая фаза летнего сезона – умеренно тёплое лето – в эти годы установилась на 10 дней раньше обычного (30.05 при норме 9.06), а конец произошел в сроки, близкие к норме – 14.08–16.08 при норме 18.08. Продолжительность центральной фазы лета составила 79 дней в 2011 г. и 77 дней – в 2012 г. (норма 71 день). В 2011 г. по уровню средних суточных температур воздуха третья фаза ВЧГЦ была немного холоднее обычного (+17,2ºС при норме +18,0ºС) с количеством осадков на 44% больше средней величины (231 мм при норме 160 мм). Дни с осадками составили 41% от продолжительности фазы (33 дня). В 2012 г. по термическому режиму фаза умеренно тёплое лето оказалась одной из самых теплых за период с 1936 по 2012 г. Средняя суточная температура воздуха за фазу составила +20,5ºС, что на 2,4ºС выше нормы, при этом осадков выпало намного меньше обычного – 63% от нормы, и они носили чаще всего ливневой характер. Доля дней с осадками от длительности фазы оказалась равной 18%.

Для оценки соотношения тепла и влаги в фазу умеренно тёплое лето и за лето в целом был рассчитан гидротермический коэффициент (ГТК) Г.Т. Селянинова [20]. Показатель ГТК представляет собой отношение суммы осадков к сумме температур, уменьшенной в 10 раз, за рассматриваемый период. При его значении равном 1 соотношение тепла и влаги считается оптимальным. За фазу умеренно тёплое лето в 2011 г. он составил 1,7, что говорит об избыточном увлажнении центральной части летнего сезона года. Совсем другие условия для развития биотического компонента геосистем складывались в 2012 г., когда значение ГТК за фазу получилось равным 0,64, что говорит о ее засушливости.

Последняя фаза летнего сезона – спад лета – началась в 2011 г. на 2 дня раньше нормы (17.08 при норме 19.08), закончилась на 13 дней позже (24.09 при норме 11.09) и оказалась на 15 дней длиннее обычного (39 дней при норме 24 дня). По температурным условиям и количеству осадков она была близка к норме (средняя температура за фазу составила +11,2ºС при норме +12,3ºС, количество осадков – 42,4 мм при норме 50 мм). В 2012 г. эта фаза по продолжительности была тоже длинной (32 дня), также из-за более раннего начала (на 4 дня раньше) и из-за более позднего конца (на 4 дня позже), по термическим условиям – нормальная (+13,5ºС), с количеством осадков на 37% больше нормы (68,7 мм). Более благоприятной по соотношению тепла и влаги фаза спад лета была в 2011 г.

В целом летние сезоны 2011 г. и 2012 г. были по структуре трехфазные. По продолжительности – длинные (129 дней в 2011 г. и 126 дней в 2012 г. при норме 114 дней). По термическому режиму летний сезон 2011 г. был нормальным (+15,0ºС при норме +15,7ºС) и дождливым, с суммой осадков на 31% больше обычного (304 мм против 231 мм по норме). Летний сезон 2012 г. характеризуется как тёплый (+17,4ºС) и засушливый (с суммой осадков за лето на 19% меньше нормы). В соответствии с показателями температурных условий и увлажнения за летние сезоны этих лет были получены значения ГТК. Его величина в 2011 г. составила 1,56, в 2012 г – 0,89; в первом случае он говорит об избыточном увлажнении сезона, во втором – о недостаточном. Вышесказанное свидетельствует о том, что условия для развития биоценозов, в том числе болотных, в летние сезоны рассматриваемых лет существенно различались.

Следующие две фазы ВЧГЦ – это первые структурные единицы осеннего сезона. Осень начинается фазой становление осени, когда среднесуточные температуры воздуха устойчиво опускаются ниже +10ºС. Из двух анализируемых нами лет позднее всего (25.09 при норме 11.09) данная фаза начиналась в 2011 г. Из-за тёплой второй и третьей декад сентября становление осени наступило на две недели позже обычного срока, примерно на столько же дней позднее закончилось (17.10 при норме 1.10). В 2012 г. начало, как и конец этой фазы, были близки к средним многолетним датам (16.09 и 5.10 соответственно). По продолжительности первая фаза осени в первый и второй годы была нормальной (20–23 дня при норме 20 дней). По уровню средней суточной температуры воздуха – выше среднего (+9,0ºС в 2011 г. и +8,5ºС в 2012 г. при норме +7,2ºС). В 2011 г. осадков выпало меньше нормы (21 мм при норме 35 мм), в 2012 г. – в пределах нормы (32 мм).

Центральная фаза осеннего сезона и последняя в ВЧГЦ – поздняя осень – время со среднесуточными температурами воздуха выше 0ºС, но ниже +5ºС – получила выражение только в 2011 г. В этот год она началась на 16 дней позднее обычного (18.10 при норме 02.10) и закончилась на 7 дней позднее (27.10 при норме 21.10), по продолжительности фаза была в два раза короче средней многолетней (10 дней против 20 дней), по температурным условиям – нормальной (+2ºС при норме +2,7ºС) с количеством осадков в три раза меньшим нормы (16,2 мм против 54 мм). В 2012 г. последняя фаза ВЧГЦ при нормальном начале (6.10) закончилась на 11 дней раньше обычного (10.10) и её продолжительность составила всего 5 дней (т.е. она оказалась в четыре раза короче средней величины). В таких случаях (при продолжительности фазы 5 и менее дней) принято считать, что фаза выпадает [19].

Таким образом, вегетационные части годового цикла в 2011 г. и 2012 г. начинались раньше обычного (7.04 и 2.04 при норме 14.04), а заканчивались в первом случае позже (27.10 при норме 21.10), во втором – раньше (10.10). По продолжительности в обоих случаях ВЧГЦ была длинной (204 и 192 дня соответственно при норме 184 дня). В 2011 г. ВЧГЦ была по термиче-

скому режиму нормальной (+12,3ºС при норме +11,8ºС) с суммой осадков на 22% больше нормы (422 мм при норме 345 мм), в 2012 г. – тёплой (+13,5ºС), с дефицитом осадков в 17,7% (284 мм), особенно в центральную фазу лета (37%). По типу структуры ВЧГЦ этих лет были шестифазными, в первом случае – без фазы послезимье, во втором – без фазы поздняя осень.

В целом можно сказать, что на смену коротким ХСЧГЦ и в первом, и во втором случаях пришли длинные по продолжительности ВЧГЦ, наиболее заметно отличающиеся, как было показано выше, по режиму увлажнения.

Сравнение сезонного хода климатических ритмов в болотном биогеоценозе с климатическими ритмами, установленными по данным метеостанции Томск

Болотный микроландшафт отличается от других более холодными и влажными условиями микроклимата [3, 21]. В работе проведено сравнение данных по температуре воздуха, полученных на метеостанции Томск и измеренных нами с помощью автоматического измерителя на исследуемом болотном участке. В результате была установлена высокая взаимосвязь между этими рядами. Так, коэффициент корреляции средних суточных температур воздуха оказался равным 0,99. Максимальная разница между значениями средних суточных температур воздуха, полученных на метеорологической станции, и измерителем на болоте не превысила 3ºС и в среднем составила 0,6ºС, при этом температуры на болоте, что закономерно, обычно оказывались ниже, чем на метеостанции.

При изучении температуры болотной почвы на глубине 5 см были выявлены значительные ее колебания. Среднесуточные значения температуры варьировали от +2°С (октябрь) до +15…+16°С (конец июля – начало августа). Суточные колебания температуры в почву болот проникают до глубины 15–25 см [22]. По нашим данным, амплитуда суточных колебаний температуры болотной почвы на глубине 5 см варьирует от 8°С до 0,2°С, а в среднем составляет 5°С. Таким образом в верхнем слое почвы, наиболее населенном сообществами раковинных амеб, ярко отражаются как сезонные, так и суточные климатические ритмы.

В целом разница в исследуемых рядах данных по температуре воздуха незначительна, что позволяет использовать показатели метеорологической станции Томск для характеристики климатических процессов, протекающих в исследуемом болотном микроландшафте. На болоте в те же сроки происходят аналогичные смены фаз климатической структуры ВЧГЦ.

Сезонная динамика болотных растений

Для оценки фенологических изменений выбрано 6 видов высших растений. Среди них болотные кустарнички: мирт болотный, подбел, багульник, брусника, клюква, и из травяного яруса – морошка. Осуществлено сопоставление фаз климатической структуры ВЧГЦ с фенофазами растений.

В фазу предлетье наблюдается начало цветения мирта болотного (наиболее рано цветущего болотного кустарничка), начинается процесс позеленения прошлогодних листьев многих кустарничков (мирт болотный, подбел, клюква, багульник).

В фазу умеренно прохладное лето происходит полное позеленение перезимовавших листьев сразу у нескольких видов болотных кустарничков: мирта болотного, подбела, клюквы. Наблюдается начало цветения у подбела и массовое цветение мирта болотного.

В фазу умеренно теплое лето начинается активный рост новых побегов кустарничков (мирта болотного, подбела, брусники, багульника); отмечается их цветение (мирт болотный – окончание цветения, клюква, брусника, подбел) и образование зеленых плодов (мирт болотный, брусника, клюква). К концу фазы наблюдается массовое осеннее расцвечивание листьев прошлогодних побегов (мирт болотный, подбел, багульник) и начало предзимнего окрашивания листьев на побегах этого года у багульника. В течение этой фазы проходят основные фенофазы развития морошки: зеленение почек, развертывание листьев, цветение, полное созревание плодов, начало осеннего расцвечивания листьев.

Фаза спад лета характеризуется образованием спелых плодов (мирт болотный, клюква, брусника) и предзимним окрашиванием листьев новых побегов (мирт болотный, подбел, багульник, клюква). Для морошки отмечено массовое осеннее расцвечивание листьев и затем их полное отмирание.

В фазу становление осени происходит полное предзимнее окрашивание листьев у подбела и клюквы.

Таким образом, основные фенологические изменения большинства болотных высших растений происходят в фазу умеренно теплое лето. Начало фенологических изменений отмечено в фазе предлетья, окончание – в фазе становление осени. В первую (послезимье) и последнюю (поздняя осень) фазы ВЧГЦ – болотные высшие растения, фактически, находятся в покое и не претерпевают заметных фенологических изменений.

Сравнительный анализ сроков наступления фенофаз болотных высших растений в 2011 и 2012 гг. показал, что в целом они наблюдались в сходные сроки (табл. 1) за некоторыми исключениями. Так, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. гораздо раньше начались фенофазы начала осеннего расцвечивания и предзимнего окрашивания листьев кустарничков (мирт болотный, подбел, багульник), которые выражались в появлении на листьях прошлогодних и новых побегов бурых пятен (явление «запала») [23]. Это, по нашему мнению, явилось ответной реакцией растений на стресс, обусловленный влиянием длительного жаркого засушливого периода в течение июня и июля 2012 г. В то же время фенофаза массового осеннего расцвечивания и предзимнего окрашивания для исследуемых видов болотных кустарничков наступила приблизительно в те же сроки, что и в 2011 г. (табл. 1).

Реакция болотного фитоценоза на жаркую и засушливую погоду ВЧГЦ 2012 г. проявилась также в том, что верхний слой (до глубины 5–10 см) сфагнового мохового очеса на болоте высох (массовая влажность, обычно составляющая около 90%, снизилась до 80% и менее). Однако болотные кустарнички не засохли, так как, по-видимому, их корни находятся в более глубоком слое болотной почвы, который сохраняется влажным в течение всего периода их вегетации.

Таблица 1

Фенологические изменения болотных высших растений в течение ВЧГЦ

Фенофазы растений		2011 год		2012 год		Литература*	
		Срок	∑T	Срок	∑T	Срок	∑T
Мирт болотный	Начало цветения	--	--	4.05	44	12.05	43
	Массовое цветение	4.05	92	17.05	94	16.05	61
	Полное позеленение перезимовавших листьев	--	--	17.05	94	23.05	101
	Начало роста новых побегов	--	--	1.06	200	23.05	102
	Массовое завязывание плодов	--	--	1.06	200	28.05	133
	Конец цветения	--	--	14.06	411	31.05	149
	Зеленые плоды (массово)	7.07	764	13.07	855	19.06	312
	Начало осеннего расцвечивания листьев	7.07	764	14.06	411	30.06	399
	Массовое осеннее расцвечивание листьев	21.07	932	13.07	855	20.07	598
	Начало предзимнего окрашивания листьев	18.08	1 215	18.08	1 383	28.08	948
	Первые спелые плоды	4.08	1 076	18.08	1 383	5.09	990
	Спелые плоды (массово)	20.09	1 410	31.08	1 485	13.09	1 028
	Полное предзимнее окрашивание листьев	20.09	1 410	4.10	--	17.09	1 055
Подбел	Начало роста новых побегов	--	--	1.06	200	20.05	81
	Полное позеленение перезимовавших листьев	--	--	17.05	94	24.05	105
	Массовый рост новых побегов	--	--	14.06	411	26.05	116
	Начало цветения	--	--	17.05	94	26.05	118
	Массовое цветение	--	--	1.06	200	31.05	150
	Начало осеннего расцвечивания листьев	7.07	764	14.06	411	3.07	454
	Массовое осеннее расцвечивание листьев	21.07	932	13.07	855	4.08	733
	Начало предзимнего окрашивания листьев	4.08	1 076	31.08	1 485	17.09	1 064
	Полное предзимнее окрашивание листьев	20.10	1 534	4.10	--	6.10	1 119
Багульник	Полное позеленение перезимовавших листьев	4.05	92	--	--	21.05	81
	Массовый рост новых побегов	--	--	1.06	200	25.05	145
	Начало осеннего расцвечивания листьев	7.07	764	1.06	200	7.07	515
	Массовое осеннее расцвечивание листьев	21.07	932	13.07	855	9.08	821
	Начало предзимнего окрашивания листьев	21.07	932	13.07	855	25.09	1 071
	Массовое предзимнее окрашивание листьев	20.09	1 410	4.10	--	4.10	1 074
Брусника	Разверзание цветочных почек	--	--	1.06	200	23.05	96
	Начало роста новых побегов	--	--	1.06	200	9.06	149
	Массовое цветение	--	--	14.06	411	21.06	310
	Первые завязи	--	--	14.06	411	27.06	463
	Массовое завязывание плодов	--	--	28.06	633	2.07	432
	Зеленые плоды (массово)	7.07	764	13.07	855	9.07	485
	Спелые плоды (массово)	4.08	1 076	18.08	1 383	30.08	980
Клюква	Начало бутонизации	--	--	1.06	200	20.05	76
	Полное позеленение перезимовавших листьев	--	--	17.05	94	27.05	126
	Массовое цветение	--	--	14.06	411	15.06	258
	Зеленые плоды (массово)	7.07	764	28.06	633	29.06	386
	Первые спелые плоды	18.08	1 215	18.08	1 383	13.08	856
	Спелые плоды (массово)	2.09	1 314	31.08	1 485	22.08	925
	Начало предзимнего окрашивания листьев	20.09	1 410	31.08	1 485	31.08	966
	Полное предзимнее окрашивание листьев	20.10	1 534	4.10	--	3.10	1 098
Морошка	Позеленение почек	--	--	1.06	200	23.05	99
	Начало цветения	--	--	1.06	200	31.05	143
	Листовая поверхность максимальная	--	--	28.06	633	9.06	241
	Зеленые плоды (массово)	--	--	28.06	633	25.06	361
	Начало осеннего расцвечивания листьев	21.07	932	13.07	855	15.07	568
	Спелые плоды (массово)	7.07	764	13.07	855	23.07	651
	Массовое осеннее расцвечивание листьев	18.08	1 215	18.08	1 383	6.08	737
	Отмирание листьев	20.09	1 410	4.10	--	20.09	1 078

Примечания. Срок – дата начала фенофазы; ∑T – сумма эффективных температур, ºС; «--» – данные отсутствуют; Литература* – данные приведены из монографии [5] и отражают средние многолетние даты наступления фенофаз и соответствующие им средние многолетние значения суммы эффективных температур.

В 2012 г. фенофаза цветения мирта болотного началась несколько позже, чем в 2011 г. (табл. 1). Это обусловлено тем, что фаза предлетье в 2011 г. оказалась длинной, а в 2012 г. – наоборот, крайне короткой, зато затяжной была предшествующая ей фаза послезимье. В результате в мае 2011 г. суммы необходимых эффективных температур накопились на 10–20 дней раньше, чем в 2012 г. К началу июля эта разница нивелировалась, а в июле и августе ситуация изменилась на противоположную: суммы эффективных температур накапливались быстрее в 2012 г., чем в 2011 г.

Таким образом, несмотря на холодное начало, в целом 2012 г. оказался более теплым, чем 2011 г. Тем не менее, начальные весенние фенофазы некоторых растений в 2011 г. наступили раньше. Тест знаков показал отсутствие значимых отличий ($p < 0,05$) между выборками значений сумм эффективных температур для фенофаз болотных растений в 2011 г. и 2012 г. В целом ВЧГЦ в 2011 г. и 2012 г. по значениям сумм эффективных температур для фенофаз болотных растений оказались сходными, несмотря на различия в характере погодных условий, которые повлияли на сроки наступления некоторых фенофаз болотных кустарничков.

Наши данные по срокам и, прежде всего, по суммам эффективных температур для исследуемых фенофаз растений отличаются от аналогичных сведений, полученных по Карелии (табл. 1) [5]. Результаты непараметрического теста знаков подтвердили наличие значимых отличий ($p < 0,01$) по выборкам сумм эффективных температур для фенофаз болотных растений болота Тимирязевское и материалами В.Ф. Юдиной и Т.А. Максимовой [5] по Южной Карелии. Эти отличия, прежде всего, связаны с различиями в географическом положении регионов исследования. В Карелии они проводились в подзоне средней тайги, тогда как нами изучалось болото подтаежной подзоны Западно-Сибирской равнины. В подзоне подтайги в условиях более теплой и продолжительной ВЧГЦ даты наступления некоторых фенофаз отмечаются раньше, чем в средней тайге, а именно цветения мирта болотного, созревания плодов (мирт болотный, морошка, брусника), массового осеннего расцвечивания листьев (подбел, багульник), начала предзимнего окрашивания листьев (мирт болотный, подбел, багульник). В то же время замечено, что подавляющее большинство наблюдаемых фенофаз растений в изучаемом нами регионе проходит при увеличенных значениях сумм эффективных температур (табл. 1). В более высоких широтах фенофазы болотных растений протекают в еще более сжатые временные отрезки [24] и, как мы предполагаем, при меньших значениях сумм эффективных температур. По-видимому, в более теплых условиях запуск фенофаз растений начинается при больших величинах данного показателя.

Сезонная динамика сообществ раковинных амеб

В течение вегетационной части годовых циклов 2011 и 2012 гг. была исследована сезонная динамика сообщества раковинных амеб. Проводился учет только живых клеток тестацей, которые отражают текущее состояние сообщества в каждый отдельный временной период ВЧГЦ. Цисты раковинных амеб учитывались отдельно, так как это хотя и живые, но покоящиеся клетки. Численность цист использована как показатель резких неблагоприятных изменений условий среды, которые клетки простейших переживают в состоянии покоя. Проанализированы также показатели структуры сообщества: видовое богатство, индекс разнообразия Шеннона, выравненность структуры, численность в 1 г а.с.в.

Выявлены 21 вид, вариетет и форма раковинных амеб в 2011 г. и 24 вида, вариетета и формы – в 2012 г. Все эти виды и вариететы отмечены в живом активном состоянии в тот или иной период ВЧГЦ. Вид *Nebela tincta* (Leidy) Awerintzew доминировал постоянно в 2011 г., за исключением первой половины июля (07.07.11), когда доминантом оказался вид *Centropyxis laevigata* Penard, а первый занимал позицию субдоминанта. Вид *Hyalosphenia papilio* Leidy являлся доминантом в 2012 г., за исключением конца сентября – начала октября (24.09.12, 04.10.12), когда он был смещен на позицию субдоминанта, а доминантами оказались виды *Nebela tincta* и *Euglypha strigosa* (Ehrenberg) Leidy.

Сопоставление динамики показателей структуры сообществ раковинных амеб с выделенными фазами климатической структуры года привело к следующим результатам (табл. 2). Численность живых активных клеток раковинных амеб значительно варьирует в течение ВЧГЦ. По данным разных авторов [25–28], вспышки численности раковинных амеб наблюдаются с самого начала ВЧГЦ. Нами зафиксированы вспышки численности в мае, июне, августе. Это свидетельствует о том, что температура почвы не является лимитирующим фактором для показателя численности раковинных амеб. По-видимому, данный показатель зависит от целого ряда факторов среды, как абиотических, так и биотических. Так, У.А. Булатовой [26] выявлено закономерное изменение плотности сообществ почвенных раковинных амеб и общей численности микроорганизмов.

Индекс Шеннона достигает максимума во второй половине ВЧГЦ (августе – октябре). Также в этот период происходит увеличение выравненности структуры сообщества раковинных амеб (табл. 2). Таким образом, увеличение видового разнообразия сообщества происходит в большей степени за счет снижения доли относительного обилия доминанта среди других видов сообщества, нежели за счет изменения показателя видового богатства. В работе [27] также выявлено отсутствие значительного изменения видового богатства в течение ВЧГЦ. Другие авторы [29] в своем исследовании сезонной динамики сообществ болотных раковинных амеб не обнаружили значимых изменений показателей индекса Шеннона и выравненности, однако отметили некоторый рост видового богатства. Возможно, это обусловлено тем, что они исследовали сообщества раковинных амеб в период летнего сезона года, не захватывая части весеннего и осеннего сезонов, также входящие в состав вегетационной части годового цикла. В то же время, судя по нашим данным, именно в начале и конце ВЧГЦ наблюдаются резкие изменения показателей структуры сообщества.

В осенние месяцы (сентябрь – октябрь) наблюдается увеличение численности инцистированных клеток раковинных амеб. Наиболее вероятно, это связано с постепенным понижением температуры воздуха и, соответственно, почвы. Весной (май) численность цист также повышена, однако не так значительно.

Данных по болотным раковинным амебам недостаточно для того, чтобы оценить влияние особенностей климатической структуры ВЧГЦ 2011 г. и 2012 г. на структуру их сообщества. Это влияние экранируется различиями микроклиматических условий двух изучаемых микросайтов на болоте. Так, микросайт 2011 г. отличается более низким стоянием уровня болотных вод (в среднем 24 см) от микросайта, исследованного в 2012 г. (20 см), хотя ВЧГЦ 2011 г. была более влажной, чем 2012 г. Различия проявились и в экологических свойствах видов раковинных амеб. В сообществе, исследованном в 2011 г., выше доля ксерофильных видов (90% относительного обилия), в отличие от сообщества 2012 г. (соответственно 30%). Кроме того, отличаются и экологические оптимумы видов-доминантов сообществ по отношению к глубине уровня болотных вод: для вида *Nebela tincta* оптимальное значение уровня болотных вод составляет 25 см ± 6 см, а для вида *Hyalosphenia papilio* 20 см ± 7 см [30].

Таблица 2

Динамика значений показателей* структуры сообщества болотных раковинных амеб в отдельные фазы климатической структуры ВЧГЦ 2011 и 2012 гг.

Показатель	Предлетье	Умеренно прохладное лето	Умеренно теплое лето	Спад лета	Становление осени
2011 год					
Видовое богатство	1	3	14±1,5	15	15
Индекс Шеннона	0,00	0,72	1,95±0,38	1,99	1,69
Выравненность	0,00	0,66	0,73±0,12	0,73	0,62
Численность живых активных клеток, тыс. экз./г а.с.в.	0,2	2	5±2	10	4
Численность цист, тыс. экз./г а.с.в.	0,9	0,2	0,3±0,2	0,2	0,6
2012 год					
Видовое богатство	12	17	13±0,6	12	14±1,4
Индекс Шеннона	1,43	1,35	1,82±0,14	1,35	2,33±0,06
Выравненность	0,58	0,47	0,70±0,07	0,54	0,89±0,06
Численность живых активных клеток, тыс. экз./г а.с.в.	31	27	16±4	13	11±3
Численность цист, тыс. экз./г а.с.в.	3,0	1,1	1,4±0,3	1,0	14,7±2

Примечание. * – для значений, усредненных за несколько проб, приведены коэффиенты вариации.

В целом проведенные исследования позволили сделать следующее заключение. При наиболее сложной структуре сообщество достигает наиболее высокой численности живых активных клеток раковинных амеб в 1 г а.с.в. в климатическую фазу умеренно теплое лето (табл. 2). Мы предполагаем, что это связано со временем наибольшего прогрева почвы, которое отмечается именно в эту фазу. В более ранние фазы ВЧГЦ (предлетье, умеренно прохладное лето) структура сообщества менее сложная и выравненная, в более поздние (спад лета, становление осени) численность живых активных клеток снижается и возрастает численность цист. По данным 2011 г. (табл. 2), численность живых активных клеток раковинных амеб и индекс Шеннона в фазу спад лета оказались несколько выше, чем в фазу умеренно теплое лето. По нашему мнению, это обусловлено тем, что болотная почва прогревается медленнее, чем атмосферный воздух. Температура болотной почвы на глубине 5 см достигает максимальных значений к середине августа – к концу центральной фазы лета [21, 31], в то время как температура воздуха максимальной становится в середине июля. В результате температура верхнего слоя болотной почвы наиболее прогревается к концу климатической фазы умеренно теплое лето – началу фазы спад лета, что и является причиной высоких значений показателей структуры сообщества раковинных амеб в последнюю фазу лета.

Отдельные показатели структуры сообщества раковинных амеб очень динамичны и могут сильно варьировать в течение ВЧГЦ, что показано и в ряде работ других авторов [27, 29]. Однако совокупность показателей структуры сообщества и их средние значения достаточно четко отражают состояние среды, согласуются с климатической структурой естественных сезонов года. Именно в центральную фазу лета (умеренно теплое лето) при наибольшем прогреве болотной почвы наблюдается сочетание сложной выравненной структуры с высокой численностью активных живых клеток в сообществе болотных раковинных амеб.

Заключение

Сравнительный анализ климатических характеристик структурных единиц ВЧГЦ 2011 и 2012 гг. и средних многолетних значений позволил выявить целый ряд особенностей в их климатических режимах и установить влияние последних на развитие болотного биоценоза. Так, в 2011 г. вегетационная часть годового цикла оказалась по температуре нормальной, по увлажнению – очень влажной; а в 2012 г. – очень теплой и засушливой. Температура воздуха на исследуемом участке олиготрофного облесенного болота более низкая, в сравнении с данными ближайшей метеостанции. Однако высокая корреляция между температурами воздуха, зарегистрированными на болоте Тимирязевское и на метеостанции Томск, позволяет использовать данные последней для анализа сезонных климатических ритмов на болоте. Климатическая структура вегетационной части годового цикла находит выражение как на поверхности болотного микроландшафта, так и в верхнем слое болотной почвы. Выявлены особенности реакции болотных растений и почвенных простейших на естественные сезонные ритмы климата. Установлено, что наиболее благоприятной для развития болотных высших растений и сообществ раковинных амеб является фаза умеренно теплое лето, что, по-видимому, обусловлено оптимальными для них ее гидротермическими условиями. В это же время отмечаются основные фазы развития растений – от формирования и роста новых побегов до образования плодов. В ранние фазы ВЧГЦ наблюдается позеленение листьев, набухание почек и цветение; в поздние – подготовка к зимнему периоду. Для сообществ болотных раковинных амеб центральная фаза ВЧГЦ (умеренно теплое лето) наиболее благоприятна по комплексу показателей структуры их сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галахов Н.Н.* Изучение структуры климатических сезонов года. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 183 с.
2. *Гиляров М.С.* Зоологический метод диагностики почв. М. : Наука, 1965. 280 с.
3. *Козловская Л.С.* Роль беспозвоночных в трансформации органического вещества болотных почв. Л. : Наука, 1976. 214 с.
4. *Боч М.С., Мазинг В.В.* Экосистемы болот СССР. Л. : Наука, 1979. 188 с.

5. *Юдина В.Ф., Максимова Т.А.* Сезонное развитие растений болот. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1993. 168 с.
6. *Природно-ресурсное* районирование Томской области / А.Г. Дюкарев, Н.Н. Пологова, Е.Д. Лапшина и др. ; отв. ред. В.Н. Воробьев. Томск : Спектр, 1997. 40 с.
7. *Рахлеева А.А., Корганова Г.А.* К вопросу об оценке численности и видового разнообразия раковинных амеб (Rhizopoda, Testacea) в таежных почвах // Зоологический журнал. 2005. Т. 84, № 12. С. 1427–1436.
8. *Гельцер Ю.Г., Корганова Г.А., Алексеев Д.А.* Практическое руководство по идентификации почвенных тестаций. М. : Изд-во МГУ, 1985б. 84 с.
9. *Мазей Ю.А., Цыганов А.Н.* Пресноводные раковинные амебы. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. 300 с.
10. *Кураков С.А., Крутиков В.А., Ушаков В.Г.* Автономный измеритель профиля температуры АИПТ // Приборы и техника эксперимента. 2008. № 5. С. 166–167.
11. *Schoenborn W.* Die Stratigraphie lebender Testaceen im Sphagnetum der Hochmoore // Limnologica (Berlin). 1963. № 1 (4). S. 315–321.
12. *Meisterfeld R.* Die horizontale und vertikale Verteilung der Testaceen (Rhizopoda: Testacea), in Sphagnum // Arch. f. Hydrobiol. 1977. № 79. S. 319–356.
13. *Флора* Сибири. Новосибирск : Наука, 1987–2003. Т. 1–14.
14. *Савич-Любицкая Л.И., Смирнова З.Н.* Определитель сфагновых мхов СССР. Л. : Наука, 1968. 112 с.
15. *Игнатов М.С., Игнатова Е.А.* Флора мхов средней части Европейской России. М. : КМК, 2003–2004. Т. 1, 2.
16. *Шульгин А.М.* Агрометеорология и агроклиматология. Л., 1978. 195 с.
17. *Ромашова Т.В.* Сезонные ритмы климата и их влияние на развитие эрозии почв (на примере юга Томской области) : автореф. дис. … канд. геогр. наук. Томск, 2004. 22 с.
18. *Рутковская Н.В.* Климатическая характеристика сезонов года Томской области. Томск : Изд-во ТГУ, 1979. 116 с.
19. *Рутковская Н.В.* География Томской области. Сезонно-агроклиматические ресурсы. Томск : Изд-во ТГУ, 1984. 158 с.
20. *Филандышева Л.Б., Окишева Л.Н.* Сезонные ритмы природы Западно-Сибирской равнины. Томск : Пеленг, 2002. 404 с.
21. *Дюкарев Е.А., Головацкая Е.А.* Особенности температурного режима торфяной залежи олиготрофного болота южной тайги Западной Сибири // География и природные ресурсы. 2013. № 1. С. 65–71.
22. *Дюкарев Е.А.* Амплитуда суточного хода температуры торфяной почвы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 201–205.
23. *Генкель П.А.* Физиология жаро- и засухоустойчивости растений. М. : Наука, 1982. 280 с.
24. *Боч М.С.* Фенологические наблюдения в растительных сообществах заболоченного ряда // Экология и биология растений восточноевропейской лесотундры. Л., 1970. С. 321–335.
25. *Гельцер Ю.Г., Корганова Г.А., Алексеев Д.А.* Почвенные раковинные амебы и методы их изучения. М. : Изд-во МГУ, 1985а. 80 с.
26. *Булатова У.А.* Фауна и экологические особенности раковинных амеб (Rhizopoda, Testacea) долины Нижней Томи : автореф. дис. … канд. биол. наук. Томск, 2010. 22 с.
27. *Lamentowicz M., Jassey V.E.J., van der Knaap W.O. et al.* Seasonal to decadal temporal patterns of testate amoebae communities in Sphagnum peatlands // Proceedings of the 6th International Symposium on Testate Amoebae. Xiamen. 2012. P. 34.
28. *Mazei Yu., Malysheva E., Babeshko K. et al.* Testate amoebae communities in boundaries: Spatial and temporal perspective // Proceedings of the 6th International Symposium on Testate Amoebae. Xiamen, 2012. P. 33.
29. *Mazei Yu.A., Tsyganov A.N.* Species composition, spatial distribution and seasonal dynamics of testate amoebae community in a sphagnum bog // Protistology. 2007. № 5 (2/3). P. 156–206.
30. *Курьина И.В.* Экология раковинных амеб олиготрофных болот южной тайги Западной Сибири как индикаторов водного режима // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 25. С. 368–375.
31. *Ландшафты* болот Томской области / под ред. Н.С. Евсеевой. Томск : Изд-во НТЛ, 2012. 400 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 26 августа 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 192–194 DOI: 10.17223/15617793/376/35

ХИМИЯ

УДК 543.38

К.В. Алексеенко, В.Н. Баталова, Г.М. Мокроусов, Д.Н. Мартынова

ВОЛЬТАМПЕРОМЕТРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГИДРАЗИНА НА СТЕКЛОУГЛЕРОДНОМ ЭЛЕКТРОДЕ В ВОДНЫХ РАСТВОРАХ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.132.21.1450 «Разработка методик измерений концентрации органических загрязнителей сточных вод методами вольтамперометрии в процессе их фотокаталитического разрушения».

Получен аналитический сигнал гидразина на стеклоуглеродном электроде в 0,1 М растворе KCl и в 0,002 М растворе NaOH при потенциале +0,4В относительно хлоридсеребряного электрода. Выбраны оптимальные условия: потенциал накопления – 0,2 В, скорость развертки потенциала 50 мВ/с, дифференциальный режим. Диапазон определяемых концентраций гидразина в водных растворах 0,04–1,00 мг/дм^3. Методом циклической вольтамперометрии установлен необратимый характер электродного процесса окисления гидразина. Правильность методики проверена методом «введено – найдено». Методика пригодна для контроля за содержанием гидразина в процессах каталитической очистки сточных вод.

Ключевые слова: вольтамперометрия; гидразин; стеклоуглеродный электрод; сточные воды.

Гидразин широко применяется как топливо в ракетных двигателях. Его также используют как полупродукт в производстве ядохимикатов и лекарств, волокон и антиоксидантов, применяют для удаления кислорода из нагревательных систем, как катализатор полимеризации, средство для продувки технологических установок, при нанесении металлических покрытий на стекло и пластик, в фотографии и при газоочистке [1].

Важное значение приобрела проблема предотвращения поступления его в окружающую среду, главным образом со сточными водами. Предельно допустимая концентрация гидразина в воде водоёмов санитарно-бытового пользования принята равной 0,01 мг/дм^3. Способы очистки сточных вод от гидразина могут быть основаны на способности его к разложению, окислению и электроокислению [2].

В литературе предложено несколько методов определения гидразина, однако существует необходимость разработки более чувствительных и надёжных методик. Необходим точный и экономичный метод определения гидразина в различных объектах [3]. С этой точки зрения электроаналитические методы являются наиболее перспективными, поскольку для них характерны высокая чувствительность, низкие пределы обнаружения, простота и относительно невысокая стоимость аппаратурного оформления, широкая область применения, быстрая приспособляемость к новым объектам анализа. Перечисленные достоинства электроаналитических методов приобретают особое значение, когда речь идёт об охране окружающей среды, невозможной без массового применения инструментальных методов контроля при помощи сети систем мониторинга [4].

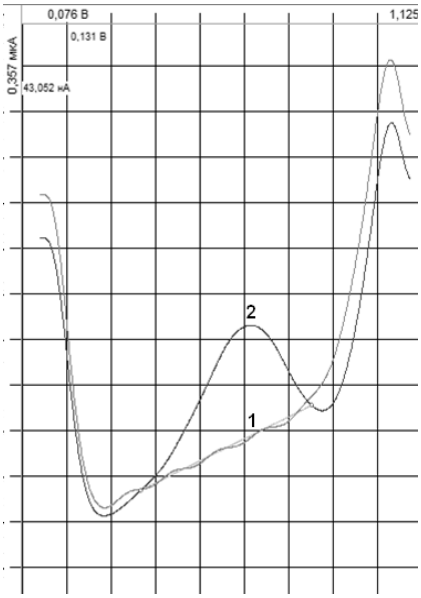
Методы электрохимии считаются эффективными для прямого определения гидразина [3]. Известны вольтамперометрические методики его определения на стеклоуглеродных либо угольно-пастовых электродах, модифицированных металлами (золото, платина, палладий, медь, железо, и др.) [5–7]. Они основаны на электрокаталитическом окислении гидразина в присутствии катализаторов, внедренных в электрод. В качестве модификаторов также используют графитовые нанотрубки [8] и различные органические соединения. Существующие вольтамперометрические методики определения гидразина осложнены процедурами подготовки (модифицирования) рабочих электродов и добавления в фоновый раствор дополнительных (в основном редких) реактивов. Поэтому необходимо было разработать методику вольтамперометрического определения с использованием распространенных, не требующих дополнительной и длительной подготовки к анализу электродов (типа стеклоуглеродный, золото-графитовый) и при этом сохранить чувствительность и селективность анализа.

Настоящая работа посвящена выбору условий прямого вольтамперометрического определения гидразина в водных растворах и разработке простого, чувствительного, недорогого и экспрессного метода.

Эксперимент. В качестве индикаторного электрода для определения гидразина был выбран стеклоуглеродный электрод (СУЭ), электродом сравнения – хлоридсеребряный в 3М растворе KCl. В качестве фоновых электролитов использовали 0,1 М раствор хлорида калия и 0,002 М раствор гидроксида натрия. Раствор гидразина сернокислого готовили из соли марки «ч» по ГОСТ 5841-74 с массовой долей основного вещества не менее 98,5%. Вольтамперометрические зависимости в дифференциальном режиме снимали на анализаторе СТА-1 (ООО «ИТМ», Томск) в комплекте с персональным компьютером. Циклические вольтамперные кривые снимали на анализаторе типа ТА-07 (ООО «Томьаналит», Томск) в интегральном режиме.

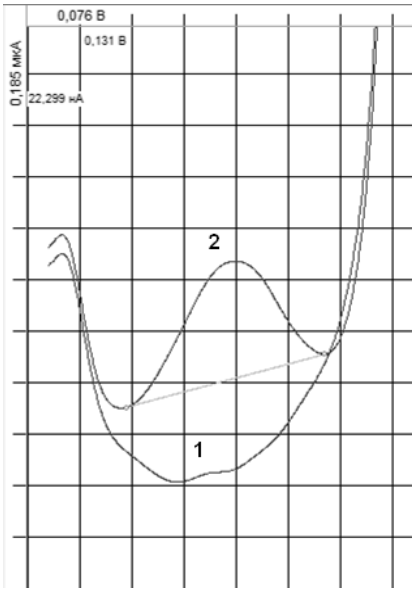
Результаты и обсуждение. В большинстве известных методик определение гидразина проводят в основном в фосфатных буферных растворах с различными значениями pH от 2 до 10. Также используют такие фоновые электролиты, как серная кислота, ацетатный буферный раствор, нитрат калия и др. Нами исследованы в качестве фоновых электролитов 0,1 М раствор хлорида калия и 0,002 М NaOH при вольтамперометрическом определении гидразина на СУЭ.

Аналитический сигнал гидразина на СУЭ наблюдали в области потенциалов 0,3–0,6 В, с предварительным накоплением 10 с при потенциале –0,2 В. Развертку потенциала со скоростью 50 мВ/с проводили в области от –0,2 до +0,8 В. После серии измерений проводили тщательную очистку рабочего электрода 0,1 М серной кислотой: для этого в ячейку помещали 10 см^3 0,1 М серной кислоты и снимали кривые в режиме фона (рис. 1).



а

1 – фоновая вольтамперограмма в 0,1М KCl;
2 – 0,08 мг/дм^3 N_2H_4



б

1 – фоновая вольтамперограмма в 0,002 М NaOH;
2 – 0,2 мг/дм^3 N_2H_4

Рис. 1. Вольтамперограммы гидразина на СУЭ в фоновых растворах хлорида калия и гидроксида натрия

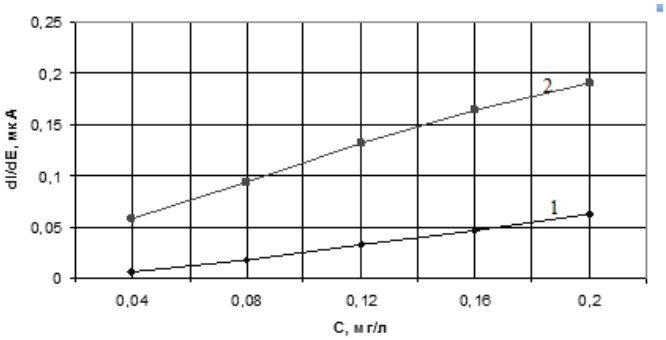


Рис. 2. График зависимости тока аналитического сигнала гидразина от его концентрации в растворе:
1 – для 0,002 М фонового раствора NaOH; *2* – для 0,1 М фонового раствора KCl

Получены вольтамперограммы гидразина на обоих фонах. И в том и в другом случае пик гидразина появляется в области 0,4 В, имеет практически симметричную форму (см. рис. 1) и пригоден для количественного определения. Исследовалась зависимость тока пика от концентрации гидразина в растворе (см. рис. 2).

Данная зависимость как для щелочного фона, так и для хлорида калия имеет линейный характер в области концентраций гидразина 0,04–0,2 мг/дм^3, что соответствует 10^{-7}–10^{-5} М. Ток пика гидразина прямо пропорционален его концентрации в растворе. Таким образом, в данном диапазоне концентраций возможно определение содержания определяемого вещества по методу добавок на обоих фоновых электролитах. Однако на фоне KCl тангенс угла наклона выше, чем для щелочного фона, следовательно, методика с использованием хлорида калия характеризуется более высокой чувствительностью.

Электрохимическое определение гидразина основано на реакции его электроокисления [9]:

$$N_2H_4 \rightarrow N_2 + 4H^+ + 4e^- . \qquad (1)$$

Авторы работы [10] указывают, что процесс электроокисления гидразина на графите необратим и контролируется диффузией гидразина к электроду. Анодное окисление гидразина начинается при потенциале начала адсорбции кислорода и протекает с участием адсорбированного кислорода.

Потенциал электроокисления гидразина зависит от природы материала электрода и состояния его поверхности. Разность потенциалов электроокисления гидразина на разных металлах может достигать 1 В. На углеродных материалах перенапряжение гидразина велико. В статье [11] указывается, что пик гидразина на графитово-эпоксидном композите наблюдался при 0,45 В.

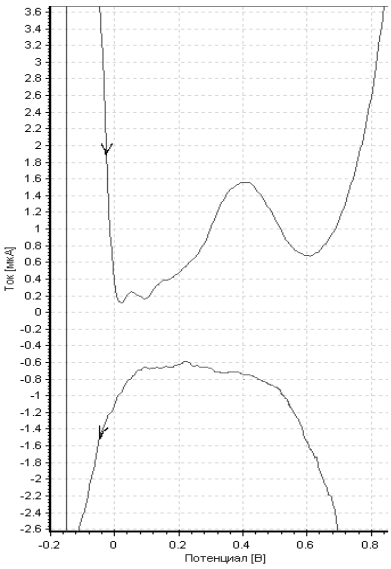


Рис. 3. Циклическая вольтамперограмма гидразина на СУЭ в растворе KCl: w = 50 мВ/с, C_{N2H4} = 1 мг/дм^3

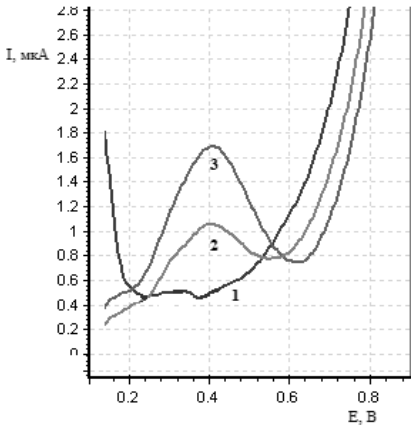


Рис. 4. Вольтамперные зависимости гидразина на СУЭ, $E_н$ = –0,2В, $t_н$ = 10 с. *1* – фон, 0,1 М KCl; *2* – C_{N2H4} = 0,5 мг/дм^3; *3* – C_{N2H4} = 1,0 мг/дм^3

Для изучения обратимости процесса на СУЭ нами были сняты анодно-катодные циклические вольтамперограммы гидразина в растворе KCl (рис. 3).

Результаты определения гидразина в стандартных растворах (n = 3, P = 0,95)

Введено, мг/дм^3	Найдено, мг/дм^3
0,6	0,62 ± 0,09
10	9 ± 1
100	98 ± 6

На обратной катодной вольтамперограмме отсутствует сигнал восстановления, что говорит о необратимости электродного процесса окисления гидразина в данных условиях. По-видимому, механизм процесса в выбранных нами условиях совпадает с указанным в работе [9] и заключается в электроокислении гидразина до азота (уравнение (1)), который не способен восстанавливаться на электродах.

Характерные вольтамперные кривые представлены на рис. 4 для диапазона концентраций гидразина 0,02–1,0 мг/дм^3. Как видно из рис. 4, аналитический сигнал гидразина симметричен и кратно увеличивается после внесения в электрохимическую ячейку добавки стандартного раствора гидразина. Проведение стадии очистки при потенциале +0,7 В в течение 10 с является достаточным для полной регенерации поверхности стекло-углеродного электрода в щелочной среде и получения воспроизводимого аналитического сигнала.

Проверку правильности методики определения гидразина (см. таблицу) проводили методом «введено – найдено».

Результаты проверки правильности определения гидразина показали, что определение возможно с общей погрешностью методики 15%.

Методика разработана для проведения контроля за содержанием гидразина в растворах после его каталитического разрушения под действием УФ-облучения или озонирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеленин К.Н.* Гидразин // Соросовский образовательный журнал. 1998. Т. 42, № 5. С. 59–65.
2. *Физическая* химия гидразина / под ред. А.П. Грекова, В.Я. Веселова. Киев : Наукова думка, 1979. 264 с.
3. *Kamyabi M.* Electrocatalytic oxidation of hydrazine using glassy carbon electrode modified with carbon nanotube and terpyridine manganese (II) complex // M. Kamyabi, H. Narimani, H. Monfared. J. Electroanal. Chem. 2010. № 644. P. 67–73.
4. *Электроаналитические* методы в контроле окружающей среды / Р. Кальвода [и др.] ; под ред. Е.Я. Неймана. М. : Химия, 1990. 240 с.
5. *Md. Abdul Aziz, Abdel-Nasser Kawde* Gold nanoparticle-modified graphitepencilelectrode for thehigh-sensitivity detection of hydrazine // Talanta. 2013. Vol. 115. P. 214–221.
6. *Li J., Lin X.* Electrocatalytic oxidation of hydrazine and hydroxylamine at gold nanoparticle – polypyrrole nanowire modified glassy carbon electrode // Sensors and Actuators B. 2007. Vol. 126. P. 527–535.
7. *Kim S.K., Jeong Y.N., Ahmed M.Sh. et al.* Electrocatalytic determination of hydrazine by a glassy carbon electrode modified with PEDOP/MWCNTs–Pd nanoparticles // Sensors and Actuators B. 2011. Vol. 153. P. 246–251.
8. *Ensafi A.A., Lotfi M., Karimi-Maleh H.* New Modified-Multiwall Carbon Nanotubes Paste Electrode for Electrocatalytic Oxidation and Determination of Hydrazine Using Square Wave Voltammetry // Chin. J. Catal. 2012. Vol. 33. P. 487–493.
9. *Audrieth L.F., Ogg B.A.* The chemistry of hydrazine. New York : Research Associate University of Illinois, 1951. 237 c.
10. *Коровин Н.В.* Гидразин. М. : Химия, 1980. 272 с.
11. *Александрова Т.П., Скворцова Л.И., Кирюшов В.Н.* Электрохимическое поведение гидразина на механически обновляемых твёрдых электродах // Журнал аналитической химии. 2008. Т. 63, № 10. С. 1091–1096.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 9 сентября 2013 г.

Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 195–197 DOI: 10.17223/15617793/376/36

УДК 544.77.022.823

О.В. Бабкина, Г.А. Сарычева, Е.А. Вайтулевич

СИНТЕЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ СОПОЛИМЕРОВ НА ОСНОВЕ ГЛИКОЛИДА, dl-ЛАКТИДА, ПРОПИЛЕНКАРБОНАТА И ε-КАПРОЛАКТОНА

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки науки РФ (Госзадание 3.4026.2011).

Разработаны условия синтеза сополимеров из сложных эфиров гликолевой кислоты (гликолида), dl-молочной кислоты (dl-лактида), пропиленкарбоната и ε-капролактона в качестве пластификатора. Изучен процесс полимеризации, подобраны условия проведения синтеза.

Ключевые слова: гликолид; dl-лактид; пропиленкарбонат; биополимеры.

Биополимеры на основе гликолевой кислоты с добавлением пластификаторов используются для получения гибких, прочных, биоразлагаемых шовных материалов, микрососудов, имплантатов и т.д. Распространенными пластифицирующими добавками, активно используемыми для получения сополимеров на основе гликолевой кислоты, является триметиленкарбонат и ε-капролактон [1–3]. Триметиленкарбонат получают из триметиленгликоля и диэтилкарбоната в присутствии трет-бутилата калия при заданных параметрах вакуума и температуры. К сожалению, в России нет промышленного производства ни триметиленкарбоната, ни исходных веществ для его синтеза. В связи с этим предложено выполнить синтез биополимеров на основе гликолида и dl-лактида с одним из гомологов триметиленкарбоната – пропиленкарбонатом, выпускаемым в России в промышленных масштабах.

Экспериментальная часть

Для получения сополимеров использованы гликолид, полученный из гликолевой кислоты, и dl-лактид, полученный из предварительно очищенной dl-молочной кислоты. Пропиленкарбонат производства Sigma Aldrich чистотой 99% был осушен с помощью молекулярных сит с ячейкой 3 Å и очищен путем перегонки. ε-капролактон производства Acros, заявленная чистота которого составляет 99%, также был очищен путем перегонки. В качестве катализатора использован октоат олова (II) фирмы Sigma Aldrich (США), чистота составляет 95%.

Синтез сополимеров на основе гликолида, dl-лактида, пропиленкарбоната проводили при постоянной подаче азота в двугорлой колбе (50 мл), оснащенной термометром, обратным холодильником и мешалкой. Варьировали количество введенного в смесь пропиленкарбоната и ε-капролактона, время введения пропиленкарбоната в полимеризационную смесь и температуру полимеризации. Количество катализатора октоата олова (II) составляло 0,05 мас.%, в ряд образцов на стадии полимеризационной смеси вводили регулятор молекулярной массы – лауриловый спирт.

Исследование процесса полимеризации и определение температуры плавления готового сополимера производили методом дифференциальной сканирующей калориметрии на приборе Netzsch Poemix DSC 401 при скорости нагрева 10 град./мин в атмосфере азота.

Волокнообразующие свойства проверяли путем формования нити с помощью двухнекового экструдера HAAKE Mini CTW.

Результаты и обсуждение

В работе использованы 2 типа смесей:

– 1) гликолид, dl-лактид, пропиленкарбонат;

– 2) гликолид, dl-лактид, ε-капролактон и пропиленкарбонат.

Выбор температуры полимеризации проведен на основании результатов, полученных методом дифференциальной сканирующей калориметрии (рис. 1, 2). Полимеризационную смесь загружали в алюминиевую кювету и запечатывали. При нагревании регистрировали теплоэффекты, протекающие в системе.

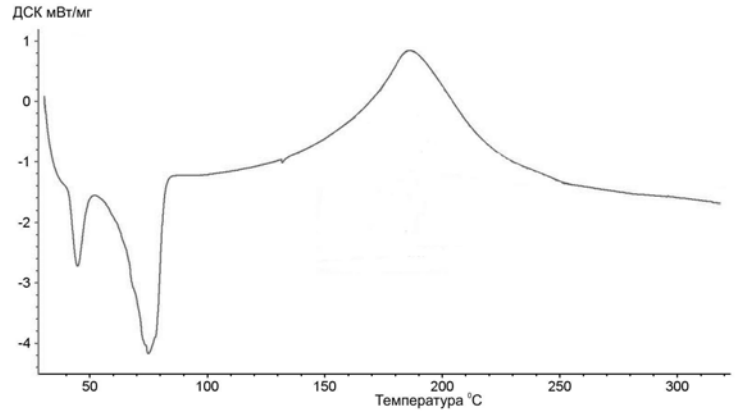


Рис. 1. ДСК-кривая смеси гликолида, dl-лактида, пропиленкарбоната при нагревании полимеризационной смеси до 300°С

На основании данных, полученных при нагревании полимеризационной смеси 1-го типа, установлено, что плавление смеси происходит в интервале 40–91°С, при полимеризации максимальный экзоэффект наблюдается при температуре 186,4°С. Оптимальная температура полимеризации смеси данного состава 170–175°С.

При температуре 172°С проведена полимеризация образцов смеси гликолида, dl-лактида, пропиленкарбоната (табл. 1).

Таблица 1

Составы полимеризационной смеси для получения сополимеров типа 1 – поли(гликолид-dl-лактид-пропиленкарбонат)

№	Содержание в полимеризационной смеси, мас. %						Примечание
	Гликолид	dl-лактид	ε-капролактон	Пропиленкарбонат	Октоат олова	Лауриловый спирт	
1/89	79,2	4,1	0	16,7*	0,05	0	Пропиленкарбонат вводили сразу в реакционную смесь. Получен полимер бежевого цвета, однородный. Тпл = 195,7°С. Полимер формуется, но разрушается после остывания стренга
2/90	79,2	4,1	0	16,7	0,05	0	Пропиленкарбонат вводили в реакционную смесь в ходе синтеза. Получен полимер белого цвета, однородный. Тпл = 211,4°С Не формуется
3/94	79,2	4,1	0	16,7	0,05	0,8	Пропиленкарбонат вводили сразу в реакционную смесь. Получен полимер кремовый, однородный. Тпл = 200,5°С. Не формуется
4/95	79,2	4,1	0	16,7	0.05	0,8	Пропиленкарбонат вводили в реакционную смесь в ходе синтеза. Получен полимер белый, рассыпчатый. Тпл = 205,8°С. Не формуется

Примечание. * – 20% от массы мономеров.

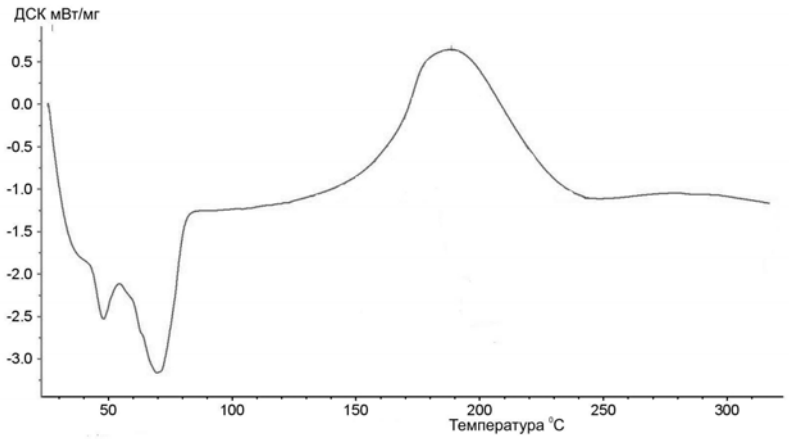


Рис. 2. ДСК-кривая смеси гликолида, dl-лактида, ε-капролактона, пропиленкарбоната при нагревании полимеризационной смеси до 300°С

Данные ДСК-кривых смеси гликолид, dl-лактида, ε-капролактона, пропиленкарбоната (рис. 2) позволили установить, что при некотором изменении поведение смесей 1-го и 2-го типов близки. Максимальный экзо-эффект регистрируется при температуре 188,5°С, что также позволяет выбрать температуру полимеризации в диапазоне 170–175°С, предпочтительно 172°С. Для данного типа смеси получены образцы, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Составы полимеризационной смеси для получения сополимеров типа 1 – поли(гликолид-dl-лактид- ε-капролактон- пропиленкарбонат)

№	Содержание в полимеризационной смеси, мас.%						Примечание
	Гликолид	dl-лактид	ε-капролактон	Пропилен-карбонат	Октоат олова	Лауриловый спирт	
5/92	65,8	3,3	14,2*	16,7**	0,05	0	Пропиленкарбонат вводили сразу в реакционную смесь. Полимер бежевого цвета, однородный. Тпл = 201,4°С. Экструзия полимера проведена при температуре 205°С. При уменьшении содержания ε-капролактона полимер не формуется
6/93	65,8	3,3	14,2	16,7	0,05	0	Пропиленкарбонат вводили в реакционную смесь в ходе синтеза. Полимер белого цвета, рассыпчатый. Тпл = 200,6°С Не формуется
7/97	65,8	3,3	14,2	16,7	0,05	0,8	Пропиленкарбонат вводили сразу в реакционную смесь. Полимер кремового цвета, однородный. Тпл = 195,6°С Не формуется
8/98	65,8	3,3	14,2	16,7	0,05	0,8	Пропиленкарбонат вводили в реакционную смесь в ходе синтеза. Полимер молочного цвета, однородный. Тпл=201,1 °С. Не формуется

Примечание. * – 17% от массы мономеров. ** – 20% от массы мономеров.

Для моноспиртов (например, метиловый, этиловый, пропиловый спирты, бутиловые спирты, амиловый спирт, гексил, гептил, октил, нонил, децил, лауриловый, додециловый спирты и т.д.), используемых в качестве инициатора полимеризации биополимеров, предпочтительны концентрации инициатора 0,2–1,0 мол.%. Для многоатомных спиртов (например, этиленгликоль, пропиленгликоль, бутандиол-1, 4, диэтиленгликоль, дипропиленгликоль, глицерин, триметилолпропан, триметиленгликоль, тетраметиленгликоль и т.д.) содержание в смеси мономеров должно быть менее 0,6–0,4 мол.%. Из всех спиртов, которые можно использовать в практике, предпочтительно использовать насыщенные алифатические одноатомные спирты, наиболее часто используется лауриловый спирт.

Для определения роли инициатора (регулятор молекулярной массы) – лаурилового спирта – были проведены эксперименты как с присутствием инициатора, так и без него. Так, при получении образцов поли(гликолид-dl-лактид-пропиленкарбонат) № 3 и № 4, а также образцов поли(гликолид-dl-лактид-ε-капролактон-пропиленкарбонат) № 7 и № 8 добавлен лауриловый спирт 1 мол.% (или 0,8 мас. %). Эксперимент показал, что введение лаурилового спирта в полимеризационную смесь никак не сказывается на молекулярной массе сополимеров и, соответственно, на их формуемости в изделия в дальнейшем.

Исследование влияния времени введения пропиленкарбоната в объем полимеризационной смеси показал, что введение поликарбоната на стадии плавления мономеров ухудшает свойства полимерной системы (образец № 2, 4, 6, 8).

Среди полученных образцов сополимеров образец № 5 – поли(гликолид-dl-лактид-ε-капролактон-пропиленкарбонат) состава: гликолид 65,8 мас.%, dl-лактид 3,3 мас.%, ε-капролактон14,2 мас.%, пропиленкарбонат 16,7 мас.%. Из данного полимера был сформирован стренг, подверженный ориентационному вытягиванию и получению монофиламентной нити из него. Образец нити направлен на исследование биодеградации.

Таким образом, исследования показали, что при получении сополимеров на основе гликолевой кислоты возможно проведение замены триметиленкарбоната на гомолог пропиленкарбонат. В то же время такой полимер имеет способность к формованию только при введении в состав полимера дополнительно ε-капролактона до 20 мас.% от массы мономерной смеси гликолида и dl-лактида. При введении меньшего количества ε-капролактона полимер теряет свойство формования в изделия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Diaz-Celorio E., Franco L., Rodriguez-Galan A., Puiggali J.* Synthesis of glycolide/trimethylene carbonate copolymers: Influence of microstructure on properties // European Polymer Journal. 2012. Vol. 48. P. 60–73.
2. *Widjaja L.K., Kong J.F., Chattopadhyay S.* Triblock copolymers of ε-caprolactone, trimethylene carbonate, and L-lactide: Effects of using random copolymer as hard-block // Journal of the mechanical behavior of biomedical materials. 2012. № 6. P. 80–88.
3. *Hu Y., Zhu Synthesis K.J.* Characterization and degradation of poly(2,2-dimethyltrimethylene carbonate-co-e-caprolactone-co-glycolide) // Polymer Degradation and Stability. 2004. Vol. 85. P. 705–712.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 9 сентября 2013 г.

УДК 665.64

Р.А. Чуркин, В.В. Жук, В.А. Яновский, А.Н. Третьяков

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМОДЕСТРУКТИВНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА СТИРОЛА

Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках (ГК № 14.515.11.0018).

Определен фракционный и компонентный состав кубовых остатков ректификации этилбензола (КОРЭ) и стирола. Исследован процесс жидкофазного термолиза КОРЭ при различных значениях температуры и давления. Получен усредненный материальный баланс термолиза. Исследованы свойства полученных продуктов: пека и дистиллятных фракций. В результате анализа полученных данных были выявлены закономерности, объясняющие роль отдельных компонентов КОРЭ в процессе их термолитической деструкции.

Ключевые слова: стирол; КОРЭ; термолиз; нефтяной пек.

На действующих в Российской Федерации производствах стирола образуется значительное количество жидких органических отходов, не находящих рационального применения. Так, на стадиях ректификации образуются кубовые остатки ректификации этилбензола и стирола (КОРЭ, КОРС) – смесь органических веществ с содержанием стирола 10–50%, олигомеров стирола – 5–30%. В России стирол промышленно производится на шести предприятиях: ОАО «Воронежсинтезкаучук», ОАО «Ангарскнефтеоргсинтез», ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Газпром нефтехим Салават», ОАО «Пермьнефтеоргсинтез», Узловское АО «Пластик». Производство стирола в России составляет около 600 тыс. т в год и ежегодно увеличивается [1]. Данные отходы находят ограниченное применение как сырье в производстве антиоксиданта «Дилант», используемого при обработке древесины, для обогащения углей, в нефтеперерабатывающей промышленности как растворитель асфальто-смолистых отложений, в системах добычи, транспортирования и хранения нефти и в качестве компонента печного топлива [2, 3]. Сложный состав и близкие температуры кипения компонентов делают разделение КОРЭ / КОРС на индивидуальные вещества технологически и экономически нецелесообразным. Очевидно, что дальнейший прогнозируемый рост объемов производства стирола в России будет только обострять проблему утилизации этих отходов. Таким образом, проблема нерационального использования КОРЭ / КОРС стимулирует поиск новых путей переработки этих отходов.

КОРЭ / КОРС по составу можно условно представить тремя группами веществ – мономеры, олигомеры и продукты органического синтеза. В табл. 1 представлен сравнительный анализ кубовых остатков ректификации стирола разных промышленных предприятий по содержанию в них стирола, олигомеров стирола и высококипящего «тяжелого» остатка, что позволяет заметить значительные различия в его составе [4].

Таблица 1

Характеристика состава КОРС / КОРЭ по промышленным предприятиям

Наименование предприятия	Содержание, масс.%			Средняя молекулярная масса олигомера
	Стирол	Олигомеры	«Тяжелый» остаток	
ОАО «Воронежсинтезкаучук»	8,4	54,5	37,1	41 000
Узловское АО «Пластик»	46,9	18,9	34,2	35 400
ОАО «Нижнекамскнефтехим»	36,0	45,5	18,5	24 200
ОАО «Газпром нефтехим Салават»	3,0	14,4	82,6	17 500
ОАО «Пермьнефтеоргсинтез»	10,8	69,5	19,7	44 500
ОАО «Ангарскнефтеоргсинтез»	25,0	5,8	48,3	20 100

Ввиду высокого содержания тяжелых непредельных и ароматических соединений в КОРЭ / КОРС, на наш взгляд, одним из перспективных способов переработки данных отходов может стать получение нефтяных спекающих добавок (нефтяных пеков) путем их термополиконденсации.

Целью работы является оценка возможности получения нефтяных пеков из отходов производства стирола. В настоящей работе рассмотрен процесс длительного жидкофазного термолиза КОРЭ до дистиллятных продуктов и высокоуглеродистого остатка (пека).

Экспериментальная часть. В качестве нетрадиционного сырья жидкофазного термолиза выбран КОРЭ марки В [3]. Исследование состава сырья и продуктов проводились хромато-масс-спектрометрическим методом на приборе Thermo Finnigan DSQ-EI/250 (результаты представлены в табл. 5). Фракционный состав определялся по методике ГОСТ 2177 (табл. 2).

Таблица 2

Фракционный состав КОРЭ

Показатель	Значение
Сырье: КОРЭ	100,0
Выход продуктов:	
газы до C_4	1,2
фракция (нк–180ºС)	8,0
фракция (180–250ºС)	42,3
фракция (250–320ºС)	29,4
кубовая фракция	19,1

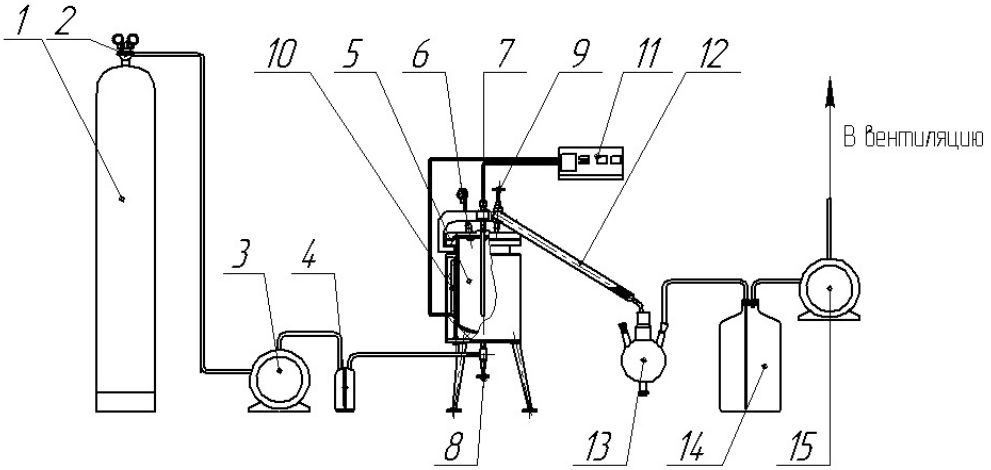


Рис. 1. Схема установки: *1* – баллон с газообразным азотом; *2* – редуктор; *3*, *15* – газовые часы; *4* – осушительная склянка; *5* – автоклав; *6* – манометр; *7* – термодатчик; *8* – нижний вентиль; *9* – верхний вентиль; *10* – рубашка автоклава; *11* – блок терморегуляции; *12* – прямой холодильник; *13* – сборник конденсата; *14* – каплеуловитель

Процесс жидкофазного термолиза вели в обогреваемом стальном герметичном реакторе объемом 1,5 дм^3 при барбатировании инертным газом в периодическом режиме. Схема установки представлена на рис. 1. Температура процесса 320–350°С, давление изб. 0,01–0,02 МПа. Реактор нагревался со скоростью 5–10 град./мин до заданной температуры, после чего температура поддерживалась с точностью ±5°С.

Загрузка составляла 1 кг КОРЭ, время процесса определялось получением пека с температурой размягчения не ниже 85ºС.

В реактор *5*, снабженный электронагревательной рубашкой *10*, загружалась навеска КОРЭ, после чего реактор герметизировался, продувался азотом и опрессовывался на 0,5 МПа. Управление нагревом осуществлялось с помощью блока терморегуляции (ПИД-регулирование). Во время нагрева сырья до температуры термолиза барбатаж газа не осуществлялся. Пары легких компонентов удалялись через верхний вентиль в холодильник *12*, где конденсировались и собирались в емкость *13*. По достижении заданной температуры подавался азот на барбатирование, обеспечивающий эффективное удаление летучих компонентов и интенсивное перемешивание. Регулирование подачи азота осуществлялось при помощи газовых часов *3*, *15*.

Результаты и обсуждение. По результатам серии экспериментов получены усредненные данные, представленные в табл. 3. Характеристики полученных образцов пеков представлены в табл. 4.

Таблица 3

Материальный баланс получения пека из КОРЭ

Показатель	Пекование 320ºС, 0,01 МПа	Пекование 320ºС, 0,2 МПа	Пекование 350ºС, 0,01 МПа	Пекование 350ºС, 0,2 МПа	Фракционирование КОРЭ
Сырье: КОРЭ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Выход продуктов:					
газы до C_4	4,8	14,3	9,8	13,8	1,2
фракция (нк–180ºС)	18,9	20,6	21,6	23,1	8,0
фракция (180–250ºС)	40,1	31,4	41,6	36,7	42,3
фракция (250–320ºС)	9,8	6,8	7,2	5,7	29,4
кубовая фракция	4,9	4,8	3,0	3,1	19,1
пек	21,5	22,1	16,8	17,6	–

Таблица 4

Свойства полученных из КОРЭ пеков

Показатель	Пекование 320ºС, 0,01 МПа	Пекование 320ºС, 0,2 МПа	Пекование 350ºС, 0,01 МПа	Пекование 350ºС, 0,2 МПа
Коксуемость, %	23	31	28	37
Температура размягчения, ºС	98	112	101	128

Наблюдается строгая зависимость снижения средней молекулярной массы дистиллятных продуктов при увеличении давления или температуры. С увеличением давления внутри реактора понижается парциальное давление паров углеводородов реакционной массы, что приводит к увеличению их температуры кипения. Таким образом, при одной и той же температуре, при повышенном давлении из реактора в виде паров могут быть удалены только более легкие компоненты, это приводит к увеличению времени пребывания тяжелых углеводородов и их дальнейшему термолизу. Увеличение выхода газов и бензиновых фракций за счет уменьшения доли керосингазойлевых фракций подтверждает это.

Поскольку значения энергии активации отдельных реакций термолиза различаются между собой весьма

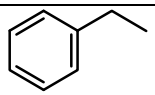
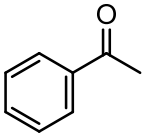
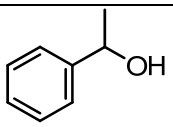
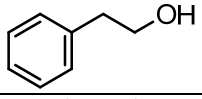
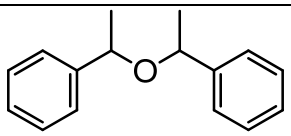
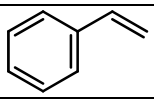
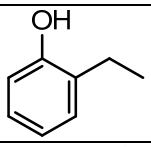
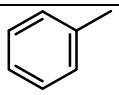
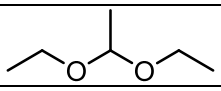
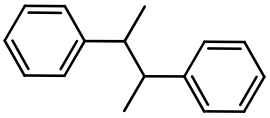
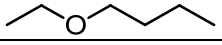
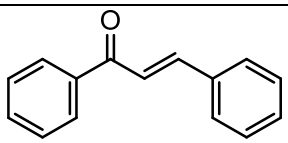
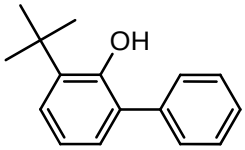
существенно, то увеличение температуры позволяет, помимо увеличения скорости термолиза, увеличить степень термолиза за счет вовлечения более тяжелых радикалов.

Полученные пеки по свойствам значительно отличаются от пеков каменноугольного и нефтяного происхождения. Они обладают значительно более высокой температурой размягчения, чем нефтяные и тем более каменноугольные, что является преимуществом, и более низкой коксуемостью, что является серьезным недостатком для пеков, применяемых при производстве электродов.

Дистиллятные продукты режима, при котором был получен пек с наивысшими коксуемостью и температурой размягчения, были исследованы методом хромато-масс-спектрометрии.

Таблица 5

Компонентный состав дистиллятных продуктов термолиза

Компонент	Формула	Содержание, мас.% в исх.	Содержание, мас.% в жид.	Содержание, мас.% отн.
Этилбензол		4,8	13,6	9,3
Ацетофенон		9,7	12,1	8,3
1-Фенилэтанол		8,0	11,2	7,7
2-Фенилэтанол		9,1	9,1	6,2
1-(1-Фенилэт)-окси-1-фенилэтан		11,3	6,0	4,1
Стирол			4,8	3,3
2-Этилфенол		3,9	4,2	2,9
Толуол		1,7	3,6	2,5
1,1-Диэтоксиэтан		–	2,6	1,8
2,3-Дифенилбутан		1,5	2,4	1,6
1-Этоксибутан			1,6	1,1
1,3-Дифенил-2-пропен-1-он		7,3		
2-Трет-бутил-6-фенилфенол		2,2	–	–
Другие соединения		40,5	28,8	19,8
Итого		100,0	100,0	68,6

Анализ компонентных составов исходного сырья и жидких продуктов показал, что:

1) в дистиллят удаляются легкие (низкокипящие) компоненты, которые, вероятно, не вступают в химические превращения: толуол, этилбензол, ацетофенон, фенилэтанолы и т.д.;

2) высококипящие соединения, содержащие два бензольных кольца, подвергаются деструкции либо конденсации, поэтому в дистиллятных фракциях практически отсутствуют (менее 1%);

3) в продуктах реакции обнаруживается стирол, который отсутствовал в исходном сырье. Образование стирола можно объяснить, во-первых, дегидратацией фенилэтанолов (количество стирола пропорционально уменьшению количества фенилэтанолов); во-вторых, деструкцией 1-(1-фенилэт)-окси-1-фенилэтана, относительное содержание которого в продуктах термолиза уменьшается практически в три раза; в-третьих, тем, что образование стирола может происходить при деполимеризации олигомеров, содержащихся в сырье;

4) относительное содержание этилбензола в продуктах термолиза увеличилось в два раза, что можно объяснить как низкой реакционной способностью соединения, что способствовало его накоплению, так и деструкцией 1-(1-фенилэт)-окси-1-фенилэтана;

5) помимо исходных компонентов, в продуктах термолиза присутствуют новые кислородсодержащие соединения, вероятно, образующиеся в результате деалкилирования тяжелых поликонденсированных соединений.

Таким образом, образование пека происходит преимущественно с участием тяжелых олигомеров и высококипящих компонентов, которые при условиях термолиза не переходят в газообразное состояние.

Выводы. Определен фракционный и компонентный состав кубовых остатков ректификации этилбензола и стирола (КОРЭ). Исследован процесс жидкофазного термолиза при температуре 320–350ºС и давлении 0,01–0,2 МПа. По результатам серии экспериментов получен усредненный материальный баланс процесса термолиза КОРЭ при различных условиях. Показана возможность получения из данного сырья высокотемпературных пеков, выходы которых составили 16,8–21,5%. Выходы дистиллятных продуктов находятся в пределах 63,6–73,4%. Были определены основные характеристики полученных пеков: температура размягчения 98–128ºС, коксуемость 23–37%. Были выявлены закономерности, показывающие, что легкие компоненты удаляются из реакционный зоны преимущественно без изменения, тяжелые компоненты вступают в реакции поликонденсации с последующим уплотнением или подвергаются деструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плате Н.А., Сливинский Е.В.* Основы химии и технологии мономеров. М. : Наука: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2002. 696 с.
2. *Лычкин И.П., Тарасевич Т.В., Филимонова О.Н., Зарцына С.С.* Производство и использование эластомеров. М. : ЦНИИТЭнефтехим, 1996. Вып. 5. С. 13–15
3. ТУ 2414-033-05766801-95 КОРЭ (Кубовый остаток ректификации этилбензола и стирола). Технические условия.
4. *Филимонова О.Н.* Переработка и применение кубовых остатков ректификации стирола. М. : Академия Естествознания, 2009. 76 с.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 9 сентября 2013 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АЛЕКСЕЕНКО Кира Викторовна – аспирант кафедры аналитической химии Томского государственного университета. E-mail: chemist_84@mail.ru

АННИКОВА Ирина Юрьевна – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатория петрологии и рудоносности магматических формаций Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); ст. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории структурной петрологии и минерагении Томского государственного университета. E-mail: iyuannikova@mail.ru

БАБАЕВ Эльчин Азизович – канд. ист. наук, ст. науч. Сотр. кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: elbabaev@mail.ru

БАБКИНА Ольга Владимировна – канд. хим. наук, директор Томского регионального центра коллективного пользования Томского государственного университета. E-mail: ckp@mail.tsu.ru

БАТАЛОВА Валентина Николаевна – канд. хим. наук, доцент кафедры аналитической химии Томского государственного университета. E-mail: batvn@sibmail.com

БЕЛОВА Александра Николаевна – студентка факультета иностранных языков Томского государственного университета. E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

БОКОВА (БУЛАТОВА) Устинья Анатольевна – канд. биол. наук, доцент кафедры защиты растений Томского государственного университета. E-mail: pushkay@yandex.ru

БРИНЕВ Константин Иванович – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул). E-mail: brinevk@yandex.ru

БЫКОВА Анна Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры экономики и управления организацией Самарского государственного технического университета. E-mail: 147390@mail.ru

ВАЙТУЛЕВИЧ Елена Анатольевна – ст. науч. сотр. Томского материаловедческого центра коллективного пользования Томского государственного университета. E-mail: ckp@mail.tsu.ru

ВЛАДИМИРОВ Александр Геннадьевич – д-р геол.-минерал. наук, гл. науч. сотр. лаборатории петрологии и рудоносности магматических формаций Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); профессор кафедры минералогии и петрографии Новосибирского государственного университета; гл. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории структурной петрологии и минерагении Томского государственного университета Томского государственного университета. E-mail: vladimir@ igm.nsc.ru

ГАЙНАНОВ Дамир Ахнафович – д-р экон. наук, профессор, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: 2d2@inbox.ru / isei@anrb.ru

ГАВРЮШКИНА Ольга Александровна – аспирант лаборатория петрологии и рудоносности магматических формаций Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: o.khokhryakova@gmail.com

ГЕРТНЕР Игорь Федорович – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры петрографии, зав. научно-исследовательской лаборатории структурной петрологии и минерагении Томского государственного университета. E-mail: labspm@ggf.tsu.ru

ГЕФНЕР Ольга Викторовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск); доцент кафедры философии Омского государственного аграрного университета. E-mail: gefner@rambler.ru

ГОЛОВАНОВ Антон Игоревич – аспирант кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства Томского государственного университета. E-mail: antongolova88@gmail.com

ЖУК Владислав Витальевич – мл. науч. сотр. Инновационно-технологического центра Сибирского физико-технического института им. академика В.Д. Кузнецова Томского государственного университета. E-mail: vladzhuk1980@gmail.com

ЖУРАВЛЕВ Георгий Георгиевич – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: ggz@mail.tsu.ru / ggz50@sibmail.com

ЗАВАРЫКИН Илья Николаевич – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: criminal-man@mail.ru

ЗАДДЕ Геннадий Освальдович – д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: ggz@mail.tsu.ru / ggz50@sibmail.com

ЗАМЯТИНА Виктория Сергеевна – аспирант кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: zam@t-sk.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ekivancova@yandex.ru

КАЛАЧИКОВА Ольга Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: olga_kalach@mail.ru

КАНТОР Ольга Геннадиевна – канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр. сектора экономической безопасности Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: o_kantor@mail.ru

КАРПОВ Дмитрий Андреевич – магистрант кафедры общей физики Томского политехнического университета. E-mail: hardrijam@gmail.com

КАРПОВА Анна Юрьевна – канд. соц. наук, доцент кафедры философии Томского политехнического университета. E-mail: belts@tpu.ru

КИРИЛЕНКО Юлия Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: kirilenko_juilia@mail.ru

КИРИЛЛОВА Светлана Александровна – канд. экон. наук, ст. науч. сотр. сектора экономической безопасности Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: kirillova_sa@mail.ru / isei@anrb.ru

КЛИМОВА Нина Владимировна – мл. науч. сотр. лаборатории мониторинга лесных экосистем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: klimnin@sibmail.com

КРЮЧКОВ Юрий Юрьевич – д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры общей физики Томского политехнического университета. E-mail: kyy@tpu.ru

КУРЬИНА Ирина Владимировна – канд. биол. наук, мл. науч. сотрудник лаборатории мониторинга лесных экосистем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: klimirin@sibmail.com

ЛУКЬЯНОВ Олег Валерьевич – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: lukyanov7@gmail.com

МАРТЫНОВА Дарья Николаевна – студент химического факультета Томского государственного университета. E-mail: darya.martynova.91@mail.ru

МОКРОУСОВ Геннадий Михайлович – д-р хим. наук, профессор кафедры аналитической химии Томского государственного университета. E-mail: mgm@xf.tsu.ru

НАМ Елена Вадимовна – канд. ист. наук, докторант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: n.elvad@yandex.ru

НЕСТЕРОВА Наталья Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

НЕХАЕВА Ираида Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры инструментального исполнительства Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

НЕЯСКИНА Юлия Юрьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский). E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: O.Obdalova@mail.ru

ПАНОВА Ольга Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

ПИРОГОВ Сергей Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии Томского государственного университета. E-mail: pirogoff@ngs.ru

ПОЛЕЖАЕВА Татьяна Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: tanechka35388@sibmail.com

ПОНОМАРЕВ Геннадий Николаевич – д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики физической культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: g-ponomarev@inbox.ru

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, доцент кафедра русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: lady-plvs@yandex.ru

ПРЯДУХА Наталия Анатольевна – канд. искусствоведения, науч. сотр. лаборатории гуманитарных наук Научно-производственного объединения «Экран» (г. Барнаул). E-mail: natasha72_72@mail.ru

РУЗАЕВ Станислав Валерьевич – науч. сотр. Музея военной техники «Боевая слава Урала» (г. Екатеринбург). E-mail: galeb2@yandex.ru

САВОСИЧЕВ Андрей Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Орловского государственного университета. E-mail: sawositchev@mail.ru

САПЬЯН Екатерина Сергеевна – ст. лаборант кафедры краеведения и туризма Томского государственного университета. E-mail: tourism2011@vtomske.ru

САРЫЧЕВА Галима Ахметшарифовна – лаборант-исследователь Томского регионального центра коллективного пользования Томского государственного университета. E-mail: ckp@mail.tsu.ru

СКРИПНИК Алена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогики, рекламы и связей с общественностью Филиала Российского государственного социального университета в г. Томске. E-mail: blackstrawberry@mail.ru

СМИРНОВ Сергей Захарович – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории термобарогеохимии Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); доцент кафедры минералогии и петрографии Новосибирского государственного университета; ст. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории структурной петрологии и минерагении Томского государственного университета. E-mail: ssmr@igm.nsc.ru

СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: gstarikova@yandex.ru

ТАРАСЕНКО Ирина Анатольевна – аспирант кафедры истории науки и техники Харьковского политехнического института (Украина). E-mail: pia27@ukr.net

ТАРАСОВ Константин Николаевич – аспирант кафедры истории России Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: tar-87@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Алексей Николаевич – канд. хим. наук, ст. преподаватель кафедры геоэкологии и геохимии Томского политехнического университета; инженер Инновационно-технологического центра Сибирского физико-технического института им. академика В.Д. Кузнецова Томского государственного университета. E-mail: tretyakov@tpu.ru

ТУРУШЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: nv2rusheva@mail.ru

УВАРОВ Александр Николаевич – ведущий геолог «Запсибгеолсъемка» (п. Елань, Кемеровская область). E-mail: iyuannikova@mail.ru

ФИЛАНДЫШЕВА Лариса Борисовна – канд. геогр. наук, доцент кафедры краеведения и туризма Томского государственного университета. E-mail: filandysh@sibmail.com

ЧУРКИН Руслан Александрович – техник Инновационно-технологического центра Сибирского физико-технического института им. академика В.Д. Кузнецова Томского государственного университета. E-mail: ru-line@yandex.ru

ШАНСКОВ Михаил Алексеевич – канд. биол. наук, зав. научно-исследовательской лабораторией «Педагогические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: shanse1@yandex.ru

ШУЛЬГИНА Елена Модестовна – ст. преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: modestovna@sibmail.com

ШУМИЛИНА Надежда Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: swansea@yandex.ru

ЩЕГЛОВА Элеонора Анатольевна – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: shcheglova@sibmail.com

ЯНОВСКИЙ Вячеслав Александрович – канд. хим. наук, ст. науч. сотр. Инновационно-технологического центра Сибирского физико-технического института им. академика В.Д. Кузнецова Томского государственного университета. E-mail: yavatpu@yandex.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

PHILOLOGY

P. 7. *Brinyov Konstantin I.* Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russia). **FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE IN TRIALS ON RELIGIOUS EXTREMISM.** The paper describes the state of forensic linguistic expertise for the purpose of detecting signs of extremism. The author discovers inefficient theoretical presumptions that are used as a basis for linguistic analysis of religious texts (e.g., essentialist definitions, the concept of criteria). It is argued that the theory of definitions and the concept of criteria result in the expert's making legal decisions, which falls beyond the scope of their duties and competence. Another discussion in the paper concerns the expedience of employing specialists in psychology and religious studies as assistants in forensic linguistic expertise. The author analyses the conclusions of possibility, which are common in experts' statements, and characterises them in terms of empirical content.
Key words: religious extremism; forensic linguistic expertise; forensic linguist's competence.

P. 14. *Ivantsova Yekaterina V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **TEXT VARIABILITY AS A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY SPEECH CULTURE MANIFESTATION.** Little study of speech culture of the local dialects generates its mixed reviews. There is an opinion about the low level of dialect discourse textual organization. The observations of linguists of Tomsk School of Dialectology over speech dialect of the language personality show that the traditional dialect speaker has a developed speech ability manifested, in particular, in the creation of a variable text. Variability in this case refers to situational modifications of both the formal and the semantic sides of the text with an invariant core. The object of the analysis was the speech of a Siberian peasant, V.P. Vershinina, born in 1909, resident of Vershinino Village of Tomsk Region. The source material is the text archive of the author – about 10,000 pages of the sounding speech decrypted from the tape recorded in easy talks during a quarter of a century. The article deals with the fragments of the informant's discourse in situations where the same event repeatedly served as the subject of discussion with different communication partners. The comparison showed that the studied texts, on the one hand, reflect the constant signs of the dialect discourse typical for a representative of the traditional language culture, on the other, they show a high level of variability of texts generated by the dialect speaker in spontaneous speech activity. The nuclear text indicators of the dialect language person are anthropocentrism, egocentrism, factuality and detail, consistency, coherence, specificity, lack of categoricalness. Text variability is determined by the place of the text in the overall idea of the narrative, the sub-themes (with the ability to choose the order of their presentation and omit minor thematic lines), the nature and details of the speech product, the communicative register (information / emotion / reproduction), the method of the subject of speech presentation, the presence / absence of comments leveling the background knowledge of communicants, the use of variant tools at different levels of language – phonetic, lexical, grammatical. Variability of the text is due to many factors. Among the objective reasons, which give the speaker an opportunity to create variable fragments of discourse, are the language system structure, which allows to render meanings in many different ways, and the general laws of the human thought to curtail / develop the sense in text creation. The subjective factors include the development degree of speech ability of the homo loquens, allowing the author to realize the idea of the narrative of the text, taking into account the pragmatic communicative situation (in the first place – the ability to be responsive to the recipient factor) and using a variety of the resources from the national language. Since the implementation of this ability is due to the communicative expediency and is based on the richness of the language resources of the dialect language personality, the variability of text generation can be considered a manifestation of the high level of the traditional language culture.

Key words: traditional speech culture; dialect language personality; text; variability.

P. 20. *Nesterova Natalia G.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ONLINE RADIO AS A NEW TYPE OF MEDIA AND THE BASIS OF NEW DISCURSIVE PRACTICES.** Modern radio broadcasts at a new level, because Internet radio gave new opportunities to meet the diverse needs of the consumer in information, education, entertainment, advertising, etc. The study of special works of researchers and practitioners of journalism, the survey data of experts in radio communications and representatives of the audience – all this gives a reason to go beyond the discussion of the new media, their role and vectors of development, and updates the problem of discursive changes in modern radio discourse. First of all, the author indicates the fundamental discursive changes that occur in the representation of a radio product (radio text) by the technical capabilities of different media and a combination of different semiotic systems. The Internet has transformed the traditional auditory means of mass communication into a multi-tool providing the ability to perceive radio communication not only by ear, but also visually, as well as by print media opportunities. With the development of Internet radio the feature of the linearity of the radio text is lost, for Internet radio allows the recipient to determine the sequence of the perceived information, music and any other content, one can open several information windows almost simultaneously. It changes the perception of the radio text and expands the grounds for its classification as a hypertext of a complex structure. Posted archives of programs eliminates another feature of the traditional radio, the synchroneity of the message. More options offered to the client generates new discursive practices connected with a possible feedback from the radio host via a blog, an opportunity to see them at work through setevizor, online voting at the website, etc. Discursive changes due to the advent of Internet radio stations are associated with the expansion of the audience. This factor is connected with a number of positions. First of all, the Internet has expanded access to radio communication. It made the radio all-encompassing for Internet radio can broadcast where there is no radio signal. The Internet in the present context is an intermediary that provides radio communication with the audience who are out of the range of a radio station, and enables radio reception in any country of the world. With the development of new information and communication technologies the nature of interactivity has changed: online surveys, discussion groups, forums on topical issues. The Internet allows uniting radio fans. An important role is played by podcasting, which, as a new form of highly marketable radio content use, makes the audience an active participant in the communication. The study leads to a conclusion that there is every reason to qualify Internet radio as a condition for the emergence of new discursive practices in the field of radio communication.
Key words: new media; online radio; multimedia; interactivity; discourse changes; discursive practices.

P. 25. *Poplavskaya Irina A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **KAROLINA PAVLOVA'S ESSAY "A DOUBLE LIFE" AS A PROSIMETRICAL TEXT.** K. Pavlova's essay "A Double Life" is considered as a type of the prosimetrical text in the article. Features of its esthetic nature on the synchronous level are conceptualized on the basis of the reception of the work in the Russian periodicals of 1848. The authors of the reviews in magazines "Sovremennik" (The Contemporary), "Biblioteka dlya chteniya" (Collection for Reading), "Otechestvennyye zapiski" (Notes of the Fatherland), and "Moskvityanin" (The Muscovite) emphasised the relationship of poetry and prose in the works of Pavlova, the relationship of form and content of the essay "A Double Life" for the unique nature of its genre. Following the commentators such prosaic and poetic works as a book of the German thinker and writer-romanticist G.G. Schubert "Die Symbolik des Traumes", a novel by Novalis "Heinrich von Ofterdingen", Byron's poem "The Dream" are indicated as the possible pretext of this essay. The essay by K. Pavlova as a prosimetrical text is analysed in the unity of its polyphonic content presented through the diverse genre speech styles: domestic fiction, dreams and prophecies represented by verses, intermediate realm between reality and dream expressed by rhythmical prose. Dialogue as a world-modelling, symbolic and genre-speech category is perceived as a structural element of the work of K. Pavlova. The dialogue of poetry and prose as an esthetic basis of prosimetry permeates here not only the home and the dream aspects of life, but also many content and structural elements of the essay: "day" and "night" chronotope, dreams of the character, plot, metasubject, composition, genre features. The question of philosophy of creativity is conceptualised in the article as a change in the mind of the heroine from the reality to the artistic image, which is defined as a picture of reality, idealised but not fully realised. From the point of view of the author, "the formula of creativity" includes poetic dreams, long reflection ("a cherished thought"), the acquisition of "word" and further life of the text independent of its creator. The creator has a secondary sensation of the work and the esthetic feeling. The article summarizes the poetics of K. Pavlova's essay "A Double Life" as a prosimetrical text. The most important feature of this type is seen in the original text mobility, variability of the author's attitude to the character, use of different points of view, esthetic play with them, dual imagery, in the productive synthesis of different speech genres and forms. "A Double Life" as a prosimetrical text is created on the basis of external, cumulative principle and, simultaneously, on the internal principle of structural and semantic switching, which makes the poetic and prosaic pictures of the world in the work are dynamic and transform into each other.
Key words: female writers; poetry; prose; criticism; publishing; literary process.

P. 32. *Skripnik Alena V.* Tomsk Branch of Russian State Social University (Tomsk, Russia). **PHENOMENON OF THE PUPPET AND PUPPET THEATRE IN N.V. GOGOL'S STORY "NEVSKY PROSPECT".** In "Nevsky Prospect" Gogol synthesized traditions of "a violent school" and a spectacular folklore, especially in understanding the traditional as a trite (for example, the traditional and ceremonious behaviour of the walking people at the beginning of the story is perceived as a manifestation of lifelessness and platitude). The story also contains rudiments of romanticism: using the puppets as dead, spiritless and mechanical images. The term "puppet" is polysemantic. It can also be used for designation of various (sometimes interconnected) phenomena. In the context of our research, we should focus attention on the following substantial components: vivacity or deadness of the puppet. In our research, we understand the phenomenon of the puppet (including mechanical) as a mannequin and a puppet, and partial similarity of these concepts does not mean their full identity. Puppets first appear during the description of people walking along Nevsky Avenue. There is a feeling of lack of identity, alive feeling and the humanity due to the strengthening of the puppet element. First of all, it concerns the description of appearance of the characters. External tinsel replaces the internal content. These characters combine two puppet concepts: a mannequin and a mechanical puppet. In this world there is only a visibility of life, visibility of events and actions; therefore, the world is illusory, illusive, almost a mirage, and this feeling amplifies by the end of the story. The same world is in Piskarev's dream about his visiting a ball in the house of a beautiful girl. Besides mannequin and mechanical images, in the story there are images of a spectacular folklore – of the theatre of Petrushka and the raree show. In our opinion, in "Nevsky Prospect" Gogol used the specified types of national representations. The story begins with a raree show, in which the metamorphoses of Nevsky Avenue are shown. It approaches a raree show in the aspect of the fast change of scenery. Further, the author also narrates in the tones of a puppet theatre about the destiny of two friends: artist Piskarev and lieutenant Pirogov, who can be compared with Pulcinella and Petrushka. Piskarev can be correlated with Pulcinella appearing in the story as a tragic variant of the Italian mask. Besides, all narration about Piskarev is accompanied by the Italian and antique motives. The subject line connected with Pirogov is built on the standard scheme of representations of the theatre of Petrushka. Using the devices of the raree show and mechanical pictures in the story, Gogol puts the tradition of the puppet theatre of Petrushka-Pulcinella into the focus of attention, which emphasizes not only the puppet but also overall Italian traditions of the story.
Key words: a puppet; mannequin; mechanical puppet; puppet theatre; gallery; theatre of Petrushka.

P. 37. *Starikova Galina N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **INFORMATIVE-ADVERTISING POTENTIAL OF NAMES WITH A COLOUR COMPONENT (FROM THE DATA OF EATING FACILITIES NAMES).** Colour is one of the most ancient categories of world comprehension. Every culture has its own particularity both in colour naming composition, and in different symbolic significance assortment of colours and in different levels of their symbolic nature. This thesis is proved in the article by the consideration of this vocabulary when it is used for naming eating places. Different peoples have their own peculiarities concerning colours, for example, the restaurant name "Red and White" is connected with the types of alcoholic drinks for the Russians, while Chinese people may understand it as a philosophical indication of the changeable character of existence: the idiom hóng bái xiāng wèi (good and bad fortunes take turns) is translated literally as "red and white take turns" because these conceptions are opposed according to the colour symbols in the Chinese culture. The data was collected from the reference sites of several Russian regional centres; over 300 names (ergonyms) were analyzed, such as " Orange", "Dark-lilac", "Purple", "Life in Pink", "Red & Black", "White Tiger", "Red Grot", "Green terrace", and so on. This group of Russian ergonyms had 28 colour definitions including dark and light, gold and silver. The most popular adjectives for commercial naming were the following: gold (65 names), white (43), green (40), and red (31): "Gold Crucian", "White Grand Piano", "Green Sea", "Red Sun", etc. With the rare exception the names have the attributive word combination structure with steady or variable composition and they must perform different functions. The first type is represented by a) nomenclative word combinations ("Black Swan", "Pink Flamingo"), and b) names of precedent type ("Golden Fleece" "Green Carriage", "Black Gold", "Yellow Submarine"), including those with negative associations ("Black October", "Grey Gelding"). The second type is c) realonyms ("Blue Roof", "Green Hill"), and d) oxymoron type combinations ("Blue Crow", "Orange Lime"). In the conditions of the common onomastic space new names are created by analogous principles while both components of a word combination take part in the naming and form nominative rows with great differentiating potential. There are some examples: "Black Square"/ "White Square", "Red Square", "Blue Square", "Green Square", and "Black Triangular", "Green Pyramid"; "Black Orange"/ "Blue Orange" and "Blue Melon", etc. The

attractor function (catching the attention of potential clients) is easier to perform for the names of the subgroups b) and d): "Green Piglet", "Pink Elk", "Lialia-Mumu in Red Toad", "Black Orange". The identifying one (pointing out the type of activity of the eating facility) and the qualitative one (specification of the eating place) are better performed by a) ("Yellow Café"), and b) ("Green Mustard"), that of address – by c) ("Café in Red Avenue"). Thus, the advertising-informative potential of such names is supported by the general connotative-association group of the vocabulary units they consist of and it has been formed, to some part, due to the symbolical nature of colour perception. In particular, colour may indicate the national cuisine: yellow and red are the symbols of the Chinese cuisine ("Yellow Dragon"), green – of the Irish ("Green Duck"), light blue – of the Thai ("Blue Elephant"), and it corresponds with the flags of these states. Green is also the symbol of a vegetarian menu ("Green House"), aquamarine - places with fish and seafood ("Aquamarine Wave"). Aquamarine and indigo colours mark the masculine essence, and pink (scarlet) – the female essence. That is why "Indigo Beard" is a masculine club-café, "Aquamarine Lagoon" is a gay-saloon, "Pink Rhinoceros" – a striptease-bar. Obviously or partly unconsciously the nominators support and provide the colour symbolism in the naming, for example, the idea of becoming blue from drinking: Why "Blue Elephant"? The elephant is an animal that can drink more than others, and becomes blue after that.
Key words: onomastics; ergonomics; colour vocabulary; symbolic meaning.

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

P. 43. *Zamyatina Victoria S.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **PR COVERAGE IN MODERN SOCIETY.** In this article the tendencies which exist in research literature on the issue of the term "public relations" definition and the history of its emergence are revealed. The careful analysis of the literature shows that there is a problem in the PR nature and functions definition which consists in discrepancy of declarations of PR-specialists claiming that "public relations" exists as a certain "science" the purpose of which is the impact on people. This discrepancy leads to existence of a huge range of various opinions on the issue of the PR definition, its functions and nature. Following the analysis of the existing definitions of the term "public relations" we came to a conclusion that in one case, "public relations" is treated as a way of communication and in this sense it is perceived as existing in the times of ancient civilizations. In another case "public relations" is an applied discipline which appears in the 20th century and is oriented towards the solution of specific problems specialists in the field of public relations face (creation of image of the organization, promotion of goods and services, interaction with the public). Such an interpretation promotes the treatment of PR as manipulation. Thus, the understanding of public relations as an applied discipline leads to the deformation or annihilation of the initial plan of PR, which consists in the establishment of benevolent relations between the organization and the public. This raises a question: is it possible to speak about the value of the institution going beyond the manipulation?" The conceptual basis for the productive solution of the matter is The Theory of Communicative Action of Jürgen Habermas. The appeal to this theory allows drawing a conclusion that at the heart of the developed definitions of the term "public relations" it is possible to see the distinction of types of rationality, namely, the communicative type of rationality and the tool type. As a result, we come to a conclusion that PR can become a valuable social institution. If the phenomenon of public relations is to be treated as communication among various commercial structures and the public, PR then can be presented as an embodiment of communicative reason. Thereby, public relations act as a factor of solidarity and stability of the society. By means of this communication various social subjects come to mutual understanding, providing a notional reconstruction of the society. Thus, it is represented that the concept of the communicative reason of Jürgen Habermas can act as the theoretical and methodological basis both for studying the prospects of existence of public relations institution and for their practical realization.
Key words: public relations; communication; technology; the Theory of Communicative Action; Jürgen Habermas.

P. 47. *Karpova Anna Yu., Karpov Dmitry A., Kryuchkov, Yury Yu.* Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). **OLD NEW TREND IN DETERMINATION OF ENGINEER'S COMPETENCES.** The article provides a brief overview of definitions of modern specialist competencies, in particular, a comprehension of the essence of engineering competencies. The authors take the view in which competence in general sense is understood as a triad: knowledge, skills, and the ability to effectively carry out professional activities at a high level. Experience shows that the newly minted engineers are not trained to work in a team and do not know how to build professional relationships and communication in a team. Graduates of engineering schools often fail to realise their professional knowledge because they do not have the problem-solving and skills-oriented tasks due to the lack of critical thinking. Since the quality of engineering education in technical institutions clearly does not meet modern requirements, the current task is the formation of future engineers' core competencies, which are focused on their successful professional realization. In the broad sense of the word, education is an investment in the future. Therefore, the emphasis in the educational reform should be focused on the competence-based approach, which will increase the possibility of creating competitiveness and cost efficiency invested in education. In the opinion of the majority of both Russian and foreign researchers the wide range competence includes both the key and professional competence. This article draws attention to the core competencies, which include social, interpersonal, and personal ones. Despite a large number of studies conducted in different countries to study the competence of engineers, most of them have one common gap, which is related to the fact that respondents generally favour students and university graduates, while a deeper understanding of the quality and the ability to apply these competencies can be detected only through the interview of the professionals who already have experience in their professional field. In this context the article provides an overview of the materials of a sociological research conducted in 2009 at the University of Western Australia and focused on the study of the general competencies, which are required for the successful engineers. A distinctive feature of the study is that the respondents are the "grown-up engineers" with work experience of 5 to 20 years after graduation. The article reveals the most important components of core competencies. The results of the survey are described and prospects for further study of the problem in relation to the Russian system of engineering education are given. According to the authors the full and objective picture of the knowledge, skills and abilities needed for an engineer today is one of the keys to overcome the crisis that exists in engineering education and the general state of engineering in Russia. In order to understand how to fix the situation it is necessary to systematically investigate the composition of demands and future competencies, to improve the mechanisms for their evaluation and assessment. Taking into account these competencies and, from personal experience, the authors offer a number of solutions that are appropriate for the training of successful engineers.
Key words: engineering competence; knowledge; skills; ability to effectively carry out professional activities on a high level; technical and non-technical competencies; competencies of behaviour; assessment of competences; teamwork; self-organisation.

P. 51. *Kirilenko Yulia N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **THE HISTORICO-PHILOSOPHICAL BASIS OF THE SOCIAL ONTOLOGY OF THE RITUAL.** The aim of this article is to analyse three philosophical traditions – structuralism, post-structuralism, and ordinary language philosophy, which make an important contribution to the creation of a renewed concept "ritual" in the aspect of social ontology. In this aspect the ritual is treated as a text or communication. From the point of view of structuralism representatives, the ritual is a structure, in which some code is enciphered. As a result, the main principle structuralism sees the ritual is the search for an analogous structure in all rituals. There is no diachronic analysis, only the synchronic one, studying the ritual without its historical context. Post-structuralism is the transformation of structuralism. As a result, understanding the ritual as a system with a structure makes relates structuralism and post-structuralism. But post-structuralism refuses from the absolutisation of the structural analysis as a method of cultural text interpretation. Post-structuralism, unlike structuralism, emphasises the non-rational and non-structural component of a cultural object. At last, post-structuralism refused from the idea of the search for a single core of a system. Its representatives concentrated on messages and ciphers, which are understood intuitively. From the point of view of post-structuralism representatives, the repeatability of the ritual ceased to be its main feature, and the synchronic analysis of various ritual actions was not the primary method for comprehension of the sense of ritual practice. Also, we can say about the impossibility to create a common classification for all rituals, because for post-structuralism the non-rational and marginal component became principal, but not the structural and rational component. From the point of view of ordinary language philosophy representatives, the ritual was studied as a multilevel text, which contains at least three levels - deep symbolical, social symbolical and expressive. This multilevel character allows to say that part of the information in the ritual is understood by intuition for the majority of people, and the other part of the information in the ritual serves as self-determination for ritual participants. As a result, the macro-textual space of the ritual is composed of the micro-textual levels. According to the results of the research, the author concluded that the hermeneutic problem is basic in the social ontology of the ritual. She also represented the hermeneutic concepts of the ritual by structuralism, post-structuralism, and ordinary language philosophy.
Key words: ritual; structuralism; post-structuralism; ordinary language philosophy; hermeneutics.

P. 55. *Nekhaeva Iraida N.* Omsk F.M. Dostoevsky State University (Omsk, Russia). **CONFRONTATION OF EXPERIENCE AND REPRESENTATION IN THE ASPECT OF LANGUAGE PRIVILEGE: CRITICISM OF TRANSCENDENTALISM IN ART.** The article contains a critical view on the modern position of art as a place to develop transcendental positions which do not have anything in common with the nature of art. In this connection, the transcendental monopoly showing language privileges in the sphere of art must be recognised illegal and demoting the appropriate development of art. Attention is given to the situation in which there is a habit to set a point of view on art from a transcendental "place" as soon as a conversation turns to things of the "special kind" (works of art). This indicates an intention for analysts of art to follow the situation of "compliance" which conforms with the nature of the language, but is alien to the nature of artistic activity. As a result, the situation is valid in the context of transcendental schematism. It creates a gap between the "what" is analysed and the "how" this analysis is carried out. The analyst of art has to struggle to get closer to the subject of analysis in method and means, nevertheless they make a dissonance in the way of addressing to art, creating the impression of invisibility of experiences, meanings and representations in an attempt to combine the experience and meaning in something they call interpretation. It is not surprising that this kind of position in the field of arts & humanities creates conditions for the establishment of an epistemological space orienting to find the "right" (if not universal) transcendental grid allowing to clarify the essence of any work of art. This demonstrates the desire of analysts of art to the "privileged" position of possessing a separate and specific knowledge which (if) one can acquire only after it is applied. Therefore, it is quite obvious that no texts were ever written for the purpose of "correspondence" to a certain transcendental grid for understanding the work of art by searching for the artistic meaning in the material. As a consequence, it is necessary to take into account that representation is a very specific language tool which provides the convenience of finding and giving some sense in the world.
Key words: transcendentalism; language; art; knowledge; experience; representation.

P. 59. *Pirogov Sergey V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **CONTOURS OF VISUAL STUDIES OF A CITY.** The paper defines and analyzes the methodological optics options of vision of the city as a whole and its individual visual epiphenomena. In the naturalistic paradigm, the city appears to the researcher as a material object, the substrate of which is its architectonics, understood as the representation of the objective social reality. The structuralist paradigm draws attention to the interpretive nature of the images of the urban environment. Urban communities are considered as actors of the semantic construction of the urban environment reality and urban lifestyle. In the constructivist paradigm, the focus of attention is the role of socio-cultural background, which causes the difference in the vision of the urban reality. In the phenomenological horizon a special procedure of constructing the reality is articulated – the development of environment. In the phenomenological perspective the image of the city is a structure generating new meanings through the experience of the perception of the urban environment. The system of these paradigms proposes organization of the material gained in visual sociology of the city by subject areas and problem fields. In the naturalistic paradigm of understanding the visual as a reflection of objective social reality there develops a thesis that in the urban morphology one can see features of socio-economic and political organization and problems of a particular society. In the structuralist paradigm, the subject of analysis is semiotics of the urban environment – the visual text of the city. There are two types of text: the iconic and images of the environment appearing in the process of "colonization of space" (M. de Certeau). In the constructivist paradigm, attention is drawn to the fact that the space of the city is produced, not just interpreted. In this context, the visuals allow learning performative practices as ways to change and produce the social space. The most important subject and problem area of research in the constructivist paradigm is the public space of the city. The functions of public space are defined that can and should be studied with the help of visual aids: formation of identity, self-presentation of urban communities, formation of tolerance as spatial equality. The problems of public space are given, which are necessary not only to know, but to see – to diagnose their presence by visual tools: 1) privatization and commercialization of these spaces; 2) lack of demand for public spaces; 3) lack of skills and mechanisms of social and cultural integration of different styles and ways of life; 4) "space of flows" (M. Castells), 5) "desert of the real" (J. Baudrillard); 6) extinction of communication as a result of space utilization; and 7) the problem of environmental identity. In the phenomenological tradition, the city image is a projection of human life world formed in the process of experiencing a real life situation.
Key words: visual, city image, paradigm of cognition.

CULTUROLOGY

P. 64. *Panova Olga B., Belova Alexandra N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **GOETHE AND THE ORIENT WORLD: ON THE WORLDVIEW UNIVERSALS OF THE CULTURE.** Increased attention to the eastern culture and eastern worldview is caused by the apparent importance of the dialogue between East and West, whose influence on the further development of the world culture in general and the universal worldview is no longer in doubt. Of particular interest in this regard is the "eastern" part of the heritage of the world culture classics, which depicted the most important historical moments of the process of spiritual interaction between East and West. In the history of humankind there are thinkers and poets, in whose works the souls of the East and the West are truly united and really form a whole. On the eternal journey of the West to the East one of those was Goethe, a classic of the World Culture. The appearance of a person with such a spiritual level in the history of humankind itself is the evidence of not only the millennial dialogue of Eastern and Western cultures, but also about the primordial unity of East and West, eternally forming a whole – the Unity of Culture. Goethe's personality, creativity, and the philosophical and poetic quest open up the opportunities for deep reflection about the intimate spiritual relationship of the West and the East, and the interest shown to it – about the intellectual communication of the European, Russian and Eastern thinkers. Goethe consciously appealed to the East throughout his long life. His attention was attracted by the Jewish antiquity, the Arab East, Persia, China, India. However, a deep bond of Goethe's poetic world with the world of the East is due not only to this serious interest in the Eastern culture, which is evident throughout his entire career. The uniqueness of Goethe, his fundamental difference from other Western thinkers is that he had an inborn "eastern" poetic perception of the world. The united "eastern" Goethe's text is composed of the poetic cycles like "West-Eastern Divan", "God and World," "Sino-German Seasons and Hours" and prose "Israel in the Desert", "The Persians", "The Arabs". All together it expresses the essence of his philosophy of life creation, is a call to comprehend the Unity of Culture and the higher spirituality that pervades the Universe. Goethe takes the Universal Unity of Humankind as deeply personal in the real sense, i.e., the intimate, sacred. The language of his poetry stores the "eastern" wisdom of the poet's soul, the memory of the earliest revelations of the East. The conceptosphere of his "Eastern" heritage is formed by the semantic unity of conceptual universals: Soul of the World - Unity - Creation of the World - Love - Truth - Joy - Eternity - Nature - Eternal Femininity - Beauty. And these are, in fact, the common cultural worldview universals, accumulating all the historically stored spiritual experience of the humankind since the ancient times as a whole, turning the human mind to the origins, universals of the World Cultures, the source and the origin of which is the Oriental Soul.
Key words: Culture; East; West; poetry; language; worldview; cultural universals.

P. 76. *Pryadukha Natalia A.* Scientific and Production Association "Screen" (Barnaul, Russia). **MUSIC AND SOUND PATTERNS IN THE ORGANIZATION OF THE CULTURAL LANDSCAPE OF DEMIDOV SQUARE IN BARNAUL.** Music and sound approach to the reading of the architectural ensemble of Demidov Square of Barnaul is the basis of the methodology of the proposed research. The ultimate goal of the association is to enrich the cultural landscape of the field, specifically the existing places of the city, forming its sense of uniqueness, value, detecting patterns and similarities in the formation of these landscapes. Analysis of the composition and facades of the buildings that make up the ensemble of the square can draw analogies with ancient music forms of sonatas (Allegro, Andante, Menuet, Final) and the ancient dance suite (Alemanda, Courante, Sarabanda, Gigue). This comparison authorizes the granting of all parts of the cycle specific sound settings: high, up tempo, tonal range, the characteristics of the texture and melody, agitation, mood, etc. The revealed dramatic development cycle enables to visually experience the dynamic properties of an architectural monument, its integrity as a major cultural phenomenon, the interconnectedness of its components, on the other hand, it deprives the architectural ensemble of the uniqueness of reading and interpretation. New means of expression form an additional layer of associative component of the cultural landscape, introducing it to the world of music, its history and circumstances, means of expression. Music and sound characteristics that appear in the analysis of the composition of the square and some architectural elements of the facades of buildings included in this architectural ensemble can experience the benefits of an integrated approach to the phenomena of synthesis of the arts, to realize their versatility and consistency with the general laws of the organization of the World. Some elements of the ensemble (Demidov Pillar, Church of Dimitry of Rostov) in musical interpretation demonstrate commonality with other attributes of the landscape of the city, making it a significant square and an integral part of it, at the same time denoting relevance, importance and the need for further research. But, of course, already in this state, Demidov Square of Barnaul is a new educational and cultural environment in the long term, a new point of unique hiking routes, a source of scientific research, publications, and museum exhibits. Such an interpretation, which introduces the world of the now existing cultural heritage to the process of constant of inspiration, increases the axiological significance of this place and updates the need to educate citizens and preserve the rich cultural landscape.
Key words: square; musical form; suite; composition; sonata; ensemble.

HISTORY

P. 81. *Babaev Elchin A.* Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia). **BASIC DIRECTIONS OF THE CANADIAN FOREIGN POLICY IN 1984-1993 (ON MATERIALS OF THE ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION).** The foreign policy of the government of B. Mulroney received the name "politics of continentalism" in foreign historiography. As a prime measure the new Canadian management suggested to enter into the agreement on creation of a zone of free trade in Northern America. The government of Canada acted in September 1985 with the initiative, offering the United States to begin negotiations on establishment of a bilateral mode of free trade. Negotiations about creation of a zone of free trade proceeded for more than two years and ended productively. In January 1988 the Canada-U.S. Agreement on free trade (FTA) which provided liquidation of barriers in the bilateral exchange of goods and services, and also joint settlement of trading conflicts and disputes was signed. The steadfast attention to neighbours on North American continent did not mean that within B. Mulroney's board Canada "has forgotten" about other foreign policy directions. Except "continental", the priority directions of foreign policy in the official documents of Canada of that time were also European, Pacific and Latin American. The European direction in the Canadian policy of "Mulroney's era" dominated with the problems of safety and political issues, while traditionally important trade and economic contacts were set aside. In the second half of the 1980s – beginning of the 1990s the basic interests of Canada were connected with the changes in the

countries of the Eastern Europe, their gradual democratisation, their loss of the USSR influence. In the Asian-Pacific region policy, basic attention was paid to the problems of trade and economic cooperation with Japan, the People's Republic of China and the new industrial countries. The basis of the new Canadian vision of the prospects of political development of the Asian-Pacific region first stated in a statement by Minister of Foreign Affairs of Canada J. Clark on July, 17, 1990 is the thesis about the necessity of a more active multilateral diplomacy in order "to melt the ice of the "cold war " in this part of the world". According to the New Political Strategy approved by the Cabinet in October, 1989 Latin America was also determined a new foreign policy priority. The core of the new Latin American strategy of Ottawa became the task of more active promotion of the Canadian economic interests in the region. In this aspect the most perspective were connections with such countries as Mexico, Brazil, Argentina, Chile, Venezuela, Uruguay and Peru. As a whole, B. Mulroney's foreign policy can be divided into two periods. At the first stage (before FTA in the beginning of 1989) the overall objective was to enter into the Agreement on creation of a free trade zone with the USA. At the second stage B. Mulroney concentrated the attention on other major foreign policy directions to balance the external connections of the country whenever possible. Therefore characterizing the foreign policy of Canada in 1984-1993 it is necessary to use the concept " balanced continentalism".
Key words: foreign policy of Canada; B. Mulroney; the USA; FTA; Mexico; NAFTA.

P. 85. *Gefner Olga V.* Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research (Omsk, Russia).**THEATRICAL ACTIVITY OF THE MILITARY MEN IN THE CULTURAL LIFE OF THE CITIES OF WESTERN SIBERIA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES).** Military men essentially and significantly contributed to the development of the theatrical culture of the cities of Western Siberia in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The professional theatre in the Siberian province during this period was poorly developed. Therefore, the theatrical art here developed, mainly, in the form of amateur activity of various layers of the city society, including military men. Granting of military buildings for various mass actions was one of forms of assistance of military men to the development of entertainment culture in cities. Because of the absence of special theatrical premises in many cities, use of various military buildings was a widespread phenomenon: military meetings, military arenas, soldiers' barracks, tea rooms were used for theatrical performances, concerts, and other shows. Among officers, military officials and members of their families there were many fans of theatrical art who took an active part in the organization of theatrical performances, there were talented actors. Amateur performances organised by military intelligentsia collected numerous public. Many of performances were charity events. Officers were especially active theatrically in Omsk, Tobolsk, Tomsk, Tyumen, and Kokchetav. Soldiers' theatres were also important for the cultural life of the cities of the region. During this period the theatre becomes an educational means used by officers in training soldiers. Soldiers' performances were held in Omsk, Tomsk, Berezov, and Turinsk. Performing promoted intellectual, moral and esthetic development of soldiers, introduced the world of drama art, brought up the spectator culture, in the entertaining form acquainted them with the plots of the Bible and Russian history, fairy tales and bylinas. Soldiers' performances accompanied national celebrations, city holidays, charity events. Performances enjoyed wide popularity and success among the spectators from the lower class of urban population. The local public highly appreciated soldiers' theatres.
Key words: military men; theatrical activity; city culture.

P. 90. *Nam Yelena V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **MYTH AND ARCHETYPE AS A BASIS OF THE SHAMANIC WORLDVIEW.** The present article considers the symbolic function of a myth as the earliest example of the understanding and symbolization of human experience of reality; and it also shows how mythological consciousness gives birth to the shamanic worldview and to a specific type of psycho-mental activity, namely, the shamanic practice. The creation of a symbol implies some intellectual operation of eliminating contradictions, and it is a process of mediation. Claude Levi-Strauss established that a myth is an indispensably binary structure as it is a logical tool for conflict resolution. Myths as symbolic structures are needed for mediation and reconciliation of consciousness with the reality. Myths, as manifested images printed in the consciousness and cultural memory of people, are deeply rooted in psychic structures where the kingdom of archetypes lies. Archetypes, like instincts, are much older than culture and therefore they are not transmitted through traditions but inherited together with the brain structure. Archetypes are linked to that part of instincts that can be manifested by means of symbolic forms only and thus could be called a "form of inborn intuition". So, by the moment a human made a step toward consciousness and so to culture, s/he already had tools thanks to which s/he was able to adapt psychic activity to the production of unique cultural forms and to meaningful being. The presence of the archetypical structure in human mind helps understand the mechanisms of creation of symbols and their functioning in the cultural space of archaic and contemporary communities. It can be assumed that the possession of the physic energy, now hidden in the unconscious but readily accessible for a human of the remote past, could clear the way for vast creative activity of denoting reality and creating myths. The symbolic concept of culture complemented by the theory of archetypes can be successfully applied for analysis and reconstruction of the mythical-ritual tradition of Siberian shamanism. It appears to be of interest to study shamanism as an early universal worldview system where basic psychic structures and processes were converted to symbolic (mental) images and actions with the aim of existential adaptation of a society (primitive community) to the state of apartness from the natural world and the necessity of interaction with it. It is within the context of the development of human individuality and the shift from early collective perceptions that an iconic figure of a shaman appears with his/her mysterious experience which tends to have a different from the collective – individual – character and to serve the goal of the collective adaptation to new cultural realities. It is not by accident that Sergey M. Shirokogorov called shamanism "safety valve and self-regulating mechanism of the psychic sphere". In fact, in the person of a shaman there took place a substitution of mythological characters capable of coming into the living of a primitive community by a real person, a socially important figure capable of reviving a myth through exploring archetypical layers of consciousness and capable of integrating the life of a community into the system of relations with the sphere of sacred existence. For a traditional society, a shaman is, first of all, a symbolic figure capable of carrying out the ritual (and so the real) embodiment of the archetypical scheme. A shaman is a living symbol of the connection between humans and the supernatural, non-human, sacred world. A shaman is able to travel to the "mythological field" of the cultural tradition and thus remaining a human, s/he becomes a part of the mythical reality, a full participant of mythological events.
Key words: myth; archetype; ritual; shamanism.

P. 96. *Polezhaeva Tatiana V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **LANGUAGE AS A FACTOR OF NATIONAL UNITY (DEBATES BETWEEN THE ARCHAISTS AND THE KARAMZINIANS IN EARLY 19TH CENTURY).** This study considers issues related to the linguistic situation at the border of the 18th and the 19th centuries. It analyses historical and linguistic concepts of A. S. Shishkov, who was the leader of archaists and the founder of the literary circle "Beseda Lubitilei Russkogo Slova", and who

disputed with the followers of N.M. Karamzin. The author notes that the relevance of linguistic debates is explained by different reasons. Firstly, a new form of state existence – the nation based on the unity of cultural and linguistic domain – had emerged in Europe and begun its development. Secondly, active processes of borrowings, including linguistic, since the age of Peter I persistently demanded the definition of boundaries of "self" and "others". The author aims to clarify the role of the linguistic debate in the process of building of the National State and, in particular, to answer the question of the role of the language in Shishkov's programme of creation of such a State. It is noted that A.S. Shishkov featured his modern language ("Rossiyski") as a descendant from the Old Church language ("Slavensky"). The utopian situation of the equality between the Russian and Old Church languages allowed to judge the antiquity and continuity of the national tradition, conveyed by the Orthodox Church and the people. The study analyses Shishkov's views on the people's language and determines the importance of the written language in his concept. Along with folklore and the language of holy books, Shishkov places emphasis on historical works. The author points out the fact that Shishkov was one of the first commentator of "Slovo o Polku Igoreve" and created his own "Prelozhenie Igorevoi Pesni". Therefore, only by combining these components of literature – holy books, historical works and folklore, by to A.S. Shishkov, one can create the Russian literary language that will become a prologue to the reconstruction of a unified national tradition, which was destroyed by modernization. The article concludes that the language (and script, with remarks) was the most important marker of belonging to a particular society at that time and acted as a research area for a variety of ideological schemes.
Key words: A.S. Shishkov; archaists; national identity; "Slovo o Polku Igoreve"; "Kraledvorskaya rukopis".

P. 101. *Ruzayev Stanislav V.* Museum of Military Glory of Ural (Yekaterinburg, Russia). **THE CITY DEFENCE COMMITTEE IN THE SYSTEM OF GOVERNMENT AGENCIES IN THE CITY OF SEVASTOPOL (OCTOBER 1941 – JUNE 1942).** Sevastopol Municipal Committee of Defence was founded on October 23, 1941. The aim of its foundation was centralization of power on the ground to guarantee well co-ordinated work of the state, party and social structures of administration. According to its structure and functions it imitated the Bureau of the Municipal Party Committee a lot. Boris Borisov, First Secretary of Municipal Party Committee, headed both the agencies. The functions were identical: military education of citizens, ensuring of military industry, organization of local air defence, etc. After studying the reports of the Municipal Committee of Defence one can detect three basic stages of its functioning. The first stage lasted from October 28, 1941 to November 4, 1941. It is characterized by making a number of important decisions: to make the population get ready to meet the attack, to evacuation, to work in the industry. But the military administration doubted the necessity to establish this agency. It could cause the committee's work suspension. From November, 1941 to January, 1942 the agency had no meetings. The Bureau of the Municipal Party Committee was making all the decisions about defence. Meetings of the Municipal Committee of Defence were renewed on January 5, 1942. Up to the middle of May, 1942 9 meetings were held. The following questions were discussed: city's restoration, evacuation, military training of population, and improvement of epidemic environment. The Bureau of the Municipal Party Committee continued its functioning, the Party administration assembled on the regular basis. Firstly, a number of questions were discussed in the Bureau, and then they were submitted for approval by the Committee of Defence. The functions of these agencies were not clarified and separated. The Bureau discussed and made decisions on some important issues (food supply for population, for example). In the middle of May, 1942 the situation changed. The Soviet Army was defeated in Kerch Peninsular. Now, all efforts of the German command were directed to the fast capture of Sevastopol. In such an extreme situation the Municipal Committee of Defence became the agency that headed the work of the Soviet and Party bodies aimed to meet the third attack. The active functioning stage of the Municipal Committee of Defence started. It worked in a close contact with military administration, that is the Commander of Defence Area in Sevastopol Admiral Fillip Octyabrsky. From the middle of May to the end of June urgent meetings for discussing current issues were held. By the end of the month the city's administration was absolutely disturbed. All agencies and the Municipal Committee of Defence finished their work. Thus, while the defence of city, two agencies with extreme powers were functioning. Only during the third attack the Municipal Committee of Defence became the main body of civil administration.
Key words: Sevastopol Municipal Committee; defence of Sevastopol; emergency authorities.

P. 104. *Savosichev Andrey Yu.* Orel State University (Orel, Russia). **PROBLEM OF THE ORIGIN OF CLERKS AND ASSISTANT CLERKS IN 14TH – 17TH CENTURIES IN MODERN HISTORIOGRAPHY.** In the modern historical science the traditional approaches to the problem of the social origin of clerks and assistant clerks, set before 1917 and developed in the works of the Soviet period researchers are still used. I. Gralya devoted a monograph to the activity of a clerk, Ivan Mikhailovich Viskovaty. The author came to a conclusion that most part of clerks come from the nobility. Representatives of gentry and mean nobility became assistant clerks. Ju.G. Alekseyev tracked the initial stages of evolution of the social origin of the grand-ducal clerks in the second half of the 14th century: from non-free servants to paper workers who have already found freedom, but yet not a part of children of the boyars. Approximately from the first half of the 15th century the researcher traces the beginning of gradual transformation of clerks from servants into feudal lords. In 2001 in Volgograd State University N.V. Rybalko defended a PhD thesis "Russian Mandate Bureaucracy in the Time of Troubles of the Beginning of the 17th Century". The study of the social origin of clerks and assistant clerks was one of the tasks in the work. N.V. Rybalko came to a conclusion that in the Time of Troubles the share of noble family representatives among clerks was from 28% (clerks of the cities in the time of Vasily Shuisky) to 38% (in the First Home Guard), and among assistant clerks – from 2% (in the time of Tsar Vasily) to 3% (in the time of Tsar Boris). D.V. Liseytsev's monograph is among the most recent works on the problem of our interest. In this rather thorough work a part of Chapter 7 is devoted to the question of the social origin of clerks. D.V. Liseytsev's general conclusion about the sources of formation of clerks of the period of the Time of Troubles is that about 90% of the clerks of the first two decades of the 17th century were noble by origin. The other 10% was made up by the representatives of merchants. It corresponds to S.K. Bogoyavlensky's calculations by which in the first third of the 17th century the number of nobles among clerks fluctuated between 79 and 87%. Summing up the analysis of the historiography of the problem it is necessary to notice that, despite a number of thorough researches, the question on a social the of clerks in the 14th – 17th centuries has not yet been solved.
Key words: social origin; clerks and assistant clerks; historiography; sources; methodology.

P. 110. *Tarasenko Irina A.* Kharkiv Polytechnic Institute (Kharkiv, Ukraine). **KHARKOV CEMENT PLANT EFFICIENCY IN LATE 1950S IN THE CONTEXT OF USSR TRANSITION TO MASS CONSTRUCTION.** Cement is one of the substantial construction materials and is most frequently used as a bonding material. Despite a rather frequent continuous use of cement there are still a lot of discussions concerning its efficient production. Besides discussions of pure technological advantages and disadvantages of

dry and wet productions of cement, the economic efficiency of types and sizes of cement plants is still not so clear. The shrinkage of cement sales in the first years after the collapse of the USSR showed the weak point of large cement plants: the downfall in output below the calculative figures resulted in sharp growth of the production cost due to the expensive assets. Small cement plants / milling units found themselves in a better situation. Relatively cheap assets, simple technology and small product ranges at the existing sales level made it possible for them to stay positive. However, the sales crises no matter how long they are always come to an end. And when the active demand comes the efficiency of large cement plants becomes high and this has already been proved by the whole history of the cement industry in the USSR. So as of today the issue of economic efficiency of small cement plants / milling units under the conditions of active demand is still open. A detailed study of the USSR history of cement industry can help decide if the milling units are efficient under peak demand for cement. For example, in Kharkov during the start of mass construction using reinforced concrete in the end of the 1950s – the beginning of the 1960s there was a cement plant / milling unit with the capacity of 300 kt per annum. This plant used completely external raw materials. However, the analysis of its efficiency proves that it was no less than the average among the large cement plants in the USSR with the capacity of over 1 Mt and their own raw materials. This high efficiency was ensured by the production program calculated in details and strictly followed and based on: a) a continuous flow of the raw materials backed up by the sales in the region; b) the use of energy saving high output technologies; c) optimization of the equipment and production process automation in use. So the study of the work of Kharkov Cement Plant proves that although milling units cannot live without plants with their own raw materials they still can be efficient and necessary under the increased demand for cement.
Key word: cement; reconstruction; grinding mill; raw materials; production cost.

P. 114. *Tarasov Konstantin N.* Vyatka State University (Kirov, Russia). **PROBLEM OF INTERRELATION OF THE POWER AND THE SOCIETY THROUGH THE PROCESS OF POLITICAL ELITE FORMATION IN THE VIEWS OF MODERATE CONSERVATIVES (L.A. TIKHOMIROV, I.A. ILYIN, REPRESENTATIVES OF THE EURASIAN IDEOLOGY).** The article represents an analysis of the problem of the ideological and institutional identification of the state and the society through the mechanism of formation of political elite. The given thesis is proved by example of studying the views of the representatives of moderate Russian conservatism – L.A.Tikhomirov, I.A. Ilyin, and leaders of the Eurasian organization (N.S. Trubetsky, N.N. Alekseev, P.N. Savitsky). The analysis of the works of Russian conservatism ideologists presented in the given research has allowed the author to allocate the following principles of the formation of political elite they formulated: – the political elite represents a set of the best (moral, intellectual, professional) qualities of the representatives of the nation united in a uniform political organization; – members of the ruling class are united by the general outlook with its key line being the fidelity to the national idea and readiness to give one's life for the sake of its realization; – the political elite has an open character; its members are the best representatives of different strata of the society from all over Russia; and it has a multistage character; – representatives of the ruling class are selected by occupation and are defenders and representatives of interests of their social groups at the level of government; – representatives of the ruling class form state governing bodies at all levels; – division of the political elite into parties and groups resisting each other is inadmissible. Provided the given principles of the political elite formation, conservatives were convinced that the contradiction between the state and the society institutions will be solved. Thus, projects of the political elite formation presented in the works of the ideologists of Russian conservatism mentioned in the given research assume institutional unity of the state and the society through the mechanism of formation of the ruling class. As the society itself forms the ruling elite, the political management of all levels of the power vertical becomes a tool;it is the society in the practical sphere of government. Democracy realization gives the state structures a character of institutions of public self-management. On the other hand, the inevitably arising border between the ruling class and the population is compensated by the requirement of protection of national interests and the condition of fidelity to the national idea obligatory for the elite. Thus, "physically" (owing to constant replenishment by the chosen people) being a nation part, via the national idea the elite establishes an ideological connection with the society and is identified with it through the common outlook.
Key words: conservatism; political elite; Eurasian ideology; state; society.

P. 121. *Turusheva Natalya V.* Tomsk State University. **FEATURES OF FINANCING CHINA'S CONTEMPORARY CULTURAL SPHERE.** During the first stage of the cultural system reform Chinese investment in culture was based on the state funds. After the XVI Congress of the CPC (2002) private investment began to develop. Several documents were developed. In 2005 the State Council approved "Decisions on the Private Capital Investment into the Culture Sphere". The "Decision" stated that private cultural enterprises have the same facilities as the state-owned enterprises when issuing permits for projects. But the "Decision" prohibited entry of private capital in the media industry and agitation. In August 2005, the Ministry of Culture issued "Some Views on the Involvement of Foreign Capital in the Sphere of Culture". In November 2005, the Ministry of Culture, Ministry of Finance, Ministry of Personnel, and the State Administration of Taxation jointly issued the "Opinions on the Development of the Private Art Groups in Literature and Art". These documents defined the quality and level of foreign capital in the sphere of culture. In November 2007, the Ministry of Culture put forward "Opinions on the Promotion, Support and Management of Non-State Enterprises in the Development of the Cultural Industry". The document stated that it was necessary to allow private enterprises to participate in the cultural industries, and create a favourable policy and market environment for their participation in the development of cultural industries. At the same time, Chinese leadership retains the central position of the state cultural enterprises. The document "Some Views on the Involvement of Foreign Capital in the Sphere of Culture" says that if the Chinese side holds more than 51% of shares or Chinese representatives take leadership positions, it is allowed to establish a joint venture specialized in book printing or CD copy, or joint ventures in the field of theatre and film industry, etc. They can participate in privatizing state publishing houses. At present private Chinese enterprises become an important source of investment in many cultural spheres. According to statistics in 2003 there were 197 production companies, 60 of them were private partnerships. In the first half of 2004, more than 100 movies were produced, 80% were taken by private companies. Every year private companies invest more than 2 billion yuan to produce 10 thousand series of television serials. Large corporations or project of cross-border investment has not appeared yet because the development of the cultural industry in China has started relatively recently.
Key words: cultural enterprises; investment in cultural system; cultural market.

LAW

P. 124. *Alekseeva Tatiana A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **THE CRIMINALISTIC DESCRIPTION OF VOCALICITY AS A STRUCTURAL ELEMENT OF ORAL SPEECH.** The paper deals with the concept of oral speech, the description of its

structure and criminalistic significance of vocalicity as one of the elements of oral speech. Ability to speak is one of the unique properties of the human, and speech is the most important factor in the development of the human psyche. Speech has long interested the researchers in linguistics and psychology, it is also the object of study in criminalistic science. Recorded speech becomes the carrier of forensically relevant information needed to identify and solve crimes. Speech carries signs and individual characteristics of the person. Speech is the most common source of information, both in everyday life and in the work of the investigator. The interest in the criminalistic study of speech is not surprising, since the investigator has traditionally received most of the information about a crime in the production of communicative investigation. Currently, studies of speech are important when choosing interrogation tactics, assessing the validity of the words of the person giving testimony. Oral speech is expressed with sounds, it has a sound form and can be heard. The structure of oral speech can be distinguished by its division into three elements: vocalicity, tone, and content. Vocal features include voice volume and speech tempo. These features are individual due to the unique structure of the vocal apparatus of each person. Volume is the value of the subjective perception of the intensity of the signal that depends on the frequency of the basic tone. Tempo means the number (duration) of certain parts of speech in time and pauses between speech segments. The psychological state of the person, expressed in the vocal characteristics of voice, in situations of greatest tension (for example, interrogation) can be used to objectively assess and control their emotional condition. Studying the properties of the voice of a criminal can help solve the crime by analyzing the vocal voice features during communicative investigation. Such characteristics include, first of all, the tempo of speech, which reduces in the state of apathy and increases in anger and rage. Vocal characteristics of the person depend on their belonging to a psychological type, details of which will help the investigator not only to establish psychological contact, but also to apply the most effective tactics in the production of interrogation.
Key words: speech; vocalic; volume; rate of speech; personality; psychological type.

P. 126. *Zavarykin Ilia N.* Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russia). **THE HISTORY OF THE EVOLUTION OF RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAW ON THE RESPONSIBILITY FOR ABUSE AND ITS ROLE IN PROTECTING WOMEN'S RIGHTS TO SEXUAL IMMUNITY AND SEXUAL FREEDOM.** In the article the author analyses the history of the emergence and development of Russian and foreign criminal law on the criminal responsibility for sexual abuse. In his opinion, it was caused by the evolution of norms that recognise and protect women's rights to sexual immunity and sexual freedom. He concludes that since ancient times the conservative function of the criminal law was focused on protecting people against crimes and expressed in the criminal responsibility (including abuse). However, the penalty for abuse, as well as the social attitude to the victims of this kind of crimes, in different historical periods had some features. Bases on the research the author reveals them, and also defines the role of criminal law in the protection of women's rights to sexual immunity and sexual freedom in specific historical periods: 1) the period of ancient times and the Middle Ages was characterised by the fact that the norms of criminal responsibility for abuse considered the social situation and the proper behaviour of the victim in the process of qualification of the crime and did not consider sexual freedom as an object of criminal law protection; 2) the period of the end of the 17th century – beginning of the 20th century was marked by the appearance of norms in the Russian and foreign criminal law that recognized and protected women's rights to sexual freedom and sexual dignity, and considered the specific situation and the behaviour of the victims in the qualification of an act as a crime; 3) the period of modern times is characterized by the adoption by the United Nations of international norms and agreements that introduced the basic principles of responsibility for crimes against sexual immunity and sexual freedom, and protected women against criminal attacks of this kind fixed in the criminal laws of the members of this agreement. For a long time in the genesis of the criminal law the human society debated the question about the woman's abilities to resist abuse by the man (non-resistance could signify sexual approachability of the victim or something like that). After fixing the rules and norms, witch consolidated the position that the threats of abuse and using woman's feebleness became a crime, the issue had lost its relevance. The author also concludes that the Russian Federation, by ratifying international human rights agreements, is fully committed to the protection of women against violence or threats of violence, including sexual abuse.
Key words: history; criminal law; sexual abuse; women's rights; sexual immunity; sexual freedom.

ECONOMICS

P. 132. *Gainanov Damir A., Kirillova Svetlana A., Kantor Olga G.* Institute of Social and Economic Researches of Ufa Scientific Centre RAS (Ufa, Russia). **DIAGNOSTICS OF SOCIAL POTENTIAL REALISATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS FROM THE POSITIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT.** At the post-industrial stage of development of particular significance is the realization of social potential as part of the national (regional) wealth and human potential. At the same time the existing institutional structure (educational system, health authorities, social security, public services, etc.) determine not only the quality of the political system, but also the level of the society development, the life quality of the population as a whole. Given the fact that the main factor is the social potential of the population, as well as the institutions that create conditions for its implementation, the content of social potential is seen as a set of options available to the territorial entity of sustainable development in order to ensure a high quality of life. The unique geo-political and geo-economic potential of the Russian Arctic territory allows positioning it as an area of the social responsibility of the state. Due to the fact that the development of the Arctic regions, Russia as a whole, in the 21st century will be determined predominantly by the level of the social potential, specific tools are required to perform assessment of its size and dynamics. Their application will help to clarify the priorities of social policy, as well as the formation of the complex measures for their implementation, depending on the features of regional development. With the development of tools evaluating implementation of the elements of regional capacity, including social ones, the following provisions were adopted as fundamental: – consideration of a balanced development as one of the imperatives of sustainable development; – adoption of a balanced level of all the subsystems of the region, as a criterion and the magnitude of the regional capacity; – use as the characteristics of the social potential of performance indicators that reflect the impact on the regional development of the quality of education, health status, living standards, etc. This paper presents methodological tools for assessing the implementation of the elements of regional potential, based on the use of principal-factor method, which is part of an integrated multi-factor analysis of the variability of structures allowing to investigate the influence of the analyzed factors on the total variance. The authors propose an approach that, in contrast to the classical interpretation of the principal-factor method results, takes into account the impact on the development of a complex dynamic system, which is the region, in the first place, all the major components, and, second, each factor separately. The results of the approbation of these tools on information files of

the Russian Federation regions subjects for 2000–2010 in the section of the social potential testify to a lower, than the whole across Russia, level of its realization in the regions of the Russian Arctic.
Key words: social potential; Arctic regions; balanced development; principal-factor method.

P. 137. *Golovanov Anton I.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **FROM PRODUCTIVITY TO LABOUR EFFICIENCY.** The current realities of social development indicate the need for optimization of labour processes. Labour is a complex unity of the set of natural, social and economic processes. The knowledge of the forms of labour is a necessary condition for improving the rationality of its assessment. The complexity of understanding of the labour assessment theory consists in the need of system treatment of all categories of its performance. The article describes the evolution of the category of labour as a major category of its performance. However, the dynamics of the modern life poses new challenges of economic science, in particular the need to change the approach to labour assessment, to the study of its efficiency. The category of labour efficiency is identified with practically all known methods of its assessment. Their sequence is the basis of the concept of labour efficiency. Today qualifications and working conditions acquire a particular value in labour assessment, which are of paramount importance to determine the various levels of its performance and productivity. Labour assessment along with the economic content has to take into consideration the psycho-physiological and social indicators. The psycho-physiological aspect of labour efficiency is determined by the influence of the labour process on the human body, which requires a positive work environment. The social aspect assumes a possibility of self-improvement in the labour process, expansion of the production profile, as well as improvement of living. The labour, which provides sufficient pithiness of work, conditions of full development of abilities of the individual, could be considered as effective. Labour efficiency has to consider ecology requirements, the level of institutional development in the society, safety, and many other factors. Thus, from our point of view, labour efficiency could be understood as an integral dynamic indicator of the assessment of changes in the amount of labour performance, quality of work, quality of life for all the involved in the labour processes, and the parties using their results. The assessment of labour efficiency is an extremely complex challenge. The development of a technique of the system accounting for its various aspects is necessary. Any assessment is a subjective phenomenon, therefore, labour could be considered effective if the value of its performance meets expectations.
Key words: labour; labour assessment; factors of production; labour productivity; labour efficiency; quality of life; needs; expectations.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

P. 142. *Bykova Anna V.* Samara State Technical University (Samara, Russia). **ON THE NOTION OF THE SUBJECT AS AN AGENT OF CAUSALITY FOR PERSONAL DEVELOPMENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS.** The paper corroborates the idea that a subject realizes oneself in the world. The major direction of such self-actualization is to be an agent of free causality, which refers to the possibility and actual ability to spontaneously initiate new causal chains. Development situation is constituent for the subject self-actualization, thus underlying socio-psychological basis of this phenomenon. This means that the nature of free causality emerges in communication through new formations in the sphere of subjective relations. The analysis has been carried out to trace the evolution of education in two correlative ways. On the one hand, it appears as a mechanism inducing abilities to cognise social and cultural spirituality. On the other hand, it manifests itself as a means for spiritual transformation of an individual into a subject of their own activity. The notion of spiritual culture elucidated at least three extremely important ideas in the field of social psychology: cultural technologies constitute a consistent mechanism for the formation of a socio-psychological subject; coupled with another subsystem, i.e. material culture, the mentioned mechanism belongs to the global unity and integrity of nature and humankind, to spiritual culture and social relationships; the integration of spiritual and material cultural phenomena into a socio-cultural technology is determined not only by psychological laws but is also described by such socio-economical terms as "instrument", "material", "commodity", "exchange", "distribution", etc. Culture, thus, becomes a specific model of socio-psychological processes of objectivation-subjectivation. This means that objectivation-subjectivation is presented within the framework of social organization of education, based on division of labour and humankind-nature relationships. Communication plays a system-forming role for forming a new socio-cultural object in education. Similarly, a new subject is formed in the context of education, which is primarily a subject of communication, concerning cultural artifacts of the professional sphere. The latter is objectified in regard to the object. This innovative event is valid, provided there appears an individual who interprets culture in their own way in various situations. Viewed in terms of educational process, objectivation-subjectivation takes the form of a psycho- and socio-cultural communication cycle, consistent with replicating of an individual's subjective sphere. Consequently, the basic problem is to ensure replicating of that cycle, as it stipulates the functioning of both culture and society. A particular role here is suggested for the educational process, which provides the unity and integrity of culture and society.
Key words: subject; personality; consciousness; activity; source of activity; causal series; will; situation.

P. 149. *Kalachikova Olga N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **USING THE CONCEPT OF "MANAGEMENT SUPPORT" IN THE MANAGEMENT OF EDUCATION.** The current situation in education is characterized by increased conversion processes, the generation of new ideas about the objectives, outcomes and impact of education in the life of the individual and in the society. Education becomes a place of realization of the interests of various entities of public life through their interaction and communication. Such a situation demands a new definition of the objectives and content of education management. It also requires determination of their goals related to the organization of interaction and communication of different participants' influence. Our paper presents an empirical analysis of changing management through the study of the conception of "management support". This conception is currently an active part in the management education. It is used in the context of different definitions of the management tasks. The purpose of this paper is to order ideas about the opportunities of this concept in the practice of educational administration. Research material is based on the experience of Tomsk innovative schools, and also on theoretical works in pedagogy and educational sites. To conduct the study, the method of qualitative content analysis of texts – description of the experience of innovative schools – was used. The study revealed the nature of the scientific objectives of management, which could be related to "management support". Especially, the nature of management objectives that are related to the creation of conditions for cooperation and education of participants, generating initiatives for further development and implementation of educational projects to support the participants in their educational process of their own goals and ideas about the results of their education. A common feature of the goals of educational management can be considered that they all are showing weak differentiation of professional tasks such as arrangement of bringing children up and their education and

management tasks as motivation and involvement of staff, creation of the environment for professional development. It means that creation of conditions for educational interaction of teachers and children substantially increases opportunities of management. Herewith innovative schools due to apportionment of goals of organization of innovative activities reach synergy of educational and staff-managing results.
Key words: educational communication; initiative; management support; education management; content of education; subjects of educational interaction.

P. 153. *Lukyanov Oleg V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Shcheglova Eleonora A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Neyaskina Yulia Yu*. Vitus Bering Kamchatka State University (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia). **A MODERN PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A WORK ADDICT – A PERSON WITH PERVERTED IDEAS ABOUT THE ROLE AND THE PLACE OF WORK IN THEIR LIFE.** The article is based on the field research of work addiction, which was made in different regions of Russia in 2013. During the research personal ideas of adult Russians from different regions concerning their life were collected (methods of observation, interview and a number of tests were used). 323 persons (66 male and 257 female Russians) from 17 to 67 years old (M = 33; σ = 11.078) from different Russian cities (Tomsk, Seversk, Kargasok, Bakchar, Tyumen, Nizhniy Novgorod, Samara, Novokuibishevsk, Dzerzhinsk, Kemerovo, Leninsk-Kuznetsky, Novokuznetsk, Mezhdurechensk, Prokopyevsk, Tisul, Krasnoyarsk, Petropavlovsk-Kamchatsky, Elizovo, Yakutsk, Ridder, Rubtsovsk) took part in the field research in 2013. The aim of the research was to collect the data which would give the opportunity to improve the existing approach to the self-identity problem, thinking metamorphose, human potential loss (by example of work addiction). This approach is based on the methodology of thinking experience transtemporal interpretation and self-identity analysis as a condition of maintaining stability by a human being in social variation and social development. The article contains the interpretation of some materials describing general psychological structure of a Russian, who has a risk to become work addicted. The data we received give us the opportunity to suppose that work addiction risk in modern Russia is connected not only with the "retreat" into work, but also with perverted ideas about the role and the place of work in our life. The results allow us to improve the existing approach to work addiction risk studies and to elaborate practical measures to correct work addiction and human potential in whole. The general conclusion of the case analysis of the series of people with high index of work addiction is the following: the identity of a work addicted person is characterized with polarity of their psychological indexes and conditions. The ideas of a work addicted person about the place of work in their life are perverted. To them work is a mediator and a denominator to life, whereas non-addicts imagine that life is a mediator and a denominator to work. This conclusion is partly proved by the received data. But in this article only a small part of the analysis is presented, and the continuation of the research demands specification of our assumptions.
Key words: work addiction; ideas; human potential; work addiction risk.

P. 157. *Shanskov Mikhail A., Ponomarev Gennady N.* Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia). **TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SOCIAL BEHAVIOUR OF THE PHYSICAL EDUCATION FACULTY STUDENTS.** Social behaviour is activities carried out by the individual on the basis of legal and traditional norms obtained in the course of education. They exist outside the individual, and provide the ability to counteract individual behavioural abnormalities. One of the major problems of any typology is the choice of adequate criteria for the allocation of distinct types for subsequent analysis. Training of a modern specialist in physical education requires creation of scientific and educational environment, which has distinctive features. They are connected with the specific subject matter of the student, and with the cultural function of their future careers, as well as the specifics of the interaction with different categories of students, which largely determines the effectiveness of the implementation of that cultural function. We found the major typological features of social behaviour of students of the Faculty of Physical Education. According to the cluster analysis we identified three types of social behaviour of students. The first type was 30.3%, the second type – 27.3%, and the third type – 42.4% of the total. Students of the first type of social behaviour demonstrated marked ability to form judgments, knowledge of the language. It should be noted that they have the highest rates of IQ (108.0 ± 3.38). They are interested in sports. On the other hand, they have high levels of anxiety, lack of harmony, aloofness in interpersonal relationships and a marked degree of physical aggression. It is obvious that the students that make up this type of social behaviour need psychological correction of behavioural responses. The dominant parameters determining the social behaviour of the second type are psychoticism and extraversion, expressed parental claims. IQ of the representatives of this type is lower than that of the first type (103.44 ± 3.71). The main trend of the social behaviour of students of the third type is a high level of overall aggression in combination with a high value of group conformity, which indicates good social adjustment of the individual. IQ of the representatives of this type is the lowest of all groups and is 98.36 ± 1.99. Obviously, the existence of different types of social behaviour of students requires consideration of psychological characteristics in the process of elective training in physical education, and in the subsequent career in educational institutions, secondary schools, youth sports schools, pre-school recreational facilities, schools of the Olympic reserve.
Key words: typological characteristics; social behaviour; students of the Faculty of Physical Education.

P. 162. *Shulgina Yelena M., Obdalova Olga A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ORGANISATION OF STUDENTS' OPERATED INDEPENDENT ACTIVITY BY MEANS OF WEBQUEST TECHNOLOGY AS A SUCCESSFUL CONDITION OF THE FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION.** The article is devoted to consideration of the problem of foreign language education effectiveness improvement at a higher vocational institution and substantiation of the necessity of such methodological condition as controlled independent activity in the educational process. It elucidates the description of new educational technology for realization of valuable guidelines of the contemporary society. According to the educational programs of the new generation the main objective of the foreign language training at a higher professional school is aimed at training of a specialist who possesses such a level of foreign language communicative competence, which allows him/her to solve effectively professional problems in the corresponding sphere of activity. In the current article we undertake an attempt to reveal and prove one of the important conditions of successful educational activity to gain foreign language communicative competence by the students, that is the controlled independent educational activity, and the technique of its organization on the basis of webquest technology application. Having analyzed the specificity of the webquest technology (its structure, the components functions), we have revealed and described its didactic potential as a new means of IT usage in the educational process with the goal to create conditions for stimulating students' activity, their independence, critical thinking, their involvement in the authentic context of the professional work. This technology uses a number of pedagogical innovations which are based on the methodology of problem- and student-focused approaches. The students'

active searching independent activity is organized on the basis of webquest by attracting the Internet resources and is provided at all levels of problem solving, from comprehensive studying the problem to finding out solutions and obtaining the final result. Another advantage of the technology is that the webquest allows achieving both the accent on students' independent activity and strict supervision of this activity due to the technology format. Working on the webquest, it is necessary to elaborate the plan and correctly specify the student's independent activity performance results, as well as the ways of management of this activity attracting authentic foreign language information. To solve the methodological task of webquest technology integration into the educational process we have elaborated an algorithm, which includes not only the standard stages and sequence of steps to provide students' maximum activity and develop their foreign language communicative competence, but also an important preparatory stage aimed at the teacher, guiding his/her activity to take into consideration the peculiarities of students' independent work with authentic Internet resources. The analysis results and our personal teaching experience of using webquest technology show that it is important to build the strategy of work with the webquest technology on the basis of methodological theory. It should be relevant to the educational objectives aimed at enhancing the students' successful independent activity and developing their self-control abilities in the cognitive process. Webquest is nowadays one of the most effective pedagogical means for development of the foreign language communicative competence of students. Its efficiency in the educational process is conditioned by the organizational and pedagogical support directed to the maximum realization of challenges, addressed by the teacher to the students on each stage of webquest.
Key words: foreign language communicative competence formation; webquest technology; independent activity; metacognition experience.

SCIENCES ABOUT EARTH

P. 168. *Annikova Irina Yu.* V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS (Novosibirsk, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Vladimirov Aleksandr G.* V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS (Novosibirsk, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Smirnov Sergey Z.* V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS (Novosibirsk, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Uvarov Aleksandr N.* Zapsibgeo (Novokuznetsk, Russia); *Gertner Igor F.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). *Gavryushkina Olga A.* V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS (Novosibirsk, Russia). **GEOLOGY AND MINERALOGY OF SPODUMENE PEGMATITES FROM MOUNTAIN SHORIA.** Rare-metal spodumene pegmatites with Li and Ta-Nb mineralization are a part of the Tashelginsk-Mayzas iron-ore field (Mountain Shoria). The Tashelginsk pegmatite field is represented by oligoclase-microcline pegmatites with biotite, microcline-albite pegmatites with muscovite, and microcline-albite pegmatites with spodumene. Spodumene-bearing pegmatites are related to the marbles of the Tashelginsk metamorphic complex. In the outcrop, five pegmatite veins were revealed; they have average parameters: the length is up to 200 m, the thickness is 0.8-1.2 m, which is significant for exploration. The age of spodumene pegmatites is 407 ± 13 Ma (U-Pb, SHRIMP II method by zircons), whereas the age of overlapped dynamic metamorphic processes is 310 ± 2,6 Ma (Ar-Ar method by muscovites). Despite the wide range of numbers obtained by U-Pb and Ar-Ar methods, pegmatites were formed at least 100 Ma before the formation of the granites in this region. The pegmatites can be referred to the objects, which are not genetically connected with granitoid magmatism. The mineral-concentrates of lithium in spodumene pegmatites of the Tashelginsk ore field are spodumene – 6.24 ± 0.46 wt% Li_2O, muscovite – 0.25 ± 0.04 wt% Li_2O, and potassium feldspar – 0.003 ± 0.001 wt% Li_2O. The fabric characteristics of pegmatites can be obviously seen in the Yurievskaya vein, which is the most revealed vein within the pegmatite field. These characteristics include deformations of spodumene crystals (even S-type crystals can be seen), feldspar and muscovite grains; streamline shape of fine-grained quartz aggregate over the spodumene and feldspars grains indicates the influence of the dynamic metamorphic processes during formation of a pegmatite vein, and sinkinematic nature of pegmatites. Interaction with host marbles occurred at the last stage of pegmatite forming, which was reflected in appearance of zones of high-calcium garnet, and replacement of Ta, Nb, and Ti oxides by calcium-bearing minerals like Ca-rich microlite and titanite. The similarity between accessory mineralization of spodumene and non-spodumene pegmatites indicates their genetic relationship. Minor development of the hydrolysis products of pegmatite primary minerals shows how insignificant the role of hydrothermal fluids is during pegmatite formations. The macro- and micro-mineral composition of spodumene pegmatites from the Tashelginsk ore field lets us consider them as prospective source of lithium ores in case cement is made out of quartz-feldspar waste of the ore-mining processes. The calculation of cost efficiency of processing the lithium ores from the Tashelginsk deposit showed that complex processing of initial ore is only effective. The complex processing includes (besides obtaining lithium products) obtaining the sludge for producing cement clinker, which is used for producing cement.
Key words: spodumene pegmatites; pegmatite veins; micro-mineral inclusions; accessory paragenesis; isotope dating; ore-mining processes.

P. 175. *Zhuravlev Georgy G., Zadde Gennady O.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ASSESSMENT OF WIND POWER CAPACITY OF KEMEROVO REGION.** Wind is one of the most important elements of the climate. It influences many branches of national economy. It is one of perspective energy sources. For the decision of problems on estimation the wind power potential and its possible contribution in resource-saving and region ecology it is necessary to know about the wind characteristics distribution features in time and in a territory. The material for the research was the data of meteorological monthly journals (release 20, a part 2) at 21 stations of Kemerovo Region during 1966–2011. The analysis of the basic characteristics of the wind for the considered period has shown that at meteorological stations a reduction of mid-annual speed of the wind is observed. To reveal the tendencies of wind speed change the initial period was divided into two parts: 1) 1966–1990, 2) 1991–2011. For each part the average wind speed was calculated. Practically at all stations the average speed in the first period was greater than in the second. The change was from 1.1 times (Kuzedeevo) to 1.7 (Yurga). The exception was two stations: Ust-Kabyrza, the speed in the two periods is equal, and Kondoma where the wind is 1.1 times faster in the second period. Such a decrease in the speed of the wind has led to appreciable reduction of wind power resources. The calculation of the specific capacity of the wind stream was made by the cube of wind speed for the whole considered period (1966–2011), and for the last decade (2000–2011). The calculation was made by the cube of speed and by the formula considering the repeatability of wind speed gradation. The results of the calculations of the data from meteorological stations have shown that the size of specific capacity changes considerably. In Kemerovo Region the minimum average value of specific capacity was observed at Ust-Kabyrza – 1.0 watt/m^2 × sec, maxima of mid-annual specific capacity were fixed at Yurga – 76.0 watt/m^2 × sec, at Novokuznetsk – 67.7 watt/m^2 × sec, Tisul – 61.1 watt/m^2 × sec. Values of specific capacity observed in separate months reached the values of 687.5 watt/m^2 ×

sec at Novokuznetsk, 737.0 watt/m^2 × sec at Mariinsk, 616.0 watt/m^2 ×sec at Tisul, and 963.5 watt/m^2 × sec at Yaya. The comparison of calculations by the cube of speed and by repeatability of speed gradation shows that the size of specific capacity calculated by repeatability of gradation at all stations exceeds the values received by calculating the cube of speed. The difference of values for Kemerovo Region can reach 83%. Thus, having considered the basic characteristics of the wind at the height of 10 – 14m at meteorological stations of Kemerovo Region, it is possible to draw the following conclusions: the estimation of wind power resources by the data from meteorological stations shows that the use of wind-mills of low power is possible only in transition periods – April, May, October, November; the use of wind-mills of average and big capacity is unpromising; considering the instability (daily, seasonal, weather) of wind energy supply, it is possible to use it only as an additional source of electrical supply.
Key words: wind mode; wind power potential; seasonal variation.

P. 182. *Kurina Irina V.* Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems, SB RAS (Tomsk, Russia); *Filandysheva Larisa B.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Bokova (Bulatova) Ustinia A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Sapyan Yekaterina S.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Klimova Nina I.* Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems, SB RAS (Tomsk, Russia). **RESEARCH OF THE CLIMATIC SEASONS OF THE ANNUAL CYCLE AND ITS INFLUENCE ON THE LIVING COMPONENTS OF PEATLAND BIOGEOCOENOSIS (BY EXAMPLE OF OLIGOTROPHIC PEATLAND IN SUBTAIGA OF WESTERN SIBERIA).** This work is devoted to the multipurpose study of features of the structure of natural climatic seasons and their influence on the seasonal development of higher vascular plants and testate amoebae communities in the bog microlandscape. The object of research is the oligotrophic afforestation peatland in the subtaiga subzone at the West Siberian Plain. The observations were carried out during two years: 2011 and 2012. Both of the years are different by climatic structure from the average long-term data, and from each other. If compared with the long-term average data of 1967–1997 the investigated years are characterized by a shorter cold and snowy part and a longer vegetation part in the structure of the annual cycle. The vegetation part of the annual cycle in 2011 was wet and normal by the temperature regime, and in 2012 it was very dry and very warm. Although the air temperature at the peatland is lower than at the nearest weather station the data revealed a high correlation of air temperature fluctuations. On this basis, it is concluded that in the bog microlandscape there are similar seasonal variations in climatic rhythms; and their time can be determined by the data of Tomsk weather station. Phenological changes of five species of shrubs and a species of herbaceous plants are studied in the peatland. It is shown that their seasonal development begins at the end of the spring season (florification and gemmation) and ends at the beginning of autumn (preparation for winter rest). The main phenological changes occur in the central phase of the summer season (moderately-warm summer phase): the growth of new shoots, fruit ripening. Differences in the climatic structure between the two investigated years appeared in the shift of the time of certain phenological stages of peatland shrubs. Testate amoebae communities were studied in the typical microsites of the peatland microrelief, in depressions between tussocks with sphagnum moss, one in 2011 and another – in 2012. Only the living cells of testate amoebae were taken into account: separate active and encysted. The number of live active cells of testate amoebae per 1g of absolutely dry matter of the substrate varies considerably during the vegetation part of the annual cycle, the number of peaks were observed in May, June and August. The values of the Shannon Index and evenness increased by the end of the vegetation part of the annual cycle. Species diversity varied slightly. The number of cysts increased a little in the spring season and increased sharply in the autumn months (September, October). Overall, the combination of high numbers of live active cells of testate amoebae and the high value of the index of species diversity in their community were observed at the end of the central phase of the summer season in the period of maximum heating of the peatland soil.
Key words: climatic seasons of annual cycle; phenology of bog vascular plants; testate amoebae; seasonal dynamics; peatland biogeocoenosis.

CHEMISTRY

P. 192. *Alekseenko Kira V., Batalova Valentina N., Mokrousov Gennady M., Martynova Daria N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **VOLTAMMETRIC DETERMINATION OF HYDRAZINE ON GLASSY CARBON ELECTRODE IN AQUEOUS SOLUTIONS.** Hydrazine is widely used as a fuel in rocket engines. It is also used as an intermediate in the production of medicines and agricultural chemicals, fibers, and antioxidants; to remove oxygen from the heating system; as polymerization catalyst; a means for purging process units; for application of metal coatings on glass and plastic, in photography and gas purification. Preventing the emission of hydrazine to the environment, mainly with wastewater, is an important problem. Maximum allowable concentration of hydrazine in water reservoirs of sanitary-domestic use is 0.01 dm^3. Methods for purification of wastewater from hydrazine may be based on its ability to decomposition and electrooxidation. Methods of electrochemistry are considered effective for the direct determination of hydrazine. Methods are known of voltammetry determination of hydrazine on glassy carbon electrodes or carbon paste electrodes, modified metals (gold, platinum, palladium, copper, iron, etc.). They are based on electrocatalytic oxidation of hydrazine in the presence of catalysts that are embedded into the electrode. Graphite nanotubes and various organic compounds are also used as modifiers. Existing voltammetric methods for determining hydrazine are complicated by the procedures of preparation (modification) of working electrode and addition of organic reagents to the background solution. Therefore, it was necessary to develop a technique of voltammetric determination using common electrodes requiring no additional and long preparation before the analysis (glassy carbon electrode, Au-graphite electrode) and maintaining the sensitivity and selectivity of the assay. The present work describes the choice of conditions for direct voltammetric determination of hydrazine in aqueous solutions and the development of a simple, sensitive, inexpensive and express method. We received an analytical signal of hydrazine on glassy carbon electrode in 0.1M KCl and 0.002 M NaOH at the potential of +0.4V in relation to an Ag/AgCl (KClsat) electrode as a reference electrode. The optimum conditions are: the accumulation potential –0.2V, the scan rate 50 mV/s, the differential mode. The range of detectable concentrations of hydrazine in aqueous solutions is 0.04–1.00 dm^3. The cyclic voltammetry technique helped to set the irreversible process of hydrazine oxidation on the electrode. The correctness of the developed technique was tested by the analysis of spiked samples. The technique is suitable to monitor the content of hydrazine in catalytic processes of wastewater.
Key words: voltammetry; hydrazine; glassy carbon electrode; wastewater.

P. 195. *Babkina Olga V., Sarycheva Galima A., Vaytulevich Yelena A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **SYNTHESIS AND ANALYSIS OF GLYCOLIDE, DL-LACTIDE COPOLYMERS, PROPYLENE CARBONATE AND Ɛ-CAPROLACTONE**

COPOLYMERS. Glycolic acid biopolymers with addition of plasticisers are used to obtain flexible, durable, bio-degradable stitch materials, microcirculatory vessels, implants, etc. Trimethylene carbonate and ε-caprolactone are the most spread plasticizing agents regularly used for glycolic acid copolymers obtaining. It is suggested to investigate the possibility of propylene carbonate synthesis instead of trimethylene carbonate one. Ɛ-caprolactone is used as a plasticizing agent. Synthesis of glycolide, dl-lactidecopolymers, propylene carbonate copolymers was carried out at the permanent supplying of nitrogen in a two-neck flask (50 ml) equipped with a thermometer, a back flow condenser, and a mixing machine. The amount of the added propylene carbonate and ε-caprolactone in the mixture, the time of adding propylene carbonate to the polymerizing mixture, and polymerizing temperatures were diversified. The amount of stannous octoate (II) catalyst was 0.05 wt%. A molecular weight regulator – lauryl alcohol – was added to the polymerizing mixture in a number of samples. We used two types of mixtures: 1) glycolide, dl-lactide, propylene carbonate; and 2) glycolide, dl-lactide, ε-caprolactone, propylene carbonate. The temperature was selected upon the results of differential scanning calorimetry. The DSC graphs show that mixture 1 melts at temperatures of 40–91°C. During polymerization the maximal exo-effect is reached at 186.4 °C. But if ε-caprolactone is added the maximal exo-effect is registered at 188.5°C. For further researches polymerization temperature is chosen to be 170–175°C. Polymers of type 1 and 2 were produced in the result of varied introduction of propylene-carbonate (in the beginning of synthesis or after the mixture of monomers melts), with the presence of lauryl alcohol as the initiating catalyst. The effect of lauryl alcohol was not found. It was proved that to produce a homogeneous polymer propylene carbonate has to be introduced in the beginning of the synthesis. The fiber-forming properties originate only if propylene-carbonate is introduced together with ε-caprolactone. There were produced different samples of copolymers. One sample with glycolide 65.8 wt%, dl-lactide 3.3 wt%, ε-caprolactone 14.2 wt%, propylene carbonate 16.7 wt% can be used for production of polymer fiber. The polymer was used to produce a string that was dimensionally stretched till further production of mono-filamentous fiber.
Key words: glycolid; dl-lactide; propylene carbonate; biopolymers.

P. 198. *Churkin Ruslan A.* Siberian Physical Technical Institute of TSU (Tomsk, Russia); *Zhuk Vladislav V.* Siberian Physical Technical Institute of TSU (Tomsk, Russia); *Yanovskiy Vyacheslav A.* ISiberian Physical Technical Institute of TSU (Tomsk, Russia); *Tretyakov Aleksey N.* Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia), Siberian Physical Technical Institute of TSU (Tomsk, Russia). **THE STUDY OF THERMODESTRUCTIVE PROCESSING OF STYRENE PRODUCTION WASTES**. In the Russian Federation with the current production of styrene, there is a substantial amount of distillation residue of ethylbenzene and styrene (KORE, KORS) – a mixture of organic substances with the styrene content of 10–50%, the oligostyrene content of 5–30%. These wastes are used as a raw material in the production of antioxidant "Dilant"; they are mainly used as a component of boiler fuel. The further forecast growth of styrene production volumes in Russia will only exacerbate the problem of utilization of these wastes. Due to the high content of heavy unsaturated and aromatic compounds in the KORE / KORS, in our opinion, one of the most promising methods for the processing of this waste may be preparation of sintering aids (pitches) by means of their thermopolycondensation. The aim is to assess the possibility of preparation of pitches from styrene waste products of. In this paper we consider the process of a long liquid-phase thermolysis of KORE to distillate products and high-carbon residue (pitches). For the initial KORE the fractional composition and component composition were determined by chromatography-mass spectrometry. The process of liquid phase thermolysis was carried out at the temperature of 320–350°C and pressure exc. 0.01–0.02 MPa. For these conditions the averaged material of the balance and the samples of pitches and distillate products were obtained. There is a strict dependence of reduction of the average molecular weight of distillate products on the increase in pressure or temperature. The resulting pitches differ significantly by properties from oil and coal ones. They have a significantly higher softening point, which is an advantage, and a lower coking, which is a serious drawback for pitches used in the production of electrodes. Distillate products were investigated by gas chromatography-mass spectrometry. The analysis of compositions of raw material and liquid products showed that: 1) Low-boiling components, which probably do not enter chemical transformation, are removed in the distillate. 2) High-boiling compounds containing two benzene rings undergo deconstruction or condensation, so they are practically absent in distillate fractions. 3) Styrene, which was absent in the raw material, was detected in reaction products. The formation of styrene can be explained by dehydration of phenylethanols; deconstruction of 1-(1-phenylethyl)-hydroxy-1-phenylethane; the formation of styrene can occur at the depolymerisation of oligomers contained in the raw material. 4) The relative content of ethylbenzene in the thermolysis products increased twice, which can be explained by the low reactivity of the compound contributing to its accumulation, and by the destruction of 1-(1-phenylethyl)-hydroxy-1-phenylethane. 5) In addition to the initial components products of thermolysis have new oxygenated compounds probably formed as a result of dealkylation of heavy polycondensed compounds. Conclusions. KORE was determined, the liquid phase thermolysis was studied at temperature of 320–350ºC and pressure of 0.01–0.2 MPa. The averaged material balance of thermolysis of KORE was obtained under various conditions. The possibility of preparation of high-boiling pitches from this raw material was demonstrated. The main characteristics of the produced pitches were identified: the softening temperature of 98–128ºC, the coking ability of 23–37%.
Key words: styrene; KORE; thermolysis; petroleum pitch.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

№ 376 Ноябрь 2013

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Г.В. Майер
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. ХИМИЯ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
htpp://www.tsu.ru/ru/vestnic

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 03 октября 2013 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 250 экз. Заказ № 67

Редакторы: К.Г. Шилько, Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет К.В. Полькиной
Дизайнер – А.В. Бабенко
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2013 г. было выпущено 365 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.vestnik.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.vestnik.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ГОУ ВПО «Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru